Аромат лимонной мяты

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Защиты от Авады не существует. От нее можно уклониться или заслониться чем-нибудь. Или кем-нибудь. Как удачно, что Лили Поттер, в девичестве Эванс, задолго до брака родила никому не нужную девочку. "Ты же хочешь, чтобы с братиком все было хорошо? Капни крови сюда ... Умница!" Кровная защита спасла героя Британии, да здравствует сила любви! Девочка выжила? Неожиданно... Но, возможно, герою еще не раз потребуется защита?

•

= = = = = = = = = = ПРОЛОГ = = = = = = = = = =

– Итак, могу я вам чем-нибудь помочь? — директриса Коллегиальной школы для девочек Северного Лондона с любопытством смотрела на посетителя.

Высокий молодой мужчина, сидящий в кресле напротив, совершенно не гармонировал с ее кабинетом. Была абсолютно не ясна цель его визита: он был странно одет для соискателя места учителя и чересчур молод, чтобы иметь дочь школьного возраста.

Посетитель молча протянул ей папку. Заинтригованная она открыла ее.

«Хм. Девочка. Четыре с половиной. Значит, все-таки родитель. Да, ранний старт, если не фальстарт. Итак, результаты психологического тестирования. Неплохо. Тестирование IQ. Ого! Развита не по годам. Что? Воспитанница приюта? Благотворитель?»

– Ну, что же. Это все чрезвычайно познавательно. Девочка способная. Возраст подходящий, чтобы начать обучение в нашей школе. Из какой вы благотворительной организации, мистер…? — миссис Макнабб посмотрела в глаза посетителю.

Они были черные, как два бездонных колодца. Через секунду ей показалось, что она летит в пропасть. В голове зашумело.

– Мое имя не имеет значения, — раздался глубокий вкрадчивый голос. — Согласно информации департамента образования в Вашей школе существует возможность принять одного ребенка на условиях полной стипендии.

– Да, — механически ответила хозяйка кабинета.

– Это место сейчас вакантно?

– Да.

– Вы запомнили имя девочки и адрес приюта?

– Да.

– Ваша школа предоставит этой девочке полную стипендию. Вы возьмете ее под личный контроль и будете следить за ее образованием. По возможности составите индивидуальный план, если способности девочки позволят. Все обязательные предметы, плюс усиленное изучение классических языков: латыни и греческого. Особенно латыни. Также музыка и спорт, желательно гимнастика. Она будет учиться здесь до одиннадцати лет. Затем вы поможете ей с переводом на экстернат и сдачей всех экзаменов в департаменте образования. Вы все запомнили?

– Да, — также односложно повторила Макнабб.

- Мне нужен список попечительского совета с именами, фамилиями и домашними адресами. Могут ли возникнуть вопросы у преподавательского состава? В каких случаях?

– Совет попечителей может предоставить полную стипендию способному ребенку. Такая практика есть. Вопросы у педагогов могут появиться, если академическая успеваемость будет низкой.

Мужчина удовлетворенно кивнул и протянул женщине кольцо.

– Наденьте. Если во время ее обучения в школе возникнут какие-либо проблемы академического или бюрократического характера, которые могут помешать ей продолжить обучение, просто снимите.

Она выполнила его указание. Едва коснувшись пальца, кольцо сжалось по размеру, стало невидимым и практически неосязаемым.

– Итак, завтра же вы отправляетесь в этот приют и начинаете действовать по плану.

Посетитель поднялся и, не прощаясь, вышел из кабинета.

Какое-то время миссис Макнабб сидела, уставившись в одну точку, затем тряхнула головой, сбрасывая оцепенение, и вернулась к текущим делам.

Мужчина же, покинув школу, прошел вниз по улице, завернул в ближайший проулок и с тихим хлопком исчез.

= = = = = = = = = = = ГЛАВА 1. Тот самый Хеллоуин = = = = = = = = = = =

С самого утра у Северуса Снейпа появилось стойкое ощущение, что сегодня что-то произойдет. Это царапающее чувство зародилось где-то в районе солнечного сплетения, где стала скручиваться пружина тревоги и волнения. К середине дня эта пружина разрослась и начала сжиматься сильнее и сильнее.

К мерзкому чувству ожидания добавилось жжение метки. Жгучее и почти нестерпимое. Пришла абсолютная уверенность, что наступает конец света местного масштаба. Темный Лорд был явно не в духе, что-то планировал (возможно, ритуал, Самайн все-

таки, а традиции Лорд соблюдал) и промедление сегодня вряд ли оценит, несмотря на то, что антиаппарационные щиты Хогвартса не способствуют быстроте передвижения.

За завтраком в Большом зале Северус прилагал массу усилий, чтобы «сохранить лицо», стараясь не сорваться и не проклясть кого-нибудь из «дорогих» коллег или студентов, которые позволят себе хоть как-то обратиться к профессору зельеварения. Даже просто выдохнут в его сторону.

За два месяца его работы в Хогвартсе и так «надышали» достаточно: слишком молод, слишком мрачен, слишком одиночка. Все слишком. И вообще: «Коллеги! У него же метка! Альбус, как вы можете ему верить?»

На обед он уже не пошел. Собрав всю невозмутимость, отпущенную ему Мерлином и спрятавшись за окклюменционными щитами, Снейп отправился к Дамблдору. Отпрашиваться. Аргументация была далеко не абсолютной. Вот вызов — это да. Это аргумент. А «чувствую» — это отговорка в пользу бедных.

Тем не менее, выдержав паузу, достойную Ройал-Корта(1), директор толкнул ритуальную речь о добре и зле, об общем благе и доверии и отпустил Северуса, в конце напомнив о его клятве.

И вот уже четвертый час он под дезиллюминационными чарами и звуконепроницаемым пологом бесцельно бродил по улочкам на окраине Лондона, глядя по сторонам и ожидая этот Мордредов вызов.

Свернув за угол, он увидел старенький школьный автобус, из которого пожилая полная дама выгружала стайку галдящих и визжащих разновозрастных девчонок в подержанных карнавальных костюмах. От нечего делать, он остановился, прислонившись к стене дома, и стал наблюдать.

Окрики дамы, пытающейся разбить девчонок на пары, на них не действовали. Если бы это были ученицы Снейпа, он успокоил бы их одним только взглядом. Они бы у него и пикнуть не посмели, но магла явно не справлялась. Последней из автобуса спрыгнула маленькая девочка, наряженная, ну, наверно, пчелой - а что еще могло означать платье в черно-желтую горизонтальную полоску и куцые крылья за спиной? Она посмотрела на беснующихся товарок и мечущуюся между ними воспитательницу и тихо встала чуть в стороне, недалеко от профессора.

Это была девочка лет четырех-пяти, черноволосая и черноглазая. Пожалуй, хорошенькая. Да нет, просто красотка. Она почему-то постоянно посматривала в его сторону и странно щурилась, как будто видела или слышала что-то. Приглядевшись, Северус понял, что девочка четко отследила границу его чар.

Решив проверить свое предположение, он посмотрел малышке прямо в глаза и вопросительно приподнял подбородок: что, мол? Девочка чуть улыбнулась, пожала плечами, как бы отвечая: да ничего.

«Надо же, волшебница. И, похоже, с неплохим потенциалом, — подумал Снейп. — Заметить человека под несколькими пологами. Внушает. Боюсь только, что к Хогвартсу мало что останется. Каждый талант надо развивать, а она среди маглов. Все растеряет!»

Разглядывая возможную будущую студентку Хогвартса, профессор вдруг услышал громкий шепот.

– Глянь, эта чокнутая опять на что-то пялится.

– Что на этот раз, Мелисса? Привидение? Полтергейст? Говорящие деревья? Или животные?

Малышка, слегка дернувшись, повернулась к двум своим сверстницам и ответила:

– Вампир. Бледный. В черном плаще. Пришел по вашу душу.

Фыркнув, девчонки заорали:

– Мисс Джонс, а ненормальная Эванс нас опять пугает!

«Эванс?!» — вздрогнул пораженный Снейп.

Подбежала рассерженная воспитательница. Девочка поморщилась, закусила губу и явно приготовилась к выволочке. Снейп не дал упомянутой мисс Джонс и рта раскрыть. Один невербальный Конфундус, и учительница замерла, сбившись с мысли и уставившись в одну точку, а потом, крикнув «Все за мной!», двинулась вдоль по улице.

– Спасибо, — прошептала девочка, посмотрев ему в глаза, и побежала вслед за остальными.

***

Стрелки часов уже приближались к восьми вечера, а Снейп все также продолжал мерить ногами магловские кварталы. Метка горела, вызова до сих пор не поступало, а ощущение надвигающейся катастрофы стало всеобъемлющим.

Глубоко вздохнув, он остановился, прислонясь к ограде какого-то здания, и стал размышлять, какого Мордреда вообще происходит. Ведь положа руку на сердце, у него нет фактов и объективных причин для такой позорной паники.

Да, судя по состоянию метки, Лорд сегодня, мягко говоря, зол. Серьезно? Да, он весь последний год тихо, а иногда и весьма громко, сходит с ума. От сильного, умного и харизматичного лидера осталась лишь уродливая тень. Что было тому виной, Снейп не мог судить — не хватало информации. Ему слабо верилось, что дело было лишь в пророчестве. Оно могло послужить катализатором, но не причиной, а вот если…

– Лови ее! Держи ее! — раздались громкие вопли.

Повернувшись на звук. Снейп увидел, как через решетку ворот протискивается знакомая маленькая фигурка в полосатом платье с крыльями за спиной и бросается через дорогу в переулок. Он буквально кожей почувствовал, что ребенок из последних сил сдерживает сильнейший магический всплеск.

– И не возвращайся! — летело ей вслед.

Северус быстро двинулся за убежавшей девочкой, мазнув взглядом по табличке на воротах. «Приют св.Анны».

Зайдя в подворотню, он увидел, что малышка лихорадочно оглядывается, словно пытаясь найти предмет, на который можно направить свою силу.

Наложив на себя Протего Тоталум и укрепив его по максимуму, Снейп резко скомандовал:

– Выпускай!

Вздрогнув, девочка обернулась и от неожиданности высвободила накопленную энергию. На профессора зельеварения двинулась мощная стена огня. Не ожидавшему подобного Снейпу пришлось ставить массивный ледяной щит. Под напором пламени лед обрушился водным потоком, который рекой схлынул из подворотни на проезжую часть.

Отряхнувшись, Северус посмотрел на замершую девочку. Она стояла, глядя на него огромными глазами, полными слез.

– Я не хотела навредить, — прошептала она.

В этот момент руку Снейпа как будто обожгло адским огнем — черная метка запылала так, что все сегодняшние мучения показались раем, — а стоящая перед ним девочка вдруг упала на тротуар и выгнулась в судорогах.

Какого хрена?

Отринув собственную боль, одним мощным ментальным ударом забивая ее в дальний угол своего разума, Снейп бросился к бьющемуся в конвульсиях ребенку. Склонившись над малышкой, Северус почувствовал мощный направленный поток энергии. Из ребенка явно выкачивали магию и жизнь. Не задумываясь ни на секунду, он упал на колени рядом с ней, взял ее за руки, закрыл глаза и начал монотонно нараспев читать древнее кельтское заклинание, перехватывая контроль над магическим потоком, заставляя его идти из тела девочки в свое и возвращая его обратно. Только колоссальный контроль позволял ему бороться с неизвестным и при этом не забрать у ребенка лишнего и не отдать ему большего, распутывая сливающиеся в один магические потоки.

Напор извне слегка ослаб, Снейп чувствовал безумное напряжение, будто перетягивал канат, сражаясь с невидимым

силачом. Он слабел с каждой секундой, но не прекращал свой речитатив ни на мгновение. Со лба градом катился пот. Казалось, еще немного и девочка умрет, да и он вместе с ней. В этот момент словно лопнула натянутая струна, и атака прекратилась.

Все это противостояние длилось не больше минуты, но профессор зельеварения чувствовал себя так, будто по нему стадо взрывопотамов пронеслось. Выдохнув, Снейп вытащил из карманов несколько флаконов с восстанавливающими зельями и влил в себя, а затем в рот девочки. Она была без сознания, но дышала ровно. Подхватив малышку на руки, он с трудом поднялся и, поняв, что аппарировать без последствий сейчас не сможет, порталом перенесся в Тупик прядильщиков.

За всем этим он даже не осознал, что все его сегодняшнее волнение и паника ушли, а метка прекратила пылать в тот самый момент, когда он отбил атаку неизвестного.

***

Мелисса очнулась с ощущением полнейшего покоя. Открыв глаза и оглядевшись, она поняла, что место ей незнакомо.

Это была маленькая пыльная гостиная, с небольшим камином, обшарпанным бюро, стареньким кофейным столиком и парой разномастных кресел. На столике стояла вазочка с печеньем, чайник и пара чашек. На стенах висела парочка репродукций и множество полок с книгами. Сама она лежала на небольшом продавленном диванчике, укрытая теплым выцветшим пледом.

Рядом с ней на скрипучем старом стуле сидел бледный молодой человек в черных брюках и белой рубашке с одним закатанным рукавом. Он с каким-то настороженным удивлением разглядывал свою левую руку.

Увидев, что она пришла в себя, он резко дернул рукав вниз, наклонился над ней и тихо спросил:

– Лучше тебе?

Мелисса посмотрела ему в глаза и вспомнила о событиях сегодняшнего дня. Сначала она видела его на улице. Он что-то сделал, и мисс Джонс забыла, что хотела отругать ее из-за Бет и Дженни. Потом в переулке, когда она сдерживала огонь, а он велел ей выпустить его. А затем, когда упала от скрутившей ее боли, он держал ее за руки и вливал свою силу, когда что-то высасывало из нее жизнь. Поддавшись порыву, девочка обняла его шею двумя руками и прошептала:

– Ты спас меня. Спасибо.

Северус вздрогнул от неожиданности и замер в неудобной позе, не зная, как реагировать. Это был первый раз в его жизни, когда кто-то обнимал его по собственной воле. Даже в детстве.

Мать была всегда слишком в себе, а отец слишком зол. Не заметил бы — и то хлеб.

– Не за что, — пробормотал Снейп и, неловко погладив ее по спине, расцепил объятие. Затем он вытащил палочку и бросил несколько диагностических заклинаний. Малышка восстанавливалась очень быстро. Физически она была уже в норме. Состояние магического ядра тоже не внушало опасений. Через пару дней сможет снова плеваться огнем.

«Сильная девочка. Потенциально будущая великая колдунья, — отметил Северус. — Интересно, какому магу ты успела насолить, маленькая?»

– Не знаю, я волшебников уже давно не видела. Ты первый.

Очевидно, полностью вымотавшийся, он расслабился и задал последний вопрос вслух. Что?!

– Ты знаешь о том, что ты ведьма? — он уставился на ребенка.

Мелисса молча кивнула.

– Но ты живешь в приюте?

Снова кивок.

– Твои родители умерли?

Девочка долго смотрела на него, а потом очень спокойно, совершенно по-взрослому произнесла:

– Они меня бросили. У них родился сын. Я была не нужна.

Подумав немного, Снейп взглянул на часы, потом придвинул столик поближе к дивану, разлил по чашкам чай и, указав на еду, сказал:

– Ешь. Потом мне придется отвезти тебя обратно.

Пока девочка ела, он задумчиво смотрел на нее.

Все было более чем странно. У него на диване пьет чай абсолютно незнакомая маленькая девочка, которая его, судя по всему, вообще не боится. А он сидит и думает, чем можно ей помочь.

Нет, он, конечно, прекрасно знал, что кельтский заговор, который он сегодня использовал, предполагает по умолчанию, что спаситель почувствует желание заботиться о спасенном, становится некоторым образом ответственным за его жизнь. Но никак не предусматривает, что спасенный будет доверять спасителю.

– Тебя ведь зовут Мелисса? Мелисса Эванс? — спросил он.

– Да. А тебя?

– Северус. Северус Снейп.

Девочка внимательно посмотрела на него.

– Имя мне знакомо. Но мы не встречались раньше.

– Определенно нет. Я бы запомнил человека, способного

взглядом сделать из меня барбекю, — ответил Снейп, но увидев, что девочка слегка нахмурилась из-за его слов, неожиданно для себя добавил. — Это шутка. И похвала. Ешь.

Мелисса на мгновение задумалась, кивнула и снова потянулась к чаю.

– Сколько тебе лет?

– Скоро пять. Жаль не семь. Я бы, наконец, пошла в школу.

Северус усмехнулся: «Для неполных пяти лет она очень серьезно себя ведет. И правильно говорит. Сложными предложениями. И словарный запас больше чем у иных гриффиндорцев на седьмом курсе». Он резко вытянул руку по направлению к книжной полке. Поймав «Сказки барда Бидля», он протянул ее девочке:

– Умеешь читать?

Дождавшись кивка, он продолжил:

– Прочти первую сказку, отдай мне книгу и расскажи, что ты запомнила.

Девочка читала про себя. И довольно быстро. Вернув книгу Снейпу, она с выражением начала рассказывать:

– Колдун и прыгливый горшок. Жил-был на свете добрый старый волшебник. Колдовал он разумно и охотно и никогда не отказывал в помощи соседям. Не желая открывать им истинный источник своего могущества, он делал вид, будто целебные снадобья, волшебные зелья и противоядия появляются сами собой из кухонного горшка, который он называл своим счастливым котелком…

«Итак, что и требовалось доказать. У крошки фотографическая память. Кого же она тебе напоминает, Северус? Возможно, одного мелкого оборвыша. Тебя в сопливом возрасте. Если бы точно не знал, что детей у меня нет, начал бы очень сомневаться!» — подумал Снейп и довольно хмыкнул.

– Достаточно. А теперь то же самое, но своими словами. Сможешь?

– Жил сильный волшебник. Он считал себя добрым, поэтому помогал людям, но не хотел показывать все свои возможности и притворялся, что все дело в горшке…

– Почему считал? — удивился профессор зельеварения.

– Он не был добр к своему сыну, поэтому не смог воспитать его добрым, значит, не был добр сам.

Снейп задумался: «Интересная трактовка. И очень интересный ребенок».

– Значит, хочешь в школу. Так любишь учиться?

– Люблю. Но главное, в приюте буду проводить меньше времени. Девчонки считают меня ненормальной. Я умею многое.

– Например?

Мелисса взмахнула ладошкой. Оставшиеся четыре печенья вылетели из вазочки и зависли над столом, а потом закружились сначала по часовой стрелке, потом против, затем, выписав правильную восьмерку, они отправились обратно в вазочку, четко приземляясь одно на другое.

«Да, потрясающий контроль», — подумал Снейп, а вслух произнес:

– Это все?

Девочка помотала головой:

– Я могу открывать и закрывать двери и окна, зажигать огонь и поднимать ветер, могу позвать предметы. Я старалась делать это незаметно, но Бет и Дженни как-то раз увидели и рассказали всем. Стали звать меня чокнутой. Они все время следили за мной, и я не могла колдовать. А сегодня они дергали меня за волосы и царапались. И я убежала, чтобы не навредить им.

Она допила чай, поставила чашку на стол, потом тряхнула волосами, словно пытаясь оттолкнуть неприятные воспоминания, и добавила с гордостью:

– А еще я умею считать и учусь писать прописными буквами.

– Ну, это вообще выше всех похвал, — заметил Снейп. — И давно ты это умеешь? Я о волшебстве.

– Всегда, наверное.

Девочка сидела, уставившись на печенье, потом подняла голову и сказала:

– Мисс Джонс накажет меня за то, что убежала.

– Посмотрим, что я смогу сделать. Эта проблема решаема. Кроме того…

Снейп не договорил, а потом, явно что-то решив для себя, поднялся, подошел к бюро и вытащил из нижнего ящика пару медальонов. На один из них он наложил сигнальные и следящие чары, а также добавил чары расширения пространства. На другой повесил чары приема.

Задумавшись на мгновение, он махнул рукой, и со второго этажа прилетело несколько книг. Подхватив все это, он вернулся к Мелиссе и, надев первый медальон на шею девочки, убрал его за ворот платья. Как только украшение коснулось тела, оно стало невидимым.

– Это зачарованный медальон. Никто не сможет его увидеть, кроме тебя. Никто не сможет снять его, кроме тебя. И даже дотронуться. Если тебе будет грозить опасность, я об этом узнаю и приду в любое время. А еще в него можно прятать вещи. В приюте с тайниками и личным пространством туго.

Он протянул ей одну из книг.

– Открой медальон и представь, что кладешь ее туда. А потом вообрази, что достаешь обратно. Нужно очень четко представить. Если забудешь, как выглядит предмет, просто протяни руку и доставай по одному.

Мелисса с легкостью проделала то, что ей сказали. Какое-то время она держала книгу в руках, а потом отдала ее обратно Снейпу.

– Нет, эти книги теперь твои. Они с упражнениями для контроля над магией. Сказки тоже. Если хочешь, позже я пришлю тебе еще.

Малышка посмотрела на него.

– Я живу в одной комнате с Бет и Дженни. Они заметят сову.

«Жила в волшебном мире? Возможно. Из семьи погибших ПСов или авроров? Все может быть. Но фамилия. Псевдоним?» — размышляя таким образом, Северус продолжил.

– Я подумаю, как это сделать наилучшим образом, но тебе нужно тренироваться. Каждый день. Ты сейчас можешь то, что многие взрослые разучились делать. Колдовать без волшебной палочки. Обещай мне, что постараешься ничего не потерять, а только приобретешь.

– Я обещаю, — серьезно ответила девочка и убрала все книги в медальон, а потом тихо спросила. — А мы еще встретимся? Я бы хотела.

– Ну, если опасность тебе грозить не будет. А я очень надеюсь, что ты не будешь искать приключений, — он строго посмотрел на Мелиссу.

Она отрицательно покачала головой.

Надев на себя сюртук и мантию, Снейп удовлетворенно кивнул и продолжил.

– Тогда мы увидимся через несколько лет. Итак, ты готова?

Девочка поднялась и выжидающе посмотрела на профессора зельеварения. Он наклонился и, глядя ей прямо в глаза, спросил:

– Твою маму зовут Лили?

Она вздрогнула, но ничего не ответила, прикусив губу. Подхватив ее на руки, Северус аппарировал к приюту св.Анны.

***

В школу Снейп вернулся на рассвете. В приюте пришлось прочитать и скопировать некоторые документы, подправить мозги во многих головах и внушить персоналу пару определенных мыслей о воспитании и жизни некой Мелиссы Эванс.

Как только Северус вошел в свои комнаты, перед ним с негромким хлопком появился домовик:

– Профессора Снейпа-сэра, ждет директор-сэр.

Терзавшее его весь прошлый день дурное предчувствие

вернулось, и профессор зельеварения бегом направился в коридор с говорящей горгульей. Едва влетев в директорский кабинет и увидев Дамблдора, с траурным видом сидящего за столом, Снейп все понял. Пол под ногами качнулся, и с воем раненого зверя профессор повалился в кресло, закрыв лицо руками. Когда Северус наконец поднял голову, казалось, он постарел сразу на сто лет.

– Я думал… вы… спасете ее… — прохрипел он.

– Они с Джеймсом доверились не тому человеку, — сказал Дамблдор. — Как и Вы, Северус. Вы ведь тоже надеялись, что Волдеморт ее пощадит?

Помедлив, директор добавил:

– Ее сын выжил.

Снейп задыхался, мотая головой, словно отгоняя назойливую муху.

– У него глаза Лили, точно такие же. Вы ведь помните ее глаза?

– ЗАМОЛЧИТЕ! — выкрикнул Снейп. — Умерла… Ее… больше не будет… никогда… никогда…

– Вас мучает совесть, Северус?

– ДА! А вас? Вы обещали мне спасти их! Это были ваши люди!

– Я обещал попытаться! Не все в моей власти…

– Я должен был ее спасти! Лучше бы… я… умер…

– И какая же польза была бы от вашей смерти? — холодно спросил Дамблдор. – Да, Волдеморт пал. Но если вы действительно любили Лили, то ваш дальнейший путь определен.

– Что… вы имеете… в виду? — в затуманенном болью разуме Снейпа слова директора не укладывались.

– Сделайте так, чтобы ее смерть не была напрасной. Помогите мне защитить сына Лили.

– От кого? Темный Лорд пал…

– Он вернется, и тогда Гарри Поттер окажется в смертельной опасности. Поклянитесь мне, ради своей любви, ради Лили. Вы должны ей жизнь ее сына!

Снейп долго молчал, пытаясь взять себя в руки. Ему казалось, что его сердце и душа покрываются ледяной коркой, давая хоть какую-то возможность дышать, отключая голову.

Не помня себя, он произнес:

– Хорошо. Я буду защищать Гарри Поттера, магия мне свидетель. Но никому ни слова об этом, директор! Это должно остаться между нами!

– Ну, если вы настаиваете…

Директор устроился в своем кресле и внимательно смотрел на измученного Снейпа, сидящего с закрытыми глазами. После

долгого и тяжелого молчания, он сказал:

– Итак, Северус. Где вы были вчера весь день? Было собрание? Почему вы вернулись так поздно?

Снейп заставил себя ответить, вымучивая рубленые фразы:

– Ходил по улицам. Ждал вызова. Напрасно. Метка горела весь день. Потом вдруг запылала. Как от Адеско Файр. Хотелось руку отгрызть. Заполз в ближайшую подворотню. Чтобы маглы не заметили. Полыхала с минуту-две. Резко прекратила. Аппарировал в Тупик. Пил зелья, обрабатывал руку, приходил в себя. Это все.

Резко открыв глаза и взглянув на Дамблдора, он добавил:

– Надеюсь, наша светская беседа окончена? Я откровенно не в лучшей форме для продолжения.

– Что вы планируете делать?

– В планах напиться до кровавых соплей и сдохнуть к Моргане. Но поскольку второе я сделать не могу, я же поклялся, у меня есть целый день на претворение в жизнь первого варианта. Я могу, наконец, идти?

Дамблдор, с минуту пожевав губами, печально развел руками, отпуская профессора зельеварения и великодушно пропустив мимо ушей его грубость.

Оставшись один, директор достал думосбор. Ему положительно необходимо было еще раз просмотреть воспоминания о некоторых событиях, чтобы понять, какого Мордреда сегодня многое прошло не по плану.

Совсем не по плану!

_____

(1) Ройал-Корт — театр на Слоан-сквер в Вест-Энде (Лондон). Был открыт в 1870 г.

= = = = = = = = = = = ГЛАВА 2. Дела минувших дней = = = = = = = = = = =

Когда Лили Эванс попала в Хогвартс, она, будучи очень практичной девушкой, стала не только усиленно учиться, но и изучать обычаи и законы волшебников. В мире маглов она и ее семья были самыми обычными, простыми людьми, и, узнав, что она колдунья, Лили решила, что попала в сказку. А кем должна быть в сказке красивая девушка? Конечно, принцессой. Ну, или на худой конец Золушкой. Золушкой с перспективой.

Однако волшебный мир совсем не горел желанием покоряться хорошенькой и амбициозной Лили. Это было закрытое сословное общество. Древние богатые волшебные роды волновались только о чистоте крови и силе родовой магии, которая от этой чистоты зависела напрямую. Маги целенаправленно и методично закрепляли в потомстве

определенные родовые магические способности и старались заронить семена новых. Маглорожденная волшебница могла быть хоть трижды Мисс Вселенной. С ней могли встречаться, с ней могли целоваться, с ней могли спать, но женились только на своих: с родословной длиннее, чем Лондонский телефонный справочник.

Если говорить честно, положа руку на сердце, чистокровные были откровенно сильнее маглорожденных в магии. Они легко и непринужденно выполняли самые сложные заклинания и производили самые изощренные трансфигурации. Лили выбивалась из сил, стараясь быть на их уровне. По оценкам она была лучшей ученицей, но прекрасно отдавала себе отчет, что это результат только ее усидчивости. Магические науки она брала буквально пятой точкой, не вылезая из библиотеки и тренируясь до потери сознания все свое свободное время.

Но, тем не менее, хорошенькую и упорную Лили очень долго не принимали чистокровные мальчики и девочки. Для них она была беспородной дворняжкой. На протяжении бесконечных четырех лет кругом ее общения были только такие же маглорожденные, как она сама, и полукровка Северус Снейп, который был давно искренне и глубоко в нее влюблен.

По матери он принадлежал к древнему чистокровному, но обнищавшему роду Принс. Эйлин Принс влюбилась в магла по имени Тобиас Снейп и вышла за него замуж, чем полностью перечеркнула свою жизнь и будущее своего сына в волшебном сообществе.

Северус был нескладным подростком, помешанным на учебе. Из-за нищеты, в которой жила его семья, он ходил в обносках и был очень худым, даже изможденным.

Его за что-то невзлюбила «золотая» четверка с Гриффиндора, во главе с Джеймсом Поттером и Сириусом Блэком. Оба они были из чистокровных семей, весьма древних и богатых, но кичились тем, что не делят людей по чистоте крови, уважают маглорожденных и презирают «замшелые», по их мнению, традиции волшебного сообщества. Называли они себя Мародерами.

Мародеры позволяли себе жесткие, даже жестокие, шутки и розыгрыши, на которые, с подачи Дамблдора (ну, они же еще дети!), прикрывающего свой любимый факультет, все закрывали глаза. Шутила эта четверка благородных и храбрых донов в основном над так уважаемыми ими на словах маглорожденными.

Но эксклюзивного внимания удостоился Северус Снейп. «Сальноволосого Нюниуса», а именно такую прелестную кличку они ему прилепили, Мародеры, чувствуя свою полную

безнаказанность, попросту травили. Смотреть на это было неприятно. Временами Снейп выглядел просто жалко.

С чистокровными представителями древних аристократических родов Мародеры предпочитали все же не связываться. Вероятно, будучи сами из их круга, они в глубине души понимали, что жизнь школой не заканчивается, а жить они будут все-таки в привычной среде, поэтому расплевываться не торопились. Так оно и комфортнее и безопаснее.

Лили продолжала общаться со Снейпом хотя бы потому, что знала его еще до Хогвартса и была благодарна ему за то, что он первый рассказал ей о магии. Кроме того, он очень помогал ей с учебой.

Он был чрезвычайно талантливым и способным. Это признавали и педагоги, и все эти чистокровные снобы, и сама Лили. Иногда ей было очень обидно, что Северус с легкостью понимает и делает то, на что у нее самой уходят дни, а иногда и недели. Однажды Лили услышала, как его обсуждают Ариадна Гринграсс и Мари Розье.

Они обе были чистокровными волшебницами, учились на Слизерине и пользовались успехом у противоположного пола. Лили всегда казалось, что этому в большей степени способствовали древность их родов и набитые галлеонами родовые сейфы, чем физические и духовные достоинства упомянутых принцесс.

Так вот, говоря о Снейпе, Ариадна очень сожалела, что мать Северуса так сильно усложнила ему жизнь, поскольку, учитывая его магические способности, любая девушка из хорошей семьи с визгом, роняя атласные туфельки, побежала бы за него замуж, несмотря на непривлекательную внешность и крайнюю нищету его семьи, если бы он только был чистокровным.

А Мари, полностью соглашаясь с собеседницей, предполагала, что для Северуса еще не все потеряно, что, учитывая его силу, магия семьи Принс еще может принять его как наследника, а затем и главу рода, и тогда — кто знает?

— Представляешь, Ари, он с легкостью колдует невербально, без палочки, да еще двумя руками! — восхищенно вздыхала Мари. — Я бы после таких упражнений давно бы упала в обморок. А ему хоть бы что.

— Да, мне тоже подобная магия дается нелегко! Малфой говорил, что это высший пилотаж.

Это было безумно странно, что кто-то мог при определенных условиях рассматривать в матримониальном плане кандидатуру Северуса, с его замурзанной одеждой и немытой головой.

В любом случае, Лили его как своего будущего спутника

жизни не представляла, даже несмотря на все его достоинства. Ее избранник должен был быть, как минимум, привлекателен.

Она не хотела такой судьбы, как у Эйлин Принс. И не хотела, вернувшись в мир маглов, повторить жизнь своих родителей. Лили четко решила, что она связана с волшебным миром и рвалась в высший свет чистокровных магов. Порой ей уже казалось, что ситуацию переломить не удастся. Но все изменилось, когда ей исполнилось четырнадцать.

В мире волшебников считалось, что в четырнадцать лет в юном колдуне просыпается родовая магия и проявляются магические таланты. Именно тогда, во время полового созревания, Лили стали удаваться невербальные заклинания, на что многие маглорожденные студенты в принципе не были способны. Ее магические способности приобрели определенную, порой немалую, силу и гибкость. А отточить их ей помог верный Снейп. По школе, а потом и по магическому миру пошли слухи, что Лили — Обретенная.

Это был шанс. С большой буквы.

Одной из главных проблем волшебного сообщества были близкородственные браки. Практически все древние магические семьи перемешались между собой.

Самым большим кошмаром старых родов было появление сквиба — ребенка, рожденного в семье волшебников и начисто лишенного магии. Главной страшилкой волшебного мира была история Фаддеуса Феркла, чистокровного мага, жившего в 17 столетии, все семь сыновей которого родились сквибами. Потрясенный Фаддеус, очевидно, повредился рассудком и превратил их в ежей.

Так что Обретенные, маглорожденные волшебницы и волшебники, обладающие большей магической силой, чем простые грязнокровки, были единственным проверенным способом обновить кровь без ущерба для родовой магии, а иногда и к выгоде. Ходили легенды, что дети от Обретенных при должном развитии и обучении потенциально очень сильны.

К Лили стали приглядываться аристократические роды. За ней приударили даже Мародеры: и Блэк, и Поттер начали посматривать на нее с огромным интересом. Она чувствовала оценивающее внимание постоянно. И наличие рядом Снейпа мешало ее планам. Она должна была быть, как жена Цезаря, — выше подозрений. Но избавиться от безумно любящего ее, верного подростка, готового помочь во всем, было сложно. Он постоянно был рядом, влюбленно молчал и ни на что не обижался.

Для его «обезвреживания», она воспользовалась

придуманным Северусом же заклинанием и помощью «обожающих» Снейпа Поттера и Мародеров.

Сцена была отыграна как по нотам. Лили демонстративно защитила висящего вниз головой без штанов Северуса от «золотой» гриффиндорской четверки. Абсолютно верно предположивший, откуда его врагами стало известно об изобретенном им самим заклинании, униженный перед любимой девушкой, униженный, возможно, с помощью любимой девушки, Снейп вышел из себя и обозвал ее грязнокровкой.

Занавес. Аплодисменты. Можно было оскорбляться, уходить с высоко поднятой головой и прекращать всякие отношения. Что она и сделала.

А Снейп всю ночь простоял под портретом, скрывающим вход в гостиную Гриффиндора, вымаливая у нее прощение. Лили искренне недоумевала, неужели он действительно не понимает, что, считай она его своим другом, дорожи она им, одно слово, сказанное в запале, никогда бы ни на что не повлияло. Под утро она его простила, но сделала это таким образом, что было ясно — прежних отношений не будет, и вообще никаких отношений не будет.

После разрыва с Северусом она начала встречаться с Джеймсом. Проще было завести роман с человеком с собственного факультета. Какое-то время она сомневалась, может, стоит предпочесть Блэка: он был красивее, его род был древнее и богаче. Но узнав, что Сириус полностью разорвал отношения с семьей и фактически переселился к Поттерам, решила, что это того не стоит.

Джеймс тоже был весьма симпатичен, а его родители были вполне милыми людьми, которые, казалось, не возражали, чтобы Обретенная вошла в их семью. План сработал. В общем, жизнь заиграла новыми красками. Но…

Всегда бывает какое-нибудь «но», которое портит, казалось бы, самые лучшие и продуманные планы.

Летом, перед шестым курсом, она влюбилась. Влюбилась безумно. И, разумеется, не в Джеймса.

Лили встретила его на Косой аллее. Это был молодой, очень красивый маг. Он был высок, черноглаз и черноволос, весьма остроумен, хорошо одет и, похоже, не беден. Он сам подсел к ней за столик в кафе Флориана Фортескью. Она читала последний выпуск «Трансфигурации сегодня». И они поспорили о статье «Необратимая трансфигурация — миф» за авторством Альбуса Дамблдора. Она — отличница, знавшая законы трансфигурации как «Отче наш», обожавшая Дамблдора, как все студенты-гриффиндорцы, с пеной у рта доказывала Арканусу(1), а именно

так представился ей молодой человек, что, да, необратимая трансфигурация – миф.

Арканус задорно ухмыльнулся, достал из кармана монету и трансфигурировал ее в каменный цветок лилии. После этого предложил Лили обратить превращение. Она билась три часа. Ни Фините Инкантатем, ни Пристинам Формам(2) — ничего не помогало. Арканус только улыбался, каждые полчаса заказывал ей новую порцию мороженого и уверял, что он совершенно никуда не торопится: прелестная леди может продолжать свои эксперименты. У Лили ничего не вышло. Она сунула цветок в карман, чтобы продолжить позже.

В общем, все закончилось тем, что он предложил встретиться еще раз. А потом еще раз. А потом еще и еще раз. Все было так невинно. Он ни разу не делал попытки даже взять ее за руку, не то чтобы поцеловать. Но при этом каждый раз назначал ей новую встречу, показывая этим свой неподдельный интерес. Лили от этой неопределенности просто сходила с ума. В конце концов, они даже перестали назначать время. Просто приходили к открытию кафе Фортескью и проводили весь день вместе, гуляя и болтая.

В одно из своих свиданий они встретили у Гринготтс Альбуса Дамблдора. Лили с восторгом познакомила профессора со своим новым другом (любимым… постоянно крутилось в голове!). Директор как-то странно посматривал на ее спутника, но общался с ним весьма дружелюбно.

К концу лета Лили была уже настолько влюблена, что могла думать только о нем. Но в последнюю неделю августа Арканус просто пропал. Перестал приходить на Косую аллею. Лили не знала, что делать. Это был удар!

До отъезда в школу она извелась сама и извела всех вокруг себя. Больше всего доставалось родителям и Петунии. Особенно Петунии. Старшая сестра Лили уже год встречалась с Верноном Дурслем, дело двигалось к свадьбе, и она выглядела вполне счастливой и довольной своей жизнью. Вот это-то довольство и счастье и не давало Лили покоя! Как кто-то может быть счастливым, если ей, Лили, так откровенно плохо?

В общем, отношения с семьей оставляли желать лучшего, когда первого сентября Лили, худая и бледная, подурневшая от переживаний, похожая на собственную тень, села в Хогвартс-экспресс.

А в конце месяца к ней прилетела сова от Аркануса. Он остановился в Хогсмите в гостинице при «Трех метлах» и жаждал ее видеть, чтобы все объяснить. Стоит ли говорить, что до разговора дело не дошло. Лили в тот же вечер удрала из

Хогвартса к Арканусу и с порога упала в его руки как перезрелая груша. Они сразу очутились в постели. И она была счастлива. Она была на седьмом небе. Ровно до того момента, пока Арканус не встал с кровати, не посмотрел на нее взглядом исследователя-естествоиспытателя, не оделся и, произнеся задумчиво «Нет, пожалуй, ты — не Обретенная! Обычная маленькая дурочка!», не аппарировал в неизвестном направлении.

Больше она его никогда не видела. На память он ей оставил только каменный цветок лилии, который до сих пор отказывался превращаться в монету, опровергая статью Альбуса Дамблдора, и еще один подарок — к Рождеству Лили поняла, что ждет ребенка.

***

Осознав ситуацию, Лили была в полнейшем ужасе. Она поняла, что ее жизнь полностью разрушена. Что она пропустила все возможные сроки для решения проблемы. Что о браке с Поттером можно забыть. Что ее ждет судьба матери-одиночки. Что ее жизнь будет еще хуже, чем у Эйлин Принс. И как она вообще будет скрывать свое положение в школе?

Она просто сидела после отбоя на полу у двери ванной старост на пятом этаже и ревела в голос, когда ее нашел Дамблдор. Он поднял Лили, встряхнул и повел в свой кабинет. Там он усадил ее в кресло, налил ей чаю и спросил:

— В чем дело, девочка моя?

Она не хотела посвящать его в свои проблемы. Ей было стыдно. Но после нескольких глотков чая, ее словно прорвало. Лили рассказала директору все: от трансфигурированной лилии до вечера в таверне «Три метлы».

Каменный цветок она вытащила из кармана и положила на стол перед директором. Дамблдор достал палочку и сделал над ним несколько пассов.

— Нет, профессор. Он не превращается обратно в монету. Я бьюсь над этим каждый день. Почему? — истерично говорила Лили, словно вопросы трансфигурации сейчас были самыми главными в ее жизни. — Ведь каждый предмет стремится вернуться в свою изначальную форму. Третий закон Гэмпа.

Дамблдор какое-то время молчал, а потом, тяжело вздохнув, сказал:

— Этого я и боялся, девочка моя. Подобные превращения очень темная материя. Светлый маг никогда не будет так насиловать природу. Необратимая трансфигурация — это насилие, возможное лишь с использованием темных искусств. В мире практически нет магов подобной силы. И я узнал магическую подпись на этой вещи. Она прослеживается абсолютно четко. Мне известен волшебник, оставивший ее.

Душа Лили встрепенулась: директор сможет подсказать ей, где найти Аркануса. Он должен узнать о ее положении.

— Он известен всем. Магический мир знает его как лорда Волдеморта. Еще летом, когда мы столкнулись на Косой аллее, мне почудилось что-то неуловимо знакомое в твоем спутнике. На границе сознания. Возможно, что-то в пластике или в мимике. Но лорд — мастер личин.

Какое-то время директор сидел, задумавшись, не обращая внимания на застывшую Лили, лишь что-то тихонько бормоча, словно рассуждая про себя:

— Однако зачем ему это было нужно? Разве что… Ну, конечно! Ритуал!

Дамблдор поднялся с кресла, подошел к книжному шкафу, вытащил большой потрепанный том и стал спешно перелистывать страницы.

Лили показалось, что внутри все заледенело: Дамблдор сказал «ритуал»? Ее использовали для какого-то ритуала?

— Какой ритуал, сэр?

Дамблдор молча листал книгу, не обращая на нее внимания.

— Сэр? Сэр! Какой чертов ритуал, сэр? — завизжала Лили.

— Спокойней, девочка моя, — поморщился Дамблдор, продолжая свои поиски. – Вот! Вот оно!

Директор протянул том Лили.

Лили взяла книгу и посмотрела на страницу. В глазах стояли слезы, все двоилось и расплывалось. Она изо всех сил старалась сфокусироваться на тексте. И наконец, ей это удалось.

— Но, сэр! Текст на латыни! Я не знаю латыни!

Дамблдор сел на свое кресло-трон. Он выдержал вполне себе театральную паузу, внимательно глядя на нервничавшую все сильнее Лили, а потом сказал:

— Если коротко, это темномагический ритуал. Магия крови. В древности считалось, что кровь обладает сильными магическими свойствами. Что кровь приносимого в жертву дает тому, кто ее использует, силу, а иногда и душу жертвы. Причем совершенно необязательно при этом лишать жертву жизни, достаточно лишь одной раны, нанесенной самим магом или помощником. Самой сильной кровью во все времена считалась кровь невинной девушки. Так что, девочка моя, ты принимала участие в ритуале усиления магической силы волшебника при помощи крови Обретенной.

Ты никогда не задумывалась, Лили, почему чистокровные семьи так заинтересованы именно в девушках Обретенных, гораздо сильнее, чем в юношах? По преданию, ничем, кстати, не подкрепленному, Обретенная не только обновляет кровь рода, не

нанося ущерба родовой магии, но и усиливает магическую силу своего первого мужчины. В любом случае, я полагаю, тебе чрезвычайно повезло, что ты еще жива. Зная Волдеморта, удивлен, что он оставил тебя в живых после ритуала.

Лили замерла, а потом пробормотала:

— Он сказал, что я не Обретенная. Видимо, ритуал прошел неудачно.

— Думаю, что дело не в тебе. А в том, что это предание — всего лишь предрассудок. Я борюсь с этими предрассудками уже более полувека. К сожалению, не очень успешно.

— Предрассудок? Из-за этого предрассудка я в таком положении! И что теперь у меня родится? Что может родиться от монстра, от урода, от маньяка-садиста? — Лили уже кричала в голос, а потом замерла и потрясенно прошептала. — Я его ненавижу. Я еще никого так ненавидела, как это чудовище и его ребенка. Я хочу уничтожить их обоих!

— Да, еще и темномагическая формула, произнесенная во время зачатия. И ритуал на крови… Как бы это все не повлияло на младенца… — словно размышляя про себя, бормотал директор.

— Я хочу избавиться от него. Сэр! Я хочу от него избавиться!

Лили смотрела на Дамблдора. Великий светлый волшебник сидел, прищурившись, словно просчитывая какие-то варианты. Потом он в упор взглянул на Лили и произнес:

— Нет. Если хочешь отомстить и уничтожить лорда, ты будешь слушать меня! И ребенка ты родишь. Есть несколько вариантов, при которых он послужит общему благу. И делу избавления мира от самого темного волшебника последнего столетия.

Лили потрясенно смотрела на директора и умоляюще прошептала:

— Но, сэр. Как я буду рожать? Это разрушит мою жизнь. Вся школа узнает. Джеймс догадается! Он меня бросит. Для меня все будет кончено. Я даже школу не смогу закончить. Это же только шестой курс.

— До конца года походишь под иллюзией. Иллюзию буду поддерживать сам. Рожать будешь у родителей. Тебе придется с ними договариваться, чтобы они какое-то время заботились о малыше. Если сможешь, тогда спокойно окончишь школу и выйдешь замуж за Джеймса. Хотя ему-то рассказать придется. Но семью Поттеров я беру на себя. Думаю, смогу их убедить. Хотя Дорея — тертый калач. С ней, пожалуй, будет сложнее всего.

Лили передернуло: она вспомнила свою единственную встречу с родителями Джеймса. Нет, они были приветливы. Было

видно, что они за женитьбу Джеймса на Обретенной обеими руками и ногами, но им не очень нравится сама Лили. А мать Джеймса, Дорея, разглядывала ее, как букашку под микроскопом, и иногда чуть заметно поджимала губы, словно бы говоря, ну, раз других вариантов ждать не приходится…

Джеймс пояснил ей: мать из древнейшего и благороднейшего семейства Блэков и продолжает мыслить их категориями, хотя и в более мягком варианте. В любом случае, если бы Лили не была Обретенной, она никогда бы не согласилась на их брак. Лили тогда спросила, кем Джеймсу приходится Сириус. Поттер со смехом сказал, что тот ему двоюродный племянник. Но ни фига не слушается дядю.

Какое-то время она сидела тихо, обдумывая ситуацию, но потом до нее дошло главное: Дамблдор поможет. И школу она окончит, и замуж она выйдет, и ребенок, если правильно построить разговор с родителями, не будет помехой. Волна благодарности затопила Лили. Она была готова сделать для директора все, что он попросит.

— Я согласна, профессор. На все согласна!

— Прекрасно, девочка моя. Тогда учти, год у тебя будет тяжелый. Экзамены придется сдавать экстерном. Справишься?

***

Лили справилась. Не сама. Она в последний раз воспользовалась помощью Северуса, который все для нее разжевал, положил в рот и протолкнул внутрь. Правда, он как-то странно на нее посматривал. Подозрительно. Как будто хотел что-то спросить. Иногда ей казалось, что он даже рот открывал для вопроса, но потом замолкал, словно опасаясь, что она вообще перестанет обращаться к нему. Даже за помощью в учебе.

В начале лета Лили вернулась в Коукворт к семье. Уже без иллюзии. Дамблдор снял чары перед тем, как отправить ее порталом прямиком к дому родителей. Когда миссис Эванс открыла дверь и увидела, что ее несовершеннолетняя дочь глубоко беременна, ей стало плохо с сердцем. Вернону Дурслю, который приехал на выходные для того, чтобы официально попросить руки Петунии и обсудить предстоящую свадьбу, пришлось вызывать для будущей тещи скорую. А приехавшие врачи оказывали помощь уже не только миссис Эванс, но и мистеру Эвансу, и даже Петунии. Бедный Вернон в ожидании скорой только носился между тремя смертельно бледными людьми в гостиной, не зная, чем он еще может помочь и кому помогать первому.

Лили же, рыдая, убежала в свою комнату и заперлась. Только на следующий день, ее родители, немного придя в себя, смогли

убедить ее выйти и все обсудить.

Лили рассказала им душещипательную историю про темного мага, который использовал ее в своих сомнительных целях и опоил ее любовным зельем, что сама Лили ничего не соображала, что случившееся фактически было магическим изнасилованием. Что она не хочет этого ребенка, ненавидит его, но поздно уже что-либо исправлять.

В принципе она не сильно грешила против истины, лишь слегка переместив акценты: что-то преувеличив, что-то чуть исказив.

Беседа закончилась тем, что Лили и ее родители прорыдали весь день, обнявшись. Мистер Эванс был простым рабочим на единственной в городке фабрике. Единственное, чего он хотел, чтобы его дочки были счастливы и здоровы. И чтобы они смогли найти свой путь в жизни. Петуния уже, считай, пристроена. Вернон — нормальный парень. А вот малышка Лили. Его любимая красавица-дочка. Какой-то мерзавец захотел сломать ей жизнь. Но этот номер у него не пройдет. Конечно, он и миссис Эванс дадут своей девочке возможность закончить школу и устроить жизнь. А там, глядишь, она и переменит мнение о малыше. Он ведь ни в чем не виноват. А они пока просмотрят за ребеночком. На то они и ее родители. Так он Лили и сказал.

Лили просияла лицом и бросилась обнимать отца. И только Петуния, переглянувшись с Верноном, сказала, что оставлять младенца на руках пожилой пары — безответственно. В принципе Лили было все равно, что думает ее сестра. Главное, согласились родители.

В конце июня у Лили родилась девочка. Она отказывалась даже смотреть на нее, не говоря о том, чтобы взять ее на руки и покормить. Даже имя малышке давать не стала. Это сделала приехавшая помочь родителям Петуния. Она же носилась со справкой из больницы по инстанциям, оформляя документы. Так в мире маглов появилась Мелисса Эванс. А ее мать вернулась в школу чародейства и волшебства.

Последний год в Хогвартсе был напряженным.

Летом Дамблдор беседовал с Поттерами, и они сказали свое категорическое «только через наш труп» свадьбе Джеймса и Лили.

Дорея Поттер, в девичестве Блэк, воспитанная в семье, не чуравшейся темной магии, была великолепно осведомлена о ритуале усиления магической силы. Она прекрасно поняла, что ее Джеймсу ничего в этом плане уже не светит. Кто-то подсуетился раньше. И резонно полагала, что никакое обновление крови не стоит того, чтобы принимать в семью порченую маглокровку, да еще и с прицепом. Кому нужны чужие дети? Вот и Дорее и

Карлусу Поттерам неродная внучка была нужна, как оборотню пятая лапа.

Их не могли убедить никакие аргументы. Что девочку они вообще не увидят. Что за ней ухаживают родители Лили. А уж слова об общем благе ни на Карлуса, ни тем более на Дорею вообще не действовали. Мифическое общее благо их не интересовало, а благо семьи Поттер в целом и Джеймса Поттера в частности даже очень.

Джеймсу, кстати, тоже не особо улыбалось быть номером два. Не укладывалось это в его картину мира, где он был первым, единственным и неповторимым.

В общем, Великий светлый маг ушел несолоно хлебавши. Однако отказываться от своих планов не собирался, поэтому в школе продолжил обработку Джеймса. Вызвав того на беседу, он за чаем с лимонными дольками рассказал о роли Волдеморта, о том, что Лили обманули, опоили, чуть ли не изнасиловали. О том, как неблагородно и недостойно гриффиндорца бросать любимую девушку в такой ситуации. И да, об общем благе тоже не забыл.

Никто не скажет, что же повлияло на Поттера в конечном итоге, прочувствованная речь директора или зелье доверия, которым были пропитаны лимонные дольки, но Джеймса замкнуло. Решив, как рыцарь без страха и упрека, защитить Лили, он твердо заявил родителям, что свадьбе быть. Мол, девушка ему нравится, да к тому же она Обретенная, а на ком ему еще жениться, если через мать он породнился практически со всеми чистокровными семьями.

Твердость его благородных намерений, правда, была слегка поколеблена заявлением отца и матери, что они лишат его наследства и изгонят из рода.

И не понятно, чем бы кончилось это противостояние, если бы родители Джеймса не заразились драконьей оспой и не умерли в один день, в конце 1977 года. Где двое пожилых волшебников, практически безвылазно сидящих в собственном мэноре и никогда не встречавшихся не то что с перуанскими змеезубами(3), но и с драконами вообще, могли подхватить эту болезнь, — так и осталось неизвестным.

После их смерти Джеймс был свободен поступать так, как считал нужным. А он считал нужным поступать так, как ему советовал в приватных беседах профессор Дамблдор.

А в начале июня 1978 года в автокатастрофе погибли и родители Лили.

Мистер и миссис Эванс впервые за всю свою жизнь решили на годовщину свадьбы съездить на неделю отдохнуть на побережье.

Вырваться из Куокворта, подышать свежим морским воздухом и пожать руку мистеру Солнце. Это путешествие подарили им недавно поженившиеся Вернон и Петуния. Они же согласились присмотреть за годовалой Мелиссой. До отеля чета Эванс так и не добралась.

Похороны организовывал Вернон, пока Петуния в полной прострации сидела в гостиной родительского дома на диване в обнимку с малышкой, не будучи в силах даже заплакать.

Лили на погребение не приехала, хотя Петуния и нашла возможность сообщить о трагедии. Она просто направилась на Чаринг-Кросс-Роуд к «Дырявому котлу». Без сопровождающего ее мага паб она, конечно, увидеть не могла, но подождать какого-нибудь странно одетого человека ей ничего не мешало. Ожидание продлилось полдня. Увидев мужчину в шортах, фрачном пиджаке и ковбойских сапогах, Петуния поняла, что это волшебник. Только они могли так по-дурацки сочетать несочетаемое. Она подошла к нему и попросила отправить сову в школу Хогвартс для ее сестры-колдуньи. Он согласился.

В ответ Лили прислала записку, что сдает выпускные экзамены и не может выбраться из школы, что она скорбит с Петунией, но от результатов ТРИТОН зависит ее будущее. А еще в письме не было ни слова о Мелиссе, будто девочки и в природе не существует.

После похорон Вернон посмотрел на растерянную Петунию с ребенком на руках и сказал, чтобы она собрала вещи и документы девочки, они забирают ее с собой. И раз у крошки такая мать, они сами о ней позаботятся, места хватит: Дурсли недавно купили коттедж в пригороде Лондона, Литтл-Уингинге.

Когда Петуния заикнулась о доме родителей в Куокворте, Вернон подумал и сказал, что его надо продавать, а деньги положить на отдельный счет. Если Лили объявится (новый адрес, слава Богу, знает) и заговорит о родительском наследстве, они отдадут ей половину, а вторая половина пригодится Мелиссе, когда та вырастет. Ведь бедной девочке на мать рассчитывать не приходится.

В таком настроении они и покинули Куокворт навсегда. Петуния так и не простила Лили того, что она не приехала проститься с родителями. Хотя никому никогда в жизни в этом не призналась бы. Даже самой себе.

_____

(1) Буквально с латыни «таинственный».

(2) Буквально с латыни «прежняя форма».

(3) Главные разносчики «драконьей оспы».

= = = = = = = = = = ГЛАВА 3. Ожидая Избранного

= = = = = = = = = =

Сразу после окончания школы Лили переехала к Джеймсу в Годрикову Впадину, и буквально через несколько недель они поженились. Шафером Джеймса был Сириус Блэк. К величайшей радости Лили, Сириус наконец-то съехал от Поттеров. Умер его дядя, Альфард Блэк, и оставил ему свой дом и приятную сумму денег.

Петуния и Вернон на церемонии не присутствовали. За пару дней до свадьбы Лили пригласила Дурслей в ресторан, чтобы познакомить их со своим женихом. Они согласились: нужно было обсудить ситуацию с ребенком и понять, наконец, что Лили собирается делать с дочерью.

Буквально после приветствия Лили обозначила свою позицию по Мелиссе: пока они с Джеймсом не готовы забирать девочку. Но это не значит, что они не заберут ее никогда. На резонный вопрос Петунии и Вернона, а почему собственно Лили считает, что они вообще обязаны заботиться о ее дочери при живой матери, внятного ответа не последовало.

После долгого неловкого молчания пытались говорить на нейтральные темы. Вернон заговорил с Джеймсом об автомобилях, спрашивая, какую машину тот водит. Джеймс рассказал о своей гоночной метле. Не понявший издеваются над ним или говорят серьезно, Дурсль предположил, что в магическом мире, должно быть, не очень хорошие зарплаты, если волшебники передвигаются на таких некомфортных приспособлениях. В ответ Поттер рассказал о своем сейфе в Гринготтс и описал размер своего состояния, хранящегося там в виде чистого золота.

А поскольку разговор коснулся денег, Петуния и Вернон сообщили о продаже дома семьи Эванс и предложили Лили забрать половину наследства родителей. Вместо Лили ответил Джеймс, пошутив (по его мнению, вероятно, удачно), что эти гроши Дурсли могут оставить себе на бедность.

Ужин закончился скандалом.

Тогда же, практически сразу после свадьбы, четверка Мародеров и Лили присоединились к организации Альбуса Дамблдора, созданной для борьбы с Лордом Волдемортом и Пожирателями смерти, Ордену Феникса.

Орден был неофициальным образованием, не имевшем к Министерству магии и Аврорату ни малейшего отношения, по сути, гражданским ополчением, состоящим в основном из недавних выпускников Хогвартса.

Прюетты, Маккинноны, Лонгботтомы, Боунсы окончили школу всего на пару-тройку лет раньше Мародеров и Лили. Все

они входили в боевую группу Ордена и более чем активно участвовали в акциях против пожирателей. Координировал работу боевого звена Ордена и сотрудников Аврората, близких к Альбусу Дамблдору, друг последнего Аластор Муди.

Муди был старым опытным аврором, легендой Министерства магии. В ходе этой войны он неоднократно попадал в различные переделки, каждый раз выходя из них живым, но отнюдь не невредимым. Он уже потерял ногу и глаз, а лицо его было обезображено многочисленными шрамами. Однако, несмотря на это, он оставался в строю и на покой не собирался.

Изначально члены ордена только следили за Пожирателями, наводили на них Аврорат, пытались вычислять и срывать операции противников. Затем стали угрожать волшебникам, симпатизирующим Лорду Волдеморту и ПСам, недвусмысленно давая понять, что делать этого не стоит. Не брезговали и покушениями.

Для молодой четы Поттеров падение Лорда было делом чести. А Лили в принципе считала, что сможет успокоиться, только увидев могилу Волдеморта и по возможности сплясав на ней джигу. И поскольку работать никому из них: ни Поттерам, ни Блэку — было не нужно, так как денег для комфортной жизни было более чем достаточно, делам Ордена они отдавались самозабвенно.

Нужно также заметить, что работоспособность организации, учитывая ее неофициальный статус, целиком зависела от пожертвований сочувствующих. И именно Поттер и Блэк взяли на себя в то время практически полное финансирование его операций.

К лету 1979 года стало понятно, что позиция Темного Лорда и Пожирателей укрепилась. К ним примкнули оборотни, а также малые магические народы, которым были обещаны признание, более активное участие в жизни волшебного мира и в будущем, может быть, возможность пользоваться волшебными палочками.

Положение Министерства магии стало настолько шатким, что глава департамента по магическому законодательству Бартемиус Крауч продавил законы, упростившие привлечение к ответственности, процедуру следствия и вынесение решений о наказаниях. Была открыта настоящая охота на сторонников Темного Лорда. Авроры получили новые полномочия и разрешение применять непростительные заклятия, они стали чаще убивать, чем арестовывать, причем при малейшем подозрении. Однако данные суровые меры переломить ситуацию уже не могли.

К началу 1980 года казалось, что еще немного и победа

Волдеморта станет свершившимся фактом. Но именно тогда стало известно о пророчестве, сделанном Сибиллой Трелони: «Грядет тот, у кого хватит могущества победить Темного Лорда… рожденный теми, кто трижды бросал ему вызов, рожденный на исходе седьмого месяца…»

И именно это пророчество затормозило активные действия Пожирателей. Практически все их лучшие силы были направлены на поиски подходящих беременных женщин. И по закону подлости в то время Лили поняла, что снова беременна. Семья Поттер подошла под пророчество по всем статьям.

Джеймс, и так регулярно напоминавший Лили при любом удобном и неудобном случае о ее прошлом, сейчас просто осатанел. Поначалу безумно радовавшийся тому, что станет отцом, он теперь ежедневно брызгал слюной ненависти и обвинял Лили во всех смертных грехах. Его еще не рожденному ребенку угрожала смертельная опасность. И от кого? От «бывшего» его благоверной. А при этом ее ублюдок от этого самого «бывшего» счастливо живет у дяди с тетей и прекрасно себя чувствует.

Успокоить его сумел только Альбус Дамблдор. Он предложил план: Лили и Джеймс укрываются под заклятием Фиделиуса, а жизнь их сына сразу после рождения можно будет подстраховать с помощью одного очень милого ритуала.

Но для этого было необходимо уже сейчас, зимой, забрать дочь Лили у Петунии и Вернона.

***

Литтл-Уингинг был тихим, маленьким городком, пригородом Лондона. Петуния и Вернон Дурсли жили в доме № 4 по Тисовой улице. Это был новый район коттеджной застройки, поэтому все дома были построены по одному проекту и похожи друг на друга, как близнецы.

Летом перед каждым домом зеленеет аккуратно постриженный газон, а под окнами высажены одинаково круглые клумбы. А зимой можно наблюдать одинаково расчищенные дорожки.

Может быть, кого-нибудь это армейское единообразие и смущает, но абсолютно точно не чету Дурслей. Это их первый общий дом, и Петуния абсолютно уверена, что через несколько лет, когда подрастут все посаженные деревья, когда фасад дома будет полностью увит плющом, их гнездышко приобретет абсолютно уникальный вид.

А пока она изо всех сил старалась преобразить интерьер, придать ему более домашний и уютный вид. И ей это неплохо удавалось. Несколько симпатичных картин на стенах, пара-тройка небольших статуэток на камине, живые цветы в горшках. Казалось

бы, ничего особенного, как у всех, но Вернону нравилось возвращаться после работы в их теплое гнездышко к жене и маленькой племяннице.

За полтора года, что они жили вместе с девочкой, они искренне к ней привязались и полюбили ее. Петуния, правда, боялась, что Вернон будет плохо реагировать на всплески магии малышки. А они у нее начались практически сразу, как она выбралась из колыбели. Но в отличие от той же Лили, которая в детстве не могла их контролировать, Мелисса, казалось, прекрасно управлялась со своими силами.

Часто Петуния видела, как у девочки над головой летали кубики, мячики и даже плюшевый мишка. Но стоило Мелиссе заметить, что на нее смотрят, она аккуратно опускала все на пол. Петуния не могла припомнить, чтобы что-то в доме билось или взрывалось при непосредственном участии малышки. Наоборот, девочка несколько раз ловила у самого пола вывернувшиеся из рук Петунии стаканы или елочные украшения. Вернон говорил, что если это магия, то она чертовски полезна: позволяет экономить деньги.

Кроме того, всесторонне обсудив проблему, они решили, что магия как спорт. Будешь чаще тренироваться, будет лучше получаться. И несчастных случаев тоже станет меньше.

Вернон так и сказал:

— Туни, это же, наверно, как приседания. Я вот могу присесть 10 раз, а потом весь день буду лежать пластом. Если Пчелка(1) будет тренироваться каждый день — как зарядку делать, — у нее и энергии будет меньше и контролировать это она сможет лучше.

С того дня Петуния частенько, играя вместе с Мелиссой, говорила: «А теперь, Лисса, подними в воздух два кубика. А теперь три. А теперь покружи их».

В принципе, Вернон и Петуния действовали верно. Единственное, что они не учитывали: им попросту повезло с характером их племянницы. Она была активной, подвижной девочкой, но при необходимости могла успокоиться и сосредоточиться. И поддерживать уровень необходимой концентрации, необычный для маленького ребенка, достаточно долго. С любым другим ребенком-волшебником они могли остаться у разрушенного дома.

И, тем не менее, с каждым днем у Мелиссы получалось все лучше и лучше. Сначала ее хватало лишь на пятнадцать минут активных целенаправленных манипуляций, потом на полчаса. После того, как ее резерв увеличился до часа без перерыва, Дурсли успокоились и перестали контролировать процесс.

В общем, жили они счастливо. Особенно сейчас, когда после

трех лет супружества они ждали своего первого ребенка.

Петуния, понявшая, что беременна, сразу потребовала от Вернона поклясться, что он по-прежнему будет любить Мелиссу. Тот, оскорбившись, что жена так плохо о нем думает, надулся как мышь на крупу. Петуния, так и не дождавшаяся клятвы, тоже обиделась. Так они и сидели на диване, отвернувшись друг от друга, пока у каждого из них перед носом не зависло по большой шоколадной конфете. Это их племяннице надоело, что тетя и дядя сидят грустные, и она решила их порадовать, отлевитировав из вазочки с кухонного стола сладкий подарок.

Помирившиеся Вернон и Петуния в очередной раз признали, что волшебство, пожалуй, не так плохо. И весьма вкусно.

Этот январский воскресный вечер, семья Дурслей проводила в гостиной перед горящим камином. Вернон читал газету, уютно устроившись в кресле, и периодически недовольно хмыкал, комментируя неудачные, по его мнению, решения правительства, а Петуния сидела на диване с Мелиссой и пыталась изобрести малышке очередную прическу. У почти трехлетней девочки волосы уже были достаточно длинными для экспериментов. Петуния обожала возиться с ней, как с куклой, наряжая и причесывая.

В этот момент раздался звонок в дверь.

– Я открою, Туни, — сказал Вернон, нехотя вылезая из мягкого кресла и направляясь в прихожую. — Интересно, кого черти принесли?

– Да мало ли, могли ошибиться домом, — сказала Петуния, продолжая плести сложную косу.

Через минуту ее муж вернулся в гостиную и произнес странным, искусственным голосом:

– Туни…

Она подняла голову и тут же судорожно прижала к себе ребенка:

– Нет.

На пороге гостиной стояли Лили и Джеймс Поттеры.

– Тунья, мы пришли забрать девочку, — сказала Лили.

– Я сказала, нет. Она тебе не игрушка, когда вздумалось, бросила, когда передумалось, подобрала.

– Петуния абсолютно права! — заявил Вернон. — Ей уже почти три года. За все это время ты даже ни разу ее не навестила, Лили. Лисса останется здесь, у себя дома. А вам лучше удалиться. Вы знаете, где дверь!

В этот момент Джеймс, пробормотав: «Мерлинова борода, как же меня достали твои родственнички, Лили!», выхватил палочку и запустил в Вернона отталкивающим заклятием. Полный

мужчина отлетел как перышко и должен был, вероятно, сильно удариться о стену, но этого не произошло. Буквально в дюйме от нее он как будто налетел на воздушную подушку, которая самортизировала удар. В следующий момент подобное заклятие полетело и в Петунию, но даже не коснулось ее. Между ней и Джеймсом словно барьер появился. Заклятие срикошетило в Лили, и она еле увернулась.

– Лили, это невозможно. Она поставила полноценный щит, — прошептал Джеймс, показывая пальцем на девочку, сидящую на коленях у Петунии. — Но ни один ребенок не способен в таком возрасте на целенаправленные магические действия, только на стихийные выбросы.

– А вот наша девочка может! — заорал Вернон, приходя в себя. — Она все может: и чашки ловить, и конфеты в воздух поднимать, и дядю с тетей от всяких защитить!

Лили примиряюще подняла руки:

– Давайте поговорим спокойно. Джеймс, сядь. Петуния, Вернон, поверьте мне, что девочку мы сегодня все равно заберем. Ради вашей и ее безопасности.

– Поясни, — холодно сказала миссис Дурсль.

– В магическом мире идет война. Как это ни пафосно, война между добром и злом. Между светом и тьмой.

– Ну, ты-то, конечно, на стороне добра, — Петуния поджала губы.

– Естественно, — не обратив внимания на иронию сестры, продолжила Лили, — а темная сторона поставила перед собой цель убить меня и всю мою семью. Только волшебную ее часть. Вы им не интересны. А вот девочка даже очень. Как только мы заберем ее, нашу семью скроют под чарами, и мы все будем в полной безопасности. И можете мне поверить, люди, которые охотятся за нами, не брезгуют никакими методами.

– Можно подумать, вы брезгуете, — пробормотал Вернон.

– Я просто погорячился, приятель! — выступил Джеймс.

– Я тебе не приятель! Ты явился в мой дом и подло напал на меня и мою жену. Чем ты лучше них?

Тем временем Лили продолжала:

– И она все-таки моя дочь. Ей будет лучше с мамой, папой и братиком, который появится летом.

– Ты беременна? И при этом участвуешь в какой-то войне? — Петуния, казалось, ушам своим поверить не могла. — Ты просто ненормальная!

– Туни, это моя гражданская позиция. Я не могу остаться в стороне, когда такие люди, как те, с кем мы боремся, пытаются захватить мир!

– И что может им сделать беременная женщина? А? Съесть все их мороженое? Заблевать их до смерти? А-а-а, или через пару месяцев животом перекроешь им дорогу? No pasaran!

– Петуния, это бессмысленно обсуждать! Я вижу, ты тоже ждешь ребенка. Неужели вы с Верноном станете подвергать его опасности из-за нее.

– Она тоже наш ребенок, — тихо сказала Петуния, а Вернон добавил. — И мы тоже можем уехать все вместе и спрятаться.

Джеймс хмыкнул:

– От них не спрячешься вашими магловскими способами. В общем, ребята, давайте по-хорошему. Соберите ей немного вещей, и мы уходим. Видит Мерлин, я на взводе, а девчонка в силу возраста не сможет долго вас прикрывать. А поскольку, судя по всему, она вас любит, то все кончится ее магическим истощением и смертью. Впрочем, тогда ей действительно ничего не будет угрожать.

– Джеймс, — возмутилась Лили, увидев шокированные лица сестры и ее мужа, — прекрати. Ты этого не сделаешь. Туни, я обещаю, что когда все это кончится, и если вы все еще будете этого хотеть, мы вернем ее.

Петуния молча взяла племянницу на руки и поднялась с ней на второй этаж. Следом пошел мрачный, как грозовое небо, Вернон. Через полчаса они спустились. Мелисса была одета для выхода. В руках у Вернона был чемодан.

– Здесь ее документы, вещи, на всякий случай, на все сезоны, любимая книжка, кукла и плюшевый медвежонок, с которым она всегда спит, — сказал он, передавая чемодан Джеймсу.

– Пищевой аллергии у нее ни на что нет. Все прививки для ее возраста сделаны. Просыпается она всегда рано, поэтому, если вы любите поспать, положите рядом с ее кроваткой пару книжек, и она вас не разбудит до завтрака, — вторила ему Петуния. — И имей в виду, Лили, что если бы ей не грозила опасность, мы бы никогда ее вам не отдали. И мы, естественно, ждем ее возвращения в родной дом.

Петуния поставила девочку на пол и сказала ей:

– Пчелка, ты поживешь какое-то время у мамы и, — она покосилась на Джеймса, — папы. Они тебя очень любят и очень по тебе скучали. Ты будешь их слушаться и будешь нашей хорошей девочкой. Мы тебе обещаем, скоро ты вернешься к тете Петунии и дяде Вернону. Мы тебя очень любим и будем по тебе скучать.

Они оба обнимали малышку, даже не замечая, как по лицу текут слезы, пока перед их носами не зависли вновь две шоколадные конфеты, как уже было однажды.

Девочка размазала их слезы ладошками по щекам и сказала:

– Я тоже вас люблю.

В этот момент Лили решила прервать столь затянувшееся трогательное прощание, подхватила девочку под мышки и, сопровождаемая Джеймсом, вышла из дома № 4 по Тисовой улице.

Уже выйдя за дверь, они услышали крик Петунии: «Могла бы и другой подарок поискать себе на день рождения, Лили!», после чего аппарировали в Годрикову Впадину.

***

Джеймс Поттер метался по гостиной из угла в угол. Он нервничал. Да что там — он был просто в панике.

– Сохатый, сядь. Не мельтеши! — попытался урезонить его Сириус Блэк, лучший друг на протяжении долгих лет. Удобно развалившись на софе, он потягивал из бокала огневиски. — Давай-ка, я тебе плесну на два пальца — сразу отпустит.

– Бродяга, ты все-таки мерзавец. Не понимаешь, что сегодня — самый важный день в моей жизни. У меня ребенок родится. Он уже рождается. Мордред! А я ничем не могу помочь.

Сириус глянул на друга: «Сам на себя не похож. Неужели все так переживают? И я так буду психовать, если когда-нибудь решусь? Черт, я — отец. Да это невозможно представить даже в страшном сне!»

– Все будет отлично. У мадам Помфри огромный опыт. Она прекрасный целитель.

– Огромный опыт в чем? Коленки мазать? Переломы лечить? Простуды? Ожоги от взорвавшихся зелий? Она все-таки в школе работает, а не в родильном отделении больницы Св.Мунго.

– Профессор Дамблдор, хоть Вы ему скажите, — Сириус обратился за помощью к директору Хогвартса, который, уютно устроившись в глубоком кресле, попивал ароматный чаек с карамельками.

Весь его вид говорил о том, что он искренне наслаждается ночным чаем в компании своих бывших студентов. И только в глубине глаз, под очками-половинками, застыло какое-то тревожное ожидание. Но чтобы заметить эту тревогу, нужно было бы быть кем-то другим, никак не пофигистом Сириусом Блэком и не взъерошенным Джеймсом Поттером.

– Мой мальчик, Сириус прав. Не забудь, Лили уже рожала однажды — все прошло прекрасно.

– Не напоминайте мне об этом! — взорвался Поттер. – Это, хвала Мерлину, сегодня закончится.

Он махнул рукой куда-то в сторону. Блэк и Дамблдор машинально проследили направление и увидели на пороге

гостиной маленькую девочку лет трех-четырех в ночной сорочке цветов Гриффиндора.

С виду это был прелестный ангел с огромными темными, почти черными глазами, обрамленными густыми ресницами. Длинные волосы цвета воронова крыла были спутаны после сна.

– Папа, маме плохо, она кричит! — взволнованно сообщила девочка.

Джеймс с раздражением посмотрел на ребенка и выплюнул:

– Я не твой…

– Джеймс! Думай, что говоришь, — прервал его директор.

«Этот мальчишка все испортит. Надо его попридержать!»

Дамблдор с неохотой поднялся из удобного кресла и подошел к малышке.

– Детка, с мамой все в порядке, а к утру у тебя появится прелестный братик. Ты же ждешь братика? — он посмотрел ей прямо в глаза, по привычке пытаясь прочитать разум, но неожиданно не смог этого сделать. Он оказался перед огромной тяжелой сейфовой дверью. Дверь была заперта. Нужно было либо прорываться, либо отступать.

– Да, сэр, я очень хочу братика. Я его уже люблю. Мама решила назвать его Гарри, а папа — Карлусом. Мне больше нравится имя Гарри, думаю, мама победит. Папа всегда уступает, — искренне ответила девочка.

– Вот и хорошо. Ты можешь остаться здесь, посидеть вон там, в уголке, и подождать с нами, — погладил ее по голове Дамблдор.

Подождав, пока девочка усядется на маленький детский стульчик рядом со своими игрушками, Альбус повернулся к своим собеседникам, подошел к ним поближе и наложил чары неслышимости.

– Джеймс, ты решил все испортить в последний день? Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты относился к ребенку нормально?

– Я не могу, сэр. У меня все внутри переворачивается, когда я ее вижу. А уж когда слышу, как это отродье называет меня папой, еле сдерживаюсь… Как я выдержал эти месяцы — не знаю. Но сегодня ведь все кончится, ведь так, директор?

– Да, Джеймс! — устало проговорил Дамблдор. — Только держи себя в руках! Мы на финишной прямой.

– У меня до сих пор в голове не укладывается, как Лили могла с этим монстром! Если бы она не была Обретенной, я бы никогда не принял этого, директор, что бы Вы мне не говорили!

– Джеймс, мы это уже обсуждали! Лорд был под личиной. Он мастер подобных вещей. Никто бы не смог определить, что перед

нами Волдеморт.

– Даже Вы, директор? — позволил себе легкое сомнение Поттер.

– Да, мой мальчик! — вздохнул Дамблдор. — Дороги и пути темной магии неисповедимы. Она многогранна и изменчива. Познать ее до конца невозможно, а он прошел дальше всех. О многих таинствах и ритуалах не знаю даже я.

«Знал ли я о том, что это Том? Ну, разумеется, знал. Пути темной магии, конечно, неисповедимы, и Томми, без сомнения, очень продвинулся, но знакомый мне магический фон я определить еще в состоянии. Даже под оборотным зельем. Еще из ума не выжил, мальчик мой!» — размышлял великий светлый маг, ласково, с пониманием глядя на Поттера.

– Я боюсь ее, директор! — вдруг признался Джеймс.

– Сохатый, ты сбрендил? Ты боишься трехлетней крохи? — Сириус в изумлении уставился на друга.

– Посмотри на нее, — только ответил Джеймс.

Сириус и Альбус обернулись и застыли.

Девочка, сидящая на низеньком стульчике, подняла в воздух три разноцветных пластиковых магловских кубика и жонглировала ими, просто глядя на них. Дамблдор пришел в себя первым.

– Давно она так может, мальчик мой?

– Мерзкая сестрица моей женушки говорила, что как только из колыбели вылезла.

– Это не стихийный выброс, — задумчиво произнес Альбус. — Она все контролирует. Уровень концентрации велик: три предмета.

– Ну, и что? Кубики легкие. Это пластик. Ребенок может поднять и унести в руках штук пять-шесть, — заметил Сириус. — Так что поднять Левиосой всего три не проблема.

– Бродяга, ты идиот, — устало вздохнул Джеймс. — Какая, к хренам, Левиоса! У нее нет палочки. Она даже не жестикулирует. Только смотрит. Я и вообразить не могу, что бы случилось с домом, если бы она позволила себе стихийный выброс. Ты представляешь — беспалочковая невербальная магия!

– Зато уже сейчас можешь быть уверен, что твой пацан тоже будет крутым, как яйца золотого сниджета(2), которые часов пять варили в котле. Вот что значит кровь Обретенной, да, профессор? — ободрил друга Сириус.

– Несомненно. Малыш будет сильным колдуном.

«В ваших мечтах, мальчики мои. Кровь Обретенной так усиливает только первого ребенка. А Обретенность Лили хотя и признана, но под большим вопросом. Томми не дурак. А у крошки

просто наследственность неплохая! — размышлял директор. — Какой прекрасный шанс!»

– Кстати, Джеймс, — небрежно, как бы случайно вспомнив, спросил Дамблдор, — Вы как-то работали над ее разумом? Может, ставили защиту? Или на ней есть амулеты, блокирующие считку сознания?

– Вы о чем, профессор? Конечно, нет, зачем нам играть в такие игры. Мы с Лили до смерти ее боимся.

– Значит, наследственные способности к окклюменции. И весьма немалые. Она не пустила меня в свою голову. А ведь я не последний человек в этом деле, мальчик мой, — задумчиво сказал Дамблдор: «Интересно, а Северусу удалось бы? Тут он посильнее меня будет, хотя, хвала Мерлину, мальчик и не подозревает об этом! Комплексы — великая вещь!»

– Еще и это! Профессор, когда мы сможем убрать ее отсюда? Я не желаю, чтобы она и лишней минуты оставалась рядом с моим ребенком!

– Терпение, Джеймс.

В этот момент на лестнице раздались усталые шаги Поппи Помфри. Она медленно спустилась в гостиную. Дамблдор незаметным движением развеял чары, а Джеймс метнулся к целительнице:

– Что? Мадам Помфри, что?

– Поздравляю. Мальчик.

Джеймс ринулся вверх по лестнице.

– Поппи, дорогая, тебе надо возвращаться в Хогвартс и отдохнуть, — заботливо произнес Дамблдор. — Ты устала.

– Да, Альбус, пожалуй, ты прав.

Мадам Помфри кивнула всем на прощание, затем вышла за дверь, и через какое-то время находящиеся в гостиной услышали хлопок аппарации.

Дамблдор повернулся к Блэку и сказал:

– Что ж, мальчик мой, не будем терять ни минуты!

Директор сел в кресло и взмахом волшебной палочки придвинул к себе кофейный столик. Легким движением извлек из рукава мантии дощечку и, положив ее на стол, с помощью атама(3) стал наносить на нее руны.

Блэк без особого интереса наблюдал за ним. Руны были для него темным лесом. На эту область магии он, стараясь дистанцироваться от семьи, забил еще в детстве.

А вот Мелисса, подойдя ближе, заинтересовалась появляющимися на дощечке знаками. Заметив ее, директор сказал:

– Хочешь знать, что это, девочка моя? — спросил Дамблдор и,

дождавшись ответного кивка, добавил. – О, это твоя возможность спасти своего братика. Ты же любишь его?

Что, кроме «да», могла в этой ситуации сказать трехлетняя малышка?

_____

(1) Имя Мелисса в переводе в греческого означает «пчела». Кроме того, мелисса — это медоносная трава с сильным запахом лимона (лимонная мята).

(2) Золотой сниджет — редкий, охраняемый вид птиц, которых волшебники использовали для игры в квиддич и почти полностью истребили. Отсюда пошло название «снитч».

(3) Атам — ритуальный нож.

= = = = = = = = = = ГЛАВА 4. За мальчика-который-выжил! = = = = = = = = = = =

Не помня себя, он добирается до своих комнат, падает в кресло перед неработающим камином и закрывает глаза. Где-то внутри, то ли в груди, то ли в животе спиралью закручивается дикая боль. С каждым вдохом легкие, кажется, разрывает на части.

Не в силах больше сидеть спокойно, он вскакивает и мечется по комнате, беспорядочно выдвигая ящики и заглядывая в шкафы, выбрасывая из них не те, не нужные сейчас, вещи.

«Зелья. Снова зелья. Книги, мантикора их раздери. Пергаменты. К Мордреду! Да! Огневиски!»

Глоток. Еще глоток прямо из горла.

«Упиться вусмерть. Чтобы ни одной мысли!»

Внезапный спазм желудка, и вот он уже падает на колени чуть ли не в собственную рвоту. Взмах рукой, и пол снова чист. Опять впивается губами и зубами в горло бутылки. Словно она — враг, которого нужно загрызть до смерти. Он буквально стесывает зубы о стекло, вливая в себя жидкий янтарный огонь. Глотает и захлебывается. И снова глотает.

Тепло разливается по венам. Бутылка вываливается из рук и разлетается о каменный пол. Он падает в осколки, сворачивается клубком, подтягивая колени к подбородку и замирает, не в силах пошевелиться. Но голова не отключается. Не хочет отключаться.

Перед глазами вспыхивают и проносятся образы и картинки прошлого. И даже те, которые раньше приносили облегчение, сейчас мучают сильнее Круциатуса. И звуки. Кажется, прислушайся чуть-чуть и услышишь, как наяву. Как шепот. Громкий, оглушительно громкий, как грозовые раскаты.

Рыжая девочка взлетает на качелях и прыгает, словно парит. А он смотрит. Не может насмотреться.

– Ты волшебница! Как и я!

Вот они сидят на мостках у реки и болтают голыми ногами в воде.

– Расскажи мне о Хогвартсе. Он, правда, есть?

Красный паровоз выпускает клубы дыма. И они в купе, голова к голове.

– Мы ведь едем! Мы едем в Хогвартс!

Картинки, мелькающие перед глазами, убыстряются. Мелькают, еле уловить. Сливаются в световой луч. Бах! Взрываются фейерверком…

– Грязнокровка!

Снова взрыв!

– Прости меня! Я не хотел!

– Можешь не трудиться!

Так и не простила!

Вершина холма. Холодный ветер.

– Вы мне отвратительны!

– Так спрячьте их всех! Спасите ее… их! Прошу вас.

– А что я получу взамен, Северус?

– Взамен? Все что угодно.

И все, все было напрасно!

– Вы обещали мне спасти их! Это были ваши люди!

– Я обещал попытаться!

Он оглушительно кричит.

Хочется послать к дьяволу клятву! Клятву, под которую он снова подставился. Сам подставился! Выпить яд! За него, за мальчика-который-выжил! Просто сдохнуть. Сквибом. В корчах. У него больше ничего нет. И никого. У него все отняли.

Маленькая девочка обнимает его за шею.

– Ты спас меня. Спасибо! ..

Два больших черных глаза смотрят на него.

– Мы еще встретимся? Я бы хотела…

– Тогда мы увидимся через несколько лет…

Вот оно! Он обещал. Слово он держит. Да! И еще книги. Он обещал прислать ей книги.

Он лежит на полу среди осколков, закрыв глаза. Мысли, наконец, затуманиваются. Пол качается, унося его по реке забвения.

И как отголосок эха:

– Ты самый лучший!

***

В кабинете директора Хогвартса Альбуса Дамблдора никогда не было тихо. Многочисленные магические приборы на хрупких столиках с резными ножками как всегда старались перещеголять друг друга: одни постоянно трещали, другие звякали, третьи

пыхтели и выпускали струйки дыма.

Как это не раздражало самого хозяина кабинета — загадка. Однако посетители редко могли сосредоточиться. Особенно студенты, особенно проштрафившиеся. А когда из-за спины директора, царственно восседающего на кресле-троне, на тебя косит глазом феникс, изредка загадочно курлыкая, это было практически невозможно. Плюс чай с каплей веритасерума, плюс лимонные дольки, пропитанные зельем доверия, — и все были перед директором, как на ладони.

Но Северус Снейп не был нашкодившим мальчишкой. Он никогда ничего не ел и не пил в этом кабинете. Соблюдал диету, полностью исключающую любые меняющие сознание биодобавки. Поэтому сейчас его лицо, и без того редко выражающее сильные эмоции, было похоже на ледяную маску. Он спрятал свою скорбь глубоко внутри и не собирался ее кому-нибудь когда-нибудь показывать.

Альбус Дамблдор с явным недовольством посматривал на профессора зельеварения. Уже с полчаса он толкал душеспасительную речь, но реакции не поступало никакой. Вежливое, ледяное внимание. Только когда речь зашла о Гарри, о его будущем, собеседник соизволил выказать слабый интерес.

– Как вы поступите с сыном Лили?

– Гарри будет жить со своей тетей, Северус. Там безопаснее.

С минуту Снейп молчал, оценивающе глядя на директора, а потом неожиданно лениво произнес.

– А с дочерью?

Дамблдор жестко и холодно посмотрел на профессора зельеварения.

«Значит, я прав. Хм, меня сразу убьют или сначала кастрируют? — устало подумал Снейп, вспомнив присказку своего отца. — Давай, Альбус, хотя бы память сотри. Напрочь. Чтоб лежал я себе овощем в Мунго, пускал пузыри из слюней, а из-под меня красивые медиковедьмы выгребали г…»

– И откуда вам об этом известно, позвольте спросить?

– Ну, мы же были друзьями, — Северус язвительно выделил интонацией последнее слово. — Думаете, я мог не заметить, что шестой курс она заканчивала под паршивого качества иллюзией, будучи «немножко» беременной?

У директора еле заметно дернулся уголок губ, но от Снейпа, следящего за каждым жестом собеседника, это не ускользнуло.

«То есть, Альбус, иллюзию ставил ты сам. Топорная работа, рассчитанная на уровень среднего мага! Хотя если не приглядываться?» — подумал Северус и продолжил.

– Кроме того, мы были соседями. Жили в маленьком городке,

где все друг друга знали. И беременность юной девицы до брака — сами понимаете. Вкусная новость. Обсасывали ее долго.

«Кому какое дело, что я после пятого курса там и не появлялся. Все фигуранты мертвы: и мои родители, и ее родители, и даже она сама», — от этой мысли, казалось, утихшая боль вернулась с новой силой.

Дамблдор, тоже внимательно наблюдающий за собеседником, с удовлетворением увидел едва заметный проблеск отчаяния в его глазах и вполне миролюбиво ответил.

– Что ж, Северус. Вы правы. Девочку спрятали в магловском приюте. И там она и останется. Вряд ли сестра Лили обрадуется перспективе повесить на себя еще и девочку. Гарри — важнее.

– Это бессмыслица, директор! Девочке ничего не грозило. В пророчестве она не фигурировала.

– Лили тоже, не так ли. Но это ее не спасло. Это было решение Лили, Северус, его нужно уважать. Она пыталась защитить дочь, — Дамблдор печально покачал головой.

– Предположим. Но сейчас? Она никому не нужна. Она не победитель Темного Лорда, оставшиеся ПСы на нее охотиться не будут. Приют — не лучшее место для ребенка. Тем более для ребенка-волшебника. Ей можно найти опекуна, нанять гувернантку, наконец. Не промотал же Поттер все родительское наследство? Вполне хватит обоим детям, — он встал и прошелся по кабинету, заложив руки за спину, еле сдерживаясь от возмущения.

– Северус, — Дамблдор вздохнул, — девочка не имеет никаких прав на эти деньги. Она не упомянута в завещании.

Снейп, резко обернулся:

– Что? Почему?

– Она не дочь бедного Джеймса. Лили… оступилась. Кто в молодости не ошибался, не увлекался, не принимал страсть за любовь. Джеймс, благородный, чуткий мальчик, понял, простил во имя любви и принял ее и ребенка.

Северус застыл как соляной столп.

«А я-то все гадал, почему они не поженились сразу, как Джеймс стал совершеннолетним, чтобы, как это называется у кумушек в Куокворте, прикрыть грех. Он, похоже, сомневался, а стоит ли его вообще прикрывать. А могли и родители активно протестовать. Зачем им приблудыш в семье?

Свадьба состоялась после весьма своевременной и поразительно одновременной смерти старших Поттеров от драконьей оспы. Что ж, понятно, почему Мелисса носит фамилию Эванс, почему она в приюте. И вот теперь не поверю ни на секунду, что Поттер это сделал, чтобы защитить девочку, следуя

высоким благородных порывам! Ему просто было невыносимо ее видеть!»

– Принял девочку?! — уголки губ Снейпа сардонически приподнялись. — Да он ее с рук сбыл, как только собственный ребенок родился! А теперь выясняется, что еще лишил и средств к существованию! Как благородно. Истинно по-гриффиндорски!

– Не вам осуждать его, — Дамблдор сверкнул глазами. — Вы не забыли, кто рассказал Темному Лорду о пророчестве?

Снейп дернул бровью, сел на стул и замолчал, сжав губы. Все краски схлынули с его лица.

«Браво, Альбус! Карманный ПеС посмел не согласиться, позволил себе иметь собственное мнение. Поставим его на место. Ну, хоть не стал настаивать на этой бредовой версии, что Мелиссу поместили в приют, чтобы спрятать!» — пронеслось в его голове.

– И кто же отец? Или это тоже секрет ради общего блага?

– Северус, вы забываетесь! — окатил его холодом Дамблдор.

Откинувшись на спинку кресла, он в упор смотрел на Снейпа.

– Закончим с этим. Этот ребенок — не ваша забота, у вас и так достаточно обязанностей. Наша договоренность касается только и исключительно Гарри. Если захотите, сможете приглядывать за этой девочкой, когда она приедет в Хогвартс, но не в ущерб основной задаче.

«То есть ты, старый козел, решил, что будешь определять список всех моих забот и привязанностей? В служебное и внеслужебное время? А морда не треснет? — подумал Снейп, сатанея, но поинтересовался тусклым голосом:

– Я могу быть свободен?

Дамблдор пожевал губами и медленно произнес, слегка растягивая слова, как бы размышляя, стоит говорить или нет.

– Еще одну минуту, Северус. Я понимаю, что у нас обоих были тяжелые дни, но мне крайне необходима консультация по Темным искусствам. Вы же в них весьма сведущи, не так ли?

Снейп молчал, ожидая продолжения.

– В каких случаях может не сработать рунный ритуал?

Профессор зельеварения саркастически приподнял бровь.

– Это такая шутка, директор? Искажение формулы — вот ответ на ваш вопрос. Это задачка для третьекурсника.

– Формула верна.

– Ошибка в активации. Не тот порядок, не та стихия.

– На этом этапе ошибки не было.

– Чем активировали?

– Кровью, мальчик мой, кровью. Иначе я бы у вас не спрашивал.

Снейп чуть прищурился: «Да ты активно практикуешь магию крови, Великий светлый? Силен!»

– Так на каком этапе был сбой, директор? — поинтересовался профессор зельеварения.

– На заключительном. Процесс был запущен, что говорит о правильном выполнении начальных этапов, но обращен. Что может его обратить, Северус?

«Только, пожалуй, волшебник, вроде меня. Обладающий достаточной магической силой, вроде моей. Знающий и умеющий применять древние заговоры сидов (1), вроде произнесенного мной вчера. Чтобы одна маленькая девочка не встретилась на тучке с Мерлином — старичком с бородой, вроде тебя. Возможно, из-за ритуала магии крови, вроде только что тобой упомянутого», — подумал Снейп, потерев рукой переносицу.

– Боюсь, так сразу в голову ничего не приходит, директор. Было бы неплохо взглянуть на формулу, чтобы понять от чего мы вообще пляшем.

Дамблдор сокрушенно развел руками, показывая, что вот как раз это он обеспечить и не может.

«Ну, в общем, ожидаемо. Я бы удивился как раз обратному. Вот интересно, это паранойя? Мне уже пора в дурдом?»

– Могу порыться в книгах. Прикинуть. Но вслепую — сами понимаете! Результат если и будет, то вряд ли скоро.

– Тем не менее, попытайся, мальчик мой, — с доброй улыбкой попросил директор.

«Твою-то мать!»

Выйдя из кабинета директора, Снейп поспешил к выходу из замка. Достигнув границы антиаппарационных чар, он переместился в Лондон.

Пройдя по темному, извилистому переулку, Северус пересек мостовую, пропуская несколько автомобилей, и минут через двадцать вошел в Лондонский департамент образования.

Еще через полчаса он покинул казенный дом и устроился в ближайшем кафе, где за чашкой терпимо сваренного кофе принялся изучать развернутый список частных лондонских школ.

«Что ж, — меланхолично размышлял он, — еще парочка Конфундусов, несколько изменений памяти и вопрос решен. Есть все-таки в магии свое очарование».

***

Петуния и Вернон Дурсль уже второй час ждали в жестких, неудобных пластиковых креслах приемного покоя больницы Литтл Уингинга.

– Слава Богу, Полкиссы смогли присмотреть за Дадли! Да-а, сюрприз так сюрприз! — возмущенно шипел мистер Дурсль на

ухо своей жене. — Кем надо быть, чтобы оставить ребенка на крыльце на всю ночь! В ноябре! В корзине! Завернутого лишь в тонкое одеяльце! Его могли украсть. На него могли напасть бродячие собаки. В конце концов, я мог на него наступить! Воспаление легких, которое ему сейчас светит, — фигня по сравнению с переломом позвоночника. Что, нельзя было постучать в дверь и сдать его с рук на руки?

– А нам-то что теперь делать, Вернон? Как мы докажем социальным службам, что это наш племянник? Что мы им скажем? «О, вы знаете, в корзинке было письмо. Да-да, от ненормального старикашки. Написанное на пергаменте. Зелеными чернилами. Которое само вспыхнуло и сгорело сразу, как только мы его прочитали!» Нас засунут в дурдом, а мальчиков в приют.

Вернон помолчал, достал из кармана записную книжку, вырвал листок и, черканув что-то левой рукой, протянул Петунии. На бумажке кривыми размашистыми буквами, так непохожими на обычный, четкий почерк мистера Дурсля было написано:

«Тунья, позаботься о Гарри. Лили».

– Спрячь. Когда спросят — покажешь. Дурацкая идея и хреновая подделка, поэтому должно прокатить.

– Взятки все равно давать придется, — слегка сминая листок и убирая его в карман пальто, сказала миссис Дурсль. — У нас нет ни одного документа, кроме свидетельства о рождении Лили. Она ведь ничего не стала оформлять: ни удостоверение личности, ни страховку. Зачем мне, говорила. Я уж молчу о свидетельстве о браке с Поттером и свидетельстве о рождении мальчика.

– Это все чушь, Туни! Меня беспокоит другое, — нервно сказал ее муж.

– Знаю. Сама постоянно об этом думаю. Где она может быть? Почему они не привезли обоих детей? Ты думаешь, она тоже погибла, Вернон?

– Нет! Не верю! Они написали только про твою сестру и этого ее мужа… Туни, — умоляюще протянул Вернон, – ну, не плачь. Я сейчас сам заплачу.

Петунья решительно вытерла глаза и, кивнув головой мужу, сказала:

– Мы потом это обсудим. И, Вернон, я тоже думаю, что Мелисса жива. Пока я не увижу ее могилу, в обратном меня никто не убедит.

– С полицией соцслужбы наверняка свяжутся. Скажем, что у Лили была еще и дочка, пусть поищут. Дадим им последнюю фотографию. Да, прошло полтора года, но не думаю, что Лисса очень сильно изменилась.

– А если скажем, что Лили была наркоманкой или алкоголичкой, никого не удивит, что она могла где-то потерять или забыть ребенка.

Помолчав какое-то время, Вернон проговорил, отведя взгляд.

– Туни, ты, конечно, можешь на меня обидеться, но имей в виду. Мальчишку мы, естественно, примем. Однако любить его из-под палки меня никто не заставит. Он не Мелисса.

– Вернон, о какой любви речь? Тут скорее изнасилование. И потом, любви от нас, похоже, никто и требовать не будет. Ты же читал письмо? Ты же видел их пожелания? — выделила последнее слово Петуния. — Кров, стол, одежда. Необходимый минимум. Никакого внимания и заботы. Чем хуже, тем лучше.

– Это-то меня беспокоит еще больше. Зачем отдавать малыша в семью, если хочешь, чтобы к нему относились, как в приюте?

В этот момент к ним подошел врач.

– Мистер и миссис Дурсль? Ребенок сильно переохладился. У него воспаление легких. Однако самое тревожащее — это травма головы. На лбу рана, похожая на след от удара тупым предметом. Необходимо сделать томографию, чтобы убедиться, что нет кровоизлияния в мозг и давления на черепную коробку. Это удовольствие недешевое. А у вашего племянника, как я понимаю, нет медицинской страховки. Поэтому… — врач развел руками.

– Назовите мне сумму, я выпишу вам чек, — устало сказал Вернон. — Делайте все, что потребуется.

– Его придется подержать в больнице минимум пару недель.

– Тем лучше, — сказала Петунья. — Сами понимаете, сколько беготни нам предстоит. У ребенка ни одежды, ни документов, ничего…

– Да уж, — с сочувствием протянул врач, — заработаете стойкую аллергию на бюрократию на всю оставшуюся жизнь.

А в это время волшебники, по всей стране отмечающие окончание войны, поднимали бокалы за Гарри Поттера — за мальчика, который выжил!

_____

(1) Сид — (ирл. Sídhe, мир), в ирландской мифологии потусторонний мир, населённый племенами богини Дану, которых в народе, за место своего обитания, также именовали сидами (sidhe).

= = = = = = = = = = ГЛАВА 5. Черная стрелка проходит циферблат = = = = = = = = = =

Мелиссу Эванс оставили на крыльце католического приюта св.Анны для девочек, когда ей только-только исполнилось три. Малышку обнаружила пришедшая на работу повариха рано утром 1 августа.

Озябшая, босая, в одной ночной рубашке, с высохшими дорожками слез на лице, девочка сидела на верхней ступеньке, комкая в холодных ладошках записку, в которой было написано «Мелисса Эванс, 20.06.1977».

Когда ее попытались расспросить о родителях, она посмотрела на взрослых и очень четко для маленького ребенка произнесла:

– От меня избавились.

Директриса, миссис Дженкинс, заявила о подкидыше в полицию и службу опеки, но девочку никто не разыскивал. Врач-педиатр констатировал, что ребенок абсолютно здоров. Психолог тоже не выявил никаких отклонений: все тесты были в норме, в развитии она даже опережала сверстников, и сильно.

В общем, было непонятно, какой монстр мог избавиться от красивого, умного, здорового ребенка. Но факт оставался фактом.

Таким образом, Мелисса Эванс стала жить в приюте. Ее поселили с двумя другими девочками, и тут возникли первые проблемы.

Она была самой маленькой, поэтому ее не особо принимали в игры и на ночные девичники тоже не звали. А на роль «поди-ка, сгоняй-ка, постой-ка, подержи-ка» она не соглашалась сама. Кроме того, пару раз ее соседки, Бет и Дженни, видели, как Мелисса делает странные и невозможные вещи: открывает окна и двери, даже не приближаясь к ним, притягивает к себе игрушки и книжки, освещает темные комнаты, не включая свет. А однажды она даже сидела в траве рядом с ужом и шипела, как змея. Ну, явно больная!

Они устроили истерику, что не будут жить с чокнутой в одной комнате. И хотя никто из взрослых им не поверил — мало ли что они придумают! — вода камень точит. Бет и Дженни боялись, злились и настраивали других против Мелиссы. Каких-то полгода и с ней перестали разговаривать все воспитанницы приюта. Учителям разбираться было некогда. Кто виноват? Тот, на кого все дружно показывают пальцем. Да и вообще, перерастут!

Сама Мелисса начинала серьезно опасаться находиться с девочками наедине. Нет, она не боялась, что они могут ее обидеть. Она боялась, что не сможет сдержаться сама.

Она прекрасно знала, что она волшебница. Об этом ей сказали еще тетя с дядей. Вспоминая о них, девочка ужасно переживала, что не знает их адреса и фамилии. Тогда в этом просто не было необходимости. Тетя была постоянно рядом. А она сама была тогда еще слишком мала, чтобы ее выпускали куда-нибудь одну. Поэтому сейчас и мечтать было нельзя, чтобы

как-то разыскать их и снова жить с ними. Найти людей только по имени нереально. Мало ли в Англии Петуний и Вернонов?

Так вот, сами тетя и дядя колдунами не были. Было видно, что они слегка опасаются способностей девочки, хотя и не возражали, чтобы она ими пользовалась. И как можно чаще.

И Мелисса тренировалась. Каждый день. И у тети с дядей, и в доме Поттеров колдовать можно было без вопросов. А вот в приюте остаться одной было очень и очень сложно. Тем более после того, как другие девчонки узнали о ее возможностях.

В приюте началась веселая игра «Бесим убогую Эванс», сокращенно «БУЭ». Ее не оставляли одну ни на минуту. Даже в туалет с ней заходили, разве что в кабинку не залезали, но зато исправно колотили в дверцу. Каждую секунду орали, что она ненормальная, щипались, толкались, пинались, дергали за волосы и поминутно жаловались на нее воспитателям и учителям.

Уединиться, чтобы выплеснуть накапливающуюся энергию было просто нереально. Мелисса буквально физически ощущала, что еще немного и магия вырвется, не оставив от приюта камня на камне.

В тот памятный ей Хеллоуин, так и случилось. Редкое везение, что она успела выбежать из здания и метнуться в пустую подворотню. Еще большая удача заключалась в том, что она встретила взрослого мага, который смог купировать магический выброс.

Тогда ее жизнь сделала резкий крен к лучшему благодаря Северусу Снейпу. Он не просто спас ей жизнь, напоил чаем и вернул в приют. Он развил там бурную деятельность. Одним жестом прервав возмущение мисс Джонс, Северус посадил Мелиссу на первом этаже на один из гостевых стульев рядом с фикусом и, велев ждать, прошел в кабинет директрисы.

Что он там делал, неизвестно. Мелисса лишь видела, что через несколько минут к директрисе сначала зашли все сотрудники приюта. Затем они вышли и, несмотря на поздний час, вытащили из кроватей всех воспитанниц и тоже запихнули их в кабинет.

Через минут десять все разошлись по своим комнатам, включая директрису. Вернулся Северус, подхватил ее на руки, и быстро поднялся с ней на третий этаж. Воспитанницам было запрещено подниматься сюда. Да там и не было ничего, кроме маленькой комнатки, в которой складировали старую мебель.

Войдя в каморку и осмотрев нагромождение рухляди, Снейп поставил Мелиссу на пол и вытащил палочку. Несколько взмахов и в комнате остались только старая скрипучая кровать, разбитая

тумбочка, трехногий стул и покосившийся платяной шкаф. Починив мебель и расставив ее по комнате, Северус быстрыми пассами очистил комнату от пыли и взмахом руки заставил окно засверкать.

Склонившись над девочкой, он скороговоркой произнес:

– Я тороплюсь, поэтому слушай внимательно и запоминай. Отныне ты будешь жить в этой комнате. Одна. Никто о твоих способностях не помнит. Отношение к тебе теперь нейтральное. Когда будешь колдовать, обязательно запирай дверь на задвижку. Через пару лет пришлю с совами книги, как и обещал. Пока читай то, что уже есть. И учись контролю. Все ясно, малыш?

Мелисса, в остолбенении оглядывающая свою новую комнату, кивнула, подняв на него восторженные глаза, а потом порывисто обняла за шею и неловко поцеловала в щеку.

– Ты самый лучший!

Дернувшийся было Снейп на секунду крепко прижал ее к себе, а затем, негромко скомандовав «Немедленно спать!», аппарировал прямо из комнаты.

А через два дня в приют приехала миссис Макнабб, директриса Коллегиальной школы для девочек Северного Лондона, и ошарашила сотрудников приюта тем, что Мелиссе Эванс предоставили полную стипендию.

***

– Ну, что скажешь, Аманда? — Макнабб откинулась на спинку кресла и вопросительно посмотрела на учительницу младшего класса.

– Я проэкзаменовала ее, Элисон. В принципе, Эванс можно уже сейчас переводить в класс к семилеткам. Среди ровесниц ей делать нечего. Ничего нового она не узнает. Но тут есть проблемы.

– Какие?

– Возраст и скорость письма. Девочки могут воспринять ее в штыки, и успевать записывать за преподавателем она не сможет. Живопись и музыка для нее тоже темный лес.

– Что говорит психолог?

– Коэффициент интеллекта высокий. Речь развита, пользуется сложными оборотами, строит логические цепочки. Делает выводы. Все на уровне семи-, восьмилеток. Не характерно для воспитанницы приюта. Ребенком раньше явно занимались. И у нее очень хорошая память.

– Тренер ее смотрел?

– Да, Элисон. Сказал — гибкая девочка. Гимнастика пойдет неплохо. Лет с шести, когда скелет окрепнет.

– Значит, эти полгода активно подтягиваем ее по

проблемным вопросам. Особенно письмо. Со следующего года она начинает учиться с семилетками, но по плавающему расписанию. Наша желаемая цель — год за полгода.

Немного помолчав, размышляя, она продолжила.

– Физическая нагрузка должна быть. Также каждый день дополнительные занятия. Запишите ее пока на танцы и в субботнюю группу плавания. Языки с упором на латынь и греческий, хор, музыка. Пусть ее послушает Стюарт и решит, какой инструмент.

– Элисон, это очень большая нагрузка на ребенка. Она слишком маленькая. Ты что, хочешь, чтобы к одиннадцати годам она завершила шестую форму? Да она же света белого не увидит. Будет торчать в школе и библиотеке целыми днями.

– Посмотрим по ситуации, при необходимости немного сбавим обороты. И потом, думаешь, ей в приюте лучше?

– Да почему ты вообще так озаботилась этим ребенком?!

– Господи, Аманда, считай, что я зарабатываю себе место в раю. А она — отрабатывает стипендию.

– Аргумент! Не поспоришь!

Таким образом, у Мелиссы Эванс началась очень напряженная жизнь. И с каждым годом она становилась все активнее и активнее. Все ее время было подчинено жесткому расписанию.

Девочка вскакивала ни свет, ни заря. Зарядка, растяжка, завтрак, а уже в семь утра у ворот приюта ее подхватывала на машине миссис Макнабб, которой, по ее словам, было по пути из пригорода, где она жила.

Директриса школы, одинокая вдова под пятьдесят, казалось, возложила на себя обязанность опекать Мелиссу. Мечтой ее жизни было хоть раз отойти в преподавании от разработанной программы и попробовать максимально быстро воспитать всесторонне развитую личность. А тут — такой подарок.

На эту благодатную почву и легли ментальные закладки Снейпа. Его слова «взять под личный контроль и следить за образованием» дама восприняла несколько не так, как планировалось профессором зельеварения, а гораздо более серьезно. Из той беседы в подсознании осталось главное: в ребенка нужно было вложить максимум за минимум времени. Способ она видела только один: кинуть как щенка в прорубь. Выплывет — молодец.

Макнабб с самого начала, невзирая на нежный возраст, относилась к девочке, как к взрослой, и никогда не сюсюкала. Эту же манеру общения переняли все преподаватели. Разговаривая с Мелиссой, они никогда не делали никаких скидок, не старались

упростить свою речь, лишь попутно поясняя незнакомые термины.

Директриса контролировала внешний вид девочки, ее умение себя вести, успехи в учебе, составляла списки литературы для чтения и забивала досуг Мелиссы дополнительными занятиями так, что она буквально ужом извивалась, чтобы найти необходимое время для магии.

С утра по дороге в школу Макнабб, сама преподаватель французского, говорила с Мелиссой только на языке Вольтера. Они читали наизусть басни Лафонтена, учили стихи, слушали французские песни. Со временем директриса стала включать радио, а Мелисса должна была пытаться «синхронить» услышанное. Причем все подряд. От «…сегодня в Лондоне состоится встреча в верхах…» до «…привет, народ, у нас в гостях группа Дьяволицы».

Иногда Макнабб давала личную оценку упомянутым в новостях политическим событиям. Она сообщала девочке все, что думает о новых инициативах тори, или изменениях окружающей среды, или действиях президента Зимбабве, поначалу не рассчитывая на ответ. Точно так же она беседовала по утрам со своей кошкой, готовя завтрак. Она была чрезвычайно довольна, когда три года спустя восьмилетняя Мелисса первый раз подала ответную реплику:

– Я считаю, что Киннок(1) должен был пойти на сделку с тори, в противном случае лейбористы опять проиграют выборы.

– На основании чего сделаны такие выводы?

– У них стабильное меньшинство в палате общин. Их инициативы даже не доходят до стадии публичного рассмотрения. Их голос не слышен. Шансов без коалиции нет.

Ухмыльнувшаяся Макнабб отметила:

– Я так понимаю, ты добралась до учебников по общественным наукам.

– И до клуба дебатов тоже.

В школе девочка сначала молнией носилась по индивидуальному расписанию из класса в класс, с занятия на занятие. После, когда педагоги поняли, что у нее фотографическая память, стало легче. Практически все гуманитарные предметы ей отдали на самостоятельное изучение.

Она училась в библиотеке в том темпе, в каком ей было удобно, читая учебники и книги, готовя эссе и сочинения по заданным темам. Однако из графика, составленного для нее Макнабб, не выбивалась.

Раз в две недели она представала перед учителями, ее гоняли по пройденному материалу и выставляли оценки. А историк и учитель английского, сразу заявившие, что просто бездумно

зазубренный текст они оценивать не будут, еще и дискутировали по различным спорным моментам, заставляя высказывать свою точку зрения и делать это аргументированно.

Именно они в добровольно-принудительном порядке записали ее в клуб дебатов.

Самым нелюбимым предметом Мелиссы стала физика. Нет, проблем с освоением материала и решением задач не было. Просто безумно раздражал тот факт, что ее, волшебницу, пытаются убедить в том, что многие вещи, которые она легко может делать, вроде левитации, якобы невозможны.

На одном из уроков, слушая очередные излияния преподавателя на тему закона всемирного тяготения, она взглядом подняла книгу с учительского стола на уровень его глаз. Самым забавным было то, что она сделала это, когда он говорил что-то типа: «Поэтому-то эта книга и не парит над столом».

Класс пораженно замер, а когда том плавно опустился на стол, дружно захохотал. Физик тоже смеялся, искал леску, магниты, говорил, что его шикарно подловили и клялся, что выставит отличную семестровую оценку той умнице, которая устроила такой замечательный розыгрыш.

Умница, ругаясь про себя, не призналась и больше не выпендривалась. Для себя она решила, что главное всегда помнить: нельзя совать пальцы в розетку, хвататься и наступать на лежащие провода, стоять в грозу под деревьями. Также не стоит плюхаться в налитую до краев ванну как с включенным феном в руках, так и без него. Это имело практический смысл. Все остальное можно было запихнуть в дальний уголок мозга, чтобы вытащить по мере необходимости.

После уроков наступало время дополнительных занятий. Каждый день она посещала какой-нибудь кружок, а то и два. Танцы, хор, языки, а по субботам плавание и фортепиано. Когда ей исполнилось шесть, добавилась еще и художественная гимнастика четыре раза в неделю, которая неожиданно пошла очень успешно, и плаваньем пришлось пожертвовать.

Ее ровесницы в школе, вопреки ожиданиям, общались с ней нормально и относились с сочувствием, видя, сколько навалили на способную ученицу, и осознавая, что подобный темп выдержит далеко не всякий.

К тому же, несмотря ни на что, она не была занудой и болтать с ней было очень интересно. Она была веселой, забавной и в принципе могла поддержать любую тему от древнегреческой мифологии до мини-юбок. Да, училась она много, но не ради самого процесса. Уже незадолго до своего отъезда в Хогвартс, болтая с девчонками во время обеда, она им объяснила: «У меня с

вами были слишком неравные стартовые условия. Я нагоняла и перегоняла».

Тогда же девчонки спросили ее, мол, с учебой все ясно, а за модой-то когда успевала следить. И Мелисса замогильным шепотом поведала им великую тайну, что на черном-пречерном первом этаже, в черной-пречерной библиотеке, на черной-пречерной нижней полке черного-пречерного книжного шкафа лежит большая и страшная полная подшивка «Seventeen».

– Так вот что ты прячешь в учебнике физики? — засмеялись девчонки.

– Виновна, ваша честь, — покаянным голосом ответила Мелисса.

***

Обещанные книги девочка получила на свой седьмой день рождения.

Мелисса всегда была «жаворонком». А с ее расписанием превратиться в «сову» не светило в принципе.

К тому же даже летом, несмотря на наступившие каникулы, миссис Макнабб, отпуск которой был лишь в августе, с упорством быка на корриде каждый день возила ее в школу. Там ежегодно организовывалось что-то типа летнего лагеря для учениц.

Девочек водили в парки, музеи, картинные галереи, устраивали подвижные игры. Для желающих организовывались туристические поездки за границу. Вся эта прелесть, естественно оплачивалась родителями отдельно. И если в летний лагерь Макнабб каждый год запихивала ее прямым указанием, то ни на какие заграничные турне Мелисса никогда не рассчитывала.

Она полагала, что ей и так чертовски повезло, что она попала в эту школу и цепкие руки миссис Макнабб. Взрослея, Мелисса все чаще и чаще думала, что это везение искусственного характера. И была почти на сто процентов уверена в том, чьи руки сотворили подобную удачу.

Так что летом единственным послаблением в ее графике было время выдвижения к храму знаний: оно сдвигалось на два часа. И Мелисса позволяла себе невиданную роскошь. Вскакивала не в шесть, а в семь.

В этот день она проснулась как всегда с петухами. Но понежиться не получилось. Едва открыв глаза, девочка услышала, как что-то стучится в стекло. Выбравшись из кровати и подбежав к окну, она увидела на подоконнике большую серую сову. Птица сидела на увесистом свертке и методично долбила клювом. Заметив девочку, она какое-то время смотрела на нее огромными круглыми глазами, словно бы говоря: «Ну? Что стоим, кого ждем?» А потом — что взять с глупого бескрылого? — толкнула

сверток лапой и улетела прочь.

Девочка открыла окно и подтащила его к себе. Сорвав оберточную бумагу, она увидела несколько книг. Между ними лежал лист пергамента, на котором твердым почерком было написано: «С днем рождения!»

Это была научно-популярная литература о магии, явно изданная специально для детей, пособия для развития способностей у юных волшебников, а также несколько книг о магическом сообществе, традициях, законах и этикете магов и толстый том по зельям. Это были букинистические издания, не позже 40-х годов выпуска, но в весьма неплохом состоянии.

До приезда Макнабб оставалось всего час-полтора, и Мелисса успела лишь по диагонали просмотреть пособие для маглорожденных. Но этого хватило, чтобы придумать себе головную боль.

Она узнала, как попасть в магическую часть Лондона, на Косую аллею. Вход располагался в пабе «Дырявый котел» на Чаринг-Кросс-Роуд недалеко от станции метро Площадь Лестера. И побывать там очень и очень хотелось. Но вот был ли в этом смысл?

Добраться туда было несложно. Но волшебной палочки, чтобы пройти через арку, у нее нет. И даже если вход откликнется и без нее, все упирается в деньги. Точнее в их полное отсутствие. На проезд-то она еще наскребет, а на обмен в банке Гринготтс однозначно нет, не говоря уже о ритуале установления родства по крови.

То, что подобная процедура была ей абсолютно необходима, Мелисса решила твердо. В книге черным по белому (вернее, изумрудным по бежевому) было написано: многие маглорожденные волшебники могут проследить свою родословную от сквибов древних родов. Например, автор сего опуса, по его словам, смог. Маглорожденной девочка не являлась. Лили была волшебницей. Так что сама Мелисса — минимум полукровка. Но вот возможность узнать о вероятных родственниках и предках привлекала.

***

Ведущая машину миссис Макнабб покосилась на сидящую рядом Мелиссу. Было видно, что девочку что-то беспокоит.

Элисон всю жизнь преподавала, была педагогом до мозга костей, но первый раз в своей жизни ощущала полную отдачу от своих действий. Она до сих пор не могла вспомнить: кой-черт дернул ее поехать в этот приют и предоставить полную стипендию незнакомой девочке, но это было, пожалуй, лучшее, что она могла сделать в своей жизни.

Каждый вложенный в этого ребенка благотворительный пенни отрабатывался Мелиссой на двести процентов. Она училась, как заведенная, и никогда не жаловалась. Весь педагогический состав потирал руки и ждал того момента, когда девочка еще немного подрастет, чтобы «выпинать» ее защищать честь школы на каком-нибудь конкурсе.

Одинокая и бездетная, Макнабб привязалась к своей ученице и чрезвычайно гордилась ее успехами. Поэтому старалась по мере возможностей решать проблемы, которые могут помешать ребенку учиться.

– Почему такая мрачная? Что случилось? — спросила Макнабб, глядя на нахмуренное лицо Мелиссы.

Если бы этот вопрос она задала любой другой ученице, то начались бы приседания и расшаркивания. Что случилось? Ничего. Но я же вижу. Все нормально. И тем не менее…

Но Мелисса ответила сразу и по существу.

– Как вы думаете, мэм, есть ли возможность для девочки в моем возрасте где-нибудь заработать?

Макнабб с интересом посмотрела на свою пассажирку.

– И зачем тебе деньги?

– Купить рваные джинсы.

– В смысле? — поперхнулась директриса.

– Это для примера, мэм. Чтобы в принципе иметь возможность себе что-то купить. То, что я хочу. Или то, что мне необходимо. Хоть носки, хоть проездной на метро.

– Еще веселее. Зачем тебе проездной?

– Мне уже семь. Я могу добираться до школы самостоятельно. Мне бы не хотелось и дальше отнимать ваше личное время, мэм.

– Ах, вот в чем дело. Что ж, давай рассуждать. Даже если мы гипотетически предположим, что какой-нибудь нарушитель закона о детском труде захочет тебя нанять, что ты умеешь делать?

Честно говоря, ответа на свой вопрос директриса не ждала.

– Я умею петь, танцевать, у меня красивая фотокарточка и хорошая память. Как считаете, мэм, я буду смотреться на экране телевизора с улыбкой до ушей и словами: «Мама, это самое вкусное в мире какао! Спасибо, Несквик!»

Элисон серьезно задумалась. В этом был свой резон. Попытка — не пытка.

– Хм. Ну что ж. Я тебе помогу. Проконсультируюсь со своей подругой-юристом о возможных подводных камнях. После составим резюме, сделаем несколько фотографий и разошлем по рекламным агентствам. Считай это подарком на день рождения. Но! — она сделала многозначительную паузу. — Не в ущерб

учебе. Если тебя и пригласят, то только в свободное время. А у тебя его и так очень и очень немного. Решай!

– Я справлюсь.

– Кстати, если тебе так уж сильно нужны деньги, уже в следующем году сможешь поучаствовать в национальном конкурсе правописания. В финале победителя ждет очень приятная глазу сумма. Для школьницы, разумеется.

Мелисса замялась.

– Мэм, будет ли это честно? Все должны быть в равных условиях. А у меня фотографическая память. Это несправедливо. Я не должна…

Макнабб резко затормозила у обочины и повернулась к Мелиссе.

– Говорю один раз. Запомни, жизнь несправедлива в принципе. Равных условий не бывает. Кто-то сильнее, кто-то умнее, кто-то красивее, кто-то богаче, кто-то способнее, кто-то талантливее.

Справедливо, что ты в семь лет сидишь и думаешь, где тебе взять денег? Справедливо, что в Англии множество сирот, а стипендию получила именно ты? Ты пришла в школу, умея читать, писать, выполнять математические действия и пользоваться словарем. Было бы справедливо посадить тебя в класс к ровесницам и учить всему заново?

Абсолютное равенство недостижимо. Мужчины сильнее физически, но сосредотачиваться могут только на одной задаче. Женщины физически слабее, но способны делать несколько дел одновременно. У тебя абсолютная память, а кто-то в уме производит сложнейшие математические вычисления. У любого есть слабые и сильные стороны. И не использовать свои таланты преступно.

Что хорошо для одного — для другого плохо. Нельзя осчастливить всех. Как и невозможно всем нравиться. Человек не стофунтовая банкнота. Ты в жизни встретишь множество людей. И нравиться будешь далеко не каждому. Просто знай, даже если тебе кажется, что человек плохой, или злой, или несправедливый, у него тоже есть близкие люди, для которых он — самый лучший, самый чуткий, самый замечательный. Может, сегодня у него плохое настроение, или болит зуб, или вы просто друг другу несимпатичны. Бывает. Значит, вы видите в разных спектрах и слышите в разных диапазонах. Пережди, как неизбежное зло. Как дождь. Потому что проходит все.

Какое-то время они сидели молча, а потом Макнабб снова заговорила:

– И еще. Раз уж у нас зашел такой разговор. Давай затронем

тему долга. У человека есть долг перед собой, перед семьей и перед родиной. Все остальное — это то, что он сам принял на себя или позволил повесить. Поэтому, если ты делаешь человеку добро — делай без оглядки. Не добавляй ему лишнего груза.

Мне лично ты ничего не должна. Я трачу на тебя свое время, потому что мне интересно, сколько мы сможем впихнуть в твою голову. Считай, что я Пигмалион, ваяющий Галатею. И пока вижу результат, ущемленной я себя не ощущаю. Начнешь балбесничать — прекращу тобой заниматься. Все понятно?

Мелисса отрицательно покачала головой.

– Вы говорите, долг перед семьей, мэм. В день, когда родился мой брат, моя мать и ее муж бросили меня ночью на крыльце приюта. По вашей логике, я им что-то должна?

– Хорошего пинка, — сквозь зубы проговорила шокированная Макнабб.

***

– Хочешь знать, что это, девочка моя? — спросил величественный седой длиннобородый старик. – О, это твоя возможность спасти своего братика. Ты же любишь его?

– Да! — Мелисса кивнула головой, внимательно глядя на дощечку, покрытую странными знаками.

Послышались шаги. Девочка обернулась на звук и увидела Лили и Джеймса, спускающихся по лестнице.

– Мама! Тебе больше не больно? А где Гарри? Я хочу его увидеть!

– Тише, девочка моя, тише. Твоему братику очень плохо. И маме тоже. И помочь им можешь только ты. Ты же хочешь помочь?

– Да, конечно!

– А не испугаешься? — с доброй улыбкой спросил старик.

– Нет, — Мелисса активно замотала головой, демонстрируя свою храбрость.

Он дал ей нож и сказал.

– Тебе нужно порезать пальчик и помазать кровью вот эти значки. Они называются рунами. А вот эти мы помажем кровью Гарри.

– Держите, директор, — Джеймс вложил в руку старика фиал с кровью. — Из пуповины, как вы и говорили.

Мелиссе было страшно, но желание помочь братику и маме пересилило. Она храбро протянула палец к лезвию и надавила. Появившуюся кровь девочка размазала по тем значкам, что указал директор. На оставшиеся старик капал кровью из фиала.

Руны на дощечке одна за другой начинали светиться белым. Лучи переплетались, создавая волшебное кружево. Глядя на игру света, Мелисса сунула порезанный палец в рот, а нож, который все еще держала в руке, инстинктивно вытерла о подол ярко-красной ночной рубашки.

Когда засветилась последняя руна, дощечка вдруг поднялась над столом, загорелась ярким, ровным пламенем, а потом исчезла в мощной вспышке.

– Vinculum Sanguine Maxima (2), — еле слышно прошептал старик.

– Это все, профессор Дамблдор? Дело сделано? — высоким голосом со звенящими нотками истерики спросила Лили.

– Да, — ответил директор, забирая у Мелиссы нож. — Можете теперь поступать, как считаете нужным.

– Убери ее из этого дома, Джеймс! — закричала Лили. — Немедленно!

– Не визжи на Сохатого, — осадил ее Блэк. — Орать будешь на своего Сопливого Снейпа.

Мелисса обернулась к Джеймсу.

– Па… — с вопросительной интонацией начала она.

В следующий момент в нее полетело обездвиживающее заклинание. Последним, что она запомнила, был рык «Я не твой отец, отродье!»

Мелисса проснулась от собственного крика со слезами на глазах. События той ночи, когда родился брат, были, пожалуй, самыми неприятными в ее недолгой жизни. Возможно, поэтому

ее мозг блокировал эти воспоминания, защищаясь. Разговор с миссис Макнабб сработал как спусковой крючок.

Девочке уже вторую ночь подряд снился этот сон. И если в первый раз, проснувшись, она могла только рыдать, зарывшись лицом в подушку, то сегодня, ложась спать, она поставила перед собой четкую задачу: максимально подробно рассмотреть и запомнить все детали.

Сейчас, спрыгнув с кровати, она схватила первую попавшуюся тетрадку, вырвала чистый лист и начала рисовать рунный круг из сна. Кружками она обвела значки, для активации которых использовалась ее кровь, а квадратами те, на которые лили кровь из флакона. Под каждой руной она проставила номера: в том порядке, в каком они загорались.

С чувством выполненного долга, Мелисса посмотрела на

получившуюся схему. Ее передернуло. Теперь ей было понятно, что она участвовала в ритуале магии крови. В кровной привязке, судя по словам, произнесенным этим профессором Дамблдором, кем бы он ни был.

Только вчера она читала о магии подобного типа в одной из присланных книг. Там подробно рассматривалась тема использования крови, волос, ногтей в разнообразных ритуалах. Пояснялось, что некоторые из них действуют подобно зельям подчинения или заклятию Империус. И очень многие считаются незаконными. Все сводилось к тому, что нужно беречь свою кровь, опасаться подобной магии и никогда не использовать ее.

Размышляя об этом, Мелисса подумала, что «никогда» — это чересчур жесткое ограничение. Тот же гоблинский ритуал проверки родства относился к магии крови. Существовали ритуалы кровного поиска пропавших. Так что ритуал ритуалу рознь. Все люди, что маги, что маглы, с пиететом относятся к собственной крови, многие боятся ее вида. Но в таком случае, сколько людей могло бы умереть без переливания? Тот же ритуал. Фактически один человек делится с другим своей жизненной силой.

Однако от того ритуала, проведенного 31 июля, казалось, веяло мертвенным холодом. И дело было не в магии крови. И не в страхе перед черной магией. Дело было в том, что ее просто использовали. Нагло и втемную. Рассуждения этого директора, что нужно спасти жизнь братику и маме, теперь, после всестороннего рассмотрения, выглядели несостоятельными. Они годились только для маленького ребенка, кем она и была.

Судя по всему, ритуал был с прицелом на будущее. Для него явно нужно было ее добровольное согласие. Поэтому и давили на детскую любовь к новорожденному брату и желание помочь, на полную катушку используя неспособность в силу возраста ставить под сомнение слова взрослых, задавать правильные вопросы и делать выводы.

А потом от нее просто избавились. При активном одобрении собственной матери. Если ее вообще можно так называть.

Мавр сделал свое дело, мавр может уходить.

Это был урок. Жестокий, но крайне действенный. Сомневаться и задавать вопросы ее научили раз и навсегда.

Посидев еще минут пять, Мелисса сложила схему, убрала ее в медальон и отправилась досыпать. Еще не известно, закончилась ли эта история, или отголоски еще будут. А проблемы встречать лучше на свежую голову.

---

(1) Нил Киннок — председатель Лейбористской партии

(1983-1992 гг.).

(2) Буквально с латыни «кровные узы максимальной силы».

= = = = = = = = = = ГЛАВА 6. Встречи, знакомства и прочие неприятности = = = = = = = = = = =

Тем же летом Мелисса получила свою первую работу. Она снялась в рекламе брекетов. И ее мордашка с радостной улыбкой и не очень эстетичной конструкцией на зубах стала мелькать по ящику.

Макнабб, выполнившая свое обещание, была уверена, что ни одна хорошенькая девочка на подобное издевательство не согласится, но Мелисса на то и была собой, чтобы рвать шаблоны.

– Мэм, в моей ситуации я бы и подгузники рекламировала. Но боюсь, попой не вышла. Да и возраст для этой рекламы у меня уже пенсионный.

Заявила она это в очереди в банке, где миссис Макнабб по доверенности от приютского начальства помогала ей открыть сберегательный счет. Очередь легла. А невозмутимая девочка только пожала плечами.

– Да, господа! Старость! C'est la vie!

А вот следующая реклама оказалась прорывом. Вместе с нарисованным зайцем она спела песню — маэстро, туш! — про хлопья. И спела весьма неплохо. Это был хит! На счет потек тоненький ручеек, а девочку заметили и стали приглашать чаще.

Но вершиной карьеры стали регулярные съемки для каталогов детской одежды и запись джинглов для заставки утренней детской программы одной из лондонских радиостанций.

Так что на финансовом горизонте просветлело. Можно было солдатскими перебежками выдвигаться к Косой аллее.

В августе, когда миссис Макнабб укатила в отпуск, Мелисса наконец смогла полностью посвятить себя изучению присланных томов и магии.

«Как же хорошо, что она все-таки не робот, — думала девочка. — И не заряжается от розетки. Можно спокойно читать, и никто не помешает!»

Чрезвычайно интересной и подробной оказалась информация о волшебных палочках: что это такое, из чего их делают, а также приводилась сравнительная характеристика производителей.

Пояснялось, что когда-то давно колдуны не пользовались ни заклинаниями, ни палочками. Они творили чистым потоком силы. Однако сталкивались с определенными сложностями. Одна и та же манипуляция получалась не всегда, либо не так, как было нужно. Многое зависело от физического и психологического состояния колдуна.

И артефакты, от древних посохов до современных палочек, а также словесные формулы заклинаний стали теми опорами, которые позволяли магу колдовать при негативных внешних факторах. Они были своего рода ритуалом. Практически безотказным.

Можно было сделать вывод: волшебная палочка — это концентратор, усилитель и резонатор магического потока. «Защита от дурака» и лекарство от косорукости.

«Получается, слова и палочка — это костыли. Ходить можно, опираясь на них или самостоятельно. Кроме того, они — гарантия. Более мощное оружие, как пистолет. Врага можно остановить и голыми руками, при должных навыках, но пулей — наверняка…»

В итоге все рассуждения свелись к одной мысли: волшебная палочка существенно облегчает колдовство. Рядом с этим абзацем девочка увидела карандашную пометку, сделанную на полях знакомым твердым почерком: «Легче — не всегда лучше».

Обдумав этот тезис, Мелисса решила: да, пожалуй, не всегда. Как дополнительные колеса на детском велосипеде. Проще, безопаснее, но привыкаешь, а потом дольше учиться ездить без них.

Здесь же приводились рисунки с упражнениями, направленными в основном на развитие мелкой моторики и гибкости кистей и пальцев.

«Надо отрабатывать все. Найду какую-нибудь палку, и вперед. Да и пианино бросать не стоит», — печально подумала Мелисса.

Обстоятельно рассказывалось о видах древесины и различных сердцевинах. Суть заключалась в том, что конкретному волшебнику подходил лишь определенный вид дерева и сердцевины. Согласно склонностям.

В пример приводились индийские заклинатели змей. Представители этой магической касты владели парселтангом, змеиным языком, и сердцевинами их палочек чаще всего были части пресмыкающихся: змей, ящериц и драконов. Огромной редкостью и удачей для змееуста считалось заполучить палочку с чешуей василиска.

Здесь же на трех страницах, отступив от основной темы, этих самых змееустов пафосно и многословно обличали последними словами как темнейших магов. Конкретных фактов, кроме банального знания парселтанга, не приводилось.

«Замечательно! — вспомнив свою беседу с ужом, из-за которой Бет и Дженни чуть не устроили ей публичное аутодафе, подумала Мелисса. — Теперь я в теплой компании индийских адептов Темной магии. Ну, хоть с сердцевиной палочки все

понятно. Срочно находим жабу, берем куриное яйцо, высиживаем василиска и… идем в Азкабан стройными рядами».

В другом пособии приводилась подробная методика по развитию магического потенциала. Объяснялась она на базе простейшего Люмоса. Он, в зависимости от количества магической энергии, используемой для его активации, мог быть и мощным, как прожектор, и слабым, как огонек китайского фонарика. Главное — правильно дозировать расходуемую энергию.

То же самое с Левиосой. Считалось, что маг может поднять в воздух и свободно манипулировать предметом весом не более того, какой он способен просто унести в руках. Но тут же упоминалась древняя легенда о колдуне, обрушившем на своего противника огромный валун. То есть при должной тренировке с этим тоже можно было что-то сделать.

В книжке про зелья в основном рассказывалось о безопасности, защитной одежде, инструментах зельевара, различных техниках нарезки ингредиентов, способах их хранения, а также приводились простейшие рецепты.

Вот в этом томе пометок было больше всего. Практически у каждого абзаца. Со всеми рецептами отправитель был не согласен. А на последней странице от руки были написаны несколько рецептов несложных настоек.

Их не надо было варить: где в приюте найдешь котел и пустое помещение, чтобы развести огонь и начать готовить какое-нибудь зелье? Так что здесь можно и нужно было экспериментировать. Там не было ничего сложного: выполнить все предписанные манипуляции и подождать. А отрабатывать возможные техники нарезки можно было и на кухне — на овощах. Заодно и готовить подучиться.

Палочку себе она нашла и постоянно с ней тренировалась. Сначала медленно, внимательно глядя на картинки, стараясь идеально повторять движения, показанные на рисунках, четко следуя схемам. Потом, заучив порядок действий, быстрее и быстрее. Пальцы и кисти стали гибче.

***

Девочка внимательно оглядывала Чаринг-Кросс-Роуд.

«Так. Вижу. Паб между книжным и музыкальным магазином. Какой-то он задрипанный!»

Бар, действительно, был крошечным и невзрачным. Проходившие мимо люди огибали его по короткой дуге. Их взгляды перескакивали с магазина на магазин, а развалюху, притулившуюся между ними, они, похоже, не замечали вовсе.

«Видимо, маглоотталкивающие чары. Радиус действия, —

Мелисса слегка прищурилась, наблюдая за очередным пешеходом, обходящим питейное заведение, — шага три-четыре от входа в бар. Вот интересно, а маги, вливающиеся в людской поток из ниоткуда, не вызывают никаких вопросов?»

В этот момент из двери вышла невысокая пожилая колдунья. На ней был старомодный черный костюм в стиле тридцатых годов. Она сделала два шага и, внезапно побледнев, стала медленно оседать на асфальт.

«Черт! Она же в зоне действия чар!» — Мелисса сорвалась с места и буквально вынесла даму на видимую часть улицы.

– Помогите! Моей бабушке плохо! — закричала она.

Вокруг столпились прохожие. Кто-то побежал вызывать карету скорой помощи, кто-то снимал плащ и, свернув его, подсовывал женщине под голову. Плотный мужчина средних лет, протолкавшись к месту происшествия, со словами «я — доктор» принялся делать ей непрямой массаж сердца.

Когда приехавшие врачи грузили женщину на носилки, Мелисса заметила, что из рукава дамы выпала волшебная палочка и покатилась по асфальту. Приманив ее и сунув к себе в рюкзак, она бросилась к машине.

– Я поеду с бабушкой, я ее не брошу!

***

Вальбурга Блэк открыла глаза в странном месте. Она лежала на неудобной нищенской койке в убогой комнате с небольшим зашторенным окном. Вокруг нее пищали какие-то непонятные артефакты, в руку была воткнута игла, и из нее тянулась трубочка к прозрачному мешку, наполненному каким-то зельем.

– Добрый вечер, мэм, — раздался голос. — Ну-с, как мы себя чувствуем?

Повернув голову на звук, Вальбурга увидела незнакомого мужчину в белом балахоне. Явно магловском. Что она, волшебница из благороднейшего и древнейшего рода Блэк, делает у маглов?

– Где я?

– В больнице. У вас был сердечный приступ, — магл подошел к ней и взял за запястье. — Но сейчас все очень неплохо. Состояние улучшилось. Сердечный ритм мы вам выровняли. Через пару деньков уже отпустим. Но за собой, голубушка, придется следить.

Он слегка погрозил ей пальцем.

– Надо сказать, мэм, вам чертовски повезло с внучкой.

Вальбурга с недоумением смотрела на магла.

– Вы упали в безлюдном переулке, если бы она вас на себе не вытащила и не позвала на помощь, мы бы сейчас не беседовали.

В этот момент открылась дверь и в комнату просунулась голова девочки.

– О, вот и она! — врач пошел к двери. — Ты можешь посидеть с бабушкой полчаса, не больше. А потом она будет отдыхать, да и тебе пора домой.

Магл ушел. Миссис Блэк подозрительно смотрела на незнакомого ребенка. Девочка лет восьми-девяти в магловских тряпках подошла ближе к кровати. Она посмотрела на лежащую Вальбургу, а потом спокойным голосом стала вводить ее в курс дела.

– Вы упали на выходе из «Дырявого котла». Я позвала на помощь. Я не знала, как вас зовут, поэтому сказала, что ваше имя — Джейн Смит.

– Ты видишь «Дырявый котел»? Ты сквиб? Как тебя зовут?

– Мелисса Эванс. Я колдунья.

– Грязнокровка, — презрительно сказала колдунья. — По какому праву ты назвалась моей внучкой? Ты не имеешь никакого отношения к дому Блэк.

– Мэм, не стоит тратить силы на пафос. Я ни на что не претендую, — девочка достала из сумки ее, Вальбурги, волшебную палочку и положила на тумбочку. — Она выпала у вас из рукава. Мне пришлось ее спрятать, чтобы не было лишних вопросов. Да и сломаться она могла. Кстати, если вы еще планируете пожить на этом свете, особо колдовать здесь не стоит. Эти аппараты очень чувствительны.

– Если ты думаешь, что сможешь повесить на меня долг жизни… — Вальбурга пыталась говорить язвительно.

Глаза девочки слегка прищурились.

– Как ваше полное имя, мэм?

– Зачем тебе знать мое имя, магловка?

– Мэм, давайте побережем ваше здоровье и мое время.

– Вальбурга Ирма Блэк.

– Я, Мелисса Эванс, отказываюсь от долга жизни Вальбурги Ирмы Блэк. Пусть магия будет мне свидетелем.

Фигурку девочки окутало белое сияние, потом она отошла от аппаратов подальше и резко выкинула руку в сторону окна. Шторы разошлись.

– Вы мне ничего не должны, — сказала она застывшей с неаристократично разинутым ртом Вальбурге. — Последнее. Вы в больнице скорой помощи. Здесь за госпитализацию платить не нужно. Вас выпишут в пятницу. После полудня. Если у вас есть знакомые, проживающие в магловском Лондоне, я готова им сообщить, где вы находитесь.

– У меня никого нет. Впрочем, это неважно, — проговорила

шокированная колдунья. — Присядь. Зачем ты меня спасла и почему отказалась от долга?

– По доброте душевной, на оба вопроса.

– По глупости несусветной, на оба вопроса! — возмутилась дама. — Ты оскорбляешь меня тем, что думаешь, что представители древнейшего и благороднейшего дома Блэк не умеют благодарить!

Мелисса молчала, ожидая продолжения.

– Тебе что-нибудь нужно? Я не знаю, деньги или вещи…

– Мы рассуждаем отвлеченно?

– Нет, я хочу тебе отплатить. В разумных пределах, естественно.

Девочка крепко задумалась.

– Тогда портал в магический квартал Софии. Туда-обратно. Разовый.

***

– …еще один шаг, и пацан уже через неделю будет выть на луну.

Высокий лохматый мужчина стоял ощерившись, с вызовом глядя на окруживших его волшебников. На сгибе его мощной, как у борца, руки болтался худой ребенок в джинсах и футболке. На голове у него была бейсболка с широким козырьком. Ноги едва касались мостовой носками потрепанных кроссовок, настолько державший его мужчина был высок и мощен.

Началось все с того, что старый сгорбленный домовик с длинным кривым носом появился прямо в каморке Мелиссы и передал девочке мешочек и записку от своей хозяйки.

«От благороднейшей леди Блэк для гряз…» — начал говорить эльф и вдруг осекся и икнул. Его глаза стали огромными, будто плошки. Он неловко поклонился и, бормоча что-то, типа, «госпожа… простите… лорд…» испарился с негромким хлопком.

В записке было только два слова: «Пароль — Гримм», а в мешочке лежала узорчатая ложка и… деньги. Девочка удивленно вскинула брови. Вальбурга все-таки решила расплатиться за услугу деньгами.

Лучше бы она этого не делала, честное слово, а то получается, что аристократы ценят свою жизнь как-то дешево. Двести галлеонов. Тысяча фунтов за одного. Три за пучок.

Как бы то ни было, с деньгами будет проще. Не придется думать об обмене фунтов на левы, а левов на галлеоны.

В ближайшее же воскресенье Мелисса, надев на себя джинсы, свободную футболку и кеды, скрутив волосы в пучок и убрав их под бейсболку, перенеслась в магический квартал Софии, на улицу Около Храста(1). Зачем ее, собственно, туда понесло? Она

хотела купить себе волшебную палочку.

Да, именно в Болгарии и именно у Грегоровича. Потому что из признанных мастеров только Грегорович по-прежнему творил, а не занимался штамповкой. Он категорически не признавал универсальных материалов, как английский мастер Олливандер и французский Лефлер. Заказывая палочку у болгарского колдуна, можно было быть уверенным на 98,5 процента, что другой маг воспользоваться ей не сможет. В эти полтора процента, по словам того же Грегоровича, попадали только кровные родственники и возлюбленные, с которыми владельца палочки связывало родство душ.

А кроме того, палочки, приобретенные за границей не отслеживались английским министерством магии.

Волшебная улица произвела на девочку неизгладимое впечатление. Она так и не добралась до Косой Аллеи, поэтому сравнивать было не с чем, но ощущения были, будто она попала в сказку.

Дома, расположенные по обе стороны широкой булыжной мостовой, были старинными, не похожими на английские и построены в разных архитектурных стилях. Мелиссе, никогда не выбиравшейся не то, что за пределы Англии, но даже Лондона, это казалось необычным, но от этого не менее привлекательным.

Казалось, смешение культур тут было во всем. И в одежде людей, спешащих по своим делам или просто гуляющих. И в языках, которые слышались то тут, то там. Девочка уловила французскую, немецкую и английскую речь. Приятным фактом было то, что названия магазинов, которых тут было великое множество, тоже дублировались на нескольких языках.

Пройдя вдоль по улице, Мелисса заметила неприметную лавку с вензелем Грегоровича на витрине. Толкнув дверь, она вошла.

За стойкой стоял худой хмурый человек со спутанными черными волосами, пронизанными седыми прядями.

Увидев Мелиссу, он что-то произнес на неизвестном ей языке.

– Вы говорите по-английски? Sprechen Sie Deutsch? Parlez-vous francais? — предложила ему выбор девочка.

– Не шпрехаю и не парле-ву, — не очень вежливо сказал он по-английски. — Чего тебе, пацан?

– Килограмм сыра и батон, — в тон ему ответила Мелисса, подумав: «Пацан, так пацан. Маскировка удалась!»

– А ничего, что это магазин волшебных палочек, а не трактир?

– Знаю. Но вы спросили, и я подумал — есть варианты.

Грегорович, а это был он, с мрачным интересом оглядел

поношенную одежду посетителя.

– Маглокровка? Первый курс Дурмстранга? Мелковат ты для одиннадцати лет, пацан. Денег-то хватит? У меня палочки и до ста пятидесяти галлеонов доходят.

– Цена меня устраивает.

Грегорович хмыкнул, встал со стула и, заблокировав входную дверь, жестом предложил следовать за ним.

Мастерская была большая и темная с каменными стенами, похожая на склеп и освещаемая только несколькими свечками, воткнутыми прямо в щели между булыжниками, практически под потолком.

Одна стена была отделана деревянными брусками. Другая — блестящими пластинами, выкованными, похоже, из различных металлов. У третьей и четвертой стояли два огромных стеллажа. Один был забит маленькими ящичками, а на полках другого лежали деревянные заготовки и лотки с проволокой и металлическими пластинами.

Посреди комнаты стоял огромный массивный стол и пара стульев.

– Приступим, — каркнул Грегорович. — Проведи рукой по деревянным брускам и прислушайся к отклику.

Мелисса прошлась вдоль стены, проводя рукой по шершавым дощечкам. Потом прошла снова.

– Два отклика, мастер. Вот этот и этот ряд, — махнула она рукой.

– Так, эбен и акация. Сейчас определимся с конкретным деревом.

Грегорович достал свою палочку и взмахнул ей. Со стеллажа у двери прилетело штук сорок деревянных заготовок. В воздухе они разделились на две группы и легли на противоположные стороны стола.

– То же самое, — велел мастер. — Тут акация, там эбеновое дерево.

Мелисса подошла к столу и прикоснулась к каждой палочке.

Отклик был только один. Странно. У стены было точно два.

– Только одна. Вот эта.

Грегорович кивнул.

– Diospyros ebenum(2). Так, по поводу акации. Тебе ничего не подошло. У меня сейчас нет одного вида — Acacia melanoxylon(3). Запомни. Теперь разберемся с сердцевиной и металлом для рукояти.

Палочка получилась очень простой. И невероятно прекрасной в своей элегантной простоте. Черная, гладкая и блестящая, она вырастала из рукояти с белым навершием, оплетенной

серебряными нитями.

– Что ж, — крякнул довольный мастер. — Если бы я был этим фигляром Олливандером, я бы сказал: эбеновое дерево и чешуя василиска. Тринадцать с половиной дюймов. Очень твердая и мощная. Идеально подходит для… Да для всего она идеально подходит.

Грегорович стал заводиться.

– Как вообще можно делить? Так палочек не напасешься. Если одна для чар, вторая для трансфигурации, третья для боя…

– А если бы вы были мастером Грегоровичем? — прервала его Мелисса.

– А если бы я был мастером Грегоровичем, а я он и есть, я бы сказал: с тебя сто восемьдесят семь галлеонов, парень. И это мой рекорд за Мордред-знает-сколько лет. Ты ухитрился собрать все самые нестандартные и дорогие материалы в одной палочке.

Также Мелисса приобрела у мастера универсальные ножны, прикрепила их к ноге вместе с палочкой и опустила штанину.

Выйдя из лавки, она огляделась и твердым шагом направилась в сторону Пътека Здрач(4).

В этом переулке были лавки и магазины магов-артефакторов, ритуалистов и мастеров рун. Многие из них в свое время бежали из Англии от войны и осели здесь, в центре Европы.

Девочка решила, что будет нелишним проконсультироваться с кем-нибудь о рунной формуле из ее сна.

Едва она завернула в сумрачный переулок и прошла несколько домов, как со стороны главной улицы послышался шум, крики и топот ног. Обернувшись, она увидела, что в проулок нырнул здоровенный мужик. За его спиной пронесся красный луч заклятия. Увидев Мелиссу, детина кинулся к ней.

«Тупик! Надо обходить!» — пронеслось в голове у девочки.

А мужик несся на нее с какой-то животной грацией. Мелисса рыбкой бросилась на мостовую между его ног, содрав кожу на локтях и сильно ударившись животом о булыжники.

Не думая о боли, она быстро вскочила на ноги и кинулась к выходу из переулка, пытаясь на ходу достать из кармана портал и активировать его. А в следующий момент сильная рука дернула ее назад за ворот футболки и, обхватив за шею, плотно зафиксировала в таком положении. Ложка выпала из рук.

Через несколько секунд в переулок влетело пятеро магов в неприметных одинаковых мантиях.

– Авроры, сделаете еще один шаг, и этот пацан уже через неделю будет выть на луну! — заорал мужик на всю Пътека Здрач.

«Черт! Как же не хочется умирать! А ведь так хорошо все

начиналось»! — думала Мелисса, вися в неудобном положении и отчаянно пытаясь подцепить портал хотя бы носком ноги.

Обе ее руки были зажаты напавшим. Чтобы не трепыхалась. Поэтому шансов просто приманить портал не было. Старая потемневшая ложка валялась всего в двух шагах от нее, абсолютно неприметная на фоне булыжников. И абсолютно бесполезная.

– Ребята, он блефует, сегодня не полнолуние и сейчас не ночь! — крикнул один из авроров.

В этот момент оборотень начал трансформироваться. Нос и челюсти выдвинулись вперед. Лицо и руки стали покрываться густыми черными волосами. Зубы и ногти удлинились и слегка загнулись.

– Не стоит это того. Тебе все равно отсюда не выбраться, — крикнул один из авроров. — Если обернешься, клянусь, сдеру с тебя шкуру. Будет славный каминный коврик.

Удерживая неполную трансформацию, оборотень вдруг судорожно втянул в себя воздух, потом он буквально уткнулся носом в кепку Мелиссы и снова вдохнул.

– Не боись, пацан, — неожиданно прошептал он девочке. — Вреда не причиню, клянусь луной.

«Так, обращать и убивать меня он не собирается, но от этого не легче».

– Угу, ты нет, а они положат нас обоих, — прошипела Мелисса.

Сомнений в том, что их будут бить на поражение, не было никаких. Оборотень. Сдаваться не собирается. Угрожает обратить ребенка. На выходе два оборотня. Проще замочить и списать на неизбежные потери или попросту прикопать.

В этот момент, авроры, пришедшие, очевидно, к этому же выводу, вскинули палочки.

Оборотень резко швырнул девочку вперед, а сам прыжком ушел в сторону, оттолкнулся от стены дома и, сделав сальто в воздухе, переместился на противоположную сторону проулка.

В то место, где они только что стояли, ударило пять красных лучей. На мостовой осталась дымящаяся выбоина.

Ударившись о булыжники, Мелисса приманила к себе портал. Подняв голову, она увидела, что один из авроров наставляет на нее палочку и с ее конца срывается ослепительно белый луч. Уйти с линии огня девочка уже не успевала. Она представила перед собой огромное блестящее зеркало. Мощный луч заклятия отразился в нападающих. Щит держался. А следом уже летело другое заклятие. И еще одно. И еще. Через какое-то время защита пошатнулась.

В этот момент сверху на нее упал оборотень, прикрывая, а медальон на шее стал нестерпимо горячим. Схватив оборотня за руку, Мелисса крикнула «Гримм» и активировала портал.

Последнее, что она услышала, переносясь из Софии, был хлопок, похожий на звук аппарации.

***

Открыв глаза, девочка увидела, что она лежит. Лежит на оборотне. А оборотень на ковре. По виду, на очень дорогом ковре.

– То есть в Болгарию тебя за вот этим носило? — раздался высокомерный, недовольный голос. — Решила завести себе питомца?

Мелисса резко вскочила на ноги и обернулась на звук.

Перед ней в глубоком кресле с чашечкой чая сидела Вальбурга Блэк. Поджав губы, пожилая волшебница разглядывала девочку. Испачканное лицо, локти в кровоподтеках, драная и грязная одежда. Из-под непонятного головного убора выбиваются спутанные длинные волосы.

– Зачем вы настроили портал на свой дом?

– В следующий раз будешь заранее оговаривать адрес. И потом мне было любопытно. Имею право на старости лет. Кто это?

Мелисса пожала плечами. Вальбурга вытащила волшебную палочку и направила ее на валяющегося в отключке оборотня.

– Реннервейт.

Тело мужчины дернулось, он застонал, открыл глаза и попытался сесть. Когда ему это удалось, он потряс головой и взглянул на Вальбургу.

– Фенрир? — ошарашенно воскликнула она.

– О… — протянул оборотень, — какие люди. Живые и без охраны. Сколько лет, сколько зим, леди Блэк. Давно не видались.

– И век бы не видеться, блохастый, — сухо ответила дама.

– Еще не откинулась, старая калоша? — не остался в долгу Фенрир.

– О, я вижу, вы давние друзья, поэтому прекрасно сможете провести время и без меня, — встряла в начавшуюся перепалку Мелисса. — Леди Блэк, сориентируйте меня, я хотя бы в Лондоне?

Они обернулись и уставились на Мелиссу.

– Н-да, вечер сюрпризов, — оглядел ее Фенрир. — Мало того, что из-за тебя поцарапали старого доброго Фенрира, так ты еще и девка.

– То есть участь каминного коврика больше привлекала старого доброго Фенрира? — уточнила Мелисса. — Учту на будущее.

– Так. Иди умойся и причешись, — приказала Вальбурга. — Кричер!

Перед девочкой возник уже знакомый домовик.

– Он тебе поможет, а потом перенесет в этот твой клоповник.

Домовик начал неистово кланяться:

– Пойдемте, леди! Кричер поможет доброй госпоже. Нагреет ей ванну, почистит и починит одежду, даст заживляющий бальзам. Кричер все сделает для доброй леди!

Девочка вышла из комнаты, а ошарашенная Вальбурга обернулась к оборотню.

– Домовик окончательно свихнулся. Обращается с грязнокровкой, как с родовитой волшебницей.

Поднявшийся с пола Фенрир плюхнулся в кресло. Леди Блэк поморщилась, глядя на окровавленную одежду оборотня.

– Мог бы и почистить свои лохмотья.

– Переживешь, — огрызнулся он. — А ушастый твой поздоровей тебя. Всегда знал, что они что-то такое чуют.

– Поясни.

– От нее пахнет Лордом. Она его дочь.

– Ты спятил? У него не было детей. Белла говорила, что этот аспект жизни его не интересует.

– Ну да, твоя озабоченная племяшка просто спала и видела, как натянуть его на себя. А че — он мужик был видный. Но каждый раз ловила птицу Обломинго.

– То есть он нашел кого-то, кто привлек его больше Беллатрикс? Не мели чушь! Его интересовала только власть и сила.

– Ага! И знания. Он же ученый был. Я слыхал, как Малфой с Долоховым перетирали: мол, Лорд решил одним махом две легенды проверить. Об увеличении силы кровью девственницы и об истинных первенцах. Ну, нравилось ему старинные легенды проверять. Правда, с кем он это проверял, они были не в курсах. Пришлая, видать, была козочка.

Вальбурга встала, нервно подошла к бару и, плеснув себе полстакана огневиски, выпила единым махом.

– Мне тоже плесни, — сказал оборотень, — на два пальца.

– Купи себе свое, — Вальбурга снова села в кресло. — Ты вообще можешь себе представить своим скудным умишком, сколько условий должно совпасть для появления истинного первенца?

– Угу. Они и говорили, что вот прям склалось.

– Если ты прав… — начала размышлять Вальбурга, — она должна быть уже сейчас очень сильна.

– Ты б видела, каким щитом она прикрыла нас от авроров.

Эта сопля две минуты держалась против пятерых здоровых лбов, которые уж никак не Экспеллиармусами бросались. Я аж прибалдел. Не сразу дотумкал, что пора когти рвать, вот и поцарапали меня. Я ж не знал, что у девахи портал есть.

– И что же нам делать, Фенрир?

– Нам? Я лично валю в стаю. Мне надо на дно лечь.

– Что ты вообще забыл в Болгарии?

– Слушок прошел, что в албанских лесах кто-то озорует. Наши, из тех, кто не смирился, решили — Лорд. Ну, деньжат мне подкинули — сказали, проверь. Скупиться хотел перед походом. А Болгария ближе всего. Ну, и стаканчик пропустить в пивной. А там этот волчий позор Люпин. Заметил меня и стукнул аврорам. А я в розыске. Вот и закрутилось.

В этот момент возник домовик.

– Кричер все сделал. Кричер перенес леди в ее комнату.

_____

(1) Улица Около Храста — буквально с болгарского улица «Вокруг да Около».

(2) Diospyros ebenum — древесина вида Цейлонское эбеновое дерево, или Чёрное эбеновое дерево

(3) Acacia melanoxylon — черная акация.

(4) Пътека Здрач — буквально с болгарского Сумеречный проулок.

= = = = = = = = = = = ГЛАВА 7. Придет серенький волчок = = = = = = = = = = =

Все эти годы Северус Снейп вел замкнутую, размеренную жизнь, заключающуюся только в работе. Он продолжал преподавать в Хогвартсе. И самое ужасное заключалось в том, что зельеварение Снейп обожал, а преподавание искренне ненавидел.

Возможно, он по-другому относился бы к роли Песталоцци(1), если бы у него был хотя бы ассистент для закупки и нарезки ингредиентов для занятий. Поди-ка, приготовь и нарежь все для семи курсов. Для четырех факультетов на каждом. Да проверь все эссе. Да последи на уроках, чтобы какой-нибудь малолетний простофиля не расплавил котел и не угробил себя и окружающих. Да еще и деканство. И приготовление зелий для больничного крыла.

В общем, Северус крутился как белка в колесе. И если бы только это. Но ведь нет! Директор с завидной регулярностью вызывал к себе своего любимого карманного пожирателя смерти, чтобы полюбоваться на его не очень мускулистое предплечье и проверить, не проступила ли модная татуировка?

А раздеваться перед бородатым стариком — удовольствие то еще. На прелестную юную мисс директор Хогвартса походил как

еж на ужа.

После, оглядев бледную метку и удовлетворенно поцокав языком, Дамблдор обычно предлагал ему чая со сладостями и вел неспешные беседы о вечном: о добре и зле, о всеобщем благе, о вине Северуса перед бедной Лили и о его долге перед ней, но чаще всего об обещании защищать Гарри Поттера.

«Обцоканному» Снейпу пить чай с каплей веритасерума для аромата не позволяли религиозные соображения и кольцо на руке, определяющее наличие ядов и зелий в пище. Поэтому слушать приходилось на голодный желудок, что тоже не способствовало хорошему настроению и позитивному восприятию жизни.

После этих посиделок Северуса настолько тошнило от своих долгов и обязательств, о которых ему в миллион двадцать пятый раз напоминали, что, возвращаясь в свой кабинет, он долго ругался разными интересными словами и оборотами, изобретая попутно новые, и посылал по хорошо известному адресу великого светлого мага.

Если бы не возможность вести научные исследования на базе Хогвартской зельеварни и активно публиковаться — чем он, собственно, и занимался, — все было бы еще более безрадостно.

В любом случае, на общественную жизнь жаловаться было грех. Она била ключом. Причем разводным. Причем по голове. Как любил приговаривать его незабвенный отец.

А вот личная отсутствовала как класс. К тому же с определенного времени Северус старался избегать проявления эмоций и демонстрации любых привязанностей. Слишком уж дорого ему пришлось заплатить за них в прошлом. Вот почему, несмотря на то, что девочка из приюта св.Анны была на сегодняшний день единственным человеком, к которому он испытывал хоть какие-то светлые чувства, за эти годы он ни разу ее не навестил.

Слишком уж памятной оказалась беседа с Дамблдором в тот злополучный Хеллоуин. Приступ паранойи, разыгравшийся с ним тогда, не прошел. И, хотя никаких доказательств у него не было, Снейп был практически уверен, что ритуал, упомянутый директором, напрямую связан с Мелиссой Эванс. Поэтому до тех пор, пока не будет ясно, какой ритуал, как и в какой степени, отсвечивать рядом с приютом и привлекать излишнее внимание к себе и девочке не следует.

Контролировать ее жизнь и успехи можно и через миссис Макнабб, что он и делал. Раз в три месяца Снейп появлялся на пороге коттеджа директрисы школы и получал полный отчет. Пока все шло как нельзя лучше.

Так что пока Северус занимался поисками ответа на свои вопросы, скупал все возможные книги об использовании рун в магии крови и продолжал носить парный медальон, чтобы в любой момент быть уверенным — с девочкой все в порядке. Сигналка еще не срабатывала ни разу. Значит, Мелисса была вне опасности: жива и относительно здорова.

Обещанные книги Северус отправил на ее седьмой день рождения, решив, что это теперь будет его ежегодная традиция. Он долго думал, с чего бы начать, и переслал несколько томов о магическом сообществе, традициях, этикете и, естественно, зельеварении, а также пособия для обучения маленьких магов. По таким со своими отпрысками занимались аристократические фамилии. Например, Малфои собирались учить Драко, когда ему исполнится семь.

К сожалению, в свободной продаже их не было. Почему-то после войны с Гриндевальдом их перестали переиздавать. Но у Люциуса нашелся лишний, достаточно потрепанный комплект, который он и сбросил Снейпу, даже не поинтересовавшись, зачем тот ему.

И вот сегодня Северус сидел дома, в Тупике прядильщиков, и собирал очередную посылку. Уже наступили каникулы, и он искренне рассчитывал на спокойствие в этот прекрасный летний день, когда раскалился сигнальный медальон.

Быстро призвав палочку, он схватился за него и уже собирался аппарировать по заданным сигналкой координатам, как вдруг понял, что срабатывает встроенный портал. Она что, на континенте?!

***

Он очутился в темном переулке за спинами магов, швыряющихся заклятьями. Выяснять, кто с кем сражается, кто прав, кто виноват, он не стал. Если медальон перенес его сюда, значит, ребенок где-то здесь, на линии огня.

Действовал он быстро, не дожидаясь, пока на него обратят ненужное внимание: два мощных невербальных Ступефая, пара Инкарцеро и Петрификус. Через несколько секунд он остался единственным, стоящим на своих ногах: пятеро волшебников уткнулись лицом в булыжную мостовую.

Они перестали закрывать Снейпу обзор, и стало ясно, что кроме них в переулке никого нет. А медальон у него на шее снова остыл, сигнализируя, что с девочкой все в порядке. И самое неприятное, что переместиться с его помощью уже невозможно. В спокойном состоянии он координат не задавал.

«Н-да, недоработка. Но где она? И где я?»

Он подошел к валяющимся магам. Четверо были без

сознания, один пытался перевернуться, трепыхаясь в опутавших его веревках.

«Легилименс!»

Вскоре, предварительно подправив память незадачливым аврорам, Снейп вышел из переулка и двинулся вдоль по главной улице, пытаясь разложить по полочкам полученную информацию.

В воспоминаниях волшебника он явно видел Сивого, который взял в заложники… мальчика или девочку? Угрожал обратить. Доблестные стражи порядка не придумали ничего лучшего, как атаковать обоих. Фенрир вытолкнул ребенка с линии огня и… поставил щит? А потом, как раз в тот момент, когда появился Снейп, ушел, очевидно, порталом вместе с… мальчиком или все-таки девочкой? В своих мыслях аврор называл его «пацан». И Сивый крикнул «пацан». Но, если это был мальчик, где же, черт возьми, девочка?

И все-таки он склонялся к мысли, что это была именно девочка. Та самая девочка, которая, вместо того, чтобы учиться, читать и играть в куклы, шляется с оборотнями по… А кстати, действительно, где?

– Снейп? — прозвучал неуверенный изумленный голос. — Это ты?

Обернувшись, Северус увидел знакомую физиономию.

– Люпин, — констатировал он, — какая неприятная встреча.

– Ты выглядишь… — Люпин замялся — хорошо.

Почувствовав подвох, Снейп оглядел себя. Он подхватился и перенесся из дома, в чем был: в темно-синих джинсовых шортах до колена, белой рубашке с длинным рукавом и свободным воротом и мягких домашних тапочках на босу ногу. «Твою ж…»

Северус было смутился, а потом, окинув взглядом потрепанного жизнью Люпина в старом залатанном костюме, подумал: «Да я просто шикарно выгляжу! Особенно, в сравнении с некоторыми».

– Да, Люпин. Чувство стиля у меня не отнять. Это природное, так что не завидуй, — спокойно ответил он и обогнул старого знакомого, показывая, что разговор окончен.

– А что ты делаешь в Болгарии? — догнал его вопрос.

«А я в Болгарии?» — чуть не вырвалось у Снейпа.

– По бабам хожу, — задумчиво ответил он, прикидывая, из чего же ему создать портал, чтобы вернуться в Англию: выковырять булыжник из мостовой или пойти по пути наименьшего сопротивления и пожертвовать тапок. — А ты?

В принципе, можно было уже никуда не торопиться. С девочкой сейчас все в порядке. Она жива, не ранена, и, главное, Фенрир ее не покусал, не поцарапал и даже не обслюнявил. Во-

первых, потому что, несмотря на устоявшееся общественное мнение, был вполне вменяем, а во-вторых, сигнальный медальон отслеживал изменения энергетического и магического полей. Аура оборотня отличалась от человеческой. И изменения начинались мгновенно, как только слюна ликантропа попадала в кровь.

Так что нестись сейчас в приют не имеет смысла. Вряд ли она сразу отправилась туда. А хвост малолетней авантюристке можно накрутить и через Макнабб. Да и всыпать потом по первое число. Главное, не забыть!

– Я… меня Дамблдор попросил, — Люпин, ошарашенный необычным поведением однокашника, казалось, сначала не мог подобрать слов, а потом предложил. — Слушай, а может, посидим где-нибудь? Ну, раз уж встретились. Я угощаю.

Снейп неожиданно для самого себя согласился.

***

– …работу найти практически невозможно. Ты же знаешь, как к таким, как я, относятся в обществе. Если бы не Дамблдор, я бы вообще концов с концами свести не смог, — захмелевший от пива Люпин, судя по всему, давно ни с кем не общался, поэтому сейчас вываливал на Снейпа чуть ли не всю свою жизнь.

Северус, размышлявший о том, что раз уж он оказался в Софии, то было бы неплохо пройтись по книжным лавкам на Пътека Здрач, а для этого стоит зайти в болгарское отделение Гринготс, пил свой кофе и вполуха слушал.

– …ходят слухи, что в Восточной Европе какая-то нездоровая обстановка. В албанских лесах эпидемия среди магических животных. Да и бывшие сторонники Сам-знаешь-кого туда зачастили. Ну, директор и попросил меня потолкаться здесь в людных местах, послушать…

«Можно еще дурмстранговские учебники для Мелиссы заказать. Пригодятся. Они подробнее», — думал Снейп.

– …а сегодня в пабе я заметил Фенрира. Уму непостижимо: этот маньяк совершенно спокойно…

«То есть фараонов на Сивого натравил ты?»

– …и тут в бар зашли авроры. Я, естественно, предупредил их…

«Представляю себе. Наверняка громко встал и гордо ткнул пальцем».

– …Фенрир перевернул столы, расшвырял людей и выскочил из пивной…

«Мерлин, и вот это когда-то было старостой и лучшим учеником?»

– Люпин, а нельзя было по-тихому? Выйти в уборную,

дождаться кого-нибудь из авроров. У Фенрира звериное чутье. Ты бы еще объявление сделал. А если бы его загнали в угол и он бы покусал кого-нибудь?

Люпин невесело рассмеялся.

– Ну, сегодня не полнолуние, уж поверь мне.

Северус посмотрел на собеседника, как на неизлечимо больного.

– Люпин, тебе ли не знать, что старые опытные оборотни, сроднившиеся со своей звериной половиной, могут перекидываться вне зависимости от фазы луны. Трансформация будет не полной, но от этого не менее опасной. В полнолуние же вервольфы обращаются непроизвольно. А в новолуние трансформация невозможна в принципе. Способны на подобное далеко не все. Необходимы годы тренировок. Что до Сивого, то он не просто сроднился со своим внутренним волком. Он полностью управляет им и неимоверно гордится.

Люпин потрясенно уставился на Снейпа. К своему стыду, он никогда не старался узнать больше об оборотнях. С детства его приучали бояться, скрывать и весь месяц до полнолуния делать вид, что ничего не происходит. Поэтому он и не пытался породниться со зверем внутри себя. Лишь заталкивал его глубже и по возможности, если были лишние деньги, глушил зельями.

– Вам просто неимоверно повезло, что Фенрир адекватен и в схватке предпочитает убивать, а не обращать, — продолжал Снейп.

Этого Люпин выдержать не мог.

– Фенрир адекватен? Да он маньяк! Это он напал на меня, когда я мирно спал ночью в своей кроватке, и обратил. Мне было всего четыре года, Снейп. Оборотни тогда лавиной пронеслись по магической Англии. Ты представить себе не можешь, сколько людей пострадало!

– Семь. Четверо взрослых и трое детей. Не больше и не меньше.

– Откуда… — у Люпина дрогнул голос.

– Мне рассказал Сивый. И его можно понять.

– Ты его оправдываешь?!

– Я сказал понять, а не оправдать. Люпин, ты вообще интересовался событиями, которые привели к тому, что ты стал тем, кем являешься?

– Мне отец рассказывал, — Люпин залпом выпил пиво и махнул рукой, заказывая еще.

– Прилизанную и причесанную версию? Мерлин, тебе же не пять лет. Давным-давно уже можно было разобраться.

– Смотрю, ты разобрался. Знаток. Тебе-то какое дело до

оборотней?

– Ну да, это же не на меня в четырнадцать лет натравили одного из них. Что это я, в самом деле? — Снейп жестко посмотрел на бывшего однокашника.

– Северус, я думал, мы уже выяснили. Это был несчастный случай… — начал было Люпин.

– Как я говорил тогда и утверждаю теперь — это было покушение на убийство. И можешь не вскидываться. Я упомянул о том случае, лишь отвечая на твой вопрос, какое мне до этого дело. Логично, знаешь ли, выяснить все об орудии убийства, чтобы иметь хоть какой-то шанс противостоять ему в будущем. И поэтому – да. Я — знаток.

Люпин посмотрел в пустой стакан и спросил.

– Ну, и из-за чего якобы адекватный Фенрир сбесился?

Снейп откинулся на спинку стула.

– Когда-то давным-давно жил-был на свете Лайелл Люпин. И работал он в отделе регуляции магических популяций и контроля над ними. Однажды к нему на беседу привели нескольких оборотней, в том числе и Фенрира Сивого.

– Не юродствуй, — поморщился Ремус. — Мне это известно. Отец не сдержался и сказал им, что они все бездушные, злобные существа, которые не заслуживают ничего, кроме смерти. Он всегда сожалел о своих словах и считал, что был не прав. И это недостаточное оправдание тем нападениям.

– Если приводить фразу Лайелла дословно, то он сказал буквально следующее: «Вы все бездушные, злобные твари, которых необходимо уничтожить, стереть с лица земли». Но это все лирика, поскольку, на следующий день он продавил у руководства министерства санкцию на облаву, — профессорским тоном продолжал Снейп, не обращая внимания на перебившего его Люпина. — Она состоялась в новолуние. Во время этой облавы в стае Фенрира были изнасилованы и убиты четыре девушки и утоплено трое новорожденных детей на глазах у их родителей. Именно утоплено. Со словами, что вот так и нужно поступать с волчатами. Одной из девушек была дочь Сивого, а один из детей — его новорожденный сын. Так что право на месть у них было. Я не оправдываю, но понимаю.

Потрясенный Люпин немигающим взглядом смотрел на Северуса.

– Надо отдать должное вожаку стаи — Фенриру. Несмотря на собственную скорбь, он смог удержать остатки стаи от тотальной мести. Возмездие коснулось только семей тех волшебников, чьи подписи стояли на санкции. Также следует принять во внимание, что оборотни никого не изнасиловали и не убили. Их месть

ограничилась обращением.

– Это… ложь… — выдавил из себя Люпин. — Ты поверил Фенриру? Он хотел обелить себя.

– Сивый хоть и выглядит, как мужик от сохи, но он далеко не дурак. Он стал вожаком и уже много лет ведет за собой стаю, что уже говорит о его умственных способностях. Фенрир знает: обелить себя у него не получится. Он вымазан черным от лысой макушки до кривых пальцев на ногах. Это, во-первых. А во-вторых, я никому не верю на слово. Я все проверил лично.

– И как же тебе это удалось? — скептически спросил Люпин.

– Легко и непринужденно. Мне это обошлось в десять галлеонов для мелкой сошки в архиве министерства и большую шоколадку для девочки, которая нашла для меня нужные бумажки. Я видел их собственными глазами, — сказал Северус и мысленно добавил: «И скопировал. На всякий случай».

– Я не верю… — прошептал Люпин.

– И еще, — медленно, словно размышляя, продолжать или нет, проговорил Снейп. — Шестеро из семи обращенных в ту ночь теперь полноправные волки в стае Фенрира. Их не бросили и обучили. Все они вполне успешно уживаются со своей звериной половиной. Хотя и сомневаюсь, что подобная жизнь была пределом их мечтаний. Родители седьмого от помощи оборотней отказались. Надо ли называть их фамилию?

Люпин сидел, сгорбившись, уставившись невидящим взглядом в стол. Потом поднял голову и упрямо посмотрел на Снейпа.

– Даже если все было именно так, — выдавил он. — Я сказал “если”… Мой отец поступил правильно, не став связываться с этим маньяком Фенриром. Я полностью согласен с ним и с Дамблдором: нельзя заигрывать со зверем. С ним нужно бороться и держать на цепи. Только так можно сохранить свет внутри себя. Поверь, Северус, мне на моем месте виднее.

Снейп крутил в руках пустую чашку.

«Потрясающе! Полностью незамутненный разум. Сколько лет уже живет, можно сказать, в канаве, и все равно никаких сомнений. Только ярлыки лепит. Аккуратно подписанные. Четкое деление: свой-чужой, белый-черный. Надпись не соответствует? Перечеркнем, подпишем заново, не раздумывая. Как с Блэком. Свой — чужой. Многолетняя дружба — не аргумент».

– Твое право, Люпин. В любом случае, в полнолуние на узкой дорожке я предпочел бы встретить любого из волков Фенрира, чем тебя. С ними хоть шансы есть дожить до утра.

Снейп поднялся из-за стола.

– Спасибо за кофе, Люпин.

Через три часа Северус вернулся в Тупик прядильщиков с кипой книг в руках и в одном тапке.

***

На следующий день после своих балканских приключений Мелисса получила потрясающий нагоняй от Макнабб.

Нет, директриса не упоминала самого факта заграничного вояжа и сопутствующих ему проблем. Разговор был исключительно о безопасности, здравом смысле и инстинкте самосохранения. И все бы ничего, но эти, несомненно, разумные вещи упоминались лишь в контексте посещения опасных мест с — та-дам! — незнакомыми волками.

Ошарашенная девочка в первый момент даже не знала, что возразить. Только слушала с открытым ртом. Потом, когда эмоциональное выступление Макнабб подошло к своему логическому завершению, Мелисса решилась на пару реплик.

И тут ее ждало еще большее потрясение. Директриса вообще не помнила, о чем вела речь всего несколько минут назад. Она встревоженно посмотрела на девочку, пощупала ее лоб и предложила денек полежать в кровати.

«Ее использовали как магнитофон! Магия разума!» — дошло до Мелиссы.

Она не знала, как реагировать на подобное. Перед ней встала дилемма. С одной стороны, это выглядит, мягко говоря, неэтично. С другой, она уже несколько лет учится по стипендии, полученной именно с помощью магии разума. И не особо переживает на сей счет. Если честно, вообще не переживает.

Конец ее моральным терзаниям положил прилет крылатого почтальона. В этот раз сова, скинув сверток, не улетела, а протянула Мелиссе лапу. К ней был привязан ярко-красный конверт.

Как только девочка вскрыла его, все посторонние звуки стихли, будто кто-то поставил полог тишины. Письмо вылетело из ее рук, и зазвучал громовой мужской голос:

– Если вы, мисс Эванс, полагаете, что это очень забавно оказаться в другой стране в публичном месте в домашних тапочках на босу ногу, спешу вас разочаровать. Я не смеялся.

Также считаю абсолютно недопустимым, когда девочка вашего возраста посещает злачные места и встревает в разборки стражей порядка и беглых оборотней. Вы отдаете себе отчет в том, что, если бы с вами что-то случилось, пострадали бы взрослые люди, которые несут за вас ответственность? Я говорю не только о руководстве приюта, но и о миссис Макнабб. Полагаю, причинение подобных неприятностей было бы сущей неблагодарностью по отношению к даме, которая столько лет

принимает близко к сердцу ваши интересы.

Рекомендую вам, мисс Эванс, воздержаться в ближайшие годы от подобных авантюр и включить здравый смысл. В противном случае, обещаю тебе, малыш, я лично тебя выпорю. С днем рождения!

Настроение стремительно улучшалось, несмотря на прозвучавшее обещание порки. Значит, медальон работает! Северус был в Софии, и он за нее волнуется!

***

– Здорово, мелкая. Поболтаешь немного со стариной Фенриром?

Сивый ждал Мелиссу у ворот приюта. Девочка с интересом посмотрела на него. Выглядел он неплохо: раны уже затянулись, он был побрит, причесан и на нем была приличная одежда. Так что никто его от обычного здоровяка-работяги и не отличил бы. Проследив ее взгляд, оборотень хмыкнул.

– Угу, старая перечница Блэк меня подлатала. Можно с ней дело иметь. Кстати, мелкая, если она тебя в гости позовет, ты уж не отказывайся. Она тетка разумная, может подсказать что полезное. Ты ж вон у маглов обитаешь. А жить-то тебе все равно у нас. Обычаев-законов не знаешь — можешь вляпаться.

– Спасибо за совет, Фенрир. Но не думаю, что она меня пригласит.

– Пригласит. Иначе от любопытства помрет. Да и одиноко ей.

Мелисса пожала плечами.

– Я чего пришел-то, мелкая…

Фенрир порылся в карманах и протянул Мелиссе маленькое кольцо-печатку с руническим символом: зеркально отображенной латинской буквой «N», перечеркнутой вертикальной линией посередине(2).

– Носи и не снимай. Это знак, что ты под защитой стаи Фенрира Сивого.

Мелисса надела кольцо на мизинец левой руки. Оно сжалось по размеру и исчезло. Она вопросительно подняла голову.

– Не боись. Его только маги не видят. А оборотни всегда разглядят. А ты гордись, мелкая! Ты всего лишь второй человек, получивший такой знак.

– Спасибо, Фенрир!

Оборотень махнул рукой, мол, даже не стоит упоминать.

– Я вот думаю, может, тебе сову поймать? А, мелкая? Если кто обидит, мне черкнешь пару строк. Я пыль-то неплохо выбиваю. И тебе задолжал маленько. А? Моя стая почти всех животных для магазина в Косом ловит. И тебе подкинем.

– Мне совы не нравятся, да и держать их негде.

– А кто нравится? Кошки, небось, — скривился Фенрир. – Нет, ты не думай, мы тебе и книзла можем словить.

– Ты серьезно? Тогда я хочу ворона. Только не сейчас. Через три года.

– Фамильяра решила завести? И то дело, — проницательно заметил оборотень. — Лады. В августе перед школой будет ждать тебя в магазине в Косом. Владельцу кольцо покажешь — он тебе отдаст. Самого лучшего отловим! Ну, все. Бывай, мелкая! Еще свидимся!

_____

(1) Иоганн Генрих Песталоцци — швейцарский педагог, один из крупнейших педагогов-гуманистов начала XIX века, внесший значительный вклад в развитие педагогической теории и практики.

(2) Вольфсангель — внеалфавитный рунический символ. В таком виде, как на кольце Мелиссы, означает «оборотень».

= = = = = = = = = = ГЛАВА 8. Боггарт и пугало = = = = = = = = = =

Как Фенрир и предсказывал, Вальбурга Блэк, действительно, пригласила ее на чашечку чая. И подобные чаепития стали регулярными.

Раз в неделю, в воскресенье, в комнате Мелиссы появлялся Кричер — старый домовик рода Блэк, всегда как-то странно реагирующий на девочку. Едва завидев ее, он начинал кланяться, как китайский болванчик, называл «доброй леди», всячески демонстрировал почтение и пытался услужить. Накланявшись вдоволь, эльф переносил Мелиссу в дом Вальбурги.

Почему старая колдунья использовала именно такой способ доставки гостей, Мелисса не знала: то ли Вальбурга не доверяла ей, то ли по какой-то другой причине, но точный адрес фамильного дома Блэков оставался тайной. Хотя девочка была уверена, что особняк находится в Лондоне, ведь из окон можно было увидеть вполне себе городскую площадь, застроенную очень даже современными домами, и проезжающие мимо автомобили.

Сам трехэтажный дом был огромен и явно предназначался для большой семьи, но жила Вальбурга в нем одна. Когда-то он, должно быть, поражал изысканностью и элегантностью интерьера. Здесь и сейчас можно было наблюдать «остатки былой роскоши». Однако повсюду, кроме комнат, где жила или часто бывала хозяйка, царило запустение: мебель давно не вытирали от пыли, ковры и портьеры не выбивали, а углы длинных темных коридоров облюбовали пауки.

Леди Блэк, заметив, какие недоуменные взгляды Мелисса бросала на паутину, объяснила, что когда-то в доме работали

пять домовых эльфов, а теперь остался лишь Кричер. Он стар и с размерами особняка не справляется. К тому же Кричер — мажордом, а не горничная. Поэтому дом поддерживается в минимально рабочем состоянии, но о блеске речь уже давно не идет.

Из бесед с Вальбургой девочка знала, что своей магии у домовиков нет. Они пользуются энергией волшебника, которому служат, или места, в котором находятся. Это взаимовыгодный симбиоз, если волшебник силен. Если же он слаб, то эльфы банально паразитируют на его магии, что может очень печально закончиться. Вальбурга в силу возраста и одиночества могла потянуть только одного домовика. Остальные эльфы были умерщвлены, а их головы были развешаны на лестнице, ведущей на второй этаж.

Когда Мелисса узнала, каким образом была решена проблема лишних магических ртов, ей захотелось закричать: «Вы с ума сошли? Они же живые!» Но заставив себя сдержаться, она только спросила.

– А если в таких случаях просто дарить им одежду?

– И получить одичавших энергетических вампиров? Которые будут бросаться на слабых магов или детей и выпивать их досуха, превращая в сквибов?

Мелисса помолчала.

– И быстро они дичают?

– Если не найдут себе место, где-то через полгода-год. Но не эти домовики, — Вальбурга кивнула на сушеные головы. — Они из поколения в поколение служили нашему роду и могли пользоваться только его магией. Любая другая стала бы для них ядом. Так что убить их милосерднее. Если… Когда род Блэк вернет былое величие — мои потомки проведут ритуал призвания новых домовиков. И дом станет прежним!

Пожилая колдунья помолчала и продолжила.

– А пока приходится любоваться на пыль и паутину.

И тут Мелиссе в голову пришла прекрасная идея, как совместить приятное с полезным: и опробовать, наконец, новую палочку, и привести это место в относительный порядок.

– Леди Блэк, если вы покажете мне заклинания бытовой магии, я с удовольствием помогу с уборкой. И дому вернем должный вид.

Вальбурга, поразмыслив, согласилась. И с того момента они методично обходили комнату за комнатой, и Мелисса под присмотром хозяйки дома тренировалась в использовании очищающих и моющих заклинаний.

Однако бытовыми чарами дело не ограничилось. В некоторых

комнатах завелись магические паразиты, и в дело вступили защитные и простенькие боевые заклинания.

А против докси, облюбовавших шторы и портьеры, пришлось использовать специальное зелье.

– Не удивлюсь, если мы и боггарта где-нибудь встретим, — покачала головой леди Блэк и, увидев вопросительный взгляд девочки, пояснила. — Это такой дух. Принимает вид самого большого твоего страха. Опасности для жизни не несет, но встретиться с ним… неприятно, мягко говоря.

– Как с ним справиться?

– Обычно детей учат заклинанию Ридикулус. Оно превращает боггарта во что-нибудь смешное. Он пугается и прячется.

– Как-то это глупо. Пугать пугающего духа.

– Я тоже так думаю и предпочитаю уничтожать их с помощью Инсендио. Они плотнее обычного привидения, поэтому замечательно горят. Попробуй зажечь огонь в камине. Нужно сделать вот такое движение палочкой.

Взмах палочкой, и дрова в камине весело затрещали. Глядя на языки пламени Мелисса призналась:

– А ведь я даже не представляю, чего боюсь больше всего на свете.

– Вот и узнаешь, если не повезет, — усмехнулась пожилая колдунья.

Прошло несколько недель, и этот разговор слегка позабылся. Они очищали очередную спальню на третьем этаже, когда большой гардероб вдруг подпрыгнул на месте и неистово затрясся.

– Ну что, — спросила леди Блэк, — хочешь встретиться с самым большим своим страхом лицом к лицу?

– Нет, — покачала головой девочка. — Но все равно открывайте.

Колдунья взмахнула рукой. Дверца медленно, с жутким скрипом отворилась. Из шкафа вышла молодая хорошенькая рыжеволосая женщина с зелеными глазами. Какое-то время она с ненавистью и отвращением смотрела на Мелиссу и вдруг заговорила.

– Я никогда не любила тебя. Ты — самая большая ошибка в моей жизни. Ты монстр. Ты чудовище.

С лица девочки схлынули все краски. Она застыла на месте и с силой сжала кулаки. Глаза наполнялись слезами. Вальбурга, наблюдавшая за ней, заметила ее состояние. Она уже хотела выхватить палочку и уничтожить духа, но девочка жестом остановила пожилую колдунью. А боггарт тем временем продолжал говорить, уже срываясь на визг.

– От тебя надо было избавиться сразу. Ты не должна была рождаться. Ты должна умереть.

В этот момент Мелисса резко подняла вытянутую руку на уровень груди и разжала кулак. С кончиков пальцев сорвался маленький огненный смерч, поглотивший боггарта.

– Извини, мама, у меня другие планы, — тихо проговорила она.

Какое-то время Мелисса и Вальбурга просто молча стояли и смотрели на след сажи на полу. Затем леди Блэк тряхнула головой и решительно подтолкнула девочку к выходу. Не говоря друг другу ни слова, они спустились в гостиную и расположились в креслах перед камином. И только когда Кричер принес им чая с печеньем, Вальбурга заговорила.

– То, что сказал боггарт… Совсем не факт, что ОНА так думает. Увиденное показывает лишь то, что ты боялась услышать эти слова.

– Леди Блэк, — перебила ее Мелисса. — Вы не понимаете. Я не боялась услышать эти слова. Я боялась услышать их снова.

Вальбурга потрясенно смотрела девочку. Та невесело усмехнулась.

– Закрывая этот вопрос, должна признаться, что это теперь точно не самый большой мой страх. Даже интересно, каким теперь станет мой боггарт?

В общем, несмотря на подобные встряски или, может быть, благодаря им, визиты в дом леди Блэк были чрезвычайно полезны и познавательны. У Мелиссы была возможность не только колдовать с помощью волшебной палочки, но и узнать о магическом мире, так сказать, из первых рук.

Вальбурга знакомила ее с устройством волшебного сообщества: иерархией, традициями, легендами, мифами. Рассказывала о законах, магических и общественных. Клятвах, полных и кратких формулировках клятв. Долгах. Затронула она и теорию чистоты крови.

Говоря об этой теме, пожилая волшебница, казалось, постоянно ждала от девочки какой-то негативной реакции. Но Мелисса, всегда помнившая, что она в «чужом монастыре», лишь внимательно слушала. А Вальбурга, так ничего и не дождавшись, громко хмыкнула и надолго замолчала, рассматривая узоры на ковре. А потом тихо произнесла в пространство: «А Сири бы уже назвал меня расисткой».

И это был первый и единственный раз, когда леди Блэк позволила себе реплику личного характера. Больше она подобной слабости не допускала.

Их встречи продолжались около года, а затем неожиданно

прекратились. Кричер перестал появляться в комнате Мелиссы.

Девочка искренне надеялась, что с волшебницей все в порядке и она, Мелисса, попросту ей надоела. Но, вспоминая, как плохо выглядела леди Блэк в последнее время, как тяжело ей давалось малейшее движение, боялась, что с пожилой дамой случилось несчастье.

Чтобы хоть что-то выяснить, она попыталась отправить Вальбурге письмо с совой, прилетевшей, как всегда, в день рождения. Однако птица, услышав имя адресата, даже не тронулась с места.

Девочка поняла, что никогда больше не увидит леди Блэк.

***

Уже третий год подряд в июне Мелисса получала новые книги и методично их осваивала, скрупулезно запоминая все детали и раскладывая по полочкам полученную информацию.

За все это время в ее голову вложили столько разнообразных сведений и фактов, что ей иногда казалось, что вместо мозга у нее картотека, где в маленьких ящичках под определенными литерами хранится все, что она когда-либо слышала, видела или читала.

В этом году Мелисса получила «Историю Хогвартса» и комплект учебников для первого курса. Снедаемая любопытством, она начала именно с пособий и была ошарашена. Абсолютно не прослеживалось системы! Не было фундаментальных принципов, на которых строились все магловские науки. Они были похожи на поваренные книги.

Вот, скажем, трансфигурация. Сделай так, скажи вот так и превратишь крысу в чашку. Кроме законов элементарной трансфигурации Гэмпа не было ничего. За скобки опускалось даже, как он открыл эти самые законы. Предлагалось просто механически зазубрить формулы. Без малейших пояснений, как и из чего они были выведены.

То есть маглам не лень описывать шишку на лбу мистера Ньютона или водные процедуры мистера Архимеда, чтобы показать, как они мыслили и на основании чего сделали свои выводы, а мистер Гэмп такой чести не удостоился? Или его опыты были настолько неэстетичными, или развитие магии никого не волновало.

Странно, но в самых первых книгах о колдовстве, которые она читала, некоторая школа все же прослеживалась. Было видно, что вопрос обучения подрастающего поколения магов исследовали, и все рекомендации давались отнюдь не на пустом месте. Может, дело было в годе издания? Эти учебники были абсолютно свежими, а все предыдущие выпущены в начале сороковых.

Еще больше шокировал учебник истории. Да, она отдавала себе отчет, что это было пособие лишь для первого курса и касалось, в основном, событий древности и средневековья. Но стиль изложения! Он подходил больше рыцарскому или приключенческому роману. Давалась лишь сюжетная канва исторических событий, и полностью игнорировались предпосылки и факты, приведшие к ним либо повлиявшие на итог.

Решив отложить свои сомнения до приезда в Хогвартс, где в любом случае должна была быть нормальная библиотека, Мелисса просто выучила все заклинания из учебников и отработала их с палочкой, вербально и невербально. Единственное, с чем она не рискнула экспериментировать в своей комнате, — это с боевыми и защитными заклинаниями.

Затем она убрала палочку и попыталась выполнить ту же трансфигурацию спички в иголку без нее. Спичка только серебрилась, или ее кончик становился острым. Сколько девочка не билась, но в тот год подобная трансфигурация полностью удалась ей только несколько раз. Иголки получились идеально, но это стоило Мелиссе обморока и залитой кровью из носа футболки.

Разобравшись с учебниками, девочка перешла к «Истории Хогвартса». И вот тут жизнь преподнесла несколько сюрпризов.

Во-первых, на форзаце был портрет благообразного белобородого старца. Того самого. Альбуса Дамблдора. Директора Школы чародейства и волшебства Хогвартс, Кавалера ордена Мерлина 1 степени, Великого волшебника и прочая, и прочая, и прочая.

Во-вторых, выяснилось, что она — единоутробная сестра национального героя магической Британии, который в полуторогодовалом возрасте победил Того-кого-нельзя-называть — величайшего темного мага последнего столетия, также известного как Лорд Волдеморт.

Описание этого великого подвига занимало три с половиной строки в главе, посвященной Дому Слизерин, и попало в «Историю Хогвартса» потому, что павший злодей учился на этом факультете.

А в-третьих, она узнала, что круглая сирота. Лили была мертва.

Возможно, если бы не было встречи с боггартом, реакция на эту новость была более чем бурной. Но уничтожив духа, принявшего облик Лили, девочка словно перешагнула через свою боль и оставила ее в прошлом. Она была спокойна.

***

– Что это? Кухня? Слишком дорогие продукты, это не экономно, не находите? А это что — кладовка? А здесь? Рукоделием занимаются? Почему книги не под замком? Дети не могут читать бесконтрольно. Все шкафы запереть. Все ключи мне. Книги воспитанницам буду выдавать только я. А то они все порвут и испачкают.

Вновь назначенная директриса приюта, мисс Коулман, оглядывала свои новые владения. Увиденное ее абсолютно не радовало. До этого назначения она работала в школе для трудных подростков в Ливерпуле. Вот там все было на высоте. Дисциплина, четко выстроенная система наказаний, включая карцер.

Персонал пребывал в ступоре, слушая этот разгром. После предыдущей начальницы, слегка вспыльчивой, но корректной, подобное было в новинку.

– Но, мэм, — попыталась возразить учительница рукоделия, мисс Грин, — это же девочки. Они все очень аккуратные и послушные.

– Что входит в ваши обязанности? Учить их шить, вязать, вышивать. Все остальное — не вашего ума дело. И организационные моменты тоже, кроме покупки ниток, иголок и тряпок. Поэтому не вмешивайтесь.

Ошарашенная отповедью, мисс Грин замолчала, потупившись.

– Продолжим. Второй этаж. Что здесь? Спальни? Вы кто? Дженни и Бет. Бет, немедленно расправь рукава рубашки и не смей их закатывать. Выдумала тоже портить казенное имущество. Дженни, у тебя пятно на юбке. Сию же минуту застирать. Нерях не потерплю. Еще один раз, и будете наказаны.

Вихрем пролетев по спальням, отругав каждую девочку, новая директриса, тяжело дыша, забралась на последний этаж. Оглядевшись, она заметила еще одну дверь. Она рванула ее на себя, но та оказалась запертой.

– Это еще что такое? Немедленно открыть! — забарабанила она в дверь.

Услышав шум, удивленная Мелисса быстро спрятала учебник по зельеварению за второй курс в медальон, махнула рукой в сторону кровати, по какому-то наитию разглаживая складки на стареньком покрывале, и отперла щеколду.

Мимо нее в комнату влетела незнакомая полная женщина с собранными в пучок, прилизанными волосами, похожая на взявшую след дворнягу. Одета она была очень строго и аккуратно. Похоже, очень старалась выглядеть по-деловому и с претензией на вкус. Получилось плохо. Костюм ей абсолютно не

шел. К ее типу внешности, возможно, подошло бы что-то женственное в стиле 60-х, тогда она смотрелась бы этакой домашней пышкой. Сейчас же она выглядела как базарная торговка, строящая из себя Маргарет Тэтчер.

Следом в комнату вошли воспитатели. Мелисса заметила, что все были необычно молчаливыми и подавленными, избегали прямого взгляда и старались смотреть в сторону или в пол.

Девочка выжидающе посмотрела на незнакомку. Та мазнула по ней взглядом, отметила короткую юбку и распущенные длинные волосы, поджала губы и гаркнула:

– Так. Ты кто?

– Мелисса Эванс, мэм. С кем имею честь?

– Молчать! Что за хамский ответ!

– При всем уважении, мэм, но я вас не знаю, — попыталась возразить Мелисса, и в этот момент женщина дала ей пощечину.

Все ахнули. Девочка остолбенела. А мисс Грин снова не выдержала:

– Мисс Коулман, ну нельзя же так. Девочка ничего плохого не сказала. Она же действительно не знает, что вы — новый директор. На мой взгляд, было бы лучше собрать всех воспитанниц внизу и представиться им.

– Ваш взгляд меня не интересует. Я организовываю свою работу так, как считаю нужным.

– Но с точки зрения христианской морали…

– С точки зрения христианской морали: пожалеешь розог — испортишь ребенка. Девчонка позволила себе дерзить и получила по заслугам. Вероятно, поэтому моя предшественница и поселила паршивую овцу отдельно от стада.

В течение этого короткого диалога Мелисса изо всех сил сдерживалась, чтобы не швырнуть вошедшую в стену или не поджечь ее одежду.

– Сколько тебе лет?

– Десять, мэм.

– Почему ты живешь в комнате одна?

– Чтобы никому не мешать. Я рано встаю. Школа, в которой я учусь, находится далеко. Девочки встают позже.

– Хм…

– Это так, мэм, — опять встряла мисс Грин, — она очень хорошая и добрая девочка. И отлично учится.

– Это меня не касается! — рявкнула мисс Коулман. — В ее воспитании явные пробелы. И она неподобающе одета. У нее открыты колени. Немедленно подберите ей что-нибудь более подходящее. Волосы заплести. Или остричь. Привести ее в порядок!

Озлобленная директриса вылетела из комнаты, хлопнув дверью.

– Лисса, мне жаль, — сказала ей мисс Грин, — тебе здесь находиться еще очень долго, а это пугало может испортить много крови.

– Не переживайте. Надеюсь, все не так печально, — Мелисса, заплетая волосы, взглянула на расстроенную женщину. — Здесь я только ночую. Запретить мне учиться, заниматься спортом или посещать дополнительные занятия она не может. Фактически, чтобы вспомнить обо мне и разнообразить мой досуг, у нее есть лишь три часа в день: час после сна, два до. И то, если руки дойдут. К тому же, детство — это не вся жизнь. Я-то отсюда уйду, а она уже и так наказана. Сплошные комплексы и амбиции. В принципе, это объяснимо: в ее-то возрасте, а все еще мисс… Наверное, она жутко переживает, бедняжка!

Учительница ошарашенно уставилась на усмехающуюся девочку.

– Жаль, что весь нынешний персонал разбежится, — продолжила Мелисса. — Либо сами уйдете, либо она поспособствует.

***

– Это еще что такое? — спросила миссис Макнабб, указывая на след пятерни на щеке у девочки.

– Неизбежное зло. Возможно, у зла болит зуб, или плохое настроение, или мы видим мир в разных спектрах, — улыбнулась Мелисса.

Элисон хмыкнула, вспомнив давний разговор.

– Мне вмешаться?

– Пока не имеет смысла(1). Возможно, потом, если зло не успокоится, — поразмыслив, сказала девочка. – Мэм, мне нужна официальная бумажка, что по воскресеньям у меня тоже какие-нибудь занятия. Ткну в мор… в лицо этому пугалу.

– Я смотрю, мисс Эванс, у вас расширился лексикон. Влияние тренера? — Макнабб притворно сдвинула брови.

– Где-то, — еще шире улыбнулась Мелисса и пообещала. — Я исправлюсь.

– И что будешь делать по воскресеньям?

– Ходить по музеям. Или запишусь на курсы танго. Или просто буду сидеть в парке на лавочке перед прудиком и плевать в воду. Благо, деньги есть.

– Думаешь, все так плохо?

– Не хочу провоцировать. Мне пока деться некуда.

Как девочка и предполагала, весь старый персонал разбежался. Последней ушла мисс Грин.

После смены преподавательского состава стало гораздо тяжелее. Новые сотрудники приюта сразу увидели отношение директрисы к девочке по имени Мелисса Эванс и переняли его, не разбираясь в причинах. Воспитанницы же (кроме, как ни странно, Дженни и Бет) просто перестали с ней разговаривать. Проблем никому не хотелось.

Мелисса решила не обращать на бойкот внимания и переждать. Общения ей хватало и за пределами приюта. Да и до одиннадцатого дня рождения оставалось всего ничего.

Однако мисс Коулман словно поставила перед собой цель: создать девочке максимально невыносимые условия. Каждый раз, когда Мелисса возвращалась в приют и открывала входную дверь, ее встречала мисс Коулман со скрещенными на груди руками. Как чувствовала! И визгливым голосом выговаривала за все: не так вошла, не так вытерла ноги, не так одета, не так причесана. Все не так. И сама не такая.

Также мисс Пугало, как ее прозвали в приюте, обожала врываться в комнаты к девочкам не то что без предупреждения, но и без стука. Раздеты? Переодеваетесь? И что? Не принцессы Уэльские. А место казенное.

Ну и самым любимым развлечением новоявленной директрисы было раздавать девочкам оплеухи. В приюте не осталось ни одной воспитанницы, не получившей подобного подарка.

Несколько раз доставалось и Мелиссе. В конце концов, девочке надоело подобное вольное обращение с ее лицом, и в один прекрасный день она решила пойти наперекор заповедям и не подставила вторую щеку, а вообразила между собой и брызжущей слюной директрисой мощную невидимую стену, о которую та и ударилась рукой, сломав палец. Уж очень энергично била и слишком много сил вложила в очередную воспитательную пощечину.

Завизжавшая от боли мисс Коулман вдруг почувствовала, как что-то подхватывает ее и вдавливает в стену. Не больно, но вполне ощутимо. А в следующий момент поняла, что не может пошевелиться и издать ни единого звука.

Перед ней стояла Мелисса Эванс и внимательно смотрела на нее. Так ученый-энтомолог разглядывает в микроскоп муху-дрозофилу.

– Как же вы мне надоели, мэм, — тихо, словно рассуждая сама с собой, проговорила девочка. — И что же мне с вами делать? Может… Хотя нет. Начнутся поиски, расследования, визиты полиции. Это так утомительно, не находите?

Директрисе стало страшно. Она изо всех сил пыталась

закричать, но безрезультатно. Мелисса чуть улыбнулась.

– Ну-ну. Не нужно так нервничать. Я читала — нервные клетки не восстанавливаются. Слу-ушайте, — протянула девочка, — а может, договоримся? Моргните, если согласны. Отлично. Вы сейчас тихо выходите из этой комнаты, закрываете дверь с той стороны и больше не уделяете мне столь пристального внимания. Право, я его не стою. Нет, вы, конечно, можете попытаться мне как-то отомстить. Но, мэм, искренне не советую. Давайте разойдемся на ничьей.

Мелисса взмахнула рукой, мисс Коулман почувствовала, что снова владеет своим телом.

– Мы договорились? — уточнила девочка.

Директриса нервно кивнула.

– Тогда не смею вас больше задерживать, мэм.

Коулман, как ошпаренная, вылетела из комнаты, а Мелисса обессиленно выдохнула.

«Какое же это напряжение строить из себя маньяка! И как только Энтони Перкинсу(2) удалось сыграть эту роль целых четыре раза?»

_____

(1) Телесные наказания в государственных школах Великобритании были поставлены парламентом вне закона лишь в конце 1987 г. Т.е. в принципе мисс Коулман могла поднять руку на воспитанниц.

(2) Энтони Перкинс — американский актер, сыграл роль маньяка-убийцы в фильме «Психоз» и его сиквелах.

= = = = = = = = = = ГЛАВА 9. Почтальон со степенью = = = = = = = = = =

Минерва Макгонагалл, декан факультета Гриффиндор, стремительно вошла в кабинет директора школы чародейства и волшебства Хогвартс. Профессор Дамблдор в оранжевой шелковой мантии стоял перед насестом своего любимого феникса и наливал воду в поилку.

– Альбус, как это понимать? — громко спросила Макгонагалл.

Вопрос прозвучал неожиданно. Сам Дамблдор не видел ничего странного в заботе о меньших братьях, поэтому от удивления расплескал воду и слегка укоризненно взглянул на своего заместителя.

Тут он заметил, что в руках у Минервы был пергаментный свиток, которым она энергично и возмущенно трясла. Дамблдор посмотрел на пергамент сначала поверх очков-половинок, а затем и из-под них.

– А что, собственно, случилось, Минерва? — поинтересовался

он. — Насколько я вижу — это список первокурсников на будущий год. Очевидно, артефакт, отслеживающий рождение новых магов, подготовил список и письма. Как каждое лето! Меня, конечно, тоже всегда поражала магия этого древнего…

Макгонагалл отмахнулась.

– Альбус, я не об этом! Вот, — она указала на фамилию в списке. — Эванс! Это то, о чем я думаю?

Дамблдор вопросительно смотрел на нее, ожидая продолжения.

– Мерлин, не считайте меня дурой! Во-первых, Поппи мне все уши прожужжала восемь лет назад, когда осматривала малыша Гарри после той ночи. Где дочка Лили? Да жива ли она? Да ищут ли ее? А во-вторых, вы что думаете, та простенькая иллюзия, под которой бедная девочка прятала свою беременность на шестом курсе, могла меня обмануть? Или Поппи? Или Флитвика? Подобные чары не заметят только студенты!

„Не все. Один заметил. Мерлин, какие же вы все наблюдательные!“ — раздраженно подумал директор и развел руками, как бы признавая правоту профессора трансфигурации.

– Что же, Минерва. Да, Лили говорила, что собирается спрятать дочку в одном из магловских приютов. Но, где конкретно, мне, увы, было неизвестно. Сами понимаете: сразу начать поиски в тех условиях было невозможно. Волдеморт пал, но мы еще очень долго боролись с эхом той горькой войны. Нужно было сосредоточиться на нейтрализации его последователей, оставшихся на свободе. Ради общего блага, — Дамблдор сокрушенно покачал головой. — И время было упущено. Найти ее можно было только с помощью ритуала кровного поиска. А это…

– Да-да, — пробормотала Макгонагалл. — Не приветствуется…

– Вот именно. Пускать тьму в свою душу не стоит даже ради благого дела! Поэтому оставалось только ждать. Артефакт должен был внести девочку в список и подготовить письмо в год, когда ей исполнится одиннадцать. Как видите, так все и произошло! Мы можем только порадоваться!

Минерва с сомнением покачала головой.

– Да уж… Ребенок вырос без семьи. Повод для радости…

– Вот поэтому, раз так получилось, я надеюсь, что вы именно с нее начнете ежегодный обход маглорожденных.

– И что я должна сделать? Мне рассказать ей о Лили, о Гарри? Она ведь не была младенцем, когда все это случилось. Может что-то помнить.

Дамблдор задумчиво пожевал губами.

– Этот вопрос может возникнуть только с вашей подачи, Минерва. А я полагаю, нам лучше выждать. Девочка — сирота. Узнав, что у нее есть брат, она наверняка захочет с ним увидеться. А это пока очень несвоевременно. Просто присмотритесь к ней повнимательнее. Какая она? Что она за человек? Приют не самое лучшее место для ребенка. Тем более ребенка-волшебника. Не хотелось бы неприятных сюрпризов!

– Альбус, перестаньте, наконец, волноваться из-за каждого сироты, поступающего в Хогвартс? Вряд ли мы получим еще одного Тома Риддла. Он рос в совершенно иное время: война, нищета, голод. Сейчас и приюты-то совсем другие. К тому же она — дочь Лили. А Лили была замечательной, честной, благородной девочкой!

– Так-то оно так, но сами знаете: обжегшийся ребенок огня боится(1). Так что я очень на вас рассчитываю, Минерва!

***

Ровно в одиннадцать часов утра профессор Макгонагалл вошла в кабинет мисс Коулман. Он был заставлен антикварной, возможно, даже дорогой мебелью, но расстановка была до крайности бестолковой. Ни к бюро, ни к письменному столу невозможно было просто подойти. Везде нужно было протискиваться, стараясь избежать острых углов. И ради чего эту небольшую комнату наполнили громоздкой мебелью? Казалось, хозяйка кабинета безуспешно пыталась добрать стиля или шика.

Сама мисс Коулман, нервная и бесцеремонная особа, тоже категорически не понравилась Минерве. Но профессиональная солидарность требовала закрыть глаза и не обращать внимания на грубость. Она была коллегой, хоть и не из волшебного мира. Мало ли, какие тут ученики. Довели бедную женщину!

– Так. Вы кто? — не ответив на приветствие вошедшей Макгонагалл, рявкнула директриса приюта.

Поджав губы, профессор трансфигурации представилась:

– Меня зовут Минерва Макгонагалл, я профессор и заместитель директора частного колледжа, в который записана воспитанница вашего приюта Мелисса Эванс.

Директриса слегка побледнела, услышав фамилию воспитанницы, что не могло ускользнуть от внимания Макгонагалл, наблюдающей за женщиной.

– Кто записал? У нее объявились родственники? Так пусть забирают!

– Ее родители. Еще до своей смерти. Девочке предоставлена стипендия, так что в материальном плане приюту беспокоиться не придется.

Коулман поджала губы, всем своим видом демонстрируя, что

уж она-то беспокоиться и не собирается. Минерва продолжила.

– Вы не расскажете мне о девочке? Какая она? Какой у нее характер?

Глаза собеседницы заметались. Она словно хотела что-то сказать, но то ли не решалась, то ли боялась. И это никак не складывалось с первоначальным впечатлением о ней.

– Нам очень важно знать как можно больше о новых учениках!

И тут Коулман прорвало. Раздражение, которое она сдерживала почти год, забурлило и выплеснулось наружу.

– Это черт знает что такое! Весь мир что ли вертится вокруг этой девчонки? То ей одну стипендию предоставляют. Она, видите ли, вундеркинд. То другую. Как по мне, она дерзкая, наглая, лживая и своенравная!

– Чем же она заслужила такую лестную характеристику?

– Она ни в грош не ставит слова старших, считает, что ей все позволено и творит, что пожелает. Более того, терроризирует окружающих. Эта малолетняя преступница сломала мне палец, в конце концов! — орала директриса, уже не сдерживаясь.

Минерва тяжело вздохнула: „Неужели Альбус был прав, и жизнь в приюте портит абсолютно всех? А ведь Лили была такой милой девочкой!“

– Я вас поняла, мисс Коулман. Что ж, вы можете не волноваться. В сентябре девочка уедет в школу и проведет там почти весь год. Сюда она вернется только на каникулах. На летних — обязательно, на рождественских и пасхальных — по ее желанию.

– Ее желание мне неинтересно. Она будет приезжать сюда только летом. И точка. Я с ней достаточно намучилась — теперь ваша очередь.

– Где я могу поговорить с девочкой?

– Ее комната на третьем этаже. Она живет одна. Так запугала других воспитанниц, что с ней никто и жить-то не хочет в одной комнате.

Минерва, качая головой, вышла из кабинета директрисы и пошла вверх по лестнице. Поднявшись на третий этаж, профессор трансфигурации посмотрела на единственную дверь и вздрогнула. От нее шел легкий магический фон. Оглянувшись и убедившись, что вокруг никого нет, Макгонагалл достала волшебную палочку и исследовала дверь. Явственно виднелись следы чар, отталкивающих внимание.

Удивленная, Минерва помедлила секунду и, убрав палочку, постучала.

***

На свой одиннадцатый день рождения Мелисса получила не только традиционные книги.

В этот раз, развернув сверток, она обнаружила там котел. Самый настоящий, сделанный, похоже, из олова. В нем лежал комплект учебников для третьего курса, а кроме того телескоп, медные весы с набором гирек, стеклянные флаконы, набор пергаментных свитков и гусиных перьев, а также старомодная чернильница и пузырьки с разноцветными чернилами.

При ближайшем рассмотрении телескоп оказался очень слабым, всего с пятикратным увеличением. Зная, что предстоят уроки астрономии, Мелисса решила разориться на подробный астрономический атлас и, возможно, на нормальную оптику. Благо, финансовые возможности позволяли.

Весы тоже оставляли желать лучшего. Девочка подумала, что нужно попросить учителя химии порекомендовать ей приличные аптечные весы без электроники максимально возможной точности. Потому что с этим агрегатом, пожалуй, можно было и нитроглицерин сварить вместо успокаивающего бальзама!

Однако, если телескопом и весами можно было еще хоть как-то пользоваться, канцелярские товары привели в полнейший ужас и заставили крепко призадуматься.

«Судя по набору, в Хогвартсе пишут в стиле „средневековый монах“. Гусиными перьями на свитках. Свитки в процессе письма будут сворачиваться, чернила смазываться, перья быстро тупиться и рвать бумагу. Одинаково очинить их сможет только человек с идеальным глазомером и твердой рукой.

Значит, получу разные по толщине буквы, испачканные по локоть руки и нечитаемый текст. Как результат, мягко говоря, паршивые отметки за письменные работы.

А уж чернильница! Просто за гранью добра и зла. С таким приспособлением можно даже не опасаться, что из него выльется содержимое и зальет все на свете. Нужно просто знать: это обязательно произойдет.

Необходимо срочно приобрести чернильницы-непроливайки, пачку промокательной бумаги (не песком же посыпать(2)!), специальное пресс-папье и перьевые ручки: как обычные деревянные, так и простенький Паркер с запасом чернильных картриджей. Легче всего купить перьевой Паркер. Все остальное… Интересно, это вообще еще производят?»

И вот сегодня Мелисса сидела на кровати, составляя список необходимых покупок, когда раздался стук в дверь.

„Господи, дай мне сил не убить ее!“ — подумала девочка, одним движением правой руки, пряча свои вещи в медальон, а левой невербально приводя в порядок кровать.

Удостоверившись, что все идеально, она подошла к двери и отперла щеколду, абсолютно уверенная, что пришла мисс Коулман. В последнее время директриса снова активизировалась и начала пакостить.

Очевидно, впечатления от предыдущей беседы уже слегка потускнели, а ущемленная гордость требовала сатисфакции.

Сначала она попыталась запретить Мелиссе любую дополнительную внешкольную активность, но письмо из Департамента образования, которое пробила Макнабб, поставило крест на этом „благом“ начинании.

Потом вспомнила о рекламных съемках Мелиссы и решила наложить лапу на ее банковский счет. Помогла опять-таки Макнабб, задействовавшая свою подругу-юриста.

Слава Богу, они подсуетились еще при предыдущем руководстве приюта. Макнабб занималась финансовыми вопросами девочки по доверенности, которая была продлена на пять лет в день десятилетия Мелиссы. Нет, ее, конечно, можно было аннулировать, но в таком случае это затронуло бы репутацию Макнабб. А гордая шотландка подобного бы не спустила и начала разбирательство с привлечением юристов, чиновников из Департамента образования и социальных служб. И Коулман прекрасно понимала, что это невыгодно уже ей самой: потому что копать стали бы и под нее тоже.

После всего этого директриса вела себя как нервная комнатная собачка, которая громко тявкает, пытается укусить и гадит посреди комнаты на ковер.

Каково же было удивление Мелиссы, когда вместо Коулман она увидела на пороге незнакомую даму в строгом зеленом твидовом костюме.

– Доброе утро, мэм. Вам не жарко? — вырвалось у девочки.

– Простите? — опешила Макгонагалл.

После разговора с мисс Коулман, она ожидала увидеть озлобленного, хмурого ребенка, обиженного на весь свет. Однако девочка, стоящая перед ней, никак не подходила под это описание: высокая, тоненькая, красивая брюнетка с приятной улыбкой и ясным взглядом.

„Внешне она абсолютно не похожа на Лили!“ — подумала Минерва.

– На улице очень жарко, мэм, я подумала, вам может стать нехорошо. Ваш костюм очень теплый. Впрочем, это не мое дело. Извините.

Мелисса и профессор трансфигурации некоторое время смотрели друг на друга, а потом девочка отошла с порога и произнесла:

– Вы ко мне? Проходите, пожалуйста.

Минерва стряхнула оцепенение и вошла. Комната была крохотной с минимальным набором мебели: кровать, шкаф, тумбочка и стул. Окно было небольшое и пропускало очень мало света. В принципе, не очень здоровая обстановка для ребенка. Мелисса подвинула стул ближе к Маконагалл.

– Присаживайтесь.

– Спасибо, мисс Эванс.

– О, у вас преимущество, — сказала девочка, — вы знаете мое имя…

– Прошу прощения, меня зовут профессор Макгонагалл, я привезла вам письмо, — дама достала из кармана конверт и протянула его девочке.

– Благодарю. Мне еще никогда не привозили письма профессора, — улыбнулась Мелисса и, отметив про себя необычную печать, вскрыла конверт.

Там было два пергаментных листка, исписанных зелеными чернилами. Это было то самое письмо, которое она ожидала со дня на день:

«Директор: Альбус Дамблдор
(Кавалер ордена Мерлина I степени,
Великий волшебник, Верховный чародей,
Президент Международной конфедерации магов).
Дорогая мисс Эванс!

Мы рады проинформировать Вас, что Вам предоставлено место в Школе чародейства и волшебства „Хогвартс“.

Пожалуйста, ознакомьтесь с приложенным к данному письму списком необходимых книг и предметов.

Занятия начинаются 1 сентября.

Ждем вашу сову не позднее 31 июля.

Искренне Ваша,
Минерва Макгонагалл,
заместитель директора!»

На втором листе был список необходимых студенту вещей.

– Забавно… — протянула Мелисса.

– Уверяю вас, это не шутка, вы, действительно, волшебница. И магия, действительно, существует. Вот, смотрите.

И Макгонагалл выполнила свой любимый трюк: превратилась в кошку и обратно. Маглорожденных это всегда поражало до глубины души. Но эта девочка и бровью не повела. Вежливо посмотрела и разве что в ладоши не похлопала. Было даже как-то обидно.

Словно прочитав ее мысли, Мелисса сказала:

– Я и не ставлю под сомнение то, что я волшебница,

профессор. И ваше превращение было весьма впечатляюще. Забавно, что вы сами разносите свои письма. Такого я еще не видела.

– Только детям, выросшим вне магического мира, — начала было объяснять Минерва, но тут зацепилась за главное. — Так вы не удивлены, узнав, что вы — колдунья? Почему, позвольте спросить? Вы что использовали магию в приюте? Поэтому на вас так много жалоб со стороны директрисы? Она говорит, что вы дерзите и так затерроризировали сверстниц, что вас даже поселили отдельно. Имейте в виду, мисс Эванс, в Хогвартсе дисциплина очень важна, и подобные штучки там не пройдут. Итак, что вы можете сказать в свое оправдание? Объяснитесь!

Мелисса удивленно посмотрела на нее. Улыбка медленно сползла с ее лица, и оно приобрело очень спокойное выражение.

– Профессор, простите, мне кажется, между нами возникло некоторое недопонимание. Полагаю, я еще не ваша студентка. После моего приезда в школу вы на законных основаниях сможете повышать на меня голос и требовать каких-либо объяснений, если мое поведение или поступки покажутся вам недостойными. А пока, на данном этапе нашего недолгого знакомства, у вас такого права нет. Я не должна и не буду объясняться.

Девочка говорила предельно вежливым тоном и голос не повысила ни на йоту. Казалось, она просто отвечает хорошо выученный урок. Минерва почувствовала неловкость. Она действительно слегка вышла за рамки, но все необходимо было выяснить заранее, чтобы знать, с чем придется иметь дело.

– Хм… Что ж, если вы не желаете прояснить ситуацию, то воля ваша, но я сделаю в отношении вас определенные выводы, имейте в виду, — Макгонагалл пристально посмотрела на девочку, и так как ответа не последовало, продолжила. — Я должна буду сопроводить вас за покупками. Если мы выйдем сейчас, то все успеем.

– Да, мэм. Мне нужно пять минут, чтобы переодеться. Если вас не затруднит, не могли бы вы подождать меня внизу?

Макгонагалл, бурля негодованием (действительно, дерзкая девчонка!), спустилась по лестнице. Внизу, в небольшой гостиной, сидели две девочки. Очевидно, они поджидали Минерву, так как бросились к ней сразу же, как она появилась на пороге.

– Мэм, мы все слышали! Мисс Коулман так орала! Не слушайте ее, мэм! Лисса нормальная, — наперебой заговорили девчонки. — Она никогда никого не обижала. Поговорите с мисс Грин, нашей бывшей учительницей.

– Или с учителями в школе Мелиссы. Они вам скажут правду!

Макгонагалл слегка опешила от их напора.

– Как вас зовут, юные леди?

– Мы Дженни и Бет. Поверьте, мы правду говорим.

– А палец мисс Пугало сломала, когда Лиссу ударила. О ее лицо и сломала. Била сильно.

Услышав шаги на лестнице, девочки убежали из гостиной. Профессор трансфигурации обернулась и увидела входящую в комнату Мелиссу.

– Надеюсь, не заставила вас долго ждать? Куда мы направляемся?

– Мы идем на Косую аллею, туда можно попасть через паб „Дырявый котел“, он находится на Чаринг-Кросс-Роуд. Отправимся на общественном транспорте, чтобы вы знали, как туда добираться из Лондона.

***

Автобуса им пришлось ждать достаточно долго. Мелисса молчала и смотрела перед собой. Макгонагалл почувствовала легкую вину.

– Мисс Эванс, не обижайтесь на меня. Ваши подруги, Дженни и Бет, рассказали мне о некоторых аспектах ваших отношений с директором приюта. Я была не права, сделав выводы на основании слов только одного человека.

Девочка посмотрела на Минерву.

– Спасибо за ваши слова, профессор, но я никогда не обижаюсь на незнакомых людей. Это бесперспективно. Обидеть могут только близкие, чье мнение, действительно, важно. У меня их всего двое.

„И вы в их число не входите“, — мысленно добавила девочка.

– Интересная логика… Что ж, раз мы все прояснили, может быть, объясните, откуда вы знаете, что вы волшебница?

– Это очевидно, мэм. Если я с детства умею делать вещи, которые люди относят к паранормальным способностям, то тут только два варианта. Либо я действительно могу колдовать. Либо мне это кажется, тогда по Мелиссе Эванс плачет Бетлем(3). А с тем, что мне пора в дурдом, я никак не могу согласиться. И не уговаривайте, — улыбнулась девочка.

– И что же вы можете?

– На расстоянии двигать и притягивать предметы, открывать и закрывать двери. Могу сделать так, чтобы меня долго не замечали… Но мисс Коулман всегда меня находит. Или тоже что-то может, или у нее на меня нюх.

– Значит, это вы наложили на свою комнату чары отвлечения внимания?

– А на ней какие-то чары? — пожала плечами Мелисса. —

Мне просто хотелось, чтобы мисс Коулман обо мне забыла. Резонное желание, не находите? Я так поняла, что Дженни и Бет уже проинформировали вас, насколько у нас с мисс Коулман разнятся представления о ведении светской беседы. Она полагает, что прямой правый способствует взаимопониманию, а я с ней категорически не согласна. Сколько людей — столько и мнений, не так ли?

Макгонагалл хмыкнула и хотела что-то ответить, но в этот момент подошел автобус. Всю дорогу они молчали. И только когда они уже шли по Чаринг-Кросс-Роуд, Мелисса заговорила:

– Профессор, что касается денежного аспекта…

– Не волнуйтесь, — перебила ее Макгонагалл, — студентам-сиротам полагается пособие от совета попечителей. Правда, одежду и книги придется покупать подержанные, но на палочку вам хватит.

„Приветствую заботу о своем банковском счете!“ — подумала девочка.

– Итак, мисс Эванс, если приглядитесь, то…

– Да, мэм. Я заметила.

– Что ж, идемте.

Они перешли дорогу и вошли в бар.

***

Там было прохладно и царил полумрак. Посетителей было много — время двигалось к ланчу. Макгонагалл повернулась к Мелиссе.

– Мисс Эванс, приглашаю вас пообедать со мной. Потом будет некогда: мы будем слишком заняты.

– С удовольствием, профессор.

Они сели за столик, к ним подошел хозяин паба.

– Здравствуйте, профессор Макгонагалл, мэм. Снова со студентами начали возиться. Ты смотри, девочка, учись хорошо. Видишь, как тебя опекают.

– Спасибо, сэр, непременно, — вежливо ответила Мелисса.

– Том, нам бы легкий обед.

Он принес суп и сэндвичи. Суп как суп. Сэндвич с индейкой как сэндвич с индейкой. Еда была самой обыкновенной. Не волшебной.

В отличие от посетителей. Сразу было видно, что они странные. И появлялись они по-разному. Кто-то приходил с черного хода. Они были одеты в мантии и остроконечные шляпы и, пропустив стаканчик сливочного или обычного пива, проходили к камину и исчезали в зеленом пламени.

Кто-то приходил со стороны магловского Лондона. Они, судя по всему, пытались одеться как обычные люди, но это мало кому

удавалось. Если женщины могли быть сколь угодно экстравагантными и в мире маглов сошли бы за своих, то мужчины выглядели просто феерично. Один решил, что спортивные штаны и пиджак от смокинга — это идеальное сочетание. Другой нацепил женскую блузку и бриджи. В общем, кто во что горазд!

Макгонагалл встретила каких-то своих знакомых, и начались бесконечные разговоры. Последние полчаса Минерва безуспешно пыталась отбиться от некоего Мундунгуса Флетчера, который настойчиво чего-то добивался.

Мелисса уже давно поела, поэтому, решив не мешать профессору, подошла к барной стойке.

„Скрестим пальцы, чтобы она говорила, как можно дольше, — подумала девочка, — тогда времени останется мало. Мы только зайдем за палочкой, а про остальное скажу, что докуплю сама. Так, создадим себе алиби…“

Сев на высокий табурет, она дождалась, пока Том, протирающий абсолютно чистый стакан, на нее посмотрит.

– Чего тебе, стрекоза? — ласково спросил он ее.

– Не стрекоза, а пчела, — улыбнулась ему девочка.

– Хм, а с чего это пчела?

– Меня Мелисса зовут. Означает „пчела“, мистер…?

– Том, просто Том.

„Бонд, Джеймс Бонд!“

– Сэр, если я на днях зайду сюда без профессора Макгонагалл, вы не поможете мне пройти на Косую аллею? Я боюсь, мы не успеем с ней купить все, что нужно, а еще раз я ее дергать не хочу.

– Да не вопрос, пчелка, — хмыкнул бармен. — Если меда принесешь.

– Насчет меда не знаю, а шоколадка с меня.

– Да, я пошутил, — покраснел Том. — Мне же несложно.

– А я нет. Может, мне приятно будет вас угостить?

– Ну, тогда, по рукам.

Мелисса едва успела хлопнуть о мозолистую ладонь бармена, как вдруг за спиной раздался удивленный голос Макгонагалл.

– Профессор Снейп? Северус? Что вы здесь делаете?

– А что такое, Минерва? С каких пор я должен отчитываться перед вами, где я обедаю или чем занимаюсь в свой отпуск? У меня есть дела на Косой аллее. Нужно закупить ингредиенты для школы. Такой ответ вас устроит?

Мелисса сползла с табурета и обернулась на голос. Рядом с профессором Магконагалл стоял высокий мужчина.

– О, Мерлин, Северус, причем тут это. Просто не ожидала

столкнуться с вами сегодня. Думала, вы уже где-нибудь на юге. Греетесь на пляже в окружении юных прелестных леди. А не бегаете по делам школы.

– Минерва, вы заместитель директора и прекрасно знаете, что если я не оторву от своего отпуска несколько дней и залягу на пляже, учебный год в кабинете зельеварения вообще не наступит. Вам также хорошо известно, что мне по штату положен ассистент для закупки и нарезки ингредиентов. И где он?

– Северус, мы не будем обсуждать дела школы в пабе.

– Хорошо, отложим. Но не сомневайтесь, к этой теме я вернусь. И раз уж мы обсудили мои дела, то обсудим и ваши. Вы-то что тут делаете? Мне казалось, пиво несколько не ваш напиток? Вы изменили огневиски? Или у вас свидание с Мундунгусом? Но здесь? Минерва, это так не романтично!

– Северус! Я сопровождаю студентку. Эванс, подойдите и познакомьтесь со своим будущим профессором зельеварения! — рявкнула Макгонагалл.

– Минерва, избавьте меня от ненужных знакомств, с учениками я могу прекрасно встретиться и на уроках.

Мелисса медленно подошла к профессорам. Снейп мазнул взглядом по девочке и, буркнув „До встречи на занятиях!“, ушел в направлении выхода на Косую аллею.

„Значит, наше знакомство афишировать нельзя“, — сделала вывод девочка.

– Он очарователен, как всегда, Минерва! Но ты тоже хороша. На пляже, в окружении юных прелестных леди! — захихикал Флетчер, передразнивая профессора трансфигурации. — Разве можно представить нашего затворника на пляже, на лежаке? Еще скажи, в плавках или в гавайской рубахе и шортах! И с тропическим коктейлем в руках! С зеленым, слизеринских цветов, зонтиком в бокале! И с бумажкой, прикрывающей от солнца его великолепный кривой нос!

„Слизняк недодавленный! — зло подумала Мелисса, слушая словесные экзерсисы этого потасканного мага. — На себя самого в зеркало давно смотрел?“

– Мундунгус, не в присутствии студентки. Ладно, мисс Эванс, идемте, у нас мало времени, — прервала его излияния Минерва.

Они вышли через черный ход и оказались на заднем дворе, перегороженном кирпичной стеной. Макгонагалл достала волшебную палочку, отсчитала определенный кирпич и постучала. Кирпичи задвигались сами собой и образовали большую арку, через которую они и вышли на Косую Аллею.

„Все, как было написано в пособии для маглорожденных от древнего года. Люди замки на дверях чаще меняют. Никакого

понятия о безопасности“.

Несмотря на будний день, улица была заполнена волшебниками и колдуньями, спешащими от магазина к магазину, которых здесь было множество: от маленьких лотков и лавчонок, до солидного кафе-мороженого Фортескью и лавки одежды мадам Малкин. От витрины к витрине перебегали дети. То тут, то там шныряли разноцветные коты.

– Что ж, мисс Эванс, начнем, пожалуй, с…

– С палочки, профессор. Это самое важное… Уже прошло достаточно времени. Главное успеть зайти за ней.

– Да, Мундунгус меня совсем заболтал. Придется снова приходить.

– Мэм, я говорила с Томом, барменом, он сказал, что сможет меня сюда пропустить. Не думаю, что вам следует тратить свое время и ходить со мной по старьевщикам за форменной одеждой. Я честно предупреждаю — это будет очень долго. Я буду выбирать самое новое из старого.

– Хорошо, если вы полагаете, что справитесь одна…

– Мэм, я живу одна очень давно.

– Да. Впрочем, хорошо, но если вы будете не готовы к началу учебного года, я сниму баллы с того факультета, на который вы поступите.

Они направились в сторону магазина Олливандера.

– А какие есть факультеты, профессор?

– Их четыре: Гриффиндор, Хаффлпафф, Рейвенкло и Слизерин. Я — декан Гриффиндора и преподаватель трансфигурации. Это очень интересный и сложный предмет, для сильных и умелых волшебников и колдуний.

– А профессор Снейп?

– Хм… — не удержалась от недовольного хмыка Макгонагалл. — Он декан Слизерина. Преподаватель зельеварения. Деканом факультета Рейвенкло является преподаватель заклинаний, профессор Флитвик, а Хаффлпаффа — профессор Спраут. Она преподает гербологию.

– И как распределяют на факультеты?

– Согласно чертам характера, присущим студентам. Благородные и храбрые попадают на Гриффиндор. Трудолюбивые и дружелюбные на Хаффлпафф. Умные и талантливые на Рейвенкло. А хитрые и амбициозные обучаются на факультете Слизерин, — на последнем слове Макгонагалл слегка скривилась, недвусмысленно демонстрируя свое отношение.

– У факультетов разная программа обучения?

– Нет, всех учат одному и тому же…

– В чем тогда смысл подобного распределения? У любого

человека больше одной или двух черт характера.

Макгонагалл с интересом посмотрела на девочку.

– Это так, но некоторые черты превалируют, вам не кажется? И мы распределяем студентов согласно основным склонностям…

– Мэм, это софистика. Вот предположим, студент говорит себе: „Я буду хорошо учиться!“ Его можно распределить сразу на четыре факультета. Потому что цель эта, несомненно, благородная, а также говорит об уме, трудолюбии и об амбициях. Или, например, если студенту не присуща ни одна черта из перечисленных. Вот не повезло человеку. Он, допустим, глуп и труслив. Получается, его никуда нельзя распределить. Что вы будете с ними делать?

– Я думаю, вы попадете в Рейвенкло.

– Я думаю, вряд ли, мэм.

– Что ж, поживем — увидим. Мы пришли.

_____

(1) Английский аналог русской пословицы „Обжёгшись на молоке, будешь дуть и на воду“.

(2) В средние века пергаменты посыпали песком, чтобы чернила быстрее высохли.

(3) Бетлем (Бедлам) — Бетлемская королевская больница. Одна из старейших психиатрических лечебниц в Англии.

= = = = = = = = = = ГЛАВА 10. И что внутри? = = = = = = = = = =

Магазин выглядел непрезентабельно: с вывески уже облетела позолота, а на витрине лежала одна-единственная палочка. Они вошли внутрь, в маленькое мрачное полупустое помещение. Над головой тихо звякнул дверной колокольчик. Минерва Макгонагалл присела на единственный тонконогий стул. Мелисса с интересом и нетерпением оглядывалась. Ей очень хотелось сравнить подходы английского и болгарского мастеров.

– Добрый день, — раздался тихий голос.

Девочка резко обернулась. Перед ней стоял очень пожилой человек. Настолько, что в его волосах не было ни одного темного волоса, а глаза фактически потеряли свой цвет.

– Здравствуйте, сэр.

– Добрый день, мистер Олливандер, — сказала Макгонагалл. — Мы пришли купить палочку для юной леди.

– Минерва Макгонагалл, ель и сердечная жила дракона, насколько я помню, девять с половиной дюймов, очень жесткая. Идеально подходит для трансфигурации. Не так ли?

«Если бы я был этим фигляром Олливандером…» — вспомнилось Мелиссе.

– Опять ты со своим аттракционом, Гаррик. Нельзя ли без

этого? — слегка раздраженным тоном сказала профессор Макгонагалл.

Олливандер усмехнулся:

– Что ж, юная леди, какой рукой вы держите палочку?

– Если вы о том, какая рука у меня ведущая, то я владею обеими, сэр, но сегодня мы подбираем для правой руки, — ответила Мелисса, думая о словах Грегоровича о том, что абсолютно не важно, какой рукой волшебник держит палочку, что он может ее хоть между пальцев ног зажать.

Олливандер с интересом посмотрел на девочку.

– Вы, похоже, весьма уверенная в себе юная леди. Вытяните руку.

Он стал измерять ее. От плеча до пальцев, от плеча до локтя, затем от плеча до пола, до колена и до подмышки. А напоследок и обхват головы.

– Что ж. Дайте-ка подумать… — он ушел в соседнюю комнату.

Линейка продолжала измерять Мелиссу.

– Видите ли, — послышался его голос из глубины магазина, — внутри каждой палочки находится мощная магическая субстанция. Ребенком я любил наблюдать за опытами моего отца с разными нестандартными сердцевинами. Знаете, волос водяного или зуб упыря. Некоторые из них были весьма строптивы. О, весьма! Отец был великим мастером. Но сколько же времени он убил, пытаясь их обуздать! Тогда я решил найти универсальные сердцевины и работать только с ними. Сколько магических субстанций я перебрал!

– К какому же выводу вы пришли, сэр?

– О, юная леди любопытна. Извольте. Только три субстанции дают необходимый мне результат. Высшие сердцевины: волос единорога, сердечная жила дракона и перо феникса. Только на такие палочки я могу поставить свое прославленное клеймо. Однако не думайте, что они все одинаковы. Палочка — это сочетание свойств ее древесины, сердцевины, а также опыта и природы ее обладателя. Поэтому каждая палочка Олливандера уникальна. И, конечно, вы никогда не достигнете хороших результатов, если будет пользоваться чужой.

– Гаррик, отложим лекцию, — сказала Макгонагалл.

– Профессор, — возразила Мелисса, — но это весьма познавательно! Мастер Олливандер нашел универсальные материалы: три высших сердцевины. Сэр, а с древесиной вы не проводили опыты? Наверняка и там есть джокеры, подходящие многим. Люди разные, сочетания черт их характеров стремятся к бесконечности, а древесные породы конечны.

– Мисс Эванс, вы ничего в этом не понимаете и только отнимаете время у мистера Олливандера! — возмутилась профессор трансфигурации.

– Минерва, юная леди абсолютно права! Я как раз экспериментирую с древесиной. Окончательных данных пока нет. Но есть интереснейший промежуточный итог: сочетанием тис-феникс и остролист-феникс могут пользоваться практически все. Абсолютный джокер, как вы это называете, — Олливандер с интересом смотрел на Мелиссу. — Что ж, возможно, ваша уверенность в себе, мисс, имеет право на существование. Впрочем, приступим.

Он протянул Мелиссе первую палочку.

– Ясень и волос единорога. 11 дюймов. Очень хлесткая. Взмахните.

Мелисса, повинуясь какому-то шестому чувству, взмахнула палочкой, сдержав часть силы. Под Макгонагалл загорелся стул. Пожар был быстро потушен, одежда декана не пострадала, а Олливандер пришел в полный восторг.

– Мисс, у вас еще и большой потенциал! Но эта палочка не ваша. Ну-ка, а вот эта? Бук и сердечная жила дракона. Четырнадцать дюймов. Очень мощная.

Палочка действительно была мощная. Во всяком случае, струя воды, выстрелившая из нее, как из брандспойта, сбила Олливандера с ног, хотя Мелисса и подала в нее меньше трети своего резерва. Одержимый палочками старик обрадовался еще больше: глаза загорелись фанатичным голубым огнем.

– И эта тоже! Загадка становится все интереснее!

«Нет, так не пойдет. У него эксперименты. Выборка. Но такими темпами мы тут проведем ночь, а я разгромлю полмагазина. Еще не известно, придется ли оплачивать ущерб. Как же ему намекнуть на то, что мне нужно? Я ведь, по определению, tabula rasa(1)», — подумала девочка, а вслух сказала:

– Сэр, может, хотя бы попытаемся сузить круг поисков?

– Эванс! — вскричала Макгонагалл.

– Подожди, Минерва. А что, у юной леди есть методика, как это можно сделать? — с долей сарказма спросил Олливандер.

– Лишь гипотеза. Хочу ее проверить. Несколько месяцев назад нас возили на экскурсию в Ботанические сады Кью. И знаете, когда я случайно споткнулась и коснулась черной акации, то почувствовала, как по пальцам заструилось тепло. Тогда я подумала, что мне это кажется, но теперь… Может, это знак?

– Acacia melanoxylon? Да у вас амбиции, юная леди! Палочки из этого дерева весьма, весьма прихотливы. Им катастрофически сложно подобрать владельцев: они выбирают только очень сильных магов. И никогда детей!

Олливандер задумался, глядя на Мелиссу, подвигал губами, словно о чем-то договаривался сам с собой.

– Что ж, чем Мордред не шутит? Все равно у меня в магазине лишь одна такая… — он направился к витрине и снял с нее палочку. — Взмахните.

Мелисса выполнила его указание. Палочка выпустила в воздух сноп изумрудных искр, ярких, словно фейерверк. Олливандер был явно ошарашен.

– Не думал я, что она кого-нибудь признает. Такая недотрога!

– Что это за палочка, Гаррик? И что внутри? — спросила Макгонагалл.

– Ее сделал один из моих давних предков. Черная акация и коготь виверна, тринадцать с половиной дюймов, очень мощная и твердая. Вы знаете, кто такой виверн? Полузмей-полудракон. Когда-то был одним из самых страшных созданий на земле. Давно уже истреблен. Очень интересное сочетание. Да… Вы необычная юная леди!

– Сколько стоит сей антиквариат, Гаррик? — спросила Минерва. — Девочка едет в школу на пособие.

– Все понимаю, но продам ее самое меньшее за 50 галлеонов.

– Да это в шесть раз дороже любой из твоих палочек! Подбери ей что-нибудь другое. Это почти вся ее стипендия!

– Профессор, я ее куплю. Она меня выбрала. Мы подходим друг другу. И мастер сказал, что нельзя достичь результата с чужой палочкой, — решительно заявила Мелисса, подумав: «Это

хоть не штамповка с высшей сердцевиной».

– Здравые слова, мисс.

Макгонагалл вытащила из кармана мешочек с деньгами.

– Галлеоны — это золотые монеты. Один галлеон — 17 сиклей. Они серебряные. Один сикль — 29 кнатов. Они бронзовые.

– Головоломная арифметика. Только простые числа, ничему не кратные, — Мелисса отсчитала деньги, а Олливандер упаковал палочку и протянул ей.

– Что ж… Всего хорошего, мисс Эванс. Наше знакомство было весьма любопытным. Надеюсь, оно продолжится. Минерва…

– До свидания, мистер Олливандер.

Когда они вышли из магазина, Макгонагалл накинулась на Мелиссу, обвиняя ее в мотовстве.

– Эванс, вы понимаете, что вам теперь не хватит на учебники, школьные принадлежности и форму?

– Мэм, я постараюсь найти товар по своему кошельку.

– Вы не сможете! Я знаю цены на Косой аллее. Даже в лавке подержанных товаров.

– Значит, придется ограбить банк, — попыталась отшутиться девочка.

– Вы невозможны! Ваш юмор не уместен! Я умываю руки. Вот билет на поезд. Хогвартс-экспресс отходит с вокзала «Кингс Кросс» с платформы 9 и ¾ ровно в 11-00. Не опаздывайте. И помните наш уговор, если вы не будете готовы, я сниму баллы с Рейвенкло в первый же день!

– Жаль Рейвенкло, я не собираюсь туда поступать, — улыбнулась Мелисса.

– Посмотрим. Что ж, до встречи. И не забудьте: колдовать на каникулах строго запрещено. На палочке чары надзора за несовершеннолетними. Если вы нарушите правила, вас исключат! — Макгонагалл развернулась и хотела уйти.

– Еще один вопрос, профессор: у меня не очень большой опыт в путешествиях на поезде, но что-то мне подсказывает, что на вокзале такой платформы нет, — остановила ее Мелисса.

– Ах, да! Вход находится между платформами 9 и 10. Вам нужно только пройти через барьер в колонне.

– В какой по счету колонне? С головы или с хвоста состава?

– Что за дурацкие вопросы! Откуда я знаю, где там у этого вашего состава голова? Я не считала эти ваши колонны.

– Хорошо, мэм, я посчитаю их для вас. Мне это совсем не сложно. И в будущем вы сможете информировать об этом всех маглорожденных студентов.

– Вы очень любезны, мисс Эванс.

Кипящая, чуть ли не бурлящая, Макгонагалл, которой формально не к чему было придраться, от возмущения аппарировала прямо с Косой аллеи, даже не задумавшись о том, как девочка будет добираться до приюта.

Мелисса задумчиво посмотрела на клубящуюся дорожную пыль на том месте, где только что стояла профессор трансфигурации. Затем пожала плечами и, пробормотав «Вот же грымза!», двинулась по Косой аллее.

Девочка не обратила внимания, что в тени между магазином Олливандера и лавкой с ингредиентами стоял человек, внимательно слушающий этот разговор. Он задумчиво смотрел ей вслед, а затем улыбнулся и пробормотал «Действительно, вот же грымза!»

Если бы кто-нибудь когда-нибудь сказал, например, Альбусу Дамблдору или Минерве Макгонагалл, что Северус Снейп умеет улыбаться, они бы плюнули этому человеку в глаза. Не может такого быть!

***

Мелисса подошла к большому белоснежному зданию банка Гринготтс и поднялась по ступеням к блестящим тяжелым бронзовым дверям. Гоблин-швейцар в алом с золотым подбоем мундире с поклоном открыл их перед ней. На внутренних, серебряных дверях были выгравированы строчки:

Входи же, путник! Но имей в виду:
Здесь зависть не в почете, не в ходу.
Да, под землей тут россыпи монет,
Но вору к ним, поверь, дороги нет.
Коль хочешь злато получить ты без труда,
Тебе не выбраться отсюда никогда.
А если ищешь драгоценный клад,
Найдешь лишь то, чему не будешь рад.

Мелисса прошла через двери и оказалась в огромном мраморном холле. Там за длинной стойкой на высоких стульях сидели гоблины: они делали записи в амбарных книгах, взвешивали на весах монеты, изучали под лупами камни такой величины, что возникали серьезные сомнения в их подлинности.

«Скорее всего, имитация. Ни в одном серьезном заведении не будут так открыто трясти деньгами и камешками», — думала Мелисса, подходя к свободному гоблину.

– Добрый день, мисс, что угодно? — скрипучим голосом спросил он.

– Добрый день, сэр, я хочу поменять фунты на галлеоны и открыть счет в Гринготтс. Кроме того, мне необходима приватная консультация по некоторым вопросам юридического и

финансового характера. Предоставляете ли вы подобную услугу, и если нет, кто мне может помочь?

– Обмен магловских денег на магические по курсу пять к одному у гоблина за вашей спиной. Открытием новых счетов и сейфов занимается господин Блордак. Проконсультировать могу и я. Пять галлеонов час, мисс.

– В таком случае, сэр, когда я произведу обмен денег, мне хотелось бы переговорить с вами. По итогам разговора я приму решение об открытии счета.

Мелисса еще несколько дней назад с помощью Макнабб сняла некоторую, довольно крупную сумму со своего счета на покупки к школе. Поэтому сейчас, обменяв порядка тысячи фунтов и получив на руки чуть больше двухсот галлеонов, она проследовала за гоблином в отдельный офис.

Гоблин предложил ей высокое кресло у большого стола, а сам сел напротив. На столе лежало несколько чистых пергаментов, справа стояли чернильницы и несколько перьев на подставке, а слева — металлический поднос с искусной чеканкой, на котором было три изящных колокольчика с рунной вязью: золотой, серебряный и бронзовый.

Мелисса выложила на стол пять кругляшей.

– Чай? Кофе? — поинтересовался гоблин.

– Благодарю вас, господин… — девочка вопросительно приподняла брови.

– Оглаф, мисс… — гоблин выжидающе посмотрел на нее.

– Мелисса Эванс. Благодарю, но ничего не нужно. Время — деньги.

– Золотые слова. Многие не понимают этой замечательной истины.

– Возможно, они настолько богаты, что галлеон туда, сотня сюда не сделают им погоды. А мне дорого мое и чужое время. И деньги, разумеется.

– Намек понятен, мисс, — оскалился гоблин в улыбке, — но отсчет времени начнется, когда вы зададите вопрос по существу. Так что вам предложить?

– Ответ на вопрос по существу, господин Оглаф.

Гоблин подобрался и, казалось, весь превратился в слух.

– Мне 11 лет. Я сирота, выросла в магловском приюте. Хотелось бы понять, кто является моим опекуном в магическом мире, если таковой есть?

– Временным опекуном становится администрация школы Хогвартс.

– Если я хочу открыть у вас счет, с какого возраста это можно сделать?

– С пятнадцати лет. Возраст частичной дееспособности.

– Какова минимальная сумма вклада? Существуют ли ограничения по операциям? И главное, возможна ли привязка этого счета к моему вкладу в Лондонском банке. Не хочется быть ограбленной при поездке из банка в банк.

– Привязка возможна. На магловском счете останется сумма, которую вы обозначите. Минимальная сумма вклада у нас — пятьдесят галлеонов. Аренда самого простого сейфа на одном из верхних уровней обойдется в 20 галлеонов. Это наименьшая степень защиты. Но соответствует максимальной у маглов. Чтобы было понятнее, ее можно сравнить с Форт-Ноксом(2). Это ведь известное учреждение?

– Да, весьма, — задумчиво протянула Мелисса.

– Что ж, если это все, — гоблин приподнялся со стула.

– У меня есть еще вопросы, господин Оглаф, — остановила его Мелисса, – и, как я понимаю, мой час еще не закончился. Прошла только четверть. Поверьте мне, я использую его до последнего кната, даже если мы будем обсуждать чемпионат мира по квиддичу или цены на печень дракона.

– Позвольте сказать, мисс Эванс, — гоблин тут же снова плотно уселся обратно. – Вы, определенно, мне симпатичны своим отношением к делу. Итак?

– Я знаю, что мои родители были волшебниками. В связи с этим я бы хотела пройти процедуру установления родства. Что для этого необходимо? В первую очередь, меня интересует вопрос цены и сохранения тайны.

Гоблин подался вперед, явно заинтересованный.

– Вы уверены в информации о своих родителях? Если это ошибка, то деньги будут потрачены впустую. А я вижу, вы ими дорожите.

– Мое спокойствие важнее, — ответила Мелисса. — Итак, какова стоимость проверки и как скоро можно ее провести? Необходимо ли привлекать для организации министерство или администрацию школы Хогвартс? И если да, при каких условиях их участия можно избежать? И если нет, сообщают ли о результатах проверки в упомянутые мною организации?

Гоблин ответил тон в тон.

– 50 галлеонов за полную проверку. Процедуру можно провести сейчас же. На подготовку уйдет пятнадцать минут. Нет, ничьи разрешения не требуются. Нет, о результатах никому не сообщается. Это частное дело между клиентом и администрацией банка Гринготтс.

– В таком случае я желаю пройти подобную проверку немедленно, — Мелисса выставила на стол десять столбиков по

пять галлеонов.

Гоблин взял золотой колокольчик и коротко позвонил. Деньги исчезли.

– Через четверть часа сюда принесут все необходимое, мисс Эванс.

– Пожалуй, я выпью кофе, господин Оглаф, — Мелисса откинулась на спинку кресла, – и, кстати, за какую квиддичную команду вы болеете?

Гоблин рассмеялся сиплым, каркающим смехом, показав два ряда острых акульих зубов.

– Уважаю, мисс, искренне уважаю. Вы очень достойно держитесь, учитывая ваш весьма юный возраст. С молоком?

– Нет, черный.

– Скажу честно, я ненавижу квиддич! Абсолютно бессмысленная игра!

– Разделяю вашу точку зрения. Игра позиционируется как командная, но сама команда — дело десятое, играет один ловец. И в чем смысл?

– Просто сняли с языка, мисс Эванс. Прошу, ваш кофе.

– А что с ценами на печень дракона?

– Подходящее время для инвестиций. Можно недурно подзаработать.

– Ну, если мне перепадет хоть что-то, воспользуюсь вашим советом.

– А если вы еще и наймете меня в качестве поверенного…

В этот момент в кабинет молча вошел еще один гоблин. Он принес большую серебряную чашу, нож, лист пергамента и несколько хрустальных флаконов с зельями. Поставив все это на стол, он также молча удалился.

– Нужна будет ваша кровь. Не больше половины стакана.

– Имеет значение, кто и каким ножом режет?

– Нет, мисс, в этом ритуале все дело в чаше, пергаменте и зельях.

– В таком случае, позвольте, я сама и своим ножом.

– Не доверяете, мисс Эванс? — гоблин с интересом посмотрел на нее.

– Ну что вы, — с едва заметной иронией проговорила Мелисса. — Просто мой нож продезинфицирован.

– Знаете, даже если вам ничего и не перепадет, как вы выразились, я буду настаивать на своей кандидатуре в качестве вашего официального финансового и юридического представителя. У вас здоровый инстинкт самосохранения. Чувствую, вы можете высоко взлететь.

– Несомненно, господин Оглаф, если крылья не подрежут.

– Для предотвращения этого у вас буду я, мисс Эванс.

– Вы ни с кем сейчас не связаны обязательствами? — Мелисса слегка сощурилась и внимательно посмотрела на Оглафа. Он был ей симпатичен: среднего возраста, явно весьма умен и, похоже, оборотист, как и все гоблины.

– Род, который представляла наша семья, угас еще при жизни моего отца. Его последний представитель был сквибом: он просто закрыл счет и перевел все деньги в мир маглов. С тех пор мы еще не встретили ни одного волшебника, с кем бы хотелось иметь дело, — пояснил ей гоблин.

– Надеюсь, мои вопросы не являются для вас оскорбительными? Мой опыт в магическом мире мал, я могу по незнанию обидеть и даже не понять.

– Ваши вопросы резонны, мисс. Но я учту ваши слова на будущее. И если вдруг что-то подобное произойдет, я не буду сразу предъявлять вам счет, — ухмыльнулся гоблин и сказал. — Что ж, приступим?

Мелисса достала из сумки складной нож. Неловко резанув по ладони, она быстро поднесла руку к чаше, чтобы не потерять ни капли.

– Достаточно, мисс Эванс. Позволите залечить вашу рану? — спросил гоблин, испытующе глядя на Мелиссу.

Каким-то шестым чувством девочка поняла: отказываться нельзя. Это смертельно оскорбит его.

– Буду вам признательна, — сказала она и протянула ему руку.

Гоблин лишь щелкнул пальцами над порезом, и он тут же закрылся. Мелисса поблагодарила его, затем провела ладонью над ножом, убирая следы крови невербальным Эванеско, который освоила еще год назад.

– Ах, даже так! Какое интересное образование дают маглы сиротам! — протянул Оглаф, поочередно добавляя зелья в чашу с кровью.

Мелисса пожала плечами. Гоблин усмехнулся, раскатал перед собой принесенный пергамент и выплеснул на него половину содержимого чаши. На пергаменте стали медленно проступать письмена на гобледуке. После пяти минут ожидания, Оглаф поднял на девочку удивленный взгляд и сказал:

– Ваши родители были магами. Оба: мать — маглорожденная, отец — полукровка. Ваша бабка по отцу, чистокровная колдунья древнего рода. Вы, согласно теории чистоты крови, полукровка.

Тем не менее, в вашем случае есть несколько любопытных нюансов. Ваш отец — один из величайших волшебников столетия, а мать была объявлена Обретенной. Вы у них первый ребенок и

ваш магический потенциал, как я вижу, достаточно велик, чтобы по достижении возраста полового созревания пройти проверку магией родов, к которым принадлежала ваша бабка. Обычно ее проводят, когда претенденту исполняется четырнадцать лет.

Несмотря на то, что в завещаниях этих родов отмечено, что знания, а также материальные ценности передаются законному чистокровному потомку, существует оговорка: при отсутствии законнорожденных представителей наследовать может и полукровный бастард, если он достаточно силен магически. Это ваш случай, так как женаты ваши родители не были.

– Господин Оглаф, мне хотелось бы услышать конкретные имена и фамилии. Поймите мое нетерпение сироты.

– Мать — Лили Эванс, в браке Поттер, мертва. В нашем банке у нее есть счет на сумму в 3000 галлеонов. Завещание составлено не было, так что вы, как прямая наследница, уже сегодня можете получить половину этих денег, так как у вас есть единоутробный брат, наследующий вторую часть. На деньги рода Поттер вы претендовать не можете. Единственный наследник — ваш брат Гарри, поскольку вы не были удочерены Джеймсом Поттером.

– А мой настоящий отец?

– Том Марволо Риддл. Жизненный статус неизвестен. Магический мир знает его под именем Лорд Волдеморт.

– Твою же Бога в душу мать! — выругалась Мелисса, не удержав маску безразличия и употребив любимое выражение приютского завхоза. — Приношу извинения за свою несдержанность.

– Все понимаю. Не каждый же день узнаешь, что являешься ребенком величайшего темного мага.

– Что значит «жизненный статус неизвестен»?

– Наши возможности не позволяют определить, жив он или умер. Он может скрываться. Для волшебника его уровня это не сложно. Может находиться в неопределенном состоянии, например, в магической коме. Варианты могут быть разные. В том числе и связанные с темной магией.

Мелисса задумалась. В этих разных вариантах было бы неплохо разобраться. Сегодня его жизненный статус неизвестен, а вот что будет завтра? В любом случае, о «папе» не мешало бы собрать информацию.

– И к каким же родам принадлежит мой великий отец? — спросила она.

– Он происходит из рода Гонт, ведущего свое начало от легендарных Салазара Слизерина и Кадма Певерелла. Вы, мисс Эванс, единственный живой представитель этих древних родов, пока не ясен статус вашего отца. Он, кстати, не проходил

проверку родовой магией. Причина не известна. Сейфы этих родов давно опечатаны, и в любом случае, на золотые горы лучше не рассчитывать.

– Значит, нужно дождаться четырнадцати лет и пройти проверку магией рода, — проговорила Мелисса, переваривая услышанное.

– Да, мисс Эванс. Но это еще не все!

Гоблин взял с подноса серебряный колокольчик и позвонил. На столе перед ним появилась папка из красной кожи. Он открыл ее и продолжил:

– Вам оставили наследство. Вам что-нибудь говорит имя Вальбурги Блэк?

Мелисса вздрогнула, побледнев, и на секунду прикрыла глаза: «Значит, она все-таки умерла». А гоблин тем временем говорил.

– Незадолго до своей смерти леди Блэк открыла на ваше имя счет и арендовала сейф на одном из средних уровней. Чтобы было понятнее, уровень защиты три Форт-Нокса.

– И что внутри? — бесцветным голосом поинтересовалась девочка.

– Весьма редкие и ценные книги и артефакты. А также порядка четырех тысяч галлеонов. Этой суммы достаточно для функционирования сейфа в течение пятидесяти лет. Также леди Блэк оставила вам письмо.

Гоблин протянул Мелиссе конверт. Девочка вскрыла его и увидела чистый лист бумаги. Она вопросительно посмотрела на гоблина.

– Смажьте верхний левый угол своей кровью.

Мелисса уколола палец ножом.

– Кстати, к разговору о крови. Господин Оглаф, кровь, оставшаяся в ритуальной чаше, нам еще понадобится?

Гоблин отрицательно покачал головой, и Мелисса махнула над чашей рукой, очищая ее.

– А вы не просты, мисс Эванс, — с уважением сказал гоблин.

«И ты будешь не прост, если твою кровь хоть раз используют втемную. Да, придется тебя нанимать. Огласка мне не нужна», — подумала Мелисса и приступила к чтению послания Вальбурги.

Если ты читаешь это письмо, значит, я права: ты далеко не дура. В противном случае, ты не проходила бы в этот момент проверку родства у гоблинов. Сколько тебе сейчас лет? Мы с Фенриром поставили на четырнадцать. Если меньше — снимаю шляпу.

Я оставляю тебе почти все книги, собранные родом Блэк, и некоторые артефакты. Кроме тех, которые может использовать

только Блэк по крови.

Спросишь почему? Мой сын, Сириус Блэк, отбывает пожизненный срок в Азкабане. После его смерти род прервется. Даже если случится чудо (какая ирония, будучи колдуньей, надеяться на чудо!), и он выйдет на свободу, первое, что он сделает, — уничтожит все, относящееся, по его мнению, к Темной магии. И хорошо, если только это. Хуже, если на имущество рода Блэк наложит лапу старый манипулятор Дамблдор. Этого я допустить не могу!

Также, объявив тебя своей наследницей по духу, я велела Кричеру слушаться в первую очередь Мелиссу Эванс и только потом членов рода Блэк. Таким образом, я фактически дарю тебе Кричера, не отсекая его пока от магии рода Блэк. Тебе хватит времени, чтобы набраться сил, домовику — привыкнуть к твоей магии. Потом ты проведешь полноценную привязку.

Знаю: ты сохранишь и приумножишь!

Вальбурга Блэк.

– Господин Оглаф, что означает термин «наследник по духу»?

– Эта формула используется для передачи родового разумного имущества не кровному наследнику в обход законных. Касается только домовиков или животных, обладающих разумом. На деньги и недвижимость претендовать на основании этого не получится.

Мелисса сложила письмо, убрала его в медальон и вздохнула.

– Итак, вопрос с открытием счета больше не стоит. Банк будет ставить в известность администрацию школы Хогвартс?

Гоблин отрицательно покачал головой и ехидно улыбнулся.

– Нет. Это их не касается. Сейф был открыт до того, как вам исполнилось одиннадцать. Леди Блэк, без сомнения, знала, что делает.

– Каково ваше вознаграждение в качестве поверенного?

– Фиксированный процент от суммы каждой заключаемой вами сделки и годового дохода. От 3 до 15 процентов. На данном этапе, 3 процента.

– Вы ведете дела только в магическом мире?

– Нет, в магловском тоже. Мы прекрасно знаем все магловские законы и при работе с людьми используем гоблинские чары отвода глаз.

– Магия мне свидетель, прошу вас, господин Оглаф, стать моим поверенным в делах во всех известных мирах.

Мелисса произнесла полную формулу найма гоблина на работу, вспомнив уроки леди Блэк и в очередной раз ее мысленно поблагодарив.

– Это честь для меня, мисс Эванс, магия мне свидетель,

охранять перед законом ваш покой и приумножать ваши богатства во всех известных мирах, — также полной формулой ответил Оглаф, оценивающе глядя на нее. — Вы совсем не просты, госпожа.

– Госпожа? — удивилась Мелисса. — А куда делась мисс Эванс?

Оглаф сначала непонимающе посмотрел на девочку, а потом сказал.

– Я все забываю, что вы росли в мире маглов. После обмена полными формулами, гоблин называет волшебника «господин», а волшебник гоблина на «ты»(3) и по имени. Привыкайте, госпожа.

– Я попытаюсь. Итак, сейф у меня есть. Необходимо привязать к нему вот этот вклад. На счету в магловском банке должно оставаться пятьсот фунтов.

Мелисса протянула гоблину выписку. Увидев сумму, Оглаф сказал:

– Процентная ставка моего вознаграждения повышается до четырех. Неплохо для бедной сиротки, госпожа.

– Спасибо за лестную оценку, — улыбнулась Мелисса и вытащила из сумки папку с документами. — Здесь контакты рекламного агентства и договор, который у меня с ним заключен. Все переговоры отныне будешь вести ты, Оглаф. И главное, мне не нужны проблемы с администрацией приюта, где я живу, и руководством школы Хогвартс. Задача максимум: они должны быть абсолютно не в курсе моих дел.

– Несомненно, госпожа, все будет под контролем.

– Что касается счета Лили Поттер…

– Я сегодня же заявлю о ваших правах на половину этого вклада. Завтра в вашем сейфе появятся еще полторы тысячи галлеонов.

– Отлично. Мне также необходимы услуги артефактора-ритуалиста для оценки полученного мной наследства. Нет, — увидев, что гоблин открыл рот, прервала его Мелисса, — продавать мы ничего не будем. Мне нужен полный список артефактов и книг, с указанием степени опасности, полезности и редкости. Если что-то проклято, я должна знать.

– Это разумно, госпожа. У меня есть на примете прекрасный ликвидатор проклятий. Это будет дорого. Порядка тысячи галлеонов. Но работа будет выполнена качественно, быстро и с соблюдением полной секретности.

– На этом экономить глупо. К тому же у меня сегодня неожиданные доходы. Наконец, имеются ли в Гринготтс аналоги магловских кредитных карт?

– Рекомендую двусторонние бумажники. В них два

отделения: одно для магловских денег, другое для магических. Открывая его, нужно всего лишь назвать сумму. Она будет списана с вашего счета и мгновенно переведена в магловскую валюту, если речь идет об их деньгах. Бумажник с привязкой на кровь владельца стоит 30 галлеонов. Его невозможно ни потерять, ни украсть. Фактически он просто возникает в руке, если в нем есть необходимость.

Мелисса вышла из Гринготтса, являясь обладательницей сейфа, внутри которого находилась небольшая коллекция книг и артефактов, а также 8023 галлеона 16 сиклей и 28 кнатов.

С Оглафом они расстались полностью довольные друг другом. Чтобы определиться с финансовыми способностями гоблина, Мелисса разрешила ему вложить пока лишь четверть имеющихся денег сроком не более чем на год.

***

Альбус Дамблдор и профессор Макгонагалл уютно расположились в кабинете директора с чаем и булочками, которые им принес домовик. Директор с интересом слушал отчет о визите в приют.

– Говорите, Минерва, умная девочка?

– Даже слишком. Судя по всему, хорошо учится в магловской школе.

– А как со сверстниками? Ладит?

– Да, тут волноваться не о чем. Меня беспокоит другое: она давно и осознанно пользуется магией. Нет, Лили, конечно, была сильной колдуньей для маглорожденной, но все же… Вы не знаете, кто ее отец, Альбус?

– Ни малейшего представления, Минерва, — покривил душой Дамблдор. — Какое-то безумное летнее увлечение бедной Лили.

– Н-да, — протянула Макгонагалл. — Было бы неплохо это выяснить… Еще она умеет слушать и делать выводы при недостаточных данных. Представляете, она по собственной воле выслушала лекцию Гаррика. Полный ее вариант. Он оседлал своего любимого конька, многословно распространяясь о древесине и сердцевине. А она слушала. И даже внимательно. И даже задавала вопросы.

– Долго подбирали палочку, Минерва?

– Хм… Нет, быстро, но эмоционально. Первая палочка — подожгла меня. Вторая — залила водой Олливандера. Думаю, мы бы еще долго мучились, но после этих двух инцидентов Эванс вежливо, — скрипнула зубами Макгонагалл, — но с, очевидно, присущей ей прямотой предложила сузить круг поисков. Основываясь на собственных ощущениях. Думаю, Гаррик пошел на этот эксперимент, чтобы показать несостоятельность ее идей.

Но палочка подошла.

Макгонагалл сделала глоток ароматного чая.

– Это была палочка с витрины, Альбус. Многовековая рекламная палочка дома Олливандеров. Черная акация и коготь виверна. И Гаррик содрал с нее пятьдесят галлеонов за эксклюзив. И она заплатила, даже не торгуясь.

– Так вот, что было внутри! Знаете, Минерва, когда я в детстве подбирал себе первую палочку у отца Гаррика, я просил дать мне ту, с витрины. И он разрешил мне попробовать. Я обжег себе руку, а в магазине рухнула стена. Очень мощная палочка. И тревожащее сочетание. За девочкой надо будет присматривать. Сюрпризы нам не нужны. Учитывая, что она дочь Лили и сестра мальчика-который-выжил!

– Альбус, это не ко мне. Пусть болит голова у Флитвика.

– Вы настолько уверены, что она будет на Рейвенкло?

– У нее ум исследователя.

– Она что же, по-вашему, трусиха?

– Нет, но храбрость для нее не самоцель. И у нее полностью отсутствует безбашенность моих львят. Если кому-нибудь из моих гриффиндорцев дали бы пощечину, как эта мисс Коулман своим подопечным, они бы зубами загрызли. Они же, чуть что не по ним, сразу в драку. Эта не дерется. А смотрит на происходящее с философской точки зрения. Как препарирует. Нет, на Рейвенкло ей самое место. А еще эти ее рассуждения о распределении на факультеты.

Минерва сделала глоток чая и продолжила.

– Она решительно выводит меня из себя! И при этом ей нечего предъявить. Можно, конечно, обвинить в дерзости. Но это будет детский аргумент из серии «сам дурак». Чувствую себя, будто провела четыре спаренных урока подряд с Гриффиндором и Слизерином. Я буду категорически возражать, если Шляпа, — Макгонагалл оглянулась на головной убор Годрика Гриффиндора, — распределит ее ко мне! Нет, нет, нет и еще раз нет! Это клиент Филиуса.

– Ну-ну, Минерва, поживем-увидим. Лимонную дольку?

– Альбус!

---

(1) Крылатое выражение, с латыни — «чистый лист».

(2) Форт-Нокс — военная база, на территории которой расположено хранилище золотых запасов США.

(3) Оглаф имеет в виду английское местоимение «thou». В современном английском оно не употребляется, однако магическое сообщество живет фактически в прошлом веке, поэтому в их речи сохраняется подобное деление.

Комментарий к ГЛАВА 10. И что внутри?

Да, забыла сказать, если не указано другое, перевод стихов мой.

= = = = = = = = = = ГЛАВА 11. Домовик, ворон и медальон = = = = = = = = = =

В тот же вечер Мелисса позвала Кричера. Он появился почти мгновенно. Выглядел старый домовик кошмарно: худющий, в грязной засморканной наволочке, с одичалым взглядом налитых кровью глаз. Увидев девочку, он зарыдал и кинулся обнимать ее ноги, с такой силой обхватив под коленями, что просто уронил на пол.

– Старая хозяйка говорила, что новая хозяйка еще не скоро позовет Кричера. А Кричер знал, что добрая леди умная. Как настоящий лорд.

Падать на пол было больно, но девочка, тем не менее, терпеливо пережидала слезы и восторги старого домовика, лишь похлопывая его по спине и приговаривая: „Ну-ну, Кричер. Ты больше не один“.

Когда он немного успокоился, Мелисса смогла расцепить его руки и забралась на кровать, велев домовику сесть на стул.

– Кричер, тебе нужно как следует поесть, помыться и переодеться. У тебя есть еда и чистая наволочка?

– Да, хозяйка, у Кричера все есть. Кричер не должен был появляться перед доброй леди в таком виде. Он накажет себя.

– Нет. Тебе не за что себя наказывать. Ты тосковал по леди Блэк. Ты хороший и верный домовик. В будущем, если ты захочешь себя наказать, ты скажешь об этом мне, и я решу.

Кричер звучно шмыгнул носом и вытер его наволочкой.

„Бедняга. Больше двух лет провести в одиночестве. Фактически запертым в огромном мрачном доме. У любого крышу снесет“.

– Будут какие-нибудь распоряжения, хозяйка?

– Во-первых. Я запрещаю тебе говорить, сообщать или передавать кому-либо, включая членов рода Блэк, носящих или не носящих эту фамилию, каким угодно способом любую информацию обо мне, членах моей семьи, друзьях и знакомых, бывших, нынешних и будущих. А также обо всем моем имуществе, прошлом, нынешнем и будущем, включая домовика по имени Кричер.

Кричер бросил на Мелиссу уважительный взгляд.

– Да, хозяйка! У Кричера умная новая хозяйка. Она все предусмотрела!

– Во-вторых. Пока ты не отсечен от магии рода Блэк, ты можешь выполнять приказы членов семьи Блэк, носящих или не

носящих эту фамилию, в том случае, если эти приказы не угрожают моим жизни, здоровью и безопасности, а также жизни, здоровью и безопасности членов моей семьи, друзей и знакомых, настоящих и будущих. Я запрещаю тебе выполнять приказы, опасные для жизни и здоровья домовика по имени Кричер. Если подобные приказы последуют, тебе следует немедленно рассказать об этом мне или любому будущему члену моей семьи.

Кричер менялся на глазах. Взгляд перестал быть затравленным, из него уходила безнадежность. Он даже слегка приосанился.

– Кричер счастливый домовик. Хозяйка Блэк нашла наследницу по духу. Хозяйка Мелисса умная, как настоящий лорд. И добрая, как хозяйка Блэк.

«Как „настоящий лорд“? Он сказал это уже дважды… Так, Мелисса, не отвлекайся, заканчивай с этими зубодробительными формулами!» — подумала девочка и сказала:

– И последнее. Когда ты перестанешь нуждаться в магии рода Блэк, тебе надлежит сразу поставить об этом в известность меня или любого будущего члена моей семьи.

– Да, хозяйка, — Кричер соскочил со стула и поклонился.

Мелисса выдохнула.

– Кричер, тебе еще долго будет нужна подпитка родовой магией Блэк?

– Хозяйка сильна. Если Кричер будет рядом несколько часов каждый день, то скоро. Хозяйка еще не станет взрослой.

„Еще не стану взрослой… Значит, до магического совершеннолетия. Надеюсь, ничего непредвиденного к тому времени не произойдет“, — подумала Мелисса, а вслух сказала.

– Сейчас, Кричер, ты отправишься в особняк Блэк и приведешь себя в порядок. Скоро я тебя снова позову.

– Да, хозяйка. Что Кричеру делать в доме Блэк?

– Занимайся тем, чем обычно. У меня пока нет своего дома. А Кричер — мажордом, ему не следует терять квалификацию. Иди.

Домовик аппарировал с негромким хлопком.

***

Весь июль прошел в безумной гонке. Макнабб, узнав об отъезде Мелиссы, организовала ей через своих знакомых в департаменте образования экзамены за среднюю школу.

– А почему не за два последних класса тоже? — возмутилась девочка, надеявшаяся скинуть с себя эту нагрузку и заниматься только магией. — Я была готова. Да, с естественными науками у меня все далеко не так радужно, но их я тоже могу сдать на „В“, а если очень напрягусь, то и на „А“.

– Это чересчур быстро. А ты слишком юна. Завалят, —

спокойно пояснила Макнабб. — Торопиться некуда. И так опережаешь на четыре года.

– Вообще-то на четыре с половиной! — поправила Мелисса.

– Тем более. Сдашь следующим летом. Заодно и физику с химией подтянешь со своей откровенно слабой, можно сказать, за уши притянутой „В“. „А“ она, видите ли, получит! Только за счет памяти и то, если все решебники прочитаешь! А еще через год — шестая форма. И подберем колледж.

Заметив удивленный взгляд Мелиссы, Макнабб слегка нахмурилась.

– А ты что думала: закончишь и на этом все? Наивный ребенок! Я с тебя живой не слезу, пока степень не получишь. Так что на ближайшие лет десять можешь ничего не планировать. И глаза не закатывай, Сара Бернар!

Сразу же после экзаменов девочка собиралась пробежаться по магазинам и еще раз зайти на Косую аллею, чтобы закрыть вопрос с покупками к школе.

Узнав о предстоящих тратах, Макнабб настояла на своем присутствии, чтобы проконтролировать и уберечь от желания потратить деньги впустую. В планы Мелиссы это не входило, но возражать она не стала и первым делом завела Элисон в огромный магазин одежды в Лондоне. Часа бесконечных примерок, беготни, вскриков „Мне идет?“, оханий „А меня этот цвет не старит?“, всхлипов „Я толстая!“ хватило, чтобы Макнабб прокляла все на свете и, отпустив Мелиссу в свободное плавание, попросту сбежала.

Проводив ее удовлетворенным взглядом, девочка быстро вытащила из кучи вещей теплое черное пальто, толстый свитер и шерстяные шапку и перчатки, полагая, что в Шотландии могут быть весьма холодные зимы и указанный в списке зимний плащ не спасет. Повседневная одежда у нее была, а форму она, естественно, приобретет на Косой аллее. В соседнем обувном девочка купила пару теплых, крепких зимних ботинок и черные закрытые туфли на все случаи жизни, подходящие как к юбке, так и к брюкам.

Затем, зайдя в темный безлюдный переулок, Мелисса вызвала Кричера и попросила перенести свертки в приют. А сама отправилась на Чаринг-Кросс-Роуд, по пути купив шоколадку для Тома, как и обещала. Обрадованный „взятке“, бармен пропустил ее на Косую аллею и заверил, что она может ходить туда-сюда хоть целыми днями, он с удовольствием поработает швейцаром.

Времени до вечера было предостаточно, поэтому Мелисса решила сначала разобраться с мантиями и приобрести удобный чемодан, желательно зачарованный, а потом можно заглянуть и в

„Волшебный зверинец“. Нужно же забрать ворона, которого обещал ей Фенрир!

С форменной одеждой, кстати, было далеко не все понятно. Если судить по присланному списку вещей, необходимых студенту, ученики Хогвартса должны носить мантии. И все. На голое тело и босу ногу, что ли? Ну, хорошо-хорошо, до нижнего белья и ботинок любой додумается, а остальное?

Кстати, просматривая письмо еще раз, Мелисса обнаружила в левом нижнем углу пергамента приписку крохотными буквами, которую не заметила в прошлый раз: „РТО(1) “. Удивившись, она перевернула лист и с большим трудом смогла разобрать еще более мелкий текст:

«Маглорожденным студентам рекомендуется приобрести пособие „Юный зельевар“, а также посетить вводный курс по зельеварению в школе Хогвартс. Он состоит из пяти занятий и проводится с 5 по 9 сентября в классе зельеварения. Запись у декана факультета Слизерин».

Пособие у Мелиссы, кстати, было. Она получила его с самой первой совой. Это было научно-популярное издание для детей, посвященное технике безопасности и основам зельеварения: одеваться следует так, нож держать вот так, ингредиенты добавлять вот этак, и все будет хорошо — ничего не взорвется, никто не умрет.

Вот интересно, часто замечают эту сноску?

Откровенно говоря, странный подход к информированию новичков, тем более не из магического мира. Вспомнить хотя бы встречу с Макгонагалл. Из нее же информацию приходилось клещами вытягивать. Одна платформа 9 и ¾ чего стоит: „Ах да, мисс Эванс! Вход между платформами 9 и 10“. А если бы она не спросила?

Неужели за тысячу лет существования школы трудно было издать буклет со стандартными ответами на стандартные вопросы? Мол, школа находится там-то, добираться до нее так-то, факультетов столько-то и так далее. Статут секретности, говорите? Так сделайте буклет зачарованным, чтобы маглы видели в нем, ну, не знаю, меню пиццерии.

Размышляя об этом, девочка добралась до магазина „Мантии на все случаи жизни“. Как только она вошла, к ней тут же поспешила кругленькая и розовощекая владелица магазина мадам Малкин.

– Добрый день, мэм, я первокурсница…

– Здравствуйте, мисс! Не продолжайте, не продолжайте. Вам нужны мантии, и вы пришли по адресу. Однако вы высокая, мисс. Я думала, курс второй. О, наверно, вы родились в сентябре-

октябре, я угадала?

– Нет, летом. Мне просто повезло с генами, — улыбнулась Мелисса болтовне мадам Малкин.

– Мерлин, причем тут эти неприличные магловские штаны(2)? — изумилась портниха. — Они способствуют росту? Поэтому они такие ужасные?

„Немедленно прекрати выпендриваться! — мысленно дала себе оплеуху девочка. — Если б вы беседовали о каких-нибудь штопающих или вышивающих чарах, ты бы сама села в лужу. А в разговоре с любым хорошо образованным волшебником вообще понимала бы через слово на десятое!“

– Извините, я оговорилась. С мамой-папой повезло, рослыми были.

– Что ж, вы правы, мисс. Прошу вставайте на эту скамейку.

Рулетка мадам Малкин начала летать вокруг Мелиссы, измеряя ее.

– Мэм, вы не подскажете мне, что из одежды следует купить? — спросила девочка. — В письме из Хогвартса говорилось только о трех рабочих мантиях, зимнем плаще и остроконечной шляпе.

– О, вам понадобится темная юбка средней длины, белая блузка, форменный джемпер, светлые гольфы на лето, а на осень и зиму — темные чулки или колготы. И еще галстук. А в холодную погоду студенты носят форменные шарфы. Расцветка своя для каждого факультета.

– Мадам, но меня же еще не распределили!

– О, не беспокойтесь, все зачаровывается и после распределения приобретает нужный цвет, а на эмблеме мантии появляется изображение герба вашего факультета.

Мастерицей мадам Малкин оказалась превосходной, заклинаниями пользовалась очень умело. Всего несколько взмахов палочкой, и одежда была подогнана по фигуре. Хотя по поводу фасона и пришлось поспорить. Девочка заставила портниху ушить рукава у всех мантий.

– Но это совершенно не модно! Так никто не носит! Красивая девочка не должна наплевательски относиться к внешнему виду! — возмущалась раскрасневшаяся волшебница.

– Пусть. Зато я не буду цепляться рукавами, гарантированно ничего не задену, не разобью и не пролью. Думаете, я буду красивее с размазанной по рукавам кашей или пролитыми на подол чернилами?

Несогласная мадам Малкин лишь расстроенно поджимала губы.

А вот в магазине „Сундуки Глоубтроттера“ все было быстро и просто. Зато дорого. Мелисса приобрела замечательную сумку

через плечо с такими же чарами расширения и облегчения, как и на медальоне. Это удовольствие стоило 80 галлеонов, но оно того стоило. Как девочка поняла из слов разливающегося соловьем продавца, в эту сумку можно было с легкостью вместить уйму вещей.

– Все ограничивается только силой ваших мускулов, мисс, — рассказывал он. — Если сможете поднять, не знаю, шкаф и поднести к зачарованному контуру открытой сумки, значит, сможете положить его внутрь. Все просто!

– А если наоборот? — спросила Мелисса.

– Что наоборот? — не понял продавец.

– Не шкаф нести к сумке, а открытую сумку к шкафу? Судя по вашим словам, главное, чтобы хоть часть предмета оказалась внутри контура заклинаний. У шкафа есть ручки. Легко войдут в контур. Смысл надрываться?

Колдун застыл как статуя.

– Но так никто никогда не делал…

– Значит, я буду первая, — глубоко вздохнула Мелисса, повесила покупку на плечо, вложила деньги в руку замершего продавца и уже в дверях поинтересовалась. — Вам о результатах сообщить?

Хозяин магазина отмер, посмотрел на Мелиссу расфокусированным взглядом и пробормотал.

– Я сам буду пробовать, иначе не засну. Но, Мерлин, это же так просто! Почему никто не додумался раньше? Ведь если получится…

В „Волшебном зверинце“ квакало. Что не квакало, то мяукало. Что не мяукало, то лаяло, или шипело, или щебетало. А над всем этим на высоком шесте сидел большой нахохлившийся угольно-черный ворон. Он взирал с каким-то пренебрежением на суету своих соседей по магазину. Ему были безразличны и разноцветные жабы, пирующие дохлыми мухами, и слизни, медленно ползающие по огромному террариуму, оставляя за собой влажные следы, и кролики, беспрестанно грызущие морковку, и даже серые вороны. Вот только на мышей и крыс он периодически скашивал блестящий черный глаз, выдавая заинтересованность.

Мелисса подошла к птице, и какое-то время они внимательно смотрели друг на друга. Потом девочка подняла перед собой согнутую в локте руку, и ворон, взмахнув крыльями, уселся на нее. Он был тяжелый. Его когти ощутимо оцарапали кожу. Мелисса осторожно погладила его по перышкам.

„Какой же ты красивый!“ — подумала она. Ворон, словно услышав ее, подставил голову под ладонь.

– Мисс, я смотрю, вы заинтересовались вороном, — раздался голос. – Но, к сожалению, его поймали на заказ.

Мелисса обернулась. Перед ней стоял пожилой полный мужчина.

– Добрый день, сэр. Вы владелец магазина?

– Да, мисс, и ворон не продается. Он ждет хозяина.

Девочка улыбнулась ему, пересадила ворона на плечо и, сняв с левого мизинца кольцо, которое тут же проявилось, показала мужчине.

– А… — ухмыльнулся он, — уже дождался.

– Птица просто великолепна.

– Это самец.

– Будешь Корвусом(3)? — спросила девочка у ворона, снова пересаживая его на руку.

Тот каркнул и опять подставил голову под ладонь.

– Да, не часто видишь такую любовь с первого взгляда. Вам повезло. Ворон — это птица одного хозяина. Он умный, верный и преданный друг. Желаете приобрести для него что-нибудь?

– Да, обязательно. Лучший шест с жердочками и кормушками. И какую-нибудь перчатку на руку. Когти у него острые.

Отдавая покупки, продавец сказал.

– И, мисс, мой вам совет. Если собираетесь создавать фамильяра, не торопитесь с ритуалом. Он очень сложен и требует мастерского исполнения. Подождите несколько лет, проконсультируйтесь со специалистами и досконально изучите вопрос. Ваша магия должна набрать силу и приобрести гибкость. В противном случае, еще не известно, кто в связке хозяин-фамильяр станет главным. И вообще двести раз подумайте, стоит ли. Это ведь и так магическая птица.

Как только Мелисса вышла из магазина, на нее спикировала небольшая бурая сова и сбросила скрученный в трубочку пергамент. Ворон покосился на незваную гостью и недовольно каркнул.

– Ну-ну, Корвус, — успокоила его Мелисса.

Это было послание от Оглафа. Гоблин настойчиво приглашал зайти в Гринготтс в ближайшее время, желательно прямо сейчас. Между строк так и читалось: „Вот прямо бросай все и беги“.

Мелисса снова позвала Кричера. Она отдала эльфу покупки и попросила открыть в комнате окно, так как Корвус напрочь отказался путешествовать с домовиком, отдав предпочтение полету над Лондоном.

***

Оглаф провел ее в тот же кабинет, что и в прошлый раз.

Там с чашечкой ароматного кофе их уже ожидал незнакомый Мелиссе гоблин с пронзительными темными глазами, очень длинным носом и торчащими дыбом волосами.

– Госпожа, это Арг, один из ликвидаторов проклятий банка Гринготтс. Он занимался оценкой вашего наследства и готов отчитаться о проделанной работе. Кроме того, у него возникло затруднение. Но обо всем по порядку. Сначала…

Оглаф протянул Мелиссе несколько пергаментов.

– Это список книг. Это — артефактов и ритуальных предметов. Здесь указаны амулеты, которые я настоятельно рекомендую вам носить каждый день. А тут перечислены опасные и условно опасные книги и предметы.

Мелисса какое-то время изучала списки, а ликвидатор изучал ее. Видимо, она не произвела на него особого впечатления, потому что гоблин иронически усмехался и поглядывал на Оглафа, как бы говоря „Что бы она еще в этом понимала?“

– Господин Арг, это шутка?! Clavicula Salomonis(4)? Lemegeton Clavicula Salomonis(5)? Mutus Liber(6)?! Оригиналы?! Это же потрясающая редкость! Правда, без словесного пояснения Немая книга лишь альбом с репродукциями. Или…

Девочка быстро пробежала глазами список книг: вдруг что-то упустила.

– Нет, ни „Книги Иудея Авраама(7)“, ни “Тайного описания(8)”… Очень жаль. Впрочем, и Ключи Соломона без хорошего учителя тоже будут лежать мертвым грузом. В Англии есть специалисты-демонологи?

Мелисса подняла голову и взглянула на Арга, сидящего с выпученными глазами. Оглаф захохотал и хлопнул его по плечу, приводя в себя.

– Я же тебе говорил! — сказал он своему, очевидно, приятелю и повернулся к Мелиссе.

– Нет, госпожа. Сразу после введения Статута секретности в 1689 году стали ограничивать использование очень многих разделов магии. Изымали книги, вводили запреты на преподавание в школах. Ни сама церемониальная магия, ни демонология, как ее раздел, законодательно не запрещены. Но это и не важно. Если знающего ритуалиста еще можно найти, побегав и стоптав пару-другую хороших сапог, то демонологов ликвидировали как класс. Во всяком случае, в Британии. А вот на Ближнем Востоке я бы поискал.

Мелисса молчала. Оглаф смотрел на нее с растущим подозрением.

– Госпожа, я надеюсь, вы не собираетесь вызывать демона?

– Собираюсь, Оглаф, — серьезно сказала девочка. — Вот

прямо сейчас и начну. Вы с господином Аргом сдвинете мебель к стенам. А я возьму мел, начерчу на полу сигил(9) и призову какого-нибудь Белиала(10). Это же хрустальная мечта всей жизни — умереть в 11 лет в компании двух гоблинов.

Девочка взглянула на ошарашенного Оглафа и с трудом сдерживающего смех Арга.

– Оглаф, мне казалось, что мы еще во время прошлой нашей беседы пришли к выводу, что я человек, хоть и не взрослый, но разумный.

Гоблин облегченно выдохнул и кивнул.

– Хорошо, с книгами пока все ясно. Из амулетов я надену только это кольцо, определяющее зелья и яды в пище. Еще возьму из сейфа серьги, защищающие разум от считывания, и один из атамов. Как работают амулеты?

На этот вопрос ответил Арг.

– О, очень просто, мисс Эванс. Это прелестное колечко-артефактик определяет разные добавочки, придающие пище определенный аромат и шарм. Яды, настойки, зельица, — вещал гоблин приторным голосом, абсолютно не вяжущимся с его настороженными глазами. — Надеваете его на любую ручку и беретесь за еду только ей. Если колечко нагревается, кушать не рекомендую, а то рано или поздно почувствуете легкое или совсем не легкое недомоганьице. Вплоть до скоропостижной кончинки. Это понятно?

Мелисса кивнула.

– Чудненько, — продолжил он. — Теперь серьги. Ушки нужно прокалывать ими. Они достаточно остренькие. Но мой вам совет, подождите до приезда в школу. Вот покопается в вашей головке шляпка Годрика, пошуруют немного различные любители, вот тогда и проколете. Все равно сразу никто глубоко лезть не будет. А вот если у них вдруг не получится, могут возникнуть лишние подозреньица. Не стоит, ой, не стоит сразу привлекать к себе ненужное внимание. У вас же пока особо и секретиков-то нет.

– Господин Арг, я чрезвычайно благодарна вам за подробные разъяснения и советы, — сказала Мелисса, еле удержавшись от того, чтобы не произнести „разъясненьица“ и „советики“.

Арг кивнул и внимательно посмотрел на нее, ожидая продолжения.

– Тем не менее, сейчас бы мне хотелось услышать о затруднении, которое, по словам Оглафа, у вас возникло.

Тон гоблина сразу изменился. Он стал говорить сухо и по существу.

– Среди предметов я обнаружил ценнейшую реликвию — медальон Салазара Слизерина. Вот его описание, — гоблин

протянул Мелиссе свиток. — Этот медальон передавался из поколения в поколение потомками Величайшего змееязыкого и с середины этого века считался утерянным, после того, как умер последний из Гонтов. Я бы мог только поздравить вас с подобным приобретением, но… на медальоне висит несколько сильнейших проклятий. Если длительное время находишься с ним в одном помещении, перестаешь ощущать положительные эмоции. Лично я припомнил все обиды, когда-либо мне нанесенные, и хотел только одного: выйти из вашего сейфа и уничтожить всех своих обидчиков. Желание было абсолютным. Оно распространялось даже на собаку, которая укусила меня, когда я был ребенком, и давным-давно издохла. Я на полном серьезе собирался выкопать скелет несчастного животного и растоптать в пыль.

Гоблин замолчал, а Мелисса сочла нужным уточнить.

– Вы уверены, что дело именно в медальоне?

– Да, я провел эксперимент. С помощью Оглафа я открыл на ваше имя еще одну временную ячейку и работал со всеми сомнительными артефактами именно в ней, возвращая по одному в основной сейф. Это определенно медальон Слизерина. К сожалению, я не смог определить основные чары. Несколько сопутствующих проклятий я снял, но и только. Как вы, возможно, знаете, нам, гоблинам, запрещено пользоваться волшебными палочками, поэтому мои возможности несколько ограничены. Посовещавшись с вашим поверенным, — Арг кивнул в сторону Оглафа, — мы решили поместить медальон в магический стеклянный куб с чарами, изолирующими эманации артефакта. В принципе, в таком виде он может находиться в вашем сейфе вечно. Однако я все же полагаю, что этот вопрос должен быть решен. Возможно, кто-нибудь из родственников человека, оставившего вам наследство, сможет рассказать об этой вещице?

Мелисса задумалась. Вряд ли леди Блэк посвящала кого-то в свои планы. Сын в Азкабане. У нее был только…

– Оглаф, кто переносил предметы из особняка в мой сейф?

– Госпожа, естественно, домовик, не сама же ле…

Девочка жестом остановила гоблина, не дав договорить.

– Господин Арг, я хочу поблагодарить вас за выполненную работу. Надеюсь на подобное сотрудничество и в будущем.

Но второй гоблин уходить не торопился.

– Мисс Эванс, я хотел бы продолжать исследовать медальон. Для меня это вызов. Я считал себя — и не без оснований, поверьте, — знатоком в области проклятий. Оглаф может подтвердить, я — лучший ликвидатор во всей сети Гринготтс. Я не могу бросить это дело на полпути. Я готов поклясться магией и жизнью, что никогда и никому не расскажу об этом артефакте

кроме вас и тех, кого вы позволите просветить.

– Я вынуждена отказаться, господин Арг. Подобные расследования могут длиться годами. Я пойду с протянутой рукой, если позволю себе нанять лучшего на неопределенный срок.

– Мы можем заранее оговорить сумму. Скажем, тысяча галлеонов, как и в этот раз. Заключим договор, в котором будет указано, что сумма окончательная и пересмотру не подлежит. Вы просто заплатите мне за результат. И только когда и если он будет.

Одержимый своей работой, гоблин уже чуть ли ни нависал над сидящей на стуле Мелиссой. Это было впечатляющее достижение, учитывая, что даже сидя она была выше него.

Краем глаза девочка заметила, как Оглаф за спиной своего приятеля так энергично кивает ей головой — соглашайся, мол, — что даже странно, как она до сих пор не отвалилась.

– Оглаф подготовит договор. На этой неделе я снова появлюсь на Косой аллее, и мы его подпишем. И вы дадите мне Нерушимый обет о неразглашении.

Лицо Арга, этого маньяка от магической науки, расслабилось, и он пробормотал в прежнем стиле.

– Вот и чудесненько! Собственно, на такой результатик я и рассчитывал!

– Без обид, господин Арг, но если вы ограничены рамками гоблинской магии, может, стоит проконсультироваться у какого-нибудь специалиста по Темным искусствам? — спросила Мелисса.

– Ой, мисс, — протянул Арг. — В Англии всего два волшебника более чем приличненько разбираются в этой области. Но один испарился. Пуф! И нет его. А второго плотненько опекает Дамблдор. Уж не знаю, чем его привязал этот хитрющий старикашка, но поводочек у мастера явно есть, и он короткий.

– Можно без метафор? Я вовсе не специалист в области „Кто есть кто в магическом мире“.

Арг хмыкнул.

– Первый — это Лорд Волдеморт. Слышали о таком? А второй — мастер зелий школы Хогвартс. Профессор Снейп.

***

Вернувшись в приют, Мелисса обнаружила, что Кричер развил бурную деятельность. Ее комната блестела, покупки были аккуратно убраны в шкаф, а в углу, у приоткрытого, сияющего чистотой окна эльф установил стойку для ворона. Сам Корвус королем восседал на ней и снисходительно склевывал кусочки сырого мяса с ладони домовика, буквально прыгающего вокруг

него.

– Хозяйка, Кричер все сделал! Кричер все убрал. Кричер знает про надзор, знает, что нельзя сильно колдовать, он тихонько и очень мало. Совы не прилетали. Кричер был осторожен.

Мелисса посмотрела на него и сказала.

– Молодец, Кричер. Присядь. Я хочу у тебя кое-что спросить.

Домовик положил остатки мяса в кормушку ворона и уже привычно взгромоздился на стул.

– Кричер, расскажи мне все, что ты знаешь о большом золотом медальоне. На его крышке изумрудами выложена в виде змеи буква „С“.

Сидящий на стуле эльф сжался в комок, сгорбился, казалось, стараясь занимать меньше места, и начал рассказывать, запинаясь на каждом слове.

– Хозяин Регулус был хорошим мальчиком. Не как хозяин Сириус. О, хозяин Сириус плохой. Он сбежал, и его выжгли, так ему и надо. Он разбил сердце старого хозяина и старой хозяйки. А хозяин Регулус нет. Он был гордостью рода Блэк. Он присоединился к настоящему лорду.

„Опять!“

– Кричер, кто такой этот настоящий лорд?

Кричер поднял на девочку свои маленькие глазки.

– Настоящий лорд — это Темный Лорд, хозяйка. Он хотел вывести волшебников из тьмы. Вывести из тени.

Мелисса потерла лоб, ну, хоть стало понятно, о ком речь — о Волдеморте.

– Хозяин Регулус много-много беседовал с настоящим лордом. И через год, как хозяин Регулус присоединился к лорду, он пришел к Кричеру и сказал, что лорду нужен эльф. Хозяин Регулус был счастлив. Кричер был счастлив. Это честь служить Темному Лорду. Хозяин велел Кричеру выполнить все, что прикажет лорд и вернуться домой. Мы отправились к настоящему лорду. Но это был ненастоящий лорд.

– Подожди-подожди! Как это ненастоящий?

– Да, ненастоящий. Его магия была не такая, как у настоящего лорда. Не такая, как у доброй хозяйки.

– Кричер, домовики могут различать волшебников по магии?

„Что я спрашиваю! Конечно, могут. Иначе бы эльфы, долгое время работающие на один род, не привыкали бы к его магии“.

– Да. Кричер помнит всех, кого видел, не по лицам. По магии. У того, ненастоящего лорда, она была другая.

– У кровных родственников похожая магия, Кричер?

Домовик посмотрел на нее как на несмышленого младенца.

– Да, хозяйка. Как у настоящего лорда и доброй хозяйки.

– Хорошо продолжай. Что было дальше?

– Кричер хотел сказать хозяину Регулусу, что это ненастоящий лорд. Но хозяин уже приказал слушаться и повиноваться. Ненастоящий лорд взял Кричера в пещеру у моря. За пещерой была еще пещера. Большая-большая. Там было огромное черное озеро. Посреди озера был остров. И там была лодка. Ненастоящий лорд и Кричер поплыли на остров. Там стояла чаша. До краев с зельем. И ненастоящий лорд велел пить. Кричер видел ужасы. Кричер горел внутри. Кричер выпил все. А ненастоящий лорд бросил в чашу медальон настоящего лорда, наполнил ее зельем и уплыл. Он бросил Кричера. Кричер хотел пить. Кричер пил из озера. Его чуть не утащили в воду мертвецы.

– Как ты выбрался? — тихо спросила девочка.

– Кричера позвал хозяин Регулус, — из глаз домовика катились слезы.

– Дальше.

– Кричер сказал хозяину Регулусу, что лорд был ненастоящий. Хозяин встревожился. Велел спрятаться, а ночью пришел в каморку Кричера. Хозяин Регулус был не в уме. Был странный. Он велел Кричеру отвести его в пещеру, где Кричер был с ненастоящим лордом. Хозяин дал Кричеру медальон, такой же, как и в чаше. Он велел Кричеру поменять медальоны, когда чаша станет пустой. Хозяин Регулус пил зелье, — домовик говорил все тише и тише, размазывая слезы и ежесекундно сморкаясь в наволочку. — Хозяин приказал Кричеру уйти без него и никогда не говорить старой хозяйке. Он велел уничтожить медальон. Кричер не смог. Кричер плохой домовик. Кричер положил медальон в вещи для новой хозяйки. Кричер боялся, что после смерти старой хозяйки Кричер тоже умрет и все разворуют. Кричер думал, что новая хозяйка разберется. Это же медальон настоящего лорда.

– Хорошо, Кричер, успокойся. Ты поступил верно. Мы обязательно разберемся с этим вопросом.

„Только как и когда?“

_____

(1) PTO (Please turn over) — смотри на обороте (англ.)

(2) Английские слова genes (гены) и jeans (джинсы) произносятся одинаково.

(3) Corvus — ворон (лат.)

(4) Clavicula Salomonis (Ключ Соломона) — гримуар, составление которого приписывалось царю Соломону. Фактически самый древний учебник по магии.

(5) Lemegeton Clavicula Salomonis (Малый ключ Соломона) — гримуар, составление которого приписывалось царю Соломону.

Фактически пособие по демонологии.

(6) Mutus Liber (с лат. Книга без слов) — это книга из пятнадцати гравюр, изображающих процесс Великого делания — создания философского камня.

(7) Книга Иудея Авраама — папирус, приобретенный Николасом Фламелем. С него начинается работа Фламеля над философским камнем.

(8) Тайное описание благословенного камня, именуемого философским — труд Николаса Фламеля.

(9) Сигил (от лат. sigillum) — символ или комбинация нескольких конкретных символов или геометрических фигур. Сигилы широко использовались для вызова духов и демонов. Самый известный сигил — пентаграмма.

(10) Белиал — демон небытия и разрушения.

= = = = = = = = = = = ГЛАВА 12. Пора в путь-дорогу = = = = = = = = = = =

Вот и наступил день отъезда в Хогвартс.

Мелисса стояла перед зеркалом и придирчиво рассматривала свое отражение. Выглядела она самой обычной школьницей: джемпер, белые блузка и гольфы, черная отглаженная юбка и начищенные до блеска туфли. На правом мизинце сверкало маленькое скромное колечко-артефакт. Волосы она заплела в красивую французскую косу.

Взволнованная предстоящей поездкой, девочка собралась еще с вечера. Все ценные книги, предметы и артефакты были убраны в медальон, а школьные принадлежности, учебники и одежда — в приобретенную на Косой аллее сумку. Небольшая и аккуратная, она отлично смотрелась как с мантией, так и с обычными вещами.

Кстати, эксперимент с крупногабаритными и тяжелыми предметами девочка провела. Правда, прошел он не совсем так, как хотелось бы. И с неожиданным результатом. Но ведь, главное, обошлось без жертв!

В общем, засунуть шкаф в сумку удалось легко. Мелисса обрадовалась и долго прыгала по комнате, крича, что она — гений. А вот с «вернуть обратно» возникла непредвиденная проблема. Нет, у нее получилось. Просто пришлось очень быстро отпрыгивать в сторону, непроизвольно накрывшись мощным щитом, чтобы не погибнуть во цвете лет под падающим на нее гардеробом, как персонаж какого-нибудь мультфильма.

К счастью, в комнате в тот момент был Кричер. При помощи магии он успел подхватить рухнувшую махину в каком-то дюйме от пола и поставить ее обратно к стене, но таких больших и круглых глаз Мелисса больше у своего домовика никогда не

видела.

Когда сердце перестало колотиться о ребра, грозя их сломать, и способность связно излагать мысли вернулась, девочка взглянула на эльфа.

– Да, Кричер, вот так и давай волшебные вещи в руки дуракам. Мне же сказали: столько, сколько сможешь поднять. И причина для этого ограничения весьма весомая! — покосилась она на мирно стоящий шкаф.

В этот же день ворон отправился на свое первое ответственное задание: он должен был доставить письмо продавцу магазина сундуков и сумок с предупреждением ни в коем случае не проводить опыты ни с чем громоздким. Продавец, в отличие от Мелиссы, мелочиться не собирался — подумаешь, какой-то шкаф! — и как раз готовился поэкспериментировать с огромным сейфом. Так что Корвус успел вовремя.

Кстати, для ворона была приобретена большая клетка-перевозка. И его этот факт возмутил до глубины души.

– Корвус, — уговаривала его девочка, — это только сегодня. Я тебе обещаю. И до следующего лета мы о клетке забудем!

Только после этих слов ворон уничижительно посмотрел на хозяйку и царственно вошел внутрь вынужденной тюрьмы.

Надо сказать, что после этого происшествия со шкафом Мелисса честно ждала кары: она помнила о словах Макгонагалл о надзоре. Расплаты не последовало. Удивившись, девочка пришла на следующий день во «Флориш и Блотс» и попросила продавца дать ей кодексы уголовной, гражданской и административной ответственности. На нее посмотрели круглыми глазами и заявили, что ничего подобного нет. И не было. И не будет.

Удивившись еще сильнее, она развернулась и в очередной раз отправилась доставать вопросами своего поверенного.

Оглаф ехидно захихикал и выложил перед ней свод законов, изданный в Гринготтс для внутреннего пользования. Настолько внутреннего, что он был на гобледуке.

Уже ничему не удивляясь, Мелисса взглянула на гоблина и заявила, что он попал. Причем дважды. Во-первых, сейчас он будет подробно пересказывать ей содержание кодекса. А во-вторых, отныне в его обязанности войдет и обучение ее гоблинскому языку. Увидев вытянувшееся лицо поверенного, она захихикала не менее ехидно. Однако затем, сжалившись, пояснила, что ему нужно лишь посоветовать ей учебник по гобледуку и словари, а также вкратце рассказать о чарах надзора. Оглаф облегченно выдохнул.

Итак, министерство магии было отнюдь не так велико и могуче, как пыталась ее убедить Макгонагалл. Возможностей

отслеживать каждую палочку у них не было. Надзор был лишь некой разновидностью сигнальных чар, которые накладывались на те районы магловских кварталов, где проживают несовершеннолетние волшебники.

Действовать в полную силу чары надзора начинают только после первого года в Хогвартсе. До этого считается, что любое магическое действие, зафиксированное в поднадзорном районе, — результат стихийных выбросов, которые необученный ребенок попросту не умеет сдерживать. Так что до 1 сентября Мелисса могла не переживать и колдовать достаточно свободно. Чем она и занималась.

А вот со следующего лета головная боль ей обеспечена. Причем постоянная и невыносимая. Дело в том, что чары надзора не настроены на конкретного волшебника. Более того, они в принципе не настроены именно на волшебников. Они отслеживают магию вообще: колдуна ли, эльфа, гоблина — без разницы. Если на поднадзорной территории совершается магическое действие, обвиняется проживающий там несовершеннолетний волшебник.

Чтобы доказать невиновность, необходимо лично явиться в министерство и предъявить палочку для проверки с помощью Приори Инкантатем. Это заклинание вызывает в обратном порядке последние произведенные магические действия. Появляются образы предметов, на которых использовались заклятья.

– И сколько заклинаний остается в памяти палочки? Есть какие-то конкретные цифры? — уточнила Мелиса.

– Нет, госпожа. В любом случае, собираетесь вы использовать что-то запрещенное или нет, рекомендую приобрести запасную. Естественно, не у Олливандера, — посоветовал ей Оглаф.

Весь август Мелисса провела практически безвылазно на Косой аллее в магазине «Флориш и Блоттс», где исхитрилась прочитать почти треть всех книг, концентрируясь в основном на поиске информации о последней магической войне. Или же сидела в лавке старьевщика, перелистывая сваленные там грудой старые газеты и журналы, читая статьи, сравнивая даты.

Во всех изученных источниках Темного Лорда поливали тоннами грязи. Его фигура была замазана абсолютно, без каких-либо не то что светлых, а даже серых пятен. Это было вполне объяснимо, но вот истинно ли?

В школе при обсуждении какой-то темы на уроке истории, учитель высказал мысль, что подобные книги и статьи пишутся, как правило, победителями. Поэтому в представленной ими версии реальности они — рыцари в сияющих доспехах, а их

противники сплошь назгулы. Сам он был глубоко убежден, что гражданская война — это настолько грязная вещь, что незамаранных сложно найти на любой стороне. А здесь речь шла именно о войне гражданской.

Не находилось объяснения как раз другому: если Темный Лорд действительно был таким чудовищем, почему за ним пошли представители древних фамилий и малые магические народы? Атрофированное чувство самосохранения? Или что? Чудовище, но с мощной харизмой?

Было еще три вопроса, ответов на которые она пока не нашла.

Во-первых, для чего ему понадобилось убивать Поттеров и пытаться убить маленького Гарри? Мысль об извращенной ревности к Лили, выглядела смешной донельзя. Три года не ревновал, и вдруг как пробрало: Мерлин, она живет с другим! Мелиссе вообще было непонятно, как ее биологические родители могли сойтись? На слишком уж разных орбитах они вращались.

Во-вторых, как Гарри ухитрился угробить величайшего темного волшебника столетия? Рассуждения о применении младенцем магии подобной силы казались бредовыми. Гораздо легче воображение рисовало картину, как Темный Лорд зашел в детскую, наступил на игрушечную машинку, поскользнулся и сам стукнулся височком о дверной косячок. Тьфу! Вот же привязчивая манера у Арга!

И самое главное, а был ли Темный Лорд вообще в доме Поттеров в ту ночь? Тела его не нашли. Ни в каком виде. Даже кусочка плоти. Даже волоса. Из живых свидетелей только полуторагодовалый ребенок. И вряд ли он что-то помнил или давал какие-либо интервью.

В общем, сделать выводы из имеющейся информации было сложно. Сведений катастрофически не хватало.

В последнюю неделю перед отъездом Мелисса купила кобуру для второй палочки. И сейчас, закрепив творение одного из Олливандеров на левую руку, а Грегоровича на правую, она поправила рукава блузки, чтобы полностью их скрыть, бросила на себя последний взгляд в зеркало и, подхватив сумку и клетку с нахохлившимся, недовольным вороном, вышла из комнаты.

***

До вокзала ее довезла Макнабб. Там они попрощались до следующего лета, и Мелисса двинулась к платформам 9 и 10.

До отправления был еще час, и девочка решила выполнить обещание, данное профессору Макгонагалл: посчитать колонны. Их было ровно одиннадцать, а проход на нужную ей платформу 9 и ¾ был спрятан в седьмой колонне от головы состава. Как-то это нелогично, ведь просто само собой просится сделать проход в

шестой! Четко посередине!

Посмотрев на часы и заметив, что осталось всего тридцать минут, Мелисса решила не морочить себе голову и двинулась к нужной колонне. Перед ней через барьер прошла чудно одетая и растрепанная рыжая женщина с громким голосом и кучей детей.

Девочка направилась следом, от волнения закрыв глаза и задержав дыханье. Когда же она их открыла, то обнаружила себя уже на платформе, возле которой стоял алый паровоз, будто прибывший из девятнадцатого века. Надпись на табло гласила «Хогвартс-экспресс. 11-00».

Мелисса двинулась вдоль состава в сторону последнего вагона. Платформа была заполнена магами в разноцветных мантиях: детьми, их родителями и родственниками. То тут, то там слышалось разноголосое уханье сов, мяуканье кошек и кваканье жаб. Над головами плыли клубы пара. Идя по перрону, она опять наткнулась на рыжее семейство.

Детей у морковной дамы было семеро, причем двое — близнецы. Шесть мальчиков и одна маленькая девочка. Двое подростков были уже совсем взрослыми, близнецы и еще один мальчик выглядели ее ровесниками, младшие казались моложе года на три-четыре. Все были огненно-рыжими, веснушчатыми, громкими и какими-то неухоженными.

«Судя по всему, про планирование семьи здесь не слышали, как и про генетику. Хотя, — одернула себя Мелисса, размышляя, — может, она очень любит детей и всегда хотела большую семью. Но тогда почему не следит за ними? У младшего мальчика грязь на щеке. Да и девочку не мешало бы причесать. А уж одежда! Она ведь волшебница, а бытовые чары пока еще никто не отменял. Вон та заплатка поставлена кривовато. Или так и было задумано?!»

– Билл, Чарли, присматривайте за Перси, — вдруг заверещала женщина в ультразвуковом диапазоне, как выброшенный на берег дельфин.

– Ладно, мам, пока, — в один голос сказали два старших парня, подхватили старые сундуки и двинулись в сторону поезда, пояснив. — Мы в первый вагон. Там старосты и капитаны команд.

– Перси, — женщина прижала к груди среднего сына, — я уверена, что в этом году ты снова будешь первым учеником.

– О да, Перси, продолжай в том же духе и станешь министром магии, — закривлялись близнецы. — И поторопись, а то в следующем году мы приедем, и тогда тебе будет не до учебы. Ха-ха. Загубим тебе карьеру.

– Хорошо, мама, — сказал Перси, показательно игнорируя братьев, — я пойду. Вуды уже здесь, а я хочу сесть с Оливером.

– Мам, я тоже хочу поехать, — громко заныл младший.

– И я, и я! — еще громче подхватила девочка, будто соревнуясь с братом.

– Учись хорошо, Перси. Рон, Джинни, — рявкнула женщина на младших, — вам еще рано! Хватит ныть!

Обходя выставленные на перроне тележки, чемоданы, сундуки и клетки с животными, Мелисса добралась до последнего вагона. Она нашла свободное купе, выпустила из клетки Корвуса, который тут же перелетел на багажную полку, и уселась на обитое красным бархатом сидение.

Вскоре паровоз, дав прощальный сигнал, начал свой путь.

***

Минут через пять в коридоре послышалось хлопанье дверями и раздался возмущенный голос: «Перси, я же тебе говорил, поторопись! Видишь, все уже забито под завязку!»

Дверь купе распахнулась и на пороге появились два мальчика. Одним из них был уже известный девочке Перси. Вторым, очевидно, Оливер, с которым Перси желал сидеть вместе.

– Привет, — сказал второй мальчик, — мы не помешаем? Везде все занято.

– Да, пожалуйста, — ответила Мелисса.

Они закинули вещи на багажную полку, получив порцию раздраженного карканья от потревоженного Корвуса, затем сели напротив девочки и дружно на нее уставились.

Перси был кудрявым, рыжеволосым и белокожим мальчиком. Вероятно, он очень легко краснел. Выглядел он чрезвычайно серьезным и ответственным, видимо, старался соответствовать статусу лучшего ученика, если верить его громкоголосой матери.

А второй был похож на любого мальчишку с улицы. Кареглазый брюнет среднего роста. Худой и какой-то верткий, что ли. Наверняка, любит подвижные игры и спорт.

Он и заговорил первым.

– Меня зовут Оливер Вуд, а это Перси Уизли.

– Эванс. Мелисса.

– Очень приятно, — сказал Оливер.

– Я видел тебя на перроне, — невпопад брякнул Перси и покраснел.

На его плече сидела большая, отвратительного вида крыса с облезлым хвостом. Она практически не шевелилась и казалась полудохлой. Наверное, даже Корвус, дышащий к грызунам неровно, на нее бы не позарился.

– Мне тоже приятно, — ответила Мелисса Вуду и добавила, переведя взгляд на Перси. — И я тебя видела.

Тот покраснел еще гуще. Оливер удивленно уставился на

друга, а потом, взглянув на ворона, спросил.

– Твоя птица? Как ее зовут?

– Его, — отметила Мелисса. — Корвус.

– А чего сову не купила? У всех обычно совы, — сказал Оливер, но, посмотрев на крысу своего приятеля, поправился. – Ну, не у всех. А девчонки чаще всего покупают кошек или книззлов. Смешные! Им кажется, что с черными кошками они тянут на саму Моргану.

– Кошки слишком независимые. А у ворона интеллект выше, чем у собаки. Правда, Корвус?

– Да, — хрипло каркнул ворон.

Мальчишки подскочили на месте от неожиданности.

За лето ворон освоил целых два слова «да» и «дай» и научился употреблять их к месту.

– Ничего себе, — протянул Перси и указал на свое плечо. — А это Паршивец (1). Он очень ленивый и абсолютно не волшебный. Я нашел его на помойке, когда мне было пять лет.

– Ты хочешь сказать, что крысе сейчас семь? — удивилась Мелисса.

– Ну, да, а что?

– Да, ничего, — сказала девочка, подумав: «Просто крысы живут два-три года. Либо он весьма волшебный, либо мама-папа тебе его уже раза два меняли на другого помойного жителя, а ты и не заметил».

Тут Оливер, которому надоело говорить о крысе, перевел тему разговора.

– Ты ведь первокурсница? На какой факультет будешь поступать? Давай к нам на Гриффиндор. Лучший факультет в мире! На нем сам Дамблдор учился!

– Разве можно заранее знать, куда поступишь?

– Ну, вообще-то нет, но чаще всего, дети поступают на факультет, на котором учились родители, — ответил ей Перси. — Вот вся моя семья училась на Гриффиндоре. Мой старший брат Билл — староста факультета и школы, а второй брат Чарли — капитан сборной по квиддичу. И у Оливера тоже все гриффиндорцы. А где учились твои родители?

– У меня их нет, я выросла в приюте.

– Извини, — Перси был расстроен, — я не знал.

– Да не за что извиняться, Перси, — улыбнулась Мелисса.

– Серьезно, тебе нужно к нам! — снова начал агитацию Оливер. — Смотри, нас ты уже знаешь. А Перси, между прочим, первый ученик. А его брат — староста. Так что защита тебе обеспечена. И помощь с учебой. А я в этом году буду пробоваться в сборную по квиддичу. И вообще, на Хаффлпаффе учатся одни

тупицы. На Рейвенкло только заучки. А на Слизерине подлецы.

– Да, Гриффиндор лучший вариант, — поддержал его Перси.

– Категорично.

– Да, все темные колдуны и волшебницы учились на Слизерине! Это всем известный факт! — настаивал Перси.

– А еще у нас самый классный в мире декан — профессор Макгонагалл. Она преподает трансфигурацию, — подхватил Оливер. — Прикинь, Перси, если бы у нас деканом был Снейп, — я бы повесился.

«Давай! Табуретку придержать?» — подумала Мелисса, обозлившись.

Она только открыла рот, чтобы ответить Вуду, как дверь купе открылась. На пороге стояла улыбающаяся пожилая дама с тележкой со сладостями.

– Хотите чем-нибудь перекусить, ребята?

Оливер бросился покупать сладости. Перси с гордым и независимым видом продолжал сидеть на скамейке, глядя в окно. Лишних денег, похоже, у него не было.

– Перси, ты чего хочешь? — спросил Вуд. — Тут все как всегда: «Друббблз», «Берти Боттс», шоколадные лягушки, лакричные палочки, тыквенное печенье… Ну, определяйся!

– У меня все есть, но если ты настаиваешь, то одну шоколадную лягушку и один сдобный котелок.

– А ты, девочка, хочешь что-нибудь? — улыбнулась Мелиссе продавщица.

– Если у вас только сладости, то нет, мэм, благодарю вас.

Оливер набрал сладостей и покидал их на стол.

– Присоединяйтесь, — сказал он попутчикам.

Мелисса открыла сумку, достала из нее белую льняную салфетку, постелила ее на стол, слегка сдвинув покупки Вуда, и разложила на ней заранее приготовленные сэндвичи с индейкой, помидорами и свежим салатом. Потом вытащила термос с кофе.

– Если хотите, угощайтесь, здесь хватит на всех, — предложила она.

– А ты сладкое не любишь? — поинтересовался Перси.

– У меня был спортивный режим, — пояснила Мелисса, — пока еще рука не поднимается так его нарушать.

– И какой спорт? — спросил Вуд, цапнув сэндвич. – Ум, очень вкусно!

– Художественная гимнастика, если вам это о чем-то говорит, — ответила Мелисса, наливая кофе в крышку термоса.

– Говорит, — ответил Вуд, — мы иногда на неделе живем в магловском районе, прямо рядом с министерством. Отцу там удобнее. Так что у нас есть телевизор, и я видел соревнования по

гимнастике. Это круто. Мне, правда, больше нравится спортивная гимнастика. Ленточки, мячики — это все такое девчачье. Хотя ты и есть девчонка…

Он почему-то замялся и замолчал.

– И как успехи? — поинтересовался Перси, развернувший шоколадную лягушку и перехвативший ее в прыжке.

– Выиграла пару соревнований. Жаль, что на этом все. Мне нравилось.

– Мерлиновы кальсоны! — Оливер вытаращился на нее. — А я тебя узнал! Ты по ящику рекламировала кроссовки. Там еще было написано, мол, юная чемпионка рекомендует. Нет. Тебе однозначно надо поступать на Гриффиндор. Ты наверняка сможешь неплохо играть в квиддич!

Кофе почему-то остыл, вероятно, Мелисса плохо закрыла термос. Холодный пить не хотелось, и она, обхватив ладонями крышку, нагрела его до нужной температуры. Когда над кофе появился легкий пар, девочка сделала первый глоток.

– Как ты это смогла? — практически заорал Вуд. — Без палочки!

– А в чем проблема, Оливер, — не поняла Мелисса. — Просто нагрела. С чего такой ажиотаж?

– Невербально? Без палочки? Ты хоть представляешь, какой это уровень? ТРИТОН — не меньше! — подхватил Перси.

Мелисса с удивлением посмотрела на них: «Они что, разучились колдовать без палочек за один год? Не верю!»

– Оливер, Перси, когда вы были маленькими, у вас были выбросы магии?

– Глупый вопрос! Как у всех?

– И что тогда происходило?

– Я магией зажигал костры и швырял камни, — признался Оливер.

– А я постоянно хлопал одновременно всеми дверями и окнами, — сказал Перси. — Мама боялась, что дом рухнет. Он у нас и так на одном только честном волшебном слове держится.

– А сейчас вы можете все это проделать? — спросила Мелисса.

– Нет, конечно, — возмутились ребята. — Это же детские шалости.

– А ведь это был уровень ТРИТОН — не меньше! — передразнила она их. — Невербально, без палочки зажечь огонь, кинуть камень, хлопнуть всеми дверями и окнами.

Ребята уставились на нее.

– Наверное, это опасно, — протянул Перси, — иначе нас бы учили. Профессорам виднее! И потом палочкой легче колдовать.

– И быстрее, — поддержал его Вуд.

«Да вам просто крылья подрезали! — подумала девочка. — Выбей у вас из рук палочку и все! Можно брать тепленькими. Впрочем, Мелисса, это не твое дело. Каждый выбирает сам!»

– А вообще, — протянул Перси, — ты уверена, что ты из маглов? Такая сила магии не характерна для маглороженных, так говорит тетушка Мюриэль. Она, правда, стара, как черепаха, и помешана на чистоте крови. Я не такой — ты не думай! Просто у меня вот в семье все волшебники, но такое вытворять может только тетушка Мюриэль.

«А тетя твоя, похоже, самая мудрая из всей вашей семейки. Или училась по другой программе. Что, кстати, вполне возможно, если ей лет, как той секвойе!» — подумала Мелисса, а вслух поинтересовалась:

– Кто тебе сказал, Перси, что я маглорожденная?

– Ну, ты же сама говорила, что ты жила в приюте! — влез Оливер.

– Но я же не знаю, как там оказалась. И кем были мои родители.

В этот момент в купе заглянул Билл, брат Перси.

– А, вот вы где! Пора переодеваться. Прибываем. Первокурсница? — спросил он у Мелиссы и, дождавшись кивка, сказал. — Вещи оставь здесь, их принесут прямо в спальню факультета, на который тебя распределят.

Билл ушел. Мелисса достала из сумки мантию и галстук, убрала термос и оставшиеся бутерброды и открыла дверцу клетки.

– Корвус, давай без представлений. Мы договорились. Я сожалею.

Недовольный ворон спикировал вниз и снова забрался в клетку.

Мелисса закрыла дверь купе и, набросив галстук на шею, посмотрела на свое отражение в стекле. Мальчики уже надели мантии и, аккуратно, стараясь ненароком не развязать, нацепили заранее завязанные галстуки.

– Нам выйти?

– Не имеет смысла, я не собираюсь раздеваться. Какой узел принято вязать у нас в школе?

– А… Э… — вопросительно протянули попутчики.

– Я так поняла, что это не регламентируется? — хмыкнула Мелисса. — Что ж, тогда «Виндзор». На мой вкус, он самый аккуратный.

Поезд уже сбавлял скорость, коридор вагона заполнился ребятами всех возрастов. Мелисса поправила мантию, оглядела

себя и, оставшись довольной увиденным, вышла из купе.

***

Ребята догнали ее на маленькой неосвещенной платформе. Солнце уже давно скрылось, и на открытой, продуваемой станции было прохладно. Мелисса зябко передернула плечами.

В этот момент над головами закачалась большая лампа и показалась косматая голова. Девочка услышала громовой голос:

– Первокурсники, все сюда!

– Иди, это Хагрид, — сказал Оливер. — Он лесник и всегда встречает первокурсников. Вы отправитесь на лодках. А мы на каретах.

– Да, удачи на распределении. До встречи! — попрощался Перси.

Лесник был огромным, с густой спутанной гривой черных с проседью волос и такой же бородой.

– Так, все собрались? — надрывался он. — Тогда за мной! И под ноги смотрите! Первокурсники, все за мной!

Поскальзываясь и спотыкаясь, они спускались по мокрой от вечерней росы тропинке, резко уходящей под уклон. Темно было, хоть глаз выколи.

«Если смысл в том, чтобы сломать ноги в первый же день, то у нас все шансы», — подумала Мелисса, когда один толстенький мальчик упал и не смог сам встать, пока Хагрид не поднял его за шиворот мантии и не вернул в вертикальное положение. Плюнув на все, она достала палочку и засветила Люмос. Дети продолжили свой путь, и через какое-то время Хагрид, идущий впереди, крикнул, не оборачиваясь:

– Все сюда! Сейчас вы увидите Хогвартс!

«Впечатляет!» — подумала девочка, в то время как все остальные восхищенно выдохнули.

Перед ними раскинулось большое черное озеро, окруженное лесом и скалами. А на противоположной его стороне, на отвесном утесе возвышался величественный замок, увенчанный многочисленными башнями. Его огромные окна ярко горели приветственными огнями. Над замком раскинулось бескрайнее звездное небо.

«Очень красиво! Может, поэтому мы так долго ехали до Шотландии? Ведь при свете дня вид был бы не таким поражающим воображение!» — сказала себе девочка.

В этот момент Хагрид указал на множество лодок у берега:

– По четыре человека в одну, не больше!

Когда все расселись, лесник забрался в отдельную лодку и прокричал:

– Вперед!

Все молчали, скользя на лодках по сверкающей, как лед, водяной глади, и лишь смотрели на приближающийся, растущий замок. Чем ближе они подплывали, тем выше он становился, подавляя своей мощью.

– Пригнитесь! — вдруг крикнул Хагрид.

Дети еле успели наклонить головы, как лодки нырнули в огромную расщелину, скрывающуюся за зарослями плюща. Потом они попали в темный туннель и вскоре высадились на вымощенную булыжниками пристань.

Их провожатый провел их наверх по длинной каменной лестнице, освещая дорогу своим огромным фонарем.

Преодолев все лестничные пролеты, дети увидели огромную дубовую дверь. Убедившись, что все на месте и никто не отстал, Хагрид поднял свой огромный кулачище и трижды в нее постучал.

_____

(1) Scab — парша, короста. Мне больше нравится этот перевод имени крысы. Питер все-таки был мужского пола.

= = = = = = = = = = ГЛАВА 13. Пир горой = = = = = = = = = =

Дверь распахнулась, и за ней показалась уже знакомая Мелиссе Минерва Макгонагалл, одетая во все зеленое.

– Профессор Макгонагалл, вот первокурсники, — сообщил ей Хагрид.

– Спасибо, Хагрид, — кивнула ему волшебница.

Развернувшись на каблуках, Макгонагалл приказала первокурсникам следовать за ней. Она провела их по каменным плитам через огромный зал, освещенный факелами, мимо красивой мраморной лестницы, уходящей вверх и большой закрытой двери, за которой слышался гул голосов. Дети вошли вслед за Макгонагалл в маленький пустой зальчик, где и столпились, нервно и беспокойно глядя в строгое лицо профессора.

– Добро пожаловать в Хогвартс, — поприветствовала их Макгонагалл. — Прежде чем начнется праздничный пир, вас распределят по факультетам. Это очень важный день, и я советую вам подумать о вашем будущем. Ведь в течение семи лет ваш факультет будет для вас вторым домом, а ваши новые друзья — второй семьей. Вы все будете делать вместе: ходить на занятия и в столовую, отдыхать и проводить свободное время в гостиной вашего Дома.

Всего факультетов четыре: Гриффиндор, Хаффлпафф, Рейвенкло и Слизерин. Каждый из них может похвастаться своей древней историей и выдающимися выпускниками. Во время

учебного года проходит соревнование за Кубок школы. Получить его огромная честь. За ваши успехи в учебе и участие в жизни школы вы будете получать баллы, а за каждое нарушение они будут вычитаться. В конце года факультет, набравший наибольшее количество очков, побеждает. Победа зависит от каждого из вас. Надеюсь, вы будете достойными студентами школы Хогвартс!

Ее глаза осмотрели детей на предмет выявления недостатков. Кто-то начал приглаживать волосы и поправлять мантию. Увидев, что Макгонагалл заметила ее, Мелисса приветливо улыбнулась ей и выжидающе посмотрела на нее.

– Вы хотите мне что-то сказать, мисс Эванс? — холодным тоном поинтересовалась профессор.

– Да, мэм, — ответила ей Мелисса. — Седьмая колонна от головы состава.

Бровь Макгонагалл чуть дернулась.

– Благодарю за предоставленную информацию, мисс Эванс, — сказала она девочке, и добавила. — Я вернусь сюда, когда все будут готовы к встрече с вами. Пожалуйста, ведите себя тихо.

И она вышла из зала. Дети резко выдохнули и тут же зашумели.

– Интересно, а как проходит отбор? — спросил толстенький мальчик, тот самый, который упал на тропинке к озеру. На его мантии тут и там были видны еще не подсохшие пятна грязи.

– Я слышал, будут испытания, — сказали из толпы.

– Но мы же еще ничего не умеем, — испуганно пискнула какая-то девочка.

В этот момент кто-то завопил. Дети обернулись на крик и застыли, выпучив глаза и открыв рты. Через стену в комнату просачивались привидения. Много привидений. Концентрация белых полупрозрачных фигур, скользящих по воздуху и переговаривающихся между собой, пожалуй, была даже чрезмерной для такого небольшого помещения.

„Это называется, соберитесь с мыслями? Бросить детей одних в непривычной обстановке и запустить призраков? Конечно, дети, оставшиеся без взрослых, всегда молчат и тихо думают о высоком. Например, о собственном будущем. А призраки… А что призраки? Без сомнения, поспособствуют улучшению мозговой деятельности!“ — Мелисса смотрела на проплывающих мимо нее привидение толстого монаха и призрака в жабо.

Они обсуждали поведение какого-то Пиввза, который порочит их всех и которого привидением-то назвать нельзя. Внезапно монах посмотрел на детей и воскликнул:

– О, первокурсники! Ждете распределения? Надеюсь, вы

попадете на Хаффлпафф. Лучший факультет. Я, знаете ли, там учился.

Несколько детей неуверенно пожали плечами.

– Нет, дорогой проповедник! Самый лучший факультет — это Гриффиндор! — в разговор вступил призрак в жабо.

Многие первокурсники закивали головами и заулыбались. Очевидно, слова привидения они полностью разделяли.

„Что и требовалось доказать! А где же слоганы в поддержку Слизерина? Или Рейвенкло? Слизерин и Рейвенкло, как нам с вами повезло, например. Где они? — Мелисса сделала для себя определенные выводы. — Рейвенкло не рекламируют вообще, либо вскользь упоминают. Слизерину же делается мощная антиреклама. Маглорожденных посещает декан Гриффиндора. Когда она перечисляет факультеты, Слизерин всегда на последнем месте. Да она чуть ли не выплевывает название этого факультета. Макнабб была права, когда говорила: слушай внимательно окружающих. Обычно люди перечисляют от наилучшего, по их мнению, к наихудшему. Значит, нужны храбрые и работящие. А умные и амбициозные нет! С ними больше проблем!“

В этот момент вернулась Макгонагалл и разогнала призраков.

– Распределение сейчас начнется. Постройтесь и следуйте за мной! — велела она детям

Не очень стройная колонна взволнованных первокурсников вслед за профессором трансфигурации покинула комнату и прошла через массивные двойные двери, ведущие в Большой зал.

Тысячи свечей, парящих в воздухе, освещали четыре длинных стола, заставленных золотыми приборами. Зачарованный потолок был похож на бархатное ночное небо, усыпанное звездами. На противоположной от двери стороне зала стоял длинный стол, за которым сидели преподаватели.

Детей подвели к этому столу и велели встать спиной к учителям. Перед ними были сотни лиц. То тут, то там появлялись привидения. Над каждым столом висели знамена с гербом факультета.

Под красными знаменами Мелисса увидела Оливера Вуда и Перси Уизли, которые помахали ей — держись, мол. Братья Перси рыжими макушками мелькали на заднем плане.

Девочке показалось, что больше всего студентов было за столами Гриффиндора и Хаффлпаффа. А факультет Слизерин, даже на беглый взгляд, был самым малочисленным. „Укладывается в мою теорию“, — подумала она.

Осматривая зал, девочка и не заметила, что профессор уже поставила перед ними самый обычный табурет и положила на

сидение остроконечную латанную-перелатанную шляпу.

„Что с ней делали, если довели до такого кошмарного состояния? Полы мыли?“ — Мелиссу слегка передернуло от брезгливости.

На тулье появилась большая рваная дыра. Шляпа пошевелилась и запела, растягивая гласные, пытаясь, видимо, попасть в мотив „Дорогой Клементины“ (1):

На вид я некрасива,
Зато весьма умна,
Талантлива на диво,
На благо создана.
Что мне другие шляпы:
Цилиндры, котелки?
По мне, они — растяпы
И просто чудаки.
Нет для меня секретов,
Надень — смогу решить,
В какой из факультетов
Тебя распределить.
Отважен ты без меры
И на поступок скор?
Тогда тебя, поверь мне,
Ждет славный „Гриффиндор“.
А если ты — сердечный,
Труд ценишь с юных лет,
То „Хаффлпафф“, конечно,
Тот самый факультет.
Умен ты и талантлив,
Грызешь гранит наук?
Что ж „Рейвенкло“, приятель,
Твой самый лучший друг.
Коль ты стремишься в жизни
Достичь больших высот,
Тебя на „Слизерине“,
Конечно, слава ждет.
Нет тайн и нет секретов,
Надень — смогу решить,
В какой из факультетов
Тебя распределить.

Песня закончилась, и зал разразился бурными аплодисментами. Шляпа поклонилась в разные стороны, а затем замерла.

Макгонагалл, держа в руках длинный свиток пергамента, объявила:

– Когда я назову ваше имя, вы наденете шляпу и сядете на табурет. Абберкромби Элисон!

Девочка с пышными каштановыми хвостиками густо покраснела и с опаской подошла к табурету. Надев на себя шляпу, она крепко зажмурилась. На мгновение воцарилась тишина, а потом шляпа громко выкрикнула:

– Хаффлпафф!

Те, кто сидели за правым столом, разразились аплодисментами, к которым присоединился практически весь зал. Элисон кинулась к своему столу и заняла свободное место.

– Бленкинсоп Тимоти!

Взъерошенный мальчик с мантией набекрень стал первым студентом, отправленным на Гриффиндор. Его встретили громогласными криками, ему трясли руку, хлопали по плечам, всячески демонстрируя дружелюбие и радость от того, что он к ним присоединился.

– Боул Люциан!

Рослый мальчик в дорогой мантии с темными, аккуратно причесанными волосами, сел на табурет.

– Слизерин!

Мальчик вернул шляпу на место и прошел к столу, над которым висели знамена со змеей на зеленом фоне. Ему хлопали только студенты Дома Слизерин. Никто из зала и не думал присоединяться.

– Наверное, из семьи пожирателей, — услышала Мелисса шепот.

Дрейк Александра также под аплодисменты, переходящие в овацию, отправилась за стол Гриффиндора.

– Эванс Мелисса.

Выдохнув, Мелисса медленно подошла к табурету и надела шляпу. Какое-то время ничего не происходило, а потом в голове раздался голос:

„Ау-у! Ты что вся в амулетах, как рождественская елка?“

„Да нет, — удивленно подумала Мелисса. — Вроде, все чисто“.

Действительно, серьги она, по совету гоблинов, еще не надевала.

„Странно. Не могу заглянуть глубоко. И как мне тебя распределять?“

„Просто. Мне в один конец до Слизерина“.

„Ну, нет! Я профессионал, — возмутилась шляпа. — У меня недостаточно данных для распределения. Поверхностные мысли — это несерьезно. Может, тебе лучше будет в Рейвенкло? Разум полностью открыть не хочешь?“

„Открыть то, что не закрывала? Нереально звучит, не находишь? Давай так: ты отправляешь меня в Слизерин, и ни одна шляпа сегодня не пострадает“.

„Думаешь, за порчу школьного инвентаря по голове погладят?“

„А я устала, перенервничала, не сдержала стихийный выброс и подожгла собственную прическу. Так что простят. И погладят. И как раз по голове. Эй, тебе не кажется, что запахло паленым?“

– Слизерин, — истошно завопила шляпа.

„Молодец! Спасибо, но песня у тебя…“

„Мордред, да я лучшая! Среди шляп“.

Мелисса сняла ее, поставила на табурет, вежливо улыбнулась ошарашенной Макгонагалл и под сдержанные хлопки двинулась в сторону приветствующего ее слизеринского стола.

Она села рядом с Люцианом Боулом лицом к преподавателям и смогла, наконец, рассмотреть их.

В самом углу сидел Хагрид. Похоже, он уже хватил огневиски, потому что глядел на распределяющихся первокурсников влажными глазами и ежесекундно сморкался, видимо, от чувств.

Затем несколько разновозрастных колдуний и пухленькая волшебница с кудряшками. Ее глаза частенько останавливались на столе хаффлпаффцев, из чего Мелисса сделала вывод, что это профессор Помона Спраут, декан этого факультета.

Следующее кресло было свободно. Очевидно, дожидалось Макгонагалл.

В центре стоял большой золотой стул, напоминающий трон, на котором восседал Кавалер орденов, Великий маг и Верховный чародей, в общем, Альбус Дамблдор. На нем была ярко-лиловая мантия, украшенная золотыми и серебряными звездами и кометами и такого же цвета колпак. Глаза сверкали голубыми искорками из-под очков-половинок. На лице сияла радостная, да что там, просто блаженная улыбка. Настолько, казалось, профессор был счастлив.

По другую сторону от директора сидел маленький человечек, похожий на гоблина. Оглаф рассказал Мелиссе во время одного из ее визитов в банк, что в Хогвартсе преподает гоблин-полукровка. И даже является деканом одного из факультетов. Значит, это Филиус Флитвик — декан Рейвенкло.

Следом расположились несколько молодых магов и пожилой калека с многочисленными увечьями. Мелисса не могла даже предположить, кто это, а в следующий момент ей стало глубоко наплевать на инвалида. Рядом с ним сидел Северус Снейп.

Ее сердце рванулось к горлу, а потом резко упало в желудок,

так взволнована она была.

Тут шляпа распределила на Слизерин некоего Теренса Хиггса. Снейп, провожая его взглядом, повернулся к столу своего факультета и посмотрел на Мелиссу. Не сдержавшись, она радостно ему улыбнулась.

***

Северус Снейп весь день метался по своему кабинету как тигр в клетке.

Сегодня начинался учебный год: бесконечные уроки, эссе, взрывающиеся котлы и шляющиеся ночами малолетние идиоты, полагающие, вероятно, что они приехали не в школу, а в луна-парк.

Ну, конечно! Это же так весело бродить в темноте по замку, в котором лестницы меняют направления, ступеньки проваливаются и исчезают, а придурочный полтергейст швыряется тяжелыми предметами! И в голову, естественно, не приходит, что в худшем случае подобные променады могут закончиться полетом с седьмого этажа до первого, а в лучшем — сотрясением мозга. Хотя у многих там и сотрясать нечего!

Но сначала надо еще пережить праздничный ужин с кошмарным исполнением гимна, очередным шедевром от шляпы, возомнившей себя Хампердинком (2), не меньше, и распределением новичков.

Да, новые студенты… И вряд ли среди них будет кто-нибудь настолько способный к зельеварению, чтобы примирить его с преподавательской стезей.

Кстати, интересно, кто из новичков в этом году первым обзовет его „сальноволосым уродом“? Северус знал все свои прозвища наперечет. От более-менее приемлемых: „летучая мышь“ и „ужас подземелий“ — до этого самого „сальноволосого“. Забавно, что, поломав руки-ноги на квиддиче или простудившись, все они дружно и радостно пили костерост и бодроперцовое, даже не задумываясь, что все это приготовлено именно ненавистной „летучей мышью“.

Вечером, сидя в Большом зале за преподавательским столом, он поймал себя на мысли, что с нетерпением ждет распределения. Ему было интересно, куда шляпа засунет Мелиссу: в Гриффиндор или в Рейвенкло? Поддастся девочка на эти штучки с восхвалением „львиного“ факультета или все-таки подумает головой? Он очень надеялся, что она сможет устоять. Ведь, когда они столкнулись на Косой аллее, она произвела впечатление умного и рассудительного человека. Было бы неприятно разочаровываться!

Тогда, летом, Северус, заказав ингредиенты для Хогвартса,

увидел, как Минерва буквально вылетела из лавки Олливандера вместе с Мелиссой. Он отошел в тень между домами и получил искреннее удовольствие, наблюдая за их пикировкой. Формально Макгонагалл нечего было предъявить мисс Эванс. Та была спокойна и вежлива, как на приеме в Букингемском дворце, но при этом ухитрилась довести профессора трансфигурации до крайней точки кипения. Судя по всему, они весь день беседовали в подобном стиле.

Услышав пассаж Минервы про Рейвенкло, Снейп облегченно выдохнул. Его труды не пропали даром. Ребенок был явно чересчур умным, раз Макгонагалл чуть ли не в приказном порядке настраивала Мелиссу на факультет „заучек“. Обычно всех мало-мальски способных детей она старалась перетянуть к себе. И у нее были для этого все возможности. Ведь только она, декан Гриффиндора, как заместитель директора Хогвартса могла встречаться с маглорожденными. Про Слизерин Минерва наверняка ничего хорошего не говорила, так что Рейвенкло — отличный вариант.

Двери распахнулись, и в зал вошли первокурсники.

Мелиссу он увидел сразу. Она была одной из самых высоких. И очень хорошенькой. Мантия на ней была явно новой, и Снейп облегченно выдохнул. В этом году он послал девочке не только книги, но и полный набор школьных принадлежностей. Ему хотелось максимально облегчить ей сборы в Хогвартс. Значит, денег хватило. До обносок дело не дошло. Его передернуло, когда он вспомнил, в чем он в детстве приезжал в школу. Пятьдесят баллов тебе, Мелисса Эванс. Умная девочка!

Потянулось распределение. Хаффлпаффка. Гриффиндорец. Затем на его факультет отправили Люциана Боула. Он знал его родителей: чистокровная семья, сочувствующая Темному Лорду. Еще одна гриффиндорка.

– Эванс Мелисса, — выкрикнула Минерва.

Снейп крепко стиснул в руке кубок, стоящий перед ним, и, казалось, забыл, как дышать. Мелисса подошла к табурету. Шляпа молчала долго. Окружающие с растущим интересом поглядывали на нее.

«Давай! Не дай себя заболтать этому идиотскому колпаку, — думал Северус. — Заставь это недоразумение в заплатах прислушаться к тебе. Не нужен тебе этот „львятник“!»

– Слизерин! — истошно завопила шляпа.

Остолбенев от изумления, профессор зельеварения уставился на девочку, которая, улыбнувшись Макгонагалл, двинулась к столу Слизерина под его, Снейпа, знамена.

Из ступора его вывел сидящий рядом профессор Кеттлберн,

поинтересовавшийся каким-то зельем, заживляющим ожоги. Дав пространный ответ, Северус услышал, что на его факультет распределили Теренса Хиггса. Провожая его взглядом, он посмотрел на стол своих „змеек“ и встретился глазами с Мелиссой. Она ему улыбнулась. Почувствовав, что и сам расплывается в улыбке, он поднес кубок к губам.

***

Распределение подошло к концу. Как Мелисса и думала, в своей массе первокурсники стройными рядами и с песней маршировали на Гриффиндор и Хаффлпафф. На Слизерин и Рейвенкло распределили всего по пять-шесть человек.

Профессор Макгонагалл убрала свиток и вынесла из зала шляпу. Все сидели за столами, уставившись на пустые золотые блюда.

И тут со своего трона поднялся Альбус Дамблдор. Счастливо улыбаясь, он широко распахнул руки, словно желая обнять всех студентов единым махом.

– Добро пожаловать в Хогвартс! — звучно сказал он. — Сейчас мы начнем праздновать, но прежде я бы хотел сказать несколько слов. А слова мои будут такие: Олух! Рёва! Огрызок! Уловка! Все, всем спасибо!

Дамблдор сел, и тут же на блюдах появилась еда. Здесь были ростбиф, жареный цыпленок, свиные и бараньи отбивные, сосиски, бекон и стейки, вареная картошка, жареная картошка, чипсы, йоркширский пудинг, шотландские яйца, мясные подливки, соусы и зачем-то леденцы.

„Вот кто бы ответил, это был сигнал домовым эльфам? Или он просто выразил свое отношение к факультетам? — подумала Мелисса. — Если сигнал, то подошла бы любая кодовая фраза. Но он выбрал именно белиберду. Создает образ волшебника не от мира сего? Или доброго, слегка маразматичного дедушки? Возможно. Но если это его авторитетное мнение о Домах, то, судя по порядку перечисления, я сделала правильный выбор!“

Боул, сидящий рядом с ней, легонько кашлянул и спросил:

– Ты ведь Эванс? Мелисса Эванс? Я Боул, Люциан! Ты почему ничего не берешь? Не голодна?

Мелисса встряхнула головой, улыбнулась и сказала:

– Задумалась. Спасибо, что разбудил.

– Рад помочь! Кстати, это Хиггс. Теренс Хиггс, — ответил ей мальчик, кивая на своего соседа справа.

– Очень приятно, — ответила девочка.

Она только протянула руку к цыпленку, как нагрелось кольцо, подав недвусмысленный сигнал, что курочка может прийтись не по вкусу. Мелисса нахмурилась.

„Что ж, попробуем ростбиф… То же самое! Отбивная. И она?! Вокруг никто не умирает, значит, не яд. Да нет, бред! Никто не будет травить студентов в первый же день. Вряд ли здесь есть желающие попасть в Азкабан. Тогда что? Скорее всего, какие-то зелья. Что-то не опасное для здоровья. Вопрос: для какого здоровья данное меню не опасно? Физического или душевного? Физического, однозначно! Чтобы не подкопаться. Значит, воздействуем на разум… Да есть на этом столе хоть что-то чистое, без примесей?!“ — Мелисса перепробовала уже почти все блюда.

Невинным оказалось только маленькое блюдо с брокколи, на которые никто не позарился. Вздохнув, Мелисса подвинула к себе разваренные овощи.

Боул и Хиггс с интересом наблюдали за ее манипуляциями.

– Не ешь мясо? Ты что вегетарианка? — поинтересовались они, так и не приступив к еде.

– Приготовленное ТАКИМ способом, не ем, — честно призналась девочка, потом, подумав секунду, добавила, — и вам не советую.

Боул резко остановил руку Хиггса, который уже поднес ко рту наколотую на вилку сосиску.

– Поясни, пожалуйста! — вежливо попросил он Мелиссу.

Девочка посмотрела ему в глаза и кивнула на кольцо на своем мизинце. Боул врубился мгновенно.

– Мордред, отец был прав! Надо было взять такое же. Сегодня же попрошу прислать его совой. Теренс, мы это не едим! Мы резко сели на диету. Что еще здесь, как бы это выразиться, — задумался он над формулировкой, — приготовлено диетически?

– Боюсь, только эти брокколи. Но по вкусу они, как вымоченная в ведре тряпка. Будете?

– Да, Мордред, не вижу других вариантов.

Дети поделили брокколи между собой.

– Мелисса, у тебя интересное колечко. Семейный артефакт?

– Нет, у меня нет семьи. Я выросла в магловском приюте.

Теренс и Люциан изучающе уставились на нее.

– Ты не маглорожденная! — уверенно заключил Боул. — На наш факультет они никогда не попадают. Кроме того, ты хорошо держишься и прилично одета. Пособия для маглов едва хватает на обноски лохматого года. Я знаю. Мой отец — член попечительского комитета.

– Я просто брезглива. Не люблю чужие вещи.

– Плюс, артефактное кольцо. И не только кольцо, — прибавил Теренс.

Мелисса увидела, что он смотрит на нее через какое-то стеклышко. Оно висело у него на шее, как медальон, и до этой минуты, видимо, было убрано под мантию.

– Можно поподробнее? — попросила девочка. — Что это за стекло?

– Оно позволяет видеть скрытые следы магии, — ответил Теренс. — У тебя на шее магический след. Он спускается под одежду. Думаю, на тебе медальон или ожерелье под чарами невидимости.

– Теренс, друг мой, где можно купить такой модный монокль? — поинтересовался Люциан.

– Купить негде, а раздобыть можно. И даже два, — ответил Хиггс.

– И где же? — не унимался Боул.

– В очках у Дамблдора.

– Ну, это пока бесперспективно, — сказала Мелисса.

Они дружно усмехнулись. Потом Боул посмотрел на Мелиссу и сказал:

– Спасибо, что предупредила нас о приправах. Буду рад, если мы когда-нибудь подружимся.

– Я тоже, — поддержал его Теренс.

– Мне будет приятно общаться с вами, — сказала девочка, соглашаясь с Боулом и Хиггсом, что сразу о дружбе говорить рано, а вот приятельским отношениям ничего не мешает.

В этот момент все тарелки вдруг опустели, стали идеально чистыми, а потом наполнились разнообразными десертами. Здесь было мороженое, яблочные пироги, фруктовые торты, шоколадные эклеры и пончики с джемом, бисквиты, клубника, желе, рисовые пудинги…

Студенты радостно набросились на сладости.

Все, кроме Хиггса и Боула. Они выжидающе смотрели на Мелиссу. Девочка правильно поняла их взгляд и стала проверять все, что было на столе. Через пару минут она грустно улыбнулась и отрицательно покачала головой. Ребята дружно вздохнули и отодвинулись от стола.

Какое-то время они молчали, а потом Теренс не выдержал.

– А есть-то хочется! Даже не есть, а, извините меня, дамы и господа, за такую прозу жизни, — жрать.

– Это да, — согласился с ним Боул. — Надеюсь, завтрак будет нормальным. Я против подобной заботы о моей фигуре!

– Когда закончится этот фарс и нас отведут в комнаты нашего

факультета, можно будет встретиться в гостиной. У меня остались сэндвичи с индейкой и кофе, — сказала Мелисса. — Спасу вас бедных. Так и быть!

– О Мерлин, она — святая, Теренс! — шутливо поблагодарил ее Люциан.

В этот момент десерты исчезли с тарелок, и профессор Дамблдор снова встал со своего трона.

– Еще несколько слов. Первокурсники, в Хогвартсе запрещено ходить в лес, находящийся на территории школы, и колдовать в коридорах. Что касается квиддича: тренировки начнутся через неделю. Кто хочет играть за сборные, обратитесь к мадам Хуч. Сейчас мы все отправимся спать, но сначала давайте все вместе споем школьный гимн!

Мелисса увидела, что на лицах педагогов застыли странные улыбки, профессор Снейп скривился, как от зубной боли, а старшекурсники-слизеринцы закатили глаза.

Дамблдор взмахнул палочкой. Длинная золотая лента, вырвавшаяся из нее, поднялась над столами и рассыпалась на слова.

– Каждый поет на свой любимый мотив, — сообщил директор. — Начали!

Все заголосили, кто в лес, кто по дрова.

Хогвартс, Хогвартс, наш любимый Хогвартс,

Научи нас хоть чему-нибудь.

Молодых и старых, лысых и косматых,

Возраст ведь не важен, а важна лишь суть (3).

„Научи нас хоть чему-нибудь? То есть ничего фундаментального? Да здравствует старое доброе самообразование! — подумала девочка. — Бо-оже, как можно было не включить в список вещей для школы ушные затычки?!“

Рядом с ней тихо страдали от душераздирающих звуков остальные слизеринцы. Боул застонал.

– Они расплавили мой мозг. Мерлин, почему я не глух, как мой горячо нелюбимый дядюшка Адалберт! Я завидую ему первый раз в жизни!

Дамблдор же выглядел неимоверно растроганным. Когда этот кошачий концерт закончился, он умиленно воскликнул:

– Магия музыки затмевает все! А теперь по спальням!

Старосты Слизерина быстро организовали первокурсников, построили их и повели в подземелья. Старшеклассники тоже не стали задерживаться за столами и чинно пошли следом.

В дверях Большого зала слизеринцы пересеклись с ватагой гриффиндорцев, среди которых были Вуд и младший Уизли. Заметив Мелиссу, Оливер демонстративно фыркнул, отвернулся

и утащил за собой Перси, дернувшегося было что-то сказать девочке.

„Вероятно, мне следует забиться в истерике: меня игнорируют. Пфф“, — усмехнулась она.

Спустившись в подземелья и пройдя извилистыми коридорами, старосты остановились в тупике перед глухой стеной.

– Итак, здесь находится вход на наш факультет. Пароль „Сила и власть“.

Как только пароль был произнесен, стена отодвинулась в сторону, и дети вошли в общую гостиную факультета.

Это была большая комната с низким потолком. Перед огромным камином, отделанным мрамором, стояли массивные невысокие диваны, обитые черной и темно-зеленой кожей. Старинные буфеты, книжные шкафы, письменные столы, резные стулья, кофейные столики с настольными играми и разнообразными светильниками, излучающими холодное болотное свечение, добавляли атмосфере загадочности.

Когда все вошли и расселись на диванах и креслах, староста произнесла:

– Первокурсники, поздравляем вас с распределением и приветствуем в Доме Слизерин! Я, Элен Берк, это Гектор Гамп. Мы — старосты.

Взгляните сюда. Это наш герб. Змея — мудрейшая из существ. Мы такие же: сильные, мудрые и хладнокровные. Это Салазар Слизерин искал в своих учениках: силу, мудрость и хладнокровие! Эти качества нужны волшебнику, чтобы достичь величия! И именно поэтому вы сегодня здесь. У вас есть потенциал! Запомните это!

О факультете Слизерин ходят множество слухов, один хуже другого. Например, что все слизеринцы темные маги, помешанные на чистоте крови. Не нужно верить всему, что слышите!

Да, факультет Слизерин окончили несколько темных магов. Но темных волшебников выпускали и остальные три факультета. Да, у нас традиция принимать студентов, вышедших из древних и чистокровных родов, но среди нас были и есть те, у кого хотя бы один из родителей магл.

Мы — одна семья и всегда поддерживаем и защищаем друг друга!

Наш факультет — лучший. Мы заботимся о чести и традициях Слизерина. Мы настроены на победу. Нас мало, но уже три года подряд мы выигрываем кубок Школы и чемпионат по квиддичу. Поэтому у нас сложности с другими факультетами,

особенно, с Гриффиндором. Они направо и налево кричат о нашей темной репутации. Не обращайте внимания! Не поддавайтесь на провокации! Не стоит никому ничего доказывать! К тому же темная репутация — это забавно. Можно ведь намекнуть, что вы имеете доступ к целой библиотеке проклятий. Захочет ли в этом случае кто-нибудь сделать вам гадость?

Привидение нашего Дома — Кровавый Барон. Он всегда помогает слизеринцам: может приструнить Пиввза, показать кратчайший путь к классам.

И последнее: пароль от гостиной меняется каждые две недели. Следите за доской объявлений. И никогда не приводите сюда никого с другого факультета.

– Десять баллов, мисс Берк, за помощь новичкам, — раздался тихий голос.

Все обернулись и увидели стоящего у входа профессора Снейпа.

– Итак, слушайте меня внимательно и запоминайте. Повторять я не буду. Вы поступили на факультет Слизерин, поэтому добро пожаловать в семью!

Да, мы — одна семья. Да, нас мало. Да, репутация у факультета Слизерин скверная. Да, отношение к нам оставляет желать лучшего. Поэтому! Вы будете учиться так, словно от этого зависит ваша жизнь. Вы будете держать себя так, будто каждый из вас принц или принцесса крови. Я не снимаю баллов со своего факультета. Я буду защищать вас всеми возможными способами и средствами перед другими преподавателями. Но если вы провинитесь, вы в полной мере прочувствуете мое… — он сделал выразительную паузу и обвел всех тяжелым взглядом, — недовольство. Поверьте, наказание будет неотвратимым.

Все опустили головы в знак согласия.

– Далее, вы можете прийти ко мне с любыми своими проблемами. Дверь моего кабинета всегда открыта. Однако прежде, учитывая мою занятость, прошу убедиться, что ваш вопрос находится не в компетенции старост. Мисс Берк, мистер Гамп…

Старосты сделали шаг вперед.

– …всегда вам помогут. И последнее… Мисс Эванс, мистер Боул и мистер Хиггс, — Снейп в упор посмотрел на Мелиссу. — За ужином вы ничего не ели. Вы решили таким способом покончить с жизнью?

– Сэр, все блюда были чересчур экзотически, как бы это сказать, приправлены, — ответила девочка.

Глаза профессора сощурились, в них вспыхнул темный огонь.

– Как вы это определили, мисс Эванс?

Она сделала неопределенный жест правой рукой на уровне груди. Заметив кольцо на мизинце, Снейп оглядел притихшую гостиную.

– У кого еще возникли проблемы со… специями?

Поднялось несколько рук. Их поднимали в основном представители старых чистокровных родов, имеющие соответствующие артефакты.

„Они тоже не ели, — подумала Мелисса, — только делали вид. Интересные тут нравы!“

– Кто вообще сегодня ужинал? — декан поставил вопрос ребром.

Не поднялось ни одной руки.

„Я на факультете дружных параноиков! — с восхищением отметила девочка. — Значит, те, у кого были артефакты, предупредили оставшихся!“

Снейп дважды хлопнул в ладоши. В гостиной появился домовик.

– Сэндвичи и чай на всех, — тихо отдал ему распоряжение профессор.

Домовик испарился, а через мгновение на столах появилась закуска.

– Быстро ужинайте и ложитесь спать. Старосты, обо всех… изменениях в меню, докладывать мне. Спокойной ночи.

Снейп развернулся и направился к выходу. Уже у самых дверей он остановился, посмотрел на Мелиссу и произнес:

– Пять баллов Слизерину, мисс Эванс, за наблюдательность.

_____

(1) Oh My Darling, Clementine — американская почти народная песня, приписываемая разным авторам.

(2) Энгельберт Хампердинк — легендарный британский певец, популярный в 60-х — 70-х годах XX века.

(3) Перевод РОСМЭН

Комментарий к ГЛАВА 13. Пир горой

Если не указано другое, перевод стихов мой.

= = = = = = = = = = ГЛАВА 14. Первый день = = = = = = = = = = =

За поздним чаем старосты рассказали первокурсникам, что неизвестные зелья им подливают раз или два в год. Но в первый учебный день всегда. Некоторые потомственные слизеринцы узнали об этом еще от родителей, поэтому заранее вооружились амулетами и предупредили одноклассников.

Гамп похвалил Мелиссу за то, что она предостерегла Боула и Хиггса, а потом посоветовал им в подобных случаях делать вид,

будто наслаждаешься едой, чтобы не привлекать лишнее внимание.

На наивный вопрос девочки о том, пытались ли они взять со стола пару кусочков, чтобы выяснить, что именно им пытаются скормить, старшекурсники ответили утвердительно. Да, пытались. И, нет, не получилось. Все угощение зачаровывается так, чтобы исчезать одновременно. По команде Дамблдора. И не играет роли, где оно находится: на тарелке или в кармане.

Чтобы что-то прояснить, необходимо в течение получаса добежать до зельеварен и успеть провести все качественные реакции. А для этого нужно, во-первых, незаметно уйти из-за стола, во-вторых, заранее приготовить реактивы, а в-третьих, быть мастером-зельеваром, чтобы верно оценить результат.

Какое-то время все молчали, а поскольку было уже за полночь, старосты рекомендовали разойтись по своим комнатам и лечь спать.

На каждый курс приходилось по две спальни для мальчиков и две для девочек. В этом году на Слизерин поступило пятеро новых студентов: три мальчика и две девочки. Боул и Хиггс, как старые знакомые, поселились в одной комнате, начисто проигнорировав возможность жить порознь. Поэтому первокурсник Торфинн Роули с радостью поселился отдельно.

Мелисса и Селина Селвин, девочка из древней чистокровной семьи, дружно решили, что личная комната — это удача, и не воспользоваться этим было бы преступлением, поэтому, пожелав друг другу спокойной ночи, разошлись в разные стороны.

Комната Мелиссе очень понравилась. Там стояла большая кровать под зеленым шелковым балдахином, застеленная покрывалом, вышитым серебряной нитью. Также в комнате были вместительный платяной шкаф, зеркало, пара прикроватных тумбочек и небольшой письменный стол. Стены были украшены средневековыми гобеленами.

Рядом с кроватью стояли ее сумка и клетка с обозленным вороном. Максимум, что уставшая донельзя девочка могла сделать, — это позвать Кричера, попросить его разложить вещи и позаботиться о Корвусе.

Сама она, поставив магловский механический будильник на тумбочку и заведя его, как обычно на шесть, переоделась в пижаму, рухнула в постель и мгновенно заснула.

Сказывалось напряжение долгого-долгого дня.

***

После того как Северус вернулся к себе из гостиной Слизерина, нарисовался Дамблдоров эльф и пропищал, беспрестанно кланяясь на каждом слове: „Директор-сэр желает

видеть профессора-сэра!“ Просто не домовик, а лавочник из Чайна-Тауна. Сощурится — не отличить. Тьфу!

Не ожидая ничего хорошего, Снейп явился на зов. Как он и думал: в кабинете директора наметился очередной преподавательский междусобойчик. Нужно же обсудить распределение! Обязательно сегодня! Как можно упустить такой достойный повод, чтобы ни хрена не выспаться!

Северус уселся в свой любимый темный угол и прикрыл глаза. Слушать рассуждения о детях, с которыми они еще и двух слов не сказали, он не собирался, поэтому, укрепив по максимуму окклюменционные щиты и нацепив на лицо лучшую из своих патентованных мерзких гримас, чтобы никому даже в голову не пришло к нему обратиться, принялся обдумывать ситуацию.

А она не нравилась категорически. Вот просто до зубовного скрежета.

Во-первых, какого Мордреда происходит? Ясно как день, что подобную масштабную акцию с едой мог санкционировать только Сам. Магия Хогвартса, от которой зависят домовики, просто не позволит им провернуть такое без распоряжения директора.

Во-вторых, только Слизерину так неимоверно повезло или все столы удостоились столь сомнительной чести? Интересно, а что будет, если он прямо сейчас спросит, например, Минерву: «Коллега, моим „змейкам“ уделяют эксклюзивное внимание или ваших „львят“ тоже травят?» Снейп хмыкнул, прикидывая свои шансы на то, что нынешнее воплощение Мерлина на земле хватит удар. Нет, пожалуй, не с его везением!

В-третьих, где были зелья? В пище или на посуде? Все в школе едят, как говорится, из одного котла. Он, Северус, готов поручиться, что на столе профессоров было чисто. Логично предположить, что дело именно в посуде.

В-четвертых, когда это началось? Судя по реакции слизеринцев, они в курсе уже давно, и эта информация чуть ли не передается студентами из поколения в поколение. А почему он ни сном ни ду…

Снейп почувствовал, что его дергают за рукав мантии, и открыл глаза. Все благородное собрание во главе с Дамблдором уставилось на него.

– Северус, вы что, спите? — возмутилась Макгонагалл.

– Вы правы, Минерва. Странное желание в… — он демонстративно взглянул на часы, — половине третьего ночи. Даже не знаю, что это я вдруг?

Макгонагалл вспыхнула, другие профессора попытались скрыть усмешки, а Флитвик, не сдерживаясь, тоненько захихикал.

– Между прочим, мы говорим о вашей студентке. Эванс.

– Что она уже успела натворить, раз удостоилась отдельного обсуждения в первый же день? Наступила вам на хво… простите, оговорился, на любимую мозоль, Минерва?

– Не надо ерничать! Она маглорожденная! А учитывая, какое отношение к ним на Слизерине, я надеюсь, вы не бросите ее на произвол судьбы?

– Конечно, брошу. Я всегда так поступаю: плюю на своих студентов. Кстати, запамятовал, это мой факультет лидирует по количеству несчастных случаев? Или… О нет, кажется, ваш.

– Мы сейчас не об этом! — подскочила Макгонагалл.

– Разве? А мне показалось, что мы обсуждаем невыполнение деканами их служебных обязанностей, — буквально прошипел Снейп.

– Ну-ну, не стоит ссориться! — Дамблдор примиряюще поднял руки. — Минерва, мы же все знаем, как Северус опекает своих студентов. И, коллеги, действительно пора расходиться. Завтра, то есть уже сегодня, будет тяжелый день.

Профессора подхватились и практически бегом бросились к двери.

– Северус… на два слова.

„Не успел!“ — мрачно подумал Снейп, возвращаясь на свое место.

Дамблдор ласково улыбнулся.

– Не обижайтесь на Минерву, мальчик мой. Вы же понимаете, что она принимает близко к сердцу судьбу дочери Лили. Впрочем, как и вы, насколько я помню, не так ли?

Снейп вопросительно поднял брови.

– Я о нашем давнем разговоре, — напомнил ему директор. — Вы тогда, помнится, так переживали за судьбу девочки.

– Это было давно, — безразлично протянул профессор.

– Да, — пожевал губами Дамблдор, в глазах которого блеснул довольный огонек, — пожалуй. В любом случае, я рассчитываю на вас.

„Что ж, тон я, похоже, взял верный“, — подумал Снейп и холодно спросил:

– В чем конкретно? Вы хотите повесить на меня что-то еще? Знаете, мне иногда кажется, что мои обязанности размножаются простым делением, как инфузории.

– Ах, Северус, эти ваши метафоры! Не волнуйтесь, я прошу всего лишь понаблюдать за девочкой. Меня немного смущает, что дочь бедной Лили, — директор на одно короткое мгновение удовлетворенно улыбнулся, увидев отсвет застарелой скорби в глазах Снейпа, — и сестра мальчика-который-выжил попала на Слизерин. Думаю, вас тоже.

– Не вижу повода.

– Вы по собственному опыту знаете, как тяжело маглорожденным и полукровкам на зеленом факультете, не так ли?

Северус недоуменно посмотрел на него.

– Сколько лет прошло с тех пор, как я стал директором! — мечтательно протянул Дамблдор. — Знаете, первый год я никогда не забуду. Вы, кажется, именно тогда поступили в Хогвартс. Худенький мальчик в поношенной мантии. Вы были чем-то очень расстроены. Как я теперь понимаю, распределением Лили в Гриффиндор. Сидели, уставившись в стол, и ничего не ели.

Директор понимающе смотрел на стремительно мрачнеющего, как грозовое небо, Снейпа.

– Прямо как эта девочка сегодня. Может, она хотела поступить на другой факультет? Или ее обидел кто-нибудь из слизеринцев? Это было бы весьма кстати, — задумчиво произнес он, поглаживая себя по бороде. — И будет совершенно замечательно, если к поступлению Гарри в Хогвартс девочка окончательно разочаруется в Слизерине.

– Вы что хотите, чтобы я устроил ей невыносимую жизнь? — Северус не верил собственным ушам. — Простите, вы в своем уме? Одно дело лепить из меня образ врага для всех остальных факультетов. Но демонизировать в глазах собственного! Как вы себе это представляете?

Дамблдор осуждающе посмотрел на него.

– Вы вовсе не создаете образ врага, мальчик мой! Сколько раз я объяснял: вы лишь показываете детям оборотную сторону жизни, наглядно демонстрируете, — он поднял указательный палец к потолку, — что в ней не все будет легко и просто, что некоторые люди…

– Сволочи? — выплюнул Снейп.

– Да, увы! Кто-то же должен! Тем более, вы никогда особо не стремились к налаживанию отношений с окружающими. Или что-то изменилось?

„Если бы не Непреложный обет, с каким удовольствием я бы его убил!“ — Северус прикрыл глаза и представил себе несколько красочных сцен умерщвления Альбуса Дамблдора.

Стало легче. Мысленно досчитав до десяти, он раздельно произнес:

– Все слизеринцы находятся в зоне моей ответственности. Я защищал их, защищаю и буду защищать. Травли не будет. Ни-когда.

– Кто же мешает вам защищать ее перед другими профессорами? Да ради Мерлина! — Дамблдор укоризненно

поцокал языком. — Есть менее радикальные способы осложнить жизнь. С вашим-то опытом! Просто не вмешивайтесь в ее отношения со слизеринцами. И они сделают все сами. Да, вы не снимаете баллы со своих, но провинности не спускаете и отработки раздаете щедро. Я-то знаю. Пара месяцев отработок. Разве это травля? Нет, воспитательный момент. Да не мне вас учить! Девочка должна понять: поступление на Слизерин было ошибкой и там рассчитывать ей не на кого. Тогда будет проще выбрать верную сторону, когда придет время. Это все и ради ее блага тоже, поймите!

***

Северус уже давно не удивлялся методам дорогого начальника. Наверное, с того самого Хеллоуина. Тем не менее, после сегодняшнего разговора его ощутимо трясло. У себя в гостиной он плеснул в стакан немного огневиски и сел к камину. После глотка его слегка отпустило, и он обессиленно откинулся на спинку кресла. М-да, заснуть ему сегодня уже точно не грозит.

Итак, если отбросить тот факт, что вся беседа с Дамблдором была, мягко говоря, весьма будоражащей, больше всего его зацепила одна деталь: день собственного распределения. Сейчас, оглядываясь на свое школьное прошлое, Северус вдруг осознал, что, будучи студентом, ни разу не ел и не пил за праздничным столом именно 1 сентября.

Действительно, на первом курсе он так переживал из-за распределения Лили и насмешек однокурсников над его потрепанной мантией и магловскими манерами, что ему просто кусок в горло не лез.

А в конце того учебного года Люциус Малфой, взявший над ним негласное шефство, подарил ему артефактное кольцо, распознающее яды, сказав лишь: „Носи, пригодится!“ Люц тогда заканчивал Хогвартс, а ему самому было всего двенадцать. И он, естественно, не задумывался о причинах подобной щедрости. Кстати, это кольцо до сих пор украшает его мизинец.

А все последующие годы — спасибо Мародерам, отлавливавшим его в поезде! — вечер 1 сентября он стабильно проводил в больничном крыле или в слизеринской спальне, зализывая физические и душевные раны.

Может, поэтому он и не был в курсе ситуации? Хотя это его, шпиона хренова, совершенно не оправдывает. Надо, пожалуй, написать Люцу. Пусть слегка осветит этот вопрос.

В любом случае, необходимо выяснить, что подливают студентам. Однако единственное, что он может пока сделать, сварить зелья-реактивы и держать их наготове. Благо, срока годности у них нет.

Северус сделал глоток. Что ж, определившись как-то по первому вопросу повестки дня, предстояло решить более сложный: что делать с Мелиссой?

За эти годы он привык следить за жизнью девочки, негласно опекать, радоваться успехам и переживать из-за неудач. Но все это было на расстоянии. И это его… устраивало? Да, пожалуй. Он всегда был одиночкой, у него не было родных и близких. Нельзя сказать, что он тяготился своим одиночеством. Просто не знал другого состояния.

И все же он ждал приезда девочки в Хогвартс. Ему казалось, что тогда в его жизни появится человек, который разглядит его за шелухой масок. Который уже его разглядел. Северус не мог забыть восхищенный взгляд четырехлетней крохи, когда он, как фея-крестная, организовал ей отдельную комнату в этом ее клоповнике. Мерлин, что же у него за жизнь, если это самое счастливое воспоминание за последние семь лет!

Нет, портить ей жизнь он не позволит, это даже не обсуждается! У местного Манджафоко(1) достаточно марионеток в личном театре. Обойдется!

Кроме того, Снейп уже весьма недвусмысленно дал понять своим старостам, что девочке необходимо помочь влиться в коллектив. И нейтральное отношение ей гарантировано. Остальное зависит от нее.

И все-таки. Что он будет делать теперь?

Как съязвил чертов Дамблдор, налаживать отношения с окружающими? Болтать о жизни? Пить чай с печеньем? А на каком основании? И с чего он взял, что это нужно девочке? По большому счету, все эти годы он был кем-то вроде почтовой совы. Часто у людей возникает желание поболтать с совой? Или попить с ней чай?

Возможно, лучшее, что он может сделать, это продолжать направлять издали и сохранять дистанцию. Дистанцию, как со всеми студентами-слизеринцами. Как со всем населением этого чертового земного шарика.

Да, пожалуй, это лучшее решение. Но почему тогда так паршиво?

***

Проснувшись рано утром, Мелисса села на кровати и, едва коснувшись ступнёй пола, отдернула ее обратно. Полы были ледяные. Да и не только они: в комнате, мягко говоря, было прохладно.

„И чего я ждала? Подземелья все же. Вряд ли в древнем замке есть система парового отопления. Странно, что я не замерзла ночью“.

Взяв палочку, Мелисса исследовала кровать. О диагностических чарах она знала уже где-то год: словесную формулу и движение рукой заучила, как „Pater Noster(2)“, а вот использовать еще не приходилось. Ну, не было в приюте заколдованных вещей!

Заклятие сработало. Кровать чиста, а вот на пологе были согревающие чары. С одной стороны, просто замечательно: ночью она точно не простудится. А с другой, ей же здесь не только спать. Значит, по поводу климата определенно нужно было что-то придумывать.

Мелисса, исходя из своих нынешних знаний и умений, видела всего два возможных решения проблемы.

Во-первых, те же самые согревающие чары, простенькие и не очень затратные. Она их знала и применять умела. Но подпитывать их постоянно? У нее, может, и потенциал, о котором ей все уши прожужжали, но она пока далеко не Моргана, чтобы шестнадцать часов подряд поддерживать заклинание в рабочем состоянии.

Второй вариант казался более перспективным: руны. Тут у нее опыта, конечно, немного. В сущности, нет вообще. Но почему бы не попытаться? Руны тем и хороши, что они либо сработают, либо нет. Кроме того, будучи однажды активированными, они могут действовать долго. Все зависит от силы, которую она вложит. А получится с комнатой, с одеждой будет еще проще. Она просто вышьет рунную формулу на подкладке всех мантий.

Решив вечером серьезно озаботиться этим вопросом, Мелисса выпрыгнула из кровати и, прокручивая в голове различные подходящие к ее проблеме рунные комбинации, побежала в душ.

Возникла очередная заминка: краны там были, а вот вентилей нет.

„Волшебница ты или нет!“ — возмутилась девочка собственному ступору.

Легкого магического прикосновения хватило, чтобы вода потекла. Чуть дольше пришлось корректировать ее температуру.

Покончив с водными процедурами, Мелисса оделась, погладила спящего на шесте ворона и, взяв сумку с книгами, вышла в общую гостиную факультета. У камина сидели старосты, Элен и Гектор, и тихо переговаривались. Заметив Мелиссу, они замолчали и пристально на нее посмотрели, явно ожидая чего-то.

Девочка поздоровалась и села на соседний диван. Были сомнения, может, стоит поинтересоваться, что они от нее хотят. Но, подумав, что язык у них есть, нужно будет — спросят, достала справочник по рунам и погрузилась в чтение.

Какое-то время царило молчание, а потом Берк, недовольно

покачав головой, поднялась.

– Ладно, Эванс. Идем в душевую, я тебе все покажу. Палочку не забудь.

Мелисса удивленно посмотрела на нее.

– Для чего, Берк? Я уже умылась.

Староста остановилась так резко, будто налетела на стену.

– Каким образом? Мы вчера не сказали тебе заклинание. Поэтому и сидим здесь в такую рань несусветную. Что ты использовала, Эванс?

– Магию, — продолжала недоумевать Мелисса. – Я, вроде как, колдунья.

– Без словесной формулы? — дошло до Элен. — Чистый поток энергии?

– Ну, поток — это громко сказано. Это же не высшая трансфигурация!

– Неплохо у маглов в приютах готовят к школе магии, — усмехнулся Гамп, потом повернулся к Элен и произнес. – Все, как мы и думали, Берк, она минимум полукровка. И явно хороших кровей.

– И какое отношение к этому имеют ванные комнаты? — удивилась Мелисса.

– Самое прямое. Маглокровки в Слизерине грязью зарастут. Изначально, как ты понимаешь, в замке не было системы канализации. Ее организовывали уже много позже. Корвин Гонт, ответственный за перестройку…

– Гонт? — переспросила девочка.

– Да, древний, уже угасший род. Потомки Величайшего змееязыкого. Так вот, сбила… Сейчас в школе, во всех уборных и душевых, кроме слизеринских, магловская система: вентили, рычаги, что там еще у маглов? А в нашем Доме нет. Либо заклинание, либо беспалочковая магия. Хотя бы на элементарном бытовом уровне. И чистокровных этому учат с детства. Чтобы банально в ванне с палочкой не мыться. Чему, кстати, Элен и собиралась тебя сейчас учить, — рассмеялся Гамп. — Не у всех сразу получается, но это не повод омагливаться!

– Да, мы считаем, что у факультета Слизерин самый верный подход, — подхватила Берк. — Магия для волшебника это вторая пара рук, вторая пара глаз. Ты не должна задумываться, заходя в темную комнату: зажигать Люмос или искать этот, как его…

– Выключатель? — уточнила Мелисса.

– Именно, — сказал Гектор. — Поэтому мы и удивились, когда декан вчера попросил нас помочь тебе освоиться, сказав, что ты из приюта. Видишь ли, Эванс, шляпа к нам даже полукровок практически не распределяет. Декан был последним

за Мерлин знает сколько лет! А ты слишком правильно себя ведешь. Плюс это кольцо. Я так полагаю, тебя спрятали у маглов во время войны. Непременно сходи к гоблинам, пройди проверку родства. Наверняка узнаешь о себе много интересного! Колдовать без палочки могут маги, в жилах которых течет древняя кровь. Маглорожденные на такое не способны в принципе.

Мелисса улыбнулась.

– Спасибо за совет. А что, наш декан — полукровка?

– Да, но он потомок древнего рода и очень силен, — ответил Гектор. — Кстати, не рекомендую обсуждать вопросы крови с представителями других факультетов. У них это считается неприличным.

– Дикие люди! — подхватила Элен. — Цель любого волшебника усилить свой род и закрепить в потомстве магические способности. И лучше все выяснить заранее, чтобы потом не было неприятных сюрпризов.

В гостиной стали собираться другие студенты, и разговор пришлось закончить. Старосты объявили, что в течение нескольких месяцев будут сопровождать первокурсников в столовую и на занятия, чтобы они не заблудились и привыкли к замку. После чего все направились на завтрак в Большой зал.

На столах стояли овсянка, оладьи и тыквенный сок. Боул и Хиггс выжидающе посмотрели на Мелиссу.

– Я написал вчера отцу. Думаю, свое кольцо получу только к обеду, — пояснил Люциан.

– Чисто, — сказала девочка.

Ребята, проголодавшиеся за два дня, положили себе огромные порции. Сделав глоток тыквенного сока, Мелисса поняла, что большей гадости в жизни своей не пробовала. Мальчики тоже кривились.

Не желая мучиться, она взмахом руки очистила стакан, а потом таким же образом наполнила его водой. Демонстративно хлопнув себя по лбу, Боул и Хиггс вытащили палочки и проделали ту же операцию. Правда, Теренсу пришлось колдовать вслух.

– Ну, ты сильна, — признал он. — Сможешь мне помочь с невербалкой? Она мне плохо дается. Родители очень недовольны.

– Можно попробовать, — согласилась девочка.

В этот момент, к ним подошел староста и раздал расписания уроков. С утра у них была сдвоенная трансфигурация, а после обеда сдвоенные зелья.

Причем все занятия проходили совместно с Гриффиндором.

„Интересно, — подумала Мелисса, — расписания специально составляются так, чтобы страв… укрепить межфакультетскую

дружбу?“

***

Профессор Макгонагалл в своей кошачьей ипостаси лежала на собственном столе и сурово поглядывала на первокурсников. В этот раз набор у гриффиндорцев был очень большим — двадцать шесть человек, а у слизеринцев всего пятеро. Значит, на всех занятиях кто-то постоянно будет сидеть в одиночестве. Зная по опыту, как дети любят все делать скопом, она ждала толкучки, давки, споров кто, где, с кем будет сидеть.

Но получилось не совсем так, как она думала. Эванс просто молча прошла и спокойно села одна за первую парту. Слизеринцы заняли два стола за ней. А вот ее гриффиндорцы чуть ли не побоище устроили, выясняя, кто и где будет сидеть. Причем первую парту во втором ряду никто занимать не хотел.

Слизеринцы смотрели на эти споры почти с жалостью. А поняв, что представители другого факультета униматься не собираются, пара „змеек“ — кажется, Роули и Селвин, — собрали учебники и пересели за этот несчастный, игнорируемый гриффинцорцами стол. Потом они посмотрели на однокурсников и подняли брови вверх, словно спрашивая: „Видели идиотов?“ Оставшиеся на месте слизеринцы дружно закатили глаза, будто отвечая: „Таких? Ни разу!“

Наконец, все расселись по местам. Прозвенел звонок, но Макгонагалл не спешила объявлять о своем присутствии. Класс снова начал гудеть. Оглядывая учеников и мысленно отмечая самых шумных, она столкнулась взглядом с Мелиссой Эванс, которая внимательно за ней наблюдала.

„Ах, да, — вспомнила Минерва, — я же превращалась перед ней. Что же, действительно, время. Пора!“

В прыжке профессор превратилась из кошки обратно в человека. Гул голосов сразу затих.

– Трансфигурация — один из самых важных и сложных разделов магии. Поэтому никакое нарушение дисциплины на моем уроке недопустимо…

После традиционной речи Макгонагалл продемонстрировала возможности трансфигурации: нужно было заинтересовать студентов. Она превратила свой стол в овцу и обратно. Ученики зашумели. В этот раз в предвкушении того, как они сами будут превращать предметы мебели в животных. Профессор быстро разубедила их в этом, объяснив, что, во-первых, это будет еще не скоро, а во-вторых, не все смогут овладеть трансфигурацией на подобном уровне.

Затем, собственно, началась лекция. Самая что ни на есть обычная вводная лекция. Две-три дельные фразы на пару пинт

воды: что такое трансфигурация, какая это важная наука и, конечно, как она им всем пригодится в жизни. Но в отличие от магловской школы не перечислялись ни выдающие мастера трансфигурации, ни открытия, которые они совершили. Только вскользь упоминались уже известные Мелиссе законы Гэмпа.

Хором повторив слова заклинания и проработав все вместе движение палочкой, студенты приступили к практическим занятиям. Профессор раздала каждому по спичке, которую нужно было попробовать превратить в иголку.

Пока она ходила по классу, наблюдая за первокурсниками, Мелисса, для которой это был давно пройденный этап, успела превратить спичку трижды.

Сначала без слов, жестов и палочки. Затем невербально, помогая себе взмахом руки. И, наконец, так, как они только что учились. Это было самое простое и быстрое превращение, поэтому Мелисса позволила себе немного пофантазировать. Иголка получилась очень красивой, с изящными узорами вокруг ушка. Когда, довольная собой, она откинулась на спинку стула, к ней подошла Макгонагалл.

Профессор схватила иглу и внимательно осмотрела со всех сторон. Затем, с минуту посверлив Мелиссу взглядом, она отменила превращение.

– Повторите, мисс Эванс.

Мелисса коротко взглянула на Макгонагалл, которая стояла перед ней, скрестив руки на груди, и взяла в руки палочку. Через секунду перед ней лежала точная копия предыдущей иголки.

В классе все замерли. Профессор трансфигурации, надо отдать ей должное, пришла в себя достаточно быстро, за какие-то секунд тридцать.

– Мисс Эванс, задержитесь после урока.

До конца занятий никто больше не смог превратить спичку, но посеребрить и заострить ее смогли четверо слизеринцев. Макгонагалл присудила им по баллу. Еще один гриффиндорец смог только заострить спичку и получил за это два балла. Студенты Слизерина лишь пожали плечами: любой тренер играет на стороне своей команды.

Прозвенел звонок. Макгонагалл задала длинное эссе, рекомендовала больше тренироваться и отпустила студентов. Боул и Хиггс предупредили Мелиссу, что дождутся ее, и также покинули аудиторию.

Девочка вопросительно посмотрела на профессора трансфигурации.

– Итак, мисс Эванс, несмотря на запрет, вы колдовали летом, — строго сдвинув брови, сказала Макгонагалл и, не дождавшись

ответа, возмутилась. — Почему вы не отвечаете?

– Простите, профессор, я не поняла, что это был вопрос.

– Вы осознаете, насколько это несправедливо по отношению к другим ученикам? Я требую объяснений. Теперь на законных основаниях, — язвительно сказала профессор.

„Ясно. Наш летний разговор не вписался в ее картину мира, — отрешенно подумала Мелисса. — Что ж, объяснимся, не будем разочаровывать“.

– При нарушении положений указа о разумном ограничении применения волшебства несовершеннолетними, министерство магии высылает нарушителю предупреждение, а его магическому опекуну копию, — процитировала девочка параграф указа и уточнила. — В администрацию школы Хогвартс поступало подобное уведомление от министерства?

– Насколько мне известно, нет. С чего вы взяли?

– Значит, я не колдовала летом, профессор, — спокойно сказала девочка.

– Вы понимаете, что это невозможно! Ребенок не может с первого раза выполнить трансфигурацию предмета, если никогда до этого не занимался.

– Да, профессор, понимаю. Вы мне убедительно это доказали.

– Что вы имеете в виду, мисс Эванс?

– Раз я не получила баллов, значит, трансфигурация мне не удалась, — пожала плечами девочка, слегка улыбнувшись.

У Макгонагалл от возмущения перехватило дыхание.

– Не забывайтесь, мисс Эванс! Преподаватель здесь я! — помолчав немного, она заявила. — Десять баллов Слизерину за отличную выполненную трансфигурацию. И минус десять баллов за пререкание с профессором. Можете идти, мисс Эванс.

Когда девочка подошла к двери, Макгонагалл произнесла медленно, словно размышляя.

– Кстати, я ведь могу потребовать вашу палочку для проверки…

Мелисса обернулась и также невозмутимо пояснила.

– Согласно положениям того же указа, изъятие палочки и ее проверку производит сотрудник отдела контроля над волшебством несовершеннолетних по письменному запросу министерства или аврората в присутствии декана факультета, на котором учится нарушитель.

Макгонагалл заскрипела зубами: ну, ничем ее не проймешь! А Минерве почему-то, она сама не понимала почему, очень хотелось, чтобы поведение девочки укладывалось в привычные рамки.

– Откуда вам это известно, мисс Эванс?

– Это новый для меня мир, профессор, я старалась узнать по максимуму. Незнание законов не освобождает от ответственности. Так маглы говорят.

***

Во время обеда у Люциана на руке уже было кольцо-артефакт.

– Хвала Мерлину, а то без него я стал ощущать себя голым, — пошутил Боул. — Тери, друг мой, не смотри такими завистливыми глазами. А то узнаю у Эванс, где она прикупила свой аксессуар, и подарю тебе такой в общей гостиной, встав на одно колено. Только тогда не рассчитывай на подарки к Рождеству и на день рождения.

– Договорились, Люц, ради такого случая, я готов даже взвизгнуть от восторга и упасть в обморок, как нервная девица, когда ты будешь признаваться мне в любви, — ответил ему Хиггс.

После обеда, вернувшись в свою комнату, Мелисса стала быстро собираться на зелья. В первую очередь она стянула волосы в тугой пучок, волосок к волоску, а в сумку сунула косынку, чтобы повязать ее на уроке. Она очень хорошо помнила одну из карандашных пометок в учебнике по зельям, что волос, случайно попавший в снадобье, может привести к неожиданным последствиям, иногда трагическим. Поэтому профессиональные зельевары либо стягивают волосы и надевают головной убор, либо мажут их специальным предохраняющим составом.

Перед кабинетом зельеварения уже столпились гриффиндорцы. Они явно опасались заходить. Видимо, старшие, более мудрые и опытные, товарищи успели поведать им о страшном профессоре Снейпе, сидящем на диете из гриффиндорцев и употребляющем их сырыми на завтрак, обед и ужин.

Увидев слизеринцев, они расступились. Усмехнувшись, ребята вошли в кабинет и сели так же, как на трансфигурации. Мелисса на первой парте в правом ряду, за ней Боул и Хиггс, а Роули и Селвин на первой парте в левом.

Только после этого решились рассесться остальные.

Мелисса положила на стол учебник, толстую тетрадь, в которую она выписала пометки из присланных ей книг по зельям и рецепты, показавшиеся ей интересными, и огляделась.

Кабинет был большой и зрительно делился на две части.

С одной стороны стояли два ряда парт, а перед ними преподавательская кафедра. С другой — два ряда маленьких котлов с приставными столиками и один котел побольше, явно для профессора.

Стены были увешаны полками, на которых стояли стеклянные банки с заспиртованными животными. За кафедрой виднелась

дверца, ведущая, вероятно, в кладовку с ингредиентами.

Со звонком в класс стремительно вошел мрачный профессор Снейп. Пройдя к своей кафедре, он резко повернулся. Все шевеление стихло, дети, казалось, боялись дышать.

Профессор открыл журнал и начал урок с переклички. Каждый раз, называя фамилию, он коротко смотрел на вставшего ребенка, пронизывая его взглядом так, что было очевидно: он всех запомнил с первого раза.

Закончив знакомство с классом, он сказал:

– Мы будем изучать очень точную и тонкую науку — зельеварение. Здесь не будет бестолковых взмахов волшебной палочкой, поэтому многим из вас будет сложно поверить, что приготовление волшебных снадобий — один из столпов магии.

Профессор говорил тихо, почти шепотом, но ученики отчетливо слышали и запоминали каждое слово. Сейчас любой в классе мог легко поверить, что не может быть ничего прекраснее медленно кипящего котла. Нет ничего волшебнее зелий, неуловимо меняющих оттенки и источающих тончайшие ароматы. Нет ничего сильнее снадобий, способных околдовать разум человека и поработить его чувства.

Рассказывая все это, профессор медленно ходил между партами. Подойдя к столу Мелиссы, он увидел ее тетрадь, взял в руки и стал листать. По мере того, как он переворачивал страницы, складка между бровями стала разглаживаться, а лицо слегка просветлело.

Положив тетрадь обратно, Снейп несколько секунд пристально смотрел на Мелиссу и вдруг резко спросил.

– Я пришел в аптеку и хочу срочно купить рог двурога и корень мандрагоры. В связи с чем у меня могло появиться такое желание, мисс Эванс?

– Вероятно, вы простудились и кашляете, профессор? И хотите приобрести ингредиенты для бодроперцового зелья.

– Возможно. Я не смог купить один из ингредиентов. Какой и почему, мисс Эванс?

– Рог двурога, профессор. Двурог очень редок, рог его достать сложно.

– Не найдя рог двурога, я приобрел другой ингредиент. Какой и почему?

– Возможно, истолченный в порошок рог румынского длиннорога? Он встречается чаще и обладает сходными свойствами, согласно статье в журнале „Практика зельеварения“ за авторством…

Снейп едва заметно качнул головой и перебил:

– И в чем опасность использования этого порошка?

– Если превысить дозировку, зелье становится ядом.

– Допустим, это произошло, и вы случайно выпили испорченное зелье. Ваши действия?

– К сожалению, мне придется украсть из вашего кармана безоар. Не хотелось бы умирать в столь юном возрасте, сэр!

Снейп усмехнулся уголком рта.

– Поясните классу, мисс Эванс, где можно достать безоар заранее, чтобы не пришлось прибегать к таким… самоубийственным методам.

– Если мы говорим, о самом действенном виде безоаров, о фитобезоаре, то в желудке козы, профессор, или другого жвачного животного. Но лучше купить в аптеке. Не думаю, что кто-то из нас готов свежевать козочку, сэр.

Все, раскрыв рты, смотрели на профессора и студентку, вошедших в азарт и перебрасывающихся вопросами-ответами, как мячом на теннисном матче.

Внезапно профессор, словно вспомнив об уроке, спросил.

– А что я могу сварить из крапивы, змеиных клыков, рогатых слизней и слизи флоббер-червя?

– Без четких пропорций и заданного температурного режима сложно сказать, но если ингредиентов в достатке, то зелье от фурункулов, сэр!

– Оно и является темой нашего сегодняшнего урока. Рецепт в учебнике на пятой странице и на доске, — Снейп взмахнул рукой, и на доске за его спиной появилась запись. — У вас есть час. Приступайте.

И добавил:

– Десять баллов Слизерину за блестящий и полный ответ.

Ученики раскрыли учебники на пятой странице и направились с ними к котлам, а Мелисса решила сначала прочитать рецепт на доске. Да, она так и думала: от книжного он отличался. Чуть изменено количество ингредиентов. И порядок действий несколько другой. По итогам, должно получиться… быстрее?

Слизеринцы, подошедшие было к котлам, увидели, что она задержалась. Боул вопросительно поднял брови. Мелисса указала подбородком на доску и слегка кивнула. Этого оказалось достаточным для того, чтобы все ее однокурсники вернулись к партам и стали сверять рецепты. Гриффиндорцы не обратили внимания на эту пантомиму, зато она не осталась незамеченной профессором зельеварения.

Мелисса внимательно переписала рецепт в тетрадь, перепроверила еще раз и, повязав голову платком на цыганский манер, направилась к котлу.

– Пять баллов Слизерину за соблюдение техники безопасности, — раздался голос Снейпа.

Он ходил по классу, следя за тем, как ученики взвешивают ингредиенты, режут их, толкут в ступке, периодически комментируя увиденное. Иногда весьма язвительно и едко.

„Не зря он самый молодой мастер зелий за последние триста лет. Вполне заслуженно, — восхитилась девочка профессором зельеварения, когда снадобье по рецепту с доски было готово через полчаса, вместо отмеченных в учебнике сорока пяти минут. — Экономия ингредиентов, времени и, судя по насыщенному цвету зелья, более высокий КПД“.

Снейп склонился над ее котлом.

– Десять баллов Слизерину за идеально приготовленное зелье. Пожалуй, оно пригодится в больничном крыле. Разлейте его по флаконам, — велел он и тут же спросил. — Воронку из какого материала будете использовать, мисс Эванс?

– Из того же, что и котел. В данном случае из олова, сэр, — ответила девочка, направляясь к кафедре, чтобы взять флаконы.

– Пять баллов Слизерину. Все запомните, зелья переливают только через воронку, сделанную из того материала, что и котел, в котором они варились, если, конечно, вы не хотите испортить результаты собственного труда.

К концу урока с зельем справились все слизеринцы и больше половины гриффиндорцев. Профессор собрал зелья на проверку, задал огромное эссе по свойствам слизи флоббер-червя, после чего всех отпустил.

_____

(1) Манджафоко — хозяин кукольного театра из сказки „Пиноккио“ (в общем, Карабас-Барабас).

(2) Отче наш (лат.)

= = = = = = = = = = ГЛАВА 15. Красные начинают, но проигрывают = = = = = = = = = =

После праздничного ужина Перси Уизли сидел в пижаме на своей кровати и с удивлением и неодобрением смотрел на своего друга. Оливер метался по гриффиндорской спальне и орал в голос.

– Нет, ты видел, Перси? Ты видел?! Я маглорожденная! Да я приютская! Вранье! Сколько она под шляпой сидела! Небось, уговаривала не посылать на Слизерин. Подлая двуличная змея!

– Мелисса нормальная девчонка! Она не сделала нам ничего плохого.

– Значит, еще сделает! Ты что не понимаешь? Она притворялась, а сама наверняка из пожирательской семейки. Эх, зря я ей после ужина все не высказал! Ну, ничего. Это не такой

большой замок!

Перси не мог понять, что нашло на Вуда. Сначала Оливер был лишь удивлен распределением Мелиссы, но не больше. Не было такой бурной реакции. Зато к концу ужина у него буквально снесло крышу. Он говорил только об этом. И успокаиваться не собирался. Казалось, ему доставляет удовольствие себя накручивать.

Оливер начал строить какие-то завиральные теории о генеалогическом древе Эванс. Договорился даже до того, что она чуть ли не тайная дочь Того-кого-нельзя-называть. Мол, в противном случае человек, росший у маглов, не мог бы попасть на Слизерин.

Перси искренне казалось, что по Мелиссе Эванс горькими слезами плачет Рейвенкло. Но раз так получилось, что с того? Это же не отменяет факт, что она умная, приятная и… красивая. Подумав об этом, он покраснел.

Признаться по совести, Перси, иногда повторяющий вслух клише про факультет темных магов, в душе был не так уж уверен в их справедливости.

Да и как могло быть иначе? Он никогда никому об этом не рассказывал, но год назад шляпа очень даже сомневалась, куда его отправить. И искренне советовала рассмотреть «зеленый» вариант. Перси тогда отказался. Во-первых, как можно было поступать в Слизерин, если дом полон правоверных гриффиндорцев? А во-вторых, и это главное, он из семьи предателей крови. Приняли бы его «змеи»! Как же! С оркестром, цветами и обедом из трех блюд.

Перси прекрасно отдавал себе отчет, что его конформизм не свойственен «красному» факультету. Но и темным магом себя абсолютно не чувствовал.

Кстати, об обеде. Как же хочется есть! Вот что за манера ставить на праздничный стол только жирные блюда и сладости? Совершенно никакого представления о рациональном питании. Впрочем, как и у мамы. Перси искренне не понимал, зачем объедаться, чтобы потом пить зелья или мучиться животом.

Ему было лет девять, когда его отец, всегда таскавший в дом магловские вещи, приволок огромный чемодан с книгами. Самыми разными. И абсолютно не такими, как магические.

В большой семье, как говорится, клювом не щелкают, поэтому на чемодан набросились всем коллективом и художественную литературу размели мгновенно. Перси, не любившему рвать из рук, досталось то, что не приглянулось никому из домочадцев: публицистика. Несколько мотивационных брошюр и книга о здоровом образе жизни.

Педантичный Перси внимательнейшим образом изучил их все. И понял, его категорически не устраивает нынешняя жизнь. От распорядка дня до положения в обществе.

Ему безумно захотелось все изменить. Оглядевшись вокруг и трезво оценив свои возможности, он начал с реального. С себя. С тех пор его жизнь стала напоминать вокзальное расписание. Отбывает поезд «сон» — прибывает поезд «водные процедуры». Отбывает поезд «водные процедуры» — прибывает поезд «завтрак». Все было подчинено приближению светлого завтра. И не последнее место в его плане занимал правильный образ жизни.

Он, Перси, должен быть в прекрасной форме, чтобы не сойти с полпути, добиться успеха и суметь насладиться его плодами. А магловская книжка его напугала: гипертония, избыточный вес, одышка, закупорка сосудов и преждевременная смерть. Нет, этого не будет! Родители и братья смеялись над ним, когда во время семейных обедов он буквально выковыривал из кулинарных творений матери полезные составляющие.

Перси было плевать на насмешки. Еще не известно, кто будет смеяться через двадцать лет. Он или преждевременно состарившиеся близнецы. Да, они волшебники, и многие проблемы со здоровьем можно решить зельями. Но не все. И не всегда.

В первый свой год в Хогвартсе на праздничном банкете он был шокирован продуктовым набором на столе. Сплошной жир, холестерин и сахар. Он и пальцем не прикоснулся к этому кошмару под названием «скажи своей печени прощай». Если так будут кормить каждый день, он же умрет с голода! Но, хвала Мерлину, подобные изыски подавались только два-три раза в год, а разгрузочные дни еще никто не отменял, поэтому можно и потерпеть.

– Перси! — вывел его из раздумий вопль Вуда. — Ты меня не слушаешь!

Закатив глаза, Перси сказал, что устал, пожелал другу доброй ночи, забрался в постель и задвинул полог.

На следующий день Оливер продолжил свой концерт. В любую свободную минуту: за завтраком, в перерывах между парами, за обедом. Перси стало это утомлять. Да что с ним такое? Сколько можно! Он искал возможность сбежать от приятеля и был счастлив, когда его брат Билл попросил забрать первокурсников из класса зельеварения.

– Меня Макгонагалл графиками нагрузила, я не успеваю. Ты же хочешь в будущем стать старостой? — беззлобно поддел его брат. — Репетируй!

В этот момент на плечо Перси опустилась рука Вуда.

– Я пойду с тобой. Мы не подведем тебя, Билл, — заявил Оливер.

Старший Уизли согласно кивнул, а Перси мысленно застонал.

***

Старосты Слизерина и Гриффиндора еще не пришли за первокурсниками, видимо, задержались на своих занятиях. Студенты ждали их у класса зельеварения, разбившись на группы. Они тихо переговаривались, делясь впечатлениями от прошедшего урока, когда со стороны лестницы послышался жизнерадостный крик.

– Ну, что, ребята, все живы?! — появились Оливер Вуд и Перси Уизли. — Билл занят, поэтому просил довести вас до гостиной.

Тут они заметили Мелиссу, стоящую со своими одноклассниками.

– Кого я вижу! — громко сказал Вуд. — Подлую змею, маскировавшуюся под порядочного человека! Но шляпа-то вывела тебя на чистую воду!

Перси схватил его за руку и потянул в сторону выхода из подземелий, что-то шепча на ухо.

Мелисса недоуменно взглянула на Вуда и холодно поинтересовалась:

– Тебе плохо? За завтраком попался прокисший тыквенный сок, и обострилась язва? Хочешь, я попрошу нашего старосту проводить тебя в больничное крыло, пока не стало поздно.

– Я принципиально дел со змеями не имею! Старосту она попросит! — кривлялся Вуд. — Если хочешь знать, от одного твоего вида становится плохо!

– Значит, твое здоровье в твоих руках, Вуд. В другом месте тебе будет легче, — девочка отвернулась, показывая, что разговор окончен.

– Всего день на змеином факультете, а зашипела, как они, — взорвался от подобной невозмутимости Оливер, сбрасывая руку все еще пытающегося остановить его Перси. — Или ты этому у вашего сальноволосого урода Снейпа научилась?

В коридоре наступила гробовая тишина.

Кровь отлила от лица Мелиссы. Сзади нее сжали кулаки Боул и Хиггс, готовые уже броситься на Вуда, который оскорбил их однокурсницу и декана.

– Вуд, — опередила их девочка, – ты, кажется, играешь в квиддич?

Все оторопели от неожиданного вопроса, и он сам в том числе.

– И что?

– Да ничего. Если во время матча посчастливится сломать руку или ногу, ты уж воздержись от лечения костеростом. Тебе вообще все зелья больничного крыла противопоказаны. Ведь их варит так не любимый тобой профессор Снейп. Давай-ка, лечись магловскими способами. Полежи пару месяцев в гипсе, не шевелясь. У тебя принципы? Вот и докажешь, — говорила Мелисса тихим от еле сдерживаемой ярости голосом. — А если не готов, то немедленно возьми свои слова обратно.

Перси еще раз дернул Вуда за рукав. Он понял: Эванс предлагает приемлемый выход из ситуации. Но Оливер закусил удила. Настолько он был зол, что понравившаяся ему девчонка, которая казалась нормальной, своей, попала на Слизерин, чем полностью расписалась в своей подлости и двуличности. И вот теперь она стоит перед ним и еще что-то выговаривает.

– А если не возьму, что тогда?

– Тогда я сломаю тебе нос.

– Слабо! И да, еще раз скажу — сальноволосый урод!

Мелисса стремительно подошла к нему и резко выбросила кулак вперед.

– Эванс! — раздался громкий голос.

Ее рука замерла в дюйме от изумленного лица Вуда. Она обернулась.

За столпившимися первокурсниками стоял бледный профессор Снейп.

– Эванс, в мой кабинет, — тихо сказал он. — Вуд…

Оливер судорожно сглотнул и сжался.

– После того, как выполните поручение старосты и отведете первокурсников в гостиную Гриффиндора, рекомендую зайти в гости к своему декану. Полагаю, вы знаете, что ей сказать. Имейте в виду, я слышал каждое ваше слово.

В этот момент в коридоре появилась Элен.

– Мисс Берк, вы непростительно опоздали, — констатировал Снейп. — Проводите одноклассников. Эванс вернется позже.

Он открыл дверь в свой кабинет, пропустил Мелиссу и вошел следом.

***

Снейп сидел в кресле и пристально смотрел на стоящую перед ним девочку. Затем он несколько раз взмахнул палочкой, накрывая кабинет звуконепроницаемым пологом и накладывая несколько сигнальных заклинаний, и тихо спросил:

– И что же вы собирались делать, мисс Эванс?

– То, что и обещала, сэр. Сломать ему нос.

– И что бы это дало?

– Возможно, он бы понял, как полезно думать, прежде чем что-то брякнуть. Потому что за некоторые слова, извините меня за мой французский(1), бьют морду.

– За драку я бы загрузил вас отработками в зельеварнях до конца года.

– Это наказание или поощрение, сэр? — уточнила девочка.

Снейп хмыкнул, немного помолчал и задумчиво произнес:

– Я знаю обо всех своих прозвищах. Они мне безразличны.

– Они не безразличны мне! Ты самый лучший! И я никому не позволю… — напускное спокойствие слетело с девочки, и она, не договорив, кому и что именно не собирается позволять, порывисто обняла сидящего профессора за шею и уткнулась носом ему в плечо, как тогда, семь лет назад.

«Это становится традицией, — подумал он. — За меня вступаются женщины по фамилии Эванс. Сначала мать, а теперь и ее дочь. Точно так же».

В голову вдруг закралась предательская по отношению к Лили мысль: нет, не так же! Не театрально, без позы: ну, перестаньте, ну, не надо. А по-настоящему: заткнись, а не заткнешься — врежу. И ведь почти врезала!

И смешно, и радостно. Смешно, потому что его защищает девчонка на семнадцать лет младше. А радостно, оттого что он кому-то нужен. Он для кого-то лучший. От осознания этого на сердце стало тепло. Так тепло, как еще никогда в жизни.

«Буду налаживать отношения! И болтать о жизни, и пить чай с печеньем!» — подумал он, обнял ее в ответ и сказал первое, что пришло в голову:

– Значит, ты меня не забыла, малыш.

– У меня прекрасная память.

– Это я знаю. Но мало ли… Нос, стало быть, собралась ломать? Как тебя вообще распределили на Слизерин с таким прямолинейным подходом?

– Угрожала шляпе, обещала спалить ее, не сходя с табурета.

– То есть ты не только драчунья, но еще шантажистка и пироманка? — тихо рассмеялся он.

– А я всесторонне развита. Благодаря одному профессору зельеварения.

Снейп отстранил девочку от себя и указал ей на соседнее кресло.

– Значит так. Напряги свою великолепную память и вспомни, что говорила староста: на провокации не поддаваться. Кто бы что ни говорил. А говорить будут много: я личность весьма непопулярная. Не спорь! — он жестом остановил Мелиссу. — С глупыми школьниками разберусь сам. Подключать тяжелую

артиллерию в виде твоих кулаков — бессмысленное расточительство.

Девочка кивнула, а он продолжил.

– Я постараюсь, чтобы сегодняшняя история продолжения не имела. Но! Тебя на душеспасительную беседу может вызвать директор. У него в кабинете чай не пить, конфеты не есть! У тебя диета, диабет, что угодно.

Девочка едва заметно скривилась.

– Претензии к администрации? — поинтересовался Снейп.

– Разные кулинарные и музыкальные предпочтения, ну и еще по мелочи, — пробормотала Мелисса. — Можно задать сложный вопрос?

– Любой степени сложности, — он голосом выделил первое слово. — Мои комнаты максимально защищены от любых видов слежки. Считай, что у меня паранойя.

– Это как раз достоинство: параноики умирают последними. Сегодняшнее выступление Вуда может быть результатом праздничного ужина?

Снейп нахмурился.

– С большой долей вероятности. Мне не известен набор зелий во вчерашней еде, но полагаю, что они воздействуют на разум, так как… — он замолчал, предлагая продолжить.

– Никто не умер и не заболел, — сказала Мелисса.

– Именно. Существует широкий спектр снадобий, позволяющих усилить подозрительность, неприязнь, отключить критическое восприятие происходящих событий. Причем как с временным, так и с постоянным эффектом. Кроме того, — он потер подбородок, — схожей реакции можно добиться с помощью ментальных закладок. Сомневаюсь, что это тот самый случай, но исключать ничего нельзя. Поэтому при встрече с директором старайся не смотреть ему в глаза. Изображай смущение, волнение, что-нибудь в этом роде. Он весьма опытный маг разума. Палочковая легилименция — прямая дорога в уютную камеру Азкабана, а беспалочковая невербальная наиболее эффективна при зрительном контакте.

Лицо девочки неожиданно залилось румянцем, она опустила голову, ссутулилась и, закусив губу, уставилась на свои коленки.

– Что? — не понял Северус.

– Так сойдет? — улыбнулась она. — Я выгляжу достаточно смущенной и взволнованной? Или добавить еще, не знаю, нервную дрожь?

Опешивший Снейп покачал головой.

– Да у вас масса талантов, мисс Эванс! Я поражен!

– Это что! Диалог с пакетом хлопьев — вот где актерское

мастерство!

Северус фыркнул.

– Колпак Годрика действует по тому же принципу?

– Умная девочка. И догадливая.

– Шляпа не смогла меня прочитать. Решила, что я вся в амулетах, как рождественская елка. На моем медальоне еще и защита от считывания разума?

Северус удивленно посмотрел на девочку.

– Нет, медальон — это сигнализация и маяк. Он отслеживал состояние твоего здоровья и сторонние угрозы. Если бы с тобой что-то случилось, я бы аппарировал по заданным им координатам.

– Как тогда в Софию? — расплылась Мелисса в широкой улыбке.

– Да, — задумчиво произнес Снейп, а потом сердито сдвинул брови. — И не думай, что я забыл об этом вопиющем случае. Мы еще обсудим твое поведение.

– А ты, правда, перенесся туда в тапочках?

Северус не смог удержать суровое выражение лица, услышав восторженный тон, которым был задан этот вопрос.

– Да, и спасибо за незабываемый опыт. Но об этом позже. Если судить по заявлению шляпы, у тебя природные способности к окклюменции. Сейчас я бы хотел оценить, насколько ты сильна и чему стоит уделить особое внима…

Сработали сигнальные чары. Лицо профессора зельеварения мгновенно изменилось: оно превратилось в презрительную и недовольную маску. Глаза стали холодными, брови сошлись на переносице, губы искривились.

«Наверняка Минерва!» — прошипел он.

Услышав его слова, Мелисса поднялась с кресла, чинно сложила руки в замок и уставилась в пол, придав лицу выражение глубочайшего стыда и искреннего раскаяния.

Северус одобрительно кивнул.

Раздался короткий стук в дверь, и в кабинет буквально влетела профессор трансфигурации, таща за собой Оливера Вуда.

– Профессор Снейп, Вуд поведал мне о своих подвигах и хочет вам что-то сказать.

– Профессор Макгонагалл, мне искренне не интересно, что мне хочет сказать ваш Вуд, — лениво протянул Снейп. – Все, что мог, он уже сказал.

Оливер судорожно сглотнул.

– Северус, хочу напомнить, что ваша студентка — мягко начала Макгонагалл, указывая подбородком на Мелиссу, — собиралась ударить моего ученика, угрожала сломать ему нос и

почти претворила свои планы в жизнь. Вы же понимаете, что я могу принять меры.

Снейп с веселой злостью смотрел на Макгонагалл, видимо, находя ее весьма забавной.

– Минерва, это прелестно! Что ж, снимайте с мисс Эванс баллы. Однако я в своем праве, во-первых, сделать то же самое по отношению к этому «благородному» и «храброму», — он с непередаваемым сарказмом произнес эти два слова, — студенту. А во-вторых, потребовать даже не перед директором, нет, — зачем? — перед попечительским советом исключения вашего очаровательного протеже.

Только представьте! Ученик, публично оскорбивший профессора. Практически в лицо. С такой выдумкой, я бы даже сказал, с огоньком. И трогательная маленькая девочка, защищающая своего учителя. Картина маслом, не находите? Первокурсница, горя огнем справедливого негодования, пытается достучаться до разума недоросля, который выше, старше и сильнее ее. Достучаться в прямом смысле этого слова. Думаю, совет в полном составе всплакнет от умиления!

Вуд был уже чуть ли не на грани обморока.

– Северус, — сдала назад Макгонагалл, — я совершенно не заинтересована в том, чтобы этот конфликт получил развитие, и не собираюсь обострять. Но поймите, речь идет не только о Вуде: он будет отрабатывать у Филча до конца года. Эванс должна уяснить, что в Хогвартсе не поощряют членовредительство. Даже словесная угроза неприемлема! Ее тоже следует наказать и…

– Минерва, тут вы можете быть спокойны. У нас был серьезный разговор с мисс Эванс, и она дала мне слово, что не будет пачкать руки.

– Северус!

– Да, Минерва, — стальным тоном сказал Снейп, — именно пачкать руки. Наказание мисс Эванс я назначу сам, без ценных указаний с вашей стороны.

«И спасибо за предоставленную возможность удовлетворить пожелание дорогого начальника!» — подумал он.

– Думаю, три месяца отработок в зельеварнях научат вас, мисс Эванс, не мараться в будущем, — Северус обернулся, посмотрел на Мелиссу, едва заметно ей подмигнул, а потом снова обратился к Макгонагалл. - И Минерва, я искренне надеюсь, вы донесете до горячих голов на вашем факультете: если они воспылают жаждой мщения, — а месть, бесспорно, чувство святое и благородное! — и захотят что-то сделать мисс Эванс, я бы на их месте тысячу раз подумал, а стоит ли? Подумал и решил: нет, не стоит! На этом давайте завершим нашу интереснейшую

дискуссию. Никаких дополнительных санкций по отношению к студентам Гриффиндора в связи с этим инцидентом не будет. Я рассчитываю на ответную любезность с вашей стороны. В противном случае…

– Конечно, я также не стану третировать ваших студентов. Мисс Эванс, — Макгонагалл с нескрываемой неприязнью посмотрела на Мелиссу, — вы можете ожидать от меня адекватной оценки своих знаний и умений. Что ж, до встречи, Северус. Вуд, за мной!

Профессор трансфигурации развернулась на каблуках и вышла из кабинета. За ней, спотыкаясь, плелся совершенно разбитый Вуд, казалось, не верящий, что все закончилось для него практически без последствий.

Выждав несколько мгновений, Снейп снова уселся в кресло и жестом указал Мелиссе на соседнее. Какое-то время они молчали, а потом девочка покачала головой и взглянула на профессора.

– Сэр, это было нечто! Высший пилотаж! Надеюсь, лет через десять я смогу так же непринужденно вести подобные беседы.

Снейп пристально посмотрел на нее, словно подозревал, что она издевается, а потом усмехнулся.

– Вы себя явно недооцениваете, мисс Эванс. Учитывая ваши актерские способности, думаю, это произойдет гораздо раньше.

– Можно сказать, красные(2) начинают и проигрывают?

– Скорее, им присуждено техническое поражение за неспортивное поведение. Будет матч-реванш, — ответил профессор, а потом спросил. — Что у вас произошло с Минервой? Чего я не знаю? Кратко и по существу.

– Я ее раздражаю. Не укладываюсь в ее картину идеального мира. Торчу из рамы по всему периметру. Думаю, она хотела бы, чтобы я изменилась.

– Мое мнение тут решающее. А меня все устраивает. Так что ей придется это пережить. С этого дня я проверяю все твои задания по трансфигурации. Отработки начинаем сегодня. После ужина в семь. Опоздания будут строго наказываться новыми отработками. Поэтому если вы, мисс Эванс, не хотите отрабатывать и после окончания школы, то…

– Да, сэр! Все понятно, сэр! — отрапортовала девочка. — Я обязательно опоздаю несколько раз, если позволите.

Снейп улыбнулся и согласно кивнул.

– Итак, к вопросу защиты разума. Если ты мне доверяешь, то…

Он не успел закончить, как Мелисса, возмущенно буркнув «что, значит, если», посмотрела ему прямо в глаза.

– Природные способности имеются. И неплохие, — задумчиво

протянул он через какое-то время. — Что ж, это может быть одной из причин, почему ты с детства легко пользовалась невербальной беспалочковой магией.

Мелисса вопросительно посмотрела на него.

– Невербальные заклинания начинают проходить только на шестом курсе, потому что дети не способны долго концентрироваться на чем-то конкретном. А успех в невербальной магии зависит именно от дисциплины разума. Можно сколь угодно долго пытаться наколдовать простейший невербальный Люмос, но, если в этот момент думать, допустим, о квиддиче или цветочках на лугу, ничего не получится.

Еще сложнее невербальная беспалочковая магия. Тут необходимо четко представлять конечный результат и аккуратно дозировать и направлять силу. Воображение, концентрация, направленность — три столпа сильного мага.

Природные способности к ментальным техникам уже говорят об особой организации разума. Это своего рода карт-бланш. Все зависит от волшебника. Будет он оттачивать свои таланты или растеряет их.

Снейп пристально посмотрел на девочку и спросил:

– У меня сложилось впечатление, что ты самостоятельно занималась окклюменцией, я прав?

– Летом я нашла несколько книг во «Флориш и Блоттс» и делала упражнения. Не знаю, получилось ли у меня что-нибудь дельное.

– Да, вполне. Природная защита — это лишь один барьер. А я насчитал три, — сказал он. — Но обо всем по порядку. Ты ощутила вторжение?

– Очень смутно. На границе сознания. Как ногтем по стеклу.

Профессор удовлетворенно кивнул.

– Я был осторожен, как если бы пытался залезть в голову к Дамблдору. Но ты все равно почувствовала. Сначала природный барьер. Видимо, подсознательно ты считаешь сейфы самым безопасным местом, поэтому первый уровень — сейфовая дверь. Весьма мощная. Пришлось поломать голову над тем, как ее вскрыть. Но было бы неплохо еще и замаскировать ее. И над этим мы будем работать.

Потом я был неприятно удивлен: картотека воспоминаний. Организация разума по принципу «библиотека-картотека» считается самой наивной и прозрачной, об этом упоминается во всех пособиях по ментальным техникам. Книги ты читала, занималась по ним, но, тем не менее, выбрала именно этот вариант. В первый момент я был весьма разочарован.

Девочка открыла было рот, но Снейп уже продолжал.

– Но только в первый момент. Ты ведь пошла от противного? Снимаю шляпу. Весьма оригинальное решение. Большинство магов осваивало магию разума по одним и тем же учебникам, и, попав в твою голову, многие подумают точно так же: цель достигнута. Начнут открывать ящички, рыться в карточках. В поддельных, фальшивых карточках… Хочешь спросить, как я догадался? — он заметил вопрос в ее глазах.

– Нет, — Мелисса отрицательно покачала головой. — Я хочу спросить, как ты догадался так быстро.

Профессор с еще большим интересом посмотрел на нее.

– Да, нюанс. Видишь ли, я весьма сведущ в этом вопросе, поэтому меня насторожило следующее: карточки были своего рода словарными статьями. Без твоего личного отношения, без чувств, без образов, близких тебе. Связав с ними несколько реальных сцен из своей жизни, абсолютно незначительных, из которых ничего нельзя вытянуть, ты сделала бы этот уровень защиты максимально правдоподобным. И над этим мы…

– …будем работать, — улыбнулась девочка.

– Несомненно. В любом случае редкие маги, проникшие на этот уровень, будут копать дальше.

– И один из них сидит напротив меня.

– А второй в кабинете за горгульей, — слегка помрачнел Снейп. — Что ж, следом были зеркальные щиты. Это уже недвусмысленно, как ров с крокодилами. Тут любой насторожится: от меня что-то прячут, и прячут усиленно. Но, если до этого ты меня не сдерживала, тут начала сопротивляться. И весьма эффективно.

Он уважительно посмотрел на нее.

– Первый раз в моей жизни кто-то пытался сбить меня, представляя, как пишет на листе бумаги таблицу умножения римскими цифрами. Возьму на вооружение. Как возникла такая идея?

– Только не смейся! Из фантастических романов. Многие писатели полагают, что телепат не сможет прочитать мысли, если сосредоточиться на чтении стихов или перемножении больших чисел. А поскольку легилимент считывает разум не в виде слов, а в виде мыслеобразов, я решила, что подобная шизофреническая картинка будет наиболее действенной.

– Хм… Я буду тебя учить, но и спрашивать буду по полной программе. У тебя все шансы выйти на уровень самого сильного известного мне легилимента.

– И кто он?

– Ваш покорный слуга, мисс Эванс. А пока помни главное: в реальном поединке умов достаточно на секунду отвести взгляд

или моргнуть, и противнику придется начинать все сначала.

Мелисса улыбнулась.

– Кстати, об учебе. Можно записаться на вводный курс зельеварения?

Снейп уставился на нее.

– За семь лет, что я преподаю, ты первый человек, который изъявил желание посетить эти занятия. И ты абсолютно в них не нуждаешься, судя по качеству сваренного тобой зелья. Этот курс для маглорожденных был моей инициативой, ведь чистокровных к Хогвартсу готовят заранее. Но студенты, видимо, считают, что варить зелье — то же, что суп.

– Может, они просто не знают, что есть такая возможность? — девочка вынула из медальона письмо из Хогвартса и протянула ему.

Он долго разглядывал лист пергамента, не понимая, в чем, собственно, дело, пока не заметил мелкие буквы в левом нижнем углу. Перевернув пергамент, Снейп нахмурился. Потом встал и нервно прошелся по кабинету.

– «Ваше предложение столь ценно и своевременно, Северус! Мы внесем изменения в письма!» — цедил он сквозь зубы, явно кого-то передразнивая. — Только сапсан(3) это разглядит! То есть никому ничего не надо? Мне тем более! Плодите недоумков дальше!

Он устало сел в кресло и, потирая переносицу, уставился в пустоту.

– А может, мы будем заниматься не только ментальными техниками, но и зельями? Если ты захочешь, конечно. Я училась резать ингредиенты на овощах. Ты бы видел, как мастерски я стругаю морковку!

Снейп хмыкнул.

– Тебе действительно понравился мой предмет?

– Да! Кроме того, глупо упускать возможность учиться у самого молодого мастера зелий за триста лет, самого талантливого исследователя столетия, по мнению журнала «Практика зельеварения».

– Ты и это знаешь! — его губы дернулись в довольной улыбке. — Где ты вообще взяла этот журнал? Только не говори, что оформила подписку в ближайшем к приюту почтовом отделении.

– В лавке старьевщика на Косой аллее. Там газеты и журналы валяются просто кучами. Я полистала. Твое имя почти в каждом выпуске.

– Что ж, почему бы и нет. Итак, вечером отработка. С собой принести хотя бы набросок эссе по трансфигурации. Кстати, я надеюсь, это понятно, что не стоит афишировать наше давнее

знакомство, а на людях меня нужно называть «профессор», «сэр» и на «Вы»?

Мелисса укоризненно на него посмотрела.

– Я произвожу впечатление круглой дуры?

Снейп поднял руки в примиряющем жесте.

– Сейчас возвращайся в гостиную. И передай там: месть откладывается. В этот раз ничего не будет. Но план пусть запишут. Пригодится в будущем!

***

В гостиной собрался почти весь факультет. Когда Мелисса вошла, все уставились на нее. Гектор встал и спросил:

– Ну что, Эванс? Что сказал декан?

– Что месть отменяется, но просил записать план на будущее.

Все дружно засмеялись, а Элен сказала:

– Уже! В нескольких вариантах. Разной степени жестокости. Ты — молодец! Мало того, что заработала кучу баллов, так еще и грифов умыла.

Немного побурлив, слизеринцы разбрелись по гостиной и комнатам: до ужина еще достаточно времени, можно заняться своими делами.

Рядом с Мелиссой остались только первокурсники полным составом. Какое-то время они молчали, а потом Роули сказал:

– Эванс, мы тут подумали: нам всем стоит держаться вместе. Это будет правильно с точки зрения безопасности. Лишние свидетели, лишние палочки и лишние кулаки пригодятся.

– Да, и готовиться к занятиям вместе проще, — добавила Селвин. — Нас наверняка на трансфигурации будут гонять. И не только на трансфигурации. Нужно быть готовыми на двести процентов.

Торфинн кивнул головой, соглашаясь с Селиной.

– Я знаю, что вы с Боулом и Хиггсом приятельствуете. Мы с Селвин хотели бы присоединиться к вашей компании. Люциан и Теренс не возражают. Осталось твое слово.

– Я согласна.

Боул и Хиггс улыбнулись и спросили:

– Какие у кого планы на вечер? Есть предложения, Мелисса?

– Я собиралась до ужина сходить в библиотеку, поискать материал для эссе по трансфигурации. Да и вообще хотела оценить ассортимент местного книгохранилища.

– Ну, в библиотеку пойдем все вместе, — заявил Роули. — Откладывать нечего. Мне понравилось выглядеть умнее грифов, поэтому буду продолжать в том же духе. На ужин тоже идем скопом. Кольца-артефакты есть пока только у вас с Боулом. Нам с Селвин на празднике повезло — сидели рядом с Берк, она нас

тормознула.

– Полагаю, нам всем надо приобрести нечто подобное, — сказала Селина. — Сегодня же пошлю свою сову на Косую аллею. Хиггс, Роули, можете сдать мне деньги, чтобы не гонять птицу лишний раз. Артефакт, конечно, не дешевый — тридцать галлеонов, но это вложение полностью окупится. Не придется тратить деньги на целителей из Мунго.

Роули, не теряя времени даром, полез в карман мантии и перебросил Селине мешочек с деньгами.

– Тут ровно, Селвин. Как раз все мои карманные на полгода вперед. Придется экономить буквально на всем. На золотых запонках, омарах на обед, — вздохнул Торфинн, — как страшно жить на этом свете!

– А ты, Хиггс, — Селина, улыбаясь шутке Роули, обернулась к Теренсу.

Хиггс покраснел и замялся. Лишних тридцати галлеонов у его семьи не водилось.

– Возьми, Селвин, — Боул протянул деньги через плечо приятеля. — Я обещал старине Теренсу сделать подарок на все праздники вперед. Держу слово. Да, Тер, не забудь завизжать и упасть в обморок. Ты клялся. У меня есть свидетель, правда, Эванс?

Все облегченно рассмеялись.

– Надо все-таки выяснить, что же нам подливают. И никаких идей, как это сделать. Надеюсь, других сюрпризов не будет, — задумчиво произнес Роули.

– Будут, — Мелисса, обдумав все за и против, решила предупредить новых приятелей. — Мне тут одна птичка на хвосте принесла…

Она подошла к столику, достала из кармана обрывок пергамента и быстро написала: «Нельзя смотреть директору в глаза, есть и пить у него в кабинете».

После того, как все они прочитали ее запись, воцарилось глухое молчание. Мелисса взмахом руки подожгла пергамент, пробормотав «Мембранум инфламмо»(4), и кинула горящий лист в камин.

– Ты владеешь беспалочковой магией, — потрясенно сказал Торфинн.

Казалось, это поразило его даже больше того, что Великий светлый маг — любитель копаться в чужих мозгах и пичкать студентов невесть чем.

– Это еще что, Роули. А невербальной беспалочковой не хочешь? — ухмыляясь, сказал Боул. — Мы с Тери сами видели, как за завтраком прелестная мисс Эванс очень эффектно и

элегантно, одним движением своей изящной руки поставила жирный крест на годах нашей с ним подготовки к Хогвартсу. Ибо наши замечательные педагоги смогли обучить нас только невербальной палочковой.

Ребята какое-то время смотрели на Мелиссу, а потом Селина Селвин утвердительно сказала:

– Ты нам поможешь.

– Я честно попытаюсь.

_____

(1) «Pardon my French» — это устойчивое выражение, действительно, пришло к нам из английского языка.

(2) В Англии популярны красно-белые шахматы (цвета св.Георгия, покровителя Англии). Например, в книге Л.Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» персонажем является именно Red Queen (в русском переводе Черная Королева).

(3) Сапсан — хищная птица семейства соколиных. Обладает самым острым зрением среди птиц (8 км).

(4) Membranum Inflammo — дословно с латыни «поджигаю пергамент».

= = = = = = = = = = ГЛАВА 16. Если у вас паранойя, это еще не значит… = = = = = = = = = =

Хогвартская библиотека поистине поражала своими размерами. Это был огромный зал, залитый в эту минуту радужным потоком солнечных лучей, проникающих через мозаичные окна, с бесконечными рядами больших шкафов, набитых книгами. Рядом со шкафами стояли высокие приставные столики на тонких гнутых ножках. В центре зала было несколько длинных столов с удобными стульями.

Недалеко от входа располагалась массивная стойка из красного дерева, отгораживающая рабочее место библиотекаря и картотеку поиска книг. Волшебную картотеку, разумеется.

Достаточно было произнести вслух интересующее понятие — не забыв, естественно, предварить его правильным заклинанием и сопроводить взмахом волшебной палочки, — как из ящичков вылетали карточки с названиями книг по нужному вопросу.

Над картотекой на стене висела скромная медная табличка, гласившая «Мадам Ирма Пинс, библиотекарь».

Сама мадам Пинс была долговязой сухопарой дамой бальзаковского возраста. Она строго одевалась, была застегнута на все пуговицы и причесана волосок к волоску. Выходя на редкие прогулки, она всегда набрасывала на шею боа, брала в руки зонтик и водружала на голову одну и ту же шляпу, не обращая внимания на погоду за окном. Подумаешь — солнце, все может случиться! Широкие поля шляпы под острым углом сходились

надо лбом и загибались вниз как клюв птицы, что, по авторитетному мнению учеников, придавало ей исключительное сходство с голодным стервятником.

Она была небогата и одинока. У нее не было ни семьи, ни детей, ни близких друзей, ни возлюбленного. Злые языки школьников, правда, приписывали ей романтические отношения со школьным завхозом, Аргусом Филчем. Якобы кто-то когда-то заметил их тайные переглядывания и томные вздохи.

Это было так нелепо, невероятно и оскорбительно, что мадам Пинс даже не пыталась пресекать подобные слухи. Она знала, что это ложь, и считала ниже собственного достоинства что-то доказывать. Хотя иногда, поймав очередной «сочувствующий» взгляд какой-нибудь семикурсницы-хаффлпаффки, ей хотелось закричать: «Я, конечно, отчаялась, но не настолько!»

В общем, мадам Пинс была законченным синим чулком. В жизни у нее была только работа. И она, и без картотеки помнящая каждую книгу, каждый учебник, каждый справочник, отдавалась ей целиком и полностью.

А вот студенты Хогвартса — даже если забыть обо всей той чуши, что они говорили про нее, — не вызывали в ней теплых чувств. В массе своей они вели себя несносно: носились как угорелые, шумели и занимались в библиотеке посторонними делами. Но самое главное, относились к книгам без должного почтения: хватали их грязными руками, оставляли пятна на страницах и часто забывали возвращать вовремя или вообще теряли. Для мадам Пинс такое святотатство было дикостью.

Сегодня, в первый учебный день, в библиотеке было тихо и безлюдно. Школьники, обрадованные встречей с друзьями, болтали, сидя в факультетских гостиных, или гуляли около озера, обмениваясь новостями и наслаждаясь последними по-летнему жаркими днями.

Поэтому мадам Пинс, рассчитывающая на спокойный день в компании любимой книги, была неприятно удивлена, что ее тихую обитель посетили сразу пятеро первокурсников в слизеринских мантиях.

Какое-то время они стояли на пороге, тихо переговариваясь и осматриваясь. Потом высокая черноволосая и черноглазая девочка кивнула своим спутникам на ближайший стол, подошла к стойке и приветливо улыбнулась недоверчиво и сурово смотрящей на нее даме.

– Добрый день, мадам Пинс. Меня зовут Мелисса Эванс. Мы с друзьями, — она кивнула головой в сторону стола, где расположились ее однокурсники, — обожаем читать и будем проводить здесь много времени. Будьте любезны, подскажите,

пожалуйста, где мы можем ознакомиться с правилами пользования школьной библиотекой. Не хотелось бы случайно нарушить их, мэм.

Мадам Пинс была ошарашена. Первый раз за всю ее бытность в Хогвартсе кто-то сам, по собственной доброй воле, просил ознакомить его с правилами. И даже, кажется, собирался их соблюдать. Она протянула девочке тонкую брошюрку. Та вежливо поблагодарила библиотекаря и направилась к ожидающим ее друзьям.

Ребята недоуменно смотрели на нее. Ну, какие тут могут быть правила? Да такие же, как везде: не шуметь, не галдеть, книги не рвать, не пачкать, сдавать вовремя. Зачем тратить время на эту чушь? Но поток вопросов, который, казалось, должен был вот-вот обрушиться на нее, Мелисса остановила одним взглядом: так надо, потом обсудим.

Девочка села за стол, вполголоса зачитала правила вслух, а потом, вытащив из сумки чистый свиток и чернильницу, начала переписывать их на пергамент. Мадам Пинс, как черт из табакерки, в мгновение ока возникла рядом со студентами.

– Имейте в виду, если на брошюре будет хоть одно чернильное пятно, — начала было она, когда девочка дернулась от неожиданности, задела локтем свою чернильницу и опрокинула ее на стол.

Все ахнули, ожидая, что по гладкой красивой столешнице расплывется уродливое чернильное пятно. Но, как ни странно, этого не произошло. На стол не попало не единой капли.

Такой чернильницы чистокровная волшебница мадам Пинс не видела никогда. В мире магов пользовались обычными, с крышками. Их частенько переворачивали, заливая все вокруг.

«Какая очаровательная и полезная вещица! — подумала она. — И надо же, ни капли магии!»

Мелисса посмотрела на удивленную мадам Пинс, открыла сумку, невербальным Акцио достала еще один такой же письменный прибор и протянула его волшебнице.

– Возьмите, пожалуйста, мэм. Вам такая чернильница пригодится. Часто ведь приходится что-то писать, а тут книги. Жалко будет, если хотя бы одна из них пострадает!

Мадам Пинс, помявшись несколько мгновений, подарок все же приняла и ушла за свой стол, чтобы немедленно опробовать его в деле. Вскоре Мелисса вернула ей брошюру и попросила подсказать, где можно отыскать информацию о важности воображения в трансфигурации и о свойствах слизи флоббер-червя, желательно известную не слишком широко.

– Понимаете, мадам, нам не хотелось бы просто переписывать

учебник, не задумываясь. Кроме того, профессор Макгонагалл и профессор Снейп уже наверняка устали читать одно и то же из года в год, — объяснила она свой интерес.

Мадам Пинс, поразмыслив немного, провела ее к полке с пособиями, вытащила несколько толстых томов и даже открыла их на нужных страницах.

Но этим дело не ограничилось.

Спустя минут сорок, когда ребята, внимательно прочитав и изучив нужные главы, уже хотели приступить к написанию эссе, к их столу снова подошла библиотекарь и положила перед Мелиссой несколько номеров «Трансфигурации сегодня» и «Практики зельеварения».

– Здесь есть статьи по упомянутым темам, мисс Эванс. Если вы действительно интересуетесь трансфигурацией и зельеварением, можете взять их. Это мои личные экземпляры, возвращать их не нужно.

– Вы так нас выручили! — искренне поблагодарила ее девочка.

Еще через час Мелисса сдала учебники и вежливо раскланялась с тронутой хорошим отношением к книгам, да и к себе, мадам Пинс. Расстались они весьма довольные друг другом.

По пути в гостиную, Боул высказал общее мнение.

– А ты хитрая лиса, Эванс. У тебя все это было запланировано! Брат мне рассказывал: Пинс никогда никому по своей воле ничего не советует. А ты окрутила ее на раз-два.

– Запланировано у меня, как ты это называешь, было только показательное чтение и переписывание правил. Все остальное – чистейшей воды импровизация.

– Зачем ты вообще их переписывала? Ну, прочитала и прочитала! С этим все понятно: очень мило и трогательно. Но тратить время на переписывание всей этой чуши, – покачал головой Боул.

– Люциан, я потеряла всего десять минут. А дивиденды от своего показательного выступления буду получать все семь лет. Не понимаешь? – Мелисса посмотрела на искренне недоумевающего приятеля. – А твой брат случайно не говорил тебе, сколько времени мадам Пинс обычно проверяет книги при сдаче?

– Да мурыжит по полчаса: каждый лист обнюхивает! На пятна проверяет, на загибы. А уж если страничку порвешь хоть чуть-чуть ненароком, просто жизни не даст!

– Она у тебя все приняла не глядя! — потрясенно осознала Селина. — Ты теперь у нее в ее личном «золотом» списке.

– И похоже, — вставил свои пять кнатов Хиггс, — что этот

«золотой» список состоит всего из одной фамилии — Эванс.

– Ваши фамилии тоже отмечены в этом списке, — сказала Мелисса. — Пока карандашом. И только от вас зависит, обведут вас чернилами или нет. Тем, что я прочитала и переписала правила, я продемонстрировала добрую волю и объявила о своем намерении не доставлять ей неприятностей.

– Да брось! Сидит себе спокойно в своем пылесборнике, закопавшись промеж книг, как клоп в подушках, — фыркнул Торфинн. — Какие неприятности у нее могут быть?!

– Ну, например, пропавшие или испорченные книги, за которые ей придется платить из собственного кармана.

– Почему ей?

– А кому? Кровавому барону? Пиввзу? Библиотека — это ее епархия. А каждая книга должна отслужить определенное количество лет. Не знаю, как в магическом мире, но у маглов это называется материальная ответственность. Не думаю, что жалование школьного библиотекаря позволяет ей шиковать.

Какое-то время они шли молча. Потом Боул заметил:

– Она и в правду нам очень помогла. Могла же просто ткнуть пальцем в шкаф с книгами, а дальше как знаешь. А она посоветовала конкретные издания. Журналы так вообще песня! Вряд ли кто-нибудь из нашего потока додумается их просмотреть. Макгонагалл с ума сойдет от восторга. Да и декан впечатлится. Думаю, с ней полезно дружить. Но если ты еще и с Филчем поладишь, я, Люциан Боул, съем свою шляпу за обедом. Клянусь тебе!

Все рассмеялись, а девочка, серьезно посмотрев на него, сказала:

– Люциан Боул, я, Мелисса Эванс, не буду требовать от тебя выполнения твоей клятвы. С Филчем, думаю, мы тоже найдем общий язык. А ты бы не разбрасывался формулами. Ни полными, ни краткими.

– Мордред, Люц, она права! Ты поклялся малой формулой, — протянул Хиггс, а потом удивленно спросил у девочки. — Мелисса, а ты откуда про них знаешь?

– Ну, вы же слышали, что я сказала мадам Пинс. Читать люблю.

Люциан пробормотал:

– Спасибо, что избавила меня от моей клятвы. Любой другой не стал бы. В школе развлечений немного, а тут я со своей идиотской шляпой…

***

Ровно в семь Мелисса постучалась в кабинет Снейпа.

Мрачный профессор, пробурчав что-то неразборчивое,

пропустил ее в комнату, запер дверь и снова поставил следящий и защитный контур. Слегка удивленная его настроением, девочка устроилась в уже привычном кресле.

Снейп сел напротив нее. На мгновение он закрыл глаза, и с его лица буквально стекло желчное и злобное выражение. Он тряхнул головой.

«Судя по всему, Арг был прав, — подумала Мелисса, наблюдая эту метаморфозу. — У него действительно поводок. Поэтому он и играет роль всеобщего пугала. Но почему он на это согласился?»

– Итак, у нас три часа, — сказал профессор. — Не будем терять время. Сначала я посмотрю черновик твоего эссе по трансфигурации, затем займемся зельеварением и…

– Нарежем ингредиенты для твоих уроков. У тебя же нет ассистента.

– Запомнила? Что ж, почему бы и нет. Заодно изучим измельчающие и режущие заклинания. Пригодятся. И как бытовые, и как боевые. Но сначала: где и как их нельзя использовать в качестве боевых?

– В школе, открыто, до семнадцати лет, палочкой Олливандера и на Вуде.

– Прекрасный и полный ответ, мисс Эванс, — усмехнувшийся Снейп перешел на официальный тон и протянул руку. — Эссе!

Мелисса вытащила из сумки свиток и протянула ему. Какое-то время он внимательно читал, потом откинулся на спинку кресла.

– Я так понимаю, это уже чистовик. Быстро, но не в ущерб качеству. Написано неплохо. Список литературы тоже внушает. Я не вижу, к чему бы придраться, а уж я это умею лучше других. Хотя было бы желание… Есть вопросы по трансфигурации?

– Да, но не по темам первого курса, — дождавшись поощряющего жеста, Мелисса продолжила. — Вопрос по второму закону Гэмпа: трансфигурация меняет форму предмета, но не суть. Предположим, человека превратили в книгу. Согласно этому закону, сознание останется человеческим. Значит, получается идеальный шпион? Лежит такая книга на столе и внимательно фиксирует происходящее вокруг. А потом…

– Нет, тут есть определенный нюанс: сознание остается человеческим, но мысль в этом сознании будет только одна «Я — книга!» У книги нет ни глаз, чтобы видеть, ни ушей, чтобы слышать, ни мозга, чтобы что-то запомнить. А если у человека сильная воля и он постоянно помнит о том, что он именно человек, превратить его во что-то будет крайне сложно, а время превращения будет весьма ограничено. Почему?

Мелисса задумалась.

– На основании третьего закона: суть стремится вернуться в свою форму? То есть с объектами, имеющими собственное сознание, этот закон обретает большую силу?

– Верно. И раз уж мы заговорили о шпионаже. Кстати, почему мы о нем заговорили?

– Да нет особой причины, — девочка пожала плечами. — Просто в свете последних событий хочу четко понимать, чего опасаться.

Профессор одобрительно кивнул и продолжил:

– Так вот. Лучшими шпионами считаются анимаги. Но человек, трансфигурированный в животное, — заметьте, мисс Эванс, не превратившийся сам, а именно превращенный, — сохраняет возможность свободно мыслить и действовать только лишь вне экстремальной ситуации.

– И что считать экстремальной ситуацией, сэр: усталость, голод, страх? Человек может заставить себя забыть о подобных неудобствах ради определенной цели. А волшебник, превращенный в животное, сумеет?

– Верный вопрос! Опытным путем установлено, что неимоверно обостряются инстинкты. Если превращенный в собаку человек голоден, собака будет хотеть есть и думать будет только об одном: о еде. В экстремальных условиях трансфигурированное из человека животное действует по двум схемам. Есть возможность — оно отступает. Загнано в угол — будет защищаться всеми доступными способами. Анимаги же себя контролируют.

– Зачем вообще тратить время на анимагию?

– Довольно сложная техника, освоение которой занимает до трех лет постоянных и очень тяжелых тренировок. Своего рода достижение: как галочку поставить.

– И кому кроме лазутчика, бульварного журналиста и извращенца может это пригодиться? Вот для чего та же профессор Макгонагалл потеряла три года своей жизни? Какова была цель? Просто поставить галочку? И в конечном итоге постоянно бороться с блохами и глистами или спасать свою честь от приблудных котов, которые даже разбираться не будут, кто перед ними: драная кошка или всеми уважаемый профессор с регалиями?

Снейп закашлялся от неожиданности и уставился на девочку. Заметив его взгляд, она решила уточнить.

– Или к анимагам в их животной ипостаси никакая гадость не пристает? На тех же кошках живет масса паразитов, для которых они лишь промежуточный хозяин. А вот человек — постоянный.

Есть гарантия, что профессор Макгонагалл не лечится от каких-нибудь аскарид?

– И я еще переживал, что у меня нет способностей к анимагии! Я же теперь Минерве даже руки подать не смогу, — Северус передернуло от отвращения. — Ладно, оставим эту интереснейшую тему и вернемся к законам Гэмпа. Есть еще вопросы?

– Нет, мне все понятно.

– Хм… Даже по первому? Процитируйте мне его.

– Ничто не берется из ничего и никуда не исчезает.

– А если я сделаю вот так? — Снейп трансфигурировал буквально из воздуха красивую алую розу. — Как это соотносится с первым законом?

Мелисса посмотрела на него с удивлением.

– Но воздух — это не ничто. Он состоит из множества химических элементов и частичек пыли.

– Если этот вопрос задаст профессор Макгонагалл, не стоит упоминать понятие «химический элемент». Просто скажите, что необходимо различать «воздух» и «ничто». Иначе, думаю, Слизерин потеряет энное количество баллов с формулировкой «больно умная»!

Девочка недоверчиво нахмурилась.

– Но она же обещала, что я могу рассчитывать на адекватную оценку своих знаний и умений.

Северус иронически хмыкнул.

– Не рассчитывать, а ожидать. Разница существенная. Что ж. Представим, что я — Макгонагалл. Кхм-кхм… А трансфигурируйте-ка мне, мисс Эванс, котел.

– Размер и материал, сэр? Ой… мэм!

– На ваш выбор.

– Вербально или невербально.

– Ах, вы даже так ставите вопрос, мисс Эванс? Тогда невербально, без палочки. Котел оловянный, стандартный размер 2. За основу можете принять любой виденный Вами ранее.

Мелисса встала и подняла сжатую в кулак руку на уровень груди. Зажмурившись, она спокойно настраивала себя, представляя себе этот котел во всех подробностях, со всеми неровностями и сколами, буквально ощущая ладонью шершавую металлическую поверхность. Внутри нее забурлил поток энергии. Сконцентрировавшись, девочка направила его в кулак. Кончики пальцев обдало жаром. Она резко разжала руку и открыла глаза.

Перед ней стоял серебристо-белый котел.

– Есть.

А в следующее мгновение Снейп вливал в нее

восстанавливающее зелье и убирал следы крови с лица и мантии. Бросив несколько диагностических заклинаний и убедившись, что все в порядке, он прошипел.

– Никогда не смей поддаваться на подобные провокации. Выкладывайся на все сто, только если твоей жизни грозит реальная опасность. Плевать на баллы, факультет, школу. Учись говорить «нет».

– Я просто хотела, чтобы ты знал, я сдержала слово: ничего не потеряла, только приобрела!

– Слово она сдержала! Сам дурак! Ловить на «слабо» глупую девчонку.

– Очень самокритично, сэр!

– Все! Никаких больше занятий на сегодня. Иди отдыхать! — он призвал два флакона с зельями. — Один выпьешь на ночь, второй с утра.

– Но так не честно! Ты сам дал такое задание! — она плюхнулась в кресло и вцепилась в него, всем своим видом показывая, что ее придется отдирать.

– Мисс Эванс, — Снейп добавил металла в голос. — Я сейчас буду отнимать баллы! Я ваш декан, и вы обязаны слушать, что я говорю, и выполнять!

– Я слушаю и выполняю, сэр: плюю на баллы и на факультет.

Какое-то время профессор разглядывал девочку, словно она была причудливой букашкой, которая заползла к нему на мантию, а когда он хотел ее согнать, топнула всеми шестью лапками и сказала человеческим голосом: «А вот нет. Мне и тут неплохо!»

Нахмурившись, он сел напротив и дважды негромко хлопнул в ладоши. Появился домовой эльф.

– Ужин на двоих. Мясо с кровью, вареный картофель, овощи. Мне кофе, девочке крепкий чай с сахаром. И большой кусок какого-нибудь пирога.

Еда возникла на кофейном столике, Снейп жестом предложил Мелиссе присоединиться. Когда она взяла вилку, он ледяным голосом произнес:

– Значит так. Ты весьма талантливая волшебница. Потенциально очень сильная. И я искренне полагаю, что будет неимоверной глупостью с твоей стороны сдохнуть в начале пути, трансфигурируя из воздуха идиотский котел. На будущее, твои жизнь и здоровье мне не безразличны. Поэтому мои указания выполнять и не спорить. Если я говорю, прыгай в окно, ты можешь задать только один уточняющий вопрос. Как он будет звучать?

– В какое именно.

– Правильный ответ.

Мелисса виновато подняла на него глаза.

– Мне просто показалось, ты был рад, что я много прочитала и могу сделать что-то сверх положенного. А я была рада, что ты рад. И мне хотелось, чтобы ты был рад еще больше. Возможно, это сумбурно звучит, но я честно не собиралась вести себя чересчур …фамильярно.

Северус сглотнул вдруг подкативший к горлу ком и неожиданно хриплым голосом сказал:

– Ну, раз уж практические занятия тебе сегодня заказаны, можно продолжить обсуждение теории. Спрашивай.

– По какому предмету? — уточнила Мелисса.

– В этом учебном заведении я могу в принципе преподавать все, — хмыкнул Снейп. — Кроме ухода за магическими существами и прорицаний. Единственно, если к тебе проникнется Флитвик и предложит дополнительные занятия, рекомендую ухватиться за такую возможность руками и ногами. Он — Мордредов гений в чарах. Так есть вопросы?

– Да. По рунам, — девочка вытащила из сумки тетрадь, полистала, открыла на нужной странице и протянула профессору. — Это сработает?

Снейп с интересом посмотрел на написанные рунные формулы и комбинации.

– Смотрю, кто-то замерз. И чем не устраивают банальные согревающие чары? — спросил он. — Хочется чего-то посложнее? Или?

– Или. Глупо расходовать энергию постоянно. Вдруг мне срочно понадобится какое-нибудь энергозатратное заклинание, а я не смогу его выполнить только потому, что профукала все силы на обогрев себя-любимой. Вместо того чтобы просто надеть теплые носки или нанести на одежду правильные руны.

Северус призвал перо и чернильницу и поправил несколько формул. Затем он обвел одну из них и вернул девочке тетрадь.

– Все комбинации подобраны верно, но в некоторых я бы поменял порядок рун. А выделенная, на мой взгляд, наиболее эффективна. Чем будешь активировать? — он пристально, как на экзамене, смотрел на девочку.

– Воздухом.

– А если вспомнить теорию: какая стихия даст лучший результат?

– Огонь.

– Так почему воздух? — он даже подался вперед, ожидая ответ.

– Нет стопроцентной уверенности, что смогу удержать пламя.

Горячий воздух будет для меня адекватной и безопасной заменой. Хотя срок действия рун, активированных таким образом, и будет короче.

Снейп откинулся на спинку кресла и взял в руки чашку кофе.

– Как жаль, что нельзя присваивать тебе баллы за все правильные ответы, — протянул он. — Я смотрю, ты заинтересовалась рунами?

– Мне интересно все, что имеет практическую пользу. Поэтому заранее могу сказать, что я не возьму прорицания, уход за магическими существами и магловедение.

– Ну, с магловедением все понятно, — хмыкнул Северус. — А чем тебе не угодил уход с прорицаниями?

– Что касается ухода, книги я могу изучить и сама, не подвергая себя опасности. А закончить жизнь, как профессор Кеттлберн, баюкая конечности, откусанные из-за того, что пришлось выгребать навоз из-под какого-нибудь нунду? Брр… — девочка поежилась.

– В случае Сильвануса это заслуга одной очаровательной мантикоры. Он ее просто обожал и решил, что она испытывает к нему те же нежные чувства. Ну как можно не погладить такое доброе, милое и интеллигентное существо! — профессор рассмеялся, глядя в ее ошарашенное лицо. — Кстати, из-за него однажды пришлось тушить пожар в Большом зале. Он зачаровал пеплозмея, чтобы тот сыграл роль червя в пьесе «Фонтан феи Фортуны». Мордред, как давно это было! Мне тогда было лет двенадцать. М-да… Ну, а прорицания?

– Это чушь. Вон в магловских газетах каждый день печатают гороскопы. И что, если Близнецам предсказали крупную ссору, мне теперь из дома не выходить? Еще веселее, если пишут что-нибудь вроде: принц на белом коне сделает вам предложение руки и сердца! Мне всегда хотелось спросить, а ничего, что мне одиннадцать? А приютский завхоз, который тоже Близнецы, вообще мужчина. Так что не верю я в предсказания. Слишком неопределенно. Любое действие или бездействие может все изменить. А подчинять свою жизнь исполнению или предотвращению пророчества, сделанного каким-нибудь шарлатаном, глупо. Я предпочту быть не в курсе.

Снейп, слушая ее, мрачнел на глазах.

– Да, неведение — это благо, — задумчиво, словно рассуждая сам с собой, проговорил он и, увидев вопрос в глазах девочки, поспешил перевести разговор. — Ну да Мерлин с ними, с прорицаниями.

«Больная тема?» — подумала Мелисса, а вслух поинтересовалась:

— Тогда можно еще спросить по рунам?

Услышав утвердительный ответ, она протянула руку к своему медальону, вытащила схему приснившегося ей ритуала и молча показала ее профессору.

Снейп, подносящий кофе к губам, бросил на рисунок косой взгляд и… так и не сделал глоток. Буквально швырнув чашку на блюдце, он вырвал лист из рук Мелиссы и впился в него глазами.

***

В кабинете царило напряженное молчание.

– Ты отдаешь себе отчет в том, что это? — Снейп посмотрел на Мелиссу.

– Нет. Иначе я бы не спрашивала.

Северус подозрительно сощурился.

– Сейчас я выжимаю из этой схемы все, что могу. А после рассчитываю услышать, где девочка, росшая у маглов, раскопала подобную комбинацию. И рассказ должен быть максимально честным и откровенным. Иначе я буду… разочарован.

– Обещаю.

– Начнем с того, что это не просто рунная формула. Это ритуал. Учитывая расположение рун, однозначно защитный. Относится к магии крови. В ритуале участвовали двое, — он замолчал, еще раз оценивая рисунок, а потом уже далеко не так уверенно пробормотал. — Трое… Неужели трое? Тогда третий должен был быть весьма и весьма хитрож…

Он вспомнил, что в комнате не один, и оборвал себя на полуслове.

– А на основании чего ты делаешь выводы о виде магии и количестве участников ритуала? — поинтересовалась девочка.

– Если говорить о рунах в магии крови, то чаще всего используются именно рунные круги. Говоря примитивно, внешний рунный круг – тот, кто защищает, внутренний – тот, кого защищают. Человек, активирующий своей кровью внешний круг, всегда донор. Он полностью или частично — зависит от вида ритуала — жертвует своей жизнью, энергией, магией. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы такой донор отдал кровь добровольно. На этой схеме мы можем видеть два круга или… — он снова замер, уставившись на рисунок и рассуждая сам с собой, — …не больше трех… Нужно обдумать…

Мелисса закусила губу и впилась пальцами в подлокотники, пытаясь успокоиться и не начать крушить посуду, а Снейп продолжал пристально вглядываться в формулу. Через какое-то время девочка нашла в себе силы относительно спокойным голосом задать следующий вопрос.

– Почему нельзя точно сказать, сколько здесь кругов?

– Такую комбинацию рун я не встречал, — задумчиво сказал профессор. — Противоречит всем правилам современной магии. В одной формуле собраны не только стандартные руны старшего футарка(1), но и младших. Кроме того, внеалфавитные символы и даже элементы огамического письма(2).

– Кельтский шифр? — уточнила девочка.

Северус изумленно присвистнул.

– Однако. Значит, все термины знакомы? Вот этот кельтский шифр, как ты его называешь, и заставляет меня сомневаться. Является ли он лишь завершающим элементом или самостоятельным? Относится ли он ко второму кругу или образует третий? Видишь? Вот тут, — Снейп повернул к ней схему и пальцем обвел то место, которое не давало ему покоя. — С уверенностью можно заявить лишь, что речь идет об утраченном искусстве, исходя из того, что все эти символы в одной формуле не комбинируют уже лет… — он потер подбородок, прикидывая, — не поручусь точно, но восемьсот, как минимум.

– Откуда такая цифра?

– Старейшая книга об искусстве рунной вязи, которую я читал, находится в личной библиотеке одного моего знакомого. И такого сюрреалистического сочетания я в ней не встречал. Правда, она и датирована лишь 1186 годом. А здесь нужно смотреть книги, написанные не позднее конца X — начала XI века. Может быть, что-то есть и в загашнике моего знакомого. Придется идти к нему на поклон, а допустит ли он меня в святая святых и что попросит взамен — большой вопрос. Но без этого никак: в моей коллекции только одна книга времен основателей, — увидев заинтересованное лицо девочки, он усмехнулся и пояснил. — Совершенно на другую тему. О магии сидов. Единственная полезная вещь, которую моя мать прихватила, уходя из родительского дома.

Не отрывая взгляда от листа, Снейп нащупал чашку с уже ледяным кофе и допил его.

– Я правильно понимаю: кругами обведены руны, которые были активированы кровью одного человека, а квадратами — другого? То есть их было все-таки двое, а не трое? — спросил он.

– Я не видела, чтобы третий использовал свою кровь, — размышляя об услышанном, ответила Мелисса.

– Что?! — раздался оглушительный шепот.

Подняв голову, девочка увидела ошарашенное лицо Северуса.

– Ты присутствовала на ритуале?! Отвечай!

– Хуже, — мрачно сказала она. — Я донор.

Снейп, казалось, потерял дар речи. Потом, словно собираясь с мыслями, он медленно произнес.

– Это было до нашего знакомства. Иначе сработал бы медальон. Сколько тебе было лет?

– Три.

– Три года! — Северус вскочил и заорал, уже не сдерживаясь. — Какая тварь использовала трехлетнего ребенка в своем поганом ритуале?!

– А что, если бы мне было четыре, он был бы меньшей тварью? — шепотом поинтересовалась Мелисса и несколько раз выразительно ткнула указательным пальцем в потолок.

– Я, чертов параноик, все-таки был прав! Значит, вот о чем он тогда говорил. А заговор сидов мог сработать применительно к огаму… — прошептал Снейп, обессиленно упал обратно в кресло, витиевато выругался и тут же виновато взглянул на девочку.

– Это было вполне себе литературно, — пожала она плечами. — У нас был гениально выражающийся завхоз. И тебе до него, поверь мне, как до звезд.

Северус пристально посмотрел на Мелиссу.

– Если кровь у тебя взяли насильно… — начал он.

– Я резала руку сама, — перебила его девочка. — Радостно повизгивая от переполнявшего меня энтузиазма.

– Могу себе представить, — профессор глубоко выдохнул и покачал головой. — Наверняка местный Гендальф рассказал какую-нибудь неимоверно грустную и исключительно правдивую историю. Ты уверена, что верно зарисовала схему?

Мелисса пожала плечами.

– Лишь в том, что правильно изобразила то, что видела. Но вполне допускаю, что в формуле могли быть элементы, которых я не заметила или не разглядела.

– Прежде чем начинать уже предметные поиски информации, мне надо увидеть это воспоминание. Легилименция не подойдет. Во-первых, глубоко в свой разум ты меня просто не пустишь. А во-вторых, мыслеобраз с оценкой событий трехлетним ребенком меня категорически не устроит.

Он взмахнул палочкой: открылась дверь большого массивного шкафа и на стол приземлилась неглубокая каменная чаша с рунами на ободке.

– Я никогда не пользовалась думосбором, — сказала ему девочка.

– Я помогу. Закрой глаза. Подумай о том дне. Четко представь себе начало события и его конец. Зафиксируй в памяти две эти временные точки.

– Есть.

Мелисса почувствовала, как от виска потянулось что-то холодное. Она открыла глаза и увидела, как Снейп сбрасывает в думосбор длинную белую нить со своей палочки.

– Теперь просто посиди и подожди, — профессор опустил лицо в чашу.

***

– Убери ее из этого дома, Джеймс! — закричала Лили. — Немедленно!

– Не визжи на Сохатого, — осадил ее Блэк. — Орать будешь на своего Сопли…

Северус выпал из воспоминания. Закрыв лицо руками, он медленно, как старик, опустился в кресло и замер.

Мелисса взволнованно спросила.

– Профессор? Что случилось?

Ответа не последовало.

– Сэр?

Снейп сидел в той же позе, не шевелясь.

– Что не так? — девочка осторожно дотронулась до его плеча. – Сев!

Вздрогнув от окрика, он открыл глаза и потрясенно прошептал:

– Она сама… никто не заставлял…

Девочка испуганно смотрела на него.

– Не обращай внимания, малыш. Я в норме, — он горько усмехнулся и потрепал ее по щеке, мысленно добавив: «Просто не каждый день переживаешь крушение идеалов».

Взяв себя в руки, Снейп призвал с письменного стола чистый лист пергамента и начал перерисовывать рунную формулу. Мелисса смотрела через его плечо. Закончив, он положил две схемы рядом.

– Что ж, — уже нормальным голосом сказал Северус. — Кругов изначально было два. Огамические знаки — завершающий элемент внутреннего круга. Но! Вот эти две руны не были активированы твоей кровью или кровью…

– Гарри?

– Именно, — профессор слегка скривился. — Так что в ритуале определенно принимали участие трое. А кроме тебя к рунам прикасался только…

Мелисса кивнула головой, а Снейп продолжил:

– Далее. В конце ритуала дощечка поднялась в воздух на уровень глаз взрослого человека. Ты не могла увидеть, что у этого символа появилась дополнительная горизонтальная черта, — он взял в руку перо и, повернув его под другим углом, дорисовал тонкую линию. — А у этого две вертикальные. Итого, четыре

знака подверглись изменениям по ходу ритуала. И я не имею ни малейшего представления, что это дает.

– Разве эти линии не нужно было вырезать атамом?

Северус покачал головой.

– Есть два типовых варианта, которые можно вполне успешно комбинировать. Первый вариант: руны с соблюдением четких пропорций вырезаются атамом на ритуальной доске. Тогда при активации можно просто мазнуть значки кровью, как это сделала ты. Аккуратность тут уже не важна. Второй вариант быстрее, но сложнее: руны можно наносить сразу кровью. Но контроль за движениями пальцев должен быть просто феноменальным. Любая судорога, любой неверный жест, и результат отправится оборотню под хвост.

– Что, достаточно лишь уколоть палец?

– Да, вполне. Комбинированный же вариант используется опытными магами, когда необходимо незаметно для других внести изменения по ходу ритуала. И учитывая, что ритуальная доска впитывает кровь, как губка, отследить подобное вмешательство практически невозможно, а обетами вы не обменивались, — ответил профессор и задумчиво продолжил рассуждать. — Тем не менее, полноценного третьего круга не было. Необходимо предметно заняться переводом рун, рассмотреть все варианты и понять, во что превратился изначально защитный ритуал. Одно определенно: вопрос, как выжил Герой магической Британии, передо мной больше не стоит. И природа твоих конвульсий в день нашего знакомства тоже ясна.

– Если бы мы тогда не встретились, я бы умерла, так ведь? — дрожащим голосом спросила девочка.

– Если бы я не знал древнего заговора сидов, ты бы умерла в любом случае, независимо от факта нашей встречи.

Глаза Мелиссы стремительно наполнялись слезами. Не сдержавшись, она всхлипнула. Северус оторвал взгляд от схем.

– Лисса, ну-ка прекрати! Ты что?

– Сев, — пробормотала она сквозь слезы. — Я вдруг подумала: этот ритуал, он срабатывает однократно или нет? У меня паранойя, да?

Неожиданно для самого себя Снейп крепко обнял ее.

– Паранойя у нас одна на двоих. И не смей реветь! Умереть я тебе точно не дам. Кто же тогда будет ломать носы моим обидчикам?

---

(1) Древнегерманский рунический алфавит называют «старшим футарком».

(2) Огамическое письмо — письменность древних кельтов и пиктов, употреблявшаяся на территории Ирландии и Великобритании в IV—X вв. н.э. и являвшаяся тайнописью (зашифрованные руны).

Комментарий к ГЛАВА 16. Если у вас паранойя, это еще не значит…

Итак, месяц на Фикбуке!

16 глав, 500 кб написанного!

С почином меня!

Спасибо всем, кто читает мой фанфик!

= = = = = = = = = = ГЛАВА 17. Натуральные блондины = = = = = = = = = = =

В малой гостиной Малфой-мэнора в глубоком кожаном кресле, положив ноги на пуф, сидел Люциус Малфой с чашкой крепкого ароматного кофе и читал послание своего поверенного в Гринготтс. С каждой строчкой его настроение стремительно уходило в минус. Да, Эаргит теряет былую хватку!

Начнем с того, что несколько недель назад гоблин ухитрился проспать рейд драконоборцев в Северном Уэльсе. Там, на одном из островов, какой-то единственный в своем роде идиот засветил ферму по разведению валлийских зеленых драконов, не сумев справиться с разбушевавшимся молодым самцом. Тот разрезвился до того, что устроил лесной пожар, а заодно спалил парочку крохотных магловских деревушек.

Почему единственный в своем роде? Да потому что предки этого таланта почти триста лет — с того момента, как была подписана Международная конвенция о запрете частного разведения этих милых крылатых зверушек, — великолепным образом умудрялись прятать свой маленький бизнес от любопытных.

Люциус, случайно услышав в министерстве о предстоящем рейде, убил час на обед в хорошем ресторане с командиром отряда драконоборцев. Он честно отмучился, выслушав все жеребячьи шутки этого здоровяка, и всё для того, чтобы вложить в его лохматую голову нужные мысли.

Например, о том, как это несправедливо, когда люди, постоянно рискующие своими жизнями, получают настолько смешные деньги, что не могут даже позволить себе выгулять в изящном месте хорошенькую молоденькую ведьму.

А ведь если бы доблестные борцы с огнедышащими монстрами не были столь кристально честными и хотя бы раз не сдали туши умерщвленных тварей министерству, как бы улучшилось их благосостояние!

Командир более чем проникся, поскреб косматый затылок и

порысил проводить разъяснительную беседу с остальными членами отряда.

Люциус же, обмахнувшись надушенным носовым платком, написал поверенному, приказав внимательнейшим образом отслеживать все подвижки по данному вопросу, перехватить драконоборцев и выкупить туши. Выделил он на эту сделку четыре тысячи галлеонов. Сумма, учитывая официальную стоимость ингредиентов в тех же аптеках на Косой аллее и в Лютном переулке, несомненно, смешная. Но этим ребятам хватит за глаза!

И Эаргит отслеживал, мантикора его раздери. Скрупулезно. Гоблин отследил этого уникума-драконолога, профукавшего семейное дело и отправившегося отдыхать на курорт острова Азкабан. Он отследил судьбу пострадавших маглов, которым подправили память: погода стояла жаркая, стихийное бедствие — все в руках Божьих. Он даже мог дословно пересказать сказочку, которую драконоборцы скормили министерским чинушам: якобы драконы настолько взбесились, что пришлось уничтожить всё — Мерлин, ВСЁ! — поголовье фермы взрывными заклятиями, оставив от крылатых мокрое место.

А вот туши этот гоблинский потомок флоббер-червя упустил. Кто-то ушлый перехватил отряд прямо на островах.

Нельзя сказать, что Люциусу просто позарез были нужны драконьи стейки и прочие составляющие. Он вовсе не был фанатом от кулинарии и зельеварения. Нет! И конечно, не собирался открывать гриль-бар или аптеку. Но! Именно Люциус оказался в нужном месте в нужное время. Именно он обработал мистера Мускула, безвозвратно потеряв целый час своего драгоценного времени. И что он получил взамен? Несварение желудка и головную боль?!

А ведь какая была превосходная возможность!

Во-первых, пару месяцев он мог фактически держать монополию на драконье мясо и ингредиенты. Официальный рынок контролируется министерством и находится в весьма плачевном состоянии. Чтобы что-то приобрести, нужно либо ждать несколько месяцев, либо заказывать из-за границы, предварительно заполнив кучу бумажек и выбив разрешение.

Во-вторых, на этой почве он собирался укрепить связи с торговцами в Лютном. Бартер еще никто не отменял. Тот же Боргин не отказался бы от натурального обмена.

В-третьих, потратив четыре тысячи галлеонов, можно было заработать в пять раз больше. Ну, хорошо-хорошо: не четыре тысячи, а четыре тысячи пять — не стоит забывать об обеде, который он оплатил. Скажете, фи, какие-то двадцать тысяч! Ну,

по сравнению с общим состоянием Малфоев, оно, конечно, фи! Но это же не повод упускать то, что плывет в руки!

Спустя два дня Люциус случайно столкнулся на Косой аллее со своим растрепанным сотрапезником, от которого за милю несло скверным огневиски и дешевым борделем. Тот заплетающимся языком поблагодарил Малфоя за идею и, обдавая перегаром, поведал, за сколько они с ребятами реализовали эти самые туши.

Нет, Люциус, конечно, подозревал, что драконоборец не был обезображен интеллектом, но не настолько же! Две убогих тысячи галлеонов! Злость на Эаргита усилилась ровно в два раза.

Но это все мелочи!

Он мрачно уставился на сегодняшний отчет. Как, во имя Морганы, эта отрыжка взрывопотама ухитрилась потерять уйму денег теперь уже на магловской бирже?! За что он вообще ему платит?!

М-да, как ни прискорбно, придется вспоминать молодость и выправлять положение самому. И остаться при этом в правовом поле однозначно не получится.

Люциус брезгливо поморщился: опять контактировать с маглами. Конфундусы, Империо, да и зелий понадобится множество. От относительно законных, но сложных в приготовлении Феликса Фелицис и оборотного до запрещенных зелий подчинения. И всего этого, желательно, пару котлов. А это деньги, и немалые!

В этот момент за спиной послышались легкие шаги. Тонкие руки обвили его шею, скользнув прохладой по щеке.

– Милый, к тебе пришел Северус.

– Без предупреждения? — Люциус накрыл ладонью нежные пальчики жены. — Значит, ему что-то нужно. Как он выглядит? Взволнован? Нервничает?

– Мрачен и весьма саркастичен. Все как обычно.

– Значит, ему что-то очень нужно. Что ж, зови, — сказал он, поцеловав гибкую кисть, и подумал: «Удачно! Вот они — мои котлы с Феликсом!»

Нарцисса, ласково коснувшись его волос, вышла из комнаты.

***

Успокоив Мелиссу и отправив ее в факультетскую гостиную, Снейп долгое время сидел, уставившись в одну точку, чувствуя разгорающийся в груди жар.

Потом его словно выбросило из кресла, и полночи он громил собственный кабинет. Причем по-магловски, напрочь забыв о волшебной палочке и магии. Руками и ногами, сбивая костяшки в кровь.

Утомившись, Северус уселся на пол прямо среди обломков мебели и осколков посуды и, закрыв глаза, принялся приводить мысли в порядок.

Итак, восемнадцать лет Лили была центром его мира. Все, что он делал или не делал, было так или иначе связано с ней. И кто кроме него был в этом виноват? Да никто!

Любил ли он ее? Однозначно, да. Мечтал ли он о ней? Вне всякого сомнения. Знал ли он настоящую Лили? Весьма сомнительно. Смогли бы они жить долго и счастливо и умереть в один день, если бы вместо Поттера она обратила внимание на него? Увы, нет!

Он придумал себе идеал, поставил его на постамент и принялся ему фанатично поклоняться, отметая малейшие сомнения в возможном несовершенстве объекта служения. Он вел себя как чертов сектант! И не видел за образом, нарисованным исключительно светлыми красками, живого человека с его достоинствами и недостатками.

В свое оправдание он мог лишь сказать, что ему было всего десять, когда они встретились. Некрасивый, заброшенный, одинокий мальчик, абсолютно не умеющий ладить с окружающими, знакомится с очаровательной веселой девочкой, которая, как ни странно, не против общения с ним. Кто она? Ангел!

Ангел… Память услужливо подсунула ему один из последних разговоров с отцом незадолго до его смерти.

В тот день Тобиас вынырнул из алкогольного забытья, заметил вдруг, что сын страдает по рыженькой девчонке с соседней улицы, и выдал, что, обломись она Северусу, он был бы еще более несчастен, чем теперь. Потому что он не видит в ней плоть и кровь, только ангела с пушистыми крыльями. А если начинаешь жить с ангелом под одной крышей, выясняется много интересных подробностей. Ангел не только сладко улыбается, нежно смотрит и томно хлопает ресницами, но и ест, и пьет, и спит. И, представляешь, иногда может икать, рыгать и храпеть. А еще ангелочек гадит, сынок. И в прямом, и в переносном смысле. И отнюдь не розами. «Хотя, — успокоил его тогда Тобиас, — к принцам и белым скакунам это также относится в полной мере».

Снейп не мог понять, как не проклял тогда скабрезно ухмыляющегося папеньку. Может, потому что в глубине души знал, что, несмотря на явное преувеличение, в словах Тобиаса был резон? Тем не менее, он гадливо отпихнул их и задвинул в дальний уголок своего разума. Что может понимать в жизни и любви опустившийся алкаш?

М-да, восемнадцать лет!

Воспоминание Мелиссы подействовало как ледяной душ.

Шок, гнев и злость на самого себя. Он, небезосновательно считающий себя умным человеком, позволял играть на своих чувствах, как на скрипке. Ах, бедная Лили! Ах, ты так виноват, Северус! Ах, ее сын жив! Ах, у него такие же глаза! И рефреном: ты должен. Должен! Должен!!!

Хватит! У всякого терпения есть предел. И лимит исчерпан, учитывая, что последние восемь лет его пользовали как истеричную девочку-пансионерку: даром и в извращенной форме.

Ему двадцать восемь. И с чем он пришел к этому возрасту?

Он самый молодой мастер зелий за последние триста лет. Он мастер боевой магии. Если бы министерство не поставило вне закона темные искусства, он был бы мастером и в этом.

При этом у него нет ни лишних денег, ни собственной лаборатории, ни нормального дома, ни семьи, ни друзей. У него есть лишь ненавистная работа и масса увеличивающихся день ото дня обязанностей.

И черт его дери, если он продолжит сидеть на полу и мотать сопли на кулак, а не поднимется, не возьмет себя в руки и не попытается все это изменить.

Следующие пару часов он приводил комнату в порядок, лечил разбитые руки и пил восстанавливающие зелья, а после завтрака покинул Хогвартс и аппарировал к Малфой-мэнору.

***

– Северус! Какой приятный и неожиданный, — Люциус сделал акцент на последнем слове, — сюрприз! Чай? Кофе?

– Люциус! Тебе известны мои вкусы. Конечно, кофе.

Лучезарно улыбаясь, Малфой сделал приглашающий жест в сторону удобного кожаного кресла, а сам устроился напротив.

– Чему обязан?

Какое-то время они изучающе смотрели друг на друга.

«А ведь ему тоже от меня что-то нужно, — вдруг понял Северус. — Люциус ненавидит внезапные визиты, а сейчас можно подумать, что он весьма доволен фактом моего появления. Интересно, что на этот раз? Проклятый артефакт? Запрещенные зелья? Пожалуй, все будет немного проще, чем я думал. Главное, чтобы торговаться начал именно он».

– Разве нужен какой-нибудь конкретный повод, чтобы навестить старого приятеля? — поинтересовался Снейп. — Просто захотелось поговорить с умным человеком. Достаточная причина?

С тихим хлопком появился домовик с чашкой потрясающе пахнущего кофе, поставил ее перед профессором и тем же манером испарился. Снейп сделал первый глоток и вновь

обратился к Малфою.

– Как твои дела, Люциус?

– О, превосходно…

И битых сорок минут в малой гостиной Малфой-мэнора разыгрывался комический дуэт под названием «Мне абсолютно ничего не нужно, я просто рад поболтать с приятелем».

Профессору первому надоело притворяться: у Люциуса был несоизмеримо больший опыт светского лицемерия, поэтому Снейп решил форсировать события. Допив уже остывший кофе, он поставил чашку на блюдце, встал и со словами «спасибо, Люциус, все было чудесно» направился к двери. Он был не уверен в своем маневре до последней секунды, когда у самого выхода его остановил Малфой.

– Север, ты что, на самом деле, хотел лишь посидеть в мягком кресле, изучить узоры на ковре, выпить кофе и обсудить живописную тучку за окном?

– Конечно же, нет. Но ты облизываешься, как пресловутый кот на пресловутую сметану. У меня сомнения, что наши желания равноценны. Ты явно собираешься меня чем-то загрузить. И это что-то незаконно, не так ли?

– Не спросишь — не узнаешь, — голосом змея-искусителя ответил Малфой.

– А стоит ли мне вообще интересоваться? Вдруг это что-то страшное и ужасное? Я испугаюсь и буду плакать по ночам.

Люциус удивленно воззрился на приятеля. Что, в лесу передохли все единороги? Северус подтрунивает над собой? Что дальше? В мэнор заявится министр магии с разноцветными перьями в седых кудельках, отбросит клюку и спляшет канкан? Он передернулся от отвращения, живо представив почтенную миссис Багнолд(1), скачущую под музыку.

– До свидания, Люци, — Снейп дотронулся до дверной ручки.

– Подожди, — сдался Малфой, — я начну.

Профессор вернулся на свое место, внутренне ликуя.

– Мне нужны Феликс Фелицис, оборотное, зелья подчинения и какой-нибудь действенный яд, который невозможно обнаружить известными способами, — перечислил Малфой.

– Объем и срок?

– Двадцать стандартных флаконов каждого зелья и один яда. Еще вчера.

– Ответ на вопрос, доступ в закрытую часть родовой библиотеки Малфоев и десять процентов, — сухо поставил условия Снейп.

Малфой опешил. Да тут не только эпидемия единорогов! Тут и фестралы, наверное, пачками с небес падают? Северус

заинтересовался чем-то, кроме книг?! Требует долю?!

– Десять процентов чего? — вкрадчиво поинтересовался Люциус.

– Дохода с той авантюры, для которой тебе понадобилась подобная аптечка. Я так понимаю, дело тут все-таки в деньгах. Вряд ли ты собираешься напиться Феликса с оборотным, чтобы поиграть в ролевую игру «Отравитель из Бродмора(2)» с потаскухами в Лютном.

– Ты себя хорошо чувствуешь, Север? — поперхнулся на вдохе Малфой.

– Ты знаешь, не очень. Плохо спал, неудобно лежал. В боку покалывает, в шее хрустит, голова чугунная и сосуд лопнул. Вот здесь, — Снейп слегка оттянул верхнее веко правого глаза. — И Люци, спасибо, что спросил. Ты настоящий друг! Это, оказывается, так чертовски приятно, когда твое здоровье кому-то небезразлично!

У Малфоя появились стойкие сомнения в том, а Северус ли сидит перед ним. Захотелось обездвижить собеседника и выяснить, не в оборотном ли зелье дело. Рука дернулась к трости, прислоненной к креслу.

В следующую секунду он оказался под прицелом волшебной палочки Снейпа, а сам Северус, пристально рассматривающий ногти на левой руке, лениво протянул.

– Люциус, прежде чем ты сделаешь что-нибудь безрассудное, хочу сказать: весной 1972 года я застукал тебя в весьма недвусмысленной ситуации в темном углу у портрета Подерика Крукшанка с очаровательной пятикурсницей из Рейвенкло. Она…

Малфой поднял руки.

– Верю! Это действительно ты. Что с тобой случилось?

– Ты повторяешься, — усмехнулся Снейп. – Я, кажется, уже сообщил тебе о своем сегодняшнем самочувствии во всех подробностях.

Люциус слегка сощурился.

– Семь процентов, не более.

«О, да! Старину Люци перемкнуло на материальном!» — удовлетворенно подумал Северус, а вслух ответил:

– Десять. Или ищи себе зельевара в Лютном.

– Восемь. Не такой уж это и сложный набор.

– Десять. Или пусть варит Драко.

– Мое последнее слово — девять. Даже учитывая секретность и скорость, это слишком!

– Десять и ни процентом меньше, — отрезал Северус. — Или яд будешь изобретать сам.

– А что за яд? — заинтересовался Люциус.

– О, пальчики оближешь, — губы Снейпа растянулись в гордой улыбке. — Эксклюзивный состав. Для своих, для самых близких.

– Я, пожалуй, воздержусь от… облизывания, — хмыкнул Малфой.

– Верное решение.

– Когда все будет готово?

– Зелья подчинения варить буду у тебя в зельеварне. Если все ингредиенты в наличии, часа через три закончу. Оборотное, Феликс и яд получишь к вечеру. Последнее, разумеется, после магической клятвы.

– Какой еще клятвы, Север?

– Странный вопрос: что ты не будешь использовать его против меня.

– Можешь не волноваться. Людям, — Малфой выделил это слово, — ничего не грозит.

– Тем проще будет составить текст клятвы, Люци. Я давно уже никому не верю на слово. Так что… — Снейп хмыкнул и развел руками, демонстрируя неизбежность обета. – Ну, и поскольку я опустошаю свои запасы Феликса и оборотного, ты компенсируешь мне все редкие и дорогостоящие ингредиенты. Стандартные расходные материалы, так и быть, за счет фирмы «Снейп и Ко». Подарок постоянному клиенту. Итак, мы договорились?

Люциус откинулся на спинку кресла и неопределенно махнул рукой.

– А почему бы и нет! Большинство книг в библиотеке все равно может прочитать только Малфой по крови, так что тут я ничем не рискую. А что касается ответа на вопрос: тематику мы ограничим, Север. И, пожалуй, тоже клятвой.

Снейп вопросительно поднял брови. Малфой хмыкнул.

– Очевидно же, что тебе позарез нужно у меня что-то спросить. Ради этого ты и затеял всю эту несвойственную тебе торговлю, не так ли?

«Вот так и думай!» — удовлетворенно подумал Северус, потер подбородок и сказал:

– Только ответ должен быть полным, Люци. То есть я буду иметь право задавать уточняющие вопросы.

Малфой склонил голову в знак согласия и призвал пергамент и перо.

– Что ж. Давай составим текст обета.

***

Драко Малфой дулся с самого утра. Отец обещал сходить с ним сегодня на Косую аллею, а сам! Засел с бумагами в гостиной. А потом еще и крестный пришел. А о нем они вообще забыли. И

мама ушла в гости. А раз так, то он уже достаточно взрослый, чтобы отправиться гулять одному.

Грохнув копилку в форме дракона, он рассовал деньги по карманам и вызвал придурковатого, вечно напуганного Добби. Домовик перенес его в тупичок у кафе Фортескью и исчез.

Драко уже хотел пойти купить себе мороженого для начала, как вдруг прямо перед ним, буквально в десяти шагах, появился худой мальчишка, вероятно, года на три старше. Он стоял спиной к Драко и пару секунд тряс головой, приходя в себя после аппарации, а потом сказал кому-то, очевидно, тоже эльфу.

– Возвращайся обратно. Сиди в комнате, следи за дверью. Если кто-то будет настойчиво ломиться, аппарируй ко мне. А так жди, пока я тебя позову.

Раздался тихий хлопок, и мальчик, поправив странный головной убор, вышел на Косую аллею. Драко стало любопытно. Мальчишка с виду был типичным грязнокровкой. Одежда, обувь — все говорило об этом. Но у грязнокровок не может быть эльфа. Это же ясно как Мерлинов день!

«Я за ним прослежу, — решил Драко. — Как Шерлок Холмс!»

На прошлый день рождения крестный подарил ему книгу про умного магловского детектива, и Драко заболел расследованиями. Дома он следил уже за всеми: за отцом, матерью, даже за домовиками. Но это было не интересно. Ведь он знал их сто лет, как облупленных. А тут — явно какая-то тайна. Поэтому сейчас он поспешил за объектом, стараясь держаться от него на расстоянии.

А грязнокровка казался весьма подозрительным! Рядом с «Фортескью» он столкнулся с двумя гоблинами, которые обрадовались ему, как родному, подхватили под локти и чуть ли не отнесли в Гринготтс.

Туда Драко не пошел, а следил за входом в банк, спрятавшись в проулке между двумя ближайшими лавчонками. Грязнокровка появился только через час, когда Драко уже устал стоять неподвижно, переминаясь с ноги на ногу. Мальчишка чуть ли не бегом спустился по ступеням и помчался к «Флориш и Блоттс». В книжном магазине объект выбрал несколько толстых томов и, усевшись на подоконнике, начал быстро листать. Вот он отложил один из них и раздраженно пробормотал.

– Родился, женился, добился. Звания, регалии, титулы. Это я еще могу понять. Но «предпочитает пряные клешни огнекраба и играет в поло на гиппогрифах»! Какая ценная информация!

Драко, стоявший за стеллажом, вытянул шею. «Кто есть кто в магической Британии». Ничего себе интересы! А мальчик уже смотрел следующий том: гораздо медленнее, явно внимательно

читая, но так же бурча себе под нос, что большего бреда он в жизни не видел.

Драко присел на корточки и слегка высунулся из-за своего укрытия, пытаясь разглядеть заглавие. «Справочник чистокровных волшебников».

– Что ты ходишь за мной уже второй час? У тебя других дел нет?

Малфой поднял глаза. Сверху вниз на него в упор смотрел грязнокровка, причем весьма недружелюбно. Ожидая ответа, мальчишка отложил книгу в сторону и устроился на подоконнике поудобнее, подтянув одну ногу к груди и поставив подбородок на колено. Драко выпрямился и постарался принять как можно более гордый и независимый вид.

– Между прочим, я упомянут в этой книге, — начал младший Малфой с козырей, важно кивнув на справочник. — И не тебе, поганому грязнокровке, спрашивать, что я делаю и зачем. А вот я, маг древнейшего и благороднейшего рода, имею право интересоваться, как смеешь ты называть эту книгу бредом.

– Древнейшего? — хмыкнул собеседник. — Это сколько лет? Сто? Двести? Триста? Если судить по сему опусу, все древнейшие вымерли, как динозавры. Двадцать восемь ныне здравствующих родов. Двести тринадцать пресекшихся.

– Да моему роду больше тысячи лет!

Мальчишка окинул его взглядом, будто мерки снимал.

– Ну, на Олливандера ты не похож. Стало быть, Малфой.

– Именно, — завелся Драко. — Благороднейший и…

– Не напрягайся! Я все прочитал. Могу пересказать дословно. Скажи, раз ты такой просвещенный, здесь, — невежливо перебивший его грязнокровка хлопнул ладонью по справочнику, — указаны все древнейшие фамилии?

С младшим Малфоем никогда так не разговаривали. Вероятно, поэтому, опешив от подобной наглости, он ответил неожиданно спокойно.

– Нет, «священные двадцать восемь» это чистокровные, никогда не мешавшие кровь с отребьем и не имеющие в роду сквибов.

– То есть лучше других спрятавшие концы в воду, — задумчиво потер подбородок собеседник.

– Как ты смеешь! — возмутился Драко. — Да мой отец тебя за эти слова…

– Слушай, — мальчишка глубоко вздохнул и снова перебил его, — у меня сегодня откровенно поганое настроение. И юмора на твои закидоны не хватит. Продолжишь выпендриваться, получишь по своему аристократическому заду, невзирая на юный

возраст, древность рода, папу, маму и всех родственников до сотого трясущегося дряхлого артритного колена. Лучше возьми карандаш, этот дурацкий справочник и принеси хоть какую-то пользу обществу, раз тебе делать нечего. Мне еще надо две книги просмотреть. А времени в обрез.

У младшего Малфоя отвисла челюсть, а мальчишка тем временем, освободив место на подоконнике, протянул ему карандаш и книгу.

– Залезай. Чего стоишь?

И Драко, поражаясь сам себе, взял то, что ему давали, и послушно сел рядом, а затем задал самый дурацкий вопрос в своей жизни.

– А почему артритного?

Собеседник удивленно посмотрел на него, неожиданно весело рассмеялся и сказал:

– Ну, ты комик! Хорошо, остеохондрозного. Так будешь помогать?

Драко кивнул.

– Молодец. Открой список пресекшихся родов и подчеркни те фамилии, которые еще существуют. А если точно знаешь, что какому-то роду больше тысячи лет, поставь рядом галочку, — дал задание мальчишка и потянулся за следующей книгой.

Какое-то время они молчали и занимались каждый своим делом. Закончив, Драко перепроверил всё три раза, дернул соседа за рукав и пробормотал: «Я все». Тот угукнул, не отрываясь от книги, вытащил из кармана галлеон и перекинул его Драко.

– Спасибо. Я сейчас посмотрю, а пока, будь другом, заплати за нее.

Это был гипноз, не иначе. Младший Малфой, в жизни особо никогда никого не слушавшийся, слез с подоконника и пошел оплачивать покупку. Когда он вернулся, мальчишка уже отложил том, который читал, и изучал пометки Драко в списке. Малфой положил сдачу рядом с мальчиком и сказал:

– Это плохая книга. Считай, выкинул деньги.

– Я ее исчеркал, так что все честно. Да, негусто. Всего четыре фамилии.

– Если хочешь изучить чей-то род, нужно смотреть фамильный гобелен. А еще, — Драко понизил голос до шепота, — в Лютном можно найти более подробный справочник.

Собеседник заинтересованно посмотрел на него.

– Где конкретно? И насколько подробнее?

– Ну, у Боргина, кажется. Папа что-то такое говорил. Он зачарован так, чтобы обновляться, если что-то меняется. И он дорогой, — заметил Драко и, еще раз оценив его внешний вид,

подумал: «Тебе не по карману».

– Не переживай так за мой карман, — ухмыльнулся мальчишка, спрыгнул с подоконника, сгреб сдачу и посмотрел на часы. – Ого! Времени-то уже. Пойдем, накормлю тебя обедом, а потом разбежимся. У меня еще дел…

Малфой ошарашенно посмотрел на него, тот закатил глаза.

– Не бойся, мыслей не читаю. У тебя все на лбу написано. Большими такими буквами. Ну, так что, ты идешь? Или тебя кто-то ждет?

***

Они сидели у Фортескью, молча расправляясь с заказанными блюдами. Драко исподлобья изучал своего нового знакомого.

– А зачем тебе все это? Полагаешь, ты… — Малфой слегка замялся, но продолжил, — бастард какой-нибудь древней и благородной семьи?

Тот слегка поморщился и взмахнул рукой. Стол словно накрыло коконом, посторонние звуки исчезли. Драко, выпучив глаза, уставился на него. Грязнокровка поставил звуконепроницаемый полог?! Прямо как крестный!

– Можно сказать, только вчера освоил, — хмыкнул собеседник, заметив ошалелый взгляд Малфоя. — А что касается остального… Ты сегодня это слово «благородный» просто до дыр затер. Что оно означает, как думаешь?

– Потомок древнего рода, с чистой кровью и безупречной родословной.

– Как племенной жеребец или породистый бульдог?

– Да что ты понимаешь!

Собеседник жестом пресек возмущение Драко и продолжил.

– Вот, допустим, твои предки. Чего они добились?

– Чтобы ты знал, мой пращур, Арманд Малфой, был весьма известен при дворе Вильгельма Завоевателя. Между прочим, он был великим магом крови! — начал было Драко запальчиво, а затем испуганно осекся.

Тема магии крови была табу. Отец категорически запрещал кому-либо об этом говорить. А он вот так просто выбалтывает первому встречному. И, если сейчас попросить никому не рассказывать, еще не известно, что этот грязнокровка потребует взамен.

Собеседник внимательно смотрел на съежившегося Драко, а потом покачал головой и скучным голосом произнес:

– Клянусь не сообщать об этом разговоре любому живому существу, желающему причинить вред семье Малфой. Пусть магия будет мне свидетелем.

– Почему? — выдавил Драко.

– Просто так, — безразлично пожал плечами собеседник. — Так вот, ты можешь гордиться достижениями своих предков, но не ставить их себе в личные заслуги. Тебе лишь повезло родиться в конкретной семье. Ты их потомок. Но и только. Пока, по крайней мере. Например, сначала во «Флориш и Блоттс» ты вел себя, как засранец. Но твоя бескорыстная помощь потом — благородный поступок, достойный представителя древнего рода. От каждого действия зависит, кем ты станешь в конечном итоге.

Драко глубоко задумался, а грязнокровка со странными представлениями о благородстве снова посмотрел на часы и нахмурился.

– Выхожу из графика, — он поднялся, вытащил из кармана деньги и положил их на стол. — Проводить тебя к родителям? Они тебя, наверное, уже потеряли. Где вы должны встретиться?

Драко забормотал, мол, они обещали, но не смогли, поэтому я сам, а они не в курсе, краснея от того, как по-детски глупо звучали его слова.

– Вызывай своего эльфа и отправляйся домой. Они же с ума сходят! — возмутился мальчишка. — Кстати, этот поступок от благородного тоже весьма далек. Делай выводы. Еще раз спасибо за помощь и до свиданья!

Он взмахом руки убрал чары и вышел из кафе. Выбежавший вслед за ним Драко успел заметить, что грязнокровка направился в сторону Лютного переулка.

Шерлок Холмс глубоко в душе снова поднял голову и потребовал продолжить расследование. И отказать ему младший Малфой не смог.

_____

(1) В 1988 г. министром магии была Миллисента Багнолд. Всем известный Корнелиус Фадж был ее заместителем и главный пост занял в 1990 г.

(2) Фредерик Грэхем Янг — британский серийный убийца по прозвищу «Отравитель из Бродмора».

= = = = = = = = = = = ГЛАВА 18. А был ли мальчик? = = = = = = = = = = =

Первое, что сделала Мелисса, вернувшись от Снейпа в свою комнату, — это трансфигурировала из воздуха стакан и грохнула его об стену. Сразу стало легче. Плакать и жалеть себя резко расхотелось. И даже стало немного стыдно за собственную истерику.

Развеяв рукой осколки, девочка решила направить энергию в позитивное русло: научиться ставить звуконепроницаемый полог. В конце концов, если уж бить посуду, то так, чтобы не привлекать ненужного внимания. Открыв учебник по продвинутым

заклинаниям, она принялась отрабатывать чары с палочкой и без нее, одновременно пытаясь решить, что ей делать дальше.

То, что она сейчас жива и здорова, вряд ли вписывалось в первоначальный план директора, каким бы он ни был. Ее встреча с Северусом в тот день, скорее всего, была счастливой случайностью. Тем не менее, логично предположить, что у такого человека, как Дамблдор, в случае провала плана А, есть план В, план С и так далее. Благо, букв в алфавите предостаточно. И хотя осознание этого весьма нервирует, в ближайшее время она, похоже, останется живой и не менее здоровой, раз уж ее не прикопали в глубоком детстве.

„Неопределенный жизненный статус“ Темного Лорда тоже не способствует успокоению. Означает ли это, что он, мягко говоря, огорченный поражением, может вернуться в любой момент? Нет, пожалуй, это явное преувеличение. Вряд ли Дамблдор пустит данный вопрос на самотек. Не зря же так активно продвигается идея, что Гарри Поттер — избранный, надежда магической Британии и так далее. Выставлять восьмилетнего, десятилетнего, да даже пятнадцатилетнего мальчишку против одного из сильнейших магов последнего столетия не экономно. Так никаких избранных не напасешься. Значит, лет семь-восемь у нее в запасе есть. Как минимум.

Тем не менее, если, а точнее, когда возвращение „вселенского зла“ состоится, что помешает большим дядям сделать ее, Мелиссу Эванс, предметом торга или шантажа? Девочка очень сомневалась, что в Темном Лорде вдруг проснется отцовский инстинкт и он раскроет для нее любящие объятия. В лучшем случае ее будут тягать с одной стороны на другую, в худшем, она скоропостижно скончается, а ее тело после краткой панихиды в окружении безутешных друзей и наемных плакальщиц предадут земле.

Становиться чьей-либо марионеткой, как и преждевременно умирать, не хочется. Просто до слез. Сделать ноги в неизвестном направлении ей, скорее всего, не дадут. Да и ритуал, висящий над ней дамокловым мечом, не позволит свободно собой распоряжаться. Значит, нужно использовать имеющуюся временную фору с максимально возможной пользой и самой попытаться стать игроком.

Что ж, планы достойные. Наполеон нервно плачет в углу и зовет маму.

Нет, свои нынешние возможности она осознавала прекрасно. Их нет. На сегодняшний день Мелисса Эванс — это ноль целых и, дай Бог, если хотя бы одна сотая.

Значит, к моменту битвы титанов она, во-первых, должна

разобраться с этим чертовым ритуалом и максимально развить свои магические способности. Всесторонне развить. Не брезгуя никакой областью. Во-вторых, нужно собрать команду единомышленников, верных непосредственно ей, и обеспечить нейтралитет хотя бы части сторонников Дамблдора и Темного Лорда, как бы амбициозно это ни звучало. И самое главное: успех в подобных конфликтах зависит, прежде всего, от денег. Точнее, от их количества.

Итак, начинать нужно с реального. С ритуала. Можно попробовать наведаться на Косую аллею, во „Флориш и Блоттс“. Наверняка же существуют справочники, типа „Кто есть кто в магической Британии“. Ей надо найти древний род, ведущий свое начало как минимум с десятого века и специализирующийся на магии крови. Вряд ли в популярных изданиях для массового пользования честно перечислят магические родовые способности той или иной семьи, но для начала необходимо просто сузить круг поисков: кто из них в принципе может похвастаться столь древней историей.

Можно, конечно, задать этот вопрос слизеринцам. Но подобный вариант после всестороннего рассмотрения отпал в полуфинале. Несомненно, они способны, даже вися над пропастью вниз головой, припомнить свою родословную от Адама и до сегодняшнего ужина. Но вряд ли поделятся подробностями с первой встречной, а кроме того, стопроцентно начнут воспринимать Мелиссу как охотницу за титулом, подбирающую варианты. С ее не определенным на текущий момент статусом это смерти подобно. И потом, есть ли гарантии, что официальная версия генеалогического древа идентична таковой для „домашнего“ потребления.

Нет, один весьма древний род она определенно знает: Олливандеры. Они же „производители волшебных палочек с 382-го года до нашей эры“, если, конечно, верить вывеске на магазине. Учитывая это, сомнительно, что они еще и тайные маги крови.

Представителем двух других родов в будущем, возможно, станет она сама. Интересно, а какие родовые способности у Певереллов и Слизеринов? Наверняка, что-то существенное. Недаром весь магический мир до сих пор боится Темного Лорда даже по имени назвать.

Ну, парселтанг, само собой разумеется. Кстати, это знание вообще имеет практическое применение, или оно чисто декоративное? Этакий мертвый язык. Как арамейский, например. Хотя тут у парселтанга явное преимущество: можно хотя бы с незнакомой гадюкой договориться или убедить случайно

встреченного удава обойтись без десерта.

Третья известная ей старинная фамилия — Блэки. Не факт, что им больше тысячи лет. Да и вряд ли они специализировались в магии крови, если судить по набору завещанных ей книг. Впрочем, зачем гадать? Можно спросить у знатока.

– Кричер!

Домовик появился с негромким хлопком. Выглядеть он стал гораздо лучше: чистенький, с приглаженными редкими седыми волосами, одетый в белоснежную накрахмаленную наволочку. Девочка решительно пресекла поклоны и бурную радость и указала ему на стул. Эльф уже привычно взгромоздился на него и преданно уставился на хозяйку, всем своим видом выражая полнейшую готовность выполнить все, что угодно.

На прямой вопрос о древности рода Блэк и его магической специализации домовик не ответил, испуганно икнул, закрыл рот ладонями и стал озираться в поисках тяжелого предмета, которым можно было бы себя примерно наказать. Остановив мазохиста, Мелисса какое-то время в задумчивости ходила по комнате, а потом резко остановилась.

– Естественно, они подстраховались клятвами. А если методом от противного? Не то, что есть, а то, чего нет, — прошептала девочка и повернулась к эльфу. — Кричер, некромантия не родовая способность Блэков?

Домовик выдохнул, положил руки на острые колени.

– Да, хозяйка, благороднейший род Блэк не занимается некромантией.

Через четверть часа Мелиссе стало известно, что Блэки были признанными мастерами трансфигурации в общем и анимагии в частности. Также они весьма уважали темномагические заклинания и проклятия. Кричер так выразительно молчал и закатывал глаза, что сомнений не осталось никаких. Таким же способом девочка выяснила, что этот род насчитывает почти двенадцать веков. Кроме того, стало очевидным: домовика нужно срочно связывать еще одной клятвой. От таких же ушлых, как она сама. Откладывать Мелисса не стала.

Перед тем как его отпустить, девочка проверила надежность только что разученных чар. Велев Кричеру дать знак, как только он ее услышит, она запела незамысловатую песенку и набросила на себя звуконепроницаемый полог. Все посторонние звуки стихли.

Спустя несколько минут, так и не дождавшись сигнала от эльфа, Мелисса пришла к выводу, что заклинание работает, а ее собственных сил вполне хватит на небольшую приватную беседу с кем бы то ни было. Развеяв полог, она услышала бормотание

домовика:

– …и магия такая же, как у настоящего лорда.

Девочка усмехнулась: „Надо надеяться, что не все эльфы-домовики сталкивались с колдующим Темным Лордом! Детекторы ходячие…“

Эта мысль неожиданно царапнула. Закрыв глаза, Мелисса пыталась ухватить ускользающее чувство дежавю, а когда ей это удалось, она с досадой хлопнула себя по лбу и бросилась к столу.

Взяв пергамент и перо, Мелисса набросала несколько строк и повернулась к ворону, который, заметив ее взгляд, попытался сделать вид, что его тут вообще нет.

– Корвус, срочное дело! И для тебя Кричер, кстати, тоже.

Да, вылазка на Косую аллею становится необходимостью.

***

День обещался быть мерзким, и Оглаф начал страдать заранее. Еще с вечера. По графику была его очередь сидеть за стойкой в холле Гринготтс, имитируя оценку огромной зеленого цвета стекляшки, призванной изображать изумруд. Нет, он никогда не манкировал своими обязанностями, но политика показухи и заманивания, уже несколько столетий проводимая кланом Гринготтс, обладающим блокирующим пакетом акций банка, стояла у него уже поперек горла.

„Какой бред, — бурчал он себе под нос, деловитым шагом направляясь на работу по уже проснувшейся и начинающей потихоньку бурлить Косой аллее. — Любой человек с каплей мозгов поймет, что не бывает в природе таких огромных самородков! Если бы это был мой банк, я бы вел дела совершенно по-другому! Сотня служащих целый день играется в бирюльки“.

А ведь любой из этих гоблинов мог бы использовать свое время с гораздо большей пользой. Вот, например, как они с Аргом несколько недель назад. Какое шикарное дело провернули! Перехватить партию драконов. Да еще за смешные деньги. Нет, тут, конечно, спасибо Аргу. Причем красиво блестящее и мелодично звенящее „спасибо“.

Впрочем, все честно. Это ведь Арга наняли ликвидатором в рейд драконоборцев в Северном Уэльсе — мало ли с какими охранными заклинаниями и проклятьями можно столкнуться на ферме, которую почти триста лет не могли обнаружить. И уж Арг ушами не хлопал.

Он еще до рейда пришел к нему, Оглафу, и сказал, что пятой точкой чует: отряд затеял какую-то аферу. Уж больно загадочные ходят. Переглядываются, таинственно улыбаются. Будто девицы на выданье, а не здоровые молодые мужики. И ведь прав оказался.

Уж неизвестно, что там их стукнуло по голове, — судя по массовости и одновременности, явно, бревно, — но они решились поиметь любимое министерство и загнать туши на сторону. Ну, Арг и воспользовался случаем, указав им нужное направление. В конце концов, а чем Оглаф не сторона?

А что заплатил всего две тысячи галлеонов, ну, извините, ему большое начальство в лице маленькой девочки только такую сумму и выделило. Да даже если бы и другую выделило, вот не дал бы. В конце концов, каждый имеет того, кто позволяет себя иметь: они — министерство, он – их.

Все прошло превосходно. Всего-то полчаса переговоров под гоблинскими чарами отвода глаз, и каждый получил то, к чему стремился. Оглаф туши, а драконоборцы деньги, которые, кажется, уже успели прогулять. И им понравилось. До такой степени, что они даже закинули Аргу удочку о возможности реализации гипотетических результатов будущих рейдов.

Да ради Мерлина! Кто бы возражал! Только не Оглаф и не Арг. Кстати, вот и он. Легок на помине. Оглаф с удовольствием принял приглашение позавтракать в кафе Фортескью. Что может быть лучше перед нудным рабочим днем, чем чашка ароматного кофе в компании приятеля?

Когда они, сытые и взбодрившиеся, выходили из кафе, Арг вдруг толкнул его в бок и указал на худого ребенка в магловской одежде: джинсах, легкой куртке, кепке, со знакомым потертым рюкзаком на плече.

Какая прекрасная возможность оттянуть дежурство!

– Госпожа, как удачно, что я вас встретил, — радостно сказал гоблин.

***

Очутившись в уже привычном кабинете банка Гринготтс, Мелисса села в облюбованное кресло, решительно отказалась от кофе-чая, сославшись на нехватку времени, и, слегка удивленная присутствием Арга, вопросительно посмотрела на Оглафа.

Поверенный позвонил в колокольчик и протянул девочке появившуюся на столе красную папку. Быстро просмотрев выписку, Мелисса подняла глаза на довольных собой гоблинов.

– Оглаф, я, подозревала, что ты финансовый гений, но не настолько же, чтобы за несколько недель увеличить мое скромное состояние более чем в два раза. Чем мне это грозит?

Два новоявленных спекулянта наперебой, чуть ли не захлебываясь от восторга, рассказали девочке о проделанной ими работе. Одновременно Оглаф бил себя кулаком в грудь и уверял Мелиссу, что он никогда не предпринял бы никаких действий, если бы не был уверен в успехе. Что в данном конкретном случае

закон преступали как раз драконоборцы, и ответственность ложится целиком и полностью на них. Но ведь никто не заставлял их обманывать родное министерство, не так ли?

– Что ж, господин Арг, — сказала девочка, — я надеюсь, вы довольны суммой комиссионных и в будущем будете сообщать Оглафу о подобных возможностях.

Ликвидатор ухмыльнулся и заверил: всенепременно и с удовольствием.

– Я правильно поняла из вашего рассказа, что разведение драконов — узкое место на рынке? Спрос есть, а предложение минимальное? — спросила у него Мелисса.

– Ой, мисс, — ехидно хмыкнул Арг, — на официальном рынке магической Британии почти все места узкие, если уж откровенненько.

– Летом во „Флориш и Блоттс“ я не видела ни одной книги по экономике волшебного мира, — рассуждая сама с собой, протянула девочка, а потом поинтересовалась. — У нас есть заводы? Фабрики? Рыбные хозяйства? Плантации по выращиванию, не знаю, хоть бубонтюберов? Фермы по разведению каких-нибудь грифонов?

Оглаф развел руками.

– Со статутом секретности, международными конвенциями и законами, запрещающими практически все, что сложнее Люмоса и опаснее флоббер-червя? Максимум, что позволяет министерство, — аптеки со строгим перечнем зелий и снадобий, разрешенных к свободной продаже, небольшие мастерские, лавчонки, огородики с неопасными травками да разведение каких-нибудь книззлов. Хотя в последнем случае уже придется собирать кучу бумажек. Книззлы ведь полуразумные. Да и потом, даже если бы была возможность организовать что-то солидное, кто будет это все реализовывать? Для развития промышленности и экономики, как у маглов, просто нет специалистов.

– И не будет, — решительно перебил его Арг, бросив на приятеля странный взгляд. — При нынешнем уровне образования. Посмотрите хоть на выпускничков Хогвартса, которых принимают в наш отдел ликвидаторов. Стандартный наборчик умений. Стандартное мышленьице. И этот стандартик, уж поверьте мне, невысок.

Мелисса глубоко задумалась. Какая интересная вырисовывается картина. Мелкие мастерские и лавки, небольшие частные огороды и фермы. Но ведь ингредиенты для школьных занятий она купила без проблем. Значит, есть кто-то. Какой-то монополист, который, во-первых, обладает достаточными ресурсами, а во-вторых, виртуозно обходит существующие

законы. Или… ему на них попросту плевать. Но в таком случае, этот очень хитрый кто-то должен иметь возможность влиять на законников. Cui prodest(1)?

– Оглаф, — девочка внимательно посмотрела на своего поверенного, — Хогвартс ведь не только образовательное учреждение, но и весьма крупный производитель и поставщик трав и ингредиентов?

Гоблин удовлетворенно откинулся на спинку стула.

– Именно. Причем, практически всех. Представьте только: теплицы и зверинец с множеством растений и животных. Чего стоит только Черное озеро с редчайшими подводными тварями и одним из последних поселений русалок. Но самое главное богатство школы — Запретный лес. Это же самое настоящее Эльдорадо. Единороги, фестралы. Ходят слухи даже о колонии акромантулов. Неподтвержденные, правда.

– А знаете, что самое чудесненькое во всем этом, мисс Эванс? — снова вклинился в разговор Арг.

Мелисса бросила на него мрачный взгляд и ответила в тон:

– Дешевенькая рабочая сила?

– Не дешевенькая, а бесплатненькая. Нюансик, не так ли. Ведь должны же мальчики и девочки учиться? И разве хорошо будет, если результатики их труда пропадут? Ну, а если вдруг на уроке по уходу за магическими тварюшками какой-нибудь подотчетный огнекрабик загнется от чрезмерной заботы, так что с того: всё в этом мире бренно. Выпишут из-за границы новенького. За счет попечителей и благотворителей, разумеется.

– А безвременно почившего похоронят с почестями, — развила его мысль Мелисса. — Только без внутренностей, глаз и клешней.

– Бесспорненько. Они ведь ему в раю без надобности, — откровенно развлекался Арг. — А вот дракончиков в школе не разводят. Так что да, они — самое узенькое место. Уже него только слезки феникса и ядик василиска, который в принципе достать невозможно.

– А вот насчет слез ты не прав, Арг, — возразил Оглаф. — Помнится, пару месяцев назад прошел слушок, что у Боргина опять появилось несколько стандартных флаконов. За бешеные деньги, разумеется. Так что у кого-то в загашнике феникс.

Приторное выражение схлынуло с лица ликвидатора, глаза стали холодными и колючими, и он, отбросив свою слащавую манеру, прошипел:

– Ты в курсе у кого. Мы это уже обсуждали.

– Чушь, Арг! — завелся Оглаф, очевидно, продолжая какой-то старый разговор. — Слезы появляются регулярно. Значит,

карманный феникс плачет по заказу. Для этого он должен быть истинным фамильяром, а в случае с магическими существами, каковым, как ты знаешь, является феникс, это невозможно. Дамблдор — могущественный маг, но отнюдь не Мерлин!

– Воплощение света спекулирует слезами! Мордред побери, это его право, — Арг от возмущения подпрыгнул чуть ли не вместе со стулом, на котором сидел. — Но пока я не пойму, как он заставляет феникса рыдать в склянку, я не успокоюсь!

Мелисса решила пресечь начинающийся спор.

– Вероятно, просто просит, господин Арг. Да, феникс магическое создание, но подобные существа могут стать условно истинными фамильярами, которые обладают теми же свойствами, что и истинные.

Гоблины ошарашено уставились на нее. Правильно поняв их взгляды, девочка пожала плечами.

– Подумываю о фамильяре, поэтому летом почитала кое-что на эту тему. Сейф мой подобную возможность предоставляет, да и магловские легенды тоже весьма познавательны. Нет, никаких ритуалов я не проводила, — она махнула рукой, успокаивая вскинувшегося поверенного. — И не собираюсь, пока не проясню все, до последней запятой. Можешь выдохнуть.

Оглаф послушался, а Арг вкрадчиво спросил:

– А можно поинтересоваться результатами изысканий? Для общего развития. Многие техники утеряны, так что я буду вам очень признателен.

Мелисса оценивающе взглянула на него: „Он умен, дотошен, и у него есть чутье. Как говорится, сегодня я тебе, завтра ты мне“.

– Что ж, фамильяра можно создать или призвать. Процесс создания может растянуться на годы, даже на десятилетия. В случае с волшебным существом, таким, как феникс, это заняло бы несколько десятилетий. Кроме того, птенец должен был вылупиться при непосредственной помощи будущего хозяина.

Суть процесса заключается в том, что волшебник должен сотворить дубликат собственной ауры и поместить его в животное. После завершения всех ритуалов и закрепления результата фамильяр обретает разум, часть опыта, знаний и сил хозяина и становится просто незаменимым помощником. Например, хозяин может видеть глазами фамильяра и слышать его ушами. Колдун тоже приобретает новые способности. Если фамильяр — волк или собака, то улучшается обоняние. А волшебник с помощником-котом начинает лучше видеть в темноте. Этот вариант самый безопасный, но трудоемкий и для любителей быстрого результата абсолютно не привлекательный.

Истинные и условно истинные фамильяры призываются.

Призыв сопровождается ритуалами на крови, а в некоторых случаях и жертвоприношениями.

Проще всего призвать истинного фамильяра. Здесь, правда, существует вероятность, что призванная сущность окажется магически и интеллектуально сильнее хозяина. Тогда произойдет обмен ролями. Нет, маг не превратится в фамильяра в полном смысле этого слова, но разорвать связь или как-то повлиять на нее он сам не сможет. В этом случае призванная сущность будет просто паразитировать на силах призвавшего ее колдуна.

Поместить истинного фамильяра в магическое существо невозможно. Однако волшебник может попытаться призвать условно истинного фамильяра, если он достаточно силен. Тем не менее, многие маги древности отказывались от этого варианта, поскольку он чреват сумасшествием. Ведь в этом случае вместо призванной сущности в животное помещается часть души колдуна. Кстати, именно так поступил Герпий Омерзительный(2). Он призвал условно истинного фамильяра в выведенного им василиска. После этого Герпий повредился умом и, цитирую, „стали его деяния темными, словно ночь“.

– Ну, конечно же… Герпий… Я настоящий идиот, — прошептал внезапно побледневший Арг и спешно откланялся.

После того, как за гоблином закрылась дверь, Мелисса удивленно повернулась к поверенному. Оглаф состроил недоуменную гримасу и пожал плечами. Взяв на заметку, что необходимо поискать дополнительную информацию о натуралисте Герпии, девочка решила прояснить, что хотел сказать поверенный, перед тем, как его перебил Арг.

– Оглаф, возвращаясь к вопросам экономики. Дело ведь не только в низком уровне образования магов. Есть что-то еще?

Гоблин слегка сощурился, что-то обдумывая, потом достал из кармана небольшой круглый амулет из серебристого металла с выемкой и атам.

– Полный набор чар безопасности, госпожа, — пояснил он.

Порезав себе палец, он капнул кровью в углубление и сказал:

– Знаете, я буду говорить откровенно. Между магами и гоблинами было несколько кровопролитнейших войн. И теперь гоблины находятся в подчиненном положении, даже несмотря на то, что мы контролируем банковскую систему и наши изделия из металла пользуются огромным спросом. Долгие и долгие столетия гоблины рождались, жили и умирали с мыслями о возможном реванше. Кто-то пытался бороться. Последний бунт произошел в XVIII веке. Кстати, нашего общего знакомого, — гоблин кивнул в сторону закрытой двери, — назвали в честь лидера этого бунта. Тем восстанием руководил…

– Арг Грязный. По версии магов, все произошло из-за недоразумения. Группа волшебников якобы случайно столкнула Арга в канаву. Гоблины считают, что они совершили это намеренно. Если принять в расчет, что магов было несколько, они не помогли пострадавшему выбраться, не извинились и публично его высмеяли, скорее всего, так и было, — посмотрев на сидящего с открытым ртом поверенного, девочка улыбнулась. — Оглаф, ты же сам дал мне словари и книги для детей на гобледуке. Там были сказки. Очень интересные, кстати. И рассказы об исторических личностях.

– То есть вы действительно учите наш язык? И интересуетесь нашей историей? М-да, — протянул гоблин и откашлялся. — К чему это я? А… Так вот за последние две сотни лет не было даже малейшего возмущения. И не думайте, что гоблины смирились с существующим статусом-кво. При нынешнем мизерном уровне рождаемости у магов в этом просто нет смысла. Понимаете?

Мелисса слегка сощурилась и задумчиво произнесла:

– Если долго сидеть на берегу реки и смотреть на воду, есть вероятность, что мимо тебя проплывет труп твоего врага. И гоблины просто ждут… А вы никогда не думали, что, если будет разрушена многовековая экосистема, это станет началом конца многих магических народов? В том числе и вашего.

Оглаф покачал головой.

– Если бы не думали, то не стали бы помогать Темному Лорду в последней войне, госпожа. Во всяком случае, некоторые кланы. Правящий клан Гринготтс поддерживал Дамблдора. Ваш батюшка был весьма озабочен вопросами демографии.

– А ты кого поддерживал?

– Наш с Аргом клан соблюдал нейтралитет. К чему я все это говорю, госпожа. Вы, действительно, мне симпатичны. Но может, вам имеет смысл махнуть на все рукой и вернуться к маглам?

Мелисса откинулась на спинку кресла и горько усмехнулась.

– С моим генеалогическим древом? Оглаф, да ты оптимист!

Какое-то время они молчали, а потом девочка взглянула на часы и мысленно выругалась: она тут уже целый час. Времени до встречи все меньше, а дел еще куча.

– Оглаф, вернемся на грешную землю. Сколько ты заплатил Аргу?

– Тысячу галлеонов, госпожа, — ответил гоблин, мгновенно настраиваясь на рабочий лад. — Сами понимаете, с посредниками надо делиться.

Мелисса задумчиво потерла подбородок.

– Пять процентов, значит. А себя обездолил аж на двести галлеонов? Знаешь, Оглаф, для меня благосостояние моих людей,

— девочка сделала легкий акцент на этих словах, — важнее. Давай-ка исправим эту несправедливость.

Поверенный покраснел от удовольствия и благородно отказался, хотя Мелисса готова была раскошелиться. И в конце года так и надо будет сделать. Что-то типа рождественского бонуса. Положительное подкрепление лишним не бывает. Впрочем, сам факт сегодняшнего разговора может стать для Оглафа стимулом для плодотворной работы и дополнительным козырем в рукаве, если придется обеспечивать поддержку или нейтралитет других гоблинов. Тем более, их общество тоже неоднородно, как выяснилось.

– Госпожа, мне нужно знать, какой суммой я теперь могу оперировать, учитывая удачную сделку?

– Тридцатью процентами счета. Тем не менее, ты должен внимательно изучить все нормативные акты, которые когда-либо принимались магическим сообществом. Цель — найти юридически обоснованную возможность обойти запреты и препятствия при организации своего предприятия. Может быть, какие-нибудь древние законы еще действуют. Или существует какая-то привилегированная группа людей, чьи льготы забыли отменить. Если найдешь, делиться подобным открытием, естественно, ни с кем не стоит.

Гоблин критически скривился, демонстрируя свои сомнения. Девочка не обратила внимания на его гримасы.

– Кроме того, нужен способ связи, альтернативный птицам. Варианты?

– Парные пергаменты или зеркала. Зеркала удобнее, быстрее и надежнее. Но дороже. Пятьдесят галлеонов пара. Пергаменты — двадцать.

– Три пары того и другого.

Гоблин взял со стола колокольчик и несколько раз позвонил.

– Сейчас их принесут.

– В какое время ты будешь доступен по зеркалу, Оглаф? — девочка решительным жестом пресекла уверения в том, что он всегда готов, в любое время, в любом состоянии, и пояснила. — Досуг — святое. Со мной ты можешь связываться по зеркалу с шести до восьми вечера в будни. Если появится что-то важное, сообщай сразу же, но через пергамент. Когда доступен ты?

– С девяти до семи каждый будний день. При форс-мажоре в любое время дня и ночи. И госпожа, поверьте, я ценю.

В этот момент принесли заказанные средства связи. Девочка перекинула гоблину зеркало и пергамент и направилась к выходу.

– Что ж, Оглаф, спасибо за все! Ты — лучший!

– До свидания! — пробормотал тронутый похвалой гоблин.

***

Мелисса шла по Лютному переулку.

Впечатление он производил самое что ни на есть печальное. Такое чувство, что в магическом мире уже несколько столетий ведется целенаправленная политика сегрегации. Это же самое натуральное гетто! Однотипные небольшие каменные дома, узкие темные проулки, мешанина неприятных запахов — глухое средневековье. Если бы маги не владели заклинанием Эванеско, явно пришлось бы постоянно опасаться, что с верхних этажей выплеснут содержимое ночного горшка или помойного ведра.

Да, существовать в подобных условиях, когда кому-то живется ой как неплохо, — на такой альтруизм способны далеко не все. Да практически никто. Особенно, если точно знаешь, что изменить ничего не сможешь, как бы ни старался. Что можно сделать, если у тебя нет ни сейфа, ни толпы чистокровных родственников за спиной, ни хорошего образования?

Не удивительно, что обитатели Лютного с радостными воплями встали на сторону Темного Лорда. Он давал им хотя бы призрачную надежду на продвижение по социальной лестнице. Победа Дамблдора лишь закрепила то положение вещей, при котором их место — „дно“. Когда Лорд вернется, они однозначно будут зубами грызть за него глотки.

«Где же этот трактир? Так, от „Боргин и Берк“ направо. К Боргину, кстати, нужно будет зайти. Может, у него есть что-нибудь о Герпии? Да и справочник волшебных родов необходим. А то во „Флориш и Блоттс“ не было практически ничего полезного. Спасибо, кстати, мелкому Малфою за ценную информацию и за помощь. И чего он за мной ходил, как привязанный? И кой-черт меня дернул его воспитывать? В любом случае, один тысячелетний род, практикующий магию крови, мне теперь известен. Другой вопрос, как покопаться в их библиотеке, но это уже дело будущего. Черт!» — девочка зацепилась носком за криво лежащий булыжник и чуть не упала.

Все время приходилось огибать какие-то бочки, ящики, тележки с тряпьем и тачки с какими-то непонятными травами, обходить мрачных прохожих. А еще безумно нервировало ощущение слежки. Такое щекочущее чувство в районе лопаток.

Несколько раз Мелисса крепче сжимала спрятанную в рукаве волшебную палочку и резко оглядывалась, пытаясь заметить того, кто за ней наблюдал. Неужели Малфой не послушался и полез в Лютный? Она бы так и подумала, если бы во время одного из подобных маневров, не заметила кусок черного плаща и рыжую прядь длинных волос резко свернувшего в подворотню человека. Выяснять, случайный ли это прохожий или нет, девочка не

благоразумно не стала, потому что в этот момент увидела вывеску с перекрещенными ложкой и вилкой и стоящую под ней фигуру.

***

А Драко действительно не послушался. Но, учитывая прошлые ошибки, старался держаться подальше и высовываться пореже, прячась за углами домов, бочками и ящиками, тут и там стоящими у каменных стен.

Объект, кажется, был в Лютном в первый раз. Он шел неуверенно, постоянно озираясь по сторонам. Складывалось ощущение, что он пытается отыскать какие-то приметы или считает дома и повороты. Несколько раз он сворачивал в проулки между строениями и тут же выходил обратно, возвращался на несколько шагов назад и оглядывался.

Наконец, он, похоже, увидел то, что искал, с явным облегчением выдохнул и быстрым шагом, чуть ли не бегом направился к трактиру, рядом с которым, небрежно привалившись к стене и ковыряя вилкой в зубах, стоял лысоватый здоровенный мужик в недорогой, но чистой мантии. Во всей его крепкой фигуре чувствовалась какая-то звериная сила. Даже под просторной одеждой легко угадывалась мощная мускулатура.

Объект подошел к здоровяку и хлопнул по протянутой ладони, как старого знакомого.

– Здорово, мелкая! Все пацана из себя строишь? — пробасил детина на весь переулок.

Драко чуть не вывалился из-за бочки. Это девчонка?! Им, магом из древнейшего и благороднейшего рода, командовала грязнокровая девчонка?! Это была просто вселенская несправедливость! Твердо решив обо всем рассказать отцу, или матери, или крестному, или им всем одновременно, и пусть они ее накажут, он уже собирался развернуться и выдвинуться в сторону Косой аллеи, когда большая рука, покрытая густыми рыжими волосками, закрыла ему рот. Драко легко подхватили под мышки и понесли куда-то в сторону. Он попытался вывернуться или пнуть напавшего, но безрезультатно. Мощные руки словно спеленали его.

Как же он пожалел, что не послушался грязнокровку и не отправился домой!

_____

(1) Cui prodest — Кому выгодно (лат.)

(2) Герпий Омерзительный — темный маг из Древней Греции. Вывел первого василиска, создал первый известный хоркрукс. Салазар Слизерин пользовался его трудами для выведения василиска.

= = = = = = = = = = ГЛАВА 19. Волки. Много волков = = = = = = = = = =

– Здорово, мелкая! Все пацана из себя строишь? — пробасил Фенрир на весь переулок. — В привычку вошло, нет?

За прошедшие с их последней встречи годы оборотень практически не изменился. Лишь несколько седых волосков появилось на висках, да волосы на макушке чуть поредели, а тело по-прежнему излучало мощь и силу. Даже его нынешняя расслабленная поза не вводила в заблуждение. Было видно, что он в любой момент готов к стремительному рывку.

Мелисса хлопнула его по протянутой заскорузлой ладони и ответила:

– Да ладно. Нормальная маскировка. Главное, ничуть не магическая. Да и пользоваться мне ей осталось от силы пару лет.

Оборотень хохотнул и мотнул головой в сторону трактира.

– Пойдем перекусим. Не на улице же трепаться. И не боись. Со старым добрым Фенриром ты как у Мерлина за пазухой.

Трактир в Лютном напоминал средневековую таверну. Именно так подобные места снимали в кино. Полутемное помещение с огромным, обложенным камнем камином и закопченными стенами, в щели которых были воткнуты свечные огарки. Судя по всему, на них были наложены какие-то противопожарные чары, поскольку подсвечников не было. Скрипучий деревянный пол просто умолял о том, чтобы его вымыли с мылом. Ну, или хотя бы протерли влажной тряпкой. Впрочем, как и массивные столы и скамейки, и столики поменьше, вместо табуретов окруженные небольшими бочонками.

Сейчас, в послеобеденное время, таверна была почти пуста: завсегдатаи собирались ближе к вечеру. Но три-четыре уже солидно набравшихся забулдыги все же украшали собой пейзаж.

Фенрир уверенно провел ее к небольшому столу в темном углу и сел так, чтобы постоянно контролировать взглядом помещение. К ним тут же подошла официантка с подносом в руках, на котором стояла огромная кружка пива и тарелки с какой-то мясной закуской.

Это была молоденькая блондинка в весьма откровенной блузке. Вместо фартука за пояс длинной залатанной юбки было заткнуто посеревшее от времени полотенце, кажущееся откровенно нестиранным. Официантка выглядела еще достаточно свеженькой и была бы прехорошенькой, если бы не следы легкой потасканности на лице.

Видно было сразу: девчонка тяжело работает, да и от лишнего стаканчика не отказывается. О режиме дня, правильном питании и средствах ухода за собой она если и имела

представление, то ни возможностей, ни желания, ни времени использовать имеющиеся знания у нее явно не наблюдалось. Естественно, что при подобном раскладе уже лет через десять подавальщица превратится в битую жизнью тетку, кажущуюся старше своего возраста. Выгружая снедь на стол, официантка сказала оборотню.

– Уж подумала, что ты ушел без обеда, да еще и не заплатив за заказ. А ты, оказывается, сынишку ждал. Похож.

Мелисса закашлялась от неожиданного вывода: ну, конечно, семейное сходство с Сивым у них просто бросается в глаза! А подавальщица тем временем продолжала философствовать:

– Какого Мордреда ты притащил его в наш притон, Фенрир, да еще маглом нарядил? На месте его матери уж и оттаскала б я тебя за космы за это!

– Всегда тебе говорил, Хейзел: меньше думай. Плохо это у тебя получается, крошка, — с легкой угрозой улыбнулся оборотень, демонстрируя более чем впечатляющий набор клыков.

Подавальщица фыркнула, всем своим видом показывая, что ей ну ни капельки не страшно, но, тем не менее, замолчала и поспешила отойти от стола. Оборотень окинул взглядом принесенную еду, потер руки в предвкушении и, пробурчав Мелиссе, что она может смело угощаться, придвинул к себе тарелку с какой-то бурдой.

Поставив звуконепроницаемый полог, девочка предложила:

– Если хочешь, могу проверить на яды твой обед.

– У меня свой проверяльщик, — споро работая ложкой, ответил оборотень и смешно наморщил нос. — Ты и представить себе не можешь, что он способен учуять для старика Фенрира.

Мелисса пожала плечами и сказала:

– Ну, почему, очень даже могу.

Оборотень замер, не донеся очередную ложку до рта. Он опустил ее в тарелку и, сощурившись, посмотрел на девочку.

– А ну-ка, мелкая. Позабавь!

– Домовики говорят, что у кровных родственников одинаковая магия. Я подумала, может, у них еще что-нибудь весьма схоже? — сказала девочка и улыбнулась, вспомнив про ДНК. — Например, запах. Помнится, во время нашей встречи в Софии ты проявил повышенный интерес к моей бейсболке…

Сивый скрестил мощные руки на груди.

– У гоблинов была? — дождавшись кивка, оборотень продолжил. — Резво. Мы со старухой Блэк, чтоб ей там не слишком припекало, как мозговали: не раньше четырнадцати. Нет, я подозревал, что ты можешь сподобиться. Да и Блэков ушастый то же верещал, хотя уж на его-то мнение наплевать. А

все ж уверенности не было. Про меня откуда узнала?

– Газетки полистала, семилетней давности. Статьи, расследования, фамилии, имена, — начала перечислять Мелисса и, слегка усмехнувшись, добавила, — пароли, явки.

– У Реджи-старьевщика, поди? — оборотень брезгливо скривился и свирепо цыкнул. — Вот ведь крыса помойная. Все в свою нору тащит. Каждую Мордредову бумажку. Ну, мелкая, и чего теперь? От меня-то что хочешь?

– Судя по всему, ты хорошо его знал. Какой он был? Что его связывало с моей матерью?

Сивый молчал, словно размышляя, а стоит ли вообще что-то рассказывать. Мелисса внимательно смотрела на него.

– Ты что думаешь, я жду историю любви из рыцарских романов? Ах, он был такой хороший человек. Просто принц на белом фестрале. А она Золушка златокудрая, помесь Ровены Рейвенкло и Хельги Хаффлпафф. А уж как они любили друг друга! И если бы не судьба-злодейка, то тогда! — девочка потрясла кулаком в воздухе, заменяя жестом пафосную речь, описывающую это «тогда», и, резко снизив градус, спокойно добавила. — Мне факты нужны.

Оборотень развел руками.

– Ну, мы приятелями не были. За стаканом о жизни не трепались. Он предложил стае выгодную сделку. Поэтому нам было по пути. Магом он был великим. Тут уж без никаких. А ПСы его говорили, что и ученым. Но о любви к мамке твоей, кем бы она ни была, речь не шла.

– А о чем шла?

– Ну, Малфой с Долоховым говорили про эксперименты…

Мелисса, чувствуя, как в глубине души поднимается волна злобы, процедила сквозь зубы:

– Ух ты! Даже не один, а целых несколько. Какие? Как скоро я уложу в кровать шестнадцатилетнюю дурочку? Или как быстро сделаю ноги?

– Да быстро, мелкая. Десяток встреч, и шашка прыгнула в дамки. Не рекорд, но с гарантией. Хотя, я свечку не держал, — хмыкнул оборотень. — Он вроде как проверял две старинные легенды: усиление магии кровью девственницы и появление истинного первенца. А уж получилось у него или нет — вопрос. Первое не знаю, а вот второе — вполне.

Мелисса прикрыла глаза, мысленно считая до десяти и пытаясь успокоиться: «Получается, Лили в любом случае забеременела бы с первого раза. Перспектива, однако. Без альтернативы вообще. Даже жаль ее. Чуть-чуть. Истинный первенец, значит… Судя по торжественному тону Фенрира, что-то

крутое. И, похоже, опять ритуалы магии крови, чтоб ей!»

Услышав, что оборотень снова заработал ложкой, девочка поинтересовалась:

– А почему вы его поддержали? Что он вам обещал?

– Гражданские права, — только и ответил Сивый.

– Какие? Голосовать? Быть избранным?

– Ха-ха! Смешно. Право на жизнь. Право на труд.

Мелисса чуть не задохнулась от неожиданности. Заметив ее удивленный взгляд, Фенрир пояснил.

– Мелкая, нас не берут даже на самые черные работы. Наша-то стая еще ничего, держится. Сама знаешь, ловим зверье для магазина на Косой. Ну, и еще вот по Лютному шаримся.

«Рэкет?» — подумала Мелисса и спросила:

– А у маглов вы работу не пробовали искать?

– Ты прям, как Фреддо, — Фенрир сделал глоток пива.

– Фреддо? М-да, не повезло парню, зовут, как лягушонка с обертки шоколадных батончиков.

– Что, правда, есть такая лягушка? Не, он тоже что-то про эти батончики кричал. А уж как обижается, когда мы его так зовем. Выходит, не врет, — расхохотался оборотень и пояснил. – Не, Фреддо — волк из моей стаи. Фредерик. Имечко уж больно королевское, нет? Мы-то, ясно дело, не голубокровые. Да и он не очаровательный принц. Так, магл невезучий. Хотя с историей.

Мелисса слегка нахмурилась.

– Как это магл? Они после укуса оборотня не умирают? Ты хочешь сказать, что в этом случае прав Скамандер?

– Ну, не Форфанг(1) же, — фыркнул Сивый. – Вот, народ. Одного дурака развели, а остальные бредни его читают и верят. Да, мелкая, маглы тоже обращаются. Иначе, как думаешь, стали бы жирные министерские коты тратить время и кропать «Руководство по обращению с не волшебниками, частично людьми» на полтысячи страниц? Хотя кому это интересно?!

Заметив красноречивый взгляд девочки, словно говорящий о том, кому это действительно интересно, оборотень хмыкнул и начал рассказывать.

– Ну, к оборотням всегда относились с опаской: вилы, факелы, топоры — в общем, все, что нужно для вечерухи с приятелями на свежем воздухе. Не, мы вовсе не невинные овечки. Мы волки. Но все же министерство всегда относилось к нам через… — Фенрир пощелкал пальцами, словно подбирая печатное выражение. – Ну, не знаю, как если бы правой ногой чесало левое ухо. В 1637 году эти козлы напрягли свои тыквы и изобрели Кодекс поведения оборотней. Кодекс! Рыцари подвязки(2) хреновы. Каждый вервольф должен был явиться в

министерство, лично его подписать и дать клятву магией ни на кого не нападать и запираться каждое полнолуние. Угадай, сколько оборотней поставило свою закорюку?

– Тоже мне теория относительности, — фыркнула девочка. — Ни одного. Если к вам отношение как к прокаженным, никто бы не признался. Да и клятва в подобном виде — смертный приговор. Любое непредвиденное обстоятельство, и человек умрет.

– Человек? Поправочка, мелкая. Маги уж сколько веков слюной брызжут, все решают, кто мы. Существа или твари(3). Законы переписывают вперед-назад. Таблички на дверях отделов перевешивают. То мы твари, и тогда никаких прав. На нас срочно нужно надеть ошейники, намордники, вырвать нам зубы. А еще лучше отрезать нам яй… ну, в смысле, кастрировать или попросту «стереть с лица земли всех этих бездушных, злобных тварей», — Сивый явно цитировал кого-то, оскалившись и непроизвольно выпуская зубы и когти. — Облавы на стаи. Убийства мужчин. Изнасилования девушек. Утопление новорожденных.

Какое-то время он тяжело дышал, с силой вцепившись в стол, оставляя на деревянной столешнице глубокие вмятины и царапины, потом, мотнув головой, уставился перед собой и продолжил невыразительным, помертвевшим голосом:

– То мы существа. И тогда нам щедро отсыпают права. Например, право тихо сидеть где-нибудь в лесной глуши без образования, без работы, без гроша, не вякая и не рыпаясь. И право так же тихо сдохнуть. Временами мы обязаны навещать отдел контроля и рассказывать сказки про то, как благодарны этим слизнякам за прекрасную жизнь. Красиво и убедительно говоришь — разрешат купить палочку и навесят на нее уйму следилок. Коль колданешь что-то сложнее Репаро, к тебе на свидание прискачет аврорат. Так-то.

Дальнейший рассказ Сивого был сухим изложением фактов. После провала задумки с кодексом министерство начало вести Реестр оборотней. В него вносятся все укушенные, попавшие в поле зрения авроров или врачей из больницы святого Мунго. В любом случае этот реестр остается неполным и недостоверным, так как большинство пострадавших скрывают свое состояние во избежание позора и изгнания.

Какое-то время чинуши пытались играть в «гуманизм» и даже организовали программу помощи и поддержки. Но, поскольку ни один оборотень за помощью или поддержкой не обращался, программу свернули.

Но самая большая проблема была в устоявшемся общественном мнении о том, что все оборотни — маньяки,

жаждущие человеческой плоти. Этому способствовали исследования многочисленных ученых, вроде Форфанга, или научно-популярные издания с потрясающими по красоте названиями, типа «Волчье беззаконие: почему ликантропы не имеют права жить(4)».

Наслушавшись и начитавшись подобного, маги даже мысли не допускали, что у каждого оборотня есть семья, друзья и близкие люди. Что любой вервольф скорее ногу себе отгрызет, чем намеренно причинит им зло. В любом случае, те несчастные, которым довелось гулять в лунном свете не там и не тогда, чаще всего не способны были принять свою новую суть. Фенрир был убежден, что с волком внутри нужно сначала смириться, потом подружиться, а затем и начать им управлять. Только в этом случае эксцессов можно будет избежать. Естественно, это процесс долгий и трудный, возможный только на удалении от людских поселений и под контролем опытного наставника.

Кроме того, Сивый был категорическим противником употребления аконитового зелья. Да, этот отвар помогал легче переносить само обращение и давал возможность сохранять человеческий разум в полнолуние. Это было несомненным плюсом. Однако минусы, по словам Фенрира, перевешивали.

Во-первых, ингредиенты для этого зелья были редкими и дорогими, а само оно очень сложным в приготовлении и прихотливым в хранении. В сущности, оно сохраняло свои свойства лишь на протяжении двенадцати часов, а позволить его себе могли только оборотни с постоянной, хорошо оплачиваемой работой. Таковых, учитывая ситуацию, не было.

Во-вторых, зелье вызывало привыкание и требовало увеличения дозы.

В-третьих, каждое употребление ослабляло связь человека с волчьей половиной, а самое главное, оно обладало резким эффектом отмены. Если оборотень, постоянно употребляющий это зелье, в какой-нибудь из лунных циклов забывал принять снадобье или принимал меньшую дозу, в полнолуние у него начисто сносило крышу, он рвал зубами всех, кто попадался на пути, включая собратьев по несчастью.

– А что до Руководства… Ну, о котором я говорил, оно позволяет министерству влезать в жизнь укушенных маглов. Раньше авроры их попросту уничтожали. Теперь вроде как решают в каждом отдельном случае. От людей-то их по-любому забирают. А там, коль покусать кого успел, то либо поцелуй дементора, либо клетка. Уж и не знаю, что хуже. Ну, а коли чист, типа, пытаются помочь. Работу какую-нибудь убогую дают. А на полнолуние — строгий ошейник и цепь. Ребята через пару

месяцев срываются от жизни такой. Ну, мы и стараемся их раньше фараонов найти. Вот Фреддо — один из таких.

– Да, так попасть — врагу не пожелаешь! И как он приживается?

– Как-как. Хреново. Все никак не сообразит, что тут ему не у маглов. Носится с идеями своими завиральными. Мол, надо использовать преимущества оборотней над людьми. И столько всего наперечислял. Нет, я всегда знал, что мои волки самые-самые, но после такого еще больше проникся. Вот как думаешь, что он назвал?

– Обоняние, осязание, зрение, слух, скорость, физическая сила?

– Ага. А еще ускоренная регенерация, устойчивость к внушениям и другие умные слова. Что-то втирал нам про расходы, окупаемость. Все какие-то ди-а-граммы рисовал. Чернилами весь уляпался. Уж так ругался: что, мол, я брат Тук? Мне, говорит, только рясы не хватает. Все рвался к себе домой: «канцелярию» забрать. Составил этот… как его? .. бизнес-план. А, — махнул рукой оборотень, — чушь все это. Нет у нас таких денег. Да и не будет.

Мелисса задумчиво посмотрела на Сивого.

– И в какой области он предлагает оборотням подвизаться у маглов? Охранное агентство или детективное?

– Опа! А ты откуда… — Сивый замолчал, не договорив, внимательно посмотрел на девочку и ответил. — Он сказал «сим-би-оз».

Мелисса снова задумалась, а потом сказала:

– Фенрир, если его бизнес-план жизнеспособен, я вложусь. Фифти-фифти. Твой Фреддо не в розыске часом? До Гринготтса дойти сможет?

– А тебе зачем? Хочешь, чтобы тебе целая стая была должна? — подозрительно прищурился оборотень, неожиданно зверея и выпуская клыки и когти, и зарычал. — Это даже у папаши твоего не получилось, мелкая!

Мелисса отшатнулась и ошарашено посмотрела на него.

– Вот уж от кого-кого… — сквозь зубы проговорила девочка. — Я не собиралась ловить Фенрира Сивого на слове и привязывать любого волка его стаи долгами жизни, крови или магии. Пусть магия будет мне свидетелем.

Светлая дымка окутала ее тело, после чего она сжала руку в кулак и резко раскрыла ладонь. На ней заплясал маленький огонек. В течение нескольких секунд он разрастался, приобретая вид небольшого смерча, закручивающегося то в одну, то в другую сторону. Только после того, как когти и клыки Фенрира приняли

изначальный вид, девочка взмахнула рукой, убирая пламя.

– Сильно, — задумчиво проговорил оборотень. — Если не долг, то что?

– Минимум, нейтралитет. Максимум, благодарность, — сухо сказала Мелисса. – Да, и доходы лишними не будут.

– Ты что войну затеваешь, сопливка? Кем себя возомнила?

– Действительно, кем же? Ну, по меньшей мере, истинным первенцем. Я так уловила из твоего монолога, это круто? Что до моих соплей: насморк проходит с годами. А война — тут и без меня охотников навалом. Всякие светлые и темные лорды.

– То есть и ты считаешь, что он вернется? — потер подбородок Фенрир.

– А кто еще?

– Да ПСы его затихарившиеся. Они ж меня посылали его искать. Что думаешь, я в Болгарии делал?

– Дай подумать… Бегал от авроров? Прикрывался детьми?

Оборотень покачал головой и констатировал:

– Обиделась. Мелкая, я вожак. Уже давно. И не самый поганый, надо думать. А подставлять своих людей под долги — последнее дело.

Девочка исподлобья посмотрела на него.

– Хорошо. Замнем.

– Но не забудем? — уточнил Сивый, широко улыбаясь.

– Не забудем. Я не омега из твоей стаи, каждый раз поджимать хвост и клясться магией не буду.

– Законно, — сказал оборотень и задумчиво добавил. — Наглеешь, мелкая! Но края видишь, поэтому я и вожусь с тобой. Не то, что папаша твой. Он последние пару лет часто из берегов выходил. Сильно тогда изменился, даже запах…

«Запах? И Кричер, помнится, мне все уши прожужжал: настоящий лорд, ненастоящий лорд», — удивилась про себя Мелисса, а вслух спросила:

– А это точно он был?

– Угу. Не знаю, как объяснить. Ну, вот в кондитерской пахнет булками. А потом там же начинают продавать и кофе. Но запах булок никуда не девается.

– К основному тону добавился посторонний аромат?

– Ну, как-то так, — оборотень кивнул, а потом спросил. — Так что насчет Фреддо и денег, мелкая?

Мелисса усмехнулась.

– Может быть. Но теперь на других условиях. Никаких пятьдесят на пятьдесят. Только контрольный пакет. Пусть твой «лягушонок» подготовит предложение со всеми выкладками. Оценивать его будет мой поверенный в Гринготтс.

Девочка кинула оборотню пергамент для связи.

– Будете готовы к встрече — дадите знать.

– Ладушки.

– Маленькая просьба. Доведешь меня до лавки Боргина? Я бы и сама, но за мной следили от Косого. А там меня уже эльф заберет.

Оборотень насторожился.

– Кто следил?

– Знаешь, вот как-то не догадалась у него спросить. Решила, ну их к черту, такие знакомства. Какой-то рыжий в черном плаще.

– Тьфу, — сплюнул Фенрир, бросая деньги на стол и поднимаясь. — А ну-ка. Пойдем.

***

Когда год назад Фредерик, студент экономического факультета Лондонского университета познакомился в баре с Кэти, очаровательной девушкой с потрясающими по красоте волосами, он и представить себе не мог, насколько изменится его жизнь. Максимум, на что хватило его воображения, — случайный залет и свадьба.

Они пару недель встречались, ходили на свидания, после которых Фред, как истинный джентльмен провожал Кэти домой, в один из не очень респектабельных пригородов Лондона, расположенных недалеко от лесополосы. Несколько раз они переспали: Кэти была просто огонь. Фред влюбился и видел, что она тоже дышит к нему неровно. Поэтому он и предложил ей съехаться. К его огромному удивлению, Кэти категорически отказалась и попросту с ним порвала.

А Фреда словно заклинило: он не видел причин для подобных перемен и хотел понять почему. Вернее, даже не «почему», а «какого хрена»?! Пару дней он пытался поймать ее на телефоне. Потерпев неудачу, он забил на учебу и стал караулить у ее дома, решив продержаться сутки, чтобы наверняка.

«Наверняка» удалось. Около пяти вечера Кэтти вышла из дома. Выглядела она откровенно нездоровой: бледная, с черными кругами под глазами. Но одета была спортивно, а за спиной болтался небольшой туристический рюкзак. Взглянув на часы, потом оглянувшись на солнце, Кэтти поправила лямки, сунула в уши наушники дешевенького Волкмена (5), выпирающего из кармана куртки, и быстрым шагом пошла в сторону леса.

Фред, как привязанный, направился следом. Выяснять отношения на улице, на глазах у соседей он не собирался. А разборки, по его ощущениям, предстояли нешуточные. Во-первых, почему она его бросила. Во-вторых, почему выглядит, словно несколько дней провела, надираясь вусмерть и ширяясь всем, чем

только можно. И в-третьих, почему ее несет в лес на ночь глядя, в ее состоянии да еще и в такую мерзкую погоду.

А погодка шептала: «Дома сиди, натуралист. У камина, в кресле-качалке. С пледом на коленях и стаканчиком хереса!» Действительно, резко похолодало, в лицо дул пронизывающий ветер, накрапывал дождь. А Кэти неслась вперед, с легкостью, даже с какой-то первобытной грацией огибая деревья, пробираясь сквозь кусты, уходя все дальше и дальше вглубь леса.

Фред банально за ней не успевал. Несколько раз он ее окликал, понимая, что он, идиот, даже дорогу не запомнил и выбраться самостоятельно вряд ли сможет. Кэти так и не обернулась. Вспомнив о наушниках, он изо всех сил попытался ускориться, однако еще минута-две и куртка Кэтти, мелькавшая ярким маячком впереди, исчезла из виду.

Солнце окончательно скрылось за горизонтом. Начинало стремительно темнеть. А Фред, мечась по лесу, как медведь, ломился через очередной кустарник, безуспешно стараясь сообразить, в какую сторону ему идти, лишь сдирая кожу об острые ветки и шипы.

На небе появились первые звезды, когда он вывалился на небольшую поляну. Сделав несколько шагов, он вдруг споткнулся обо что-то и полетел вперед, пропахивая руками влажную траву. В ладонь, вспарывая ее до крови, воткнулся сучок валяющейся на поляне коряги. Выдернув его из руки и грязно выругавшись, он сел, обернулся и с огромным трудом разглядел: неожиданным препятствием оказался рюкзак Кэти, небрежно брошенный у корней какого-то большого дерева. Рядом на целлофановом пакете лежала вся ее одежда, часы и плеер.

Фред не успел удивиться, ведь любви к нудизму он за Кэти не замечал, когда за деревьями вдруг вспыхнули два ярких огонька и послышалось негромкое рычание. Фред похолодел от ужаса. В этот момент круглая луна выбралась из-за туч, и в ее свете на поляну вышел огромный бурый волк.

Некоторое время они смотрели друг на друга. Волк принюхивался, прижимая уши к голове, а потом сделал меленький шаг вперед. Нервы Фреда сдали. Нащупав валяющуюся сзади корягу, он вскочил и стал яростно размахивать ею перед собой из стороны в сторону. Волк отшатнулся, но не ушел. Пару раз он рыкнул. Но не агрессивно рыкнул, а как-то удивленно, что ли, словно говоря: «Ты чего, рехнулся?»

Через четверть часа обессилевший Фред выронил корягу, упал на землю, закрыл лицо руками и приготовился к худшему. Волк осторожно подошел к нему и пару раз ткнулся лбом под локоть, будто просил его погладить. Фред медленно убрал

ладони от лица и с опаской посмотрел на зверя. Тот спокойно сидел рядом, глядя на него огромными, смутно знакомыми глазами, и более чем дружелюбно вилял хвостом, как большой пес.

Словно под гипнозом, Фред протянул пальцы и осторожно погладил его между ушами. Волк закрыл глаза от удовольствия, потом принюхался и, мотнув головой, сбил его руку. Фред боялся пошевелиться, а зверь пристально, как-то по-человечески пристально, будто сочувствуя, рассматривал окровавленную ладонь. Через несколько секунд шершавый язык коснулся его раны. Волк слизывал кровь, словно пытаясь облегчить боль.

Фреду было приятно. Даже слишком. Прикосновение языка зверя было чересчур чувственным. Вдруг волк дернулся, потом шарахнулся в сторону, с каким-то первобытным ужасом глядя на ошарашенного Фреда, и, взвыв, бросился в чащу.

Утром Фред проснулся от того, что его пнули в бок. Открыв глаза, он увидел Кэти. Она, полностью одетая, с рюкзаком на плечах, стояла над ним.

– Кэти… — пробормотал он, — ты не представляешь, что прошлой но…

– Покажи ладонь, — каким-то мрачным, сумеречным тоном сказала девушка и, видя, что он со сна ничего не соображает, просто повернула вверх его раненую руку.

Впрочем, почему раненую? Ладонь была в норме. От серьезного пореза осталась лишь тонкая ниточка белесого шрама, будто порезался он не вчера, а несколько месяцев назад.

– Что за… — начал было Фред, когда услышал полный боли стон Кэти.

Она, смертельно бледная, неверяще смотрела на него. Из глаз катились крупные слезы. Какое-то время она молчала, а потом жестко проговорила:

– Поднимайся! Идем!

***

В маленьком домике Кэти все было по-прежнему. Впрочем, он и был-то у нее всего пару раз и кроме гостиной и ванной никуда не заходил.

Сейчас же Кэти провела его в тесную кухоньку. Стены, покрашенные голубой, слегка осыпавшейся краской, недорогая кафельная плитка на полу, веселенькие, в цветочек, занавески. Старенькие шкафчики, невысокий дребезжащий холодильник, узкий стол и несколько разномастных стульев. Все, как везде. Кроме одного предмета, вызывающего море вопросов: на холодильнике стояла клетка с огромной нахохлившейся совой.

Кэти, кивнув ему на ближайший стул, молча вытащила из

кармана кусок желтоватой плотной бумаги, набросала несколько строк, подошла к клетке и открыла дверцу. Сова недовольно приоткрыла один глаз и вытянула вперед правую лапу. Кэти прикрепила бумагу и выпустила птицу в окно, сказав лишь два слова: «Серая спина(6)». Сова тяжело взмахнула большими крыльями, взмыла в воздух и вскоре скрылась из виду.

Кэти же вытащила из холодильника большую сковороду с мясом и поставила ее на столе на подставку. Рядом она плюхнула чайник, пару чашек с чайными пакетиками и тарелки. Потом девушка достала из заднего кармана странную кривоватую палку и ткнула ею в сковороду и в чайник, пробормотав какие-то непонятные слова, кажется, на латыни. Ошарашенный, Фред увидел, что от сковороды повалил пар, будто ее только что сняли с плиты. Кэти, не обращая внимания на его вытаращенные глаза, положила несколько кусков мяса на каждую тарелку. Затем заварила чай, плеснув в каждую чашку водой из чайника, в котором оказался крутой кипяток.

Также, не говоря ни слова, она принялась с какой-то звериной жадностью поглощать пищу, жестом предложив Фреду угощаться. Впрочем, и он сам, почувствовав дикий голод, тоже не смог остаться в лоне цивилизации, буквально руками хватая сочные куски и с урчанием вгрызаясь в них.

– Зачем ты поперся за мной? — отвлек его голос Кэти.

Подняв голову от тарелки, он ответил честно, прекрасно понимая, как слюняво это прозвучит:

– Потому что люблю тебя и буду любить.

Горько усмехнувшись, Кэти пробормотала:

– Недолго будешь.

Он хотел спросить, но девушка жестом прервала его.

– Нет, все потом. Сейчас ждем.

Говорила она так жестко и с такой болью, что уточнять не хотелось. Что же, ждать, так ждать. Ожидание продлилось несколько часов. Сидели друг напротив друга в гостиной и молчали, прислушиваясь к звукам с улицы.

Вот мальчишка-газетчик запустил газетами в дверь. Вот мусор забрали. Вот послышался велосипедный звонок. Вот где-то вдалеке раздался автомобильный выхлоп.

И тут же Кэти подпрыгнула в кресле, напряглась, медленно подошла к двери и замерла, протянув ладонь к задвижке. Фред хотел было спросить, что случилось, как дверь чуть ли не развалилась от мощного стука. Кэти открыла. На пороге стоял здоровый мужик лет пятидесяти с виду. Он пристально смотрел на Кэти, которая под его взглядом сжималась, словно стараясь занять как можно меньше места в пространстве.

– Фен… — начала она, когда мощная пощечина швырнула ее на пол.

Фред вскочил с кресла. Мужик медленно перевел на него взгляд, свирепо оглядел его и так тихо и выразительно скомандовал «Сидеть, щенок!», что Фред, как подкошенный, рухнул обратно, кляня последними словами собственную трусость. Кэти же встала на колени и низко опустила голову. Вся ее поза выражала полнейшую покорность и подчинение.

– Я виновата, — прошептала она.

– Да, мать твою, ты виновата! — также тихо проговорил мужик. – Я, твой вожак, говорил тебе, что ты не готова жить без стаи. И чем дело кончилось? Да лучше бы ты сожрала этого рыжего хрена с горы, чем просто надкусила.

– Фенрир, я не кусала. Я слишком его люблю, — склоняясь еще ниже, пробормотала Кэти. — Но он поранился. Я зализала его рану.

Названный Фенриром ошарашенно замолчал.

– Да что происходит, в конце концов? — пискнул из своего кресла Фред, не обращая внимания на испуганный взгляд Кэти. — Кто ты такой, черт тебя дери?

Мужик обернулся к нему.

– Кто я? — спросил он насмешливо.

Открытые участки его тела на глазах покрылись густой шерстью, лицо вдруг вытянулось в волчью морду, зубы и ногти удлинились и стали кривыми и острыми, а зрачки — вертикальными. Тварь посмотрела на него, раскрыв пасть в жутком оскале, словно ухмыляясь, а потом Фенрир снова стал таким, как был несколько секунд назад. Будто бы все привиделось.

– Я — вот это. Она это же. Да и ты теперь то же самое, — сказал он и добавил, принюхиваясь. — Знакомо попахиваешь… Как думаешь, а, Кэти?

– Вы оба, к хренам, больные, — прошептал Фред и бросился прочь из этого дурдома.

***

В тот же день он смазал лыжи из кампуса и на последние деньги снял на месяц маленький домик на окраине. А еще в первый раз за три года Фред радовался, что родители умерли и никто не будет его искать.

Нет, не надо думать, что он был идиотом. Он прекрасно понял: Фенрир — оборотень, волком, а точнее, волчицей, в лесу была Кэти. И они оба теперь уверены, что и он, Фред, станет таким же. Но, черт возьми, этого не может быть просто потому, что не может быть никогда.

Тем не менее, Фред с ужасом ждал грядущего полнолуния, осознавая, что вот тогда-то все точно решится. В день луны он натаскал в подвал домика побольше еды, заперся там и убрал приставную лестницу подальше.

Утром очнувшийся Фред обнаружил себя лежащим связанным на полу подвала. Кроме него в комнате сидели пятеро напряженных, серьезного вида мужчин в одинаковых мантиях, с такими же палками, какая была и у Кэти.

– Недоброе тебе утро, спящая красавица! Ну и вкусный же ты выдал магический всплеск при обращении. Нца-нца, — шутливо поцокал языком самый возрастной из них, видимо, главный, и тут же резко сменил тон. – Ну, и кто тебя пожевал? Давай, кайся, тварь!

Три бесконечных недели его держали в Азкабане. Выдернутый из привычного мира, Фред молчал как рыба. Может, он бы и рассказал все, но доблестные фараоны магической Британии за какие-то четверть часа заставили ненавидеть себя всеми фибрами. Положение оборотней было уяснено Фредом с полпинка. С полпинка по почкам. Да и пребывание в клетке-одиночке настроение не повышало. Регулярно мимо его камеры проплывало какое-то существо в сером плаще. Каждый раз он чувствовал его приближение заранее: из души уходили желание жить и остатки надежды, что он выберется отсюда, найдет Кэти и этого бешеного Фенрира. А ведь они явно хотели ему помочь.

Тем не менее, его все же вынули из камеры, вымыли, притащили в министерство магии в отдел регулирования магических популяций и поставили пред светлы очи какой-то мерзкой жирной кхекающей жабы в розовом платье с бантом на башке. Она популярно, чуть ли не на пальцах, объяснила Фреду, что, к сожалению, – да, она так и сказала, к сожалению, — вины за ним они не нашли. Только поэтому он может пока идти на все четыре стороны. Однако нужно помнить, он свободен лишь до первого нарушения. Жаба чуть ли не причмокивала от удовольствия, повествуя, как его будут умерщвлять и в какие зелья пойдут его органы.

Да, кстати, в мир маглов ему нельзя. Да, и работу в магической Британии ему предоставить не могут, вакансий нет. И да, максимум, что ему светит, — подъемные на первое время. Швырнув обалдевшему Фреду маленький звенящий мешочек, жаба хлопнула в ладоши. Дежурящий под дверями аврор поволок его за собой. В зале на первом этаже, он затащил Фреда в большой, начерченный на полу круг, и, буркнув «не шевелись, если расщепа не хочешь», достал из рукава мантии волшебную палочку.

В себя Фред пришел в какой-то темной подворотне. И то, только от того, что его, сидящего на булыжной мостовой, резко толкнули в плечо. Помотав головой и стряхивая оцепенение, он поднял взгляд и увидел Фенрира. Фред вскочил, какое-то время смотрел на оборотня, а потом, неожиданно для себя уткнулся ему в плечо и заревел, как пятилетний, вываливая все ужасы последних дней, включая Азкабан и тварей в плащах.

Оборотень неуклюже похлопал его по спине, бормоча что-то успокаивающее. Устыдившись, Фред отпрянул, вытащил из кармана джинсов платок и высморкался. Фенрир хмыкнул и сказал.

– Да, долгонько тебя мурыжили. Видать, крепкий ты парнишка, Фреддо. Ладно, пошли, сквиб рода Прюетт (7). До луны неделя. Будем учиться.

Следуя за Фенриром, Фред спросил:

– Почему Прюетт? Я Бигелоу. Почему сквиб?

– Да пахнешь ты Прюеттами, рыжий. Ух, повоевали мы с ними знатно. Я их вонь ни с чем не перепутаю. А сквиб… Ну, дементоров же видишь… Может, еще и палочкой пользоваться сможешь, кто знает. Что-нибудь простенькое…

***

Так что уже почти год Фред обретался в стае Сивого. В принципе, это лучшее, что с ним могло случиться после обращения. Фенрир был толковый мужик, весьма умный и хитрый, да и справедливый, хотя и правящий железным кулаком. И волки в стае дружные. И Кэти рядом. Вот только дичайшее средневековье, отсутствие элементарных удобств и нищета угнетали до невозможности.

Уже несколько месяцев он морщил лоб, пытаясь найти для стаи какое-нибудь прибыльное дело. В магическом мире это было невозможно, значит, надо зарабатывать у маглов. И даже вырисовывался такой милый и вполне жизнеспособный вариант. Все упиралось в магловские документы для волков и отсутствие стартового капитала. На его собственном счету была смешная сумма, которой, дай Бог, хватало лишь на аренду помещения.

Фенриру его планы и завывания надоели. И вот сегодня он, уходя в магический квартал на встречу, взял с собой Фреда. Задача была поставлена четко: отследить мальчишку в магловской одежде и проводить его от Косого до трактира так, чтобы с ним ничего не случилось. Почему Фреда? Да потому что он в магловских тряпках лучше других разбирался. Да и тренироваться ему надо. А то он вечно ломится через лес, топая, как взрывопотам.

Пацана Фред заметил сразу. Давненько он не видел

бейсболок и рюкзаков со Снупи (8). А мальчишка-то нервный. Озирается постоянно. А в рукаве палочка, похоже. Не пальнул бы с перепугу. Фу, вот и трактир. И Сивый.

Ну-ка, ну-ка. А это что еще за мелкий шпион? Тоже за объектом следит? Или за Фенриром? Может, оборотное? На фиг, на фиг, пусть Сивый сам решает, что с ним делать.

Подкравшись к белобрысой малолетке, Фред зажал ему рот и потащил в подворотню, где должен был ждать Сивого.

***

Мелисса вышла из трактира и пошла следом за Фенриром. Пройдя пару домов, Сивый резко свернул и направился в темную подворотню.

– Да, ты знаешь, кто мой папа, грязнокровка! Он с тобой такое сделает! — раздался звонкий знакомый голосок, в котором просто плескались ужас и истерика.

– А мне насрать! — рявкнул незнакомый баритон. — У меня свое начальство. И прекрати визжать. А то рот заткну.

Девочка невербальным Люмосом осветила тьму перед собой: бочку, на которой сидела маленькая фигурка, и возвышающегося над ней высокого рыжего парня в черном плаще.

В следующий момент Фенрир залепил по уху рыжему незнакомцу, видимо, тому самому, который ее вел, и зарычал:

– Фреддо, отрыжка огнекраба, какого Мордреда ты притащил «это» сюда и провалил элементарное задание?

А с бочки спрыгнуло нечто грязное, растрепанное и заплаканное. Это нечто пронеслось мимо Сивого и, обхватив Мелиссу за пояс, уткнулось носом ей в грудь.

_____

(1) Марлоу Форфанг — авторитетный английский ученый конца XIX — начала XX века. Предпринял попытку комплексного изучения привычек оборотней, выяснил, что все вервольфы, с которыми ему удалось поговорить, прежде были волшебниками. Они также сообщили ему, что маглы и волшебники различаются на вкус и что, будучи укушенными, маглы умирают, в то время как волшебники обращаются. Ньют Скамандер в книге «Фантастические звери и места их обитания» утверждает обратное.

(2) Орден подвязки — старейший рыцарский орден Великобритании. По уставу в нем может быть только 24 члена. Члены ордена только король, члены королевской семьи и иностранные монархи.

(3) Исхожу из того, что being (существо), beast (чудовище, тварь), тогда как человек — human-being.

(4) Книга, написанная Эмереттом Пикарди. В ней автор

утверждает и доказывает, что оборотни становятся зверями в полнолуние и остаются ими на протяжении всей жизни в любое время.

(5) Walkman — кассетный плеер.

(6) Фенрир Сивый (Greyback) — дословно с английского «серая спина».

(7) А почему бы и нет? У Молли Уизли, в девичестве Прюетт, был троюродный брат-бухгалтер, сквиб, о котором они не любили говорить (стеснялись, наверное, маглолюбцы знатные). Могли же у брата быть семья и дети.

(8) Сну́пи — вымышленный пес породы бигль, популярный персонаж серии комиксов Peanuts

= = = = = = = = = = ГЛАВА 20. Том = = = = = = = = = =

Блондинистый малявка вцепился в объект слежки, как утопающий в спасательный круг. Тот пытался вывернуться из «смертельного» захвата и вытереть ему сопли и слезы выуженным из кармана куртки носовым платком.

Фред наблюдал за ними краем глаза, держась за покрасневшее ухо, а во второе вот уже десять минут орал Сивый. Из более чем эмоционального монолога рыжий оборотень уловил, что накосячил по-крупному: распекая его, вожак ухитрился ни разу не повториться. Фред скривился, как от боли, и сквозь зубы с силой втянул в себя воздух, предчувствуя, что это лишь «предварительные ласки» и по полной программе его «отлюбят» уже в стае.

В этот момент объект смог, наконец, оторвать блондинистого от себя и взмахнул рукой. Этих двоих словно купол накрыл. Фред перестал слышать и без того негромкие всхлипы и бормотание. А объект, пристально глядя на малолетку, что-то терпеливо ему втолковывал. Малец слушал и периодически косился в сторону Фреда и Сивого. Сначала с испугом и недоверием. Потом слегка нахмурившись, будто что-то обдумывая. Затем с легким раскаянием. А через некоторое время, очевидно, пришел к какому-то выводу: складка между белесыми бровями разгладилась, он взглянул на своего собеседника, улыбнулся, кивнул и что-то произнес. Рядом с ними возник домовик, и объект переключился, направив на него нескончаемый словесный поток.

Фред раньше уже видел эльфов. Они всегда казались ему, мягко говоря, странными. Но этот был каким-то уж чересчур нервным. Домовик с испугом смотрел на говорящего и своего маленького хозяина, неуклюже топчась на полусогнутых тоненьких ножках и беспрестанно теребя собственные огромные уши, будто они ему мешали и их нужно было срочно оторвать.

Наконец, эльф бросил попытки лишить себя слуха, поклонился и, схватив белобрысого за руку, испарился вместе с ним.

Оставшийся мальчишка закатил глаза, покачал головой и развеял купол. И тут же поморщился от воплей Сивого, который и не думал прекращать свою воспитательную лекцию.

– Ладно тебе, Фенрир, — сказал он. — Вопрос решен.

– Да ну, мелкая? — ядовитым тоном поинтересовался Сивый.

«Мог бы и сам догадаться, что это девчонка: мальчишеские повадки она изображала похоже, но слишком уж нарочито, — пронеслось в голове у Фреда. – Да, отвык я от женщин в штанах с этим чертовым средневековьем!»

– Ну да, — в тон ему ответила девочка.

– Думаешь, я не узнал эту бледную моль? Да эту породу ни с кем не спутаешь! Не, надо ждать его папашу… Могу представить, что малявка ему напоет!

– Не можешь! Твоя фантазия ни к черту не годится!

Фред сжался, ожидая бурной реакции Сивого на подобную наглость, но девчонке, очевидно, было позволено больше других, поскольку Фенрир просто заржал, как молодой конь.

– Вот послушай, — голос девочки задрожал и приобрел жалостные нотки, и она заговорила, захлебываясь словами. — Папочка, я такой дурак! Сбежал из дома. Заблудился в Лютном. А там злые колдуны. А они хотели меня украсть. А потом появился храбрый рыжий незнакомец и отвел в безопасное место. А потом он не знал, что делать: просто вывести меня на Косую или отвести домой. А потом пришел его наставник и велел мне вызвать эльфа. Папочка, прости! Я так больше не буду!

Фенрир посмотрел на девочку, размышляя, а потом поинтересовался:

– И зачем было врать малявке?

– И в чем вранье? — удивленно спросила девочка. – Что, такого не могло быть на самом деле? Что, посиделки на бочке в компании твоего друга не защитили его от ненужных встреч и неприятных знакомств?

– Ну, если с этой стороны глянуть, то оно, конечно, так, — потер подбородок Сивый. — Но как-то это… с подвывертом, нет?

– Речь эту он толкнет только, если его родители увидят, в каком живописном виде он вернулся. Сам поднимать эту тему он не хочет. Боится, что они будут в нем разочарованы: фамильная гордость. Надеюсь, это приключение научит его включать голову, прежде чем делать то, что левая задняя нога захочет. Ведь нормальный мальчишка, неглупый, а избалован донельзя.

Какое-то время девочка молчала, а потом задумчиво продолжила, словно рассуждая вслух сама с собой:

– А вот домовик у них не адекватен. Более чем. Такое чувство, что на нем экспериментировали с формулами привязки и клятвами, пытаясь предусмотреть все возможные случаи. Домовики действуют по четкому алгоритму. А у этого куча взаимоисключающих установок.

– Как робот с измененными законами роботехники? — влез Фред, вспомнив об одной из своих любимейших книг(1). — Рано или поздно засбоит.

– Точно! А я все аналогию подобрать не могла! Один в один, как в том рассказе про врущего робота(2)! — девчонка внимательно посмотрела на Фреда, а потом поинтересовалась у Сивого. — Это и есть твой финансовый гений?

В плечо Фреда прилетел мощный тычок. Если уж Сивый гордился своими людьми, то синяки были обеспечены! Фред потер мгновенно налившуюся шишку и неожиданно вызверился, видимо, сказывалось напряжение.

– Да я-то гений, — прошипел он, — а вот ты кто такая?

Девочка спокойно оглядела его с головы до ног и усмехнулась:

– Пару фраз назад была возможным инвестором. А если продолжим общение в подобном стиле, стану невозможным.

***

Брутус Боргин обладал двумя несомненными талантами: он мог с легкостью отличить старинные магические артефакты от дешевого новодела и у него была потрясающая память на лица и мимику.

Что до знаний в артефакторике, то Боргин ежедневно мысленно говорил «спасибо» Катаракту Бэрку. Именно этот талантливый бездетный волшебник тратил время на сына своего делового партнера, обучая всему, что знал.

За вторую способность нужно было благодарить собственного папашу. Чтоб ему! Рано оставшись вдовцом, Боргин-старший был человеком весьма жестким, если не сказать, жестоким, к тому же крепко пьющим. И чтобы не попадаться ему под горячую руку, Брутус научился замечать и запоминать малейшие жесты и гримасы, стараясь по легкому движению бровей или ресниц распознавать изменения настроения. Он виртуозно считывал реакции и мгновенно перестраивался.

В конце концов, подобные таланты весьма пригодились ему во взрослой жизни, учитывая своеобразное направление деятельности и контингент визитеров.

Сейчас Боргин перебирал приобретенные по случаю магические артефакты, размышляя, какую стоит сделать накрутку: в два раза или в три? Вещи были далеко не рядовые,

настоящие произведения искусства! В этот момент он услышал хлопок входной двери и звякнувший колокольчик.

«Моргана, кого там принесло! Как же не вовремя!»

Тем не менее, осмотрев свое отражение в висящем справа от него зеркале, Боргин привычно надел на лицо фирменное услужливо-подобострастное выражение и приоткрыл занавеску, отделяющую лавку от подсобных помещений, пытаясь рассмотреть нежданного визитера.

Надо признать, задачей это было довольно непростой. Одним из главных пожеланий его клиентов было соблюдение анонимности, поэтому лавка освещалась лишь парой свечей. Сейчас и так небольшая комната, заставленная витринами и шкафами, казалась еще меньше: мощная фигура заслоняла собой неясный свет уже меркнущего дня, пробивающийся сквозь пыльное окно.

«Фенрир? — изумился Брутус. — Я же платил в этом месяце! Ну, я ему!»

Он вытащил из рукава палочку и уже было шагнул вперед, когда заметил рядом с оборотнем тоненькую невысокую фигурку.

«Ребенок? Лица не разглядеть… Темно, да еще и кепка на голове. Козырек длинный, создает дополнительную тень. Видны лишь рот и подбородок. Значит, не поборы… Так какого Мордреда Фенрир сюда заявился?» — подумал Боргин и негромко кашлянул, привлекая к себе внимание.

Визитеры обернулись на звук и Боргин вздрогнул. Жесты и мимика спутника Сивого были ему знакомы. Привычный угол, под которым ребенок слегка откинул голову назад. Знакомая небрежность, с которой он засунул левую руку в карман и, судя по всему, сжал ее там в кулак. Изгиб губ в уже виденной когда-то приветственной полуулыбке. Хотя вот улыбка… Возможно, ей немного не хватает холодности. Но когда правый уголок рта ребенка дернулся чуть выше, придавая улыбке легкий оттенок иронии, Боргин потрясенно прошептал:

– Том? У тебя получилось!

Память, и раньше никогда не подводившая Боргина, услужливо вытащила на белый свет давнее воспоминание.

***

Это произошло 31 декабря 1940 года. В тот промозглый зимний день после обеда одиннадцатилетний Брутус воспользовался сносным настроением отца и увязался с ним в лавку. Дело в том, что утром мистер Бэрк прислал ему письмо, в котором сетовал, что снова заболел, а новогодний подарок для него, Брутуса, забыл в магазине.

Надо сказать, Боргин-старший был не слишком рад

компании, но, тем не менее, возражать не стал. В конце концов, сын станет единоличным и полноправным хозяином в лавке, так что пусть приобщается! А то вон Катаракт уже на ладан дышит. Правда, положа руку на сердце, он этим занимается уже последние лет десять. Ну да все когда-нибудь заканчивается!

Брутус шел вслед за отцом по улице, с интересом оглядываясь вокруг: Косая аллея бурлила как никогда. То тут, то там можно было увидеть оживленные группы людей, разговаривающих и спорящих в голос.

Война! Лондон уже третий месяц подвергался массированным бомбардировкам(3). Огромные разрушения, тысячи погибших и раненых!

А вот магический квартал не пострадал. Сюда не упала еще ни одна бомба. Хотя иногда и здесь тонко звенело стекло в окнах, чуть подпрыгивали на столиках кафе чашки и эхом доносились звуки от разрывающихся в магловской части Лондона снарядов. Но тихо и совсем не страшно, как дальняя гроза.

Все комнаты в постоялых дворах Косой аллеи и даже Лютного переулка были сняты на несколько месяцев вперед. Владельцам гостиниц пришлось задействовать силы министерских магов, чтобы расширить пространство зданий и вместить всех эвакуированных из магловской части города волшебников.

«Ежедневный пророк» в режиме нон-стоп возносил хвалы Великой Хогвартской четверке, тысячу лет назад окружившей магический квартал защитными заклинаниями такой силы, что они держали удар извне до сих пор, а заодно пел дифирамбы Альбусу Дамблдору.

Да, как раз тогда это имя прогремело на всю магическую Британию. Нет, он и раньше был известен как талантливый ученый-исследователь, профессор трансфигурации Хогвартса и член Визенгамота. Но в эти тревожные дни о нем заговорили как об умном и дальновидном политике, а, возможно, и будущем министре магии. Дело в том, что именно он инициировал эвакуацию, проинформировав министерство о местах и времени бомбежек, и тем самым спас жизни многих и многих волшебников.

В кулуарах министерства поговаривали, что у Дамблдора был информатор в ближайшем окружении Гриндевальда. Но называть его имя профессор категорически отказывался, мотивируя это тем, что не желает подставлять достойного волшебника-патриота, оказавшего неоценимую услугу магической Британии и продолжающего свой опасный и благородный труд.

Боргины свернули в Лютный переулок и подошли к своей лавке. Рядом с ней крутился высокий подросток лет

четырнадцати в бедной магловской одежде. На нем было черное поношенное пальто и такого же цвета брюки, на ногах грубые ботинки, а на голове кепи с козырьком. Он внимательно рассматривал витрину.

Брутус просто физически почувствовал, как сатанеет его отец. Дело в том, что для Боргина-старшего люди делились на три неравные группы: достойные, шваль и прочие.

В первую входил он сам и немногочисленные богатые клиенты лавки, во вторую маглы и грязнокровки, а в третью, как можно судить из названия, все остальные, включая собственного сына и делового партнера. Перед первыми он лебезил, вторых смешивал с грязью, а на третьих плевал.

Сейчас мистер Боргин-старший категорически не оценил интерес к своему магазину со стороны столь явного представителя второй категории и церемониться не собирался. Выхватив палочку из рукава, он направил ее на сомнительного грязнокровку, а в следующий момент потрясенно замер.

Брутус, не сообразив, в чем заминка, высунулся из-за спины отца и остолбенел. Подросток задумчиво крутил в длинных тонких пальцах палочку Боргина-старшего, словно размышляя, что с ней делать: сломать, выбросить или оставить себе. Но больше всего Брутуса поразил не ошарашенный вид обезоруженного отца, уставившегося на собственную палочку в чужих руках, а то, что из левого рукава пальто мальчишки на секунду высунулся длинный раздвоенный язык и тут же спрятался обратно.

«Он змееуст?! Тогда он далеко не грязнокровка! Отец, наконец, нарвался!» — пронеслось в голове у Брутуса, который был готов расцеловать мальчишку, окоротившего его родителя.

В этот момент подросток поднял глаза на Боргинов и, слегка закинув голову назад, улыбнулся. Темноглазый и темноволосый, он был весьма красив, а улыбка его была хотя и холодной, но очаровательной. Однако только до того момента, пока правый уголок рта не поднялся чуть выше. Теперь это была уже не улыбка, а усмешка, даже ухмылка. Он словно бы говорил: я все запомнил.

– Интересный у вас подход к клиентам! — сухо проговорил мальчик и предложил. — Может, не будем обострять? Я войду, задам вопрос, получу ответ и разойдемся, как в море корабли.

Боргин-старший хмыкнул, кивнул головой в знак согласия и открыл дверь. Зайдя внутрь, подросток положил палочку хозяина лавки на стойку и прошелся от витрины к витрине, внимательно разглядывая выставленный товар.

Да, посмотреть там было на что! На полках были разложены

кости разной длины и формы, колоды карт, стеклянные шары и бараньи лопатки для гадания, амулеты-медальоны и амулеты-кольца, хрустальные глаза всех размеров, неотрывно следящие за покупателями. На стенах висели злобно скалящиеся маски и разнообразные плети и кандалы. А в дальнем темном углу на скромной, неприметной подставке лежала даже груша мучений. Рядом стояли испанский сапожок и самый что ни на есть аутентичный стул Иуды(4)!

Необычный визитер, впрочем, не слишком заинтересовался всем этим богатством. Единственным предметом, привлекшим его внимание более чем на минуту, была сушеная рука, заляпанная кровью.

– А у тебя хороший вкус, — небрежно произнес Боргин-старший, убирая палочку в карман. — Это Рука славы. Вставь в нее свечу: она осветит тьму и откроет перед тобой любую дверь! Хочешь приобрести?

Брутус, прекрасно знающий весь ассортимент лавки и его особенности, напрягся: неужели он клюнет на эту редкостную гадость?

Мальчик обернулся и поинтересовался:

– Я произвожу впечатление скорбного умом? С чего вы решили, что я польщусь на проклятый предмет?

– Ты оскорбляешь товар в моей лавке! — возмутился Боргин-старший.

Брутус заметил, как мальчишка небрежно сунул левую руку в карман и сжал ее в кулак. Нервничает?

– А почему не «мой» товар в моей лавке? — медленно и безразлично, даже с некоторой ленцой, спросил он, делая легкий, но заметный акцент на слове «мой». — Ах да, какой я глупый! Ведь, если вы вслух признаете себя хозяином Руки, активизируется посмертное проклятие(5) повешенного убийцы и все существа, считающие это место своим, попадут под его действие.

Брутус, раскрыв от изумления рот, восхищенно уставился на подростка: нет, он точно не грязнокровка, даже многие чистокровные не знают об этом. А в следующий момент ему прилетела оплеуха от отца, решившего выпустить пар.

– Марш в подсобку! — рявкнул он. — И не крутись под ногами!

Под внимательным и даже сочувствующим взглядом посетителя, Брутус со всех ног бросился в дальнюю комнату. Не от испуга: к подобным проявлениям отцовских чувств он вполне привык. Нет, у Брутуса появилась теория относительно их необычного визитера.

Влетев в подсобку, он метнулся к книжному шкафу и выудил оттуда огромный тяжеленный том. Устроившись на полу, он начал листать пергаментные страницы, лихорадочно шепча:

– Владеет парселтангом. Но на иммигранта не похож. Значит, кровная линия Слизерина. Последние живые потомки — Гонты. Где же они? А… вот… Глава рода — Марволо Гонт. Имя напечатано зеленым: жив. Двое детей. Морфин Гонт и Меропа Гонт Риддл. Сын тоже жив, но имя выделено красным. Сидит в Азкабане?! Законных детей у Морфина нет. По незаконным не ясно. Теоретически он может быть и бастардом Морфина, и бастардом Марволо.

На секунду Брутус отвлекся: жаль, что в книге не отражаются маглы, бастарды и сквибы. Бастард может в ней появиться только после принятия в род либо после брака с магом и рождения в этом союзе законного ребенка. Тряхнув головой, он вернулся к генеалогическому древу Гонтов.

– Имя Меропы напечатано черным. Стало быть, умерла. Была замужем, но имя супруга отсутствует, а линия, которая тянется от нее в пустоту, оранжевая. Получается, вышла за магла, опоив того приворотным. Имена отца и дочери соединены пунктиром. Значит, была изгнана из рода. А дальше родила сына, Тома Марволо Риддла, и в тот же день умерла… А произошло это? Сегодня ровно четырнадцать лет… А ведь подходит!

В этот момент из лавки донеслись раздраженные крики отца. Брутус вернул книгу на место и, прокравшись к занавеске, чуть сдвинул ее в сторону.

– Кем ты себя возомнил? — вопил Боргин-старший, пытаясь выставить визитера за дверь. — Великим Салазаром?

По красивому лицу мальчика скользнула снисходительная улыбка, и оно почему-то стало неприятным и даже отталкивающим.

– Значит, не из-за василиска… — пробормотал Боргин таким странным голосом, что от его интонации у Брутуса волосы на голове встали дыбом, а по спине побежали мурашки, отец же тем временем продолжал. — Может, заинтересует «Волхование всех презлейшее(6)»?

– Нет, — резко ответил мальчик. — Неимоверно убогая выжимка из Герпия!

– Ну, нет у меня свитков Омерзительного! Нет! — поспешно ответил Боргин-старший, наскакивая на посетителя и тесня его к двери. — А если бы и были: тебе подобная редкость не по карману. Так что шел бы ты отсюда!

«Как нет? Есть! И оригинал, и копия!» — мысленно завопил удивленный Брутус, уставившись на отца и не замечая

пристального взгляда, которым одарил его мальчик.

– Не по карману, значит? — усмехнулся мальчик и, уже выходя из лавки, произнес странные слова. — Мене, текел(7)?

Когда за необычным визитером закрылась дверь, мистер Боргин-старший поразил сына еще больше: он помчался в подсобку, вытащил из шкафа бутылку огневиски и сделал глоток прямо из горла. Это было уже опасно: пить на работе отец себе никогда не позволял.

– Папа… — начал было испуганно сжавшийся в углу Брутус, предчувствуя, что сегодняшнюю новогоднюю ночь он запомнит надолго.

– Мордред и Моргана! — причитал Боргин-старший в промежутках между глотками. — Это ж сколько ему? И в таком возрасте думать про хоркруксы!

Брутус, не отрывая настороженного взгляда от отца, сделал шажок к книжному шкафу. Слово было незнакомым, а «Волхование всех презлейшее» — вот оно. Рядом! Только руку протяни! Отец поднял на него глаза из-под нависших бровей. Внутри мальчика все похолодело: не успел!

– Вон! — заорал Боргин-старший, швырнув в сына уже пустую бутылку.

Не заставляя просить себя дважды, забыв о подарке, за которым пришел, Брутус подхватился и кинулся в сторону выхода. У самой двери он на чем-то поскользнулся и чуть не вывихнул ногу. На полу лежала небольшая книжка в темном переплете. Схватив ее, Брутус выскочил на улицу и бросился бежать в сторону Косой аллеи. Только там он позволил себе отдышаться и, прислонившись к стене дома, открыл подобранную тетрадь.

На первой странице четким изящным почерком было написано: «Собственность Тома Марволо Риддла». Есть! Угадал!

Брутус сразу же закрыл обложку: мистер Бэрк говорил, что читать чужие дневники — это самое последнее дело.

«Надо вернуть! Он не мог уйти далеко!»

Подняв глаза, Брутус заметил вдалеке, у «Дырявого котла», знакомое черное пальто и снова сорвался с места. Через несколько минут он влетел в паб и, оглядевшись, подбежал к бармену.

– Сэр, извините, вы не видели мальчика лет четырнадцати в черном пальто и кепке? — взволнованно зачастил он.

Бармен, с недовольным видом протирающий абсолютно чистый стакан, лениво кивнул в сторону выхода в магловский Лондон. Помедлив секунду, Брутус выдохнул и открыл дверь.

***

Брутус бежал по Чаринг-Кросс-Роуд вслед за темноволосым мальчиком, стараясь не смотреть по сторонам. Там, на Косой аллее, война мнилась чем-то далеким и ненастоящим. А тут! Масштаб поражал: пустые полуразрушенные дома, сурово смотрящие на Брутуса пустыми глазницами окон и казавшиеся живыми существами, огромные воронки на тротуарах и мостовой, которые то и дело приходилось перепрыгивать или обегать.

Уже стемнело, и редкие прохожие, спешащие по улице, почему-то напряженно вглядывались в темное, затянутое тучами небо. Брутус уже почти нагнал Тома, когда раздался душераздирающий вой, а небо пронзили яркие лучи. Потрясенный Брутус замер, увидев, как в круглых пятнах света появляются мрачные силуэты огромных черных птиц. Они заняли собой все небо. Они подавляли. Они лишали воли. Они были неотвратимы, как смерть.

«Вот и все!» — с какой-то покорностью судьбе подумал Брутус.

В этот момент его резко дернули за рукав. Очнувшись, он увидел перед собой дикие глаза Тома Риддла.

– За мной, идиот! — заорал мальчик и потащил Брутуса вниз по улице.

Они бежали что есть мочи. Бежали от воя сирен, от света прожекторов, от грозных раскатов. Том нырнул в какой-то переулок и понесся к старой церкви. Забежав внутрь, они бросились к маленькой боковой дверце и по узкой винтовой лестнице спустились вниз, в подвал.

Только там, в заставленной шкафами и стеллажами комнатке, Том остановился, выдохнул, зажег Люмос и повернулся к перепуганному Брутусу. Пристально оглядев своего товарища по несчастью, он горько усмехнулся.

– М-да. Ну что, с наступающим тебя Новым годом!

– С днем рождения! — пробормотал ничего не соображающий от испуга Брутус и протянул Тому его дневник.

***

Они стояли в дрожащем свете свечи, найденной Риддлом в одном из шкафов, и вслушивались в грохот над головой.

– М-да, а ведь мы тут застряли на целую ночь, — негромко сказал Том и взглянул на Брутуса. — Откуда ты знаешь, что у меня день рождения? В дневнике об этом ни слова!

– Я не читал! — возмутился мальчик. — Это нехорошо!

– Похвальная щепетильность, — дернул бровью Том.

Раздался очередной взрыв и с потолка на их головы осыпалась штукатурка. Глядя в напряженное лицо Тома, Брутус прошептал:

– Мистер Бэрк считает, что когда страшно, нужно просто разговаривать.

– Тогда начни с непреложного обета. Поклянись магией и жизнью, что унесешь с собой в могилу все, что от меня сегодня услышишь. А после поведай, откуда ты знаешь, что у меня день рождения.

Сказано это было с такой силой убеждения, что Брутус просто не смог противиться. Он достал палочку и послушно принес клятву, а потом начал рассказывать о книге-артефакте. Дослушав до конца, Том стал медленно расстегивать пальто.

– Я выпущу Нагайну, раз уж ты о ней знаешь. Не бойся, она тебя не укусит, — успокоил он дернувшегося было мальчика. — Значит, мой отец магл… Ну, я подозревал: ни один слизеринец не слышал фамилию Риддл.

Сняв пальто, он кинул его на пол, усевшись сверху и кивком предложив Брутусу располагаться рядом. Какое-то время мальчик настороженно наблюдал за большой змеей, свернувшейся крупными кольцами у левой руки нового знакомого, а позже, немного успокоившись, спросил:

– А что такое «мене, текел»? Какое-то проклятие?

– А? — очнулся напряженно размышляющий о чем-то Том и пояснил. – Нет, это из Библии.

– Ты веришь в Бога?

– Не смеши. Я колдун. Согласно христианской доктрине любое магическое проявление от дьявола. Думаешь, почему маглы пачками магов уничтожали в Средние века?

– Потому что дураки, — убежденно сказал Брутус. — Огонь для магов неопасен. Я читал, что одну ведьму сжигали сорок семь раз(8). Ей это нравилось.

Том хмыкнул.

– Ты меня уморил! Никогда не обжигался?

– Да, но… — начал Брутус и замолчал: аргументов не было.

– Что «но»? Эта ненормальная просто была стихийницей, магом огня. Конкретно для нее он был не опасен. Кстати, она плохо кончила. Маглам надоела несгораемая веселушка, — голос Тома обрел мрачную торжественность. — Ее повесили за шею, пока она не умерла(9)!

– Но по каминам мы же путешествуем, — вспомнил Брутус. — И ничего.

– Да ну? Какого цвета огонь в камине? Красного. А когда ты пользуешься им для связи и перехода? Зеленого. И почемууу? — тянул он последнюю букву, ожидая ответа Брутуса.

– Летучий порох?

– Бинго! Специальный состав, предохраняющий от возгорания

и ожогов. Плюс при подключении каминов на них наносятся специальные руны.

– Тогда почему в учебнике написано…

– Потому что современные учебники писали идиоты, — отрезал Том. — Деградация и регресс во всем!

Брутус был возмущен подобным святотатством. Хогвартс был его несбыточной мечтой: отец в силу своей скупости не собирался отправлять его туда, утверждая, что он и дома сможет подготовиться к СОВ.

– Странно, что студент Слизерина, факультета, где учился сам Мерлин, говорит подобные вещи, — ядовито процедил он.

– Че-го? — с расстановкой спросил Том. — Какой к дьяволу Мерлин?

– Тот самый Мерлин, — передразнил его Брутус и, глядя на хохочущего в голос Риддла, неуверенно закончил. — Мистер Бэрк тоже учился на Слизерине(10). Им староста говорил об этом в приветственной речи. Вам нет? Да что не так-то?

Отсмеявшись, Том вытер выступившие слезы и ответил:

– Да все не так, учитывая, что Мерлин жил лет на четыреста пораньше основателей. И нет, нам староста подобной чуши не говорил. Впрочем, этому есть объяснение: количество принятых в школу маглорожденных за последние пятьдесят лет резко возросло. Рассказали, вероятно, о короле Артуре.

Выросший под бубнеж отца о превосходстве магов над маглами, Брутус решил уточнить.

– Ты считаешь, что маглы лучше магов?

– Как раз наоборот. Нам природой дано гораздо больше, чем маглам. Но мы все бездарно профукали. Приняли Статут секретности, загнали себя в резервацию, где тихо деградируем и вымираем, как мамонты. Еще век назад каждый год в школу поступало порядка пятидесяти детей на каждый факультет, а количество изучаемых предметов доходило до тридцати. А сегодня каждый из этих показателей упал вдвое. Маглы же расплодились неимоверно. Ты представляешь, сколько волшебных растений и животных исчезло в результате их деятельности? Скольких областей магической науки мы лишились? А они нет. Ты же видел, чем они воюют?

Брутус поежился, а Том тем временем продолжал:

– У волшебников нет ничего сравнимого. Да, сейчас в магическом квартале безопасно. Но обрати внимание, как дрожит посуда в кафе. Послушай, как звенит стекло в домах на Косой. Да будь магловские бомбы чуть мощнее, от защиты основателей остались бы лишь одни ошметки! И где гарантия, что они не придумают ничего более разрушительного?

Брутус вытаращил на него глаза и осторожно спросил:

– То есть Гриндевальд прав? Ну, в том, что он убивает маглов?

– В идеях Гриндевальда есть свой резон. Количество маглов нужно сокращать. Хотя его эксперимент весьма любопытен:

внедриться в верхушку магловского правительства, разработать концепцию, согласно которой одни маглы лучше других, и стравить их друг с другом. Боюсь только, что процесс он уже не контролирует, а лишь делает хорошую мину при плохой игре. Гибнут не только маглы, но и маги. А это при нашей небольшой численности фактически самоубийство. Я бы действовал иначе: тут нужен комплекс мероприятий.

– Почему не контролирует?

– Потому что в противном случае он не пытался бы минимизировать ущерб и не стал бы сливать информацию о бомбежках Дамблдору, этому Мерлину недоделанному.

– Что?! — потрясенно прошептал Брутус. — Но это не правда! У Дамблдора есть шпион в окружении Гриндевальда! Все так говорят!

– Что первое я заставил тебя сделать перед тем, как начать беседу?

– Дать непрело… — Брутус замолчал на полуслове. – Нет, не верю!

– Хорошо, — покладисто сказал Том, — будем считать, что Гриндевальд тупее четырнадцатилетнего меня.

Какое-то время они молча смотрели на ходящий ходуном потолок, а потом Брутус, неожиданно вспомнив об очень важной вещи, спросил:

– Том, а что такое хоркрукс?

– Способ обрести бессмертие. Ты вкладываешь кусочек своей души в предмет, и в случае твоей смерти он срабатывает, как якорь.

– Делить душу? Звучит жутковато! А тебе зачем? Так боишься умереть?

– А ты не видишь, что творится? Я, к твоему сведению, приютский! Мне летом придется вернуться в Лондон! Думаешь, мне светит дожить до совершеннолетия? — он ткнул пальцем в потолок. — Да уже процентов сорок воспитанников моего приюта отправились на чаепитие к Иисусу!

– А нельзя провести лето в Хогвартсе? — осторожно спросил Брутус.

– Я вчера попросил Дамблдора оставить меня в школе. Думал, сейчас Новый год, хряпнет он рюмку хереса да и позволит. Старый хрен посочувствовал, посокрушался, но отказал. Так что хоркрукс для меня не роскошь! Я поэтому и пришел в вашу лавку. Думал, решу вопрос до лета.

– Ты так ненавидишь Дамблдора! — Брутус был потрясен всеобъемлющей ненавистью в голосе собеседника.

– Это взаимно, — ответил Том. — Именно он пришел ко мне

в приют и рассказал о магии. Вот представь, ты одинокий одиннадцатилетний приютский мальчишка. И тут к тебе заявляется сладкий такой дедуля в оранжевом костюме с длинной бородой и говорит, что он волшебник, покажет тебе чудеса, а потом наградит — устроит в хорошую школу. Какие мысли возникнут?

Брутус вспомнил пьяные разговоры посетителей бара в Лютном, откуда он на себе таскал перебравшего папашу, и густо покраснел.

– И я о том же. Помню, подумал тогда: старый ты педе… хм… мужеложец, много вас таких… волшебников, — Том замолчал.

– А потом? — Брутус осторожно тронул его за рукав.

– Да размазал он меня тонким слоем. Нашел противника по силам, нечего сказать. В ситуации моей разбираться не стал, сразу назначил виновным во всем. Обозвал вором, поджег мои вещи, а потом дал денег и предложил с ним прогуляться. За покупками к школе. И еще громко так думал: «Какой красивый мальчик! Прямо, как Гелл!» — Том скривился, а потом продолжил. — Знаешь, что мне это напомнило? У нас в приюте многие воровали. Жрать-то хотелось. И вот одного пацана поймал лавочник. Сначала запугал полицией до полусмерти, потом сказал, что он плохой мальчик и его нужно наказать. Ну, и наказал. Сам понимаешь как. А потом дал денег.

Том какое-то время сидел молча, обхватив колени руками, а потом с силой потер кулаком висок, словно прогоняя головную боль и усталость.

– Кстати… ты сегодня тоже очень громко думал о свитках Герпия Омерзительного. Так что прими добрый совет, носи амулеты, блокирующие чтение мыслей!

Брутус задумался. Мистер Бэрк подарил ему подобный артефакт еще на прошлый день рождения. Весьма мощный. Но проблема была в том, что амулет заряжался от энергии носящего его мага.

– Я не очень сильный маг, — расстроенно сказал Брутус. — Меня такие амулеты быстро высасывают. А ты легилимент?

– Да, природный. Я стараюсь специально не лезть в чужие мысли, но иногда долетает. Особенно, когда человек нервничает. Вот как ты сегодня. А с окклюменцией у меня было весьма печально. Хотя сейчас я уже смогу выдержать одновременную ментальную атаку двоих, а то и троих легилиментов среднего уровня. А вот Дамблдор, полагаю, шарит по головам из любви к искусству.

– И он тоже? Он поэтому тебя обидел при первой встрече? Потому что ты плохо про него подумал?

Том чуть запрокинул голову назад и усмехнулся.

– Да зуб даю! Кстати, если на тебя амулеты так действуют, то надевай их только перед важными встречами. Ну, или если ты точно знаешь, что твой визави ментальный маг. И периодически просто принимай умиротворяющий бальзам. Должно помочь!

Утром, перед выходом из подвала, Брутус сказал:

– Я сделаю для тебя копию свитков Герпия. И вообще любой книги, какой скажешь, – и, отвечая на немой вопрос Тома, пояснил. — Ты мой друг!

Он стал медленно подниматься по винтовой лестнице. Том Риддл шел следом с торжествующей улыбкой на губах, размышляя о том, какой это мощный тандем — непреложный обет и искренность!

***

– Том? У тебя получилось! — раздался оглушительный шепот.

Мелисса вздрогнула. Ее мозги заработали с бешеной скоростью: «Том? Уж не папенька ли мой вездесущий? И что у него должно было получиться?»

– Откуда вы знаете мое имя, сэр? — по какому-то наитию спросила она.

Стоящий у занавески маг взмахнул палочкой и осветил помещение. Потом, окинув взглядом своих посетителей, он быстро пересек комнату, подошел к Мелиссе и уже протянул руку к ее лицу, чтобы повернуть его к свету, когда его перехватил Фенрир.

– Боргин, ты это, не трогай пацана! — проговорил оборотень.

Мелисса тыльной стороной ладони хлопнула по козырьку бейсболки. Он загнулся вверх, открывая ее лицо для обозрения.

– Вы это хотели сделать, мистер Боргин? — поинтересовалась она.

Боргин внимательно вглядывался в ребенка. Нет, не Том. Но очень похож. Разрез и цвет глаз, оттенок волос, мимика, жесты. Иногда, вспоминая детство, он доставал книгу-артефакт и проглядывал ее, уделяя особое внимание странице семьи Гонт. Имя Тома было не зеленым, не черным, а сиреневым. Такого цвета Боргин не видел в книге никогда. Для него это означало только одно: душа Тома ищет свой якорь. Но детей у него точно не было! Бастард?

– Извините, молодой человек, обознался, — беря себя в руки, сказал Боргин, возвращаясь к своей привычной манере общения. — Чем могу служить?

«Сорвалось. Меня взвесили и нашли весьма легкой», — подумала Мелисса и, расстроившись, даже не заметила, как вслух

произнесла:

– Мене, текел.

Боргин приглушенно вскрикнул. Девочка непонимающе подняла на него глаза и с силой потерла кулаком висок. У Боргина заколoло сердце.

– Не обращайте внимания, сэр. Это из Библии. Мне бы хотелось перейти к делу, — сказала Мелисса, рассматривая выставленные на витринах предметы.

Ее внимание привлекла сушеная рука с пятнами крови. Она подошла поближе. За ней тут же возник Боргин. Его била крупная дрожь.

– У тебя хороший вкус, — сдавленным голосом произнес он. — Это Рука славы. Хочешь приобрести?

Сузившимися глазами Мелисса посмотрела на него и медленно ответила:

– Я произвожу впечатление скорбного умом? С чего вы решили, что я польщусь на проклятый предмет?

Боргин чувствовал себя так, будто он умер и попал в ад. Все повторялось: только в роли его отца был он, а роль Тома исполнял этот мальчишка.

– Тогда что ты ищешь?

– Справочник магических родов Британии, книгу по старинных легендам, желательно содержащую информацию об усилении магии и истинных первенцах, и что-нибудь о Герпии Омерзительном.

– Может, заинтересует «Волхование всех презлейшее»? — Боргину казалось, что ему в уши напихали ваты, настолько издалека доносились до него собственные слова.

– Нет! Неимоверно убогая выжимка из Герпия!

– Я сделаю копию свитков Герпия, — Боргин судорожно расстегнул верхнюю пуговицу на воротнике, — И вообще любой книги, какой скажешь…

Через час Мелисса и Фенрир покинули лавку Боргина.

– Это что было? — спросил Сивый девочку, прячущую книги в медальон. — Я был уверен, бодаться нам с Боргином не переботаться. А тут за бесплатно?!

Мелисса подняла на него усталые глаза и проговорила:

– Фенрир, если бы ты знал, как громко он думает!

_____

(1) Цикл «Я робот» А.Азимов.

(2) «Как робот потерялся». Рассказ из цикла «Я робот» А.Азимов.

(3) «Лондонский блиц» — массированные бомбардировки Великобритании в период с 7 сентября 1940 г. по 10 мая 1941 г.

Хотя «блиц» был направлен на многие города по всей стране, начался он именно с бомбардировки Лондона в течение 57 ночей подряд.

(4) Груша мучений, испанский сапожок, стул Иуды — средневековые орудия пыток.

(5) Действительно, в Средние века было подобное поверье. И не поэтому ли семье Малфой изменила их постоянная удача? Ведь Драко был владельцем этой «замечательной вещи».

(6) «Волхование всех презлейшее» — книга, написанная Горелотом, одним из владельцев Бузинной палочки. В ней упоминались хоркруксы. Экземпляр данной книги имелся в Запретной секции Хогвартса.

(7) Мене, текел — неполная цитата из Библии (Ветхий Завет). «Мене» — исчислено, «текел» — взвешено. Эти слова в значении: все исчислено, ты взвешен на весах и найден очень легким — сказаны пророком Даниилом царю Валтасару. Полагаю, Темный Лорд, росший в приюте в начале XX века, был великолепно знаком с Библией.

(8) Речь идет о Венделине Странной.

(9) Том частично цитирует стандартный текст приговора к казни через повешение: «Вы будете повешены за шею и будете висеть, пока не умрете. И да помилует Господь Вашу душу».

(10) Действительно, на Pottermore в стандартной речи старосты Слизерина упоминается этот бредовый «факт». Текст писала сама Д. Роулинг. Чем она руководствовалась, для меня лично, загадка!

= = = = = = = = = = ГЛАВА 21. Зелье доверия = = = = = = = = = =

Последние три дня Перси Уизли казалось, что самые близкие ему люди — братья и единственный друг — ведут себя как дешевые актеры третьесортного театра. Более того, он жил с чувством постоянного дежавю. Вот и сейчас, этим пятничным вечером, он в очередной раз сидел в пижаме на кровати и устало смотрел на своего приятеля Оливера Вуда, которого с каждой минутой все сильнее хотелось назвать „бывшим приятелем“.

Оливер только что вернулся с отработки у Филча. Надо думать, ему не понравилось. А кто бы был рад перебирать несколько мешков подгнившей картошки, отсортировывая ее по размеру? Негодные клубни Оливер на себе, солдатскими перебежками, относил Хагридовым свинкам. К концу отработки он пах, как куча отборнейшего компоста, да и выглядел соответственно. Но кипучей энергии не растерял, поэтому сейчас, даже не приняв душ, носился взад-вперед по спальне, „озонируя“ окружающее его пространство.

Он чуть ли не бился в ставшей уже ритуальной истерике, размахивая руками с траурной каемкой под ногтями и фонтанируя угрозами и обещаниями скоропостижной кары в адрес сальноволосого урода, слизеринцев в общем и мисс Эванс в частности.

Никакие доводы Перси, пытающегося подобрать верные слова и звучать по-взрослому убедительно, на Оливера не действовали. Подобное поведение было настолько несвойственно Вуду, что Перси не знал, что и думать. Да, Оливер всегда был вспыльчивым, но отходчивым. А тут!

На вопли заглянули Билл и Чарли. Перси облегченно выдохнул: ну вот они-то обязательно успокоят Вуда! В конце концов, это их прямая обязанность, как явных лидеров факультета. К тому же Билл — староста школы. Вряд ли он заинтересован в обострении конфликта. К его глубочайшему удивлению, Билл и Чарли высказали понимание возмущению Вуда. Да, оскорблен не только ты, Оли. Оскорблены все мы. Да, надо поставить на место „мерзких слизней“, но Макгонагалл сказала свое категорическое „только попробуйте“. Поэтому нужно обождать. Месть — блюдо, которое едят холодным.

– Мерлин, какую чушь вы несете! — громко возмутился Перси.

Учитывая его флегматичный характер, подобная фраза, высказанная подобным тоном, для него равнялась отборнейшему мату.

– Я же там был. Я все видел и слышал. Оливер сам виноват. И получил ровно то, что заслужил!

– Я всего лишь сказал правду! — заорал Вуд. — А мне влепили отработки с Филчем до конца года. Это за правду-то!

Перси опешил. Оливер не притворяется? Он действительно считает себя невинной жертвой? Считает себя правым? А Билл и Чарли понимают… и одобряют?

– Би-илл, — Перси встал и тихо и вкрадчиво позвал брата, а когда тот обернулся к нему, поинтересовался. — То есть, если кто-то назовет нас предателями крови, мне не стоит возмущаться и бить в глаз. Это ведь правда.

Гулкая пощечина опрокинула его обратно на кровать. Чарли и Оливер с трудом удерживали разъяренного Билла от расправы над братом, уговаривая, что Перси свое уже получил. Билл одним резким движением сбросил с себя их руки, сплюнул прямо на кровать младшего брата и вышел из комнаты.

Чарли бросился вслед за ним, процедив на ходу:

– Да, не ожидал от тебя, тихоня ты наш правильный.

Перси сел на кровати и рукавом стер плевок с одеяла.

– Как ты мог такое сказать? Про собственную семью! — Вуд начал произносить свою филиппику на максимальной громкости, сдуваясь и затихая по мере того, как наливался красным след от пятерни на щеке Перси.

А у Перси в голове не укладывалось. Брат дал ему пощечину! Билл? Человек, уверенный в том, что бить надо только кулаком, тогда это благородный мордобой, а пощечиной можно лишь унизить, а унижать нельзя даже злейшего врага?

Он холодно взглянул на Оливера, с убийственной вежливостью пожелал ему спокойной ночи, забрался на кровать и одним взмахом волшебной палочки задвинул полог, отгораживаясь от всего мира.

Вуд какое-то время потоптался, чувствуя себя не в своей тарелке, но вскоре глубоко вздохнул и, прихватив полотенце, направился в ванную. Ну, не понимает Перси, что не прав, ему же хуже.

После его ухода Перси призвал лист пергамента и перо с чернилами и принялся делать то, что у него получалось лучше всего: составлять список. Даже не список, а сравнительную таблицу. Он провел вертикальную черту, разделив лист пополам, и две горизонтальные, деля на три приблизительно равные части. В левом столбике он перечислял те черты характера, которые наблюдал у братьев и Вуда раньше. А в правом напротив каждого определения делал пометки, выделяя те черты, которые стали более контрастными, выпуклыми. Закончив, он какое-то время внимательно изучал записи, а потом поежился: „Ментальная магия или зелья? Надо разбираться!“

Приняв решение, Перси успокоился. Убрав чернила, он взбил подушку, сунул под нее пергамент, лег и закрыл глаза. Он ни на секунду не сомневался, что у него все получится. А братья? Ну, что скажешь. В конце концов, он привык, что в сложной ситуации родственники частенько занимают страусиную позицию, прячут голову в песок и начинают игнорировать источник неудобных вопросов. Взять хотя бы тех же “предателей крови”…

***

В детстве, в один из походов вместе с матерью на Косую аллею, Перси услышал обрывок разговора бакалейщика с одним из посетителей.

– А это не дочка Прюетта? Которая выскочила за „предателя крови“?

– Ну да. Надо же быть такой дурой! Ладно бы только себе клеймо заполучила, но дети!

В тот день за ужином Перси спросил у мамы с папой, что это за зверь такой — „предатель крови“. Отец подавился супом, мама

побледнела и спешно побежала что-то помешивать на плите, а старшие братья, сидевшие с обеих сторон от него, одновременно пнули его под столом.

Перси был мальчик понятливый, поэтому заткнулся и решил поискать другой источник информации. Выбор пал на профессора Дамблдора, иногда навещающего своих бывших учеников.

Сколько Перси себя помнил, родители всегда уважали директора Хогвартса. Да что там, просто боготворили. И всех семерых детей, включая его самого, растили в неизменном трепете перед великим волшебником. Впрочем, подобную преданность можно было легко объяснить.

Артур Уизли был неудачливым клерком в никому не нужном отделе Министерства магии по ограничению применения волшебства к изобретениям маглов. Настолько никому не нужном, что отдел целиком и полностью состоял только из Артура.

Молли, происходившая из богатого и аристократического чистокровного рода Прюетт, наперекор семье сбежала с нищим Артуром и вышла за него замуж. Ее родители, всегда дорожившие своим честным именем, не могли ни простить выбор дочери, ни принять подобный мезальянс, поэтому отсекли ее от рода. Вот и вышло так, что она, девушка, за которую в юности все делали домовые эльфы, стала затрапезной домохозяйкой, ненавидящей это самое хозяйство, не умеющей ничего организовать и оттого регулярно спускающей собак, разумеется, в воспитательных целях на свое многочисленное потомство и безответного супруга.

Семеро детей, полное безденежье, друзей практически нет, перспектив и подавно. Нельзя же считать другом семьи раз в миллион лет появляющегося Мундунгуса Флетчера, после которого в буфете пропадают последние серебряные вилки — остатки былой роскоши, а перспективой — гипотетическую седьмую беременность?

Если бы не Дамблдор, им было бы совсем худо. Он пристроил Артура на его должность. Он подкидывал отпрыскам Уизли пособия для обучения в Хогвартсе, хотя они, как дети из полной семьи, на них и права-то не имели. Он же обещал помочь пристроить Билла и Чарли после окончания школы, а это, учитывая репутацию их семьи в обществе, было просто манной небесной.

А репутация Уизли оставляла желать лучшего. Нет, ничего особо криминального, просто у каждого поколения этой семьи в анамнезе была какая-нибудь дурно попахивавшая историйка, которые накапливались и нарастали одна на другую, как снежный ком. Да еще и клеймо „предателей крови“.

Когда Перси спросил об этом у Альбуса Дамблдора, тот долгим, понимающим взглядом смотрел на мальчика и качал головой. Потом пустился в долгие пространные рассуждения о том, что его родители замечательные люди, что он никогда не должен повторять подобные глупости, что такое прозвище аристократы дают всем волшебникам, которые не зациклены на чистокровности, общаются с маглами и маглорожденными как с равными и выступают за сближение обычного и магического мира.

По натуре Перси был педантом, поэтому ждал, что ему дадут четкое научное объяснение. Ну, или хотя бы пояснят на примерах. Директор же сказал, что такое прозвище дают всем. Кому всем? При уточнении выяснилось, что уже не „всем“, а всего лишь „многим“. Кому многим? Некоторым, ты их не знаешь.

В общем, Перси подобное объяснение не устроило. Он резонно сомневался. Например, почему „не зацикленные“ старшие сыновья семейства Уизли всегда женятся исключительно на чистокровных волшебницах? Почему эти чистокровные волшебницы из поколения в поколение отсекаются их родителями от родов: что мама, что бабушка Цедрелла(1)? Почему маглолюбец-папа никогда не посещал магловский мир? Почему у них, выступающих за сближение обычного и магического мира, нет друзей-маглов, раз уж с ними не особо общаются волшебники? И самое главное, почему столь лояльная к вопросам крови мама избегает любых разговоров о своем кузене-сквибе?

Нет, что-то тут не так. После разговора с Дамблдором было ясно, что спрашивать у родителей бесперспективно. Друзей у семьи не было. А если бы и были, какой друг скажет правду, если это что-то нехорошее? Наоборот, будет беречь нежные чувства. Тогда, возможно, правду скажет… враг?

Единственным волшебником, который подходил под определение „враг“ был Люциус Малфой. О, вот его отец ненавидел от всего сердца. И дня не проходило, чтобы он не упоминал этого тупицу, подлеца, жалкого аристократишку и мерзкого сторонника Того-Кого. Мама поддакивала, а младшие Уизли мотали на ус.

Перси как-то спросил, а почему, если все знают, что мистер Малфой – ПеС, он не в Азкабане. И выслушал получасовое стенание, что эта богатая гадина попросту откупилась. А теперь постоянно ошивается в министерстве, на короткой ноге с заместителем министра Фаджем, — а всем известно, что после Багнолд тот первый кандидат на высшую должность, — да и вообще наслаждается жизнью в то время, как честные люди,

всегда стоявшие за правду, вынуждены кнаты считать и перебиваться с хлеба на воду.

Помнится, в тот момент Перси подумал, что человек, сумевший при подобных обстоятельствах мало того, что выйти сухим из воды, но и сохранить свое место в высших слоях общества, достоин как минимум уважения. И уж его никак нельзя назвать тупым или жалким.

В общем, тогда, за два года до Хогвартса, Перси решился и написал Люциусу Малфою письмо, в котором изложил свой вопрос. Отправив сову в Малфой-мэнор, Перси и сам не знал, чего ожидать. Ему казалось, что вариантов может быть несколько: Малфой-старший либо промолчит, либо напишет ему ответ, либо встретится с ним, либо, если суждение родителей о нем верно, и Люциус действительно гадина, просто в очередной раз посмеется над Артуром, продемонстрировав последнему письмо его сына.

Малфой поступил проще. Он прислал Перси подарок на день рождения. Это была книга: научное исследование, полностью посвященное теории крови. Читать было сложно. Девятилетний Перси с трудом продирался сквозь незнакомые слова, термины, сноски и ссылки.

В общем, как он и думал, общение с маглами имеет такое же отношение к термину „предатель крови“, как морская свинка к морю. Все было гораздо прозаичней и неприятней: кто-то из предков Перси дал магическую клятву на крови, а потом попросту ее нарушил. Маги недаром с пиететом относятся к словам. Магия – это, прежде всего, Слово, и подобных надругательств над собой она не прощает. Откат может быть самым разным: постоянные неудачи, нестабильность магии, появление в роду сквибов, нищета и так далее, и тому подобное.

Но добило Перси даже не это. А раздел, рассматривающий варианты снятия клейма предателя. Их было три: относительно быстрый, долгий и весьма и весьма муторный и нереальный.

Согласно первому варианту, клеймо „предателя крови“ мог снять седьмой сын седьмого сына или седьмая дочь седьмой дочери. По легенде подобные дети были истинными целителями. Прочитав об этом, Перси первый раз в жизни понял, почему его родители ведут себя, как оголтелые кролики. Получается, если бы Джинни не подкачала и родилась мальчиком, а потом женилась и, капитально поднапрягшись, считая все календарные сроки, постоянно сверяясь с астрологическими гороскопами, завела семерых сыновей, то ее гипотетический седьмой сын смог бы снять клеймо со всего рода.

Второй вариант предусматривал старое доброе самоограничение и покаяние в лучших традициях христианских

аскетов. Причем, на протяжении нескольких поколений. Причем, все магические законы и правила, включая сезонные магические ритуалы, должны были соблюдаться и выполняться вплоть до запятой. В общем, нужно было наступить на горло собственной песне, плюнуть на желания и хотения и стать человеком-сухарем.

Третий вариант, а именно принесение магической вассальной клятвы сильному и древнему магическому роду, был абсолютно нереален. Нет сейчас волшебников такой силы, которые смогли бы принять на себя магический откат и оклематься после этого. Да и смысл? Кому он такой красивый нужен?

В общем, всесторонне рассмотрев нарисовавшуюся перед ним проблему, он решил действовать в комплексе. Да, вариант номер два — основной. Он ему вполне близок, с его характером ограничивать себя будет не сложно. Когда появится собственная семья, естественно станет сложнее. Но ведь это в его силах подобрать подходящую по темпераменту девушку, не так ли? А если она не будет возражать и с деньгами не будет особых проблем, можно попробовать и вариант номер один.

***

А выспаться все-таки не удалось. На завтрак злой Перси пришел одним из первых. Вторым, если уж точно. Зал был пуст, лишь за преподавательским столом сидел мрачный Снейп, заглатывающий сосиски и кофе с жадностью стаи голодных уток. Степень его злости и недосыпа явно превышали уровень младшего Уизли. Перси едва дошел до стола Гриффиндора, как профессор зельеварения посмотрел на часы, вскочил с места и, стоя допив последний глоток, умчался из зала, буквально швырнув чашку на стол.

Через несколько секунд после того, как из вида скрылись складки развевающегося черного плаща Снейпа, в Большой зал на крейсерской скорости влетела Мелисса Эванс. Тоже злая и невыспавшаяся.

Девочка подбежала к столу Слизерина, заметила Перси и кивнула ему. А затем повторила трюк Снейпа: бросила взгляд на часы, подцепила со стола пару бутербродов, стоя проглотила их и, развернувшись, помчалась к выходу. В дверях она столкнулась со слизеринскими первокурсниками, на секунду остановилась, подержалась за голову, что-то им сказала и унеслась.

Да что за активность такая с утра пораньше! Да еще в выходной!

Неожиданно Перси тоже захотелось действовать. Позавтракав, он с несвойственной ему скоростью вернулся в гриффиндорскую спальню, взял сумку, положил в нее пергаменты и чернила и направился в библиотеку.

Несмотря на раннее утро выходного дня, библиотекарь была на посту. Обложившись книгами со всех сторон, она, видимо, составляла какую-то сводную опись. Мадам Пинс внимательно осматривала книги, что-то записывала и раскладывала их по стопкам в одной ей только ведомом порядке.

Перси пристроил свои вещи рядом с одним из столов и направился в отдел справочной литературы. Спустя полчаса ошарашенная мадам Пинс наблюдала, как Уизли-младший, судя по всему, скоропостижно увлекшийся зельеварением, тащит к столу тяжеленные справочники по зельям и подборку специальных журналов, придерживая верхний том подбородком и согнувшись в три погибели.

Аккуратно разложив книги на столе, Перси вздохнул, оглядел все это богатство, с некоторой тоской прикидывая время, которое ему потребуется, чтобы изучать вопрос и, взяв в руки первый том, погрузился в чтение.

Ближе к вечеру Перси отложил справочник и на мгновение прикрыл глаза. Что ж, что-то начинало вытанцовываться. И, похоже, ментальная магия была здесь ни при чем. А вот зелья, даже очень. Судя по симптомам, которые Перси имел „счастье“ наблюдать, это могло быть зелье доверия.

В книге была интересная сноска. Любой человек подсознательно делит окружающий мир на своих и чужих. Свои — это люди, относящиеся к той же социальной группе. Не важно, что отличает эту группу: цвет кожи или галстука и эмблемы на мантии или взгляды на жизнь. „Свой“ является „хорошим“ по определению, а „чужой“ — если не враг, то человек, внушающий опасение. Со своими надо дружить, от чужих держаться на расстоянии.

После приема этого зелья, даже в самой слабой концентрации, доверие к „своим“ возрастает. Любой их негативный поступок воспринимается как вполне себе извинительный. И все бы неплохо, но дополнительным бонусом становится усиление неприязни к „чужакам“.

А самое главное, если в стане „врагов“ вольно или невольно оказывается человек, к которому выпивший подобное зелье изначально испытывал положительные чувства: родственник или объект влечения — неприязнь растет в геометрической прогрессии, вплоть до ненависти. Ведь, с точки зрения выпившего зелье, в данном случае принадлежность к „чужим“ становится предательством.

«Получается, Билл и Чарли вызверились, потому что я, их брат, заговорил о запретном. Предал. Стал „чужим“. А Оливер, — Перси глубоко задумался, — похоже, запал на Эванс еще в поезде.

Поэтому и на распределение ее отреагировал в высшей степени неадекватно, успешно себя накрутил, придумал весьма связный бред, благополучно в него поверил и при первой возможности вывалил на нее. Интересно, где они ухитрились напиться этой гадости?»

Перси похолодел. Ему в голову пришла кошмарная мысль: подобное могло произойти только за праздничным столом. Ведь сначала Вуд воспринял распределение Эванс вполне спокойно, а завелся только после ужина.

А сама Эванс? Перси пытался сопоставить поведение Мелиссы в поезде с тем, что он видел последние два дня. Нет, нельзя сказать, что что-то изменилось. Она кивала ему, оскорблениями не сыпала. Может, все по-прежнему? Да, он и не знает ее насколько хорошо. В любом случае, надо с ней поговорить! И предупредить: и о зельях, и о завихрениях Вуда.

***

Мелисса стояла под душем, отмокая после насыщенного дня, пытаясь смыть с себя усталость и головную боль.

После встречи с Боргином в висок, казалось, забили гвоздь: нервный старик фактически изнасиловал ее мозг, буквально впихивая в него картинки со своими воспоминаниями. Что самое странное: он не взламывал ее ментальную защиту, он не пытался считать ее мысли и эмоции. Он просто транслировал. Как радиоприемник, включенный на полную громкость. Нет, никто не спорит, что для нее это было очень полезно и выгодно. Но что же это за феномен такой?

Девочка взмахом руки сделала воду погорячее и подставила лоб под струю, стараясь не двигать головой и ни о чем не думать. Удавалось плохо. В полный рост встал вопрос: Боргин уже доложил Дамблдору о визите в его лавку мальчика, похожего на Темного Лорда, или ему не к спеху?

Нет, бред и паранойя! С какой стати Боргину кому-то докладывать, а тем более директору? Но тонкий голосок внутри зудел на одной ноте, как комар: „Да стучит он. Однозначно. Как дятел. Либо аврорату, либо Дамблдору. Или ты думаешь, ему за красивые глаза позволили после победы Света держать лавку, торгующую темными артефактами, проклятыми вещами и запрещенными ингредиентами и книгами? Нет! Он — показательная, официально разрешенная тьма, тщательно взятая на карандаш. Впрочем, как и любой торговец в Лютном, торгующий сомнительными вещами не из-под полы, а в магазине с вывеской“.

Это было логично. Свет победил. Но при этом они допускают существование подобного рассадника. Для чего? Да чтобы

банально всех пересчитать. Все так называемые „отбросы“ собраны в одном месте. Любители темных искусств в любом случае придут в Лютный, если им понадобится что-то купить или продать. Торговцы и трактирщики периодически стучат в аврорат, а за это им позволено продолжать свою не особо законную деятельность. А авроры храбро реагируют на сигналы, периодически устраивая рейды и облавы. И все довольны: и обыватели, и криминал, и власть.

„И все-таки он сливает информацию именно директору. Только у нас слезы феникса высочайшего качества! Единственный официальный дилер! Баш на баш!“

Мелисса вернулась в комнату и начала одеваться, понимая, что в общей гостиной показаться все-таки надо. Ее не было целый день, а записка на двери, сообщающая о мигрени, отмазка далеко не абсолютная.

Высушив голову заклинанием и приведя себя в порядок, Мелисса бросила взгляд в зеркало и поспешила в общую гостиную. Приятели-первокурсники заняли несколько кресел недалеко от камина и тихо переговаривались. Заметив ее, Селина, сидящая на диване, чуть сдвинулась.

– Ну, как ты? — поинтересовалась она, когда Мелисса села рядом. — Голова прошла?

– Более-менее, — ответила девочка. — Что я пропустила?

– Кроме обеда и ужина? Уничтожение коробки шоколадных лягушек, бурное обсуждение последнего матча Холихедских гарпий и спор наших добрых знакомых, Люциана и Теренса, по поводу того, кто из них лучший шахматист, — Роули указал рукой на хмурых мальчиков, сидящих в соседних креслах. — Истина в споре не родилась.

Боул и Хиггс хмыкнули и показательно отвернулись друг от друга. Мелисса же, улыбнувшись, снова посмотрела на Роули, ожидая продолжения.

– Еще нам пришли наши колечки, — ребята дружно помахали ладонями в воздухе, демонстрируя надетые артефакты. — Кстати, мы промахнулись с ценой. Они оказались дешевле и нам в качестве бонуса прислали еще одно такое же. Итак, наша прибыль составила пять галлеонов, леди и джентльмены!

Торфинн с серьезнейшим видом пожал всем руки, словно поздравляя с такой немыслимой удачей, и продолжил импровизированный доклад.

– Староста просила тебе передать, что твоя отработка в зельеварнях на выходных отменяется. Декана нет в школе.

„А вот это весьма удачно!“ — подумала девочка, вспомнив о кипе свитков и книг, полученных от Боргина.

– И наконец, тебя судорожно искал Уизли. Не нашел и просил передать, что жаждет и страждет.

Тут они вчетвером уставились на Мелиссу, словно требуя объяснений.

– Давайте по порядку. Господа Ласкер и Капабланка(2), в чем собственно проблема? Не пробовали сыграть партию-другую, чтобы выяснить, кто круче?

– Именно это они и сделали, — засмеялась Селвин. — Хиггс проиграл, но в проигрыше оказалась виновата древность рода Боулов.

– Брр, — Мелисса затрясла головой. — А попроще?

– Волшебные шахматы — живые. Род Люца древнее, закономерно, что он выигрывает. Считается, что чем больше матчей провели фигуры, тем они опытнее. Они играют сами, им и игрок-то не особо нужен, — пояснил Хиггс.

– И у кого это считается? — возмутился Боул. — У тех, кто играть не умеет? А выигрываю я потому, что лучший!

Роули и Селвин закатили глаза и дружно простонали.

– Опять. Это никогда не закончится.

– Ну, почему же, — усмехнулась Мелисса. — Пусть сыграют несколько партий на время, как на чемпионате. И вопрос будет решен. Кто победит, тот и крут. А чтобы исключить все возможные споры играть будете магловскими фигурами. Они к игроку не лезут.

– Кто такие Ласкер и Капабланка? Что за чемпионат? Как это на время? — ребята засыпали девочку вопросами, и она коротко пояснила им интересующие моменты, стараясь не заводиться от того, насколько мир магов оторван от остального мира.

– У нас нет таких часов и фигур, — уныло сказал Хиггс, выслушав объяснения. — Мордред, жаль.

– Не надо придумывать проблему на пустом месте, — фыркнула девочка. — У меня есть комплект дорожных шахмат на магнитах. А часы… Ну, возьмем пару песочных. И все.

Какое-то время они молчали, а потом Мелисса взглянула на Роули.

– Который Уизли? Их же в школе три брата-акробата.

– Младший, — пояснил Торфинн и задумчиво посмотрел на девочку. — Просил передать, что будет ждать тебя завтра после обеда у зельеварен.

– Никакой конкретики? — спросила Мелисса.

– Ты собираешься общаться с предателем крови? — вскинулась Селвин. — Ты вообще знаешь, что это за семья?

– Ну, воздушно-капельным путем это не передается. Замуж я за него не собираюсь, детей мне с ним не крестить. Что до семьи,

видела мельком. Первое впечатление — не в восторге. Но Перси вел себя достойно. Пытался разрулить ситуацию, образумить Вуда. Если его не обработали на факультете и просьба о встрече не ловушка с целью намылить шею плохой мне, то сходить стоит.

– Не ловушка, полагаю, — сказал Люциан. — На уточнение, должна ли ты прийти одна или я могу тебя сопроводить, он сказал, что ему все равно. Мол, хоть всем курсом приходите. Так что…

Он развел руками, показывая отсутствие вариантов.

– Всем курсом и пойдем, — закончила за него Мелисса.

– Кстати, Эванс, — протянул Роули, — ты в следующий раз хоть спроси, что такое „предатель крови“. Сиротка, выросшая в магловском приюте, с первого дня разбирается в вопросах крови…

Мелисса пожала плечами и ответила:

– Ну, во-первых, не с первого, а с третьего. А во-вторых, я и спросила. Две минуты назад. И ты, Роули, как благородный человек, все мне объяснил. Не мог же ты допустить, чтобы я осталась непросвещенной и темной, как фибровый чемодан.

– Да? — с притворным удивлением спросил Торфинн.

– Да, — уверенно подтвердил Люциан.

Раздался хриплый смешок. Ребята вздрогнули и обернулись. Прямо перед ними висел призрак с пустыми глазницами и в мантии, заляпанной серебристой кровью, — Кровавый Барон. Какое-то время он незряче смотрел на Мелиссу, а потом двинулся прямо к ней, наплывая все ближе и ближе. Девочка поднялась с дивана и отошла на несколько шагов. Привидение снова рассмеялось, а потом отвесило девочке вполне себе придворный поклон и поинтересовалось:

– Миледи меня боится?

Мелисса не осталась в долгу и сделала книксен.

– Нет, милорд. Просто не очень хорошо себя чувствую. Не думаю, что онемение руки или ноги благотворно на мне отразится.

– О, вы меня недооцениваете. Полный паралич, миледи. Полный.

– А порезы? — уточнила девочка. — Сколько будет их?

– Один, — честно признался призрак. — Но весьма глубокий.

– Очень любезно с вашей стороны, что вы остановились.

Кровавый Барон чуть склонился к Мелиссе и доверительно прошептал.

– Я опасался, что вы уже можете… Хотя сейчас вижу, что еще нет. Поэтому туда вам пока нельзя… Один раз я поспешил. Теперь не ошибусь.

Девочка не поняла говорящего загадками призрака и хотела уточнить, но он прервал ее на вздохе:

– Поговорим об этом года через три, миледи.

Поклонившись в очередной раз, он развернулся и поплыл было прямо в камин, как вдруг остановился и бросил через плечо.

– Очевидно, рыжий „предатель крови“ опасался, миледи, что ваши благородные друзья не передадут вам его просьбу о встрече. Поэтому, он, видимо, принял меня за сову… Впрочем, вы уже извещены. А он, вероятно, уже владеет собственным телом и убрал следы крови.

Мрачно усмехнувшись, призрак испарился, а Мелисса снова села на диван и задумчиво потерла лоб. Приятели внимательно ее рассматривали.

– Я не знаю, что он имел в виду. Безумный шляпник какой-то, а не привидение. Хорошо, хоть не стал допытываться, чем ворон похож на письменный стол(3). Нет, — девочка покачала головой, — пересказывать не буду. Книгу могу дать, если не побрезгуете читать магловский роман.

Ребята улыбнулись, а Люциан сказал за всех.

– А почему только один роман? Давай все, что есть!

Какое-то время они молчали, а потом Селина сказала:

– На встречу с Уизли надо идти обязательно. Это явно что-то очень важное, раз он даже к Барону пристал. Кстати, откуда ты узнала о посмертных способностях?

– Я не знала, — сказала Мелисса, — а предположила. У маглов популярны бульварные романы о всякой нечисти: вампирах, оборотнях, привидениях. Считается, что призраки обладают определенной силой. И сила эта чаще всего обуславливается причиной смерти. Если человек сгорел, то его призрак сможет оставлять весьма ощутимые ожоги на коже живых людей или зажечь небольшой предмет, например, свечку. Если утонул, сможет брызгаться водой, вызывать слезы. У Кровавого барона ножевая рана. Получается, он умер от кровопотери. Значит, может нарушить кровообращение и вызвать онемение конечностей, а также наносить резаные раны.

Слизерицы переглянулись, а Люциан уточнил:

– И обо всем этом маглы пишут в развлекательной литературе? Я хочу это видеть. А про кровообращение?

– В учебниках. Либо по биологии, либо по медицине.

– И учебники я хочу посмотреть тоже, — отрезал Боул.

Мелисса лишь пожала плечами, не вопрос.

***

Перси стоял у закрытого кабинета зельеварения, когда из-за поворота появились слизеринские первокурсники. В полном

составе. Трое остановились шагов за пятнадцать от него, а Мелисса Эванс и черноволосый мальчик, кажется, Люциан Боул, направились прямо к нему. Палочки они держали наготове.

– Добрый день, Перси, — вполне дружелюбно сказала девочка, а Боул кивнул головой, обозначая приветствие. — Что-то случилось?

– Добрый день, — Перси слегка замялся, не зная, как выразить свои мысли. — В общем, не подумай, что я спятил, но тебе следует это прочитать.

Он вытащил из рукава пергаментный свиток и протянул Мелиссе. Девочка пристально посмотрела на него и прежде, чем взять в руки пергамент, бросила на свиток известные ей диагностические чары. Он был чист. Мелисса улыбнулась и взмахнула палочкой еще один раз, набрасывая на них троих звуконепроницаемый полог.

– На всякий случай, — пояснила она.

– Резонно. После выступления Оливера, я бы тоже подозревал всех подряд, — Перси подобная осторожность весьма импонировала.

Мелисса развернула пергамент и какое-то время внимательно его изучала. По мере чтения, ее брови поднимались все выше и выше от изумления.

– Люц, — позвала она Боула и протянула ему пергамент.

Боул пробежал его глазами и со словами „я покажу остальным“, вернулся к другим первокурсникам.

– У тебя есть артефакт, определяющий яды, Перси? — спросила Мелисса.

– Нет, просто никогда не ем на праздниках, — пожал плечами Уизли, отслеживая реакцию девочки на свои слова, а когда никаких вопросов не последовало, он, убедившись в правильности собственных догадок, продолжил. — Нездоровая пища. Теперь ты понимаешь, что Оливер на самом деле не виноват. Он бы никогда так не поступил!

– Не согласна. Судя по твоим выкладкам, концентрация весьма слабая. Так понести его не могло. Простая сила воли позволила бы заткнуться вовремя.

„М-да, меня бы тоже такой аргумент не убедил!“ — подумал Перси.

Он тяжело вздохнул, нехотя вытащил из сумки толстый том, заложенный закладкой, и протянул его девочке.

– Сноска справа, — пробормотал он.

Мелисса внимательно прочитала и недоуменно хмыкнула.

– Надо же. Личная приязнь, значит, — Перси вскинулся, а девочка успокаивающе махнула рукой. — Брось, я не собираюсь

давать об этом объявление в „Ежедневный пророк“. Это мне не интересно. А вот эффект от зелья даже очень. То есть, он не успокоится?

Перси отрицательно покачал головой.

– Его перемкнуло. Хуже всего, что он подбивает к мести остальных. Нет, сейчас, пока история еще на слуху, они не рискнут. Да и потом могут забыть. Но ты бы поосторожней.

– Я приму к сведению, Перси. И поверь, что я тебе признательна. Ты… — девочка на секунду замялась, словно что-то обдумывая, — подожди минуту.

Развернувшись, она подошла к своим однокурсникам. Они о чем-то переговорили, потом слизеринцы одновременно кивнули, а светловолосый мальчик что-то отдал Мелиссе.

Девочка вернулась, взяла Перси за руку и положила на ладонь кольцо.

– Теперь у тебя есть артефакт, определяющий яды.

***

В понедельник Мелисса явилась на очередную отработку. Снейп колдовал над котлом. Увидев ее, он махнул рукой, приглашая войти, и приветливо улыбнулся.

– Присоединяйся. Сегодня наше занятие будет посвящено приготовлению эликсира, нейтрализующего… что? — он выжидательно посмотрел на нее.

Мелисса заглянула в котел. Ничего подобного она никогда не видела. Ей не был знаком ни цвет, ни консистенция, ни запах, ни тем более спиральный рисунок пара, поднимающегося над котлом. Это было что-то необычное, явно выбивающееся из школьной программы за первые четыре курса Хогвартса.

„Ну что, перфекционистка фигова, — сказала она себе. — Привыкла, что всегда про все читала. Вот и не всегда и не про все. Получи и распишись. Что ж, выбора не остается, будет тыкать пальцем в небо!“

– Зелье доверия? — похоронным голосом спросила она, вспомнив о разговоре с Перси Уизли.

Повисло тяжелое молчание. Снейп медленно помешивал варево, а Мелисса с каждой секундой понимала, что она угадала. А это значит, что, черт побери, она не одна! Что пока она рыскала по Лютному, Северус добывал информацию по своим каналам. И добыл!

Она с восторгом посмотрела на профессора зельеварения и широко улыбнулась. Хмыкнув, Снейп кивнул на разделочную доску.

– Правильно. Порежь корни златоцветника. Кружочками. Ширина полдюйма. Для нарезки используй невербальное Секо.

Мелисса придвинула к себе корни и принялась за работу. Какое-то время они молчали, занимаясь каждый своим делом, а потом Снейп произнес скучным, безразличным голосом:

– Кстати, пока режешь, постарайся найти убедительные аргументы, какого дьявола тебе понадобилось убегать из школы и что ты забыла в Лютном?

От неожиданности девочка резко дернулась, уронила доску и рассыпала корни по полу.

– М-да, нарезка испорчена, — усмехнулся Снейп. — Месяц отработок в зельеварнях за побег и эссе на двадцать дюймов о способах приведения испорченных ингредиентов в пригодное для работы состояние. Собери то, что рассыпала, и положи в чистую банку. Использовать только Вингардиум Левиоса! Руками не хватать!

Исправив собственную оплошность, девочка отнесла банку в кладовую и, вернувшись к котлу, спросила максимально невинным голосом:

– А можно поинтересоваться, как ты узнал?

– О, — ухмыльнулся Снейп, — это настоящая детективная история. Можно сказать, про Шерлока Холмса. Помнишь, я тебе рассказывал о библиотеке своего друга. В общем, пустить он меня в нее пустил. А вот большинство книг мог открыть и прочитать только колдун, принадлежащий к этому роду. Я уже собирался махнуть рукой, когда вдруг заявился его сын, мой крестник, и возжелал мне помочь. Причем, просто так. И полтора дня сидел рядом, как добрый самаритянин, и по мере своих небольших пока возможностей открывал заинтересовавшие меня книги и читал то, что мог прочесть.

– Ну, это говорит о благородстве юного волшебника, — Мелисса уже начала догадываться, о ком идет речь.

– Именно, — Снейп на секунду отвлекся от котла и ехидно взглянул на девочку, — про благородство и свое стремление к нему он мне и вещал в перерывах между художественными чтениями.

Мелисса вздохнула и покачала головой.

– Ты залез к нему в голову?

– Имею право: я его крестный. У меня те же обязанности, что и у родителей.

– Я об этом не подумала. Моя оплошность.

– Учись, запоминай, — Северус пожал плечами.

– У них есть что-то про ритуал?

– Полагаю, да. Но проблема в том, что во всех книгах рода ссылка идет на рукописный дневник основателя, Арманда Малфоя. А он мало того, что написан на старофранцузском, но и

зашифрован.

_____

(1) Цедрелла Блэк вышла замуж за предателя крови Септимуса Уизли, была выжжена с семейного гобелена.

(2) Эмануэль Ласкер, Хосе Рауль Капабланка — второй и третий чемпион мира по шахматам соответственно. В 1911 г. Капабланка вызвал Ласкера на матч за мировое первенство. Ласкер поставил условие: если матч закончится вничью или с перевесом противника в одно очко, чемпион мира сохранит звание. Это условие возмутило Капабланку. Переговоры о матче были прерваны, личные отношения прекращены.

(3) Безумный шляпник — персонаж романа Льюиса Кэрролла „Алиса в стране чудес“. Загадал Алисе загадку, чем ворон похож на письменный стол.

= = = = = = = = = = ГЛАВА 22. Будни = = = = = = = = = =

Снейп стоял над котлом, внимательно наблюдая за реакцией. Нет. Нет. Рано. А вот сейчас пора. Взяв в правую руку черпак, он принялся неторопливо помешивать зелье, а левой капал настойку мандрагоры. Одна капля, две, — варево стало приобретать нужный цвет, – три, стоп.

Сказать, что Люциус Малфой был ошарашен, когда Снейп спросил, не в курсе ли он, что именно подливают на праздничных ужинах, — ничего не сказать. Люциус принялся так витиевато ругаться, что Северус заслушался и на несколько секунд засомневался в аристократическом происхождении приятеля. Коуквортским забулдыгам и тем было бы не зазорно у него поучиться.

Весь смысл тирады Малфоя сводился к тезису, что он пятой точкой чует, что Снейп его – хм! — наколол, а вот в чем конкретно, сообразить пока не может. Но уговор дороже денег: договорились об ответе на один вопрос — надо выполнять. Люциус на несколько минут вышел из гостиной. Вернулся он с тонкой потертой папкой в руках, которую и протянул Северусу.

Из скупых пояснений стало понятно, что при Диппете зелья в еду не подливались. Во всяком случае, сам Люциус впервые столкнулся с этим явлением в первый год воцарения Дамблдора, на своем седьмом курсе. Будучи старостой, Люциус успел остановить проголодавшихся однокурсников, а вечером написал подробный отчет домой. Его отец, Абраксас Малфой, на следующий же день нанял зельевара, который подготовил все необходимые реактивы для проведения качественных реакций.

Определить, что именно подливают студентам, удалось лишь на четвертый год, когда стало понятно, что зелья стали новой Хогвартской традицией. Люциус договорился с одним из

младшекурсников Слизерина, и первого сентября незнакомый домовик доставил в зельеварню Малфой-мэнора небольшой сверток с парой сосисок, котлетой и куриной ножкой.

Нанятый зельевар, не теряя ни секунды, приступил к анализу. Он успел провести необходимые реакции и определить почти все компоненты зелья, прежде чем продукты растворились в воздухе. Очевидно, в этот самый момент ужин в Хогвартсе закончился.

По мнению мастера, в пищу, скорее всего, было добавлено модифицированное зелье доверия. Что именно давала модификация, зельевар со стопроцентной уверенностью сказать не мог, но допустил, что оно действует дольше, чем стандартное, а его следы в организме сложнее обнаружить. Снейп, изучивший выводы неизвестного коллеги, предположил, что результаты действия подобного зелья вряд ли удастся полностью убрать стандартным нейтрализатором, только смягчить, и что на людей со слабым характером, оно действует гораздо сильнее, а эффекты вполне могут стать необратимыми.

Люциус пожал плечами: определенно подтвердить слова Северуса он не мог, но знал, по крайней мере, одного человека, которому стандартный нейтрализатор был как мертвому припарка. Звали его Сириус Блэк.

Малфой в свое время стал невольным свидетелем истерики Вальбурги Блэк в гостиной их дома. Строгая невозмутимая леди, забыв об этикете, рыдала в голос на плече у его матери. Дело было в том, что, вернувшись домой после первого курса, ее сын Сириус из избалованного, обожающего все делать наперекор ребенка превратился в настоящего врага. Если раньше рассуждения родителей о семье, крови, родовой магии казались ему лишь скучными и старомодными — в принципе, скука и была главной причиной, почему он так рвался на Гриффиндор вслед за Джеймсом Поттером, — теперь они вызывали в нем неприкрытую агрессию и ненависть. Блэки, резонно предположившие, что их сына опоили, или прокляли, или попросту покопались в голове, схватили его в охапку и бросились в Мунго. Проклятья не обнаружили, следов зелий и ментальных закладок тоже. На всякий случай в Сириуса влили универсальный нейтрализатор. Не помогло. В тот же вечер он сбежал к своему приятелю Поттеру. И с того дня все каникулы проводил только у него.

Услышав эту историю, Северус только хмыкнул — мнения о Блэке он был невысокого! — и еще раз пробежал глазами результаты исследования, подумав, что на досуге можно будет попытаться сварить антидот к этому зелью.

– И что дальше? — голос Мелиссы вывел его из глубоких раздумий.

Он обернулся: девочка методично резала корни златоцветника.

– Поварим на среднем огне семь минут. Когда по консистенции станет, как жидкая сметана, накроем крышкой и оставим настаиваться.

Девочка укоризненно на него посмотрела и фыркнула.

– Хм… — ухмыльнулся профессор. — Полагаю, по выходным отработок у тебя пока не будет. Продолжу изыскания в библиотеке Малфой-мэнора, пока есть такая возможность.

Мелисса молчала, обдумывая что-то, а потом протянула:

– Этот дневник… Нельзя ли как-нибудь скопировать его содержимое?

Снейп с интересом взглянул на нее:

– Любому человеку, в жилах которого не течет кровь Малфоев, страницы видятся пустыми. Или ты хочешь, чтобы я заставил Драко переписывать дневник? Вернее, даже перерисовывать, ведь переписывание возможно лишь в случае хотя бы малейшего понимания текста. А там три толстенных тетради.

– Зачем заставлять, можно попросить. Да, значит, да. Нет, так нет. И потом, смысл переписывать всё? — девочка слегка поморщилась. — Воспоминания месье Арманда о том, что он ел на завтрак, кого травил за обедом и кем грел постель после ужина, мне как-то не интересны. А вот странички с рунными кругами. Плюс две-три до и после. Чтобы наверняка…

Снейп усмехнулся и вернулся к котлу.

– Ну, помощь он уже предложил сам. По его словам, там всего три формулы нужного нам вида. Обещал перерисовать к следующим выходным. Потом попытаюсь расшифровать. Да, точно это шифр, точно! — он махнул рукой. — Скорее всего, подстановки(1). Учитывая эпоху, возможно, шифр Цезаря(2). Во всяком случае, я на это надеюсь. Шаг, конечно, мы просчитывать замучаемся, но хоть какие-то перспективы расшифровки. Однако если он усложнил шифр и использовал кодовое слово, или замену не на одну букву, а, допустим, на две или три, или книжный шифр(3), тогда все совсем не радужно.

– В любом случае, все это еще нужно будет перевести на язык Шекспира. Как у тебя со старофранцузским, потому что мое имя отнюдь не Турольд(4)?

– Мой второй родной язык, — саркастически хмыкнул Снейп, помешивая кипящее варево. — Люблю, знаешь ли, перед сном выпить какао с зефиркой и почитать «Песню о Роланде» в оригинале. А уж сочинить что-нибудь на старофранцузском! Серенады, баллады, эпосы на заказ. При предоставлении лютни,

балкона и немытой и нечесаной средневековой музы — скидка.

Улыбнувшись, девочка невербальным заклинанием очистила разделочные доски и отнесла их в подсобку, а когда вернулась, Северус уже накрыл котел крышкой и сел на стул, откинувшись на спинку и устало прикрыв глаза. Мелисса устроилась напротив.

– И что мы будем делать, если я не Турольд, а ты не Жан де Мен(5)? Наймем студента? Филолога или историка?

Снейп неопределенно пожал плечами и потер подбородок.

– Студент не потянет. Профессор кафедры средневековой литературы будет надежнее. Сорбонна, полагаю.

– Недешевый вариант. Или… — осторожно поинтересовалась она, — не все в нашем мире измеряется… деньгами?

– Именно. Не стоит недооценивать мое обаяние и силу убеждения. Старое доброе внушение еще никто не отменял, — сказал Снейп, а потом, помолчав пару мгновений, подозрительно взглянул на нее и резко спросил. — Не смущает подобная неразборчивость в средствах?

Девочка на секунду задумалась.

– Угрызениями совести помучаюсь, но по ночам спать смогу. До сих пор же спала. И весьма крепко, — заметив его недоуменный взгляд, она пояснила. — Мое образование, отдельная комната в приюте, наставница…

Северус кивнул и заметно расслабился.

– Хорошо, об этом позже. Ты готова объяснить свое отсутствие в школе?

– Пожалуй, пока нет. Сначала мне нужно кое-что прочитать и обдумать.

Снейп, сощурившись, внимательно посмотрел на нее.

– Тогда переходим к уроку окклюменции. Задача: скрыть от меня истинные воспоминания о прошлой субботе. Помни, я приблизительно знаю, где ты была и с кем. Это преимущество. Возражения?

– Нет, все честно, — Мелисса пожала плечами. — Я попалась.

Спустя несколько минут Северус отвел глаза, поморщился и потер висок.

– То есть в лавке Боргина ты кошмарным фальцетом пела «Боже, храни королеву», Сивый был на подтанцовке, а Боргин подыгрывал вам половником на перевернутом жестяном ведре? — профессор хмыкнул и покачал головой. – Нет, направление выбрано верно. Ты показала мне сцену с минимумом слов и максимумом отвратных звуков. Место и действующие лица соответствовали заявленным. Что ж, еще раз. Но теперь постарайся добавить хоть чуть-чуть достоверности. А то в подобный сюрреализм не поверит никто.

***

Тем же вечером, лежа в кровати, Мелисса в первый раз развернула свитки Герпия Омерзительного. И сразу мысленно вознесла хвалу Снейпу за то, что он дал ей возможность получить классическое образование. Чертов Герпий был греком и — вот ведь незадача! — современным английским ни разу не владел.

Проглядев свитки по диагонали и подведя промежуточный итог, Мелисса могла с определенной уверенностью примерить на себя роль Кассандры и предсказать: «папуля» вернется. Судя по картинке, которую ей столь усиленно транслировал Боргин, Темный Лорд думал о том, чтобы разделить свою душу и создать для себя якорь в случае непредвиденной и скоропостижной кончины. А если учесть, что Боргин ему помог, сделав копию этих самых свитков, сомнений попросту не остается: у Лорда есть хоркрукс.

Единственное, что непонятно: в чем тогда отличие условно истинного фамильяра и хоркрукса?

В первом приближении технология одинакова: и в том, и в другом случае нужно кровавое жертвоприношение. Словесная формула сходится до буквы, хотя, вполне возможно, что различаются ударные слоги: в высшей магии имеет значение все. Однако Герпий не заморачивался и в записках для себя-любимого на ударение плевал.

Тем не менее, итоги его изысканий по фамильярам и хоркруксам на первый взгляд казались сходными, едва ли не идентичными: душа должна была быть разделена. И на второй взгляд. И на третий тоже. Тогда почему создание фамильяра не считается чем-то ужасным, а хоркрукс наоборот?

Или не стоит изобретать велосипед: она права, и это одно и то же?

В таком случае возникает вопрос. В теории, условно истинный фамильяр должен быть отпущен на свободу с помощью определенного ритуала после того, как он выполнит то, ради чего был создан. При этом, также в теории, кусочек души, отданный призванному существу, возвращается к хозяину. Означает ли это, что и с хоркруксом можно проделать тот же фокус?

Девочка зевнула и потерла глаза. Нет, на основании пары часов чтения столь однозначные выводы делать нельзя. Информации не так много. Да и ее знаний и умений не достаточно для верной интерпретации.

Убрав свитки в медальон, она легла на бок и потушила свет. Уже засыпая, Мелисса подумала: «Интересно, какую способность Дамблдор получил от своего феникса? И если моя теория об условно истинных фамильярах и хоркруксах верна, значит ли это,

что он тоже бессмертен?»

***

Жизнь Мелиссы в Хогвартсе вошла в определенную колею, и после полутора месяцев учебы она могла с уверенностью сказать: ее любимыми предметами стали зельеварение, заклинания и трансфигурация. Именно в такой последовательности.

Что касается зелий, то учебники были отвратительными, но все их недостатки компенсировались превосходными лекциями и улучшенными рецептами стандартных снадобий.

Кроме того, если судить по статьям в «Практике зельеварения», Снейп уже давно экспериментировал, пытаясь создать большую сводную таблицу сочетаемости ингредиентов. И если по общей таблице прорыва пока не наблюдалось, то подробные схемы комбинирования отдельных видов трав, минералов, семян и кореньев, частей животных и птиц, а также редких компонентов им разработаны были.

Информация редкая, прошедшая только в специальных изданиях. Любой разумный человек в горло бы вцепился профессору, только бы он ей поделился. Что он и делал, но студенты, не любившие его за сложный характер и боявшиеся язвительного тона и резких подчас ремарок, отсиживали пары, как каторгу отбывали.

У большинства в голове не укладывалось, что всякий бред, вроде зелья от фурункулов или дыбоволосного, — это лишь начало, фундамент, а в будущем умение грамотно сварить какой-нибудь эликсир может действительно облегчить жизнь. И лечебные зелья, и восстанавливающие, и яды стоили в мире волшебников существенных денег. Но как же это нудно, а иногда и трудно: резать, толочь, заваривать по часам, обжигаться паром! То ли дело заклинания или трансфигурация. Взмахнул палочкой — и сразу результат!

Впрочем, от заклинаний Мелисса тоже была в восторге.

Профессор Филиус Флитвик, полугоблин, был профессионалом и знатоком своего дела. Девочка была наслышана о нем еще от Оглафа с Аргом. Причем говорили они о Флитвике исключительно в восторженных тонах. И это несмотря на то, что в магическом сообществе резко отрицательно относились к межрасовым бракам. Тем не менее, достижения маленького профессора не могли не восхищать: он был весьма талантливым боевым магом и многократным чемпионом Европы по магическим дуэлям.

Кроме того, ей показалось, что он еще и маг-стихийник, а это большая редкость. Во всяком случае, на вводной лекции он столь мастерски управлял струей воды, что сорвал настоящие овации.

Выстрелив из палочки водной плетью, он закручивал ее спиралью, выписывал ей различные фигуры, а напоследок поток воды принял форму самого профессора заклинаний. Водяной Флитвик послал всем воздушные поцелуи и раскланялся перед учениками.

Студенты были восхищены и после подобного представления без всяких ахов и охов записывали формулы заклинаний и длинные пояснения к ним.

После первого же урока профессор попросил Мелиссу задержаться. Девочка была удивлена: лекция была вводной, никакой практики. Да, она ответила на пару вопросов, заработала несколько баллов. Но этого было явно недостаточно, чтобы заинтересовать профессора своей персоной. Девочка подошла к учителю, стоящему на высокой стопке книг.

– Мисс Эванс, два моих хороших знакомых, независимо друг от друга, просили к вам присмотреться. Они полагают, вы способны на многое. Это так?

– Профессор, каждый человек способен на многое. Вы не могли бы конкретизировать? — попросила девочка.

– Удивите меня, — улыбнулся Флитвик.

Мелисса взяла палочку, и через мгновение профессор осознал, что его невербально левитируют прямо на книге, на которой он стоял. Левой рукой девочка вытащила из стопки еще пять томов и тоже подняла их в воздух. Профессор достал из жилетного кармана часы и засек время. Четыре минуты сорок секунд. И контроль был абсолютным. Его не качало, не трясло. Он парил, а вокруг него по кругу на равном расстоянии летали книги.

Когда Мелисса почувствовала, что силы заканчиваются, она сложила летающие тома стопкой, вернула их на место, а следом аккуратно поставила профессора.

– М-да, — потер подбородок Флитвик. — Если учесть, что основные силы в маге просыпаются при достижении четырнадцати лет, мои знакомые вас недооценили. И огранить ваш талант в рамках школьной программы не получится. Она рассчитана на очень среднего ученика. Мне бы хотелось заниматься с вами дополнительно. Потянете?

– Да! — Мелисса чуть не подпрыгнула на месте от восторга. — Естественно, я обеими руками и ногами вцеплюсь в ваше предложение: способности без школы и опыта — ничто.

Флитвик тоненько рассмеялся и назначил занятия на среду. Когда Мелисса уже подходила к двери, профессор остановил ее вопросом:

– Скажите, мисс Эванс, вы можете управлять какой-нибудь

стихией? Агуаменти не считается! — он погрозил девочке пальцем.

На секунду задумавшись, Мелисса подняла руку, и на ее ладони заплясали лепестки пламени, которым она искренне попыталась придать форму цветка. Огненный цветок получился слегка кривобоким, но Флитвик выглядел весьма довольным.

Что же до трансфигурации, то предмет девочке нравился, хотя Макгонагалл и лютовала. Мелисса постоянно ощущала на себе ее пристальное внимание. Северус был прав, Макгонагалл поставила перед собой цель: придраться. Эссе девочки проверялись вплоть до точки в конце последнего предложения. И профессор наверняка сняла бы баллы, если бы все превращения не получались у девочки с первого раза.

А что? Вполне адекватная оценка знаний и умений. Не смогла — значит, не умеешь, и тогда, не взыщите, мисс Эванс, … дцать баллов со Слизерина. Сначала столь пристальное внимание немного напрягало. Потом, поразмыслив и вспомнив, что профессор изначально относилась к ней предвзято, Мелисса успокоилась. Что ж, всегда найдется кто-то, кому ты не нравишься. Здесь и сейчас — это Макгонагалл.

Профессор немного унялась, только когда до нее дошло, что даже ее гриффиндорцы стали странно на нее поглядывать. Однажды она случайно услышала, как Тимоти Бленкинсоп, первокурсник Гриффиндора, слегка двинутый фанат квиддича, брякнул в беседе с однокурсниками, что, мол, профессор была классной теткой, но ее, наверное, Снейп покусал, раз она так слизеринку допекает. Незадачливому Тимоти профессор трансфигурации живенько организовала интересный и разнообразный досуг, а Мелиссу временно оставила в покое. Но бдительности девочка не теряла: кто знает, когда опять наступит обострение?

В списке нелюбимых предметов лидерство с переменным успехом удерживали история магии, защита от темных искусств и гербология.

Историю магии вел призрак, профессор Биннс. Лекции он читал монотонным усыпляющим голосом, слово в слово по учебнику, не обращая никакого внимания на аудиторию. В его изложении скучным было абсолютно все: и войны, и перевороты, и заключение торговых и военных союзов, и династические браки, и даже история основания Хогвартса. Слушая его, любой человек мог прийти к выводу, что храбрый Годрик Гриффиндор был таким же нудным, как хитрый Салазар Слизерин, а умная Ровена Рейвенкло такой же тоскливой, как смешливая Хельга Хаффлпафф.

Ученики после первого же урока стали воспринимать историю магии, как великолепную возможность подремать. Мелисса, попросту не умеющая спать днем, на лекциях Биннса готовилась к летним экзаменам при Лондонском департаменте образования или писала эссе по другим предметам, освобождая вечернее время для дополнительных занятий и чтения. Тем более что учебники по истории магии она и так знала наизусть, и ничего нового из монотонного бубнежа привидения вынести все равно не могла.

Ее приятели пользовались этими лекциями для знакомства с магловскими книгами. Уже на втором уроке Селина уткнулась в «Алису в стране чудес», Люциан с Теренсом пытались решать задачки по математике, а Торфинн штудировал историю Великобритании. Иногда Мелисса ловила на себе их странные взгляды: будто они готовились к серьезному разговору, придумывали вопросы и каждый раз откладывали. Впрочем, она их и не торопила.

С защитой от темных искусств вообще была какая-то непонятная история. Темная, как сами искусства. Преподаватели по этому предмету менялись каждый год. А по школе ходили два слуха, один бредовее другого. И оба они активно распространялись гриффиндорцами.

По их словам, должность преподавателя ЗОТИ проклял сам Волдеморт. Когда Мелисса впервые услышала об этом, мысль была одна: «Папа, ты силен! Проклясть абстрактное понятие!»

Ну, даже если забыть про логику и предположить, что Темный Лорд поднапрягся и действительно проклял должность. Да переименуйте вы этот чертов предмет! Было — «защита от темных искусств», станет, например, «борьба с чернейшими порождениями адской бездны»! Все, нет должности — нет проблем!

А еще оказалось, что страшный темный маг Северус Снейп якобы сам хочет стать преподавателем Защиты и каждый год устраивает каверзы, подкидывает подлянки конкурентам и вообще ведет себя абсолютно асоциально. Объяснить студентам, убежденным в злокозненности профессора зельеварения, что мастер своего дела в здравом уме и твердой памяти никогда не откажется от практики, потому что потеряет навыки, было невозможно.

В общем, в этом году ЗОТИ временно вел молоденький аврор Билл Уильямсон. У него были ярко-голубые глаза, заставляющие быстрее биться сердца студенток от тринадцати и выше, длинные светлые волосы, которые он завязывал в конский хвост, и он обожал красный. Во всяком случае, все его мантии были цвета

пожара.

По теме урока Уильямсон говорил не более десяти минут. Даже не говорил, а просто вкратце пересказывал параграф из учебника или зачитывал вслух пару абзацев. Затем минут пятнадцать они все дружно махали палочками, разучивая очередное заклинание, причем профессору, казалось, было абсолютно все равно, справляются ли ученики, чисто ли выполняют движение и все ли им понятно. Отработав необходимый минимум, он переключался на то, что ему было действительно близко и интересно: на собственную жизнь.

Каждый урок он травил байки о своей учебе в школе авроров и о работе в аврорате, а учитывая, что работал он там недолго, года два, истории очень скоро стали повторяться. Также он почему-то считал очень важным непременно проинформировать всех окружающих о своих планах на будущее. А они у него были поистине грандиозными: вернуться в аврорат, резво проскакать по служебной лестнице, стать его главой, а потом министром магии — не меньше.

Мелиссе было абсолютно не понятно, почему в школе не изучают сами темные искусства? Как можно защититься от того, чего ты не понимаешь?

Да и информация в учебниках ЗОТИ подавалась в весьма странном ключе: под запретом были все заклинания, которые якобы могли привести к смерти. Черт возьми, да любое заклинание может привести к смерти! Долго ли умеючи? Теми же Риктусемпрой(6) или Таранталлегрой(7), если посылать их в режиме нон-стоп, можно довести до инфаркта или инсульта любого человека. А если облить противника водой с помощью Агуаменти, а потом применить Ульмен Артус(8), то никакая Авада Кедавра не будет нужна.

Кстати, о непростительных. Краткая информация о них давалась лишь в учебнике шестого курса. Утверждалось, что главной движущей силой этих заклинаний были желание и намерение поработить, причинить боль или убить. И подразумевалось, что, если ты хороший человек и подобных желаний не испытываешь, эти заклинания у тебя не получатся.

И Мелисса поверила бы этому, если бы речь шла о беспалочковой невербальной магии, так как в этом случае, да, намерение имело бы решающую роль. Но здесь были и движение палочкой, и словесная формула. И простейшие! Значит, если они не особо энергозатратные, даже первокурсник сможет их выполнить, если не станет отвлекаться на мысли о квиддиче или Берти Боттс.

Побывав на нескольких уроках, мрачная, как грозовая туча, Мелисса подошла к страшному темному магу и абсолютно асоциальной личности по имени Северус Снейп и попросила включить в программу ее ежевечерних отработок темные искусства и защиту от них. Раз уж, по слухам, ему так хочется преподавать этот предмет, она с радостью станет подопытным кроликом для шлифовки учебной программы.

Что касается гербологии, то это была нелюбовь с первого взгляда. С первого взгляда на грядку, а не на профессора Спраут. С профессором были не отношения, а именины сердца. Это была низенькая, кругленькая женщина средних лет, очень добродушная. Чтобы с ней поругаться, нужно было, наверное, перетоптать все травы и загубить все кусты.

Тем не менее, для Мелиссы каждое занятие было вызовом: мало того, что она ненавидела копаться в земле, но еще и большинство растений были откровенно мерзкими на вид, а некоторые даже пытались укусить или ущипнуть учеников. Девочка прилагала титанические усилия, чтобы сохранить благодушное выражение лица, копаясь в земле, и воздержаться от сжигания всего этого безобразия.

Самым забавным было то, что профессор Спраут оценила ее старания и даже предложила ей дополнительные занятия.

Выругавшись про себя, Мелисса с печальной улыбкой отказалась, сославшись на занятость на отработках.

***

К середине октября зарядили дожди, а Люциану Боулу, если бы его в свое время благородно не освободили от клятвы, пришлось бы заготавливать соус для придания вкуса собственной шляпе. Мелисса выполнила обещание и нашла общий язык с завхозом.

Аргус Филч был сквибом, а отвечал за целый замок с кучей обитателей. Да, еду готовили домовики. Да, Большой зал, комнаты профессоров и помещения факультетов прибирали тоже они. Но вот все остальное было именно на Филче: и обеспечение замка продовольствием и дровами, и поддержание в порядке коридоров и аудиторий, как используемых, так и закрытых. Как он за всем ухитрялся следить и справляться один, да еще и без магии — загадка.

Главной его проблемой была грязная обувь студентов. На всех порогах Хогвартса были наложены чары очищения: постой на них три секунды, и ботинки и одежда очистятся. Но три секунды — это же невыносимо долго. Все проходили сразу, а на полу красовались разводы. Аргус возмущался, орал, топал ногами, но на возмущение завхоза внимания никто не обращал.

Мелисса, пораскинув мозгами, просто подошла к старику и предложила ему два выхода из ситуации. Первый: он идет к Флитвику, и тот устанавливает на входах барьер. Пока не постоишь на пороге три секунды, пройти не сможешь. Второй: он идет… опять-таки к Флитвику, и тот накладывает очищающие чары на площадь в шесть шагов от входа. Пройти или пробежать эти шесть шагов — как раз три секунды с запасом.

Обрадованный таким простым решением, Филч порысил к директору за разрешением. Великий светлый маг Альбус Даблдор благосклонным кивком головы одобрил второй вариант. Нельзя же деток держать на улице! Нехорошо, да и замерзнуть можно! А что барьер меньше энергии потребляет, так и школа расположена на месте силы. Глядишь, не обеднеет!

После этого Филч, а вслед за ним и его кошка, стали очень благосклонно относиться к Мелиссе. Пожалуй, она могла начать гулять по ночам, демонстративно колдовать в коридорах, Филч просто погладил бы ее по голове и укоризненно погрозил пальцем. Тем не менее, девочка вовсе не собиралась злоупотреблять его доверием без особой нужды. Она лишь приспосабливалась к предложенным обстоятельствам. А они были таковы: здесь она проведет семь лет, и пройти эти годы должны в максимально комфортных условиях.

Она была одинаково вежлива, и с преподавателями, и с библиотекарем, и с завхозом, иногда позволяя себе легкие шутки, но стараясь не выходить за рамки. На вопрос приятелей «А смысл заигрывать с обслугой?», отвечала:

– Мне не сложно, а доброе слово и миссис Норрис приятно!

Ребята и сами понимали, что девочка права. Ее манера общения облегчила жизнь им всем. Мадам Пинс помогала быстро подобрать необходимую для эссе литературу, Филч не придирался, миссис Норрис, которая, казалось, знала все ходы и выходы, показывала кратчайшую дорогу к нужному классу, если они торопились, а она была поблизости. Мелисса ухитрилась договориться со школьными домовыми эльфами и даже с полтергейстом Пиввзом, общей больной мозолью.

Ужиная иногда у Снейпа после отработок, она получила возможность пообщаться с Тинки, домовым эльфом, прикрепленным к профессору зельеварения. Девочка неизменно благодарила его за вкусную еду, расспрашивала об общине домовиков Хогвартса и выражала восхищение их трудолюбием, а как-то раз посетовала, что они с друзьями не любят тыквенный сок. А он на столе во время всех трапез.

Тинки сначала жутко расстроился, что добрая мисс Эванс и ее друзья так долго мучаются. Затем пообещал, что теперь для них Тинки будет ставить чай. А потом вообще заявил, что всегда рад помочь доброй мисс Эванс. Что мисс Эванс достаточно будет просто тихо позвать «Тинки!», и он придет и поможет, если сможет. Когда Мелисса спросила, как его отблагодарить, эльф выдал, что добрая мисс Эванс уже благодарит его. Она так щедро делится с ним своей магией, что он даже стал успевать в два раза больше.

Ошарашенный Северус смотрел на это все в тихом изумлении. Тинки, приняв выпученные глаза зельевара за кровную обиду, начал громко убеждать его, что добрый профессор Снейп тоже очень добрый, что от него Тинки тоже получает много энергии, но теперь ее стало гораздо больше и Тинки будет помощником главы общины, как всегда и мечтал.

Так что и меню у первокурсников-слизеринцев тоже улучшилось.

А с Пиввзом вообще вышла интересная история. В один из первых дней, когда ребята возвращались из библиотеки, над ними вдруг возник маленький человечек в яркой одежде, шляпе с бубенчиками и с оранжевым галстуком-бабочкой. Он вылетел прямо из стены и попытался обрушить на ребят ближайшие рыцарские доспехи. Они успели вовремя отскочить.

Прикрыв себя и друзей простейшим защитным куполом,

которому ее научил Снейп, Мелисса задумчиво смотрела на полтергейста. Тот с безумным хихиканьем бесновался над их головами. Вокруг летали вазы, украшавшие коридор, фонари и горящие факелы. Заметив, что дети реагируют не так, как он привык: не визжат, не орут, не пугаются, не пытаются шугануть его заклинаниями, не угрожают все рассказать Кровавому Барону — он спустился пониже и уставился на Мелиссу.

– Что? — заорал он ей прямо в лицо.

– Скажите, сэр, а почему другие призраки не считают вас привидением? И вообще не очень-то уважают?

Пиввз, обалдевший от обращения «сэр» и благожелательного в целом тона, ответил вполне спокойно, лишь иногда срываясь на визг в конце фраз:

– Потому что я — полтергейст! А эти снобы — этот перекормленный святоша, этот с башкой на ниточке, — считают, что они лучше меня только потому, что они факультетские призраки. Мол, приносят пользу и работают с молодежью. А я — полтергейст! — снова заверещал Пиввз. — Я должен шуметь, крушить, пугать! А они говорят, что я позорю их всех. И никогда никуда меня не приглашают. Даже на смертенины. Хотя туда даже визжащие черепа зовут.

Пиввз завис в воздухе, пригорюнившись.

– У нас в школе есть визжащие черепа(9)? — восхитился Роули.

– Да! И что? — опять завопил Пиввз. — Я лучше. Они только визжать и умеют. А я много чего. А они говорят, это не приносит пользы. А оно приносит! Я вас, дурачков, тренирую!

– Сэр, и вы делаете это превосходно, — заявила Мелисса. – Но, думаю, если вы будете использовать свои таланты на благо школы, они переменят мнение о вас. И наверняка пригласят на ближайший праздник.

– Да что я могу? Мне всё запрещают! Все гонят бедного Пиввза! Никто не ценит, никто не любит! — полтергейсту, похоже, было искренне себя жалко.

– Мистер Филч так загружен, — произнесла Мелисса, словно рассуждая сама с собой. — Вот если бы вы смогли помочь ему колоть дрова, зажигать огонь в каминах! А камни для щебенки, которой он посыпает дорожки, вообще можно взрывать!

Пиввз задумался, а девочка продолжила:

– Вы же знаете, каким авторитетом пользуется Кровавый Барон? Представляете, мистер Филч расскажет ему про вашу помощь! И тогда и толстый монах, и мистер в жабо и колготках будут вынуждены прикусить языки и признать, что вы такой же, как и они. Даже лучше. Как Вас все будут ценить! Я могу

поговорить с мистером Филчем о вас. Уверена, он с радостью позволит вам что-нибудь разрушить.

– Не что-нибудь, а все, что должно быть разрушено!

– Я попытаюсь, сэр, но…

– Сделаешь это для старины Пиввза, и я не буду доставать тебя и мелочь за твоей спиной. Клянусь вечностью.

«Отлично! — мысленно улыбнулась Мелисса. — К нам больше не лезет полтергейст, и с Филчем закрепим хорошие отношения!»

Уже на следующий день Пиввз, визжа от восторга, взрывал камни, колол дрова и зажигал камины. У Филча появилось хоть какое-то свободное время, которое он использовал для занятий по учебникам для сквибов, пытаясь хоть как-то увеличить свою магическую силу. Привидения перестали явно третировать полтергейста. А Мелисса и ее друзья спокойно ходили по коридорам. В общем, все были только в плюсе.

Единственным минусом стало то, что из-за подобной активности о Мелиссе вспомнил Альбус Дамблдор.

Девочка заметила, что директор стал часто смотреть на нее в Большом зале, периодически дотрагиваясь до ее разума. Не полагаясь на врожденные способности к окклюменции, в Большой зал она теперь приходила в полной боеготовности: ментальные щиты были подняты и укреплены, прикрытые обманками из ложных воспоминаний.

Надо сказать, что благодаря Снейпу, который последние две недели регулярно проверял их на прочность на всех отработках и уроках зельеварения, держать защиту она могла достаточно долго, поэтому нужды стремительно есть и тут же покидать Большой зал не было. Тем не менее, столь пристальное внимание радовать не могло.

***

Информация о неизвестном мальчике, интересовавшемся запрещенными книгами, стала для Альбуса Дамблдора сюрпризом. Сюрпризов он не любил, и письмо Боргина ему не понравилось. Так не понравилось, что тем же вечером великий светлый волшебник решил подышать свежим лондонским воздухом и полюбоваться первыми звездами в районе Лютного переулка.

Гостей Брутус не ждал и подготовиться не успел: амулеты и артефакты, защищающие разум от ментальных атак, так и остались лежать в верхнем ящике комода в подсобке. Именно поэтому Боргину пришлось поделиться мыслеобразами о визите странного ребенка в сопровождении Фенрира Сивого. Делился он хотя и не по собственной воле, но щедро: до сильного

магического истощения и глубокого обморока.

Оставив Боргину небольшой флакон со слезами Фоукса в качестве компенсации и извинений, Дамблдор вернулся в Хогвартс. В своем кабинете он подошел к никогда не потухающему камину и, направив палочку на пламя, вычертил ей в воздухе руну Перт(10). Знак засиял всеми оттенками радуги, языки пламени изменили свой цвет и в камине появился небольшой сундучок, испещренный рунической вязью, размером со среднюю шкатулку.

Перенеся сундучок с помощью заклинания левитации на письменный стол, Дамблдор снял наложенные на него защитные чары, открыл его и принялся рыться в лежащих там бумагах. Спустя несколько минут, он нашел то, что искал: календарь за 1976 год.

Именно на этом календаре с зайчиками, который ему подарили на Рождество маглорожденные студенты, он и делал пометки обо всех более-менее подходящих девушках, когда готовил Темному Лорду «медовую ловушку(11)». Таких девушек было три. Информация о них была слита через Питера Петтигрю, который как раз тогда и готовился принять метку. Крыса всегда была легкоуправляема и внушаема.

«Хм… Мне казалось, стопроцентно подходила одна Лили. Или Томми в очередной раз решил сыграть свою игру и подстраховаться? Как с хоркруксом? Может, поэтому ритуал и не сработал должным образом? Руны-то я выбирал именно в расчете на участие в нем истинного первенца. И если это не девчонка…»

Просмотрев свои записи и еще раз пересчитав карандашом сроки возможных беременностей и их соответствие легенде, Альбус снова пришел к выводу, что нет, из всех английских девушек для эксперимента годилась только Лили. Остальные лишь условно: при применении специальных зелий, вызывающих роды в определенный срок.

Дамблдор взмахнул рукой, призывая думосбор. Искренне сожалея о том, что воспоминания человек может отдать лишь добровольно, он с помощью палочки поместил в него то, что увидел в голове Боргина и опустил лицо в серебристое, переливающееся марево.

Он скрупулезно рассматривал каждую деталь, пытаясь разобраться.

Проблема была в том, что Брутус был человеком очень нервным. В минуты сильнейшего волнения, он не охватывал взглядом всю картинку, выделяя лишь отдельные ее детали.

Вот Боргин пытается подойти к ребенку и повернуть его лицо к свету, но руку перехватывает оборотень. Цепной пес Темного

Лорда охраняет какого-то мальчишку? Да и мальчишку ли? Не разобрать… Может быть, и девочка.

Глазами Боргина Дамблдор смотрел на ребенка, но не видел полностью его лица. Туман, и вдруг в фокусе черные глаза. И мысль Брутуса — как у Томми! Снова все расплывается, и опять вспышка: губы. Нет, совсем не похожи! И улыбка другая! И сам ребенок другой. Как будто улучшенное, более изящное издание. Боргин что-то говорит ребенку, и он отвечает. Но услышать сложно, уши словно забиты ватой.

Вынырнув из воспоминания, Дамблдор сел в кресло и глубоко задумался. Что ж, либо в уравнении появилось новое неизвестное, и тогда стоит разработать дополнительный план. На всякий случай. Либо… В этот момент на его плечо опустился феникс и негромко курлыкнул.

– Да, мой дорогой, я тоже так думаю, — сказал Дамблдор, гладя его по перьям. — Пора познакомиться с мисс Эванс поближе.

_____

(1) Шифр подстановки — метод шифрования, в котором элементы исходного открытого текста заменяются зашифрованным в соответствии с определенными правилами.

(2) Шифр Цезаря — один из древнейших шифров. При шифровании каждая буква заменяется другой, отстоящей от нее в алфавите на фиксированное число позиций. Современным примером шифра Цезаря является ROT13. Он сдвигает каждый символ английского алфавита на 13 позиций.

(3) Шифр, в котором ключом является книга или небольшая часть текста.

(4) Турольд — клирик. Считается автором «Песни о Роланде» (эпической поэмы на старофранцузском).

(5) Жан де Мен — французский поэт и сатирик XIII века.

(6) Риктусемпра — заклинание щекотки.

(7) Таранталлегра — заклинание безудержного танца.

(8) Ульмен Артус — заклинание молнии.

(9) Вид привидений, встречающихся исключительно в Великобритании, преимущественно в старых домах или замках. Главное условие появления — захоронение настоящего черепа в земле, на которой стоит дом.

(10) Главное значение руны Перт — «тайна».

(11) Медовая ловушка — шпионский термин, обозначает использование лица, с вступлением в половую связь, для вербовки или информационных вбросов. Иногда, это поистине ювелирная работа, при которой объект и не подозревает, что находится на поводке у того, кто поставил ему объект страсти.

========== ГЛАВА 23. Безумное чаепитие ==========

Раз в два месяца директор Хогвартса Альбус Дамблдор устраивал совещания. Вот и сегодня он собрал профессоров и административный персонал в своем кабинете, предложил чаю, поставил вазочку с традиционными лимонными карамельками, устроился поудобнее в своем кресле и обвел коллег ласковым и проницательным взглядом голубых глаз из-под очков-половинок. Обсудив текущие вопросы и проблемы, директор свернул на свою любимую тему и добрых полчаса распинался о великой миссии педагога в целом и профессора Хогвартса в частности, об ответственности учителей не только за воспитание магических талантов, но и за формирование душ детей.

Северус Снейп сидел в своем любимом темном углу директорского кабинета с чашкой чая в руках, вполуха слушал многословные излияния Дамблдора и пытался по запаху определить, какой набор травок присутствует в напитке в этот раз.

Кольцо не реагировало, значит, ничего криминального там не было. Поводя длинным носом над чашкой и принюхавшись, он уловил ароматы ромашки, валерианы и, кажется, пустырника. Едва заметные, приглушенные, что странно для подобных резких запахов.

„Забавный выбор, — со спартанской невозмутимостью, с которой он в последнее время воспринимал все, что происходило в школе, подумал Снейп. — Расслабляет по полной. Давление понижает в ноль. Будем спокойными, как слоны в обмороке“.

Отвлекшись от чая, он с интересом оглядел товарищей по несчастью: с недавних пор его стало забавлять наблюдение за коллегами. Директора, казалось, внимательно слушала только Макгонагалл, которой по должности полагалось демонстрировать служебное рвение, остальные меланхолично разглядывали дно чашек, словно увидев там что-то необычное.

Прорицательница Сибилла Трелони, бывшая всегда чуть подшофе, вообще плевала на общий разговор с Астрономической башни. Она сидела в легком одурении, а если на нее кто-то смотрел, глубокомысленно приставляла пальцы ко лбу и закатывала глаза. Мол, не лезьте, я в высших эмпиреях.

Профессор магловедения Квиринус Квиррел размышлял о том, какой в сущности дурацкий предмет он преподает. Ну, совершенно не подходящий для такого умелого и талантливого мага, как он! И если бы не его заикание, можно было бы претендовать на что-то более мужественное, например, на должность преподавателя защиты от темных искусств.

Он представил себе, как идет по Хогвартсу в элегантной боевой мантии, такой неотразимый, такой сильный. К нему подбегает взволнованная профессор астрономии Аврора Синистра и возбужденно восклицает: „Квиринус, спасите! В моем кабинете боггарт!“ А он одним движением палочки расправляется с мерзкой тварью. И потрясенная Аврора падает к нему на грудь и шепчет: „Ах, Квиринус, вы такой опасный! Как я могу Вас отблагодарить?“ И уж поверьте, долго размышлять о форме благодарности он бы точно не стал.

Но это Мордредово заикание! Рри-дди-ккккулус! Да боггарт со смеху помрет, пока он, Квиррел, будет плеваться слюнями во все стороны, пытаясь это произнести! Надо, наверное, послушать совета Дамблдора и наведаться к тому целителю из Албании. Тот, по словам директора, с заговорами и травами просто чудеса творит, хоть и дерет с пациентов семь шкур. На зарплату магловеда, конечно, не особо разбежишься, но года за два-три поднакопить вполне можно! И Квиррел бросил быстрый взгляд на предмет своих мечтаний.

Аврора, даже не подозревавшая о том, какие страсти кипят в нежной душе преподавателя магловедения, сидела рядом со своей доброй подругой Септимой Вектор, профессором нумерологии, и развлекала себя тем, что болтала туфелькой на ноге.

Преподаватель полетов мадам Хуч пыталась придумать, как бы ей раскрутить директора на новые метлы. Ведь имеющиеся годятся только на то, чтобы сметать ими паутину в каком-нибудь клоповнике, в нормальном доме они уже давно были бы на помойке.

Мадам Помфри же мечтала перехватить Снейпа после собрания и поговорить насчет некоторых сложных зелий для больничного крыла, поэтому старалась вообще на него не смотреть. Ведь тот всегда каким-то шестым чувством определял, когда кто-то что-то от него хочет, заранее раздражался и либо пытался уйти от разговора, либо становился язвительным донельзя.

А мадам Пинс и Аргус Филч просто стоически ждали окончания традиционной директорской речи, как пережидают дождь: неприятно, но…

Снейп столкнулся с взглядом с Флитвиком, который ему улыбнулся, еле заметным движением подбородка указал на чашку и слегка закатил глаза. Северус чуть качнул головой и прикрыл веки в знак согласия.

– …и только мы можем вовремя выявить темные движения души и остановить детей на краю пропасти! Ведь лишь немногие,

упав в эту черную бездну, найдут в себе силы подняться и начать движение к свету!

Снейп заметил внимательный взгляд Дамблдора, просто лучащийся добротой, привычно натянул на лицо свою фирменную мрачную маску и отрешенно подумал: «Хм, а вот не полез бы я из пропасти к свету девять лет назад. Начал бы закапываться глубже. Глядишь, докопался бы уже, скажем, до Мексики. Сейчас сидел бы себе где-нибудь на пляже в Акапулько, пил „Маргариту“ и клал на твое понимание, старая ты сволочь».

– Разумеется, помочь в этом может только любовь! — торжественно провозгласил Дамблдор, а за его спиной неожиданно курлыкнул феникс.

Последнее слово как-то особенно звонко упало в оглушительную тишину кабинета, словно на высокой ноте зазвенел камертон. Все встрепенулись, как по команде, и обратили к директору разом просветлевшие и воодушевленные лица.

„Это сейчас что такое было?“ — нахмурился Северус, с подозрением глядя на директора и спешно укрепляя защиту разума по максимуму.

Несколько секунд назад он ощутил легчайшее прикосновение к своим окклюменционным щитам, причем к третьему уровню защиты сразу. Альбус, конечно, легилимент высокого уровня и обожает проверять на вшивость, но походя снести два уровня! Причем так, чтобы он, мастер ментальных техник, даже не ощутил вторжения! Бред собачий!

– …и сделать все возможное, чтобы наши дети могли отличить Свет от Тьмы и при необходимости сделать правильный выбор. И ваши слизеринцы тоже, Северус, — тем временем продолжал директор. — Тем более у тебя там столько талантливых студентов. Вот взять, хотя бы… Напомните мне, Филиус, как зовут ту маглорожденную студентку? Ну, вы еще мне говорили, что хотите заниматься с ней дополнительно? Мелинда, кажется?

– Мелисса, — поправил Флитвик. — Давно мне не встречались подобные самородки. Последним был мой глубокоуважаемый коллега — профессор Снейп. Но ты, Северус, не обижайся, в ее возрасте был чуть слабее магически.

– Какие обиды, Филиус? — хмыкнул Снейп. — Слизерину такой талант только на пользу, учитывая численный состав. Ты же меня понимаешь?

– Как никто! Рейвенкло тоже непросто приходится в факультетском соревновании. Но мы с тобой справляемся! Уже четвертый год подряд боремся между собой за первенство! Можем

гордиться, друг мой! — Флитвик подмигнул Снейпу и с ехидцей взглянул на Макгонагалл.

Та фыркнула и поморщилась, будто ей наступили на больную мозоль. Да так оно и было: ее факультет, самый многочисленный, четвертый год подряд был в аутсайдерах, борясь за третье-четвертое место. Впрочем, боролись только гриффиндорцы. Хаффлпаффцам на места было наплевать, как и их декану. Помона Спраут была уверена, что крепкие нервы и спокойствие детям важнее каких-то гипотетических побед. Она была женщиной очень простой и в чем-то была по-житейски права. Ведь успеха можно достичь и планомерным трудом, а не только разовой аккумуляцией усилий.

– Значит, в заклинаниях она преуспевает, — медленно, словно размышляя, продолжил гнуть свою линию Дамблдор. — А в других дисциплинах? Коллеги?

Всех кроме Снейпа, пытающегося сообразить, с чего вдруг педсовет превратился в распевание дифирамбов Мелиссе Эванс, будто прорвало: профессора наперебой расхваливали девочку. Не отставали и Пинс с Филчем.

Дамблдор прервал их, напомнив о том, что все слизеринцы находятся в потенциальной группе риска. Что в случае новой войны, подобный талант не должен встать на сторону Тьмы. Что они уже сейчас должны приложить максимум усилий и выстроить девочке верную систему координат. Что на Мелиссу Эванс следует обратить особое внимание, чтобы, если что, успеть принять меры.

Снейпа подобная речь напрягла. Получалось, что с этого дня девочка будет фактически под колпаком, каждое ее движение и слово будут препарироваться и рассматриваться под микроскопом на предмет гниения и разложения. Снова появилась мысль об Акапулько. Сунуть Лиссу под мышку и рвануть в тропики. И чтобы на сотни миль вокруг ни одного богоподобного козлобородого старичка, блеющего про дело Света!

– …и помните, коллеги, что главное в воспитании детей — любовь! — голос Дамблдора снова зазвенел в унисон с курлыканьем феникса.

Уже ничему не удивляющийся, Снейп проигнорировал вырвавшийся у присутствующих восторженный вдох, рывком поднял вновь упавший слой защиты и сощурившимися глазами коротко взглянул на феникса. Безумно захотелось свернуть шею этой резко разонравившейся ему огненной „курице“, которая сидела на спинке кресла директора и сверкающим глазом косилась на присутствующих в комнате людей.

– Что ж, пока все свободны, — завершил свое выступление

директор и добавил. — Минерва, будьте любезны, пришлите мне Билла Уизли.

Макгонагалл коротко кивнула и первой покинула кабинет директора. Следом за ней потянулись остальные. Профессора облегченно расходились в разные стороны, а Снейп развернулся и мрачно спросил у мадам Помфри:

– Что у вас, Поппи?

– О чем вы, Северус?

– Вы так часто на меня смотрели, что прожгли во мне дыру. У меня что-то не в порядке? Может быть, стал короче нос?

Помфри мысленно выругалась: заметил-таки.

– У меня два варианта. Либо вы, наконец, заметили мою сшибающую с ног неотразимость и решили отдаться безудержной страсти. Либо вам опять что-то надо для больничного крыла. Развейте мои сомнения, о загадочная! Что мне покупать: цветы или ингредиенты?

– Мерлин, Северус, вы невыносимы! — возмутилась мадам Помфри.

– Значит, ингредиенты. Мое сердце разбито вдребезги. Я уж подумал, что два одиночества, наконец, обретут друг друга в этом безумном мире.

Он посмотрел на ошарашенную мадам Помфри и устало сказал:

– Ладно, Поппи, закончим на этом наши ритуальные танцы. Обсудим все в вашем кабинете. Надеюсь, вы подготовили смету, полный список необходимого и ощущаете достаточную гибкость в суставах, чтобы пасть на колени перед Дамблдором и умолять его профинансировать ваши фантазии.

Облегченно выдохнувшая целительница двинулась за профессором зельеварения в сторону больничного крыла.

***

Мелисса с приятелями сидели в библиотеке, когда перед ними возник староста школы Билл Уизли.

– Эванс, директор вызывает. Я тебя провожу.

К директору не хотелось. Было не ясно, как себя там вести: дурочку уже не построишь, слишком засветилась, скромницу тоже. Дилемма, однако.

Да и Уизли в качестве проводника устраивал не слишком. Нет, она, конечно, передала Перси несколько стандартных флаконов с нейтрализатором зелья доверия, и он благополучно влил его братьям и Вуду в тыквенный сок. Однако, по словам Перси, доза была или маловата, или действовало оно слабо — экспериментальный же образец! Всего лишь несколько поутихли страсти да планы вселенского возмездия перестали обсасываться

ежевечерне. Тем не менее, мысль припугнуть зарвавшуюся слизеринскую мелюзгу никуда не делась. Вероятно, слишком уж долго и интенсивно эта тема муссировалась на факультете, чтобы так просто уйти в небытие.

– Селина, будь добра, если не сложно, закинь мою сумку в подземелья. Торфинн, поможешь ей? — девочка слегка выделила слово „подземелья“.

Роули моргнул, мол, все понял, и они с Селвин направились к кабинету декана. То есть, конечно, в сторону гостиной Слизерина, но ведь и он по пути. Мелисса пошла за Биллом, а Люциан и Теренс двинулись следом.

– А вы куда? — поинтересовался Уизли. — Вас никто не приглашал.

– Мы проводим ее и подождем у кабинета. Возражения?

– Не доверяете? — криво усмехнулся Билл. — Правильно делаете. Впрочем, что вы двое сможете мне противопоставить? Вы по определению слабее семикурсника. Как магически, так и физически. Разбросаю как котят.

– Это угроза, староста? — спокойно поинтересовалась Мелисса.

И почему-то это ее хладнокровие его просто выбесило.

– А если и так? Заслужила, куколка. Ты спровоцировала и подставила Вуда. Да и моего брата за компанию. Кровь не вода, Эванс. Но ты — приютская, тебе не понять! Поэтому ходи и бойся! Я в своем праве.

– Зря ты нас недооцениваешь, — холодно сказал Люциан. — Мы можем заорать или двинуть тебе в коленную чашечку. Концентрации и легкости движений это никак не поспособствует. В конце концов, мы — свидетели. И ни разу ни с твоей стороны.

– Что творится в мире! — саркастически протянул Билл, взглянув на девочку. — Чистокровные волшебники из хороших семей на побегушках у приютской грязнокровки. Сильно!

Мелисса хмыкнула, подумав: „Какое интересное заявление при четко обозначенной позиции директора по вопросу крови!“

Теренс, видимо, хотел уже выпалить что-то, типа „не тебе, предателю крови, рассуждать о ее чистоте“ и даже открыл рот, но девочка его опередила. Она вдруг остановилась, прижала руки к груди и горько заплакала. Ее приятели опешили и с испугом посмотрели на нее. Даже Биллу на одно короткое мгновение захотелось ее обнять и утешить. Ровно до того момента, пока он не услышал, что она говорит.

– Директор, профессор Макгонагалл, профессор Снейп, я думала, что в школе все равны. А Билл, как он мог? — всхлипывала Мелисса. — Он обозвал меня грязнокровкой! Он

смеялся над тем, что у меня нет мамочки и папочки! Он угрожал мне! Здесь нападают на всех девочек, сэр? Или только на маглорожденных?

Все краски схлынули с лица Билла. Он осознал, что, несмотря на покровительство Дамблдора, ему придется очень несладко, если Эванс устроит подобный концерт.

– Ты все понял, — утвердительно сказала девочка, неожиданно резко прекратив плакать. — Это репетиция. И либо сегодня в Большом зале состоится премьера, кстати, у тебя билеты в первый ряд, либо с этого момента ты навсегда забываешь про Мелиссу Эванс и ее друзей. И не просто забываешь, а даешь непреложный обет, что никогда не будешь вредить нам сам и подговаривать других. В противном случае, я сейчас же иду к декану и пишу жалобы в Попечительский совет и Министерство.

Билл как в тумане произнес формулу, а потом вдруг очухался:

– А какие у меня гарантии? Мне тоже нужен непреложный обет.

– Исключено. Об этом нужно было договариваться до того, как ты дал свой. Поэтому ходи и бойся! — вернула ему угрозу девочка. — Рассчитывать ты можешь только на мое слово. И предваряя возмущенные вопли, я его держу, оно мне дорого.

– В честное слово играешь? По-твоему, шантаж это благородно? — мрачно поинтересовался Билл.

– Кто бы говорил! Ты только что весьма благородно, как и подобает, очевидно, настоящему мужчине, угрожал детям, которые младше тебя на шесть лет. Мол, сидите тихо, как мыши под веником, а не то я вас одной левой. Зачем? Ты не мог не знать, что конфликт спровоцировал Вуд, потерявший берега и прилюдно, вероятно, тоже от избытка благородства, оскорбивший учителя. Что твой брат в этом вообще не участвовал. Что инцидент был исчерпан. Но нет, ты решил продемонстрировать своему венскому хору мальчиков-зайчиков, что папа-медведь бдит. А заодно доказать себе, что ты храбро, несмотря на „цыц“ сверху, будешь отстаивать интересы своих. А мы должны были скромно поднять лапки? На это был расчет?

Уизли ответить не успел: они подошли к каменной статуе уродливой горгульи, скрывающей вход в кабинет Альбуса Дамблдора. Билл склонился над статуей и неслышно что-то прошептал, вероятно, пароль. Стена с горгульей отъехала в сторону, открывая проход. За ней показалась винтовая лестница, спешащая вверх. Мелисса шагнула вперед.

– Мы тебя дождемся, Лисса, — дружно сказали Люциан и

Теренс перед тем, как горгулья вернулась на свое место.

***

Лестница, подобно эскалатору, привезла ее на верхнюю площадку. Оказавшись перед массивной дубовой дверью с молотком в виде грифона, девочка быстро проверила ментальные щиты на прочность и, решив для себя, что в разговоре с Дамблдором будет максимально тянуть время в ожидании Снейпа, отвлекаясь на все подряд, протянула руку, чтобы постучать. Едва она это сделала, как дверь распахнулась.

Круглый и просторный, кабинет директора был под завязку забит разномастными столами и столиками, заставленными разнообразными волшебными приборами и артефактами. Весь этот магический хлам издавал какие-то звуки, диссонирующие друг с другом. Казалось, каждый предмет хотел перещеголять один другого. В общем, на субъективный взгляд Мелиссы, обстановка была совершенно не рабочая.

Плюс еще все стены были увешаны портретами прежних директоров и директрис. Некоторые из них спокойно дремали в массивных рамах, другие переговаривались о чем-то вполголоса, а кое-кто разглядывал девочку.

О волшебных портретах она узнала давно, еще от леди Блэк. В магическом мире их было два вида — посмертные и прижизненные. Если говорить о посмертных, то тут были варианты. Например, портреты волшебника, нарисованные при жизни, хранили неподвижность, но после смерти мага объединялись в единую сущность и оживали. Естественно для этого необходимо было отдельно зачаровывать каждую картину. В этом случае, человек, изображенный на портрете, мог бродить между рамами, а его память соответствовала моменту написания последнего. Существовал и иной путь. Некоторые волшебники заколдовывали сами себя. И после их смерти появлялся портрет, который помнил все, даже последние минуты перед смертью.

Критическим взглядом оглядев портреты бывших хозяев кабинета, девочка подумала, что здесь, видимо, имел место комбинированный вариант.

Что до прижизненных живых портретов, то они запечатлевали мага в его конкретном возрасте, как отдельное существо. Такой портрет мог оперировать только теми воспоминаниями, что у него были на момент написания картины, и был лишен возможности путешествовать по другим картинам. Считалось, что создание прижизненных живых портретов негативно отражалось на психике изображенного волшебника.

Если портрет был нарисован после смерти мага, ожить он просто не мог.

Отвлекшись от созерцания живописи, Мелисса продолжила осмотр комнаты. В центре нее стоял громадный письменный стол на когтистых позолоченных лапах с большим креслом-троном. Его сидение и спинка были обиты красным бархатом с золотой бахромой. За креслом, на высокой жердочке сидела большая алая птица, с длинным хвостом, золотыми когтями и клювом.

– Это феникс. Правда, он великолепен?

Сзади тихонько подошел Дамблдор. На директоре была ярко-красная мантия, затканная золотыми пчелами, и такой же высокий колпак, на ногах — парчовые туфли с загнутыми носами. Он с такой счастливой улыбкой смотрел на Мелиссу, словно видеть ее сегодня было для него огромной радостью.

– Весьма. И потрясающе сочетается с вашей мантией, — ответила девочка и подумала: „Да у него мания величия! Трон в Большом зале, трон здесь. Мантия, как у Наполеона в день коронации, только горностая не хватает. Или пчелы — это отсылка к Меровингам(1)? Тогда мания величия в квадрате!“

– Присаживайся, — директор указал ей на кресло для посетителей. — Мы сейчас с тобой попьем чаю и побеседуем.

Пока Дамблдор ставил на стол чайный сервиз с бегущими по белому фарфору фигурками кентавров и вазочки с карамельками, внимание Мелиссы привлек портрет мрачного мужчины, который пораженно уставился на нее.

Да, она уже видела его раньше, в доме Блэков. Вальбурга пояснила ей, что это портрет их предка Финеаса Найджелуса Блэка, который в начале века был директором Хогвартса. В тот день девочка попыталась с ним поговорить. Однако нарисованный Блэк, оказавшийся более гордым и высокомерным, чем Вальбурга во плоти, схожего желания не выказал и лишь задрал нос, отвернулся и ушел с портрета прочь. Сейчас, тем не менее, он выглядел взволнованным: подмигивал, подавал какие-то знаки, прикладывал палец к губам.

– Тебя заинтересовали портреты? — спросил директор, заметив, что девочка отвлеклась, и проследив ее взгляд.

– Люблю хорошую живопись. Правда, предпочитаю импрессионистов, — поддержала светскую беседу Мелисса и, вовремя вспомнив о своем мнимом невежестве, нерешительно произнесла. — Это что-то вроде колдографий?

– О нет, гораздо более сложное и интересное волшебство, — Дамблдор, неожиданно заговоривший лекторским тоном, откинулся на спинку кресла. — Они обладают личными воспоминаниями, умеют говорить, в отличие от колдографий, которые с людьми не контактируют, и переходить из рамы в раму любых картин в пределах одного здания. Некоторые весьма

интересные собеседники. Но при разговоре с портретом нужно быть осторожным и помнить, что если он сам начинает рассказывать о каком-либо событии, то это воспоминание теряется навсегда. В ответ же на конкретный вопрос – нет.

Информация была в новинку: стала понятна ошибка, допущенная в давней беседе с лордом Блэком. Ведь никаких конкретных вопросов она не задавала, а лишь канючила что-то вроде, ну поговорите со мной, ну расскажите мне что-нибудь. Фактически она вынуждала бедного Финеаса инициировать разговор, гарантированно обеспечивающий ему ранний склероз.

„Дура!“ — обругала себя девочка, бросив виноватый взгляд на ехидно ухмыляющегося лорда Блэка, сделала себе пометку при первой возможности извиниться перед ним, а заодно решила уточнить на будущее:

– А если обсуждается широкая тема? Допустим, вопрос прозвучит так: чем вы занимались в тысяча, например, девятисотом году?

– Что ж, в таком случае воспоминания не пострадают.

Мелисса на мгновение задумалась и потерла подбородок, припоминая, что в доме Лили и Джеймса тоже были портреты и движущиеся картины, кажется, даже в ее детской. Интересно, где они? Помнят ли об одном прелестном томном вечере? И если да, истинны ли эти воспоминания?

– А что еще они могут? Например, преподавать в школе? Или свидетельствовать в суде? Или продолжать работать по специальности? Например, если изображенный был целителем, он же может консультировать и с холста! А портрет можно заколдовать? Или уничтожить? Или, я не знаю, копировать? — затараторила Мелисса с энтузиазмом неофита.

Положа руку на сердце, было все равно, может портрет зарабатывать на жизнь болтологией или нет. Ее интересовал лишь вопрос, касающийся правосудия, в общем, поэтому она его и воткнула в середину, чтобы не слишком выделялся.

– Ну, — протянул Дамблдор, слегка поморщившись от подобной активности и любознательности, — в Мунго частенько обращаются за советами к великим целителям прошлого. А что до суда, как председатель Визенгамота могу тебя заверить, слова портрета не могут быть свидетельством. Ведь нет возможности доказать их истинность. И, конечно, портрет, как любой обычный предмет, можно уничтожить или наоборот — заколдовать так, что он будет неуничтожим.

– Обычный? — непонимающе нахмурилась девочка. – А! То есть холст и подрамник изначально не волшебные. А изображение можно заколдовать?

– Его можно поймать и заставить замереть, но данный способ относится к темной магии, к некромантии, — вкрадчиво, с кажущейся мягкостью ответил Дамблдор и перевел тему разговора. — У тебя весьма пытливый ум. Почему же с такой тягой к знаниям ты выбрала Слизерин, девочка моя?

Подобная фамильярность покоробила. Мелисса еле удержалась, чтобы не скривиться, и, мысленно дав себе зарок проклясть трепливую шляпу, ответила:

– Люблю сочетание зеленого и серебряного, сэр. Оно мне идет.

Директор в изумлении уставился на девочку. Он знал о том, что девочка заставила колпак Годрика распределить ее на Слизерин и подобного ответа не ожидал. Почувствовав его недоумение, Мелисса, по-прежнему разглядывавшая убранство кабинета, кратко пояснила, словно это все объясняло:

– Я же девочка.

Дамблдор прокашлялся, поставил перед ней чашку, налил в нее ароматный чай и подвинул вазочку с лимонными дольками.

– Угощайся.

Мелисса взяла чашку, поднесла ее поближе, внимательно рассмотрела движущуюся картинку и поставила обратно.

– Извините, у меня спортивный режим. Нельзя сладкого, да и воды лишней тоже. Как говорит наш тренер, секунду на зубах — вечность на бедрах.

Директор глубоко вздохнул и попытался поймать ее взгляд:

– Ну, нет так нет. Скажи, девочка моя, как тебе магический мир? Например, Косая аллея? Не правда ли, волшебное, изумительное место!

В этот момент Мелисса почувствовала, как что-то постороннее коснулось ее разума, словно щупом. Достаточно топорно, на ее взгляд. Она знала, как работает Северус. Когда они занимались окклюменцией и легилименцией, о вторжении в свою голову девочка догадывалась лишь по какому-то царапающему ощущению в душе, настолько аккуратно, как на кошачьих лапах, Снейп всегда пробирался. А здесь — напрямую, чуть ли не топая ногами в грязных башмаках. Решив не обострять, Мелисса вытолкнула на поверхность воспоминание о визите в Дырявый котел и к Олливандеру, а вслух громко восторгалась красотами магического квартала, сравнивая его с ожившей волшебной сказкой.

Дамблдор несколько охладил ее пыл, заявив, что в магическом мире, как и в магловском, много опасностей. Даже на сказочной Косой аллее. Там ведь есть Лютный переулок!

„Мать мою, Лили Эванс, — подумала Мелисса. — Боргин уже

отстучал. Вот, зачем он меня позвал. Ладно, включаем Сару Бернар!“

– Да, я в этом убедилась, сэр. Страшное место. От одного взгляда дрожь пробирает! — громко заявила она вслух и, словно бы поняв, что проговорилась, испуганно зажала рот рукой.

– Как же ты там оказалась, девочка моя? — спросил директор, усиливая давление на ментальные щиты девочки.

Поняв, что долго так не продержится, Мелисса смущенно уставилась в пол, обрывая контакт и спешно ища нужное воспоминание.

– Я заблудилась, сэр! — жалобным голосом проговорила она. — В тот день, когда профессор Макгонагалл бросила меня на Косой аллее. Было страшно…

Девочка вновь посмотрела директору в глаза и продемонстрировала подготовленное воспоминание, как профессор аппарировала прочь, а она идет по улице, озирается, останавливается у входа в Лютный переулок, делает два шага и спешно возвращается обратно на Косую аллею.

– Кстати, разве она могла меня так оставить? — уже более уверенно поинтересовалась девочка. — Все говорят, это неправильно. В магловском мире я бы давно подала жалобу в органы опеки, сэр. У магов есть нечто подобное?

От неожиданности директор моргнул и прервал контакт сам.

– Ты хочешь пожаловаться на Минерву?

– Думаю, это справедливо, — недоуменно пожала плечами Мелисса. — Каждый человек должен хорошо выполнять порученное ему дело.

Дамблдор мысленно выругался, понимая, что она права. Также пришло осознание, что потереть ей память об этом инциденте не получится: девчонка уже кому-то разболтала. Вот, чем плохи девочки: совершенно не умеют держать язык за зубами! Поэтому, решив нивелировать ситуацию, Дамблдор завел шарманку о добре и всепрощении.

Мелисса поняла, что тема прогулок по злачным местам временно закрыта, и снова принялась рассматривать кабинет директора, краем уха слушая его монолог и лишь подсчитывая в уме, сколько раз он произнес то или иное пафосное слово. Речь Дамблдора лилась нескончаемым потоком. С темы прощения и понимания, он переключился на правду, семью и любовь.

„Добро — семь раз, — монотонно считала девочка. — Семья — одиннадцать. Приютской о семье? Интересное решение. Свет — тринадцать. Правда — восемнадцать. Ого! И с результатом двадцать один побеждает люююбовь!“

– …и поэтому, девочка моя, что самое главное в жизни

любого человека? Правильно, семья и любовь! — голос директора зазвенел, как ручей, сливаясь с короткой трелью феникса, подлетевшего к ним поближе.

Мелисса уткнулась лицом в ладони, вытирая непроизвольно выступившие слезы и с обалдением осознавая: только что этот чертов тандем пробил ее щиты до самой картотеки.

„Дьявол, — в панике думала она, спешно восстанавливая ментальную защиту и понимая, что адская мигрень на пару дней ей обеспечена. — Где же Сев? Я тут уже почти час, неужели Роули не застал его в кабинете?“

Дамблдор смотрел на сжавшуюся в кресле Мелиссу.

– Тебе нехорошо, девочка моя?

„Ах ты, тварь! — каждое слово директора, словно гвоздем впивалось в мозг, от приторно сочувствующего голоса хотелось орать. — Хочешь войны? Получишь. Пусть Сев и обучил меня пока лишь одной ментальной атаке, но я повторила ее почти тысячу раз!“

– Зачем же вы так, сэр? Я же из приюта. А вы о семье? — запинаясь и всхлипывая, проговорила Мелисса.

Директор погладил сидящего на подлокотнике его кресла феникса и взял в руки чашку, задумчиво проводя пальцем по кромке.

– Не плачь, девочка моя. Думаю, что смогу тебе помочь.

– Как? — шмыгнула носом Мелисса, внутренне собираясь.

– Ну, — словно рассуждая сам с собой, медленно проговорил директор, — например, могу поискать в мире маглов информацию о твоих родителях. То, что бывает сложно сделать обычным людям, может быть под силу старому светлому магу. Быстро не обещаю, но в будущем… Ты бы хотела узнать о своей семье?

– Да, сэр! — девочка встрепенулась и радостно посмотрела ему в глаза.

Как она и ожидала, он снова оказался в ее разуме, но в этот раз, полагая, что все барьеры сметены, уже вообще не пытался осторожничать и одним рывком ворвался в картотеку ее воспоминаний. Девочке только это и было нужно. Дождавшись, когда директор сунется в один из ящиков, она резко оборвала зрительный контакт, мысленно с силой задвинув ящик обратно. Дамблдор клацнул зубами и отпрянул, прикрыв глаза, схватился за голову и, уронив чашку, пролил чай себе на мантию.

– Вам нехорошо? — с тем же приторным сочувствием, что и директор несколько минут назад, поинтересовалась Мелисса.

„Конечно, тебе нехорошо. А вот не надо лазить, где не просят. Да, еще прикрываться святым для любого приютского ребенка —

информацией о семье!“ — внутри она просто кипела.

– Нет, девочка моя, просто чашка соскочила с блюдечка.

В этот момент раздался короткий стук в дверь. На пороге возник Северус Снейп. Он коротко посмотрел Мелиссе в глаза, пытаясь убедиться, что с ней все в порядке, попутно отмечая ее неестественную бледность.

Увидев его, Дамблдор спросил прохладным тоном, демонстрируя легкое недовольство его приходом:

– Профессор Снейп, что-то случилось?

– Директор, я думал, вы мне скажете, что случилось? В чем провинилась студентка моего факультета, что вы ее вызвали? Я как декан имею право знать!

Снейп бесцеремонно уселся в кресло и, не дав директору сказать и слова, резко спросил Мелиссу:

– Эванс! Что вы натворили?

– Ничего, сэр! Профессор Дамблдор позвал меня попить чаю и обещал разузнать о моих родителях, — громко и возбужденно затараторила девочка. — Профессор Дамблдор, вы самый замечательный человек на свете!

Дамблдор скривился, как от зубной боли: ну, зачем же так орать, он же не глухой! Снейп бросил на него быстрый взгляд. Альбусу было явно нехорошо: он сидел, откинувшись на спинку кресла и прикрыв глаза, был бледен, дышал тяжеловато, держался за голову, нижняя губа прикушена, плюс мокрая мантия.

„Облился или… Нет, все-таки облился… Похоже, Лисса ментально его приложила. И добавляет приятных ощущений своими громкими визгами и писками. Хорошая девочка! Миллион баллов Слизерину! Так, пора прощаться с любителем лимонных долек, пока он в растрепанных чувствах“.

– Эванс! Не мельтешите. Вы и так утомили директора. Радоваться тоже надо в меру. Месяц отработок в зельеварнях! Директор, она вам еще нужна или я ее забираю?

– Да, Северус, мальчик мой, мы все обсудили, — прошелестел директор и добавил взволнованным голосом. — Не наказывайте ее слишком строго, девочка просто была растрогана.

Под горгульей стояли Люциан и Теренс, увидев Мелиссу с профессором, они облегченно выдохнули. Снейп закатил глаза:

– Мистер Боул, почему вы не на ужине в Большом зале? Я же сказал, чтобы вы оправлялись туда. В чем дело?

– Сэр, но мы обещали дождаться Эванс. Не могли же мы ее обмануть. Да и за вас мы тоже переживали, профессор, — выдал Хиггс.

– Не знал, что вы откликаетесь на фамилию Боул, мистер

Хиггс? Мне безумно приятно, что вы волновались за меня, но, как видите, я жив, здоров, раздражен и чертовски вами недоволен. Поэтому вы и мистер Боул немедленно отправитесь на ужин. А после на отработку к мистеру Филчу. Надеюсь, это научит вас подчиняться. Эванс, за мной!

Он развернулся и направился в сторону подземелий.

***

Войдя в кабинет, Снейп привычно поставил защитный купол. Указав Мелиссе на кресло, он взмахом руки призвал несколько флаконов с зельями, протянул девочке, а сам опустился в соседнее кресло и внимательно посмотрел на нее.

– От головной боли и восстанавливающее, — тихо сказал он и поинтересовался. — Сколько слоев пробили?

– Остался один, — проговорила она, опустошив флаконы, и прикрыла глаза. — Я бездарность. Потерять почти все щиты от одного короткого удара.

– Не мели чушь. Удивительно, что при подобной целенаправленной атаке уцелел хоть один щит, — Снейп положил руки ей на виски, посылая легкий магический импульс, пытаясь ускорить действие зелья. — Этот человек с птицей смели мне два уровня. Походя и без напряга. И то только потому, что ментальное воздействие было рассчитано на скопление людей. Очевидно, целью было лишь задать общее настроение.

– Это из-за особенностей феникса? — спросила Мелисса, ощущая, что головная боль потихоньку затихает и уходит на задний план. — Они вроде могут своим пением воодушевлять или вселять страх. Магия разума?

– Она, родимая. Кстати, это новый трюк в репертуаре старого дрессировщика, не припоминаю, чтобы он раньше практиковал нечто столь же очаровательное. Похоже, его „цыпленок табака“ реагирует на кодовое слово „любовь“, произнесенное с определенной интонацией, и подает голос.

– Угу, — буркнула девочка. — Рефлекс, как у собачки Павлова.

Снейп хмыкнул и усилил целебное магическое воздействие.

– Как тебе вообще наш дорогой директор? Понравился?

– Тварь он, — сказала девочка и, услышав фырканье Северуса, пояснила. — И даже не потому, что он копался в моих золотых мозгах. Знаешь, Макнабб всегда полагала, что никто не говорит о чести и благородстве больше, чем подлец. Если продолжить эту аналогию, то патриарх всея магическая Англия не умеет говорить правду, а также сочувствовать и любить. Потому что понятия „правда“ и „любовь“ он сегодня попросту девальвировал.

Северус убрал руки с головы девочки и задумчиво откинулся на спинку кресла, размышляя о ее словах. Через некоторое время, заметив, что на лицо Мелиссы вернулся румянец, он скомандовал:

– А теперь рассказывай. С самого начала. И во всех подробностях, с точностью до слова. С того момента, как к вам подошел старший Уизли. Роули сказал, что наш доблестный староста был на взводе.

После ее рассказа Снейп задумчиво прошелся по кабинету, заложив руки за спину. Потом, очевидно, приняв для себя какое-то решение, вернулся на свое место и тихо сказал:

– Нелепые угрозы Уизли — явная самодеятельность. Сегодня наш любимый директор четко дал понять, что заинтересован в тебе. Кстати, имей в виду: у профессуры и техперсонала теперь карт-бланш на трактовку всех твоих действий не в твою пользу. В благих целях, разумеется. Чтобы уберечь тебя от тебя же самой.

Девочка устало покачала головой.

– То есть я нужна не только в качестве щита для героя нации? — уточнила она. — И зачем еще я ему сдалась? Любоваться моими прекрасными глазами? Нет, они у меня действительно красивые…

Северус потер подбородок и, сощурившись, пристально посмотрел на Мелиссу.

– Я надеялся, что этот разговор у нас будет позже. Года на три. Но Дамблдор мне выбора не оставил. Ты читала о последней войне? — спросил он и, дождавшись утвердительного кивка, спросил. — Ты составила о ней какое-то определенное мнение?

_____

(1) Пчела — один из символов первой династии франкских королей династии Меровингов (длинноволосых королей). Современники верили, что они обладают магической силой. Наполеон, желая подчеркнуть преемственность от древних королей, сделал своим геральдическим символом именно пчелу, заменив традиционную для французских монархов лилию.

= = = = = = = = = = ГЛАВА 24. Вечер откровений = = = = = = = = = =

Какое-то время в комнате царила гробовая тишина. Мелисса пыталась сформулировать свои мысли по этому поводу, а Снейп ее не торопил. Через несколько минут, девочка вздохнула и заговорила.

– Определенное мнение… Определенное кем? Магической прессой тех лет или современными учебниками истории? То есть тогдашними и теперешними идеологическими противниками Волдеморта, — девочка увидела, что Снейп потер левое

предплечье, — выигравшими войну?

– Хотя бы…

– Что ж, согласно той версии, в магическом мире царили мир, дружба и процветание. Цветочки цвели, бабочки порхали, зайчики и белочки резвились на полянках, — завела Мелисса голосом профессиональной сказочницы, — а среди всего этого радостно братались волшебники и магические существа, хором распевавшие Кумбайя(1). Но вдруг, неожиданно, налетел ветер, нагнал тучи, и пришло невиданное зло! С востока, из Мордора… Ну, или откуда там?

Снейп мрачно хмыкнул и откинулся на спинку кресла, жестом предлагая продолжить столь увлекательный рассказ.

– Очередному воплощению Саурона, темному магу Волдеморту, — продолжила девочка, отмечая, что правая рука Северуса снова тянется к левому предплечью, — и примкнувшим к нему оркам — все они, конечно, были аристократами в энном колене! — захотелось властвовать в Средиземье, ну, то есть, в магической Британии. А поскольку они поголовно были маньяками-садистами, кайфовавшими от пыток, то и власть свою начали строить исключительно на насилии. Развязали кровавую войну на уничтожение, умертвили множество магов и маглов. И если бы не Гендальф Белый, в смысле, Мерлин нашего времени со своим братством Кольца, грудью вставшие на пути Тьмы, то пришел бы всем большой и страшный ай-ай-ай. Тут и сказке конец!

Северус молчал и, сощурившись, смотрел на девочку, а Мелисса, с ногами устроившись в кресле, заговорила уже серьезным тоном:

– На мой взгляд, все это нужно делить на два, если не на три-четыре. Они говорят об ужасающем количестве жертв, о невинно умученных сторонниках света и оказавшихся не там и не тогда обычных людях. Так приведите точные цифры! Я имею право ужаснуться! Однако никаких цифр нет, лишь из номера в номер в «Ежедневном пророке» мантрой повторяются одни и те же имена: Карадок Дирборн, Бенджамен Фенвик, Доркас Медоуз, братья Прюетты, семья Маккинон из четырех человек и семья Боунс из трех. Плюс Поттеры в количестве двух. Это четырнадцать трупов. Не считая потерявших рассудок уже после смерти Темного Лорда Френка и Алисы Лонгботтомов. А остальные? Недостойны упоминания? Что за интересное отношение к павшим? Или их просто не было? Тогда, что это за война такая? — девочка потерла лоб. – Ну, хорошо. Не будем сомневаться в кровопролитности этой войны. Примем ее за аксиому. Почему она началась? Нигде не рассматриваются предпосылки,

приведшие к ней. Обе стороны должны были четко себе представлять, за что сражаются. Ведь магов мало?

– Я бы назвал ситуацию критической, — заметил Снейп, тяжело вздохнув.

– При такой демографической ситуации вести войну на уничтожение? Необходимы более чем веские причины. За Темным Лордом пошли многие, причем из разных слоев. Значит, они как минимум принимали его цели, а как максимум и средства. Чего добивался Лорд?

– Магический мир находится в глубочайшем кризисе. Одну из главных причин ты назвала — демография. Да, маги живут дольше обычных людей, но не в разы и не на порядки, да и годы активности, как и у маглов, приходятся на молодость и зрелость. Маги же в возрасте предпочитают спокойную закрытую жизнь, безвылазно сидя у себя в поместьях. При наличии домовика волшебник может годами не общаться с окружающими, не испытывая ни в чем нужды.

Учебная программа Хогвартса с каждым годом упрощается так, чтобы с ней могли справиться маглорожденные волшебники. Равенство, мать его! А кто будет двигать вперед магическую науку? При подобном отношении, если таланты и появятся, их просто бездарно проср… — он запнулся на полуслове. — Мы практически не развиваемся! Магия осталась на уровне глубокого средневековья. Некоторые техники утрачены из-за пресекшихся древних родов. Другие запрещаются министерством магии, как темные и опасные. Опасные для кого? Для маглорожденных неумех и недоучек. Мы ничего не изобретаем, лишь заимствуем. И будем продолжать. Газеты, радио, паровоз — все это придумали маглы. Наша культура не охватывает все сферы жизни и быта.

– Но если мы будем только тупо заимствовать, не развиваясь и ничему не учась, мы потеряем самобытность и исчезнем сами. Маглов в Британии десятки миллионов. А магов? Перепись хоть раз проводилась?

– Нет, — покачал головой Снейп. — В любом случае, с большой долей вероятности можно прогнозировать, что лет через тридцать основная масса учеников будет маглорожденной. Огромное количество детей с более чем средними, а то и откровенно слабыми способностями. Учебную программу снова упростят, а чистокровные вообще перестанут посылать своих отпрысков в Хогвартс. Это грозит вырождением и вымиранием древнейших родов и утратой их родовой магии. Это будет, может быть, последний шаг к полной деградации, к полному исчезновению магии в нашем мире.

– Вырождение… — задумчиво протянула Мелисса. — Из-за

браков между близкими родственниками, чреватых генетическими проблемами? Если учесть островное расположение магической Британии, традиционный консерватизм и предвзятое отношение к мигрантам, то браки с английскими маглорожденными и полукровками — единственный способ обновить кровь. Однако они ведут к ослаблению магических способностей, так?

– Именно, — кивнул Снейп, — а относительно безопасно разбавить кровь можно лишь с помощью Обретенных. Но они редкость. И чуть ли не в лотерею разыгрывают, в чей род они войдут.

– Тем не менее, не все полукровки — слабые маги, — заметила девочка. — Я слышала о двух гениальных полукровках. Так что все не так однозначно.

Снейп задумчиво произнес:

– Естественно, вырождения можно избежать. Даже навскидку есть несколько вариантов решения проблемы, которые, правда, абсолютно не приемлемы для большинства британских волшебников: например, браки с чистокровными магами-иностранцами или магловские генетические исследования. Перед вступлением в брак молодые люди могут провериться на возможность иметь здоровое потомство. Ведь в чем проблема близкородственных браков? Общие, семейные болезни. Допустим, у человека проблемы со зрением. Если он женится на девушке с подобными сложностями, их дети наверняка будут ходить в очках. То же применимо к магии. Предположим, в роду были сквибы, если в этот род войдет девушка из семьи с аналогичной проблемой, можно практически гарантировать неволшебное потомство. Могут быть исключения, но это если очень и очень повезет.

Какое-то время они молчали, а потом Снейп вновь заговорил:

– О промышленности я вообще молчу. У нас даже не мануфактуры – так, цеховое производство средневекового типа. Сколько рабочих мест таким образом можно создать и сколько ртов прокормить? Смешно! Вся наша инфраструктура — общественные учреждения: Министерство, больница, школа.

– Плюс, отсутствие конкуренции и монополизация самых важных отраслей, — задумчиво добавила девочка. — Производитель волшебных палочек один. Вот и гонит туфту на потребу. Банк, и тот в единственном экземпляре. Поэтому и не появляется ничего нового и оригинального. Смысл напрягаться?

– Ну, я тебя умоляю, — протянул Снейп. — Даже если кто-нибудь и предложит что-то новаторское и экономически выгодное, хоть магический конвейер, то что? Для его внедрения и

поддержания в рабочем состоянии необходимы люди и магия. И где их взять? Подобное изобретение просто обречено на забвение. А если в будущем в нем возникнет нужда, его придется придумывать заново. Ту же каминную сеть изобретали три раза!

Девочка недоуменно посмотрела на него.

– В министерстве нет аналога магловского патентного бюро? Не хранятся описания магических технологических процессов? То есть, если изобретатель умер и никого не успел обучить, то созданными им магическими предметами можно пользоваться только как артефактами?

Северус с сожалением развел руками, мол, чего нет, того нет – увы!

– Но и это еще не все. Вдобавок ко всему целый ряд волшебных существ поражен в правах: гоблины, оборотни, великаны, кентавры, русалки, вампиры и так далее. Они считаются существами, если не тварями, и подпадают под ведение Департамента по контролю магической фауны. Фауны! У них нет школ, они не имеют гражданских прав, на них не распространяются социальные программы, вроде бесплатного медицинского обслуживания в Мунго. Кроме того, некоторые малые народы, например, великаны, оборотни и вампиры не могут самостоятельно выбирать место жительства и обязаны регистрироваться, плюс для них имеются ограничения по выбору места работы.

– Естественно, они недовольны существующим положением вещей, — словно рассуждая сама с собой, продолжила его мысль девочка. — Поэтому и поддерживали Темного Лорда во время войны. Проблема существует, она более чем реальна, а вот решать ее магическое сообщество не готово. Лорду было, что им предложить. А вот его оппонентам… М-да…

– Но самая большая социальная проблема — это маглорожденные. После школы они вынуждены оставаться в нашем мире. Путь назад им закрыт: они не получают магловского образования и вряд ли смогут наверстать упущенное. Конечно, могут найтись способные и талантливые ребята, которые после Хогвартса или параллельно с ним самостоятельно освоят школьную программу и закончат колледж или университет. Но их единицы.

Мелисса с вопросительной улыбкой взглянула на Снейпа, он слегка покраснел и подтвердил ее подозрение:

– Да есть у меня магловское высшее образование, есть!

– Химик? — живо поинтересовалась девочка.

– Я что, настолько предсказуем? — с показной обидой сказал Снейп и, усмехнувшись, махнул рукой, отметая все возражения.

— Впрочем, сейчас не об этом. Итак, остальные выберут жизнь среди волшебников. И за счет чего они должны жить? Откроют свое дело? Ну, один, два, пусть, три смогут. Самых способных возьмут в Министерство или в Мунго. Остальные будут выброшены на рынок труда, где вакансий и так не хватает. И где они кончат свою жизнь?

– В Лютном, — пожала плечами девочка, — поливая грязью магический мир за отсталость, ненавидя и маглов, и чистокровных и полукровных волшебников. Маглов из-за отсутствия у них магии, волшебников же, наоборот, из-за родовых способностей, недоступных маглокровным. Толпа недовольных жизнью, невостребованных людей. Великолепная почва для роста социальной напряженности.

– Именно. Поэтому в сороковых министерство, с подачи Дамблдора, и приняло огромное количество законов, ограничивающих использование многих разделов магии. Как раз тех, которые были недоступны маглорожденным. Для оправдания подобных мер, эти магические знания приравняли к темным. Их, видите ли, использовал Гриндевальд и его сторонники. На мой взгляд, это была искусственная уравниловка для понижения градуса в определенных слоях общества. Можешь себе представить степень недовольства чистокровных магов. Хотя эти меры и повысили ценность выходцев из обычного мира, многие из которых пролезли в министерство, а некоторые к настоящему времени уже доросли до солидных должностей. Но, в общем и целом, это был огромный шаг назад, — Снейп устало потер переносицу.

– И как Лорд собирался решать все это? — поинтересовалась Мелисса.

– Не так, как подают Светлые, — внимательно глядя на нее, сказал Северус. — Никакого геноцида тогда не было и в проекте. Лорд хотел создать полноценное государство, которого сейчас нет и в помине. У нас нет разделения властей, нет армии, нет независимого суда и как класс отсутствует презумпция невиновности, а значит, объективное судопроизводство. Скольких волшебников бросили в Азкабан только на основании того, что у них на руке метка! И наплевать, что многие Круциатуса не применяли даже к мухам. Метка? Все, дементоры ждут. Ни веритасерума, ни легилименции.

Кроме того, у нас нет ничего даже близко напоминающего парламент. Законы принимает то же самое министерство, которое их и исполняет. Нет выборов, нет политических партий, то есть банально нет возможности легально влиять на деятельность министерства. А если нет легальной оппозиции, непременно

появится нелегальная — со всеми вытекающими последствиями.

– Не стоит забывать и об ограниченных возможностях магического мира. Что может позволить себе среднестатистический волшебник? Работу в Министерстве, семейной лавке или на огороде? А по выходным шахматы, карты и квиддич?

– В точку, — согласился Снейп. — Почти любой шаг влево-вправо ведет к нарушению многочисленных, часто противоречащих друг другу, законов либо Статута секретности. Гайки закручивают уже несколько столетий. Рано или поздно резьбу должно было сорвать. Лорд же хотел привести магическое законодательство в соответствие с современными реалиями.

Он также собирался внедрить что-то вроде службы по контролю за рождаемостью. Смысл был в том, чтобы проводить демографическую политику, создав базу всех магических семей и проследив их родственные связи, тем самым имея возможность подобрать приемлемые кандидатуры.

Что до маглорожденных, то он призывал либо ограничить их число в магическом мире, хотя бы временно, пока не разрешим внутренние противоречия, либо всерьез заняться их адаптацией и интеграцией. Два мира серьезно отличаются, а Светлые эту разницу попросту игнорировали. Ну, не будут маглорожденные воспитывать своих детей на Сказках барда Биддля, если им аргументированно не объяснить их ценность! Скорее, предпочтут Сказки Матушки-Гусыни или Мэри Поппинс. Да и Мерлин с ними! Достойные литературные произведения! Но и у волшебного мира есть своя, самобытная культура, равно как и традиции и обычаи, которых «пришлые» не знают, знать не хотят и ценить уж точно не собираются. Более того, усиленно продвигают собственные: Хеллоуин вместо Самайна, Рождество вместо Йоля и так далее.

Предлагалось организовать отдельные школы для маглорожденных и сквибов и усложнить имеющуюся учебную программу в Хогвартсе, добавив общеобразовательные магловские предметы, а также этикет, фехтование, историю магических родов, снова начать изучение законов магии и запрещенных сегодня магических техник.

Лорд выступал за создание заповедников для магических животных и растений, организацию ферм, плантаций, крупных мануфактур и, возможно, какого-то подобия магловских научных институтов. Как следствие, это бы способствовало появлению новых рабочих мест, а в не столь отдаленном будущем создало бы условия для экономического рывка.

– Звучит весьма здраво.

– О, сначала он был более чем разумен. И весьма харизматичен.

– Что же изменилось?

– Стал убивать людей, — просто ответил Северус. — Не сотнями-тысячами, как писали газеты, но все же…

– Вот так? Ни с того ни с сего? — скептически хмыкнула Мелисса. — Встал с утра пораньше не с той ноги и подумал: «Что-то мне как-то смутно и тягостно… Чем бы себя развлечь? А! Ну, конечно! Убью-ка я пару десятков маглов и волшебников!»

Снейп глубоко задумался, а потом медленно произнес:

– Не знаю, что послужило толчком. Полагаю, разочаровался в идеях мирного реформирования. Вернее, в скорости их реализации. Группа во главе с Дамблдором на корню пресекла министерские карьеры сторонников Лорда. А на это и был основной расчет: провести сподвижников на ключевые посты и начать реформы. Однако уже тогда маглокровных было большинство. Они опасались, что чистокровные и примкнувшие к ним сильные полукровки попросту их сомнут, и на перемены не пошли. В Визенгамоте у сторонников Лорда тоже было меньшинство. Опять-таки стараниями директора. Все-таки величайший светлый маг, победитель Гриндевальда и прочая, и прочая, и прочая, — грустно усмехнулся Снейп.

– Этакий рождественский Санта-Клаус! И что было потом?

– Возможно, Лордом было принято решение действовать кардинально. Допускаю, что он собирался начать прореживание магического населения Британии. Да и немагического тоже. В итоге каждый выживший волшебник становился особенно ценен. Он был готов принять очень и очень многих способных волшебников, несмотря на происхождение. Примкнувшие к нему полукровки и Обретенные увеличили бы шансы на появление нового поколения магов. И более сильных. Природа не терпит пустоты, и баланс был бы восполнен. Вполне могла возникнуть новая аристократия. А старая гарантировала бы продолжение своих родов. Возрождение через кризис, а не через созидание. В любом случае, изначально Лорд ставил перед собой исключительно стратегические позитивные — «за»! — цели. За организацию мира конкретным образом.

– А чего хотел Дамблдор и иже с ним? Ведь в рядах его сторонников были и представители аристократии. Они-то должны были понимать, что их роды прервутся на внуках. При самом лучшем раскладе на правнуках. И кому все останется? Какому-нибудь маглорожденному Фреду О'Маха из Айдахо?

– Чего хочет Дамблдор, знает только сам Дамблдор. Публично он декларировал свободу, равенство, братство —

Робеспьер хренов! — и призывал объединиться против Лорда и ради общего блага, — последние слова Снейп выплюнул, будто это было самое мерзкое ругательство, которое он знает.

– Прелестно. То есть у Волдеморта, — Мелисса вновь имела возможность наблюдать, как Северус поморщился и потер левую руку, — были конкретные цели. Пусть они кому-то и не нравились. И «конкретные» тут слово ключевое. А у всеобщего светоча гипотетические свобода, равенство и братство? И общее благо, которым вообще можно прикрыть все, что угодно?

– На моей памяти, Дамблдор никогда не высказывался за что-то, выходящее за рамки абстрактного «добра». Знаешь, иногда, когда я слушаю его разглагольствования, невольно думаю о неонацистах. Их цели тоже лишь тактические и также направлены исключительно «против». Против узкоглазых, против черномазых, против Темного Лорда. И всегда ради абстрактного блага нации. Самое убийственное в том, что ни они, ни Дамблдор не могут сказать, в чем заключается это гребаное «общее благо», кроме как в отсутствии этих самых узкоглазых черномазых темных лордов, — устало сказал Снейп. — В любом случае, тогда, в конце семидесятых, большинство обывателей опасались перемен. Кто-то боялся войны с маглами. Чтобы прикрыться от ядерной бомбы, нужно быть Слизерином или Мерлином. А колдунов такого уровня у нас уже, наверное, никогда не будет. Другие боялись железной дисциплины, которая царила в рядах Темного Лорда. Если бы он победил, созданное им магическое государство было бы жестким, возможно, даже тоталитарным. А в рядах светлой стороны с дисциплиной было туго.

На мой субъективный взгляд, большинство членов Ордена Феникса Дамблдора были отщепенцами: изгои древних родов, сироты, оборотень, не нашедший себя ни в мире магов, ни в мире оборотней, ни в мире людей. Нечто среднее между боевой группировкой с пацифистскими, как это ни странно, взглядами и диссидентским кружком по интересам. Но ромашками они не были точно. На их совести точно такие же, как и у Пожирателей смерти, акции устрашения, теракты и убийства. В качестве слабого оправдания и им, и себе, могу только сказать, что мы были очень молоды. Безмозглые идиоты, решившие изменить мир и сыграть по-крупному во взрослые игры. Вот только большие дяди играли краплеными.

Какое-то время они сидели молча, обдумывая все сказанное и услышанное, а потом Снейп поднял глаза на Мелиссу и спросил:

– Вопросы?

Девочка отвлеклась от созерцания узоров на ковре.

– Два, — ответила она, внимательно глядя на Северуса. — С

какого перепуга Темный Лорд решил истребить всех Поттеров, включая годовалого ребенка? И почему ты перешел на сторону Дамблдора?

***

С лица Снейпа словно схлынули все краски. Он выглядел так, будто постарел разом лет на двадцать.

– Почему, — голос его сорвался, он прокашлялся и продолжил, — ты решила, что я менял стороны?

– Ты называешь его Темный Лорд, а не Тот-кого-нельзя-называть. В основном разделяешь его позицию и явно жалеешь, что он изменил свой первоначальный план: с мирных реформ на вооруженное противостояние. Кроме того, ты непроизвольно трешь левое предплечье, когда я называю его Волдемортом. Вот как сейчас… Полагаю, там метка? — спросила Мелисса.

– Очень умная девочка, — тихо констатировал он. – Да, я был ПСом.

– Почему ушел?

– Темный Лорд собирался убить самого дорогого для меня человека и ее семью. Я просил его о пощаде. Он обещал постараться. А поскольку под ударом оказались люди из Ордена Феникса, я отправился к Дамблдору, полагая, что он-то своих действительно бережет, а не только «старается». Я валялся у него в ногах, а он лишь скривился и спросил, на что я готов пойти…

– Стоп-стоп-стоп! — Мелисса вскочила с кресла и взволнованно прошлась по комнате. — У меня! Нет! Слов! Его люди? Его орден? Но за их защиту он еще требует какие-то услуги? К нему приходит человек с деловым предложением, выгодным обеим сторонам, смертельно рискует при этом. А этот старый хрен с горы ведет себя так, словно это предложение — выгодное и безопасное для него лично — ему глубоко противно?!

– А ему и было. Во всяком случае, он так и сказал: Вы мне противны, — выдавил из себя Снейп.

– Все равно, почему ты пошел к Дамблдору? Лорд часто обманывал?

– Лорд обещал мне только одну жизнь, а речь шла о трех.

Выдохнув несколько раз, девочка снова села в кресло и пробормотала:

– Извини. И что было дальше?

– Дальше? — горько усмехнулся Снейп. — Я поклялся сделать все — полной формулой! — и он обещал… «постараться». Оба постарались и оба не смогли. А я стал двойным агентом. И отрабатываю до сих пор.

– И кого же… убил… Лорд? — дрогнувшим голосом спросила Мелисса.

– Лили… — помертвевшими губами выдохнул Снейп.

Девочка резко закусила губу, а потом поинтересовалась.

– Лили была в ордене? Она участвовала в силовых операциях «светлых»?

– Причем с одержимостью. Будто у нее к Лорду был персональный счет.

«Как ни быть, был. Даже знаю, какой», — подумала Мелисса и спросила:

– А что тебя связывало с Лили?

Северус молчал, словно собираясь с мыслями, а потом, тяжело вздохнув, словно бросаясь с головой в ледяную воду, начал рассказывать:

– Знаешь, я всегда был один. Мать сделала огромную глупость, выйдя за отца. Она искренне пыталась приспособиться к магловской жизни. Но не смогла. Нищета, пьющий муж, поколачивающий ее и меня и громко сожалеющий, что времена Инквизиции прошли, а костры потухли. Сейчас мне его даже жаль: боялся магии, как огня, а жил с двумя колдунами. Иногда думаю, как бы сложилось, если бы они расстались? Лучшее воспоминание детства — соседская девчонка оказалась ведьмой. Друг, с которым можно поговорить, не таясь. У Лили был такой легкий характер. В школе мы попали на разные факультеты, но все равно дружили. Она даже заступалась за меня перед Мародерами.

– Перед кем? — пораженная Мелисса перебила Снейпа.

– Мародеры — компашка Джеймса Поттера и Сириуса Блэка. Золотая четверка гриффиндорцев.

– Но мародеры — это же грабители, насильники!

– Знаю. Но им название нравилось. Они меня травили как зайца. С первого дня прилепили кличку. Спокойно мимо пройти не могли. Вот мешал я им. Одним своим существованием мешал.

– Четверо на одного? А Дамблдор что?

– Они же дети! Это шутка! Дадим им еще один хрен-знает-какой по счету шанс! Мальчик мог их спровоцировать! Я тогда начал учиться как бешеный. Экспериментировал с зельями, изучал руны, пытался сам конструировать заклинания. Успешно, кстати. Даже спортом тайком занимался. Пытался давать отпор, мстить. Но это все были ответные меры, а подобные планы срабатывают как надо, только если нападаешь первым. Но без повода… это как-то…

– Первыми без повода нападают только бешеные собаки, — резонно сказала Мелисса. — Ты был нормальным. Уверена, что если бы они вдруг обидели Лили, ты бы разобрал их на составляющие, несмотря на количество.

– Я сам ее обидел. Сам растоптал нашу дружбу.

Он взглянул на девочку, которая внимательно его слушала, и продолжил:

– Это было в конце пятого курса. У меня мама умерла, а отец допился до смерти еще раньше. Я после пасхальных каникул вернулся в Хогвартс, так вообще жить не хотелось: единственный близкий человек умер, денег ни пенни, что дальше — непонятно. В общем, ушел с головой в учебу, на себя рукой махнул. Этакое чудище по школе ходило, полностью соответствующее своему прозвищу «Сальноволосый Нюниус», — он горько усмехнулся, словно приглашая посмеяться вместе. — А эти как с цепи сорвались, просто себя превзошли. Подкараулили меня после экзамена, разоружили, подвесили вниз головой на глазах у половины школы. На глазах у Лили… Смешно, наверное? Она меня тогда опять защитила. А я… Я заорал, что мне не нужна ее помощь и обозвал грязнокровкой. И она меня не простила. Никогда.

– Ну, что Джеймс и Ко — подонки, сомнений нет. А вот почему ты так странно отреагировал на заступничество? Если Лили часто за тебя вступалась, чем этот последний раз отличался от других?

– Потому что идиот. Решил, что она меня подставила.

– Ты, может, язвительный и мрачный тип, но не идиот. И сомневаюсь, что когда-то им был. Почему ты так подумал?

– Против меня использовали мое же заклинание, экспериментальное и невербальное. Я делал записи на полях учебника по зельеварению и никому не показывал. А с Лили мы всегда вместе готовились к занятиям в библиотеке. Вот мне и подумалось… — говорил Снейп, непроизвольно качая головой из стороны в сторону, словно отрицая подобную возможность.

– А почему она тебя не простила? Ты извинялся?

– Всю ночь простоял у портрета перед гостиной Гриффиндора. Она вышла только утром. Сказала… — он запнулся, снова переживая тот день, — что раз мне так нужно ее прощение, то я прощен, но мы больше не друзья.

Мелисса с сочувствием смотрела на него: ведь понимает, что его банально продали, но ищет оправдание.

– Друзья ведь иногда нужны и для того, чтобы было кому сказать: «Дурак!». А в ответ услышать: «Сам дурак!» Нет здесь никакого конца света. Одно слово, сказанное в состоянии аффекта, не повод, чтобы рушить дружбу. Но может быть поводом, чтобы найти такой повод. А значит, дружил ты один.

– В любом случае, я косвенно виновен в ее смерти!

– А с этого места можно поподробнее?

– Это было в январе 1980 года. После окончания школы я уже три года не мог устроиться на работу, несмотря на мастерство в зельях. Перебивался редкими заказами. Услышал, что Слизнорт собрался бросить должность преподавателя зельеварения, и подумал, может, попробовать? Тогда в Хогвартсе были огромные проблемы с преподавательским составом. Стал окольными путями наводить справки, узнал, что Дамблдор будет проводить собеседование с Трелони в «Кабаньей голове», трактире своего братца Аберфорта. Решил подождать его там и предложиться. Весь день просидел в этом притоне, последние кнаты на сливочное пиво спустил, чтобы у Аберфорта даже малейшего повода не было меня выкинуть.

Появились Дамблдор с Трелони, поднялись на второй этаж. Я еще какое-то время посидел, а потом потихоньку, пока никто не видел, пробрался наверх. Темнота была, хоть глаз выколи, лишь в конце коридора пробивалась полоска света: дверь была чуть приоткрыта. Подошел поближе, заглянул и только увидел сидящих за столом Дамблдора и Трелони, как вдруг эта бесноватая стрекоза заговорила замогильным голосом: «Грядет тот, у кого хватит могущества победить Темного Лорда… рожденный теми, кто трижды бросал ему вызов, рожденный на исходе седьмого месяца…» В этот момент вдруг появился Аберфорт и разорался: «Подслушиваешь?» Пришлось аппарировать.

Снейп какое-то время молчал. Мелисса ждала продолжения рассказа.

– Я доложил об услышанном Лорду. К моему величайшему удивлению, он дал указание собрать сведения о беременных волшебницах, у которых срок должен был быть в конце июля. По описанию подошли две: Алиса Лонгботтом и, к моему ужасу, Лили. Но поскольку Дамблдор стал скрывать Поттеров, все пришли к выводу, что именно их еще не рожденный сын — ребенок пророчества. Дамблдор спрятал Поттеров под Фиделиусом, а пожиратели начали охоту. Именно тогда я просил Лорда о милости, а потом и Дамблдора.

Девочка хмуро смотрела перед собой, размышляя: «Кстати, когда Поттеры забрали меня у тети с дядей? Зимой. Январь? Я вдруг резко им понадобилась. Потом ритуал и приют. Значит, из-за пророчества. Кстати, тут все важные вопросы решаются в пивнухе? Собеседование за открытыми дверями, без защитного купола. А если спектакль? Тогда… все наоборот? Не ритуал из-за пророчества. А пророчество для ритуала? А Северуса просто развели. Он так ее любил, что даже просил за жизнь Джеймса. А чертов Дамблдор стал торговаться, что тот гоблин, и раскрутил его на обет».

Мелисса взглянула на Снейпа, а потом спросила:

– А должность ты когда получил?

– Летом, после экзаменов. Я тогда уже стал двойным агентом.

– А у тебя было собеседование?

– Естественно. Это же разные вещи.

– Тоже в «Кабаньей голове»?

– Нет, конечно, в кабинете Дамблдо… — Снейп осекся, поднял глаза и какое-то время неверяще смотрел на девочку.

Его лицо постепенно принимало привычное выражение, а плечи расправлялись. Мелисса облегченно выдохнула.

– Аллилуйя!

А Северус поднялся с кресла и прошелся по комнате.

– Лорд идиотом не был. Никто в такую неоднозначную чушь не поверит. А вот если противная сторона демонстрирует, что она верит: прятки, Фиделиусы и так далее — можно и засомневаться. Подстава? С другой стороны, если бы я не донес Лорду, то… — он вернулся на свое место и снова нахмурился.

– Да, черт побери! — чуть ли не заорала на него девочка. — Кто-нибудь другой бы донес! И погибли Поттеры потому, что участвовали в военных действиях, а не в исторической реконструкции. И, судя по всему, активно участвовали. А на войне, знаешь ли, постреливают.

– Не надо меня оправдывать! — вспылил Снейп.

– А что надо? Уйти, хлопнув дверью и завопив на прощанье: «Иуда!» Ну, извини! Вряд ли рассказ о твоих политических метаниях в юности может на что-то повлиять. Желаешь мучиться чувством вины? Твое право! Не способен здраво рассуждать, когда думаешь об этой истории? Твоя проблема. А мое право — иметь собственное мнение по данному вопросу. И моя проблема — заставить тебя включить свой гениальный мозг. Нет, — она вдруг сбавила обороты, — если ты сам хочешь, я, конечно, могу хлопнуть дверью…

– Дурочка! — возмутился Снейп.

– Сам дурак!

Лицо профессора светлело на глазах. Мелисса подошла к нему и погладила ладонью по щеке.

– Ты понимаешь, что я был слугой Темного Лорда? — спросил он. – Да, в силу своих способностей я в основном варил зелья, но я далеко не ангел.

– Назови ангелов! Лили была ангелом? Или, может, Джеймс?

– Я один из его ПСов, черт возьми!

Мелисса пристально посмотрела на него и медленно произнесла:

– А я — его истинный первенец.

Северус поперхнулся воздухом на вдохе.

– Информация точная? — хриплым голосом спросил он.

– Гоблинская. И Фенрир подтвердил. Да и Боргин, косвенно.

***

Снейп уже десять минут сидел неподвижно, пытаясь осознать услышанное. Кусочки мозаики с тихим звоном вставали на свои места. М-да, а ведь ему казалось, что ничто в этой жизни уже не способно его шокировать. Но, как говорится, не зарекайся!

Итак, он, возомнивший себя, если не ферзем, то хотя бы ладьей, оказался пешкой. Его использовали втемную для устранения Темного Лорда, который, судя по имеющейся в наличии активной метке и перманентному квохтанию Дамблдора о скором возвращении вселенского зла, собрался, напрягся и не устранился. Но многоходовка красивая!

Ход первый, подготовительный. Лорд обожает старинные легенды и помешан на поисках способов по усилению магии. Под него подкладывают Лили, якобы Обретенную. Появляется Мелисса — истинный первенец.

Ход второй, театральный. Лили или сама беременеет вторым ребенком, или ей активно помогают. После, в спешном порядке в «Кабаньей голове» организуется спектакль двух актеров для одного зрителя, для него. Зритель не то чтобы клюет, но полагает, что, если доведет пророчество до сведения Лорда, ценить его станут больше. Да, банально хотелось выслужиться. Законное, понятное желание.

Ход третий, таинственный. Поттеров начинают энергично прятать. Лорд психует, полагая, что Дамблдор убедился в истинности пророчества.

Ход четвертый, гениальный. Мелиссу используют в ритуале. Мало того, что это ритуал кровной защиты, так и предполагаемый убийца — ее родной отец. Покушаясь на жизнь младшего Поттера, он фактически поднял руку на собственное малолетнее дитя. А это преступление против магии. В этом случае, вообще не важно, каким боевым заклинанием он запустил

в Избранного: к трагическому финалу мог привести и банальный Ступефай.

Северус потряс головой, словно отгоняя наваждение, и посмотрел на девочку, которая сидела в привычном кресле и напряженно ждала, словно приговора.

– И почему такое лицо, будто умер любимый попугайчик? Вряд ли рассказ о твоей семье может на что-то повлиять, — сказал он и, увидев, что она заметно расслабилась, добавил. — Знаешь, директор убежден, что Лорд вернется.

Мелисса усмехнулась, достала из медальона пергамент с выписками из Герпия и протянула Снейпу. Подозрительно взглянув на нее, он пробежал глазами текст, откинулся на спинку кресла, протер глаза и уставился на девочку.

– А я-то, наивная незабудка, подозревал лишь магическую кому. А он, значит, душу разделил. Это многое объясняет.

– Например?

– У него изменился характер. Он стал раздражительным, жестким, даже жестоким, и очень подозрительным. Теперь понятно, почему его политические взгляды вдруг резко стали правыми, — несколько секунд он молчал, потирая указательным пальцем нижнюю губу. — Я полагал, что Дамблдор хотел, чтобы ты определилась со стороной. Мне казалось, ты нужна ему на правильной, по его мнению, стороне истории — на стороне Мальчика-который-выжил. Что именно поэтому он и закинул удочку насчет семьи: планировал теплое слезливое воссоединение. Но при таком раскладе, это вряд ли!

– У меня тоже сомнения на этот счет, — согласно кивнула Мелисса. — Какое теплое воссоединение? Что я скажу своему братцу? Привет, я твоя сестра. Мы не знакомы, потому что твои родители фактически принесли меня в жертву, пытаясь защитить тебя, а потом дали коленом под зад и отволокли в приют. О, классный шрам! Это подарок от моего папеньки. Кстати, он помог твоим родителям отправиться к праотцам. А жив ты только благодаря мне. Беседа получится в высшей степени конструктивная! Мы, несомненно, сразу воспылаем любовью друг к другу!

– О, безусловно. Большой, чистой и трепетной, — фыркнул Северус.

– Что до сторон, — сказала девочка, — они меня не устраивают. Обе. Хотя я и не желаю зла ни Гарри, ни Лорду. Кровь — не вода, как говорит Уизли. Проблема в том, что и устраниться не получится.

– Это правда! — согласился Снейп. — На сегодняшний день я вижу два варианта использования тебя директором, которые

превосходно комбинируются. Первый, по-прежнему, элемент кровной защиты.

– А второй? Смертница-фанатичка? — поинтересовалась девочка.

– Верно. Дублер. Тебе популярно, на пальцах, объяснят, какой монстр твой отец. Парселтанг в анамнезе, малыш? — спросил Снейп и, дождавшись кивка, продолжил. — Стало быть, поведают, что и ты чудовище. А значит что? Правильно, нужно непременно доказать всем, включая милого братца, которого к тому времени наверняка настроят против тебя, что ты белая и пушистая.

– И когда Лорд возродится, — продолжила его мысль Мелисса, — я с криком «Банзай» должна буду броситься на него и снести ему башку? А потом двинуться от расстройства и собственноручно сделать себе харакири над хладным трупом родителя? Прекрасный план!

– О, да. Дамблдором можно только восхититься! — хмыкнул Снейп.

– Ты, я так понимаю, смертник номер раз?

– Да уж, мне выжить будет весьма проблематично. Хотя, мы еще посмотрим, кто в итоге умрет. Тебе я просто не позволяю, да и сам побарахтаюсь. Хотя с пространством для маневров у нас туго: у тебя ритуал, у меня обет. А вот время еще есть. По моим внутренним ощущениям, лет семь…

– Максимум восемь. Только вот твой обет… — начала рассуждать девочка. — Его же лишь Дамблдор может снять. Может… обмен?

– На что? — скептически хмыкнул Снейп. — Только на долг жизни, а он вряд ли так подставится. Ты на род-то претендовать будешь?

– На три, — ответила девочка, размышляя о том, что необходимо изучить вопрос о долге жизни, вдруг можно будет попытаться организовать его и искусственно.

– Ну, Слизерин, само собой. А еще?

– Гонт и Певерелл, средняя ветвь.

Снейп тихонько присвистнул.

– Тогда, надо готовиться. Как минимум совершать все сезонные магические ритуалы. Хоть ты и истинный первенец, но все же незаконнорожденная полукровка. Шансы повысить не помешает.

– Скоро Самайн. Научишь меня ритуалу разжигания огня?

– Почему бы и нет! — усмехнулся Снейп и подумал: «Может, и сам заявлю о правах на род Принц. Попытка не пытка. А родовые способности лишними точно не будут!»

Какое-то время они молчали, а потом Мелисса задумчиво

сказала:

– И еще… Я бы хотела побывать в Годриковой Впадине.

_____

(1) Кумбайя — песня на креольском английском о братстве и духовном единении.

= = = = = = = = = = ГЛАВА 25. Викторианский роман = = = = = = = = = =

Комментарий к ГЛАВА 25. Викторианский роман

Не думала, что дойдет до ТАКОГО маразма!

Ребята, есть индИйцы, которые живут в Индии, а есть индЕйцы - коренные жители обеих Америк. Женский род в написании совпадает: индИанка

Соответственно: индийская кровь у индийцев, а индейская кровь у индейцев.

Написание различается и в английском языке: indian - индиец, injun - индеец.

Старая согнутая женщина с редкими седыми волосами, собранными в жиденький хвостик, переходила из комнаты в комнату, дотрагиваясь до многочисленных колдографий, расставленных повсюду. Это был каждодневный ритуал, даже, можно сказать, труд, уже на протяжении сорока трех лет. Ей казалось, что пропусти она хоть одну, то с человеком, изображенным на них, непременно случится что-нибудь плохое. Хотя куда уж хуже?

Батильда Бэгшот на секунду замерла, подслеповато вглядываясь в изображение красивого, статного юноши лет семнадцати, заразительно смеющегося и посылающего ей воздушный поцелуй. Сморщенными губами она прикоснулась к колдографии, а потом, вернув карточку на место, поспешила в следующую комнату, переступая через гору разбросанного тряпья.

Со вздохом она оглядела пыль и грязь, которыми зарастал ее уютный когда-то коттедж. Ну да ничего не попишешь. Дом немаленький, обойти его нужно весь, а путь с каждым годом занимал все больше времени. И на уборку сил уже не оставалось. Да и желания не было даже палочку в руки взять, не то чтобы наколдовать несколько простеньких бытовых заклинаний. Не для кого стараться. Да и незачем.

Да знает она, что ее состояние от нормального далеко. Да и Гризельда Мэрчбэнкс, лучшая подруга практически с самого рождения, уже сколько лет это повторяет. Даже диагноз поставила, магловский. Так и сказала: «Тильда! Ты похоронила себя заживо! Ты страдаешь от ОКР(1)». Заумно, но такое у нее хобби: магловскую литературу почитывать и их же университеты заканчивать. Вопрос о страданиях, конечно, спорный. А про

«похоронила заживо», пожалуй, в точку.

Эх, Зельда-Зельда. Вот уж кто, в самом деле, живчик. Всегда была, есть и останется. У самой шило в одном месте и других им постоянно тыкает. Именно Гризельда решила уехать из Пруссии в Англию, да и ее, Батильду, потянула за собой. Хотя переезд был единственным возможным вариантом.

Их отцы, давние друзья и соседи, представители обедневших, хотя и чистокровных семей, были не в состоянии обеспечить им, младшим — четвертой и пятой — дочерям, даже поступление в магическую школу. Что уж там говорить о приличном — да хоть каком-нибудь! — приданом. Это сейчас, после трех войн, двух магловских и одной магической, волшебная Германия вынуждена «импортировать» невест и женихов из-за границы, чтобы избежать вырождения, а тогда, в середине девятнадцатого века, молоденьких и — чего уж греха таить! — не слишком хорошеньких бесприданниц, как они, было столько, что цена им была десять кнатов за пучок.

Что касается магического образования, девочкам были предоставлены старые конспекты и учебники, а родители и старшие сестры изредка отвечали на сложные вопросы. Как ни странно, они превосходно справились и СОВы и ТРИТОНы при министерстве магии Пруссии сдали блестяще.

Общее же образование после длительных дебатов обе семьи решили отдать на откуп маглам — дешево, то есть бесплатно, и сердито — и нашли девочкам гувернантку. Ну, в смысле, как «нашли»? Похитили, опоили зельями, а через несколько лет сказали спасибо и с прощальным Обливиэйтом отпустили на все четыре стороны. Чего они не предусмотрели, так это того, как именно эта неплохо образованная магла, оказавшаяся ярой сторонницей эмансипации женщин, может повлиять на девочек. А между тем ее взгляды нашли горячий отклик в их душах. О стандартном женском счастье две эти инженю-эмансипе(2), больше не мечтали, а вот о самостоятельности и успешной карьере — постоянно.

Именно поэтому после совершеннолетия и получения дипломов девушки и сбежали на Альбион, в спешке роняя башмаки. Магическая Пруссия была настолько консервативна в отношении женщин, что чопорные англичане казались просто прогрессистами. Немцы же четко, до последней буквы, соблюдали правило четырех «К» (3), и на родине молодым, хорошо образованным девушкам светило мало.

Как ни странно, расплаты за побег не последовало: ни проклятий, ни изгнания из рода, ни-че-го! Вслед беглянкам послали лишь сов с обещанием всех небесных кар, если в их

изуродованные интеллектом головы только закрадется мысль о браке с маглом, грязнокровкой или предателем крови. Девушки на это только фыркнули: вот уж куда они не собирались, так это замуж. Во всяком случае, в ближайшие лет десять. А вот фамилии на более привычные британскому уху поменять пришлось.

Уже потом, с высоты прожитых лет, они поняли, что после их побега родители, скорее всего, облегченно выдохнули, смахнули несуществующий пот со лба и скромно откупорили бутылку Огденского, так как на банкет с финальным фейерверком просто не было средств. Гора ведь с плеч: лишние рты не кормить, приданое не собирать!

В Англии Батильда начала свой путь учителем истории магии в Хогвартсе, а Гризельда младшим методистом отдела образования министерства магии. Неожиданно карьера у них пошла. Уже лет через пятнадцать Батильда, оставившая преподавание, была весьма уважаемым ученым и автором постоянно переиздаваемого учебника, а Гризельда, разработав несколько методик обучения магов по типам крови (за педагогическое образование, кстати, спасибо Оксфорду), стала начальником отдела и бессменным председателем экзаменационных комиссий СОВ и ТРИТОН.

Батильда скривилась, подумав о своем учебнике и методичках Гризельды. Кому все это теперь нужно? От труда ее жизни остался убогий кастрированный огрызок, с обложки которого она давно требует убрать свое имя, а методики Гризельды считаются ретроградскими. Нельзя, видите ли, делить магов по происхождению, все должны быть в равных условиях. А то деток огорчает, что кому-то доступна высшая магия, а кто-то Люмос еле вымучивает.

Она хмыкнула, вспомнив, как несколько лет назад на заседании в министерстве при обсуждении школьной программы Гризельда со свойственной ей прямотой орала Дамблдору, выступавшему за очередное упрощение, что, в таком случае ему следует мочиться сидя, а то они в неравных условиях, что ее очень огорчает. А потом попросту хлопнула дверью, заявив, что последний приличный волшебник на ее памяти выпустился из Хогвартса в 1978 году, причем не благодаря, а вопреки, а это недоразвитое поколение Дамблдор будет аттестовать сам.

Шаркая ногами, Батильда подошла к замурзанному окну, с трудом пропускающему свет, послюнила палец и провела по стеклу, размазывая грязь. Теперь через него можно было увидеть сад, неухоженный и дикий, и покосившийся коттедж.

Она как сейчас помнит, как в этот дом переехала Кендра Дамблдор с двумя мальчиками, Альбусом и Аберфортом. Как же

давно это было! Она напекла тогда пирожков и пошла знакомиться. Ну да, познакомилась. Открыла ей брюнетка с пронзительными черными глазами с невозмутимым, даже суровым лицом, в чертах которого явственно угадывались следы индейской крови. Впрочем, расисткой Батильда никогда не была и с улыбкой начала свою приветственную речь. Договаривала она ее уже в захлопнувшуюся перед носом дверь. Неприятно, но навязываться Бэгшот не собиралась. Развернулась и ушла. И лишь иногда поглядывала в окно на соседский участок.

А детей-то у соседки оказалось трое! Была еще дочка. Только она ее почему-то прятала и выводила на улицу только поздно ночью. Естественно, Батильда навела о соседях справки через министерство, используя свои связи и возможности Зельды. А там оказалась такая история!

Кендра переехала в Годрикову Впадину из Насыпного Нагорья после того, как ее муж, Персиваль, убил трех мальчишек-маглов. За что — никто так и не узнал: на суде он молчал, как рыба. Ну и отправился на пожизненное романтическое свидание с дементорами. А девочка, Ариана, по документам в министерстве числилась сквибом. Как же! Сквиб!

Помнит Батильда, как проснулась от дикого крика и, выбежав на крыльцо в одной ночной сорочке и с палочкой в руке, увидела факелом горящую Кендру, мечущуюся по своему саду. А Ариана стояла под липой и лишь пальчиком на маму показывала. Девочку тогда уволок прибежавший Аберфорт, а сама Батильда еле успела потушить Кендру.

Притащила ее тогда в свой дом, положила в гостевую спальню и несколько дней зельями поила да ожоги залечивала. В Мунго Кендра ехать категорически отказалась. Оно и понятно. Потому что следом, но в отделение для душевнобольных, отправилась бы и Ариана. Вот только девочка бы оттуда никогда не вышла.

Все те дни, что Кендра провела у Батильды, она вываливала на нее свою жизнь: сначала в бреду, а потом уже в здравом уме и твердой памяти. Видимо, припекло: с сыновьями-то не поделишься наболевшим, дети еще.

***

Кендра родилась в Америке. Она была метиской, индианкой по матери, хотя и выглядела как индианка чистокровная. Годам к семи у нее случился первый магический выброс. Родители волшебниками не были, но если для матери ее способности были великим даром, поскольку индейцы «говорящих с духами» уважали и берегли, то отец-пуританин, весьма религиозный человек, воспринял все очень и очень плохо. Кендру от

отцовского суда Линча спасла собственная мать, попросту пырнувшая разъяренного мужа ножом в живот.

После этого они несколько лет безвылазно сидели в родном племени матери, скрываясь от всех и вся. Индейцы приняли бывшую соплеменницу с полукровным ребенком только из-за способностей Кендры, которую взялся обучать шаман. Старалась девочка неимоверно, а вот дар у нее оказался не слишком сильный: немного целительства и чуть-чуть предвидения. К некромантии и стихийной магии таланта не было в принципе. Ценность ее для индейцев падала в геометрической прогрессии, поскольку влиять на погоду она была не в состоянии, на урожайность маиса тоже. А самое главное, не могла говорить с духами предков.

В общем, когда Кендре исполнилось одиннадцать, их вежливо попросили на выход. Ушли они в никуда и с пустыми руками. Впрочем, нет. Кендра унесла с собой несколько тетрадей из грубой бумаги, где скрупулезно описала все целительские и некромантические ритуалы племени, ловец снов и маленький кожаный барабан.

Помыкавшись по городам и штатам, они, а точнее, Кендра, привлекли внимание созданного после гражданской войны министерства магии США. Девочке приобрели дешевую волшебную палочку и определили во вновь открытую Салемскую школу. Отношение к маглорожденной волшебнице с примесью индейской крови было отвратительным, стандартные экзамены в конце пятого года она сдала скверно, поэтому продолжить обучение на казенной основе не получилось. Мать ее к тому времени уже скончалась, а брать на себя ответственность за шестнадцатилетнюю девушку никто не собирался, поэтому Кендру быстренько эмансипировали.

Она устроилась горничной в гостинице в магическом квартале Нью-Йорка. Впрочем, это было куда больше, чем она рассчитывала. Гостиница приличная, платят неплохо, под юбку никто не лезет. Жить и… ну, если не радоваться, то уж точно не плакать.

Возможно, она бы так и прожила свою жизнь и умерла старой девой, если бы через двенадцать лет в той же гостинице не познакомилась с английским чистокровным волшебником Персивалем Дамблдором, который предложил ей руку и сердце. Он ей показался чудным. По любым меркам, чудным. А как еще можно назвать человека, который, делая предложение женщине, мотивирует свое желание не любовью и страстью, пусть даже мифическими, а вероятностью произведения на свет удачного потомства? Особенно первенца. По его заверениям, на уровне

если не Мерлина, то основателей школы Хогвартс.

Правда, он, по его же собственным словам, ученый. Пусть, немного помешанный на экспериментах по увеличению магической силы, но кто бы отказался? Кроме того, Персиваль был на двадцать с лишним лет старше нее самой, и все его странности Кендра списывала в основном на разницу в возрасте и, как следствие, в восприятии окружающего мира. К тому же, чего скрывать, семью хотелось! В общем, предложение она приняла и в Англию переехала.

Первое время Кендра была вполне удовлетворена своим выбором. Жили они, правда, небогато — аристократом муж не был, да и все свободные деньги тратил на свои исследования, которые, как оказалось, не были нужны никому, кроме него самого, — но всяко лучше, чем она в Америке. Кроме того, Персиваль был очень и очень мил и заботлив. До рождения первенца. Нет, Альбус был смышленым и способным ребенком, но – увы! — Мерлин не задался. Аберфорт разочаровал мужа еще сильнее. А вот Ариана сначала порадовала: ранние и довольно сильные стихийные выбросы.

После первого выброса возбужденный Персиваль носился по дому и кричал о новой Моргане. Учить дочь он начал, как только девочке исполнилось три. И практически сразу нарисовалась огромная проблема: Ариана с трудом контролировала свою силу, дозировать же ее она не могла вообще ни под каким видом. Персиваль, убежденный в том, что все упирается в правильное и систематическое обучение, насел на нее по полной программе, но с каждой неудачей дочери раздражался все сильнее. Кстати, про сыновей он тогда практически забыл. Аберфорт плюнул сразу, а Альбус еще пытался привлечь к себе отцовское внимание: сначала стоически, а потом и с интересом выслушивал его многословные околонаучные теории, а затем закапывался в книги и рукописные дневники предков, разбираясь, о чем вообще шла речь.

Кендра, беспокоясь о детях, решила серьезно поговорить с мужем. И вот тут-то узнала много нового и интересного. Оказалось, улучшение «породы» — семейное хобби Дамблдоров. Когда-то давно они и впрямь занимались серьезными исследованиями в этой области с целью привить и закрепить в потомстве необходимые признаки. Вдохновили их на это Гонты, в переписке с которыми они долгое время состояли.

Гонты, потомки Слизерина, переживали тогда свои лучшие времена и искренне стремились сохранить дары и способности Великого змееязыкого, поэтому и жениться старались на родственницах, пусть и не слишком близких. Надо сказать, на тот момент определенных успехов они добились: существенно возрос

магический потенциал и даже парселтанг, изначально считавшийся исключительно мужской способностью, проявился и у женщин их рода.

Дамблдоры решили последовать их примеру, что закономерно привело к печальным итогам в обоих случаях. О буйных Гонтах сплетничали все, кому не лень, а вот Дамблдоры свое грязное белье аккуратно стирали и на просушку вывешивали чистой стороной. Тем не менее, и их род хирел: таланты в семье стали рождаться реже и реже, а вот – хм! — чудаки все чаще.

Например, более чем эксцентричный прадед Персиваля, украшавший бороду цветами и колокольчиками и обожавший разноцветные мантии. Весьма обаятельный человек с широким кругом знакомств, он ухитрился распродать веками собираемую библиотеку и спустить фамильное состояние на буйные оргии как с женщинами, так и с мужчинами, причем не только человеческой расы. И при этом искренне считал, что положил жизнь на алтарь магической науки. Ведь как можно спокойно спать, если не узнаешь, что получится, если скрестить русалку и кентавра. Или человека и великана. Или гоблина и вейлу. Не хотят скрещиваться? Ну, существуют разные способы убеждения…

Как бы то ни было, для начала восемнадцатого века подобная сексуальная революция была чересчур. Родственники величием момента тоже не прониклись и решили судьбу новатора тихо и по-семейному, мотивировав свои действия любовью, желанием защитить и заботой об их общем благе. Остаток жизни он провел в подвале собственного дома, в комнате с мягкими стенами, одетый в модную рубашку с длинными рукавами, завязанными крест-накрест.

Его сын, дед Персиваля, тоже увлекался наукой. Правда, опыты ставил на козах, для чего и приобрел несколько пар. Двурогие парнокопытные не успели даже заблеять, как были заколдованы натуралистом-любителем, и принялись рождаться, плодиться и умирать со скоростью бабочек-однодневок. Когда же очередной опыт закончился провалом, немного расстроенный экспериментатор поджег загон с животными. Около месяца в Насыпном Нагорье пахло — да попросту воняло! — шашлыком, а главный шеф-повар сменил гардероб и переехал в подвальное помещение.

Отец Персиваля, сохранив-таки остатки здравого смысла, окинул сумрачным взглядом предков и собственное немногочисленное потомство и категорически запретил размножаться всем, кроме самого Персиваля, которому в приказном порядке было велено найти себе подходящую маглороженную, желательно с континента, а лучше всего вообще

не европеоидной расы, и обновить кровь.

Тогда же он рассказал Персивалю и предание об истинных первенцах. Предъявить письменный источник было проблематично — именно переписку с Гонтами, в которой подробно расписывалась эта легенда, и использовал его отец для поджога, — но кое-какие положения он помнил и так. Например, про разницу в возрасте более двадцати лет и невинность обоих родителей. Ну, и зачатие в первый же раз, само собой.

И Персиваль загорелся! Почему-то появилась уверенность: озвученных условий более чем достаточно. И уж его-то старший ребенок непременно затмит собой Мерлина. Так что замуж Кендру брали не за красивые глаза: она должна была не только разбавить кровь, но и, по всем расчетам, произвести на свет истинного первенца. Недаром же он, Персиваль, до пятидесяти с лишним лет блюл себя: ни с кем, ни разу, ни-ни, чуть ли не на бантик завязал. Так что он сделал все от себя зависящее, а вот она, индианка немытая, подкачала и оказанное ей высокое доверие не оправдала.

Кендра, обычно спокойная и невозмутимая, как статуя языческого бога, была в шоке. Как минимум три поколения скорбных духом? Да еще и легенда? Даже нет, не так, пересказ легенды? Слышал звон, да и только? Один брякнул, второй поверил, а виновата она? Да даже немытые — по мнению Персиваля — индейцы знали: должна совпасть масса условий, чтобы получился ребенок с определенными качествами. Шаманы учитывали все: положение звезд, время года, время суток, возраст и происхождение родителей, чуть ли ни цвет волос и глаз и даже сторону света, на которую обращено изголовье брачного ложа.

Обозленная, она в нелицеприятных выражениях высказала мужу все, что думает о нем и его бесноватых предках, и, развернувшись, уже хотела выйти из комнаты, как вдруг в дверях заметила сыновей. Что именно слышали мальчишки, привлеченные криками родителей, разбираться не было ни сил, ни желания, а позже стало не до того: буквально через несколько дней с Арианой случилась трагедия.

Колдующую в саду девочку заметили маглы, сыновья местного приходского священника. Тезисы о волшбе в них были вбиты крепко-накрепко, поэтому и разобраться с маленькой ведьмой они решили кардинально: забить камнями насмерть. На крики выбежал Персиваль и… В общем, хоронить было уже некого: закрытые гробы и горстка пепла.

Кто убил мальчиков, муж или дочь, Кендра не знала. Вину Персиваль взял на себя, что, по мнению Кендры, — и Батильда была с ней полностью согласна, — было более чем справедливо.

Ведь именно он должен был позаботиться о маглоотталкивающих чарах вокруг дома и сада.

Персивалю дали пожизненное. Перед отправкой в Азкабан ему было разрешено свидание с одним членом семьи, и он выбрал старшего сына. О чем они разговаривали с отцом, Альбус так никогда и не рассказал матери.

После суда Кендра, схватив детей в охапку, переехала в Годрикову Впадину: оставаться в Нагорье, где в нее тыкали пальцем и шушукались за спиной, было невозможно. Да и Ариана так и не сумела оправиться. Со дня трагедии колдовать девочка отказывалась, но магия, бурлящая в ней, никуда не делась и требовала выхода. Ребенок стал жить по определенному циклу: накопление силы, приступ ярости и выброс. Казалось, смена обстановки и окружения могли как-то поспособствовать улучшению ее состояния, но не сложилось. Максимум, что могла сделать в данных обстоятельствах Кендра, так это воспользоваться опытом родственников мужа и запереть дочь в комнате с минимумом вещей.

***

После того разговора, Батильда с Кендрой поддерживали достаточно теплые отношения. Во всяком случае, именно Бэгшот отпаивала соседку успокоительными зельями после каждого выброса Арианы. Приступы у девочки становились все сильнее, и Кендра уже всерьез подумывала о том, чтобы поместить ее в Мунго, но не успела. Ариана убила ее в очередном припадке. Сыновья, не желавшие огласки, выдали смерть матери за несчастный случай. Якобы произнесенное Кендрой заклинание сработало неверно.

В день похорон Батильду била крупная дрожь, она с трудом смогла не лишиться чувств прямо на кладбище. Ей было безумно жаль Кендру, но еще больше она волновалась за детей, оставшихся сиротами. Бедный Альбус! Никто в столь юном возрасте не готов к подобной ответственности. Да, он уже совершеннолетний и как раз окончил Хогвартс, и блестяще окончил, но все равно… Кстати, Гризельда в составе министерской комиссии принимала экзамены у Альбуса. И что странно: на СОВах он произвел на нее впечатление только своим умом и начитанностью. Увы, развела тогда руками Зельда, магически лишь середнячок, и без видимых перспектив, ведь СОВы сдают уже после четырнадцатилетия. А вот на ТРИТОНах вся комиссия была поражена силой и гибкостью магии Альбуса. Особенно на экзамене по трансфигурации. Казалось, его магический резерв удвоился. Небо и земля. И разумных объяснений этому Мэрчбэнкс не видела.

Тогда же, буквально через несколько дней с Батильдой связалась старшая — действительно, старшая, все-таки девятнадцать лет разницы! — сестра и умолила ее принять на лето ее внука, Геллерта. Его выгнали из Дурмстранга с волчьим билетом. Официально — за организацию некоего тайного клуба, «Общества мечтателей», и использование темной магии, что, учитывая репутацию школы, было просто смешно. Неофициально — за содомию.

Батильда только тяжело вздохнула. Мерлин, в какое противоречивое время они живут! Взять тех же маглов. Гризельда, часто бывавшая в обычном мире, рассказывала, что почтенные отцы семейств, презрительно отворачивающиеся от античных статуй(4), тайком зачитываются книгами де Сада и фон Захер-Мазоха и не брезгуют посещать опиумные салоны и бордели, где можно воплотить в жизнь любые, даже самые извращенные фантазии.

Молодым же людям гораздо сложнее: уложить в постель «приличную девушку» можно только через свадьбу. А если учесть, что в магическом мире большинство семей приходятся друг другу родственниками, то и задача из разряда потенциально проблематичных. Если даже подходящая девушка и отыщется, то с помолвки до свадьбы пройдет несколько лет.

Для начала жених должен получить образование, устроиться в жизни и начать зарабатывать. Раньше двадцати трех лет семью могут создать лишь отпрыски богатых фамилий. При этом

определенные потребности у мальчиков появляются достаточно рано. Тем более в волшебном мире, где всегда практиковали совместное обучение подростков. Перед глазами постоянно маячит «запретный плод». Кажется, вот он, только руку протяни. А нельзя!

И что же им делать? Посещать бордели и доступных женщин? Посреди учебного года? Практически невозможно. Да и возраст такой, что многие побрезгуют: в юношеские романтические представления о возвышенной любви потаскухи не укладываются. А если вдруг укладываются, то остаются там очень и очень надолго. А инстинкты подавлять — себе дороже. Вон у маглов: кто стихи начинает писать, кто травится или пускает себе пулю в лоб, кто участвует в революционных движениях или же убегает на войну. Вот и получается, что кроме примитивной игры в «спасение утопающих дело рук самих утопающих» остаются лишь однополые отношения с однокурсниками.

Батильда, много лет проработавшая в школе, видела подростков, прошедших через подобное. Мало кто заходил дальше щекочущих нервы поцелуев, большинство воспринимали

все это как непристойную игру. Именно, игру. Мальчики вовсе не считали себя гомосексуалистами. Они вырастали, женились, заводили детей и даже не вспоминали о школьных безумствах. Разве что иногда. Краснея от смущения.

Все это она и попыталась донести до сестры.

В любом случае, они решили: чтобы пресечь волну слухов и сплетен, Геллерта с континента нужно срочно убирать. И дом Батильды был идеальным местом для временного пристанища: она, ученая дама и старая дева, превосходно подходила на роль дуэньи.

Вместе с Геллертом ее дом, казалось, наполнился свежим ветром, настолько он был блестящ во всем: внешность, ум, характер. Он довольно быстро сошелся с двоюродной бабкой и ее окружением, в том числе с Гризельдой. Вечерами он с неподдельным удовольствием пил с пожилыми людьми чай, дискутируя на различные темы. Тем не менее, Батильда переживала: мальчику необходимо общаться с ровесниками. Поразмыслив, она познакомила внука с Альбусом Дамблдором. Юноши сразу же подружились. Они целыми днями проводили за разговорами, а ночами Батильда постоянно просыпалась от стучащих в стекло сов: это Геллерт и Альбус обменивались записками. Казалось, жизнь налаживается. Но…

Однажды в ее спальню ворвался Геллерт. Он был в настоящей панике. Просил, чтобы ему немедленно организовали портал домой, плакал и кричал:

– Он меня ненавидит! Он меня никогда не простит!

Батильда не первый раз видела подростковую истерику. Залепив внуку животворящую пощечину, она усадила его на стул, напоила водой и потребовала коротко и внятно объяснить, что произошло. По мере того, как он вводил ее в курс дела, Батильда чувствовала, как волосы на ее голове встают дыбом и начинают шевелиться.

В общем, дуэнья из нее вышла препаршивая. Геллерт признался Батильде в истинной природе своих отношений с Альбусом, в которых соединилось все: дружба, уважение и желание(5). Сказать, что она была шокирована, — ничего не сказать. Ее даже не радовало, что в своем потрясении она была не одинока: Аберфорт тоже был не в восторге. Он обвинил Альбуса в том, что тот, потакая своим мелким низменным страстишкам, — именно в таких выражениях он отозвался о великой любви брата! — манкирует обязанностями главы семьи, кормильца и опекуна. И если он не оставит свои глупости, то он, Аберфорт, бросит школу, заберет Ариану и переедет. А уж если его кто-нибудь спросит о причине подобного решения, то ему скрывать нечего:

брат-содомит, да еще и с манией величия, строит планы по захвату мира.

Бррр… Батильда затрясла головой: что он строит?! Дальше все напоминало театр абсурда. С горящими фанатичным огнем глазами Геллерт произнес пафосную речь о деградации магического мира, вымирании волшебников и об их с Альбусом планах по выходу из столь затяжного кризиса. Основная идея состояла в объединении волшебного и магловского миров. Естественно, учитывая общий уровень развития и многочисленность маглов, война или военный переворот дело бы не решили. Все бы закончилось тотальным уничтожением всех открывшихся маглам волшебников.

Поэтому план двух юных наполеонов был прост, как мычание: в рамках отдельно взятого государства маглам внушается идея о сверхчеловеке, которого можно создать путем очищения мира от низших, грязных рас. Маглы в стремлении достичь поставленной цели развязывают кровопролитную войну и существенно сокращают свою численность. После волшебники предъявляют победителям этого «сверхчеловека». Подойдет любой новорожденный ребенок-маг. А дальше все просто. Ребенок объявляется мессией, его мирно и бескровно продвигают во власть и слияние двух миров происходит естественным образом. В результате маги образовывают правящий класс, а маглы попадают в подчинение.

Выяснилось, что подобные разговоры в доме Дамблдоров на протяжении лета велись постоянно. Братья спорили, Геллерт, естественно, принимал сторону Альбуса. Обстановка накалялась, и неделю назад произошел взрыв. Выслушав очередное выступление Аберфорта на тему «властелинов мира», Геллерт вспылил и нелицеприятно отозвался и о нем, и об Ариане, назвав их пиявками на теле их великого брата. Кто из них троих первым выхватил палочку, Геллерт не помнил, как не мог вспомнить и того, как Ариана оказалась на линии огня и чье проклятье в конечном итоге попало в девочку.

Какое-то время все трое стояли над телом Арианы, а потом побледневший Альбус поднял глаза на брата и Геллерта и сказал:

– Я ее верну. А вы мне поможете.

После чего бросился в бывшую спальню матери и вскоре вернулся со старыми потрепанными тетрадями, сшитыми из листов грубой бумаги, и небольшим кожаным барабаном. Он расчистил гостиную, уничтожив одним движением палочки мешавшую ему мебель, и принялся покрывать деревянный пол вокруг тела неизвестными знаками. Какими именно Геллерт сказать не мог: это определенно были не руны.

Батильда схватилась за сердце.

– Вы пытались воскресить девочку? Провели некромантический ритуал племени Кендры?

– Я говорил ему, что не получится, бабушка, — словно в бреду, повторял Геллерт. — Я говорил… Только с помощью Даров Смерти…

И, тем не менее, ритуал они провели. В процессе подготовки Альбус, видимо, находясь не в себе и пытаясь собраться с мыслями, захлебываясь, вываливал на брата и друга семейные тайны. Оказалось, что тетради он нашел еще ребенком. Что разбирался в них сам. Что его семья никогда не брезговала ритуалами, в том числе и кровными. Что это именно отец смог увеличить магическую силу Альбуса: во время последнего свидания перед Азкабаном они провели рунный ритуал, суть которого заключалась в том, что после смерти Персиваля его силы перейдут старшему сыну. А умер он, когда Альбус был на шестом курсе. Поэтому и практические результаты СОВ и ТРИТОНов так сильно отличались.

Закончив ритуальный круг, он протянул Аберфорту барабан и, задав ему ритм, — просто отстучал его ладонью по полу, — велел бить, не останавливаясь ни на секунду. Сам же, встав на колени, начал речитативом произносить заклинание на неизвестном языке. А Геллерт, взяв своего друга за руки, не давал ему лишиться чувств до окончания ритуала.

Как ни странно, умертвие они подняли.

Бездыханная девочка, неподвижно лежащая на полу, вдруг широко раскрыла глаза и обвела ими стоящих над ней подростков. Потом она встала, и на вопрос заикающегося Аберфорта о самочувствии заявила, что ей значительно лучше. Альбус был в восторге. Ему казалось, он смог все исправить, вернуть душу сестры, и все теперь будет хорошо. Они сопроводили Ариану в ее комнату и заперли.

На следующий день они осторожно заглянули к ней и обнаружили, что она неподвижно сидит на стуле и немигающим взглядом смотрит на стену. Услышав скрип двери, Ариана повернула голову и уставилась на визитеров. Аберфорт и Геллерт отшатнулись. Альбус тихо подошел к ней и дотронулся до плеча: кожа ее была холодной, потемнела и неприятно пахла. На ней появились пятна. Он поднес к ее рту зеркальце — оно не запотело. Несмотря на все это, Ариана утверждала, что полностью здорова.

Несколько дней она ходила по дому под напряженными взглядами Аберфорта и Геллерта, отвечала на вопросы, если ей их задавали, и с жадностью ела все, что ей готовил и приносил

Альбус.

На четвертый день изменения в ней стали видны невооруженным взглядом. Она напоминала разлагающегося покойника: связно не говорила, с трудом передвигалась, медленно переставляя негнущиеся ноги. Запах стал невыносимым.

Аберфорт с каждым днем мрачнел все сильнее, кричал, что это не его сестра, а лишь инфернал, которого нужно упокоить. Альбус возражал, утверждая, что, если бы это было так, она бы не разговаривала.

Геллерт в данном случае был полностью на стороне Аберфорта. В свое время в родительской библиотеке, где помимо всего прочего содержались и труды по некромантии и демонологии, он нашел монографию одного католического священника-сквиба, который, путешествуя по Африке, в одном из племен наблюдал подобный случай.

Священник утверждал, что в результате неудачной некромантической попытки в покойника вселился демон. Упокоить новоявленного Лазаря(6) он смог только с помощью обряда экзорцизма. На протяжении почти двадцати часов священник читал молитву в присутствии живого мертвеца, а после того, как тело стало неподвижным, оно было кремировано. Но даже доводы Геллерта на Альбуса не действовали. Он грудью защищал ходящее по дому умертвие.

А сегодня кожа на животе живого трупа, набитого непереваренной едой, лопнула и содержимое вывалилось наружу. Геллерт не выдержал, поднял палочку и произнес: «Адеско Файр».

Через три дня дежавю: снова закрытый гроб и разрытая могила. На похоронах были только Батильда, Геллерт и Аберфорт с Альбусом. Альбус был мрачен и молчалив. За несколько часов он сказал всего две фразы: брату и Геллерту. «Я все исправлю!» и «Ты пожалеешь!»

Бедный внук пытался поговорить с ним, объяснить — без толку. На следующий же день он вернулся в Европу. Но не домой, нет. Он бросился на поиски Даров Смерти: хотел вернуть Ариану, привести ее к Альбусу и заслужить его прощение. Уже через два года он стал обладателем Старшей палочки. Но и только. Следы камня и мантии затерялись в веках.

***

Батильда глубоко вздохнула и вошла в кабинет. Там на стене висели вставленные в рамочки газетные вырезки. Она провела по ним рукой, лаская каждую, и остановилась у статьи «Ежедневного пророка» от 6 мая 1945 года: «Дуэль Дамблдора и Гриндевальда: свет побеждает тьму».

Дуэль! Название одно! Дамблдор никогда бы не победил Геллерта в честном поединке!

В последнем письме внук написал ей: «Бабушка, завтра приезжает Альбус. Хочет спокойно поговорить о прошлом и будущем». Так что она прекрасно представляет себе, как проходил этот разговор.

– Альбус! Рад тебя видеть! Проходи! Чаю?

– Да, Геллерт, дорогой! Экспеллиармус!

Сукин сын! Впрочем, обещание, данное Геллерту, он сдержал. А ведь всю войну Геллерт гонял к нему сов, предупреждая о местах бомбардировок, все защитить пытался…

Стемнело. Часы пробили семь. Раздалось два хлопка аппарации, и в дверь постучали. Батильда медленно спустилась по лестнице и открыла входную дверь. На пороге обнаружилась Гризельда, как всегда радостная и оживленная, с взбитыми завитыми кудельками и неизменной огромной сумкой. Рядом с ней стоял седой мужчина с ярко выраженными арабскими чертами лица в хорошем костюме и с посохом в руках. Приглядевшись, Батильда поняла, кто это.

– Халид? — удивленно воскликнула она. — Что ты делаешь в Англии?

– А ты как думаешь? — сказала Гризельда, не дав спутнику и слова вставить. — Пообщался со звездами, кентавр двуногий. Марс там неестественно яркий или Венера ему подмигнула, но он собрался и — вуаля!

Она бодро отодвинула Батильду с прохода, швырнула сумку на небольшой столик, стоящий у двери, и направилась в гостиную. Оглядевшись, она поморщилась, вытащила палочку и двумя взмахами придала комнате более-менее жилой вид.

Мужчина усмехнулся и, приветливо кивнув Батильде, посетовал:

– Вот за что я не люблю западную цивилизацию, — выразительным взглядом он посмотрел на Гризельду. — Ваши женщины потерялись. Забыли свое место.

– Значит, на Альбионе снова появился змееуст? — протянула Батильда, приглашающим жестом указывая на кресло.

– Да уж лет одиннадцать как. Надеюсь, в этот раз я успел вовремя. Не то, что сорок лет назад. А ведь какой был способный мальчик, — Халид сокрушенно поцокал языком. — До сих пор не пойму, кто надоумил его разорвать душу?

– Значит, все же решил умереть? — хмыкнула Зельда и покачала головой. — Мне не понять.

Халид уселся напротив Батильды и Гризельды и улыбнулся.

– Так ты и моложе меня, дорогая. Мне этот мир давно

опостылел. Кстати, я так рассчитывал на твои связи в министерстве. Вот уж не думал, что ты когда-нибудь уйдешь в отставку. Мне казалось, ты будешь работать до последнего и умрешь на посту, как боевая лошадь.

– Я не ушла, меня ушли, — хмыкнула Гризельда. — Две большие разницы, друг мой. И предупреждаю тебя, если ты опять решил легализоваться здесь под своей основной профессией, то умрешь гораздо раньше, чем планируешь. В страстных объятиях дементоров.

Мужчина невозмутимо потер подбородок.

– Я в курсе поправок, принятых вашим министерством за последние полвека. Впрочем, не страшно. Я же еще и артефактор. И весьма талантливый. Это пока не запрещено. Правда, мне интересно, кто был инициатором подобных идиотских изменений?

– Глава Визенгамота, разумеется. Он, знаешь ли, методично искореняет то, чем не брезговал заниматься в юности, — Батильда глубоко вздохнула и перевела взгляд на Гризельду. — Кстати, о Дамблдоре, милая. Я созрела. Приводи свою протеже. Как ее? Скиттер, кажется?

_____

(1) Обсессивно-компульсивное расстройство — психическое расстройство, при котором у больного могут проявляться навязчивые, мешающие и пугающие мысли. Он пытается избавиться от вызванной навязчивыми мыслями тревоги с помощью столь же навязчивых и утомительных действий.

(2) Инженю — наивная девушка. Эмансипе — женщина, выступающая за равные права с мужчинами.

(3) Kleider, Kueche, Kinder, Kirche — платья, кухня, дети, церковь. Немецкий тезис, описывающий женское счастье.

(4) Так и было. Более того, на статуи надевали передники, дабы прикрыть «срам».

(5) Имеется в виду древний индийский трактат о любви «Ветка персика». Дословная цитата звучит следующим образом: «Влечение душ порождает дружбу, влечение ума порождает уважение, влечение тела порождает желание. Соединение трех влечений порождает любовь».

(6) Лазарь — брат Марфы и Марии, которого воскресил Христос.

= = = = = = = = = = ГЛАВА 26. Дыхание пустыни = = = = = = = = = =

— Зельда, я прекрасно понимаю: Скиттер, даже собрав весь компромат и убедившись в его стопроцентной достоверности, не почешется, пока под Альбусом не закачаются по меньшей мере

два кресла из тех трех, в которые он присел отдохнуть, после своей «великой», — в это слово Батильда вложила столько яда, что, казалось, его хватило бы на десяток акромантулов, — победы.

— Бери выше, ее эпос увидит свет, когда по Дамблдору сыграют похоронный марш, — с сомнением покачала головой Гризельда. — Она же не самоубийца, а министерский бультерьер на зарплате, поэтому без официального «фас» она в его сторону даже не тявкнет.

— Уж я это увижу, — с уверенностью прошипела Бэгшот. — Даже если мне придется вернуться с того света или заключить сделку с дьяволом.

Начатый в гостиной разговор они продолжили на маленькой кухне. Халид, невозмутимо оглядев царящий там кавардак и взглядом попросив у Батильды разрешения, одним круговым движением посоха навел в комнате хирургический порядок и принялся варить кофе, трансфигурировав прямо из воздуха три медные турки и изящный кофейный сервиз, расписанный вязью. Батильда с Гризельдой сели за небольшой скрипучий стол. По кухне поплыл восхитительный аромат. Мэрчбэнкс потянула носом воздух и пробормотала.

— Нет, вот как ты это делаешь? Сколько ни пыталась повторить, — она расстроенно покачала головой, словно демонстрируя тщетность усилий.

Халид, усмехнувшись, поставил перед ними горячий напиток.

— Ну, услада моего сердца, — расстегнув две нижних пуговицы пиджака, он присел на свободный стул, — в этом нет ничего сложного. И потом, разве не ты всегда говорила, что не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы сварить чашку сносного кофе? У тебя было сто с лишним лет, чтобы научиться и удивить меня. Но, заметь, надежду я еще не утратил. Глядишь, доживу до этого светлого дня.

Какое-то время они молчали.

— Я так понимаю, вы вышли на тропу войны? — Халид коротко взглянул на собеседниц и продолжил, но обращаясь уже непосредственно к Мэрчбэнкс. — С Батильдой все понятно. Око за око. Но что движет тобой, Гризельда?

— Дамблдор заигрался. Решил, что Англия — его персональная песочница, а у него тут самая большая лопатка. В принципе мне было бы все равно. Пусть себе мерится, с кем и чем хочет. Геометр! — она мрачно фыркнула. — Но результат этих измерений отнюдь не положителен.

— Скиттер — это та журналисточка, которую ты в начале семидесятых пристроила в «Пророк»? — отпив кофе, уточнил у

нее Халид и, дождавшись подтверждающего кивка, задумчиво протянул. — Я читал несколько ее статей, когда с Багнолд спешно смахивали пыль веков и сажали ее в кресло министра. Получил массу удовольствия. Неплохой слог. Мастерски смещает акценты. Будь я на пару веков моложе, непременно поверил бы, что эта почтенная леди, с которой при каждом шаге сыплется песок, то, что нужно стране.

— Можешь смеяться над Миллисентой сколько угодно, — хмыкнула Гризельда. — Но после последней войны именно она не дала изничтожить под ноль аристократические семьи, сочувствующие Волдеморту. Почти все отделались лишь тюремными сроками в Азкабане.

— Великое достижение: сделать природных магов Британии пищей для низших джиннов, — покачал головой Халид.

— Это ради их же блага. Так у них хоть есть шанс. Лучше уж кормить дементоров светлыми чувствами природных британских магов, чем могильных червей природными британскими магами, — парировала Мэрчбэнкс.

Халид поднял указательный палец к потолку, словно она подтвердила какую-то его мысль, и патетически воскликнул:

— Et tu, Brute(1)? О Аллах, что я, демонолог-некромант, вынужден выслушивать! Свет моих очей, ты умная, разносторонне образованная женщина. Неужели за всю свою жизнь ты ни разу не поставила под сомнение содержание главы о дементорах в ваших учебниках по… — он защелкал пальцами, пытаясь вспомнить. — Как там у вас называется этот предмет? ЗОТИ?

Мэрчбенкс и Бэгшот озадаченно смотрели на него, ожидая продолжения.

— Светлыми эмоциями, говоришь? Почему же тогда от дементоров можно защититься Патронусом, квинтэссенцией света? Ведь, по твоим словам, он должен быть для них десертом. Чем-то вроде шербета, пахлавы и рахат-лукума. Да потому, алмаз моего сердца, что их насыщение происходит как раз за счет самых черных движений души человека. И заметь, все чувства джинны усиливают многократно. Заключенные этого вашего Азкабана день за днем, минута за минутой, секунда за секундой переживают самые худшие воспоминания, самую страшную боль, самые отвратительные свои поступки. И рано или поздно они начнут получать от этого удовольствие. Шанс, говоришь? Получить толпу социопатов-садистов, если ваши аристократы когда-нибудь выйдут из тюрьмы? Стопроцентный!

Заметив, что его визави скептически переглянулись, словно сомневаясь в его оценке ситуации, он лишь покачал головой и задумчиво продолжил:

— Лучше, говоришь? В смысле, милосерднее? Милосерднее пожизненное заключение, чем смертная казнь? Милосерднее мучить смертельно больного, чем прервать его страдания? Благо, говоришь? — он на секунду задумался, а потом с выражением продекламировал. — Солдаты, несите в колонии любовь на мирном штыке, азбуку в левом кармане, винтовку в правой руке. А если черная сволочь не примет наших забот, их быстро разагитирует учитель наш, пулемет(2).

Он поднялся и прошелся по кухне, заложив руки за спину. При каждом повороте полы пиджака развевались: на широком атласном поясе, намотанном в несколько слоев, отблескивала золотом массивная цепочка.

— По большому счету, и вы, и ваш Дамблдор — плоть от плоти дитя европейской цивилизации. Меня всегда поражало, как своеобразно Европа понимает слова «благо» и «милосердие». Крестовые походы, охота на ведьм, колонии. Полное неприятие мнения, отличного от вашего, и абсолютная уверенность в собственной правоте, непогрешимости и величии. Помнишь, оазис моей души, что ты спросила, узнав, сколько мне лет? — он с мягкой улыбкой взглянул на слегка покрасневшую Гризельду и дружелюбно передразнил. — Халид, ты обнес сейф Фламеля? И это при том, что я на пятьдесят восемь лет его старше, а ты, будучи более чем образованным человеком, была в курсе: уровень науки и медицины в Средние века был выше именно на Востоке. А уж про то, что при воссоздании — не при изобретении, а лишь воссоздании, заметь! — камня Николас пользовался папирусом Ибрагима(3), который европейцем не мог быть ни при каком раскладе, знают даже обычные люди.

— Мы настолько плохи, что ты второй раз ищешь ученика на Альбионе?! — завелась Мэрчбэнкс, вскочив и буквально впечатав кулаки в стол, словно пытаясь придать вес своим словам, да и успокоиться заодно.

Батильда покачала головой, устало взглянув на подругу, и подумала: «Господи, Зельда! Он старше тебя на полтысячелетия с хреном! Твои ужимки и прыжки для него — истерика двухлетнего малыша, валяющегося на полу и молотящего по нему руками и ногами».

Халид развел руками в примиряющем жесте.

— Не от меня зависит, услада моей души. Мои желания или нежелания вторичны. На человека, которому я должен передать знания, указывают звезды.

— А еще угли, баранья лопатка и карты Таро? Ты уж определись, кто ты: демонолог-некромант, артефактор или кахин(4)?

— Я много кто, звезда моя, — Халид лишь снисходительно пожал плечами.

Бэгшот успокаивающе накрыла своей ладонью руку Зельды, понимая, что очередной спор та все равно проиграет, а злобу вымещать будет на ее, Батильды, фарфоре. Он, конечно, старый и потрескавшийся, но это же не повод! Но Гризельду было уже не остановить.

— И каков был изначальный план, о Великий?

— Навести справки об учениках Хогвартса, о любознательнейшая из любознательных, — усмехнулся Халид. — Через тебя, разумеется. Полагаю, нужный мне ребенок в этом году поступил на Слизерин, учитывая, что он змееуст. А после…

— Старое доброе похищение, — закончила фразу Мэрчбэнкс.

— По ситуации, алмаз мой, по ситуации. Признаю, это был бы самый простой вариант. Да и традиции. Мюриду(5) лучше бы жить в доме учителя.

— И греть ему постель? — съязвила Гризельда. — Кажется, тоже традиция.

— Этот пункт не принципиален. Не настолько я закостенел, свет моих очей, — улыбнулся он и вдруг же замер, пристально глядя в окно. — Кстати, о свете. Батильда, драгоценная моя, кажется, ты говорила, что все дома по соседству заброшены. Что-то изменилось?

Пожилые дамы как по команде посмотрели туда, куда указывал их собеседник. В окнах первого этажа бывшего дома Поттеров мелькало небольшое световое пятно. Как от фонарика или Люмоса.

— Вообще туда боятся заходить. Суеверия. Лишь разрисовывают пожеланиями памятную табличку. Воры? Решили подломить дом героя? — пробормотала Бэгшот, а Гризельда Мэрчбэнкс, бросив воинственный взгляд на Халида и пробормотав что-то вроде: «Радуйся, сегодня я буду убивать не тебя!», выхватила из кармана волшебную палочку, открыла кухонную дверь и двинулась через кусты в сторону полуразрушенного коттеджа.

Батильда хотела было остановить ее, но услышала голос Халида:

— Ей надо выпустить пар. Парочка Экспеллиармусов и Ступефаев, и Зельда будет снова в норме, — он взял в руки посох и двинулся за Мэрчбэнкс, взглядом предлагая Батильде присоединиться. — Пойдем-проследим, чтобы до смертоубийства не дошло.

Выйдя из дома, они успели заметить, как Гризельда осторожно поднялась по скрипучему крыльцу соседского

коттеджа и медленно, крадучись, вошла в приоткрытую покосившуюся дверь. Халид неожиданно дернул Батильду за рукав и поднял вверх указательный палец, призывая к молчанию и осторожности, затем вытянул левую руку в направлении входной двери, описав раскрытой ладонью небольшой круг и несколько раз сжав и разжав пальцы, словно пробуя воздух на ощупь. Недовольный результатами, он нахмурился и прошептал Бэгшот: «Два очень сильных мага».

Перехватив посох поудобнее, Халид спешно направился к дому, невербальным заклинанием полностью расстегивая пиджак и резким движением дергая за цепочку. Бросив на него короткий взгляд, Батильда похолодела, заметив, что именно висит на ней.

— Ты хочешь использовать демона? — в ужасе прошептала она.

И в этот момент в темном окне дома Поттеров сверкнули три вспышки.

***

Годрикова Впадина была или очень маленьким провинциальным городком, или большой деревней. Правда, с историей, уходящей корнями в Средневековье. Во всяком случае, на местном кладбище можно было найти надгробные плиты, датированные началом десятого века. Впрочем, другие достопримечательности оригинальностью вовсе не отличались: центральная площадь, мощенная булыжником, церковь конца одиннадцатого века и ратуша.

Пожалуй, только обелиск памяти жителей Годриковой Впадины, жертв Второй мировой войны, мог еще представлять какой-то интерес для проезжавших мимо городка туристов. Во всяком случае, редко кто из них, остановившись перекусить в местном кафе или выпить пива в пабе, мог удержаться от того, чтобы не сфотографироваться с монументом. Впрочем, больше даже не с ним самим, сколько с табличкой, на которой был выбит год его установки — 1981. Туристы были в недоумении. Поставить памятник спустя сорок с лишним лет? На паперти что ли деньги собирали? Странно, городок вроде не в Шотландии(6).

Стоящих посреди площади высокого мужчину и девочку лет одиннадцати, впрочем, памятник тоже заинтересовал. Но по другой причине. Издали выглядевший, как обыкновенная стела, вблизи он превратился в нечто совершенно иное. Это была скульптурная группа из трех фигур: невысокий лохматый мужчина в круглых очках, длинноволосая молодая женщина со смеющимся, радостным младенцем на руках.

— Маглоотталкивающие чары? — уточнила Мелисса у Снейпа. — Такие же, как на холме Мерлина?

— Разве что в мечтах министерских крючкотворов, — скривился Северус. — Могилу Мерлина от маглов защищали основатели. Уж они-то на чары не скупились: использовали магию пространства, вроде той, которой скрыт Косой переулок. Да и уровень у них куда выше, чем у среднего чинуши. Тут лишь — тьфу! — простенькая иллюзия.

Да, холм Мерлина, действительно был скрыт за потрясающими по сложности чарами. Именно там на Самайн Мелисса и Северус провели ритуал разжигания огня. В принципе им бы подошло любое место силы или могила великого колдуна. Но они, оба инстинктивно старающиеся сделать все безупречно, остановили свой выбор именно на этом холме — месте упокоения самого известного и могущественного волшебника.

Два дня назад, на магловский Хеллоуин, это известное туристическое место графства Уилтшир было забито гуляющими людьми, разряженными в карнавальные костюмы. Поэтому на них, одетых в мантии из простого беленого полотна, никто и внимания не обратил. Какое-то время они просто пробирались через толпу веселящихся, а потом Северус взял Мелиссу за руку и с каждым следующим шагом начал речитативом произносить какое-то заклинание на неизвестном девочке языке. Мелисса заметила, что люди вдруг стали прозрачными и принялись обходить их по широкой дуге, гул толпы постепенно затихал, а мир вокруг подернулся легкой, переливающейся дымкой. Несколько мгновений спустя девочка обнаружила, что они стоят у подножия холма в полном одиночестве. Мелисса вопросительно взглянула на Снейпа.

— Думаешь, обычным людям позволили бы плясать на костях Великого волшебника? Это настоящая гробница, — улыбнулся он.

На холм они взбирались быстрым шагом: до темноты оставалось всего ничего, а еще столько нужно было успеть сделать. Северус лишь один раз отвлекся и уточнил, взяла ли она с собой все то, что он просил. Услышав положительный ответ, он снова замолчал.

На вершине — ровной площадке, покрытой пожухлой травой, с большим плоским камнем-алтарем, пористым, словно изъеденным всеми дождями мира, — Снейп достал волшебную палочку и взмахнул ей. В траве вокруг алтаря вспыхнули и засияли небольшие камешки, обозначая правильный круг.

Северус выразительно взглянул на Мелиссу и кивнул. Девочка поняла, что от нее требуется: они обговорили все заранее, в школе. Еще на стадии подготовки к ритуалу выяснилось, что их двоих будет вполне достаточно, и Снейп был этим обстоятельством весьма и весьма доволен.

Обычно, как он объяснил девочке, в ритуале разжигания огня должны принимать участие как минимум четверо магов. Дело в том, что сектора магического круга, обращенные на определенную часть света, обозначают изначальные стихии. Север — вода, запад — земля, юг — огонь, восток — воздух. Стихийники среди магов не были редкостью. Но лишь немногие из них могли контролировать больше одной стихии, а всеми четырьмя, по преданию, могли повелевать лишь Мерлин и Моргана.

Снейп напомнил девочке их первую встречу, когда она попыталась поджарить его, как стейк на гриле, а он решительно этому воспротивился, поставив ледяной щит. Кроме того, в тот же день Мелисса с гордостью поведала ему, что может не только зажигать огонь, но и поднимать ветер. Огонь и воздух были родственными стихиями и друг другу никак не противоречили. Сам Снейп помимо воды имел предрасположенность к магии земли, хотя очень и очень слабо выраженную. Впрочем, его небольших сил вполне хватало для ритуала.

Из сумки на плече Мелисса достала подготовленные гирлянды из трав и растений и стала украшать ими свои две четверти круга: южную — остролистом, можжевельником и гвоздикой, восточную — акацией, лавандой и сосной. Северус тем временем отмечал другую половину: северную часть — кипарисом, жимолостью и вербеной, а западную — бузиной, жасмином и вереском. Оглядев результат, он одобрительно кивнул, вытащил из кармана яблоко — традиционный плод Самайна — и не глядя подбросил его вверх. Оно вопреки законам тяготения упало не на голову новоявленного Ньютона, а по странной траектории отлетело в сторону и приземлилось на юго-западной границе круга. Оставшееся до заката время они посвятили сбору дубовых веток, из которых и сложили ритуальный костер вокруг алтаря. С последними лучами солнца Снейп и Мелисса вошли в круг.

А дальше все сплелось и смешалось в единый клубок: и древние кельтские заклинания, произносимые Северусом, и почерневшее над ними небо, и яркая вспышка молнии, пронзившая тьму и ударившая прямо в алтарь, и загоревшийся от нее огонь, и клубившаяся вокруг магия, которую они впитывали каждым дюймом своего тела, каждой порой.

Воспоминания о том дне были настолько яркими и сильными, что, погрузившаяся в них, девочка вздрогнула, услышав мрачный голос Снейпа:

— Ну и какого, — он слегка замялся, но продолжил, — черта мы тут забыли?

— Хочу проверить две вещи. Нет, пожалуй, три. Вот только… — Мелисса завертела головой, неуверенно оглядываясь по сторонам. — Я гуляла здесь всего пару раз. И тогда обелиска еще не было. И… кажется, нам туда.

Девочка схватила Северуса за рукав и потянула его в сторону одной из узеньких улочек, лучами расходившихся от главной площади.

Какое-то время они молча шли по тенистой аллейке, поднимая ногами опавшую листву, мельком оглядывая редких прохожих и детей, носящихся взад-вперед по улице, и рассматривая дома по обе стороны от дороги. Это были типичные английские коттеджи, с обложенным камнем первым этажом и увитыми плющом стенами, окруженные ровно подстриженной невысокой живой изгородью. То на одном, то на другом крыльце можно было заметить еще не убранные после Хеллоуина фонарики, вырезанные из тыкв. Наконец, в самом конце улицы девочка заметила то, что искала.

Она резко повернулась к Северусу, внимательно отслеживая его реакцию. Тот, стремительно бледнея, смотрел на коттедж с почти полностью разрушенным вторым этажом.

— Ты видишь этот чертов дом, — глубоко вздохнув, Мелисса уставилась в землю и констатировала, обреченно качая головой. — Финеас, похоже, прав.

— В чем? — хрипло спросил Снейп, по-прежнему не отводя глаз от дома.

— Фиделиуса не было, — горько усмехнулась девочка и двинулась было к калитке, как вдруг сильные руки схватили ее за плечи и резко развернули.

— То есть? — профессор пронзительным взглядом впился в ее лицо.

***

Это произошло за пару дней до визита в Годрикову Впадину. Мелисса шла в гостиную Слизерина из Большого зала, когда с одной из картин у поворота на подземелья раздалось тихое «Кхм-кхм!»

Повернув голову на звук, она увидела знакомое лицо. Это был Финеас Блэк. Он приложил палец к губам и, указав ей направление, исчез с картины. А в следующий момент появился на висящем рядом полотне и снова махнул рукой, предлагая последовать за ним. Подумав мгновение, девочка так и сделала. Они поднялись на третий этаж, прошли его почти весь насквозь, пока не оказались в плохо освещаемом тупичке, где на стене висела всего одна небольшая картина, изображающая довольно миленький лесной пейзажик. Оглядевшись, девочка на всякий

случай окружила себя и полотно всеми известными ей чарами скрытности и взглянула на лорда Блэка.

Финеас вольготно расположился на удобном на вид пне в тени раскидистого дуба и теперь изучающе смотрел на Мелиссу. Уже просвещенная в вопросе общения с портретами, девочка сказала:

— Милорд, прежде всего, я бы хотела извиниться перед вами за свое невежество. Оно могло привести к нежелательным последствиям, — увидев, что Финеас снисходительно кивнул, Мелисса продолжила. — У вас есть ко мне какое-то конкретное дело?

— Вы знаете, что Вальбурга назначила вас наследницей по духу. Можете не отрицать! — Блэк не дал подозрительно сощурившейся девочке возразить и, усмехнувшись, пояснил. — Я периодически навещаю свой дом. Внешний вид домовика говорит за себя. Вы понимаете, что это означает этот термин?

— Передача родового разумного и условно разумного имущества не кровному наследнику в обход законных, — Мелисса начала было цитировать, но неожиданно задумалась, уставившись на Финеаса и потирая подбородок, потом встрепенулась и поинтересовалась. — Можно претендовать на живые портреты?

Лорд Блэк утвердительно качнул головой.

— Не можно, а нужно. При выполнении определенных условий. И только после того, как род Блэков прервется.

— И зачем это нужно? — девочка недоуменно взглянула на уже готового возмутиться Финеаса и пояснила. – Нет, для чего это вам, при должной фантазии можно вообразить: неприятно, пожалуй, терять даже такое своеобразное посмертие. Портреты завязаны на место силы. Главный вопрос: зачем это мне? Из любви к искусству? Не такой уж я и ценитель живописи.

— Не совсем верно трактуете, — сухо заметил лорд Блэк. — Основная цель сохранить многовековые знания. Мы готовы передать вам родовые секреты.

— Бойтесь данайцев(7) … — задумчиво протянула Мелисса и, припоминая генеалогическое древо Блэков в книге-артефакте, спросила. — Почему я? Почему не Малфои, не Прюетты, не Лонгботтомы, не Берки, да даже не национальный герой магической Британии? У вас с ними дальнее родство и общая кровь. И, в конце концов, почему вы так уверены в плачевном исходе? Прямой наследник жив, хотя и находится в Азкабане. Не знаю, к какому сроку его приговорили…

Договорить девочка не смогла, с Финеаса слетело показное спокойствие. Лорд Блэк встал и нервно прошелся по

нарисованной поляне. Затем развернулся к своей собеседнице и, еле сдерживаясь от ярости, заговорил:

— Сириус выжжен с гобелена. Это не полное отсечение от рода, но наследовать мог бы только его сын, которого не будет никогда. Представляю, какой пышный букет психических и физических расстройств он уже получил за семь лет в Азкабане. Это все же не санаторий для туберкулезников. А сидеть ему там не пересидеть. Как думаете, каковы шансы, что человек, брошенный в камеру прямым решением малого Визенгамота без суда и следствия, когда-нибудь выйдет?

— Стремятся к нулю. А собственно, за что? — поинтересовалась Мелисса. — В газетах он лишь упоминался в веренице имен сторонников темной стороны.

— Официально за массовое убийство маглов и мага Питера Петтигрю. Неофициально, за предательство Поттеров. На нем был якобы завязан Фиделиус, — лорд Блэк, заметив, как при слове «якобы» по губам девочки скользнула легкая улыбка, раздраженно выскочил на первый план картины, загородив собой лесную опушку. — Ваш скепсис неуместен! Сириус физически не мог причинить им вред. Он магический крестный вашего брата. И откат от нарушенной клятвы убил бы его. Так что, а был ли вообще Фиделиус?

— Брата? У меня… брат? Милорд, если вы что-то знаете о моей семье… — девочка, заподозрив ловушку, среагировала моментально, судорожно вцепившись в раму обеими руками

Ее изумление выглядело настолько реальным, что его, казалось, можно было пощупать руками. Финеас сначала опешил, а потом тихо рассмеялся и слегка поклонился, изобразив чисто символические аплодисменты.

— Браво-браво-браво! Это было прекрасно, но излишне. Вы же прошли проверку на родство у гоблинов.

— Это лишь ваши домыслы, — невозмутимо ответила Мелисса.

— Но ведь вам знаком термин «наследник по духу», — нахмурился Финеас.

— И не только он. Читаю много. Грешна, — пожала плечами девочка.

— Кричер вам служит, — настаивал лорд Блэк.

— Kakie vashi dokazatelstva? — коверкая слова, спросила Мелисса, вспомнив фразу из фильма(8) про полицейского-комми(9), который смотрела летом, и, заметив ошарашенный взгляд Финеаса, перевела ее на английский.

Лорд Блэк какое-то время молчал, а потом глубоко вздохнул:

— У вас паранойя, юная леди. Но лучше быть параноиком,

чем бестолковым брехливым псом, подставляющим мягкий живот под каждую протянутую руку. Безусловно доверять мне Вы не сможете ни сейчас, ни в будущем. По крайней мере, пока. Долг бывших директоров Хогвартса служить нынешнему. Образно говоря, я раб портрета и раб того, кто владеет портретом.

«Джинн Финеас бин(10) Найджелус!» — мысленно фыркнула Мелисса: от слов Блэка буквально подуло пустынным ветром «Тысячи и одной ночи»(11).

— Поэтому! — продолжил он. — Я излагаю вам свои соображения, а уж что с ними делать — решать вам.

Впрочем, его просьба — помимо предложения приютить портреты после окончательного падения дома Блэк — была абсолютно необременительной и не противоречила планам самой Мелиссы. Финеас просил наведаться в дом Поттеров в Годриковой Впадине и проверить, находится ли он по-прежнему под Фиделиусом. Теоретически, особенно приняв в расчет официальную версию о предательстве последнего Блэка, попасть в дом должно было быть весьма и весьма проблематично: чары завязаны на него, а он все еще жив и адрес девочке уж точно не сообщал.

Отсутствие Фиделиуса могло означать две вещи. Во-первых, хранитель чар, кем бы он ни был, мертв. А во-вторых, Фиделиуса, как такового, не было. Возможность исчезновения чар из-за смерти Поттеров лорд Блэк даже не рассматривал: младший из них здравствует по сей день.

В любом случае было понятно: для чистоты эксперимента необходимо взять с собой стороннего человека, поскольку сама Мелисса изначально была включена в чары сокрытия. Накладывали их сразу после того, как ее забрали от Дурслей, и гарантий, что в ночь рождения Гарри Поттеры не поленились и исключили ее из заклинания, не было.

Что же до причин, по которым портреты хотели перейти под ее начало, и условий, при которых это было возможно, Блэк, что та Шахерезада, обещал вернуться к этому вопросу через тысяча и одну ночь.

— Ну, предположим, я когда-нибудь и смотаюсь на экскурсию к дому национального героя. И даже, допустим, попутно выяснится, что никаких чар там нет. И, собственно, что с того? — выслушав его доводы, поинтересовалась Мелисса. — Вы же не думаете, что я брошусь доказывать чью-то невиновность?

Финеас лишь бросил на нее загадочный взгляд и исчез с картины.

***

Северус, выслушав рассказ Мелиссы, судорожно перебирал в

голове варианты, при которых мог бы слететь Фиделиус, и не находил для этого никаких объективных причин. Помрачнев и мысленно добавив к своему счету к Дамблдору еще один пункт, он задумался, освобождает ли его, Снейпа, отсутствие чар Хранителя от одного из обетов, данных Альбусу, и с досадой пришел к выводу, что нет, поскольку никаких определенных условий он тогда не оговаривал.

— И что ты об этом думаешь? — в этот момент спросила у него Мелисса.

Правильно поняв ее вопрос, он ответил:

— Полагаю, беседа с тобой была личной инициативой Финеаса. Дамблдор тут и рядом не валялся. Финеас — хитрый жук, действующий исключительно в интересах дома Блэк, но пытающийся подстраховаться: подложить картонку под свою аристократическую задницу, — посмотрев на недоумевающую девочку, Северус коротко пояснил, словно бы это все объясняло. — Тысяча и одна ночь.

Мелисса нахмурилась, поняв, что речь идет вовсе не о сказках, и какое-то время молчала, пытаясь сообразить, что имеется в виду. Тысяча и одна ночь. Три года. Нет, два года и девять месяцев. Она резко повернулась к Снейпу.

— Четырнадцатилетие. Он ждет, примет ли меня родовая магия.

— Именно, — профессор поднял палец вверх, призывая к вниманию. — Думаю, речь идет о магическом вассалитете.

— Я их вассал? — поразилась девочка, впервые подумав о том, что вместе с родовыми способностями, правами и возможным наследством, может получить весьма неприятные обязанности и старые, многократно возросшие долги.

Снейп задумался и медленно покачал головой:

— Скорее, они — вассалы Слизерина или Певерелла. Если это так, то как их сюзерен ты будешь обязана позаботиться либо о возрождении рода Блэк, либо о сохранении их магических секретов до появления достойного претендента из боковых ветвей. Никто из священных «двадцати восьми» не стал бы этим заморачиваться. Главная забота старых фамилий — сохранение себя самих.

— Это геморрой! — возмутилась Мелисса.

— Что ж, у тебя впереди чуть меньше трех лет, чтобы найти хорошего проктолога, — только и усмехнулся Снейп, успокаивающе потрепав ее по плечу. — А теперь давай, наконец, закончим наши дела в этом проклятом городишке. Уже темнеет.

Девочка кивнула, делая зарубку в памяти поговорить о магическом вассалитете и сюзеренитете с Оглафом, и шагнула к

разросшейся за восемь лет живой изгороди.

«Здесь в ночь на 31 октября 1981 года были убиты Лили и Джеймс Поттеры. Их сын Гарри стал единственным волшебником в мире, пережившим Убивающее заклятие. Этот дом, невидимый для маглов, был оставлен в неприкосновенности как памятник Поттерам и в напоминание о злой силе, разбившей их семью».

Эта надпись появилась, как только Мелисса дотронулась до ржавой скрипучей калитки. Кроме того, памятная доска была вся исписана многочисленными пожеланиями, адресованными Гарри Поттеру.

— Памятника посреди площади недостаточно? Трогательно, — девочка индифферентно пожала плечами. — Но хотелось бы знать, кто этот умник, который так легко и просто распорядился чужой частной собственностью?

— Полагаю, Министерство. С подачи Визенгамота.

— То есть Сам.

Они пересекли двор, заросший сорной травой, поднялись по скрипучему крыльцу и, обходя висящую паутину, осторожно вошли в дом.

Там было темно. Засветив Люмос, Мелисса осмотрелась. Гостиная была почти такой же, какой она ее запомнила. Только некоторые вещи были перевернуты и сломаны и везде был толстый слой пыли и грязи, да на стенах, потемневших от времени, четко выделялись светлые квадраты.

Так, картин нет. Что и требовалось доказать. Мелисса покачала головой и посмотрела на замершего Снейпа, оглядывавшего комнату. Он как-то странно рассматривал входную дверь, потом переводил взгляд на камин, находящийся слева от нее, затем на диван, стоящий напротив входа, опять на дверь. По выражению его лица было видно, насколько напряженно в этот момент работает его мозг. Словно не веря собственным глазам, он потряс головой, затем вернулся к двери и шагами измерил расстояние от нее до дивана.

Заметив интерес Мелиссы к своим действиям, он поманил ее к себе и взмахом руки схематично световыми линиями обозначил на пыльном полу контуры тела человека, лежащего на животе, если, конечно, черточки, которыми была полностью заштрихована голова, изображали растрепанные волосы.

— Это, типа, Джеймс? — спросила девочка.

— Его нашли в такой позе, если судить по колдографии в номере «Ежедневного Пророка», посвященном трагедии с Поттерами. У меня дома есть полный архив статей на эту тему. Потом покажу вырезку. Колдография, похоже, была сделана с этого места. Раньше я никогда не был в этом доме и не мог

привязать положение тела к плану комнаты. Ничего не смущает?

— Да вроде нет, — медленно, с запинкой, сказала Мелисса, оглядывая призрачный образ и вспоминая все, что читала в газетах о событиях семилетней давности, а потом до нее дошло, и она потрясенно прошептала. — Он лежит на животе, головой к камину.

— Да, черт бы все побрал, да! — выкрикнул Северус и заметался по гостиной. — Согласно заявлению комиссии аврората по расследованию, предатель — знать бы теперь, кто он, и существовал ли он в принципе? — сообщил Темному Лорду адрес. Поттер открыл дверь, увидел Лорда и тут же получил Авадой промеж глаз. Как он должен был упасть?

— Если подобные заклинания действуют, как толчок, — вопросительно протянула девочка и, увидев потверждающий кивок Снейпа, продолжила, — тогда по инерции на спину, четко ногами к двери.

— Именно! А тут заклятие выпущено сзади. Вот скажи, ты хоть на секунду можешь себе представить, что Поттер повернулся к Лорду спиной?

Мелисса отрицательно покачала головой.

— Вот и я не могу! Картинка не стыкуется! Даже если предположить, что по какой-то причине — порыв ветра там, не знаю, — Поттер упал лицом вниз, его должны были найти в гребаном дверном проеме! Получается, либо его двигали, либо он умер там, где я обозначил, — Снейп обессиленно выдохнул, сел на пыльный диван и кивнул в сторону схематичной фигуры. — И та, и другая версия свидетельствует лишь о том, что кроме Поттеров и Лорда в доме был еще кто-то. Неизвестный нам персонаж.

Девочка села рядом с ним и накрыла ладонью его руку.

— Придется, скорее всего, искать выходы на архив аврората, — устало проговорил Северус. — А мне, как бывшему пожирателю, это весьма проблематично.

— А смысл сейчас привлекать к себе внимание?

— Чтобы понять, кто убил Поттера и Лили. Хотя, скорее всего, в архиве все подчищено.

— Именно, и даже если Джеймса убил и не Лорд, на Гарри покушался именно он. Кроме того, Гарри и Лили ведь были найдены в одной комнате. Значит, он свидетель, — размышляла вслух Мелисса и, видя недоумение Снейпа, развила свою мысль. — Через три года он приедет в школу, можно будет попытаться достать воспоминание о той ночи. Тем или иным способом.

— Это наказуемо, уголовница мелкая, — хмыкнул Северус и встал с дивана, мгновенно становясь собой. – Так, проверяй, что

хотела, и уходим.

Девочка усмехнулась, достала палочку и взмахнула ей.

— Акцио вещи Мелиссы Эванс.

А через минуту ей в лицо чуть не впечатался небольшой коричневый чемоданчик. Если бы не реакция Снейпа, вовремя поставившего щит, фингал она бы заработала знатный.

Мелисса поставила чемодан на пол, открыла его и принялась в нем рыться. Там была пара платьев, книга сказок, кукла и медвежонок, а под ними…

— Есть! — воскликнула девочка, доставая сложенный пополам лист бумаги. — Я так и думала, что они забудут про все это.

— И что это? — не понял Снейп.

— Мое настоящее свидетельство о рождении, — ответила она и пояснила. – Нет, в приюте мне оформили документы, но с прочерками в графах «Отец» и «Мать». Тут указана Лили. Если вдруг придется когда-нибудь что-нибудь доказывать братцу…

Профессор понимающе улыбнулся, уменьшил чемодан и убрал его в карман, взглядом показывая девочке на выход и предлагая выдвигаться. В этот момент дверь резко распахнулась, в комнату стремительно ворвалась невысокая сухонькая женщина и в них полетел луч заклинания.

Мелисса и Северус одновременно поставили щиты, а следом выпустили оглушающие заклятия. Сдвоенную атаку женщина отразить не смогла и упала на пол. Снейп кинул в нее Инкарцеро и, жестом приказав девочке не двигаться, подошел ближе к лежащей без сознания незнакомке.

— Твою мать, Гризельда! Какого хрена тут происходит? — выругался он, когда в гостиной появилось два новых персонажа: еще одна дама и мужчина. Снейп вскинул руку по направлению к вошедшим и невербальным Экспеллиармусом вырвал у женщины палочку, одновременно взяв мужчину на прицел палочки.

А вот Мелиссе из этой пары больше всего не понравился именно мужчина. На первый взгляд он был безоружен и резких движений не совершал, хотя от посоха в его руке и веяло опасностью. Но по-настоящему девочка испугалась, когда он медленно опустил вторую руку к поясу, на котором блеснуло что-то золотое.

Это была небольшая старинная лампа, будто сошедшая со страниц сказок «Тысячи и одной ночи».

Девочка, как загипнотизированная смотрела на то, как его пальцы тянутся, приближаются к лампе, повторяя про себя: «Этого не может быть. Джиннов не существует!»

И в тот момент, когда он почти коснулся ее, Мелисса отмерла

и пустила в него первое, что ей пришло в голову: заклинание приклеивания. Мужчина пару раз дернул рукой и, поняв, что его ладонь намертво пристала к поверхности лампы и потереть ее он уже не сможет, вперил в Мелиссу взгляд сощуренных карих глаз и прошипел:

— Дочь шакала!

— Сам такой, — совершенно по-детски выдала опешившая девочка, замечая, что глаза мужчины расширились, а по лицу мгновенно пронеслась вся гамма чувств от удивления до понимания.

— Вот только змееустой девчонки на старости лет мне и не хватало, — обреченно вздохнул он. – О, звезды, за что мне все это!

_____

(1) И ты, Брут?

(2) Автор Р.Киплинг (в подобном же стиле написано его стихотворение «Бремя белых»).

(3) Арабский вариант имени Авраам. Имеется в виду «Книга иудея Авраама».

(4) Кахин — так в доисламской Аравии называли провидцев, способных в трансе общаться с божествами и их посланниками, ангелами и демонами. В принципе, это понятие включает в себя все, что перечислила Мэрчбэнкс. Кстати, многие соотечественники пророка Мухаммеда первоначально видели в нем кахина.

(5) Ученик, стоящий на низшей ступени.

(6) Высмеивая скупость, англичане обычно рассказывают анекдоты про шотландцев.

(7) Бойтесь данайцев, дары приносящих — латинская крылатая фраза, употребляющаяся в случае, когда некий подарок или благодеяние представляют потенциальные проблемы или опасность для принимающего.

(8) Фильм «Красная жара» с Арнольдом Шварценеггером. Вышел на экраны 14 июня 1988 г.

(9) Комми — сленговое название коммунистов.

(10) Бин (ибн) – сын. Я употребила именно «бин», т.к. в арабском языке (во всяком случае, в диалектах стран Персидского залива) «ибн» употребляется лишь в письменной речи при переносе имени со строки на строку. То же со словом «дочь» — бинт (ибна).

(11) Финеас перефразировал известное «Я раб лампы и раб того, кто владеет лампой» (Алладин).

Комментарий к ГЛАВА 26. Дыхание пустыни

Ребята, эту главу я набирала на телефоне.

Вроде вычитала, но могут быть ошибки и лишние запятые. Публичная бета нам в помощь.

И вообще - копировать и переносить на телефоне - это извращение!!! Не повторяйте моих ошибок)))

ЗЫ: Спасибо за терпение и ожидание.

= = = = = = = = = = ГЛАВА 27. Игры = = = = = = = = = =

— Он змееуст, сэр! — изумленно сказала Мелисса, обращаясь к Северусу.

— Я заметил, — Снейп держал на прицеле волшебной палочки Халида, небрежно прислонившегося к каменной кладке камина. — Что он сказал?

— Прошелся по мне и моим предкам, — не преминула наябедничать она.

Договорить не получилось: в этот момент на полу зашевелилась очнувшаяся Мэрчбэнкс, села, осторожно потрясла головой, но практически сразу повалилась обратно и замерла, уткнувшись лбом в собственную руку.

— Северус Снейп, что ты со мной сделал? — простонала она.

— Дал кочергой по темени и семь раз отымел в извращенной форме, — холодно сообщил Снейп, мельком взглянув в ее сторону.

— Почему семь? — неожиданно для себя задала глупейший вопрос Бэгшот: голос звучал настолько непривычно, неимоверно тонко, что на последнем слоге сорвался, и она закашлялась.

— На большее не хватило энтузиазма, — светским тоном посетовал Северус и добавил. — Сожалею, что разочаровал.

— И на том спасибо — уважил старушку. А то уж думала: умру, не отлюбив, — не удержавшись, хихикнула оценившая комизм и абсурдность ситуации Мэрчбэнкс, но снова ойкнула от боли, схватившись за голову.

Бэгшот встрепенулась, наколдовала лед и, завернув его в относительно чистый носовой платок, приложила к шишке на затылке подруги.

— Северус, расслабься. Это недоразумение. Я ручаюсь, никто не собирался причинять вред тебе или этому очаровательному ребенку, — Батильда взглянула на Мелиссу. — Лучше дай Гризельде какое-нибудь зелье. У тебя же всегда с собой аптечный склад. И помоги Халиду отклеить руку.

— Бегу и падаю, Батильда. А шнурки вам не накрахмалить?

Дамы возмутились хором, как по команде:

— Ты знаешь нас как облупленных!

— Вас, да. Хотя и вы, как оказалось, полны сюрпризов. А вот вашего шипящего приятеля вижу впервые, — он смерил Халида неприязненным взглядом. – И, честно говоря, не рад знакомству.

Халид оценивающе посмотрел на Северуса и слегка ему поклонился.

— Взаимно.

Профессор зельеварения предостерегающе взглянул на Мелиссу и все же снизошел до оказания медицинской помощи сидящей на полу даме. Он осмотрел голову Мэрчбэнкс, ощупал

руки и ноги и бросил несколько общих диагностических заклинаний. А потом зазвенел фиалами с зельями, выуженными из карманов мантии, видимо, выбирая оптимальный вариант, параллельно отбивая беззлобные нападки Гризельды, решившей покапризничать.

Мелисса мало вслушивалась в громкую, но дружескую в целом перебранку пожилых дам и Снейпа. Она поняла, что Северус давно с ними знаком и, очевидно, они в неплохих отношениях, поэтому с их стороны опасности больше не ощущала, а вот стоящий перед ней волшебник вызывал немалый интерес и его движения она отслеживала.

Хотя по большому счету и отслеживать было нечего. Араб спокойно и расслабленно опирался на красивый резной посох. Его, казалось, ничуть не смущала частичная неподвижность: левая рука была по-прежнему приклеена к лампе. Заметив ее любопытство, он вопросительно приподнял брови.

— Почему посох? — не удержавшись, тихо поинтересовалась девочка. — Мощнее? Больше площадь поражения?

Халид склонил голову в знак согласия и добавил:

— А еще это лучший инструмент для некроманта.

— И вы… — у Мелиссы загорелись глаза.

— Демонолог-некромант, — с мягкой улыбкой подтвердил волшебник. — Без лишней скромности, один из лучших. Кстати, у тебя склонность к этому виду магии. И язык змей тому доказательство.

Девочка замерла, ладони вспотели, а сердце бешено заколотилось: неужели, действительно, правда? Предрасположенность. Тогда она обязательно должна попытаться освоить „Ключи Соломона“, мертвым грузом лежащие в ее сейфе. Учитывая возможное будущее, откроются блестящие перспективы.

— Вспомни легенды, мифы, мировые религии. Нет более определенного и вместе с тем более изменчивого символа, чем змея, — темп речи арабского мага убыстрялся с каждым следующим словом. — Ананта(1), медный змей Муссы(2), Левиафан(3), Уроборос(4). Змея символизирует жизнь и смерть, исцеление и яд, добро и зло, начало и конец, вечность и небытие, бога и дьявола(5).

Тихий голос неожиданно приобрел какие-то певучие ноты. Его ладонь, приклеенная к лампе, а затем и он весь неярко, еле различимо, засветились. Через мгновение колдун оторвал затекшие пальцы от гладкой поверхности лампы, несколько раз сжал и разжал их, разгоняя кровь. При этом он продолжал быстро говорить, вываливая на девочку поток разнообразной информации, обрывки легенд и мифов, и практически не

двигался, лишь вертел в освобожденной руке массивную цепочку. Лампа качалась, отблескивая золотом.

Влево-вправо. Влево-вправо. Влево-вправо.

Девочка завороженно смотрела на золотистый блик. А голос обволакивал, пленял: „Ты хочччешшшь научччитьссся. Ты можжжешшшь научччитьссся. Ты должжжна. Отказссыватьссся опасссно. Лишшшь подойди и дотроньссся до посссоххха…“

„Парселтанг“, — пронеслась в голове случайная мысль и испарилась.

Мелисса сделала шаг вперед.

Не замечая ничего вокруг, Халид напряженно всматривался в пустое лицо девочки, медленно, шаг за шагом идущей к нему, когда периферическим зрением уловил быстрое смазанное движение, затем услышал негромкий щелчок и ощутил, как что-то острое впивается ему в кожу рядом с сонной артерией.

— Отпусти ее. Пожалеешь.

Скосив глаза, он увидел бледное от холодной ярости лицо Снейпа. Нажим усилился. Сомневаться в серьезности намерений противника не приходилось. Халид с досадой цокнул языком: щитовые чары, которыми арабский маг окружил себя пару минут назад, выдержали бы любую магическую атаку, но от перспективы быть банально заколотым не спасали никак. Откровенно говоря, в его планы подобная смерть абсолютно не вписывалась: посмертного покоя и возрождения при таком раскладе не видать.

— Пожалею, — констатировал он и, снова переведя взгляд на Мелиссу, прошипел. — На сссччет три ты очччнешшшьссся. Разсс, два, три.

Девочка вздрогнула, замерла и несколько раз удивленно моргнула, оглядывая комнату. Слева от нее все так же, на полу, сидела ошарашенная и испуганная Мэрчбэнкс, в плечи которой судорожно вцепилась ее подруга. Они не мигая смотрели на своего приятеля, который по-прежнему стоял у камина. Вот только поза его теперь была от расслабленной весьма далеко, что в принципе было объяснимо: Северус приставил к его горлу… „Паркер“? С металлическим пером? Что тут проис…

— Гипноз! Как ты мог? Ну, ты говнюк, Халид! — Гризельда, очевидно, забыв о болевшей голове, взревела, как раненый мамонт.

Стоящая рядом Батильда уже раскрыла рот, чтобы присоединиться к подруге, когда Снейп рявкнул:

— Молчать! – и, не обращая внимания на заткнувшихся на полуслове и разом покрасневших от переполняющего их возмущения дам, тихо обратился к Мелиссе. — У меня в кармане портал. Пароль „Назад“. Ждать меня в кабинете.

— Акцио портал! — прошептала девочка и, сжав в руке влетевшую в нее крышку от обыкновенной чернильницы, перенеслась в Хогвартс.

***

Халид стоически выслушивал претензии оравших ему в оба уха и колотящих кулачками в грудь приятельниц, не обращая на них особого внимания. Смысл? Все их причитания сводились к одному вопросу: зачем.

Что значит, зачем? Он не мать Тереза, чтобы действовать нежно и деликатно. К тому же так быстрее, а скорость при столь неудачном знакомстве — решающий фактор. А тем более в его ситуации: в последние годы внутренние часы, отмеряющие оставшееся время — лет десять, не больше, — обзавелись секундной стрелкой и лишь ускоряли свой бег. Мало. Поразительно мало! Вот он и рискнул пойти по пути наименьшего сопротивления. Но теперь – увы! — игры кончились. Придется договариваться и торговаться.

— Со мной поступили так же. Ничего, не умер, — одним взглядом прервав словесные излияния, спокойно бросил он дамам и уточнил у Снейпа, стоящего с палочкой наготове чуть поодаль. — Почему ручка?

— Чем богаты, — дернул плечом Снейп и, усмехнувшись, ответил вопросом на вопрос. — Если я продолжал держать Протего вокруг себя и ребенка, почему ты должен был поступить иначе?

— Что ж. Недооценил, — Халид хмыкнул и слегка покачал головой. — Впрочем, это взаимно, не так ли? Ну, да суть не в этом. Как делить будем?

Верно понявший его слова, Северус, сощурившись, посмотрел на него и раздельно, словно гвозди заколачивая, произнес:

— Это. Моя. Девочка.

— Неконструктивно. Твоя, — Халид сделал ударение на этом слове, — девочка мне не нужна. Я ищу ученика.

— Неудачно. С ней вы вряд ли теперь найдете общий язык.

— Спорно. Неприязнь и желание отплатить той же монетой могут стать неплохим стимулом. У нее предрасположенность к магии смерти. Она как магнит для нежити всех мастей, — сказал Халид и, заметив промелькнувшую на лице Северуса тень, продолжил. — Представь: какому-нибудь призраку в этой вашей школе, полной энергетических пиявок, надоест убогое подобие жизни. А рядом необученная девчонка, которая энергетически ощущается как сильный некромант. Как долго — даже не морально, а физически! — она продержится, если требующее эвтаназии привидение начнет ее преследовать? Призраки могут

быть очень настойчивыми: резаные раны, паралич, утопление — лишь неполный список их возможностей. Это ученичество нужно в первую очередь ей.

— Сомнительно. Все твои действия кричат о том, что ты заинтересован. И кровно. И не просто в ученике, а именно в ней. Вопрос, почему? — задумчиво протянул Снейп, лихорадочно перебирая в памяти и собирая воедино все обрывки сведений о ближневосточной магии и известных колдунах, которые попадались в различных изданиях, а потом, придя к определенным выводам, пристально посмотрел на своего собеседника. — Тебя приперло. Очевидно, вопрос смерти. А ученик срывается. И, похоже, не в первый раз. В перспективе долгая – нет! — о-очень долгая агония, крайне неприятная смерть, неимоверно отвратительное посмертие и хрен тебе, а не возрождение(6), кахин.

Последнее слово он произнес с несколько вопросительной интонацией, словно уточняя, далека ли от истины его догадка.

— Сильно недооценил, — Халид кивнул, подтверждая предположение собеседника. — Учитывая общий уровень образования на островах…

— Что в меню? — прервал его Снейп. — Помимо некромантии и демонологии. Наверняка, прорицания. Что еще?

— Артефакторика и алхимия. Включая собственные наработки.

„Впечатляет. Отказываться глупо, да и опасно. Во-первых, лишний туз в рукаве еще никому не вредил. А во-вторых, учитывая, что с собой сотворил Лорд, некромантия — это то, что доктор прописал“, — Северус решился.

— Исключительно в моем присутствии. Составим график, который…

— Растянется на десятилетия, — недовольно перебил его Халид.

— Устроит всех, — завершил свою фразу Снейп и усмехнулся. — Не переживай. Девочка весьма способная.

— Сильная, безусловно, но… — арабский маг скептически поморщился, словно не допускал и мысли о существовании способных девочек. — Ладно. Я обдумаю варианты ученичества и сообщу…

— Через Гризельду, — Снейп кивнул в сторону замершей с открытым ртом дамы и добавил. — И еще: мы непременно подстрахуемся обетами. И если ты только попробуешь ее выкрасть, или магически воздействовать, или еще раз применить гипноз…

Договорить ему не дали.

— Нерушимый? — легко предложил Халид и развел руками. — Прямо сейчас. В качестве демонстрации доброй воли, мой друг.

Северус внимательно посмотрел на довольного – пожалуй, даже чересчур довольного, – джинновладельца и, задержавшись взглядом на выгравированном на набалдашнике его посоха Уроборосе, медленно покачал головой.

— Не только. Пожалуй, еще клятва вечностью и возрождением, друг мой, — язвительно вернул он обращение.

Несколько минут царило напряженное молчание, а потом всю фигуру Халида окутало золотистое сияние.

— Клянусь, — громко и четко проговорил он и сокрушенно вздохнул. — И откуда ты взялся, такой умный.

— Тебе какую версию? Про аиста, капусту или пчелку и цветочек?

— После „Шестидесяти четырех искусств(7)“ ничего нового ты мне не поведаешь, — мягко отказался Халид.

Усмехнувшись, Снейп кивнул Батильде с Гризельдой в знак прощания, и уже собирался аппарировать, когда его догнал иронический комментарий:

— Да, моя клятва на сегодняшний случай не распространяется, не так ли?

Выругавшись, Северус мгновенно испарился.

Скрестив руки на груди, Халид задумчиво смотрел на то место, где только что стоял Снейп, и размышлял о том, как в периодические занятия можно вместить весь объем знаний, накопленный им за полтысячелетия, и сколько лет это займет, когда услышал звенящий от возмущения голос Гризельды.

— Ты действительно что-то внушил ребенку под гипнозом?

— Нет, алмаз мой, — пожал плечами Халид и, отвечая на невысказанный еще вопрос, пояснил. — Мелкая месть. Не очень достойно, но не мог удержаться.

***

Тик-так. Тик-так. Влево-вправо. Влево-вправо.

Маятник на часах в кабинете Снейпа ни на секунду не останавливался, отмеряя ход времени. Сколько прошло? Десять минут? Двадцать? Полчаса? Съежившись, Мелисса сидела на диване и гипнотизировала стрелки.

Черт! Черт! Черт! Слезы полились сами собой.

„Соберись! Реветь будешь потом!“ — она несколько раз глубоко выдохнула, пытаясь остановить накатывающую волнами панику, ледяными руками вытерла глаза и подышала на ладони. Почему же так холодно? Ведь камин горит: вон, как ярко пылает пламя.

За дверью послышались торопливые шаги, и в кабинет влетел Снейп. Он подошел к замершей девочке, рывком поднял ее на ноги и, взмахом руки призвав себе стул, сел так, чтобы их лица оказались друг напротив друга.

— Смотреть в глаза! Не сопротивляться! Будет больнее. Щиты опустить! — скомандовал он и, выхватив палочку, произнес „Легилименс“.

Да, палочковая легилименция — это все же нечто. Профессор зельеварения вытащил на белый свет, всесторонне рассмотрел и жестоко препарировал всё. Девочка лишь стискивала зубы и терпела, задвигая свою естественную и приобретенную защиту, как можно дальше. Она прекрасно понимала, что в сложившейся ситуации другого выхода нет, и ждала лишь окончания процедуры и вердикта. К концу сеанса легилименции, Мелисса из последних сил удерживала себя в вертикальном положении: ноги подгибались и дрожали. А Северус снова и снова просматривал события полуторачасовой давности.

Наконец, вынырнув из ее разума, Снейп откинулся на спинку стула, прикрыл глаза и, сосредоточившись, зашипел на корявом, но более-менее понятном парселтанге. Отшипевшись несколько раз для верности, он приказал:

— Переведи!

Только когда Северус, выслушав приблизительный перевод своей относительной тирады, вытер со лба холодный пот и облегченно выдохнул: „Вроде все чисто“, — Мелисса позволила себе потерять сознание.

В себя она пришла от того, что ей под нос сунули что-то отвратительно воняющее. Девочка обнаружила, что лежит на том же самом диване под теплым шерстяным пледом, а Снейп держит перед ее лицом пробку от какого-то зелья.

— Я в норме, — прошептала она, свернувшись клубком и подтянув колени к груди, и поежилась. — Только холодно. Очень.

Профессор движением палочки бросил на нее еще и согревающие чары, принес девочке из кладовки бодроперцовое зелье и устало опустился рядом, уперев локти в колени и закрыв лицо ладонями.

Какое-то время они молчали. Мелисса подсунула ледяные ступни под его ногу, пытаясь унять бьющую ее крупную дрожь, а когда ей это удалось, сообщила ровным голосом.

— Жизнь дерьмо. Я дура.

— Полное. Набитая, — не меняя позы, профессор глухо подтвердил оба тезиса и, подумав немного, все же добавил. — В силу крайней юности. Должно пройти с возрастом. Впрочем, и я не лучше. Недооценил. Если бы посмотрел в твою сторону на

минуту позже…

Мелиссу передернуло от осознания подобной возможности, а Снейп тем временем продолжил:

— А жизнь… Жить станет легче. Когда сделаешь великое открытие и поймешь: все люди сволочи, пока не докажут обратное.

— Эврика! — невесело улыбнулась девочка, подтверждая, что открытие уже совершено, уставилась на языки пламени, пляшущие в камине, а потом сбивчиво произнесла, морщась от собственных криво построенных фраз и жалобно звучащего голоса. — Я слишком разделила мир обычных людей и волшебников. Он выглядел чересчур… чересчур магом. Проклятие, заклинание, яд, ритуал. Ожидаемо. Я бы не удивилась. Но это… Почему он так легко меня загипнотизировал? Я ведь сдерживала ментальные атаки. И твои, и Дамблдора.

Северус хмыкнул.

— Я не специалист, но кое-что читал. Считается, что при определенных условиях и должных навыках загипнотизировать можно любого, а с волевым человеком, способным концентрироваться, это провернуть проще, чем с рассеянным. Судя по тому, что я видел в твоем разуме, наш новый „друг“ применил некий симбиоз медицинского гипноза и цыганских техник. Начал он, как типичная: „Молодая-красивая, не проходи мимо, позолоти ручку!“ — голос Снейпа приобрел характерные интонации, и девочка невольно улыбнулась. — Цыгане, чтобы привлечь внимание и вызвать сильные эмоции, обычно давят на страх, выдавая что-нибудь вроде: „Беда тебя ждет. На каталке тебя вижу. Белой простыней накрытой вижу. С ярлыком на большом пальце вижу“.

Нет, наш знакомый конца света тебе не предрекал, лишь нажал на супер-кнопку „Исключительность“. Он дал тебе понять: ты особенная и можешь овладеть тайными знаниями. Дальше вопрос техники: тебя, возбужденную открывшимися перспективами, попросту заболтали. Вспомни, как он говорил. Быстро, обволакивающим голосом, засыпал тебя лишней обрывочной информацией о легендах, мифах. Причем усилил эффект с помощью блестящего движущегося предмета. И заключительный этап — команда: подойти и дотронуться до посоха. Потом, вероятно последовала бы аппарация.

— Для парной аппарации нужен физический контакт, — возразила девочка.

— Перестраховка. Ни под каким гипнозом человека нельзя заставить сделать то, что расходится с его чувством самосохранения. Ты бы в здравом уме взяла его за руку? —

поинтересовался Снейп и после яростного отрицания успокаивающе похлопал ее по руке. – Ну, вот видишь. Знаешь, по большому счету, надо сказать ему спасибо.

— За то, что ткнул меня носом в лужу, как щенка? — с сарказмом уточнила Мелисса, которой категорически не понравилось чувство тотальной беспомощности, испытанное по милости арабского мага. — Вот уж не думала, что мне настолько была необходима прививка от излишней самоуверенности. Что ж, если когда-нибудь его встречу, то сердечно поблагодарю. В стихах. Под гитару.

— Начинай репетировать, поскольку ваша следующая встреча не за горами. Ты будешь у него учиться, — хмыкнув, объявил Снейп и кратко пересказал свой разговор с Халидом.

Мелисса резко села, обхватив руками колени и поставив на них подбородок, и мрачно взглянула на профессора зельеварения.

— Я не… — начала было она, но вдруг неожиданно замолчала, глубоко задумавшись.

«А, собственно, что „не“? Не выношу потенциального учителя? Ну, и Макгонагалл не педагог моей мечты. Что теперь, забить на трансфигурацию? Тупо не хочу — не буду? Довод обморочной истерички, выбравшей для капризов весьма неудачное время. Что, мне в партии с Дамблдором и Темным Лордом дополнительный козырь помешает? А изучать некромантию и демонологию без наставника — проще сразу выдвинуться в сторону ближайшего кладбища на погребальном экипаже, насвистывая траурный марш, вырыть себе там могилку и аккуратно закопаться. Других же специалистов в этих областях в Британии нет. Значит, надо наступить на горло собственной песне, собраться и… — девочка мстительно усмехнулась, — помочь гипнотизеру максимально быстро решить вопрос с его будущей смертью, раз уж он так торопится на тот свет!»

Подняв глаза на Снейпа, внимательно следящего за выражением ее лица, Мелисса выдохнула и закончила начатую фразу:

— Я не откажусь, не думай. Ты ведь мне поможешь?

— А куда я денусь? — он усмехнулся, шутливо щелкнув ее по носу.

***

Фенрир Сивый, удобно расположившийся в кожаном кресле одного из кабинетов банка Гринготтс, стремительно мрачнел. Больше месяца чертов Фреддо „причесывал“, по его собственному выражению, свой бизнес-план и отлавливал в нем „блох“. Наконец, он явился к Сивому, потряс перед его лицом хлипкой картонной папочкой и блаженно выдохнул: „Все готово!“

Шли они на встречу с поверенным Мелиссы в приподнятом настроении: Фред заразил Сивого своей уверенностью, что заключение сделки — дело пары дней. Ну, максимум — недель. Сюрпризов, по его мнению, не должно было быть.

И вот теперь Фенрир наблюдал, как выражение лица гоблина, листающего план, от страницы к странице становится все более и более кислым. Похоже, Фреддо погорячился: неожиданностей будет предостаточно.

Впрочем, первый сюрприз ждал их сразу, как они вошли в кабинет: Мордредовым поверенным оказался Оглаф. Лет пять назад они уже пересекались. Фенриру, обложенному тогда со всех сторон, потребовалась срочная частная консультация, и вожак дружественной стаи, порекомендовал именно этого гоблина. Сивый, скрепя сердце, заплатил последние пять галлеонов — стандартную часовую ставку консультанта — и не пожалел. Гоблин отработал каждый кнат, четко расписав, как именно оборотень, не имеющий никаких прав, может открыть сейф и скрыть часть доходов стаи от зоркого ока Министерства. Меры оказались действенными, что позволило волкам Фенрира ослабить пояса, которые были затянуты уже практически на шее, и немного раздышаться.

Наконец носатый выжига поднял на них глаза и фыркнул:

— Бред собачий. В таком виде — категорическое нет!

Фенрир и рта не успел раскрыть, как Фред, брызгая слюной, начал спорить, доказывая, что план безупречен. Что расходы окупятся в течение двух-трех лет, а стабильно растущий доход обеспечен.

Оглаф закатил глаза, а Сивый, негромко рыкнув, тычком заткнул Фреда и выжидающе посмотрел на гоблина.

— Фенрир, ты уже читал утренний „Пророк“? — спросил тот и, заметив недоумение оборотня, понимающе кивнул. — С завтрашнего дня вы снова „твари“. Что это значит, знаешь и сам.

Сивый скрипнул зубами от злости. А Оглаф тем временем продолжал.

— Теперь вам даже в магических общественных местах без официальной бумажки появляться нельзя. Не то что в магловских. А у вас весь план завязан на мир людей. Как ты вообще собирался решать вопрос с документами?

— Ну, у него есть, — Фенрир мотнул головой в сторону Фреда. — И еще у нескольких. Да и выход на одного прикормленного козлика в отделе взаимодействия с маглами у меня имеется. Должен мне по самое не балуйся. Думал, успеем. Покуда умники из отдела контроля раскачаются и выжмут из себя очередной закон в честь нас.

— Ты, извини, охренел? — поинтересовался Оглаф таким тоном, которым обычно спрашивают, как пройти в библиотеку. — Планировать обойти Мордредову кучу законов магической Британии и начать сие благородное дело с визита в Министерство? Может, пошлешь им официальное уведомление или дашь объявление в „Пророк“, а то, не дай Мерлин, кто-нибудь да пропустит столь эпохальное событие. Кроме того, в отделе взаимодействия с маглами тебе бы предоставили наколдованное удостоверение личности. А с ним можно лишь прогуляться в парке и в баре выпить. Заметь, культурно. Без мордобития.

— Че так? — удивился Фенрир.

— Ну, если ты грубо пощупаешь чью-нибудь физиономию, приедут полицейские. И привет — пишите письма мелким почерком на клочке бумаги, — ответил Оглаф и, взглянув на хлопнувшего себя по лбу Фреда, фыркнул. – Вон, до щеночка твоего дошло.

Сивый зыркнул на спутника и ткнул его кулаком в бок.

— Мы погорим при первой же проверке документов, — пояснил тот, потирая место ушиба. — Наколдованные удостоверения не будут проходить по базам данных. Кроме того, только их недостаточно. Люди пользуются огромным количеством документов. Свидетельство о рождении, удостоверение личности, социальная и медицинская страховки, документы об образовании, хотя бы школьном. Это минимальный набор.

— Не, ты мне вот что скажи, — перебил Фенрир, обращаясь к Оглафу. — У мелкой же есть документы, да и деньги она дает. Нам эти бумажки на кой?

— А как вас на работу нанимать прикажешь? Как веселых лесных гномов в синих колпачках с бубенчиками? — спросил гоблин, откинувшись на спинку кресла. — Это не игра. Все бумаги должны быть абсолютными, чтобы комар носа не подточил. Вы вообще хотите улучшить качество жизни и подготовить пути для возможного отступления? Если да, о чем спор? Далее, почему не предусмотрены сотрудники-маглы? Или предлагаешь каждый месяц вешать на двери табличку „Закрыто на полнолуние“?

Оглаф окинул взглядом оборотней и, не дождавшись ответа, продолжил:

— Следующий вопрос: качество оказываемых услуг. Сейчас, на данный момент времени, оно будет отвратительным, — гоблин жестом остановил Фреда, снова желающего возразить. — Я ничуть не умаляю физического превосходства оборотней:

обоняние, сила, скорость. Но знакомы ли ваши волки с магловской техникой, оружием, боевыми искусствами? Согласитесь, вам нужны инструкторы. Оптимально, бывшие полицейские или морские пехотинцы.

Фред круглыми глазами уставился на гоблина, столь непринужденно ориентирующегося в реалиях обычного мира.

— Естественно, гоблины ведут дела с маглами. Где мы, по-твоему, берем деньги на обмен? Сами рисуем? — снизошел до объяснений Оглаф и снова обратился к Фенриру. — Теперь понятно, почему я называю этот план бредом?

Расстроенный Фред опустил голову и уже было встал, полагая, что встреча окончена и им отказали окончательно, но Сивый, оскалившись, дернул его за рукав, понуждая сесть обратно, и взглянул на гоблина.

— Че-нить предложишь или разбегаемся?

Оглаф задумчиво постучал пальцами по подбородку и медленно сказал:

— Предложу следующий вариант. Я присматриваю парочку небольших детективных агентств, дышащих на ладан. Мы скупаем их за гроши, нанимая, естественно, бывших сотрудников, и развиваем по бизнес-плану твоего мальчика. В этом разделе он, кстати, весьма неплох. Оборотни, у которых имеются магловские документы, начинают там стажироваться. Потом будут обучать оставшихся. Что до легализации в магловском мире. Я свожу вас со своим… Как ты там выразился, Фенрир? — Оглаф защелкал пальцами. – Ах, да! Прикормленным козликом в Хоум-офисе(8). Он оформит вам свидетельства о рождении и удостоверения личности, а также даст координаты такого же парнокопытного в налоговом ведомстве. Сразу скажу, во времени это растянется. График они определят сами, чтобы не подставиться. Что до документов об образовании. Тут я вам ничем помочь не могу. Будете ли вы искать выход на министерство образования или сдавать экзамены за среднюю школу — это уж вы разберетесь. Но вопрос должен быть решен.

— У нас нет столько капусты, — констатировал известный факт Фенрир. — Мы же не огородники, как некоторые.

— О, боги! — театрально воздев руки к потолку, буквально пропел Оглаф. — Никогда не думал, что скажу такое, но деньги решают далеко не все.

— А чем ты прикормил этого своего козлика, Оглаф? — поинтересовался Сивый, пристально глядя на гоблина сощурившимися глазами. — Козлик поранился? Или хворал? Или его козочка? Или козлята? Зелья или лечебные заклинания?

Гоблин лишь глубокомысленно хмыкнул, а Фреда осенило:

— Больница или хоспис, — прошептал он. — Вы там его нашли. Это золотое дно. Если хорошенько поискать, то среди смертельно больных можно найти и госслужащих, и морпехов, и бывших бобби(9).

— Или членов их семей. И благодарны они будут весьма и весьма, — подтвердил его выводы Оглаф. — Хотя не всякую болезнь и не на каждой стадии можно вылечить зельями.

— Слюной оборотня в кровь — каждую, — почесал затылок Сивый. — В соседней стае есть один бывший раковый. Последняя стадия была вроде. Смертничек, не? По его словам, был счастливо погрызен. Сейчас жив, здоров, вонюч и волосат. Фреддо, хорош сиять оскалом в тридцать два клыка. Игры кончились. Кусать всех подряд — верный способ озадачить Министерство и быть пущенным на ингредиенты. Если и найдем кого, решать они будут сами.

Фред послушно притушил улыбку. Фенрир был прав: если и обращать, то редко, но метко. А Сивый тем временем подался вперед и, уперевшись локтями в колени, поинтересовался:

— Что тебе надо? Ну, что от нашей доли ты сейчас отпилишь еще кусок, это к прорицателю не ходи. Что еще? Ты же непроста сливаешь нам свои связи и… Как там это у маглов называется?

— Ноу-хау, — замешкавшись, подал голос Фред, не сразу сообразив, что имел в виду вожак.

Оглаф улыбнулся.

— Перед тем, как обращать кого-нибудь или вербовать, вы будете ставить в известность меня. Я отберу нужных мне людей. Если вдруг будет спорная кандидатура, договориться сможем всегда. Надо будет — одолжу в качестве инструктора или тренера.

— И сколько тебе надо людей?

— Точно не скажу. Пока небольшой отряд телохранителей. Этаких верных головорезов. У тебя на подобный контингент нюх, Фенрир. Меня интересуют и те, кого можно просто вылечить, и те, кого придется обратить. Главное условие, они должны быть сквибами.

— Ни хрена себе! А че не высшими эльфами? Почему именно сквибы? — удивился Сивый, а потом цепко взглянул на своего собеседника и медленно ответил сам себе. — Вассальная клятва. На это их слабых магических силенок должно хватить. И это не для тебя.

Оглаф молчал, а Сивый, очевидно, придя к какому-то выводу, медленно откинулся на спинку кресла, осмотрел гоблина и с интересом протянул:

— Вон оно как! Может и ты уже, — он хохотнул, даже в

мыслях не допуская подобной возможности, — вассал?

— Не идиотничай, Фенрир, тебе не идет, — спокойно ответил Оглаф. — Ты прекрасно знаешь, что вассальную клятву можно дать только главе рода. Пока только полный найм.

— Пока?!

Сказать, что Сивый был поражен, — ничего не сказать. Он, уже имевший дело с гоблинами, даже представить себе не мог, что должно было произойти, чтобы кто-нибудь из них когда-нибудь решился на подобный шаг: добровольно принести вассальную клятву волшебнику. Фенрир волевым усилием подобрал отвисшую челюсть и поинтересовался:

— Почему?

— У меня есть мечта…

„Тоже мне, Мартин Лютер Кинг(10)! Версия-негатив!“ — мысленно фыркнул Фред, наблюдая за словесным бадминтоном, а Оглаф тем временем продолжал:

— И исполнение этой мечты во многом зависит от нее.

— Ты че, реально собрался?! — возопил Сивый.

— И тебе рекомендую, — Оглаф слегка поморщился от резкого звука.

— Сбрендил! — возмущенный оборотень так прибавил громкость, что даже привычный Фред подпрыгнул от неожиданности. – То, что она — истинный первенец, ничего…

— А она еще и истинный первенец! — возбужденно перебил его Оглаф и жестом велел Фенриру замолчать.

Было видно, что гоблин лихорадочно что-то обдумывает. Потом он схватил со стола лист пергамента, оторвал от него кусочек и что-то быстро написал на нем. Затем смял записку, подбросил ее вверх и взмахом руки подпалил.

Фреддо с удивлением наблюдал, как маленький огненный комок, не долетев до гладкой, лакированной столешницы, испарился в воздухе. Через несколько минут молчание, воцарившееся в кабинете, было прервано коротким стуком в дверь, и на пороге появился еще один гоблин с пронзительными темными глазами и торчащими во все стороны, словно он только что вытащил пальцы из розетки, волосами.

— Арг! — разом воскликнули Оглаф и Фенрир и, изумленно уставившись друг на друга, так же одновременно спросили. — Вы знакомы?

И тут же хором грянули.

— Да!

Вошедший плюхнулся в свободное кресло.

— Прелестненький дуэтик. Вы настоящие талантики! Про магловское синхронное плавание не думали? Я уже вижу афишки:

вы стоите в полный ростик в одинаковых шапочках, купальничках и с прищепками на носиках. А внизу большими буковками написано: Лучшие ножки Лондона! — пафосно объявил он и, критическим взглядом осмотрев Сивого, скучным голосом констатировал. — Только тебе не мешало бы сначала их помыть, побрить и выпрямить.

— Слышь, ты! — возмутился Фенрир. – То, что ты один раз снял с моей левой задней министерский браслет, — за хорошие бабки, между прочим! — еще не дает тебе права хаять мои ноги!

— Правда-истина! — Арг хлопнул оборотня по плечу. — И потом, я же имел счастьице любоваться только одной твоей ножкой. Может, вторая у тебя мытенькая, бритенькая и пряменькая.

Фенрир побагровел и подозрительно громко задышал, словно набирая воздух в грудь. Фред сжался, но воплей не последовало: все трое жизнерадостно заржали. Первым успокоился Арг.

— Оглаф, а ты меня зачем вызвал? Не ножки же Сивого обсуждать? — обратился он к приятелю.

Тот согласно кивнул и, посмотрев на Фенрира, попросил:

— Повтори Аргу то, что сказал мне.

— Че, с начала? — дурашливым тоном спросил оборотень и, заметив укоризненный взгляд гоблина, с точностью до слова процитировал сам себя. – То, что она — истинный первенец, ничего…

Фред видел: Сивый явно ожидал, что Арг попросит каких-либо пояснений или начнет задавать наводящие вопросы. Однако тот, казалось, полностью ушел в свои мысли. Когда же он из них вынырнул, с его лица ушло шутовское выражение, и гоблин заговорил в совершенно другой манере: резкими рублеными фразами.

— Шансы растут. Я в игре, — сказал он Оглафу, очевидно, продолжая какой-то прошлый разговор, и кивнул в сторону Фенрира. — Он с нами?

— Ни хрена не с вами, пока не узнаю, о чем вы тут толкуете! — отрезал Сивый. — И сразу говорю: Нерушимого от меня не ждите. Плавали — знаем.

Гоблины переглянулись. Оглаф хмыкнул, выдвинул правый верхний ящик письменного стола, достал оттуда медную курильницу с выгравированными на ней рунами, серебряный атам и сверток с каким-то сухим травяным сбором. Выдавив несколько капель своей крови в углубление курильницы и бросив сверху несколько щепоток трав, гоблин щелчком пальцев зажег огонь. В воздухе запахло чем-то терпким.

— Этот гоблинский сбор обладает замечательным свойством.

Мы не сможем обсуждать ни с кем ничего из того, что будет сказано в течение часа после того, как трава прогорит, без разрешения Оглафа. Он, как пожертвовавший собственной кровью, является хранителем тайны, — меланхолично наблюдая за дымом, поднимающимся вверх ровными кольцами, пояснил Арг и, вдруг внимательно посмотрев на Фреда, обратился к Сивому. — Он сквиб?

— Угу, — буркнул Фенрир. — Прюеттовский.

— Да хоть из рода Мерлина! Пусть ждет за дверью. На него может не подействовать.

Сивый даже не дал Фреду повозмущаться для порядка. Повинуясь повелительному кивку вожака, он встал и направился в сторону выхода. Последнее, что он услышал, до того как медленно закрывающаяся за ним дверь кабинета отсекла малейший шорох, было:

— Если бы мы тебе сказали, что есть реальная возможность выйти из-под юрисдикции мини…

***

Мелисса вылетела из кабинета профессора зельеварения за десять минут до комендантского часа: они до последнего обсуждали график занятий. Расписание получилось похлеще, чем в магловской школе.

Единственное, чем она могла его хоть как-то разгрузить, — это договориться со Снейпом и, если получится, Флитвиком об устных опросах, вместо эссе. Ведь именно на письменные задания тратилось больше всего времени. В конце концов, и с тем, и с другим она встречалась на дополнительных занятиях.

Лично для себя она со своей памятью и способностями проблемы не видела. Снейп согласился условно: до первого плохого ответа. Оставался Флитвик. Именно с мыслями о том, как уговорить преподавателя чар на подобный эксперимент, девочка неслась по коридору к гостиной Слизерина, когда в кого-то врезалась.

Этим кем-то оказался Перси Уизли. Мелисса недоуменно взглянула на него, не понимая, что он, собственно, забыл в подземельях перед отбоем.

— Я тебя весь день тут караулю, — выпалил он.

Поняв, что вопрос серьезный, девочка приложила палец к губам и дернула его за рукав, уводя в соседний коридор. Оглядевшись, она поставила звуконепроницаемый полог и внимательно посмотрела на Перси.

— У нас на факультете начались какие-то непонятные игры. И как мне кажется, в твою честь.

———————————

(1) Ананта (индуизм) — тысячеголовый правитель змей. Символизирует бесконечное, беспредельное, плодородие.

(2) Медный змей Моисея (араб. Мусса) — также символизирует гомеопатический принцип, подобное лечится подобным.

(3) Левиафан — змей глубин, часто ассоциируется с Сатаной.

(4) Уроборос (пожирающий свой хвост) — символ вечности и возрождения.

(5) В христианстве змей — амбивалентный символ: это и Христос, как мудрость, вознесенный на Древе жизни в качестве искупительной жертвы, и Сатана, искуситель, враг Бога и участник грехопадения

(6) Такие легенды действительно существуют, в том числе и на арабском востоке. Считается, что сильные и древние маги чувствуют приближение смерти и должны заранее найти ученика, которому передадут накопленные знания, а иногда и магическую силу. В противном случае предсмертная агония может длиться очень долго, а после смерти есть вероятность стать призраком или личем. Что касается веры в возрождение или перерождение (реинкарнацию): современный ислам отрицает подобную возможность, но ислам средневековый ее вполне допускал, как, впрочем, и некоторые современные секты.

(7) Шестьдесят четыре искусства — другое название Камасутры.

(8) Хоум-офис — департамент Правительства Великобритании, функции которого аналогичны функциям МВД в других странах

(9) Бобби — сленговое название полицейского в Англии. Произошло от имени основателя Лондонской полиции: Роберт.

(10) У меня есть мечта („I have a dream“) — название самой известной речи Мартина Лютера Кинга.

= = = = = = = = = = ГЛАВА 28. Первый привет из прошлого = = = = = = = = = =

– Эй, Эванс!

Мелиссу, вывалившуюся из класса трансфигурации и уже готовую в бешенстве рвануть по коридору, куда глаза глядят, дернули за рукав и остановили. Она резко обернулась, готовая в этот момент проклясть любого, кто бы перед ней ни находился. Желательно, конечно, саму Макгонагалл. Это оказался Тимоти Бленкинсоп, первокурсник-гриффиндорец. Вечно лыбящийся, вечно растрепанный, одетый в вечно заляпанную мантию, вечно застегнутую не на те пуговицы в виде снитчей. Заметив ее злые уставшие глаза и руку, сжимающую волшебную палочку, он слегка притушил улыбку и приподнял руки вверх в примиряющем

жесте.

– Хей-хей! Без всплесков! Ты что, из-за Макги расстроилась? Да плюнь! Рано или поздно она поймет, что ты свой чувак, и станет ласковая, как котенок!

Это был чертов финиш! Неделя, и так стартовавшая не слишком мажорно, окончательно перестала быть томной. И ведь все одно к одному. Мало того, что вечером начнутся занятия с Милтоном Эриксоном(1) арабского разлива, к которым она должна была прочитать и уяснить тринадцать классификаций призраков – Халид хотел оценить ее способность к обучению. Мало того, что она уже несколько дней практически ни с кем не общается, разрываясь на британский флаг, чтобы сделать задел на будущее и написать максимальное количество эссе, – спасибо Спраут и Уильямсону, давшим ей список тем сочинений до конца года. Мало того, что ее настойчиво зовут пообщаться гоблины, которые, по их заявлениям, нашли ответы на поставленные Мелиссой вопросы и так сильно жаждут похвалиться, что подождать согласны лишь до Йоля, но не дольше. Мало того, что за сегодня она ухитрилась потерять в общей сложности тридцать баллов. Так ее уже дней пять весьма активно взялись «любить» студенты Гриффиндора: улыбаться, приветствовать, кивать, спрашивать о здоровье и планах на выходные и будущее, вызывая озадаченные взгляды и шепотки слизеринцев. А теперь она еще, оказывается, и «свой чувак»!

Нет, Перси ее, конечно, предупреждал, но подобного она не ожидала. Впрочем, и информация, полученная от него, была неопределенной и недостаточной: после громкой ссоры со старшими братьями и Вудом, он был еще менее популярен, чем обычно, и общение с однокашниками сводилось к «привет», «пока», «передай сахар», «не твое дело» и «пошел ты». Поэтому ни в какие дела факультета его особо не посвящали, любые разговоры при нем затихали и единственное, в чем он был стопроцентно уверен, так это в том, что фамилия Мелиссы снова треплется в гриффиндорской гостиной, как флаг на ветру. Он рекомендовал быть осторожней и отрастить фасеточные глаза, как у насекомого, а то – мало ли что!

А уже на следующий день к ней и ее однокурсникам в коридоре подошел хмурый и сосредоточенный Билл Уизли. Он выразительно посмотрел на друзей Мелиссы, видимо, хотел поговорить наедине, но затем передумал.

– Я хотел сказать, что ценю твое умение молчать. Я был не прав. Мое поведение было недостойным. Я прошу за него прощения. У вас тоже, – он кивнул Боулу с Хиггсом и ушел.

Мелисса, сощурившись, смотрела ему вслед.

– Он заболел? Или я сплю? – удивился Теренс. – Не припомню, чтобы мне кто-то рассказывал, что львы умеют признавать ошибки, а уж извиняться…

– Может, совесть проснулась? – девочка посмотрела на приятелей и пожала плечами, а потом, подумав, добавила. – Но если в ближайшее время повинится еще и Вуд, я начну нервничать. Или паниковать. По обстоятельствам.

– Какая паника? – усмехнулся Люциан. – Мы-то всегда рядом. И декан прикроет, если мы львов в порядке самозащиты поцарапаем. А Селвин и Роули постоят рядом как свидетели, ведь так?

Селина и Торфинн неопределенно пожали плечами. Они вообще в последние пару дней были какими-то странно тихими и не слишком общительными, словно старались обособиться, отделиться. Впрочем, это было их право. На Слизерине личное пространство уважалось свято.

Следом, действительно, нарисовался Вуд. Он поймал их сразу после ужина на выходе из Большого зала, когда они уже подошли к лестнице, ведущей в подземелья. Набычившись и уставившись в пол, он выдавил:

– Эванс, надо поговорить.

Девочка удивленно взглянула на него:

– Мне – не надо.

– Это надо мне, Эванс. Я хочу извиниться. Наедине, если можно.

Мелисса кивнула приятелям и направилась от лестницы к статуе первого директора Хогвартса. Стратегически верное место: отлично просматривается от входа в подземелья. Вуд шел за ней.

– Что ж, думаю, мы достаточно уединились. Я вся внимание.

– Эванс, извини, – нехотя произнес Вуд и замолчал.

– Все? Это можно было сказать и при остальных.

– Нет, Эванс. Мне, правда, жаль. Я не хотел, – он буквально по капле выдавливал из себя слова. – Простишь?

«Зелье окончательно выветрилось? Или заставили?» – подумала девочка и оглядела холл поверх его опущенной головы: где-то у лестниц виднелись ярким пятном две рыжие макушки. Значит, все-таки Уизли, причем сразу оба старших, в четыре кулака обрисовали Вуду глубину его заблуждений.

Мелисса напряженно думала: в чем конечная цель этих дурацких, никому не нужных извинений? Было ли это указание сверху или личная инициатива неугомонного Уизли-старшего? Просто пыль в глаза или план по привлечению ее на светлую сторону Силы? И ведь непонятно, как реагировать. А если…

Перед глазами неожиданно встала сцена, невольным

свидетелем которой она стала в приюте: завхоз просил прощения у кухарки, своей зазнобы. Почему зазнобы? Ну не полотенца же они пересчитывали в его подсобке по пять раз на неделе. За что уж он там извинялся – сняли ли его с поломойки, или он не встал на одно колено с коробочкой в руках в день Святого Валентина, или за то и другое сразу, – понятно не было, но повариха, к удивлению Мелиссы, прямого ответа не дала. И не простила, и не послала: немного побрызгала слезами и обещала подумать, и даже не слишком долго. Мужик в сердцах хлопнул дверью, выпалив, мол, вечно эти бабы цену себе набивают да сцены в рододендронах из романа «Любовь в терновнике» разыгрывают. А кухарка после его ухода лишь вытерла сопли фартуком, расслабленно потянулась и заговорщически сообщила кипящей на плите кастрюле:

– А я женщина – могу себе позволить и поломаться. Зато на эту неделю я королева Англии.

И оказалась права. Мужик был предупредителен, как гвардеец кардинала, преданно смотрел печальными глазами да закармливал ее конфетами.

В общем, так и не придя к определенному выводу относительно мотивов Вуда и вспомнив намеки Перси о том, что Оливер ей якобы симпатизирует, Мелисса последовала данному кастрюле совету и начала ломаться. Причем, от души. Решив не изобретать велосипед, она добавила дрожи в голос и практически дословно, лишь немного изменив сообразно обстоятельствам, выдала кухаркину речь о несправедливой обиде, испытанных душевных страданиях и подорванном доверии и в конце, пообещав подумать, оставила ошарашенного Вуда подпирать статую.

– Ты не родственница Трелони часом? – спросил ее после, уже в общей гостиной, Люциан. – Как ты узнала, что появится Вуд, посыпая главу пеплом.

– Люц, ну ты как выдашь! Разве Лисса похожа на стрекозу в пьяном обмороке? – возмутился Теренс и уточнил. – Нервничаем или паникуем?

– Пожалуй, пока только нервничаем, – ответила Мелисса.

Однако постоянно нервничать психологически было весьма затратно: перманентное внутреннее напряжение утомляло. Поэтому каждую свободную секунду сегодняшнего дня Мелисса посвятила составлению рунной формулы, которая действовала бы как сигнальное заклинание, а также как легкие чары отвлечения внимания, и срабатывала бы только на негатив, причем направленный непосредственно на нее, любимую.

Учитывая, что на данный момент времени она могла

оперировать рунами только в пределах третьего-пятого курсов Хогвартса, формула получалась зубодробительная и мозги просто кипели. Это было все равно, что решать задачку по термодинамике с помощью формул из учебника физики за пятый класс или дифференциальное уравнение на счетах.

Наконец, перед трансфигурацией, подходящая рунная цепочка сложилась и девочка, решив провести полевые испытания, оторвала полоску с формулой от тетрадного листа. Дальше она собиралась активировать руны и пришпилить бумажку к подкладке мантии. Вот тут-то и выяснилось, почему маги пишут на пергаменте: магловская бумага не выдержала магического воздействия. Лист мгновенно вспыхнул и загорелся жизнерадостным огоньком. Скаутский костерок и жареный зефир в развлекательную программу дня никак не вписывались, поэтому Мелисса быстренько залила огонь Агуаменти.

Расстроенная тем, что ее многочасовая работа отправилась псу под хвост, она выудила из лужи листок и разглядывала расплывающиеся знаки, когда услышала:

– Десять баллов со Слизерина за пожар…

Подняв глаза, Мелисса увидела перед собой Макгонагалл, неприязненно поджавшую губы.

– Пять баллов за лужу… – продолжила она тем временем.

Девочка тряхнула головой, словно опомнившись, вытащила из рукава палочку и высушила залитый водой каменный пол.

– И пять баллов за колдовство в коридоре, – припечатала профессор.

В этот момент из-за плеча Мелиссы появилась чья-то рука, которая резво цапнула мокрый листочек с формулой, а на голову самой девочки посыпались пергаментные свитки. Профессора древних рун, Батшеду Бабблинг, – а рука принадлежала именно ей, – рассыпавшаяся собственность совершенно не смутила. Ее в принципе не могло смутить ничего. Даже если бы где-нибудь на территории Хогвартса вдруг упал астероид, она бы лишь пожала плечами и двинулась по своим делам. Свалившийся с неба булыжник заинтересовал бы ее, только если бы на его поверхности обнаружились незнакомые руны.

Бабблинг с интересом рассматривала рунную цепочку, по своему обыкновению, быстро, без пауз, бормоча себе под нос что-то вроде: «Оригинально-левой-ногой-правое-ухо-гвозди-микроскопом-трахеотомия-перочинным-ножом…»

Через несколько секунд она стряхнула с рук окончательно расползшийся лист бумаги, взмахом палочки собрала упавшие пергаменты и, уже на ходу бросив чуть ли не в одно слово: «Пятнадцать-баллов-Слизерину-за-работающее-Мордред-знает-

что-такое», – пересекла коридор и скрылась за поворотом, даже не глядя на ошарашенных первокурсников и замершую с приоткрытым от возмущения ртом Минерву.

Естественно, подобная щедрость практически полностью нивелировала воспитательный эффект от нахмуренных бровей и поджатых губ профессора Макгонагалл, а также снятых ею баллов. Мелисса расслабилась. На уроке она вполуха слушала об уже известных ей законах Гэмпа и исключениях из них, когда в голову неожиданно пришла интересная мысль: а так ли прав был Гамп, утверждая, что нельзя трансфигурировать еду? Нет, только клинический идиот может трансформировать камень в именинный пирог, рискуя тем, что тот в любой момент вернется в изначальное состояние. Если не на зубах, превращая их в крошево, то в желудке, что хорошего самочувствия тоже не прибавит.

Но что если превратить черствый кусок хлеба в свежий батон? А если в говяжий стейк? Какой будет вкус: как у мяса или как у сухаря? А калорийность и набор витаминов и минералов будет соответствовать хлебу или говядине? И если мясу, то какова вероятность того, что все необходимые организму питательные вещества успеют впитаться в кровь до того, как произойдет обратная трансформация?

С отбивной мысль перескочила на крупный рогатый скот. Если купить козу и каждый раз перед дойкой превращать ее в корову-рекордсменку, молоко будет козье или коровье? А если трансфигурировать из чего-нибудь племенных животных и вложить побольше магии, чтобы хватило, как минимум на год, – или сколько там длится коровья беременность(2)? – телята будут настоящими?

Открывающиеся перспективы, типа превращения мандариновой кожуры в лобстера на гриле, до того захватили Мелиссу, что она, забыв том, в чьем классе находится, подняла руку и попыталась выяснить, так ли уж незыблемы законы Гэмпа, как все утверждают. Взгляды профессора были не настолько либеральны, чтобы выслушивать подобные теории до конца и вникать в суть. Мелисса даже не успела добраться до сути своей идеи и аргументировать ее и лишь усомнилась в том, что еду нельзя трансфигурировать, как с нее слетело двадцать пять баллов: за незнание законов Гэмпа, неуважение к предмету и попытку срыва урока. Оставшееся от урока время девочка успокаивала себя тем, что придумывала эпитеты профессору трансфигурации, причем определение «кошка драная» было самым уважительным из них.

И вот сейчас перед ней стоит Бленкинсоп и утверждает, что

драная кошка может быть ласковым котенком? Да достали! И Макгонагалл, и ее подопечные. Мелисса развернулась и пошла по коридору прочь от следующего за ней по пятам Тимоти. Необходимо срочно найти место, где можно было бы заново написать формулу и активировать ее. Интересно, хотя бы в туалет она сможет зайти без свидетелей, или Бленкинсоп рванет за ней и туда?

***

Каскад холодных брызг неожиданно окатил Мелиссу и пергамент, на котором она писала, а над ухом раздался оглушительный визг, словно под потолком заметалась стая летучих мышей:

– Что ты здесь деееелаешь?!

Подскочив с пола и сбив ногой чернильницу, она обернулась и направила волшебную палочку в сторону источника отвратительного звука. Перед ней зависло привидение. Это была пухленькая девочка с тугими косичками, круглыми очками и усыпанным прыщами лицом, по которому стекали призрачные слезы, капризно тянущая звуки в словах.

– Пришла такая поиздеваться над толстой, страшной Миртл?! Обииидно!

Мелисса только сейчас обратила внимание, в чей туалет ее занесло. Сама она здесь была впервые, но девочки-слизеринки обычно обходили его по длинной дуге. Кому понравится быть окаченным с ног до головы водой из сливного бачка? Бросив на себя очищающие и сушащие заклинания, Мелисса слегка нахмурилась, внимательно разглядывая возмущенное привидение.

– С чего ты взяла, что ты толстая и страшная? Кто сказал такую чушь?

– Эта красооотка, Оливия Хорнби, – взвизгнула Миртл на порядок тише.

– Дура твоя Оливия. Ноги у тебя кривые? Мне под мантией не видно…

«Надо же, какая впечатлительная! – подумала Мелисса, наблюдая всю гамму эмоций, сменяющуюся на лице привидения. – Похоже, относительно свеженькая: столетний юбилей еще не отметила».

В голове всплыла только вчера прочитанная и буквально въевшаяся в мозг магрибинская(3) классификация призраков, показавшаяся ей самой точной из всех существующих на сегодняшних день.

– Неее… – промямлила Миртл, – прямые… А что?

– А то. Твои пара лишних фунтов и прыщи пропали бы года

через три-четыре, если бы ты не умерла. Это все подростковая фигня. Волосы у тебя густые, ноги прямые, разрез глаз красивый. Все остальное можно было бы нарисовать косметикой. Оливия твоя умерла бы от зависти.

Девочка отвернулась от застывшей с открытым ртом Плаксы Миртл и осмотрела свои письменные принадлежности. М-да, чернила опять потекли: придется все начинать с самого начала.

– Вот посмотри, что ты натворила! – Мелисса буквально взвыла от возмущения. – Спасибо тебе громадное!

Она села по-турецки на пол, подтянула к себе сумку и, выудив из нее сухой лист, принялась заново покрывать его рунами.

– А она почти и умерла, – раздался тихий довольный смешок, и Мелисса ощутила, что в лицо дохнуло холодом: призрак подплыл к ней практически вплотную. – Я ее навещала перед свадьбой ее брата. Наслала несколько кошмаров. А ещеее… У них был зал, в котором на стенах висели головы мертвых животных и волшебных существ. Представляешь, даже оскаленная морда оборотня в трансформации. И так удачно – как раз полнолуние. Ну, я такая схватила эту голову и полетела в комнату к Оливии. А она как раз платье примеряла: голубое, пышное, все в воланах. Она стала смешная такая. И совсем не красивая: лицо перекошенное, слюна капает. Прямо на платье капает.

Мелисса отвлеклась от своего занятия и подняла глаза: Миртл висела перед ней с мечтательным выражением лица, словно эти воспоминания были самыми счастливыми в ее жизни.

– Да ты милашка, – заметила девочка. – Довела человека до инсульта и радуешься. Как тебя только не развоплотили. Не заметили? Или министерство пустило все на самотек?

– Неее, после того, как ее подлатали и слюни ей вытерли, она такая, конечно, пожаловалась в министерство. Да только ничего у них не получилось. Дамблдор смог лишь привязать к месту смерти. Ну, еще по канализационным трубам могу летать. Представляешь, недавно какая-то маглорожденная назвала меня «туалетным утееенком». Это потому что я гадкая и живу в туалете, да? – Миртл плюхнулась на пол рядом с хмыкнувшей от подобной интерпретации Мелиссой и, обхватив колени руками, задумчиво протянула. – И ведь не отомстить. Обииидно.

«Очаровательно! Не школа, а музей-паноптикум: привидения, визжащие черепа, полтергейсты. Что еще? Та-да-да-дам! Искусственно сотворенный призрак. Для комплекта. Боевой(4) или фантом сна(5)? Скорее, последнее. Кто же здесь развлекался некромантией?» – подумала девочка, а вслух спросила. – А чего ты так окрысилась на эту Оливию? Она тебя тут утопила?

– Неее, – хихикнула Миртл, сместившись ближе к Мелиссе, – издевалась надо мной. Было обииидно, хотелось умереть. Ну, или поплакать. Я и убежала сюда. Сидела себе тут такая на унитазе. А потом услышала, как кто-то вошел в туалет. Я думала, это Оливия с подружками, и прислушалась. А потом раздался голос. Это был мальчишка. Деловой такой! Ну, я и выглянула из кабинки. Он стоял вон там…

Привидение ткнуло пальцем в сторону большой круглой тумбы с раковинами, расположенной посреди помещения. Пожалуй, ни в одном женском туалете в Хогвартсе Мелисса не видела такого странного сооружения.

– Интересное сантехническое решение, – тихонько пробормотала она, поднялась и, подойдя к рукомойникам поближе, принялась их рассматривать.

– Неее, а чего ты хочешь? Я читала в «Истории Хогвартса», что канализацию проектировал кто-то из Гонтов. Ходили слухи, что они там все такие чоокнутые! – Миртл закатила глаза, демонстрируя невозможность подобрать нужных слов для описания всей глубины сумасшествия упомянутой семейки, а потом, заметив, что Мелисса разглядывает маленькую змейку, выгравированную на одном из кранов, подтвердила. – Ага. Тут и стоял. Он так странно шипел. Неее, я только рот открыла, чтобы выгнать его, как умерла. Представляешь?

«Парселтанг, убийство и некромантический ритуал», – до Мелиссы начало доходить, какой именно студент Хогвартса был достаточно развит, чтобы позволить себе столь интеллектуальную и магически затратную забаву.

– Он тебя заавадил, что ли? – дрожащим голосом спросила она.

– Неее. Меня убили глаза. Большие такие, желтые, с вертикальными зрачками. Я посмотрела в них и поплылааа…

«Существо, понимающее и говорящее на парселтанге и убивающее взглядом… Да чтоб я сдохла!» – Мелисса, с ужасом прикидывая диаметр, посмотрела на тумбу с рукомойниками, внешний вид которой стал теперь вполне объясним, – дверца для домашнего питомца! – и снова перевела взгляд на предающееся воспоминаниям привидение.

– Я стала легкая такая, как пееерышко. Меня подхватило и куда-то понесло. Туда, где мне было бы хорошо. А потом вдруг, представляешь, потянуло обратно, как огромным магнитом. Обииидно! – Миртл скользнула еще ближе, пожимая плечами, будто демонстрируя тщетность своего сопротивления, и продолжила болтать.

– Здесь так скучно. И голодно. Нееее, магия Хогвартса

сильная, но пресная. Представляешь, как мясо, сваренное в воде без соли. Жуть такая! Почти полвека диеты! – она так близко придвинулась к боку Мелиссы, что холод начал пробирать, несмотря на активированные согревающие руны. – А вот твоя вкууусная, как обед из трех блюд и яблочного пирога с мороженым в хорошем ресторане. Меня родители водили перед первым курсом. И почему-то такая знакоооомая…

***

Мелисса скатилась по ступеням, ведущим в подземелья, и молнией пронеслась по коридору, ведущему к комнатам профессора зельеварения. По-хорошему, нужно было, конечно, затормозить, чинно постучать в дверь и дождаться ответа, но сегодня не было никакого желания разводить китайские церемонии. Пароль она знала, поэтому, лишь обозначив свой приход коротким стуком, – чтобы у Снейпа была пара секунд вытащить палец из носа, если вдруг он там ковыряется в минуты досуга, – она вошла в кабинет. И в этот же момент ей в лоб прилетел скомканный кусок пергамента.

Очевидно, день профессора тоже не задался: он сидел за своим письменным столом, окруженный исписанными листами, и тер переносицу перепачканными в чернилах пальцами. А на полу, креслах и диванах были раскиданы такие же смятые комом куски пергамента.

Мелисса озадаченно уставилась на Снейпа.

– А чего ты хочешь? – взорвался он. – Это не шифр Цезаря! Я просчитал все шаги. Тухло! Впрочем, изначально было очень наивно думать, что основатель рода Малфоев – прекраснодушный идиот. Значит, книжный шифр. В конце концов, не так уж много было печатных изданий в конце десятого века. Что первое приходит на ум? Что было у каждого богатого и образованного человека? Библия! Но она написана на латыни, а дневник на старофранцузском. Хорошо, думаю, алфавит-то один и тот же, за исключением некоторых букв. Значит, код вполне мог быть на латыни. Но какая фраза? Из скольких слов? Я перебрал все самые известные цитаты. Глухо! Даже попробовал искать по смыслу. Например, «Вначале было Слово!», «Да будет Свет!», «Ищите и обрящете!», «Стучите и откроется!». Ни черта лысого!

Мелисса привела в порядок комнату, невербально убрав скомканные пергаменты, и заметила, усаживаясь в кресло перед кофейным столиком и раскладывая на нем свои письменные принадлежности:

– Если не шифр подстановки, тогда в качестве кодовой фразы могло использоваться все, что угодно. Хоть баллада, хоть похабная песенка…

– Что-нибудь неожиданное. Из репертуара вилланов(6). «Одной гусятнице прелестной, подол на голову задрал…» – фальшиво пробасил Снейп и осекся.

– Браво, профессор! – рассмеялась Мелисса. – Если бы вы так подавали материал в классе, все бы усваивали его с полпинка.

– А с тобой вечный когнитивный диссонанс, – усмехнулся он и со вкусом потянулся, чувствуя, как в спине хрустят позвонки, вставая на место. – Ладно, это все лирика. Ты готова к первому занятию?

Дождавшись ее кивка, он подошел к камину, взмахнув палочкой, разблокировал его и, посмотрев на часы, сказал:

– Что ж, до прихода нашего нового приятеля еще четверть часа. Кстати, ты почему влетела такая взъерошенная?

Выслушав краткий отчет о произошедшем в коридоре и на уроке трансфигурации, а также мысли Мелиссы по поводу законов Гэмпа, Снейп задумчиво протянул:

– А скажите-ка мне, мисс Эванс, какого черта вы разбрасываетесь научными гипотезами перед конкурентами? Что ты на меня так смотришь? Ты чуть было не подарила Макгонагалл новаторскую идею. Летом займемся этим вопросом: есть у меня знакомый химик в одном институте питания, проанализирует трансфигурированную пищу. А ты пока тезисы набросай. Я потом поправлю. Если все пройдет удачно, к совершеннолетию или даже раньше станешь мастером трансфигурации. Естественно, не у нас. Лучше всего в Германии. Весомее. И вот тогда Минерва и мяукнуть не посмеет, – он мечтательно прикрыл глаза, представляя себе онемевшую коллегу, а потом, спохватившись, добавил. – Ах, да. Пятнадцать баллов Слизерину за правильное использование материала старших курсов и пятнадцать за умение нетривиально рассуждать. Это все, что сегодня произошло?

– Ну, не совсем, – медленно произнесла Мелисса. – Ты же знаешь о туалете Плаксы Миртл на втором этаже? Так вот, мало того, что она сама – фантом сна, так и…

– А почему не боевой призрак или кукловод(7)? – вступивший в комнату из вспыхнувшего зеленью пламени Халид, услышав последние слова девочки, сразу же приступил к опросу.

Снейп мгновенно перекрыл камин и тут же повесил на комнату еще несколько охранных, следящих и отводящих глаза заклинаний.

– Параноик! Люблю таких! – улыбнулся арабский маг и, вновь переведя взгляд на Мелиссу, резко спросил. – Так почему именно фантом сна? На основании какой классификации был

сделан подобный вывод? Перечислить признаки!

***

– …и последним признаком того, что это не кукловод, является то, что она до сих пор зависит от магии создателя и не стала свободной после его смерти, – закончила объяснение Мелисса и, задумчиво потерев лоб, уточнила. – Хотя… Можно ли считать мага мертвым, если…

Девочка запнулась и посмотрела на Снейпа, взглядом спрашивая разрешения задать вопрос. Профессор зельеварения, до сих пор сидевший за письменным столом и делавший вид, что полностью увлечен проверкой эссе, понял ее правильно и подтвердил:

– Данные им обеты позволяют тебе любую степень откровенности.

– …у него остался хоркрукс, – закончила предложение Мелисса.

Пораженный вопросом, араб подался вперед, пристально вглядываясь в лицо девочки, словно что-то хотел там найти. Неизвестно, что именно, и нашел ли, но, тем не менее, он коротко кивнул и начал говорить.

– С того момента, как люди осознали быстротечность своей жизни, они стали искать способ максимально продлить свое существование, продолжить себя. Кто-то «плодился и размножался». Кто-то создавал произведения искусства. А кто-то искал способ именно обрести бессмертие. Или его подобие. Я так понимаю, ты знаешь, что хоркрукс – это кусочек расщепленной души в искусственном носителе, который после смерти физического тела не дает остатку покинуть этот мир? – он вопросительно взглянул на девочку и, дождавшись кивка, продолжил. – С точки зрения монотеистических религий, душа является единой и неделимой. Однако в древности люди часто придерживались мнения о возможном существовании у человека нескольких душ, о множественности души и ее делимости. Так, Платон считал, что душа едина, но в ней вычленяются части: разумная, эмоциональная и вожделеющая.

В Египте предполагалось наличие у человека «ка» и «ба». «Ка» – дух человека высшего порядка, олицетворенная жизненная сила, считавшаяся божественной. Душа «ка» является своеобразным аналогом понятия «genius(8)» у римлян. Душа «ба» же состояла из совокупности чувств и эмоций человека.

Теорию множественности душ разделяют и последователи китайской философии Дао. По их мнению, дух человека состоит из душ Хунь и душ По. Души Хунь возникают при рождении и отвечают за мышление и «ментальные процессы». Они разумны, могут покидать тело человека во время сна или транса и

действовать автономно. Души По, отвечающие за физиологические процессы в организме, появляются уже при зачатии. После смерти человека души Хунь отправляются на небо. Души По становятся демоном. Они находятся вблизи тела и способны проявить себя в виде призрака.

Волшебники разделяют мнение Платона, что душа едина, но делима. Это доказали эксперименты Герпия Омерзительного. Считается, что он первым создал хоркрукс. Однако я предполагаю, что до него были и другие.

У многих народов есть предания и сказки о якобы неуязвимых существах, чья смерть была где-то спрятана. Это и Телепинус, хеттский бог плодородия, умирающий и вновь возвращающийся. И Царь змей(9), чья смерть была внутри птицы, птица в клетке, клетка в камне, а камень на дне моря. И Баш-Челик(10), чья сила была в птице, птица в сердце лисы, а лиса в высокой горе, и изловить ту лису было нелегко, так как она могла превратиться во что угодно. И Кощей Бессмертный, чья смерть была на конце иглы, игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, заяц в сундуке, сундук на дубе, а дуб – не знаю где. Здесь же можно вспомнить и миф об аргонавтах. Черноокая дева Медея, хранительница золотого руна, утверждала, что без нее руно утратит мощь исцелять, а она сама умрет без его силы.

– Она еще почувствовала, что Ясон похитил руно и явилась за ним к Пелию(11), – пробормотала Мелисса. – И Герпий ощущал свой хоркрукс.

– Мда, – хмыкнул Халид и продолжил. – Так вот, в древности считалось, что душа способна покинуть тело во время шаманского транса, или сна, или болезни, или бессознательного состояния, или даже во время чихания и невидимкой или в виде маленького зверька, вроде воробья или мышки, путешествовать по свету. Некоторые полагали, что душа человека содержится в его тени или изображении, что ее можно поймать через зеркало, наступив на тень или написав портрет. Другие, что душа содержится в крови человека или животного. Именно по этой причине, существовали табу на пролитие крови на землю. Считалось, что, даже просто наступив на обагренную кровью землю, враг мог причинить вред раненому. Именно следствием этих представлений о душе является традиция некоторых народов выпускать кровь из мяса перед его приготовлением.

Итак, раз душа способна покинуть тело, ее можно поймать с помощью специальных артефактов, заключить в какой-либо предмет и, разумеется, уничтожить, а за этим, несомненно, последует и смерть владельца души. Заточали ее в сосуды самой разнообразной формы. Главным условием была лишь

неизменность вместилища.

– То есть как это неизменность? – перебила Мелисса. – Это же подразумевает исключительно неодушевленный предмет. А что тогда делать со «смерть его была в птице»?

– Вот именно, – арабский маг поднял палец вверх. – Филактерией может стать коготь, либо клюв, либо клык половозрелой особи, которая уже не будет расти. Но чаще всего в живом носителе создавали искусственное вместилище. Для этого наносилась резаная рана, в которую и помещался фрагмент души. В данном случае филактерией для хоркрукса является рубец.

Если волшебник желает создать хоркрукс, он должен обозначить свои намерения, произнеся весьма сложную и энергетически затратную магическую формулу, призванную облегчить расщепление души, и закончить процесс разделения, совершив тем или иным способом убийство. Формула – условие обязательное, иначе от бессмертных было бы не протолкнуться. Иначе получается, что человек, убивающий в целях самозащиты, врач, случайно «зарезавший» пациента на операционном столе, да любой магловский водитель, несущийся на красный свет через пешеходный переход, не говоря уже о военных, в зоне риска. Ведь сколько среди них магов с мизерными, не выявленными вовремя способностями!

– Маг должен произнести эту формулу сам?

– Разумеется. И непосредственно перед умерщвлением жертвы. Поэтому, как ты понимаешь, провернуть такое на поле брани не представляется возможным, учитывая нервность подобной обстановки. А вот поймать отколовшийся фрагмент может любой, даже необученный некромант. Как и заключить его в любое подходящее вместилище. На данном этапе ритуал простейший. Кстати, создавать хоркрукс можно не сразу, а через некоторое время, в более спокойных условиях. Маг с помощью дурманящих средств или ритуальной музыки вводит себя в состояние транса, облегчающего выход души. Хотя подобный транс и не обязателен.

После создания хоркрукса, волшебник переживает тяжелый упадок сил. Это связано с тем, что вместе с кусочком души тело теряет и некоторые психические функции, а также часть рефлексов. Например, Герпий Омерзительный в первый раз временно ослеп, утратил толику магических способностей, забыл арамейский и не узнавал собственную жену. Потом его состояние более-менее компенсировалось, но лишь до определенной черты. Во второй же раз, он практически впал в кому.

– Да! – Мелисса чуть ли не подпрыгивала на диване, вскидывая руку вверх в жесте победителя. – Я так и думала,

условно истинный фамильяр является своего рода хоркруксом!

– Не в полной мере, – подтвердил арабский маг ее предположения, при этом удивленно взглянув на Снейпа, который лишь пожал плечами: тебя, мол, предупреждали. – Если колдун перед своей смертью не проведет ритуала освобождения фамильяра, то да, мизерный кусочек души, содержащийся в нем, может сработать как якорь. А может и не сработать. Чем старше и могущественнее колдун, чем сильнее магические способности фамильяра, тем больше вероятность успеха. В любом случае, посмертного покоя душе этого мага не видать. Подобно бесплотному духу, она будет носиться по свету, пока не наткнется на своего фамильяра, либо он сам не найдет хозяина.

Вообще, только первый хоркрукс является полноценным. Если же маг создает больше одного, то каждый последующий будет содержать лишь половину от остатка его души. Последствия подобной неуемности весьма печальны, поскольку никогда не знаешь, что именно будет хранить отколотый кусочек. Может, чувство прекрасного? Или критическое мышление? А может, способность любить? Или банальное умение завязывать шнурки?

Тот же Герпий, создавший хоркрукс и одного условно истинного фамильяра, после выхода из комы сильно деградировал как личность. У него даже внешность изменилась. Ему еще чрезвычайно повезло, что в том огрызке, с которым он прожил остаток дней, остались умение размышлять и интерес к науке, поэтому он и смог описать свое измененное состояние. Кстати, в одном из дневников Герпий упоминал, что подумывал о создании еще одного хоркрукса. Так что можно предположить, что процесс затягивает и вызывает привыкание не хуже, чем опиум.

– И каким же образом происходит возрождение?

– Самый надежный способ – это найти верного помощника, который после смерти колдуна поместит хоркрукс в плод, находящийся еще в утробе матери. Второй вариант – поработить слабого духом и присвоить себе его тело. И наконец, простейший – создать голема плоти. На выходе получается этакая уродливая, злобная тварь с ограниченным набором определенных инстинктов и чаще всего используемых в прошлой жизни умений.

Какое-то время в кабинете царила тишина, а потом Халид, откинувшийся на спинку кресла и внимательно наблюдавший за погруженной в свои мысли девочкой, вкрадчиво поинтересовался:

– Я правильно понимаю, милое дитя, что ты имеешь некое отношение к Тому Риддлу?

Снейп и Мелисса переглянулись, и девочка осторожно

ответила:

– Непосредственное. А что, вы знакомы?

– Именно на него мне указали звезды в прошлый раз. В тот момент в Европе шла война и я смог посетить Англию только в конце 1943 года, когда на острове все более-менее пришло в норму. Надо сказать, твой батюшка – я же правильно понял? – был обаятельным, талантливым и сильным магом. Это ведь он создал упомянутого тобой фантома сна? Да, жаль. Очень жаль, – он сокрушенно покачал головой и, заметив недоумение своих собеседников, пояснил. – К сожалению, я опоздал: к моменту моего приезда он уже успел раскроить свою душу аж на три куска и категорически отказывался от ритуала исцеления и слияния.

– Три? – изумленно воскликнули Снейп и Мелисса.

***

Поздно вечером, где-то в районе одиннадцати, в гостиной Северуса Снейпа снова вспыхнул камин и в комнате появился Люциус Малфой. Не обращая особого внимания на недоумение хозяина апартаментов, он бросил на кофейный стол два надушенных голубых конверта, а после подошел к дивану, взбил несколько подушек и удобно расположился, закинув ногу на ногу.

– С каких это пор ты подрабатываешь совой, Люц? – спросил Снейп, даже не двигаясь со своего места.

– Полагаю, – хмыкнул Малфой и взглянул на часы, – с пяти пополудни. Никто же не виноват, что некий профессор зельеварения наглухо заблокировал свой камин.

– И что же тебя привело?

– О, – Люциус картинно махнул рукой, – сущая безделица! Ко мне, как к члену Попечительского совета Хогвартса, независимо друг от друга заявились Селвин и Роули. И представляешь, их интересовал один и тот же вопрос: что за – как же выразился этот надутый индюк Селвин? – «неподходящее знакомство» поступило на Слизерин. Видишь ли, несколько дней назад после заседания Визенгамота Дамблдор изволил беседовать с ним и битых полчаса восхищался прогрессивностью лорда Селвина, а заодно и лорда Роули, которые так замечательно воспитали своих внуков и не возражают против их крепкой и нежной дружбы с маглорожденной колдуньей-сироткой.

Снейп посерьезнел и тяжело вздохнул.

– Я так понимаю, мисс Селвин и мистеру Роули уже запретили поддерживать столь «неподходящее знакомство»? Кому еще?

– Информация пошла по цепочке. Так же собираются поступить еще несколько семей, а заодно лорд Боул и Хиггсы. Ну, тут все понятно, Хиггсы магические вассалы Боула. Его слово для

них закон. Тем не менее, именно в случае с младшим Боулом произошел сбой. Сегодня Люциан прислал отцу довольно страстное письмо в защиту своей новой знакомой, в котором утверждал, что она либо Обретенная, либо происходит из какой-нибудь известной фамилии. В общем, Боул-старший временно отменил свое решение и попросил меня пригласить эту студентку на празднование Йоля в Малфой-мэнор. Так что это приглашения для тебя и твоей, как я понимаю, протеже, – Люциус кивнул в сторону лежащих на столике конвертов и добавил. – Ты уж предупреди юную мисс, что ей придется принять участие в магических фантах.

У мрачного, как грозовая туча, Северуса неожиданно просветлело лицо и заблестели глаза.

– На общих условиях, Люц. На желание.

_____

(1) Милтон Эриксон – американский врач-психотерапевт, специалист по медицинскому гипнозу.

(2) Девять месяцев.

(3) Магриб – традиционное название стран Северной Африки к западу от Египта.

(4) Боевой призрак (ревенант) может не только двигать простые предметы, но и, например, носить на себе доспехи и сражаться холодным оружием. Основной тип бесплотных духов, используемых некромантами, однако его разум подавлен и потому примитивен, он четко подчиняется всем командам мага, и в случае смерти управляющего им некроманта, обычно возвращается в мир мертвых. Может убить не только материальным предметом, но и внушить человеку панический страх, а если человек слаб волей, то даже заставить его совершить самоубийство.

(5) Фантом сна – типичный представитель искусственных призраков, создаваемых некромантами. В открытом боевом применении слабее, чем ревенанты, хотя также способны перемещать предметы, но зато имеют достаточно развитый разум, вложенный создателем, способны выполнять сложные задания. Становятся на порядок сильнее, подпитываясь от магии создателя. Главное преимущество – способность проникать внутрь живого человека или иного существа и брать его под контроль, либо убивать изнутри. Они убивают и прямо из сна, за что их так и прозвали, внушая человеку столь ужасные кошмары, что они вызывают остановку сердца. Уничтожить их можно только соответствующей магией.

(6) Вилланы – категория феодально-зависимого крестьянства в некоторых странах Западной Европы

(7) Кукловод (служитель) – мощный высший дух, обладающий полностью развитым свободным разумом (при создании внушается лишь стопроцентная верность создателю), огромной энергетической мощью и даже собственной магией. Процесс их создания чрезвычайно сложен, на это способны только очень сильные некроманты. Служители легко вселяются в любое тело, полностью контролируют его, за что их и называют кукловодами, и с уничтожением временного обиталища ничуть не ослабевают (как это случается с фантомами сна и другими искусственными призраками, которые могут даже погибнуть, если убить того, в ком они в данный момент находятся). В случае гибели мага-создателя Служители становятся полностью свободными.

(8) Genius (гений) – личный дух человека в римской мифологии.

(9) Царь змей – персонаж ангольской сказки «Цари животных»

(10) Баш-Челик (стальная голова) – отрицательный персонаж сербского фольклора, аналог Кощея Бессмертного.

(11) Пелий – царь, по приказу которого Ясон отправился за руном.

= = = = = = = = = = ГЛАВА 29. Второй привет из прошлого = = = = = = = = = =

– То есть тебе практически объявили бойкот на факультете, а ты этого даже не соизволила заметить? Как же так? А, твое высочество? – проверяющий эссе Снейп хмыкнул, скептически посмотрев на Мелиссу, яростно помешивающую очередное зелье. – Свободнее кисть, тебе мешать еще десять минут. Будешь так сильно сжимать лопатку, завтра не сможешь писать.

– Слишком насыщенно живу. Не до ужимок и прыжков окружающих, – пожала плечами девочка. – Охлаждение слизеринцев и крайнее дружелюбие гриффиндорцев, как я понимаю, должны создать дополнительный стимул для самопожертвования. В нужный момент «правильные» друзья либо будут в смертельной опасности, либо заклеймят меня позором, смыть который позволит только смерть во имя… Чего?

– Не переживай, тебе сообщат. Непосредственно перед подвигом, – Снейп, откинувшись на спинку кресла, задумчиво постукивал пером по губам.

Мелисса отложила лопатку, накрыла котел крышкой и подошла к столу, на котором лежали ее вещи. Там девочка взяла в руки голубой конверт и помахала им в воздухе.

– Это смотрины?

– Боул представил тебя Обретенной. А семей, которым требуется вливание свежей крови, предостаточно. Так что это и смотрины тоже.

– Кобылка на племя. Надеюсь, зубы не будут проверять, – заметила девочка, а потом спохватилась. – Как это «тоже»? Что еще?

Северус поморщился, с шумом втянув воздух сквозь зубы, будто вспомнил что-то чрезвычайно для себя неприятное, но все же пояснил:

– Бесплатное развлечение.

Мелисса нахмурилась, обдумывая слова профессора.

– Типа: смотри, этот конь педальный надел белые носки с черными ботинками? Гляди, эта деревня немытая режет рыбу десертным ножом? – дождавшись подтверждающего кивка, она зло швырнула конверт обратно на стол и задумчиво протянула. –

В чем же его интерес?

– Малфоя? – не понял Снейп.

– Да какого Малфоя?! Люциана! Мы знакомы всего три месяца. С чего такая забота? Вернее, нет! Зачем надо было так меня подставлять? Проигнорировать раут не получится, а я, знаешь ли, не планировала появляться на великосветских междусобойчиках сейчас, без роял-флеша(1) на руках. Отношение там ко мне будет однозначно предвзятым, а трясти гербами Слизерина и Певерелла до принятия в род как-то неэтично. Мало ли что? Потом это самое «неэтично» может легко превратиться в «ой, как неудобно». А самое неприятное, что магического середнячка уже не изобразишь, – надо выигрывать это чертово желание в этих чертовых волшебных фантах! Ведь ради этого весь сыр-бор? Кстати, – девочка слегка сбавила тон, – и чего же я хочу?

Выслушав ответ Снейпа, Мелисса на пару минут замерла, уставившись в стену, а потом тихо сказала:

– Это будет гениальным решением проблемы. Если выгорит, конечно. Дело за малым: за три недели придумать, чем можно поразить людей, которые видели все, и решить, как можно пожелать «это», не вызывая дополнительных вопросов и ненужных подозрений…

Бросив взгляд на часы, она сгребла вещи в сумку и, попрощавшись, уже направилась к выходу, когда ее настигли слова профессора зельеварения:

– Определись, с кем из «львов» ты будешь демонстративно «дружить».

Она обернулась и просияла улыбкой, словно какие-то ее собственные мысли совпали с замечанием Северуса.

– Уже. Полагаю, Бленкинсоп вполне подойдет. Он слишком сильно меня достал за последнюю неделю, чтобы быть подставой. И потом, – она замялась на несколько секунд, а потом решилась. – В общем, у него в голове полнейшая каша. Мысли беспорядочно перескакивают с одного на другое, ни на чем не задерживаясь. А согласно теории легилименции, в такой разум практически невозможно установить ментальные закладки.

– Азкабан, мисс Эванс, – подняв челюсть с пола, напомнил Северус.

– Чтобы доказать факт беспалочковой легилименции, жертва должна быть мастером ментальных техник. За все время существования этого закона ни одного прецедента, профессор, – заметив, что Снейп нахмурился, она кивнула. – Аморально, знаю, но не до жиру. Да и интересно было, получится ли. Обещаю не злоупотреблять без крайней необходимости.

***

В субботу, в районе половины одиннадцатого утра, Люциан Боул стоял в «Дырявом котле», гипнотизировал взглядом дверь, ведущую в магловский Лондон, и не мог заставить себя подойти и распахнуть ее. Он судорожно вздохнул и в сотый раз изучил собственное отражение в грязном и заплеванном зеркале, висящем над барной стойкой. Кажется, одет правильно, хотя…

Надо сказать, в учебниках магловедения, которые он проштудировал, готовясь к этой вылазке, информация подавалась как-то странно, а по поводу одежды определенно было сказано

только одно: маглы не носят мантии. А вот в магловских учебниках истории, которые попали к нему в руки благодаря Эванс, он нашел несколько подходящих фотографий. Но самая поздняя, изображающая магла в зимней одежде, была датирована 1979 годом. Книжка с закладкой в нужном месте была вручена Дарки, домовику Люциана, который и мотался с ней между Хогвартсом и портновской лавкой в Хогсмиде, снимая мерки с молодого хозяина, таская туда-сюда образцы тканей и уточняя детали.

Вроде бы все получилось, но мало ли что могло измениться за десятилетие? Да и тот магл на картинке был иностранцем. С греческим именем и труднопроизносимой, ни разу не греческой фамилией Brezhneff.

Чувствуя, как сердце громко бухает в груди, Люциан несколько раз выдохнул, пытаясь успокоиться, и, шепча себе ободряющие слова, уже сделал шаг к двери, когда сзади кто-то прошипел:

– Ну, и куда тебя несет?

Подпрыгнув от неожиданности, Люциан обернулся и с облегчением обнаружил перед собой Мелиссу Эванс, одетую в потертые голубые штаны, пухлую зеленую куртку и странную кепку со смешным рисунком и длинным козырьком. Она стояла, слегка сгорбившись, как-то по-мальчишески залихватски сунув руки в карманы и покачиваясь с пятки на носок, и в упор смотрела на него сощуренными глазами. Тряхнув головой и сбросив с себя оцепенение, Люциан усмехнулся:

– А тебя?

Проигнорировав вопрос, Мелисса критически оглядела его с ног до головы, закатив глаза при виде каракулевого воротника его черного длинного пальто и такой же шапки-пирожка.

– Значит так, – хмыкнула она и скороговоркой выдала указания, – если ты туда собрался, то мех лучше убрать, либо намотать сверху шарф, он у тебя достаточно яркий. Шапку снять, волосы взлохматить. А вообще, ты бы передумал.

И, кивнув Люциану на прощание, Мелисса спокойно подошла

к двери и вышла в магловский Лондон. Боул поспешно выбежал следом и остолбенел. Перед ним предстала красивая улица, кишмя кишевшая маглами. Никогда в жизни он не видел столько людей в одном месте. Даже на Косой аллее перед началом учебного года, когда там, казалось, собирались все жители Магической Британии. А по широкой дороге неслись эти… – как их? – авто-моби-ли, а чуть слева стоял красный двухэтажный автобус, наподобие «Ночного рыцаря».

Глаза разбегались, будучи не в состоянии зафиксироваться на чем-то одном, пытаясь охватить все и сразу. То тут, то там можно было заметить рождественские гирлянды, да и яркие витрины разнообразных магазинов уже были украшены к празднику. Невдалеке послышался звон колокольчика, и, повернувшись на звук, Люциан увидел худого седого человека с кучерявой бородой, в круглых очках, в красной короткой шубе и колпаке, громко кричащего почему-то очень звонким и молодым голосом:

– Йо-хо-хо! Рожественские скидки! Лучшие предложения! Только у нас!

В этот момент автобус закрыл двери и, выпустив клуб нестерпимо вонючего дыма, умчался вдоль по улице. Люциана буквально согнуло пополам от непроизвольного приступа кашля. Прокашлявшись, он поднял голову и заметил Мелиссу, которая стояла, прислонившись к стене «Дырявого котла» и скрестив руки на груди, и с интересом на него смотрела.

– Признаю, без чичероне(2) мне тут делать нечего. Поэтому, – Люциан сделал паузу, словно ожидая, что Эванс ему поможет, но так как она лишь молчала, пришлось закончить, – можно с тобой?

На положительный ответ надежды не было. Вряд ли человеку, тайно ускользающему из закрытой школы, нужны свидетели. Однако Мелисса задумчиво проговорила:

– Два условия, – заметив вопросительный взгляд Боула и восприняв его как просьбу огласить список, девочка продолжила. – Первое, слушаться меня и держаться рядом. Во времени мы ограничены, не хватало еще тебя искать.

– Принято, – улыбнулся Люциан. – А второе?

– Я задам тебе несколько вопросов, а ты постараешься искренне на них ответить. Вскидываться не надо, – девочка подняла руку в примиряющем жесте. – Ответишь – ответишь. Нет – нет.

– А ты сделаешь соответствующие выводы? – сыронизировал Боул.

– В любом случае, – невозмутимо подтвердила Мелисса. – Как и ты.

Какое-то время Люциан молчал, а потом, махнув рукой, снял

шапку, повесил шарф поверх воротника и взлохматил волосы. Девочка усмехнулась и, коротко скомандовав «За мной!», помчалась по улице, ловко лавируя между прохожими.

На перекрестке она заскочила в телефонную будку и провела там минут пять, бодро накручивая диск, а Люциан томился снаружи, рассматривая прохожих и собирая в ответ их странные взгляды. Он уже понял, что тут мальчики его возраста так не одеваются. Но сделать пока ничего не мог.

А вот вышедшей Мелиссе, похоже, не понравилось ненужное внимание, и она, схватив Боула за руку, затащила его в ближайший магазин спортивной одежды. Через пять минут мальчик был облачен в синюю куртку с нарисованной на нагрудном кармане неимоверно печальной собакой, изо рта которой выплывали слова «Знаете что? Я счастлив!»(3)

Люциан попытался отдать деньги и уже почти вытащил из кармана брюк мешочек с монетами, но Эванс сделала страшные глаза и прошептала:

– Не тряси тут своим золотом, лепрекон несчастный. Потом сочтемся.

Спустя час они молча шли по небольшому парку тихого пригорода. Начало зимы было достаточно теплым, снега еще не было, а под ногами шуршала опавшая, уже пожухшая листва. Люциан находился под впечатлением от вынужденного шопинга, пробежки по Чаринг-Кросс-Роуд и поездки в общественном транспорте, поэтому мозги слегка коротило.

Вдруг идущая впереди Мелисса посмотрела на часы и резко свернула в сторону, к небольшой укромной скамейке. Там девочка вытащила из кармана куртки обрывок пергамента и, положив его на лавочку, придавила собственной сумкой. Где-то с минуту она стояла, приложив руку к деревянной поверхности, а затем, удовлетворенно кивнув, села и взглядом предложила Люциану последовать ее примеру. Плюхнувшийся было Боул тут же подскочил обратно. И не от того, что скамейка была холодной, чего он, собственно, и ожидал, все-таки не май-месяц. Нет, от нее просто веяло теплом.

– Руны, – пояснила Мелисса. – Активированы не здесь и без палочки. Министерство их не отследит. Слишком слабый магический отпечаток. На уровне статистической погрешности. Присаживайся, Люц. С транспортом нам повезло. У нас еще минут сорок. Поболтаем.

– Однако, – присвистнул Боул, картинно хлопая в ладоши, и устроился рядом. – О чем?

Мелисса сунула руку за ворот куртки и, вытащив оттуда голубоватый конверт с гербом Малфоев, помахала им в воздухе.

– В чем твой интерес, Люц?

– А почему в единственном числе? – не стал притворяться Боул, а затем, откинувшись на спинку лавочки, спросил. – Ты знаешь, что такое «майорат(4)», Лисса? Хотя о чем я! Учебники магловской истории весьма захватывающи, кстати. Я прочел их все. И с неослабевающим интересом.

– Чуть конкретнее, – прервала его девочка.

– Меня. Не устраивает. Будущее. Предназначенное. Мне. Моим. Отцом, – раздельно произнес Люциан, слегка подавшись вперед и уперевшись локтями в колени, а затем заговорил уже спокойнее. – У меня два брата, знаешь ли. Старший получит все, включая место отца в Визенгамоте. Среднему в прошлом году нашли весьма лакомую должность в Министерстве, где он будет лоббировать интересы рода. А я – третий подползающий. И что мне делать?

– Отправиться вызволять Гроб Господень из рук неверных(5), – констатировала Мелисса.

– Ах, если бы! Если бы! – притворно вздохнул Боул. – Там хоть перспективы. А мне в том году, после рождения сына у старшего брата, родственнички обрисовали расклад, при котором максимум, на что такой классный и амбициозный парень, как я, может рассчитывать, так это роль «не-пришей-гиппогрифу-хвост» в семействе Флинтов. Если, конечно, сестрицу Маркуса, Фиону, не окрутят раньше. И будь я христианином, я бы ежевечерне перебирал четки раз двадцать, молясь, чтобы ее застолбили.

Люциан непроизвольно передернулся и, заметив, что Мелисса вопросительно подняла брови, пояснил:

– Старше меня на шесть лет, заканчивает Бобатон. Вылитая Маркус. Столь же очаровательна и грациозна, как взрывопотам на выгуле, – Боул слегка скривился. – Из достоинств – чистая кровь и не слишком большое приданое. До знакомства с тобой я видел один выход: карьера профессионального квиддичиста. Но знала бы ты, насколько я не горю желанием подставлять под бладжеры свою прекрасную голову!

– И что же дало знакомство со мной? – поинтересовалась Мелисса.

– Две перспективы и альтернативу. Зависит от того, кто ты такая: простая маглорожденная, Обретенная или праправнучка какого-нибудь Мерлина?

Какое-то время он молчал, видимо, ожидая какой-либо реакции, и, не дождавшись, глубоко вздохнул.

– Могла бы и ответить. А то как-то не честно, тебе не кажется?

– Не кажется, – отрезала Мелисса, не обращая внимания на

обиду, проскользнувшую в тоне Боула, и, еще раз демонстративно взмахнув конвертом, сунула его за пазуху. – Я не просила тебя о заступничестве. Твое вмешательство уже ударило по моему карману и может потенциально осложнить мою жизнь. Мне не ясны твои мотивы и категорически не нравится чувство, что меня играют втемную. Поэтому, друг мой, предлагаю засунуть свои обидки себе в… – ну, не важно! – и все-таки ответить на мой вопрос.

***

Уже несколько десятилетий Магическая Англия переживала демографический кризис. Но к семье Боул это не имело никакого отношения. Гавейн Боул был редкостным жизнелюбом и страшным перестраховщиком.

В детстве он сам едва не умер от драконьей оспы, но каким-то чудом выжил, хотя его кожа с тех пор и приобрела фисташковый оттенок(6). Те три недели, что Гавейн, единственный сын, провалялся в жару и бреду, едва не стали фатальными для рода Боул. Его родители на тот момент были уже настолько не молоды, что рождение самого Гавейна воспринималось друзьями семьи как прыжок на подножку последнего вагона уходящего вдаль поезда.

Естественно, после выздоровления до Гавейна была донесена мысль, что учиться нужно на чужих ошибках и что было бы немыслимой глупостью вновь подвергать род подобному риску. На вопрос мальчика о том, а какое количество сыновей можно считать достаточной гарантией будущего, его отец, большой поклонник легенды о короле Артуре(7), ответил, что, конечно, было бы неплохо приобрести стол соответствующей формы и собрать полную коллекцию рыцарей, но лучшее – враг хорошего, поэтому число «три» оптимально.

Мол, старший сын по майорату получит титул, мэнор и место в Визенгамоте. Среднего можно будет пристроить на теплое и хлебное местечко в Министерство: лоббирование интересов семьи – дело нужное и полезное. А третий… Ну, побудет пока на скамейке запасных. А если никого подменять не придется, придумаем что-нибудь. В квиддич в конце концов будет играть. В красивой облегающей форме. Этакая наружная реклама рода Боул. А там, глядишь, подцепит какую-нибудь страшненькую богатую мисс.

Гавейн воспринял слова родителя более чем серьезно, поэтому после окончания школы в темпе женился на очаровательной хрупкой блондинке, естественно, чистокровной волшебнице в Мерлин-знает-каком поколении, и принялся не покладая – хм… – рук обеспечивать продолжение рода. Причем

так активно, что в течение трех лет стал счастливым отцом упомянутого числа сыновей-погодков, названных, соответственно, Ланселот, Галахад и Бедивер, и… вдовцом. Его супруга отнюдь не отличалась сложением и здоровьем самки бегемота, поэтому подобной любвеобильности, перманентной беременности и ежегодных родов попросту не выдержала.

Кстати, Гавейн не слишком уж и переживал из-за преждевременной кончины жены: свое предназначение она выполнила, а брак был договорным, так что ни о какой любви речи не шло. Устроив усопшей роскошные похороны и выдержав необходимый траур, Гавейн, вплотную занявшийся делами рода и воспитанием сыновей, периодически менял содержанок, не в силах подобрать что-то столь же темпераментное, как и он сам, а в промежутках посещал лучший бордель Лютного переулка, где слыл чересчур ненасытным и требовательным, хотя и щедрым клиентом.

Все шло своим чередом до середины семидесятых, когда грянул гром. Ланселот, старший сын Гавейна, заканчивающий Хогвартс, ухитрился забыть об основном своем предназначении: продолжении рода. Как-то так получилось, что наследник Боулов вовсе не планировал сразу начинать «плодиться и размножаться». Сначала он возжелал изменить мир к лучшему и лишь потом населить его своими маленькими копиями. Менять этот самый мир он собирался, естественно, не один, а, как и большинство слизеринцев, под знаменами оппозиционного Министерству Темного Лорда.

Нельзя сказать, что сам Гавейн не разделял политические взгляды любимого отпрыска, нет. Он относился к ним с большим пониманием и сочувствием, но, будучи к тому времени уже членом Визенгамота, знал: предпосылок для легальной передачи власти сторонникам Лорда нет и в ближайшем будущем – да и не в ближайшем тоже! – не предвидится. А значит, будет террор. Кроме того, некоторые символы организации Лорда казались ему мещанскими и избыточными. От названия – «Пожиратели смерти», звучавшего, на вкус лорда Боула, как реклама дешевых харчевен в Лютном, до пафосной униформы и милой привычки ставить тавро на собственных соратников.

Впрочем, он также прекрасно понимал, что запрещать что-то юноше в семнадцать лет, равно как и разубеждать, – дохлый номер. Поэтому лорд Боул решил тянуть время. Наследнику было сказано, что, во-первых, женитьба даже не обсуждается, но Ланселот сможет делать все, что пожелает, как только его благоверная обнаружит себя в интересном положении. А во-вторых, никакого клейма. Никогда. Ни при каких условиях.

Уговорить удалось, а учитывая слабый темперамент, унаследованный старшеньким от покойной матери, и разнообразие контрацептивных зелий в аптеках Лютного, Гавейн полагал, что у него есть все шансы потянуть годика два-три, пока революционный запал сына окончательно не потухнет.

Свадьба с очаровательной Ариадной Гринграсс была назначена на август 1975 года, а в ночь своего мальчишника Ланселот Боул был убит. Не отрепьем в Лютном, не потаскухой в борделе мадам Жозефины, не одним из набравшихся горячительных напитков и впечатлений юнцов, приглашенных на вечеринку. Он был убит аврорами.

Кто-то стукнул в Аврорат, что в квартале красных фонарей планируется сходка ПСов, и Аластор Муди не смог не среагировать в свойственной ему манере: сначала действовать – потом разбираться. Ввалившиеся в зал люди в партикулярном платье, разбрасывающиеся Ступефаями и Петрификусами, разумеется, не могли понравиться ни гостям, ни хозяйке, ни шкафоподобным вышибалам. Разобраться в общей куче-мале в том, кто выпустил первое боевое заклинание, было невозможно, а когда дым рассеялся, на полу остались Ланселот Боул и еще четыре трупа: аврор, «девочка» мадам Жозефины и двое гостей, одним из которых был брат невесты Арес Гринграсс, а второй и впрямь оказался ПСом-неофитом со свежей, еще воспаленной, меткой на руке.

Похоронив сыновей, лорды Гавейн Боул и Улисс Гринграсс стиснули зубы и начали Крестовый поход на Аврорат в целом и на Аластора Муди в частности. Муди бодро огрызался, но его аргументация, мол, все эти аристократишки одним миром мазаны, разбилась о железобетонный факт: ни один человек из родов Боул и Гринграсс заклеймен не был.

Тем не менее, головы так и не полетели. Глава департамента магического правопорядка Крауч, воспользовавшись тем, что труп Пожирателя в наличии все же имелся, своих людей прикрыл, а расследование спустил на тормозах. Рядовые авроры из пятерки Муди отделались выговорами, а Аластор – временным отстранением, чем был чрезвычайно недоволен и, считая себя правым и несправедливо обиженным, отрастил на Крауча нехилый такой зуб.

Сам же Крауч на возмущенный вопрос Боула и Гринграсса, что бы он чувствовал на их месте, высокомерно заявил, что его – хвала Мерлину! – там нет и не будет. Так как в отличие от них он в состоянии правильно воспитать собственного сына. И поэтому его Барти, добрый, хороший, умный и талантливый мальчик, обладает высокими моральными качествами и никогда не

свяжется со столь сомнительной компанией.

Посеревшие лорды синхронно сжали губы, резко развернулись и вышли из кабинета главы департамента магического правопорядка, прямиком направившись в Боул-мэнор, где принялись методично набираться огневиски из практически бездонных запасов Гавейна. Спустя несколько дней они, пьяные и помятые, очнулись посреди разгромленной в хлам гостиной, оглядели друг друга и решили: «Хватит!» Гринграсс камином отправился к себе, чтобы вскоре вернуться свежим, злым, готовым обсуждать планы мести и найти Боула, настроенного в том же ключе.

Возмездие обошлось им примерно в шестую часть состояния обоих родов. Именно на такую сумму лорды профинансировали организацию Темного Лорда. Связываться с охочими до подобных заказов людишками в Лютном они сочли не выгодным: и сдать могут, и кинуть. А Лорд, будучи тогда еще во вполне адекватном состоянии, в сделке был заинтересован прямо. Он, как и подобает истинному лидеру, мстил за смерть реальных и потенциальных соратников, набирал политические очки среди аристократов и улучшал свое финансовое положение, что тоже было немаловажно. Пожелания благородных мстителей были просты и незамысловаты: физическое устранение виновных авроров. Что же касается Крауча, то он должен был страдать. Долго. Мучительно. До конца своих дней. И из-за сына.

Трех оставшихся авроров из пятерки Муди буквально порвали в лоскуты: во всяком случае, хоронили их в закрытых и небольших гробах.

А вот Муди повезло. Опытный аврор, вцепившийся в жизнь зубами, ухитрился отделаться многочисленными ранениями и увечьями, включая потерю ноги, глаза и кончика носа. Однако был переведен с оперативной работы, что для человека, долгие годы жившего на адреналине, было равносильно медленной и мучительной смерти.

Муди выделили кабинетик размером два шага на полтора с табличкой «Консультант» на двери, где он начал спиваться, постепенно теряя собственный авторитет и человеческий облик. Периодически ему сносило крышу: он срывался на операции авроров, получал очередной нагоняй и, брызгая слюной и вещая о вселенском заговоре, снова отправлялся заливать горе. Вскоре клеймо параноика и агрессивного городского сумасшедшего пристало к нему намертво.

Если бы не вмешательство Дамблдора, пригласившего Аластора спустя пару лет в свой орден Феникса, Муди непременно вынесли бы из его кабинетика ногами вперед.

Дамблдор получил опытнейшего специалиста по организации и проведению боевых операций за сущую безделицу, которая не стоила ему ничего: он предоставил Муди возможность вновь ощутить себя на краю.

Добрым же мальчиком с высокими моральными качествами Темный Лорд занялся лично, посчитав, что из-за руководящей работы стал терять коммуникативные навыки. Барти, действительно, оказался большим молодцом. Умный и способный, первый ученик. По характеру он не был лидером, но как исполнителю ему не было бы равных. А самое главное, он был чрезвычайно, просто по-собачьи верным. И тогда, в свои четырнадцать, Барти мучительно искал тот идеал, которому можно было бы служить всю жизнь. Если бы его отец заметил ждущий, ищущий взгляд сына, направленный на него, то не просто не потерял бы его уважение и любовь, но и обрел самого преданного соратника. Но, увы!

Через пять лет во время суда над Игорем Каркаровым члены Визенгамота Боул и Гринграсс, мысленно отплясывая джигу и высоко вскидывая коленца, наблюдали, как буквально рычащий от восторга Аластор Муди с ухмылкой посылает в Пожирателя смерти Барти Крауча-младшего обездвиживающее заклятие такой силы, что при желании им можно было бы парализовать вполне себе крупную особь горного тролля.

После заседания они, переглянувшись, подошли к Бартемиусу.

– Ох, уж эти дети! Воспитываешь их. Правильно, – выделив интонацией это слово, сокрушенно качал головой Боул под сочувственные кивки Гринграсса, – воспитываешь! А они… Эх!

Когда смертельно бледный Крауч отшатнулся от них и по стеночке выполз из зала суда, Гринграсс шепнул Боулу:

– А ведь он и после смерти держит слово, Гавейн. Минус еще один. Глядишь, так и до Аластора из могилы дотянется.

Но это было потом. А тогда, переведя круглую сумму на счет Темного Лорда, Боул и Гринграсс спешно занялись решением своих семейных проблем. Ариадна осталась единственной наследницей и обязана была сохранить свою фамилию. Найти в магической Британии какого-нибудь второго или третьего сына было практически невозможно: не с Уизли же родниться!

Несостоявшийся родственник, Гавейн Боул, решительно отверг все поползновения в сторону своего младшего сына, заявив, мол, останься Бедивер третьим, вопросов бы не было, но теперь – увы! – форс-мажор и ротация. Гринграсс покивал и посмотрел в сторону Блэков. У тех тоже было двое, однако на смену фамилии Блэки бы никогда не пошли, да и первенец их

был настолько неудачным, что и там вот-вот могли случиться форс-мажор и ротация.

Глубоко вздохнув, Улисс отбыл на материк в поисках подходящей кандидатуры. А спустя пару недель, походив на смотрины в Англии, туда же отправился и Гавейн, очень и очень тревожащийся из-за числа «два» и стремящийся вернуться к статусу-кво.

Подходящая девушка нашлась в Италии. Пятая дочь из обедневшего чистокровного рода. Молодая, красивая, с большой грудью и ярким румянцем в полщеки. В качестве бонуса прилагался взрывной темперамент. Она отменно владела итальянским «разговорным» и тарелки колотила просто феерично, от чего Гавейн, пожив несколько лет со снулой рыбой, по первости откровенно тащился, забыв о походах в дома терпимости. А в минусах шли баранье упрямство и фанатичная страсть к ядоварению.

В 1977 году родился сын, которого Боул по привычке решил назвать в честь одного из рыцарей Круглого стола, о чем и сообщил жене. А затем минут пятнадцать разминался, уворачиваясь от очередного сервиза на шестнадцать персон. После крышки от соусника, угодившей ему прямо в ухо, он абсолютно четко понял, что, действительно: «Можешь подавиться своей заплесневелой легендой, stronzo(8)! У мальчика должно быть итальянское имя, Гавейн!»

Подумав несколько секунд, он призвал из буфета кофейный сервиз и принялся вежливо уговаривать жену пойти на компромисс: «Хотя бы стилизованное на английский лад, idiota(9)! «Лучиано Боул» звучит кошмарно, Франческа!»

Нельзя сказать, что больше повлияло на молодую леди, прекрасные манеры супруга, летающие по комнате чашки или то, что Гавейн вдруг заговорил с тосканским акцентом, но на скамейке запасных рода Боул появился новый игрок: Люциан.

Правда, после наречения родительское внимание к новорожденному резко иссякло. Гавейн, за пару лет супружества порядком утомившийся от того, что в доме практически нет целой посуды, вернулся к своим делам в Визенгамоте, где буквально дневал и ночевал, а Франческа, которой не давала покоя слава Лукреции Борджиа, фактически переселилась в домашнюю лабораторию. Встречались они только за ужином. Гавейн делал «козу» Люциану, выслушивал от жены новую порцию итальянских ругательств и упреков в невнимании, уклонялся от очередного стакана и удалялся в малую каминную залу, где ежевечерне за рюмкой чая беседовал со старым другом, Улиссом Гринграссом.

Спустя пять лет Франческа, неправильно рассчитав какой-то ингредиент, надышалась ядовитыми парами и благополучно отбыла в лучший мир. Война к тому времени уже закончилась, ни одного Боула больше не пострадало, и Гавейн, успевший уже миллион раз проклясть себя за излишнюю мнительность и поспешность, вытер пот со лба, вновь расставил по всему дому ценные статуэтки и вазы эпохи Мин и окончательно скинул чересчур крикливого и подвижного Люциана на руки сначала нянькам, которые надышаться не могли на хорошенького ребенка, а потом и домашнему учителю.

Вечерами, когда пожилой маг-гувернер, набегавшийся за непоседливым Люцианом в течение дня, засыпал без задних ног, мальчик выбирался из кровати и бродил по ночному дому. Иногда пробирался к малой каминной зале и часами просиживал там под дверью, подслушивая неспешные беседы отца и Гринграсса о политике, Дамблдоре и Темном Лорде, о последней войне и перспективах магического мира, о семье, детях и внуках, об их будущем.

Именно из этих разговоров девятилетний Люциан узнал, что он родился только потому, что Гавейн до одури боялся, что кто-нибудь еще из двух оставшихся сыновей отбросит ботфорты. Что к совершеннолетию он придет только с небольшим подъемным пособием от отца, домовиком Дарки и сейфом матери, в котором шиш да маленько. Причем «маленько» ежегодно уходит на оплату этого самого сейфа. Что его друг Теренс в семнадцать лет принесет вассальную клятву старшему брату, Галахаду. И что самое главное, его отец в принципе не верил, что Люциан может чего-нибудь добиться в своей жизни.

– Если бы нашлась какая-нибудь завалящая Обретенная! – протянул тогда Гавейн, на деле и мысли не допуская, что подобное сокровище может заваляться. – Или если бы Лорд в свое время не дурью маялся, а вспомнил, что он наследник великого колдуна, принял род и вернулся к истокам. Можно было бы и младшего моего дурачка неплохо пристроить. А так, максимум – альфонс при какой-нибудь страшиле, вроде Фионы Флинт, минимум – плейбой-квиддичист. Вот его потолок, Улисс. Мозги есть, но ленивый до одури. Мордашка красивая, но вечно капризная и недовольная. Да и характерец! Весь в мамашу!

Оскорбленный в лучших чувствах, Люциан уже хотел влететь в комнату и криками и вазами выразить свое негодование, как замер. Криками? Вазами? Гавейн что, прав? С того дня у него появилась цель: доказать. Доказать отцу, братьям, лорду Гринграссу, – да всем! – как они ошибаются.

Себя пришлось буквально ломать через колено. Поначалу

было неимоверно сложно сосредоточиться на занятиях, не вертеться и внимательно слушать: энергия, казалось, переполняла его, бурлила, требуя выхода. Люциан попросил учителя разбить каждый урок пополам и в пятиминутный перерыв активно прыгал. До гувернера, наблюдавшего за его потугами, наконец, стало что-то доходить, и он предложил воспитаннику бегать по утрам, играть в квиддич после обеда, а перед сном ездить верхом. Стало легче.

Кроме того, он постоянно следил за своим лицом. Во всех отражающих поверхностях: зеркалах, витринах, окнах, полированных дверцах шкафов. И как только замечал, что появлялась недовольная, или капризная, или злая гримаса, тут же волевым усилием расслаблял мышцы, возвращая нейтрально-дружелюбное выражение. Со временем, когда удерживать его стало так же естественно, как дышать, Люциан сел перед зеркалом и, погримасничав с полдня, выбрал мимику на все случаи жизни. Каждая улыбка и выражение лица были отработаны им настолько, что при желании он мог за минуту продемонстрировать всю гамму чувств, на деле не испытывая ничего.

Выбираясь на Косую аллею, Люциан старался перебросится фразой-другой с каждым встречным-поперечным, невзирая на возраст и социальный статус: с прохожими, с лавочниками, с торговками. И при этом внимательно отслеживал реакцию на себя и свои слова. Он понял, что изначально нравится буквально всем: красивый мальчик с обаятельной улыбкой и дружелюбным выражением лица. А значит, важно не испортить это первое впечатление. Он взял свой темперамент в узду и, выслушивая что-либо неприятное, уже не набрасывался на собеседника с криками и кулаками. Сначала лишь молчал и мысленно крыл визави отборной итальянской бранью из арсенала покойной матери, а потом, внимательно прислушиваясь на приемах в Боул-мэноре или других аристократических домах к беседам окружающих, научился парировать.

Вечерами Люциан рылся в фамильной библиотеке, пытаясь понять, есть ли у него в будущем какие-нибудь варианты, кроме квиддича и женитьбы. Именно там, в полумраке большой комнаты, освещенной лишь несколькими канделябрами, он понял, что имел в виду отец, рассуждая об Обретенных, Лорде и нем, Люциане.

Перспективы у него, действительно, были. Даже две. Смутные и призрачные. Однако, приехав в Хогвартс и познакомившись с Мелиссой, он понял, что мало того, что эти самые перспективы стали обретать определенные очертания, но возникла еще и

альтернатива.

***

– Возможно, звучит пафосно, но ты открыла передо мной новые горизонты. Я слишком примитивно смотрел на мир: или наследник, или никто. Или леденец, или кусок некой субстанции в воде. А тут приютская сиротка, не особо стесненная в средствах и оптимистично смотрящая в завтрашний день. Значит, есть варианты. Должны быть. Пусть все доходные места поделены века назад, окружены лесом и рвами с водой и крокодилами. Да, откусить кусок не удастся. Но ведь можно вырубить деревья и отгородить свою собственную полянку. Предложить что-то новое, чего маги никогда не видели. Поэтому и выбрался сегодня в Лондон.

– Хотел с наскока найти «золотую жилу»? – фыркнула Мелисса.

– Ну, я же не совсем идиот, – парировал Люциан и начал методично перечислять. – Всего лишь осмотреться, найти книжный магазин, накупить учебников по всем предметам за все классы.

– Заплатить золотыми или серебряными монетами, – в тон ему продолжила девочка, – попасть в полицию, колдануть со страха, нарваться на разборки с Министерством, вылететь из школы.

– Как вариант, – усмехнулся он, разводя руками, словно расписываясь в собственной глупости. – Но магловское образование мне необходимо. И я не отступлюсь. Когда я смотрел твои учебники, чувствовал себя тупой деревенщиной. Взять, например, арифмантику. Это та же магловская математика. Я сравнивал. Знания, необходимые для сдачи ТРИТОН, маглы получают в тринадцать-четырнадцать лет.

Мелисса долго на него смотрела, а потом улыбнулась.

– Что ж, Люц. Считай, тебе чертовски повезло. Мы сейчас идем в гости к одной очаровательной даме. Пока я буду решать свои вопросы, ты сможешь подробно побеседовать с ней о возможностях заочного образования и собственном учебном плане.

Боул открыл было рот, собираясь, очевидно, засыпать ее вопросами, но Мелисса жестом прервала его.

– Итак, с альтернативой все более-менее ясно. Теперь хотелось бы услышать о перспективах. Как я понимаю, они связаны с ответами на два вопроса. Первый: зачем твоему отцу понадобилась Обретенная?

Люциан какое-то время размышлял, просчитывая все за и против, а потом махнул рукой.

– А Мордред с тобой! Имей в виду, если ты Обретенная, я буду добиваться твоей руки. Весьма настойчиво. Сильные Обретенные могут создать новый магический род, не обремененный никакими фамильными проклятиями. Если уж отказываться от своей фамилии, то только на таких условиях.

– Ну, ты красавец! Спасибо, предупредил, а не взял в руки дубину и не отволок за волосы в пещеру, – поперхнулась девочка и, заметив недоуменный взгляд Боула, задумчиво пояснила. – Так поступали первобытные люди.

– Дубина была волшебная? – уточнил Люциан.

– Простая, деревянная, – пожала плечами Мелисса и поинтересовалась. – А мне какая выгода выходить замуж за третьего сына, а не за наследника?

– Прямая. Входя в существующий род, ты будешь лишь стельной коровой. Создавая новый – его главой. Супруг же привнесет фамильные таланты. Поэтому перспективнее выходить замуж за чистокровного мага древнего рода. На сегодняшний день я единственный вариант, подходящий тебе по возрасту.

– И тебя устроит роль быка-производителя? – усомнилась Мелисса.

– Разумеется, нет. Быком-производителем я стану, если женюсь на Фионе Флинт. Там мне регулярно придется крепко зажмуриваться и бросаться на амбразуру, думая об Англии. А в твоем случае я, скорее, буду кем-то вроде принца-консорта. Именно поэтому, когда мне было запрещено с тобой разговаривать, я и написал отцу письмо. Если бы он не отменил свое распоряжение, тебя могли перехватить. Это было бы несправедливо. Я первый тебя нашел.

Выпалив все это, Люциан замолчал, напряженно ожидая негативной реакции. Но Мелисса не спешила вскакивать, возмущаться и топать ногами, лишь барабанила пальцами по подбородку, глядя вдаль.

– Что ж, достаточно честно и откровенно. Ценю. Надеюсь, в будущем все будет так же. И мы обойдемся без всяких эксцессов, типа амортенции или заклятия подчинения. Не так ли? – наконец сказала она и посмотрела на мальчика, ожидая подтверждения, а дождавшись, продолжила. – Второй вопрос: каким образом Темный Лорд должен был вернуться к истокам?

Люциан чуть расслабился, откинулся на спинку скамейки и принялся рассказывать.

– Министерство магии появилось сравнительно недавно. Всего лишь в 1707 году. До его образования все вопросы решал Совет волшебников, который состоял из…

– Верховных колдунов всех ковенов Британии, – как-то

медленно и механически протянула Мелисса, а потом и резко спросила. – Ты хочешь сказать, что твой отец и лорд Гринграсс всерьез рассматривали возможность, при которой Темный Лорд принял бы род, вступил в права и созвал ковен?

– Ну, да… – протянул Люциан, удивленный ее осведомленностью и напором. – На это имеют право потомки Мерлина, основателей и Певереллов, принявшие род. Их осталось-то раз-два и обчелся. И ни одного достаточно амбициозного и сильного, чтобы пойти на это. Многие древние роды ждали от Темного Лорда подобного шага, поэтому их наследники и подставляли руки под клеймо. Но Лорд, по мнению отца, слишком долго раздумывал, а потом заигрался.

«Или его просто не приняла магия рода», – размышляла девочка, внимательно слушая Люциана, а тот тем временем продолжал:

– Поэтому я и спрашивал тебя, а кто ты, собственно, такая? И вообще, откуда ты знаешь о ковенах? Информацию о них вымарали из всех учебников истории магии.

_____

(1) Роял-флеш – (royal flush – «королевская масть») старшая комбинация в покере, частный случай стрейт-флеша, состоит из пяти старших карт одной масти (туз, король, дама, валет, десять).

(2) Гид, проводник.

(3) Имеется в виду Друпи, персонаж мультфильма Тэкса Эвери.

(4) Майорат (от лат. major – старший) – порядок наследования недвижимого имущества (прежде всего земельной собственности), согласно которому оно целиком переходит к старшему в семье.

(5) В средневековой Европе старшие сыновья наследовали земли и титул, средние, обычно, становились священниками, а младшие чаще всего оправлялись в Крестовые походы.

(6) Согласно Тете Ро, кожа человека, переболевшего драконьей оспой, становится зеленоватой.

(7) Гавейн – племянник короля Артура, его «правая рука».

(8) Stronzo – засранец.

(9) Idiota – идиотка.

Комментарий к ГЛАВА 29. Второй привет из прошлого

Приношу искренние извинения за столь долгое ожидание.

Форс-мажор!

Постараюсь больше такого не допускать.

= = = = = = = = = = ГЛАВА 30. Третий привет из прошлого = = = = = = = = = =

Комментарий к ГЛАВА 30. Третий привет из прошлого

Ребята, я всех поздравляю с наступающим Новым годом!

Искренне благодарю вас за то, что вы были со мной в этом году, и надеюсь, что в следующем мы продолжим наше общение!

Всем счастья и удачи!

Снейп порассказал Мелиссе предостаточно, чтобы готовиться к предстоящему празднованию как к битве.

Вечера, как тот, на который ее пригласили, проходили у Малфоев уже почти пятьсот лет. И программа была неизменна: бал, банкет, фанты и непременно «шут вечера». «Шуты» тоже не отличались разнообразием: маглорожденные или полукровки, выросшие в магловском мире и обычно несколько или даже весьма стесненные в средствах. Будучи приглашенными на подобный вечер и понимая, что, возможно, это их единственный шанс быть замеченными, они пыжились из последних сил, стараясь сойти за своих.

Удавалось далеко не каждому. Да что там, почти никому! Большинство мудрило с одеждой и путалось в столовых приборах. А если не мудрило и не путалось, то магию никто не отменял. Чары перекраски одежды или иллюзии, и мантия становится насыщенного поросячьего цвета. Все – ну, почти все! – смеются. Всем – ну, почти всем! – хорошо и весело.

Когда же доходило до фантов, то бесконечные танцующие ананасы, или превращенные в кубки крысы, или… да вообще любые заклинания из школьной программы вызывали лишь скептические усмешки и шепотки.

За последние триста лет лишь восемь маглорожденных смогли привлечь внимание древних родов и найти себе покровителей. Одним из последних счастливчиков был прадед Теренса Хиггса, принесший вассальную клятву роду Боулов. А вот выиграть желание за все это время смогли двое, причем оба в этом столетии. Первым был известный девочке Том Риддл, вторым – не менее известный Северус Снейп. Как проявил себя ее «папенька» и чего именно он попросил у Малфоев, профессор не знал, но он сам пожелал рекомендательное письмо к лучшему итальянскому мастеру-зельевару и портал до Флоренции.

– И что ты продемонстрировал? – спросила его девочка.

– Экспериментальное зелье иллюзий, – мечтательно улыбнулся Снейп. – Такая прелесть: одна капля, и в мраморном полу Малфой-мэнора появляется провал, из которого медленно вылезает полуразложившийся труп горного тролля и, оскалившись, прет на гостей. Пах он, кстати, соответствующе.

– А потом ты устроил аукцион и толкнул случайно завалявшееся в карманах экспериментальное зелье, лечащее энурез(1)?

– Так отпоил. По доброте душевной, – покачал головой Снейп.

– Они что, действительно…?! – поперхнулась на вдохе девочка.

– Увы, дотерпели. Повизжали, попищали, пошвырялись боевыми заклинаниями. Но равнодушных не было. Впрочем, они любовались бы радугой и единорогом с розами в гриве, – он криво усмехнулся, заметив удивление Мелиссы, – не приди в голову одному умнику из гостей вызвать своего домовика и приказать ему превратить мою единственную приличную мантию в платье Белоснежки. Сам он не справился: защиту я поставил на совесть, но вот такого финта ушами не предусмотрел.

Стало очевидно: нужно заказывать новые шмотки, обвешиваться амулетами и прыгать выше головы. Пожалуй, ария Кармен и Хозе, исполненная с черной мамбой на голоса, вполне бы подошла в качестве фанта, если бы не засвечивала парселтанг. В общем, Мелисса полночи проворочалась в кровати, размышляя о своей тактике, и лишь к утру кое-что начало вытанцовываться.

Так что день ее начался вовсе не со встречи с Люцианом в «Дырявом котле». Он стартовал в Гринготтс.

***

Если Оглаф и удивился тому, что Мелисса объявилась за месяц до Рождественских каникул, да еще с утра пораньше, то вида не подал, а наоборот, воспользовался случаем по максимуму. После ритуальных реверансов и расшаркиваний, они прошли в кабинет. Поверенный, предложив девочке присесть, сразу прошел к столу, где своей кровью активировал уже знакомый Мелиссе амулет с чарами безопасности. После чего гоблин взял в руки украшенный рунной вязью серебряный колокольчик и коротко позвонил.

Когда на столе перед ним появились четыре папки, Мелисса обреченно вздохнула, осознавая, что ее «я на минуточку» растягивается на неопределенное время, и, плюхнувшись в кресло напротив, потребовала себе кофе. Предоставив ей желаемое и дав возможность сделать первый глоток, гоблин придвинул ей три кожаные корочки. В первой оказался финансовый отчет. Во второй – договор со стаей Фенрира Сивого, готовый к подписанию, список необходимых мероприятий, а также смета предполагаемых расходов. А вот в третьей были… выжимки из гоблинских учебников истории?! Выписки из законов и уложений магической Англии, подшитых в хронологическом порядке за… полторы тысячи лет?! Мелисса ошарашенно подняла глаза на Оглафа, требуя пояснений.

– Вы оказались правы! По вашему указанию, я перерыл все

магическое законодательство, хоть и думал, что теряю время. Каково же было мое удивление, когда я нашел решение наших проблем. Ковен(2)! – торжественно объявил он и, поняв, что девочка не вполне разделяет его воодушевление, уточнил. – Вы знаете, что это?

– По магловским фильмам и книгам, – честно ответила она и, заметив недоумение в глазах гоблина, пояснила. – Сборище ведьм и колдунов. Обычно в количестве тринадцати(3) голов. Регулярно выезжают за город на нудистские пикники, отправляют кровавые обряды и приносят в жертву младенцев мужеского пола и трепетных светловолосых дев. Цели разные. Кто-то хочет банально вызвать дьявола, кто-то испортить все молоко в вымени всех коров(4).

– Что плохого им сделали коровы?– поразился Оглаф.

– А я знаю? – пожала плечами девочка. – Может, в детстве покусали.

Крякнув от неожиданности, поверенный потер подбородок, постучал длинным, узловатым пальцем по папке, словно предлагая девочке ознакомиться с ней более внимательно, и произнес ту самую фразу, которую три часа спустя она услышала от Люциана:

– Министерство магии появилось сравнительно недавно. Всего лишь в 1707 году. До его образования все вопросы решал Совет волшебников, который состоял из верховных колдунов всех ковенов Британии.

Мелисса вновь придвинула к себе папку и погрузилась в чтение. Вырисовывалась интересная картина. Ковен в понимании магов был отнюдь не сборищем оголтелых сатанистов. Этим словом обозначалось независимое территориальное и политическое образование. Этакий магический аналог магловских вольных городов(5). Во всяком случае, было очень много схожих черт. Ковен объединял несколько магических родов с вассалами, принесших клятву верности верховному колдуну. К ним могли присоединиться отдельные стаи оборотней и племена других малых народов, а иногда даже кланы гоблинов. Управлялась вся эта сборная солянка советом ковена, состоящим из верховного мага, глав родов и представителей каждого волшебного народа.

Первые ковены появились задолго до Мерлина, и тогда же для координации совместных действий и коллегиального решения всех спорных вопросов между ковенами был создан Совет волшебников, собиравшийся четыре раза в год или созывавшийся по мере необходимости.

Хотя ковены и упоминались в исторических документах

вплоть до конца семнадцатого столетия, когда последний был упразднен согласно пятому параграфу Статута секретности, большинство из них самоликвидировались задолго до этого события. Причина была проста: главным условием существования ковена являлось наличие сильного верховного колдуна, чей авторитет и магическая сила не вызывала сомнений. В противном случае ему бы просто не присягнули. И, если было проблематично или сложно найти адекватную замену после гибели или смерти верховного колдуна, ковен прекращал свое существование.

Ставшие независимыми, магические роды не слишком стремились вновь организовываться и попросту стали посылать в Совет волшебников своих глав. Уже к четырнадцатому веку членов Совета стало столько, что заседания превратились в базар: пришлось вводить должность председателя, чтобы хоть как-то призвать к порядку орду аристократов, тянущих одеяло на себя. Тогда же интересы малых магических народов перестали учитываться вовсе, хотя изредка и предпринимались неловкие попытки по налаживанию отношений.

Так, в XIV веке, тогдашний председатель Совета Бэрдок Малдун решил устроить саммит всех существ. Существами в его понимании являлись лишь двуногие. Кентавры, до глубины своей трепетной души оскорбленные дискриминацией себя любимых, а до кучи и русалок, из мести послали на заседание порлоков(6). А гоблины из недружественных волшебникам кланов похихикали, покрутили пальцем у виска и притащили с собой не только пикси и троллей, но и авгуров(7) и фвуперов(8).

Заседать под рев фвуперов, стоны авгуров, любуясь беснующимися пикси и разрушающими зал собраний троллями, было невозможно. В довершение всего этого водевиля Малдун решил призвать всех к порядку, вскочил со своего места и вляпался красивой шелковой туфлей с золотой пряжкой прямехонько в помет порлока. Саммит был сорван.

Через какое-то время некая Эльфрида Клагг пригласила на заседание Совета всех существ, способных изъясняться на человеческом языке. Гоблины из недружественных волшебникам кланов снова похихикали, потерли ладошки и поймали пару десятков джарви(9), а заодно обучили троллей нескольким связным предложениям.

На собрании тролли с воодушевлением продолжили так понравившееся им дело уничтожения зала заседаний, джарви без устали и с фантазией материли каждого встречного-поперечного, а кентавры, до глубины своей трепетной души оскорбленные дискриминацией на этот раз только русалок, громогласно

клеймили Совет.

В подобном стиле, иногда отвлекаясь на важнейшие вопросы, типа расстояния между магловскими населенными пунктами и мест для игры в квиддич(10) или минимальной толщины магических котлов, а также в промежутке приняв Статут секретности, волшебники развлекались до начала XVIII века, когда на базе этого бардака было создано Министерство магии и Визенгамот.

– И, собственно, что? – поинтересовалась Мелисса, внимательно изучив выписки. – Положения Статута секретности запрещают созыв ковена уже существующим и вновь создаваемым родам магической Британии, с чем все согласились и призвали магию в свидетели.

– Именно эта формулировка и дает нам пространство для маневра, – подтвердил гоблин. – Исключение в данном случае составляют…

Он замер и выжидающе посмотрел на девочку.

– Исключение в данном случае составляют, – медленно повторила она, а потом потрясенно посмотрела на поверенного, – магические роды, пресекшиеся к моменту принятия Статута секретности.

– Бинго! – торжествующе хлопнул в ладоши Оглаф и перечислил, загибая пальцы. – Мерлин, основатели и Певереллы. Я полистал на досуге справочник родов. Теоретически есть три человека, способных в будущем созвать свой ковен. Если, конечно, заявят права и магия рода их примет. Это вы, госпожа, как потомок Салазара Слизерина и Кадма Певерелла, Гарри Поттер по линии Игнотуса и Захария Смит(11), потомок Хельги Хаффлпафф. Тем не менее, несмотря на то, что все претенденты – полукровки, полагаю, что реальный шанс только у вас. Почему? Во-первых, у вас две попытки. А во-вторых, вы, насколько мне известно, истинный первенец.

– Сивый выболтал? – уточнила девочка и, дождавшись подтверждающего кивка, откинулась на спинку кресла. – Ты что, всерьез предлагаешь мне создать собственное государство(12)?

– А у Вас есть выбор? – мягко улыбнулся гоблин и, заметив, как напряглась девочка, пояснил. – В грядущей войне вы станете мишенью для обеих противоборствующих сторон. Без хорошо укрепленного тыла, денег и верных людей, готовых перегрызть за Вас глотку, жизнь Ваша не будет стоить и ломаного кната.

Под подозрительным взглядом Мелиссы, Оглаф открыл лежащую перед ним папку и указал на верхний лист пергамента.

– Это отчет Арга, госпожа. Во время беседы о фамильярах вы упомянули Герпия Омерзительного, что навело Арга на

определенные мысли в отношении медальона Слизерина. После проведения необходимых изысканий, сомнений не осталось: это хоркрукс, – Мелисса с трудом удержалась от крепкого словца, а гоблин тем временем продолжил. – Учитывая «неопределенный жизненный статус» одного известного нам обоим великого волшебника, можно сделать вывод: рано или поздно Темный Лорд вернется, а факт его воскрешения вряд ли обрадует другого известного нам обоим волшебника. Полагаю, вы осознаете, что попадете между молотом и наковальней?

– И что, по-твоему, я должна делать? – спросила девочка. – Собрать карманную армию и храбро воевать на два фронта?

– Мерлин упаси! Вы должны собрать карманную армию, храбро отступить на подготовленные, укрепленные и, желательно, скрытые магией позиции и подождать, пока Дамблдор и Темный Лорд не укокошат друг друга. Добить победителя, если выживет, и собрать трофеи. Война – дело прибыльное!

***

Фонтанируя идеями, поверенный вещал без перерыва следующие полчаса, доставая из своей папки пергамент за пергаментом. Сначала перед Мелиссой легли несколько географических карт с выделенными разными цветами областями на севере и северо-западе Шотландии.

Именно Оркни, Шетланд и всю прибрежную часть Хайленда, Оглаф видел в качестве будущих территорий ковена. Привлекали они гоблина, во-первых, наличием разрушенных и заброшенных замков, таких как Кейс и Брааль. Во-вторых, там находилось несколько чрезвычайно мощных мест силы, например, скала Кузнеца(13), Брох Дун-Биг(14), озеро Лох-Несс, где по преданию обитает водяной змей, Лусса-Вуд(15) и Мейсхау(16). В-третьих, Оркни и Шетланд, а также часть Хайленда, располагались на островах, большинство из которых были малы и пустынны. Например, из сотни островов Шетландского архипелага маглами было заселено лишь шестнадцать. Из семидесяти Оркнейских около двадцати. А из почти пяти сотен Гебридских островов не более ста.

– Необитаемые острова можно просто накрывать маглоотталкивающими чарами, – тарахтел Оглаф, не обращая внимания на увеличивающиеся с каждой секундой глаза Мелиссы, – а все строения, которые на них появятся, прятать под Фиделиусом. Далее. Видите вот эти островки? Заштрихованные зеленым? На них развито овцеводство и рыболовство, и сезонно там проживает не более сотни маглов. Предлагаю просто выкупить компании. Большинство из них дотационные и убыточные, получится более чем выгодно. Маглов уволим,

поменяем на наших. Если договоримся, к овцеводству можно привлечь кочевых кентавров, а рыболовство будет на русалках. Заодно заработаем. Эту же схему используем с магловскими территориями на самом Альбионе. Выкупим, например, под сельское хозяйство. По магическим же придется договариваться с шотландскими кланами. Но это уж после вашего совершеннолетия. Что же до карманной, как вы выразились, армии, то здесь вариант один – оборотни.

Гоблин выдохнул и посмотрел на Мелиссу, ожидая ее реакции.

– Во-первых, там, – девочка кивнула на папку с выписками, – есть ссылка на уложение, по которому любые сделки с землей магической Британии должны быть утверждены Министром. Во-вторых, с чего ты решил, что кого-то вообще заинтересует идея созыва ковена? В-третьих, как ты себе представляешь карманную армию из оборотней с парой заклинаний в загашнике? Их сметут два-три обученных боевых мага. И наконец, где мы возьмем деньги на все это?

– Шесть лет до вашего совершеннолетия более чем достаточный срок, чтобы составить не один жизнеспособный план. Конечно, в идеале, нужен свой человек в секретариате Министра. Желательно, производящий впечатление ответственного зануды и крючкотвора. Чтобы он мог просто подойти с кипой документов на подпись и подсунуть нужную бумажку. Но и без этого все вполне решаемо, надо лишь выждать подходящий момент. Всякое случается, меняются министры, умирают главы Визенгамота…

Далее, что нужно людям, да и не людям тоже? Элементарное уважение, уверенность в завтрашнем дне и спокойная жизнь по четко установленным правилам. Правилам для всех. Правилам, которые не меняются от того, что у облеченного властью зачесалась левая пятка. По большому счету, популярность Темного Лорда в определенных кругах была обусловлена еще и тем, что его Орден Вальпургиевых рыцарей был суррогатом ковена, а он сам и его ближний круг – подобием совета.

Сможем ли мы заинтересовать кого-нибудь? Несомненно. Многодетные роды – их немного, в основном это шотландские и ирландские кланы, – заинтересованы в том, чтобы удачно пристроить младших детей. Невест с приданым на всех не хватит. Ковен – это не просто выход для них, но и страховка для всего рода на случай полномасштабной войны. Что до малых магических народов, то, например, Сивому идея приглянулась настолько, что он собирается провентилировать вопрос с дружественными стаями. Да и у нашего с Аргом клана есть свой

интерес, – протянул Оглаф и, заметив, что брови Мелиссы вопросительно поднялись, пояснил. – Собственный банк. Клан Гринготт подмял под себя всю финансовую сферу магического мира. Не всем это по душе, госпожа.

Что до боеспособности оборотней, то, во-первых, они сильнее обычных людей, а во-вторых, у маглов магии нет, зато имеется такой весомый аргумент, как Энфилд(17). А деньги, да. Это проблема. Мы сейчас с вами на стадии формирования начального капитала, а практически любой начальный капитал…

– Нажит нечестным путем, – закончила Мелиса мысль гоблина. – Собрался вооружиться автоматом и ограбить кого-нибудь?

– Ну, если игра на бирже с инсайдом считается вооруженным ограблением, то да. Без нужных людей, конечно, не обойтись, поэтому вот, – гоблин достал из своей папки еще два пергамента и положил перед девочкой.

– Алан Дюбуа, – взяв в руки первый, вслух начала читать Мелисса, – маркет-мейкер(18) Лондонской фондовой биржи, дочь больна лейкозом. Рой Смит, начальник отдела министерства финансов, жена страдает бесплодием. Айзек Вайсберг, брокер «Хиченс Харрисон»(19), рак простаты. Миранда Кроуфорд, секретарь Робина Лей-Пембертона, ранняя стадия рассеянного склероза. Кто такой этот Робин Лей-Пембертон?

– Управляющий Банка Англии(20).

– А-а, – неопределенно протянула девочка и потянулась ко второму пергаменту. – Тимоти О'Нилл, неоперабельный рак мозга, бывший сотрудник Скотленд-Ярда. Йен Браун, травма позвоночника, бывший морской пехотинец. Финбар Уилан, болезнь Альцгеймера под вопросом, болезнь Паркинсона под вопросом… МИ-5(21)?! Ты самоубийца, Оглаф?! Нет, идея понятна: помочь страждущим и использовать их по полной программе. Но МИ-5! Он сожрет нас с потрохами и не подавится!

– Не сожрет. Во-первых, сейчас он растение. А во-вторых, все они сквибы. Вассальная клятва в обмен на выздоровление – нормальная цена.

– Да ну? – саркастически спросила Мелисса. – Жизнь в обмен на свободу.

– Вассальная клятва не рабство! – возмущенно воскликнул Оглаф. – Я лично собираюсь дать вам вассальную клятву при первой возможности. Я что, похож на негра с плантации?

– Почему бы нам просто не найти парочку смертельно больных миллионеров и не продать им лекарство, скажем, за четверть их состояния? Честная сделка. А потом подправить память и…

– Потому что лекарство в самых тяжелых случаях, не заклинание, и не зелье, и не настойка. Лекарство – укус оборотня. И повторю, цена приемлемая. Секретарше из Банка всего двадцать пять, лет через семь она превратится в развалину. Уилану тридцать восемь, он уже десять лет ведет жизнь овоща. Они смогут полноценно жить и работать. Просто сменится работодатель. Кстати, миллионеры – это интересная мысль!

Мелисса надолго замолчала, уставившись в лакированную поверхность стола, а потом подняла глаза на гоблина и твердо сказала:

– Я должна все серьезно обдумать. Если ограбление банка моя совесть, пожалуй, выдержит, то тут я не уверена. Прошу ничего пока не предпринимать. Одно могу сказать точно, если мы и пойдем на такой шаг, то только с ясно выраженного согласия этих людей. Нам не нужны двинутые вервольфы, не способные принять свою новую суть, – поверенный одобрительно кивнул, а девочка продолжила. – Далее, у меня к тебе несколько вопросов, я, собственно, за этим и пришла. Первое, где можно заказать вечернее платье и мантию на девочку моего возраста. Скромные и элегантные. Уровнем выше, чем Малкин.

– Твилфитт и Таттинг. Из Гринготтс налево. Первый магазин. Одежда у них отвратительно дорогая. Будьте готовы расстаться с тремястами галлеонами, не меньше. Кстати, могу я узнать причину подобного расточительства?

– Празднование Йоля в Малфой-мэнор.

Гоблин многозначительно поджал губы.

– Я так понимаю, ты о них слышал, – констатировала Мелисса.

– Кто о них не слышал? Много золота, очень много родовой спеси, еще больше историй разной степени чистоты. Вот недавно хоронили Эаргита, их поверенного. Он, бедняжка, как-то, внезапно захворал. Может, промочил ноги, может, потерял деньги Малфоев на магловской бирже, кто знает? Так что, если когда-нибудь встанет вопрос о деловом сотрудничестве с ними, рекомендую отказаться. Либо составить хорошо продуманный непреложный обет. И еще. Я слышал, на подобных вечеринках очень любят разыгрывать маглорожденных. Советую попросить в ателье, чтобы на изнанку вашего платья нанесли защитные руны от всех видов магии.

– Отличная мысль! А то я с ужасом представляла количество амулетов, которые придется на себя нацепить. И последнее, существуют ли у магов некие аналоги магнитофонов? Это…

– Да-да, я понял, устройство для записи звуков. Некоторые модели магорадио, кажется, могут что-то подобное. Блордак из

отдела новых счетов мне всю плешь проел, жалуясь на свою супругу, которая неделями насилует его одной и той же песней Селестины Уорбек. Правда, – гоблин окинул взглядом хрупкую фигурку девочки, – это такая здоровенная бандура. И жрет много магии. Можно поискать что-то похожее в лавке артефактора рядом с Твилфитт. Открылась совсем недавно, но Арг говорит, мастер бесподобен!

***

– Так откуда ты знаешь о ковенах? – повторил свой вопрос Люциан.

– В кроссворде встретилось, – буркнула Мелисса, бросила взгляд на часы, сгребла вещи с лавочки и двинулась по аллее, размышляя о своем и не обращая внимания на замершего мальчика, непонимающе смотрящего ей вслед.

«Твилфитт и Таттинг» по внешнему виду был похож на любой лондонский бутик, торгующий элитными шмотками. Вывеска была не яркой и не броской, лишь логотип из двух букв Т. Но этого было достаточно, чтобы ведьмы в скромных мантиях и старомодных шляпах толпились у зеркальной витрины, пожирая глазами манекены в красивой одежде. Единственное отличие от магловских магазинов было в том, что манекены меняли позы, стараясь выгоднее показать мантии.

Когда девочка толкнула зеркальную дверь и вошла в магазин, перед ней неслышно, буквально из ниоткуда, появились два волшебника средних лет. Оба были в элегантных костюмах, похожих на магловские «тройки» и черных мантиях по фигуре. Оба одинаково зализаны. На одинаково холеных руках были одинаковые перстни. Один был чуть повыше ростом и блондин. Другой – брюнет, пониже и поплотнее.

Господа Твилфитт и Таттинг, а это были именно они, осмотрели Мелиссу с головы до ног. Ее магловские джинсы, куртка нараспашку и видавший виды свитер с красноносым оленем Рудольфом явно произвели на них не лучшее впечатление. Однако когда они поняли, что девочка платежеспособна, их отношение стремительно поменялось. Обсудив все детали и получив порядка тысячи галлеонов, маги пообещали девочке прислать заказ через неделю.

А вот в лавке артефактора ее ожидал сюрприз. Мастер действительно был бесподобен. Что не удивительно, ведь им оказался Халид. Поняв, что ученица явилась к нему в качестве клиентки, арабский маг ехидно усмехнулся, быстро подобрал нужную вещь и, заявив, что артефакт подобного уровня ей не по карману, в качестве платы потребовал… выучить к Йолю двадцать пергаментов. И все бы ничего, но времени оставалось мало,

пергаменты были на древнегреческом, а имя девочки, хоть язык она и знала, было отнюдь не Сапфо(22). Тем не менее, артефакт в виде изящной шкатулки, украшенной куфической вязью, авансом перекочевал из его рук в рюкзак Мелиссы.

Кстати, по заверениям Халида, узор вязи действовал так же, как и знакомые девочке рунные активаторы. Более того, арабский маг давал гарантию в девяносто девять и девять десятых процента, что никакое Министерство магии никогда этот артефакт не засечет, даже при использовании в магловских районах, поскольку для активации шкатулки требуется настолько слабый магический толчок, что можно превосходно обойтись без палочки.

Люциан догнал Мелиссу уже на выходе из парка.

– Что такое кроссворд? – выпалил он.

– В смысле, – резко затормозила она. – У вас нет кроссвордов? Судоку? Ребусы? Нонограммы(23)?

И каждый раз Боул лишь отрицательно качал головой.

– Вот же черт! – возмутилась девочка. – Лишилась второй универсальной суперотмазки. Первая, про «по ящику показывали», отпала в полуфинале. В общем, Люц, я пока не готова раскрыть источник своих знаний. Можешь на меня обижаться.

– Ну, спасибо, разрешила! – хмыкнул мальчик и поинтересовался. – В порядке бреда, что будет, если обижусь?

– Резко начну дружить с Бленкинсопом, попаду под его влияние, двинусь на квиддиче и намотаю на шею шарф «Паддлмир Юнайтед».

– Знаешь, – хохотнул Люциан, – угроза, надо сказать, так себе.

– Это не угроза. Просто ставлю в известность. С понедельника и начну.

– Зачем? – удивился мальчик, а потом до него дошло. – Ах, вот оно что! Обложили… Хорошо, я тебя услышал.

Они шли по тихой аллее, застроенной очень милыми коттеджами. Боул понял, что Мелисса направляется прямиком к увитому плющом двухэтажному дому в конце улицы. Во всяком случае, она несколько раз бросала на дом выразительные взгляды и прибавляла шаг.

Когда они уже вышли на дорожку, ведущую к дому, дверь коттеджа неожиданно распахнулась, на пороге показалась женщина лет пятидесяти-пятидесяти пяти, ухоженная и представительная, и радостно им улыбнулась.

***

– Добрый день, Хелен. Это Элисон, помнишь меня? Да-да.

Университет. И не говори, больше тридцати лет, – миссис Макнабб сидела в гостиной под пристальными взглядами Люциана Боула и собственной огромной кошки, облюбовавшей штаны мальчика, и методично обзванивала номера из своей записной книжки на букву «О», «Однокашники». – Все в порядке. Нет, не по поводу встречи выпускников. Возможно, в этом году и буду. Нет. Нет. Я ищу телефонный номер нашего профессора по истории. Как его, Уилсет? Уилкок? Да. Да. Нет. Естественно, понимаю, что уже мог умереть. Ему сейчас должно быть за восемьдесят. Думаешь, Харлоу в курсе? А номер не подскажешь?

Этим ее практически с порога озадачила Мелисса. Выпав из объятий Макнабб, девочка пошушукалась с ней минут десять, периодически бросая взгляды на Люциана. Говорили они очень тихо, и до мальчика, как он ни напрягал слух, долетали лишь отдельные фразы Эванс.

– …поиграюсь с магнитофоном часок? В кабинете? …альди … филармонический …Люциан …на домашнем обучении …будущей профессии. …ельма Завоевателя…

После чего, Мелисса, ободряюще кивнув Люциану, ускакала в соседнюю комнату и, выпихнув оттуда кошку, плотно закрыла за собой дверь. Макнабб же взяла ошарашенного Боула за руку, провела в гостиную, усадила на диван и толкнула следующий спич:

– Итак, Люциан, как я поняла, ты по семейным обстоятельствам учишься дома и испытываешь некоторые сложности в определении своей будущей профессии. Сейчас я дам тебе краткий тест на определение коэффициента интеллекта и тест на профориентацию. У тебя есть сорок минут, пока я сделаю пару звонков. Потом обсудим, на каких предметах тебе стоит сосредоточиться.

Заявленного времени ей не хватило. Поэтому результаты тестов Люциану пришлось проверять самому по ключу в конце сборника. Несмотря на то, что он испытывал определенные сложности в решении головоломок, поскольку никогда раньше не сталкивался с подобным видом деятельности, выяснилось, что он далеко не дурак. А профориентационный тест показал, что наилучшая профессия для него… Какого Мордреда! Журналистика?!

Люциан отрешенно смотрел на стену, автоматически гладя кошку, и подпрыгнул чуть ли не до потолка, когда вернувшаяся Мелисса села рядом и потрясла его за плечо.

– Ты чего такой взъерошенный? Тест показал, что ты годишься только в мусорщики?

– Хуже, – убитым голосом поведал он. – Только в Риты

Скиттер. Мне предлагают нарядиться в мантию попугайской расцветки и перекраситься в блондинку.

– М-да, Мэрилин из тебя получится весьма посредственная. А ну, не дури! Журналисты бывают разные. Ваша Рита – это таблоид, – выдав эту непонятную фразу, девочка подбежала к Макнабб, в очередной раз записавшей очередной номер и повесившей трубку, и доложилась.

– Журналистика.

– В кабинете над столом на второй полке слева зеленая брошюра. И вот еще что… В шкафу на третьей полке стоит «Антология статей лауреатов Пулитцеровской премии». У меня есть более современное издание, так что эту можете забрать, – ответила ей женщина и вновь принялась названивать.

Еще минут двадцать ребята просидели на диване. Мелисса гладила кошку и с надеждой смотрела на Макнабб, а Люциан, просмотрев в брошюре список необходимой литературы по предметам, читал статью американского военного журналиста Уотсона(24). Да, Скиттер здесь и рядом не валялась!

Наконец, Макнабб положила трубку и, помахав в воздухе обрывком газеты, на которой записывала телефонные номера, сказала:

– Вот номер. Он не Уилкок и не Уилсет, а Уилан.

– Уилан? – неожиданно для всех нахмурилась Мелисса и, помотав головой, словно отгоняя неприятные мысли, еле слышно проговорила. – Да нет, должно быть, однофамилец.

– Мне позвонить? – уточнила Макнабб.

– Полагаю, я справлюсь, – ответила ей девочка и, взяв бумажку с номером, направилась в кабинет ко второму телефону.

***

– Какая длинная лестница, – задыхаясь, возмущался Люциан. – На каком, ты говоришь, этаже он живет?

– На девятом. И Люц, не ной, ради Христа. Никто не виноват, что лифт застрял. Радуйся, что мы не в нем. А ты, кстати, мог бы и спортом заниматься. Развалина!

– Да я дома бегал по утрам! И в квиддич играю!

– Вот именно, дома! Вот именно, бегал! Прошедшее время. А квиддичем что качаешь? Мозоль на заднице? Она у тебя, небось, рельефная, вся в кубиках.

– Знаешь что? Я тебе уши надеру!

– Сначала догони, – усмехнулась девочка и бросилась вверх по лестнице, перемахивая сразу через две ступеньки.

Люциан догнал ее уже перед квартирой профессора Уилана. Вернее не догнал, а Мелисса попросту его дожидалась, подпирая стену. Дав Люциану возможность отдышаться и разогнуться, она

подошла к нужной двери и нажала на кнопку звонка.

Профессор Уилан оказался сухоньким, немного суетливым старичком с умными живыми глазами, одетым в слегка помятые домашние брюки и старомодный пуловер. Еще беседуя с ним по телефону, Мелиссе показалось, что он давно ни с кем не разговаривал и просто умирает без общения, так долго и подробно он выспрашивал, что именно она ищет. А потом принялся ахать, что, да, конечно, у него есть необходимая девочке книга. Что, нет, в открытой продаже она давно отсутствует, но у него еще остались авторские экземпляры, потому как собственно он ее и написал. И что Мелисса должна непременно приехать к нему в гости, когда ей будет удобно. Можно и сегодня, и завтра, и послезавтра. Ах, с другом? И друга захватите.

Именно поэтому она и сделала вывод, что профессор живет один. И этот вывод разбился вдребезги в тот самый момент, когда ребята прошли в гостиную большой, обставленной старинной мебелью квартиры и заметили скрюченную дрожащую фигуру человека, сидящего в инвалидном кресле.

«Все-таки не однофамилец!» – тоскливо подумала Мелисса, почувствовав, как рядом вздрогнул от неожиданности и ойкнул Люциан.

– Не бойся, – мягко сказал ему профессор, очевидно, привыкший к подобной реакции. – Это мой сын, Финбар. Он не заразный.

– Что с ним? – глухо спросила девочка и тут же раскаялась в столь бестактном поступке. – Простите, это не мое дело.

– Ничего, – вздохнул профессор и ответил. – Одни доктора говорят Альцгеймер, другие – Паркинсон. А я, мои юные друзья, хоть и не врач, но уверен: здоровый человек, спортсмен, не может утром уйти на работу на своих двоих, а ночью оказаться в больнице в таком состоянии.

Какое-то время они молчали, а потом профессор сказал, мотнув головой в сторону кофейного столика, на котором лежал достаточно массивный сверток:

– Книгу я вам приготовил. Кстати, я поражен, что такая юная леди интересуется эпохой Вильгельма Завоевателя, а тем более столь одиозными фигурами, считающимися злыми колдунами.

– Честно говоря, я потрясена, что об этом человеке вообще есть упоминания в летописях и манускриптах.

– Вот именно что нет! Ни в официальных летописях, ни в манускриптах. Только в редких личных дневниках современников. Тогда, знаете ли, грамотных было немного. Причем только коротенькие упоминания, в стиле: «Сегодня я буду

ужинать с Драконом» или «Колдун позвал меня к девяти». И что самое поразительное, все эти заметки были сделаны до события и никогда после. Словно людям стирали память. Потом, возвращаясь к этим записям, они были в ужасе, полагая, что подверглись воздействию злых чар, – профессор, сев, на своего любимого конька, преобразился; он отчаянно гримасничал и жестикулировал, словно пытаясь придать своим словам больший вес. – Я бы никогда не закончил труд всей своей жизни, если бы при раскопках в Певенси(25) мы не нашли целый запечатанный сундучок. В нем оказался дневник одного юного дамуазо(26), который мало того, что был весьма грамотен и куртуазен, но и обладал поразительно стойкой памятью.

Неожиданно пожилой мужчина оборвал себя на полуслове и предложил.

– Впрочем, полагаю, все это можно обсудить и за чашечкой чая?

В его голосе слышалась такая надежда, что ребята согласились. Предложив им рассаживаться, профессор зашаркал на кухню. Люциан, все время профессорского монолога глаз не сводивший с фигуры в инвалидной кресле, еле дождался, пока старик выйдет из комнаты, резко наклонился к Мелиссе и прошептал:

– Вот хоть режь меня, но никакой это не Геймер или, как там старик его обозвал? Это Круцио!

– Спятил? – подпрыгнула девочка, недоверчиво глядя Люциана.

– Все симптомы, как в книге о непростительных. У нас есть экземпляр. Я в детстве залез, потом несколько ночей спать не мог. Мерлином клянусь, Круцио! Полчаса, не меньше. Ты посмотри, как его трясет. Тело просто ходуном ходит, ни на секунду не останавливается. А лицо. Моргана, какие тики! Он даже слюну удержать не может.

Мелисса резко встала и повернулась к мальчику.

– Значит так, Люц. Ноги в руки и дуй за стариком. Делай, что хочешь, но чтобы полчаса вас здесь не было. Можешь поинтересоваться у него историей Великобритании и местом Боулов в ней. Вперед.

Как только ошарашенный, но проникшийся Люциан вышел из комнаты и направился в сторону кухни, Мелисса подошла к сидящему в кресле мужчине и повернула его голову так, чтобы встретиться с ним взглядом. Глаза его не были глазами безумца. Из них буквально хлынули боль, тоска и ярость. От неожиданности девочка вздрогнула, а потом тихо спросила:

– Финбар, как это произошло?

***

Погожим весенним вечером двадцативосьмилетний Финбар Уилан сидел в машине Скотта Андерсона, своего приятеля-полицейского, и его напарника Робби Фишера, с удовольствием слушал байки о полицейских буднях – раз о своей работе рассказывать нельзя, так хоть про чужие подвиги послушать! – и потягивал из бутылки прохладное пиво.

Со Скоттом они познакомились во время службы в армии. Воды с тех пор утекло немало, пути их разошлись. А тут вдруг неожиданно встретились и зацепились языками. Напарник Андерсона, жизнерадостный толстяк Робби, тоже оказался мужиком вполне компанейским, поэтому Финбар не видел для себя проблемы, чтобы провести таким образом пару часиков после напряженного рабочего дня. Фишер перекинул ему еще одну бутылку.

– Мы-то на дежурстве, так хоть на тебя полюбуемся, – хохотнул он.

– А давай, – махнул рукой Уилан, конечно, на голодный желудок не стоило бы, но завтра у него начинался отпуск, так что фиг бы с ним.

Неожиданно мимо них промчался набирающий скорость мотоцикл. Фонари на улице светили тускло, но даже их света хватило, чтобы понять: водитель и пассажир – подростки, и они без шлема. Реакция Робби, несмотря на его габариты, была мгновенной, он с такой силой вдавил педаль газа в пол, что Скотт чуть не впечатался в лобовое стекло, а Финбар пролил пиво на джинсы.

– Финни, ты извини, что так получилось, – бормотал Скотт, пристегиваясь и напряженно следя за дорогой. – Сейчас тормознем этих психов, пока они кого-нибудь не угробили, и выпустим тебя.

– Да не вопрос, – покладисто согласился Финбар.

Мотоцикл так резко нырнул в узкий проулок между двумя домами, что у последовавшей за ним полицейской машины отлетел диск.

– Твою ж мать, – сквозь зубы выругался Фишер, еле вписался в узкий проулок, задев правым боком какое-то металлическое ограждение и стесав половину краски, и продолжил погоню, петляя между домами. – Уроды!

Через минут пять бесконечных поворотов, фары автомобиля осветили высокую каменную стену и попавших в ловушку юношей, лет семнадцати-восемнадцати, одетых в одинаковые футболки с огромной золотой птицей.

– Робби, мы их поймали, – воскликнул Скотт. – Это тупик!

Сидящий за рулем мотоцикла парень был длинноволос и красив, но при этом на его лице сияла такая наглая и самодовольная ухмылка, какая бывает только у золотых мальчиков, свято верующих в собственную безнаказанность.

Волосы второго были короткими и торчали во все стороны, словно такую вещь, как расческа, еще не изобрели. На нем были круглые очки, выражение его лица было глуповатым, но улыбался он так же нахально и вызывающе.

Робби до зубовного скрежета захотелось, чтобы сейчас он нашел у них нож, или травку, или колеса, чтобы можно было впаять им по полной и никакие богатенькие предки, которые, несомненно, у этих мажорчиков были в наличии, не помогли. Ну, или хотя бы сильно помучились, отмазывая отпрысков.

– Ладно, выходим, – скомандовал Фишер. – Финни, ты тоже. Только пригнись и отойди за угол, мало ли что этим придуркам в голову стукнет.

Еле-еле выбравшись из машины – расстояние между дверьми и стенами домов было мизерным, – Фишер и Андерсон с трудом обогнули ее, притираясь с одной стороны к пыльному автомобилю, а с другой к грязным, пыльным стенам. Рубашки полицейских из белых превратились в серые.

Финбар под прикрытием машины отошел в сторону и прислонился в стене, на расстоянии наблюдая за действиями полицейских. Руку он держал на кобуре. Нет, малолеток он не боялся, просто хотел подстраховать приятелей.

«А Фишер завелся всерьез, – мысленно хмыкнул Уилан. – У него вроде бы дочка-подросток, наверняка с такими же крутится. Неудивительно, что он вменил этим субчикам и езду без шлемов, и значительное превышение скорости, и даже сопротивление полиции. Достала мужика вся эта шушера!»

– Имена! – крикнул Скотт.

– Имена? – ухмыльнулся длинноволосый. – Как вам, Вилберфорс? Или Батшеба? А может, Элвендорк?

А парни, похоже, еще и обдолбанные. Правда, на этом фантазия длинноволосого иссякла, а вот очкарик подхватил:

– А Элвендорк подходит и мальчику, и девочке! Здорово, да?

– А может, вы про наши имена? – дошло, наконец, до первого. – Так бы и сказали. Это – Джеймс Поттер, а я – Сириус Блэк.

«Пожалуй, этому рокеру можно и посочувствовать, – подумал Финбар. – Наверное, полжизни дразнили Большим Псом. Очень знакомо. У самого отец выпендрился(27)».

В этот момент подростки напряглись, достали из карманов что-то типа барабанных палочек и прокричали какую-то непонятную фразу, кажется, на латыни. Свет фар переместился,

полицейские и Финбар оглянулись и замерли: над переулком на метлах летели трое мужчин в странной черной одежде.

Летели! На метлах!

В этот же момент полицейская машина встала на дыбы, летящие врезались в нее и рухнули на землю, а сам автомобиль с грохотом вернулся на прежнее место. Финбар лишь успел прикрыть голову от летящих во все стороны обломков метел.

Наступившую тишину прорезал гул мотоцикла. На глазах у окончательно обалдевших полицейских, он поднялся в воздух.

– Не забывайте, Эльвендорк подходит как для мальчика, так и для девочки, – прокричал очкарик.

После чего длинноволосый газанул, и мотоцикл исчез в ночном небе, оставляя за собой мерцающий рубиновый след.

Первым в себя пришел Финбар. Хмель окончательно выветрился из его головы, он бросился к лежащим на земле мужчинам и проверил пульс.

– Скотт, вызывай скорую, они живы, – крикнул он приятелю.

Андерсон полез обратно в машину за рацией, а Фишер, сунув руку в салон, достал оттуда аптечку и с трудом протиснулся к Финбару.

– Как думаешь, что это было? А, Финн?

– Знаешь, я сейчас не думаю. Я думать буду потом.

– И это правильно, – к ним присоединился Скотт. – Я вызвал спасателей. Финни, можешь встретить их у поворота, а то боюсь, они нас тут, в этой жопе мира, долго будут искать. А мы пока попытаемся этих в чувство привести.

Финбар кивнул и двинулся в сторону выхода из проулка. Не успел он пройти и ста метров, как раздался крик, а потом переулок осветили две зеленые вспышки. Вытащив пистолет, он бросился назад.

Пришедшие в себя мужчины стояли над… Да, над трупами его знакомых. В руках у них были точно такие же палочки, что и у подростков. Самый высокий и плотный из убийц подошел к телу Скотта и поддел его носком башмака. В тот же момент Финбар нажал на курок и не промазал. Громила был окончательно мертв. Следующим выстрелом он убрал и второго убийцу, но третий ему такой возможности не предоставил. Из его палочки вырвался луч, и асфальт под ногами Финбара будто взорвался, отбрасывая мужчину на несколько метров назад и выбивая пистолет из его рук. Налетев спиной на какое-то ограждение, Финбар буквально услышал хруст собственных ребер и сполз на землю. Не опуская палочки, человек в черном балахоне приблизился к пытающемуся прийти в себя Уилану и прошипел:

– А вот ты, магл, на легкую смерть можешь не рассчитывать.

Круцио!

В конечном итоге, Скотт Андерсен оказался прав: переулок действительно был жопой мира. Спасатели добрались туда только через полтора часа. И обнаружили два трупа полицейских без признаков насильственной смерти и пускающего слюни и бьющегося в конвульсиях Финбара Уилана.

***

Мелисса в ужасе вынырнула из воспоминаний Финбара и рухнула на пол рядом с его инвалидным креслом.

Неужели эти два ублюдка, Джеймс и Сириус, думали, что маглы, тем более полицейские, бросят трех людей без сознания и убегут? По себе, похоже, судили. Эти недоросли, рыцари света хреновы, фактически отдали бобби на растерзание ПСам.

Мелисса вновь взглянула в глаза Финбара и вытащила из кармана двустороннее зеркало. Когда через пару мгновений в комнату вошел старенький профессор и Люциан с подносом в руках, они лишь услышали, как девочка произнесла в пространство:

– Я согласна.

_____

(1) Недержание мочи.

(2) Слово «ковен» происходит от «convenire» (латынь) – «собрание, встреча». В архаичном английском «covin» означало «обман, мираж».

(3) Необязательно тринадцать. Но у Дж.Чосера в его «Кентерберийских рассказах» слово «covent» употреблено именно для обозначения собрания из тринадцати человек.

(4) Вредное деяние ведьм и колдунов, часто (чересчур часто!) упоминаемое в трактате «Malleus Maleficarum» («Молот ведьм»), написанном в 1486 г. инквизитором Г.Крамером и профессором теологии Я.Шпренгером.

(5) Вольный город (Freie Stadt, Freistadt) – в средневековом немецком праве обозначение города, являвшегося самостоятельным территориально-политическим образованием, независимым от государственных образований, территориями которых он был окружен. Такие города получали права самоуправления, самостоятельного сбора налогов, военной обороны и судебной власти на своей территории.

(6) Порлок – хранитель лошадей. Существо с исключительно длинным носом, покрытое шерстью, на голове грива грубых волос. Передвигается на двух ногах с раздвоенными копытами.

(7) Авгур – худая, вечно скорбящая птица. Считается, что крик авгура приносит смерть.

(8) Фвупер – африканская птица, сводящая своим ревом с

ума.

(9) Джарви – животное, напоминающее хорька-переростка. Способно говорить. Умственное развитие не позволяет поддерживать настоящую беседу, речь состоит из непрерывного потока брани.

(10) Законы о минимальном расстоянии между магловскими населенными пунктами и мест для игры в квиддич принимались в 1362, 1368, 1419 гг.

(11) Хепзиба Смит, та самая, которую из-за чаши грохнул Том Риддл, была потомком Хельги. Захария Смит ее весьма вероятный родственник.

(12) Как же мне здесь хотелось написать «с блэкджеком и шлюхами», но – черт побери! – «Футурама» выйдет только через десять лет.

(13) Скала Кузнеца расположена в горах Куиллин (Cuilthionn, шотл.) на острове Скай (An t-Eilean Sgitheanach, шотл.). С этим местом в кельтской мифологии связано рождение смерти. Это место также связывают с воинственной богиней смерти Скатах (Scáthach), у которой обучался великий кельтский герой Кухулин (Cú Chulainn) – первый человек, достигший бессмертия (ага, еще один бессмертный).

(14) Брох – древняя рукотворная каменная башня. Считаются входом в королевство фей. Брох Дун-Биг находится на острове Скай

(15) Лусса-Вуд – это каменное сооружение, расположенное на острове Джура и состоящее из трех колец (каждое около 1,5 метров в диаметре). Считается порталом, связывающим мир живых с миром мертвых.

(16) Мейсхау – одна из крупнейших гробниц на Оркнейских островах. Поросший травой курган с комплексом коридоров и камер, сооружённых из тщательно обработанных плит слюдянистого песчаника. Расположен таким образом, что задняя стена центральной камеры освещается во время зимнего солнцестояния.

(17) Enfield SA-80 – штурмовая винтовка-автомат, стоит на вооружении британской армии в 80-х годах.

(18) Маркет-мейкеры – члены биржи, котирующие определенные ценные бумаги в течение рабочего дня. Имеют непосредственный доступ к инсайдовской информации.

(19) Hichens Harrison – старейшая брокерская контора Лондона. Основана в 1803 г.

(20) Робин Лей-Пембертон – управляющий Банка Англии (аналог нашего Центробанка), 1983-1993 гг.

(21) МИ-5 – Служба контрразведки Великобритании. Другое название – Служба безопасности.

(22) Древнегреческая поэтесса с острова Лесбос.

(23) Японские кроссворды, где нужно заштриховывать клетки в определенном порядке, чтобы получилось изображение. Бывают черно-белыми и цветными.

(24) Марк Уотсон, журналист Балтимор Сан. В 1944 г. был награжден Пулитцеровской премией за серию репортажей с французского и итальянского фронтов.

(25) Певенси – деревушка, близ которой высадились войска Вильгельма Завоевателя.

(26) Дамуазо (фр.) – паж.

(27) Финбар Уилан – справедливый волк (ирл.).

= = = = = = = = = = ГЛАВА 31. Йоль = = = = = = = = = =

Комментарий к ГЛАВА 31. Йоль

Ребята, я написала “манго”, а не “Мунго”, потому что я хотела написать именно “манго”. Умоляю, читайте сноски. В данном случае сноску (18)

Тем, кто никогда не слышал “Зиму” Вивальди, рекомендую: https://youtu.be/QFFrkZOYojk

Мелисса полностью погрузилась в подготовку к вечеринке у Малфоев. Идея окончательно сложилась, и теперь все упиралось только в техническую сторону вопроса.

Сначала девочка думала обойтись малой кровью: использовать только чары, поэтому на дополнительных занятиях с профессором Флитвиком изъявила желание потренироваться в иллюзиях. В принципе, Флитвик ничего против не имел. Он считал, что Мелиссе вполне по силам сотворить две-три простенькие иллюзии, даже подвижные, и контролировать их. Однако аппетиты юной мисс Эванс были куда более обширными. Ей было необходимо, вот просто позарез, одновременно контролировать три статичные иллюзии и шесть движущихся. Уяснив теорию и попрактиковавшись на одиночных объектах, Мелисса успешно создала два схематичных светящихся треугольника и круг над ними, а также четыре правильные звезды вокруг себя. Ее хватило на две минуты тридцать три секунды, после чего в глазах потемнело, в ушах раздался звон и она благополучно сдулась.

Потеряв сознание, вернувшись в него, насладившись истерикой запаниковавшего профессора чар и выслушав сначала вопли, а потом кратенькую, минут на сорок, лекцию разозленного, но не менее испуганного Снейпа, явившегося на помощь по зову Флитвика, она от подобной самоубийственной идеи отказалась.

После этого девочка всю ночь крутилась, напряженно думая о том, как уменьшить магические затраты. В принципе, четыре подвижные иллюзии можно было заменить одной, но геометрической, привязанной к ее собственному телу, а три статичные и еще одну движущуюся задать с помощью рун. В этом случае будет пространство для маневра. Единственная сложность – правильно расположить их в пространстве. Похоже, придется использовать не только руны, но и составлять и решать две задачи: алгебраическую и стереометрическую.

«Что ж, Евклид и Декарт рулят!» – сказала себе под утро Мелисса и, поняв, что уже не заснет, вытащила из тумбочки магловскую тетрадку в клетку, линейку и транспортир и на

одном листе начертила прямоугольник, на стороне которого под углом в девяносто градусов были расположены два небольших треугольника, а на другом – квадрат в системе координат.

Через минут сорок напряженных вычислений девочка была готова взвыть, как Ричард III: «Калькулятор! Полцарства за калькулятор!(1)» В принципе, сейчас бы она с руками оторвала и логарифмическую линейку(2). Правда, тогда ей понадобился бы и человек, который научил бы ею пользоваться. Впрочем, о приобретении подобного полезного устройства задуматься явно следовало: в этом средневековье она была бы куда как кстати.

Однако главная проблема состояла вовсе не в том, что Мелиссу так сильно напрягало считать столбиком или делить углом. Дело было в другом: если координаты вершин квадрата она еще могла рассчитать, исходя из собственного роста, приняв солнечное сплетение за ноль условной оси ординат, то параметры прямоугольника и треугольников необходимо было соотносить с размерами зала, или гостиной, или где там будут отрываться Малфои и иже с ними. Пришлось допрашивать Боула.

Надо сказать, что Люциан после визита к Макнабб безумно увлекся своей будущей профессией. Последние несколько дней он пребывал в какой-то странной задумчивости, постоянно околачиваясь в библиотеке, что-то записывая, черкая и переписывая, а позавчера он принес на суд Мелиссы свою первую статью. Опус новоявленной акулы пера был посвящен основателю факультета, великому Салазару. Не мудрствуя лукаво, Люциан пересказал, правда, весьма живенько, соответствующий текст из «Истории Хогвартса». Тот самый, в котором Слизерин был представлен жестоким и злобным ненавистником и убийцей маглов.

– То есть мы неудачники с факультета изгоев и отщепенцев, основанного воинствующим и недалеким подонком. Правильно я поняла твою мысль?

– Нет! – воскликнул Люциан. – Я лишь хотел начать дискуссию о личности Салазара, заставить задуматься.

– Представив лишь одну точку зрения? О чем тут дискутировать? Вот если бы ты смог аргументировать взгляды Слизерина, объяснить, почему он был против маглокровок в Хогвартсе.

– Да, кто его знает, – буркнул Боул. – Ему же сову не пошлешь, комментария не попросишь. Разве начать столы вертеть(3).

– А подумать?

– А сама-то?

Сама Мелисса на эту тему уже размышляла. И даже

обсуждала ее со Снейпом. Мнение Северуса показалось ей более чем убедительным, поэтому на вопрос Люциана она ответила словами профессора зельеварения.

– Полагаю, основная причина была в религиозных догмах того времени. Понимаешь, Англия возникла на обломках Римской империи. Римляне преследовали христиан и планомерно их уничтожали, поэтому и олицетворяли для последних все возможные пороки и грехи. У римлян был культ тела: его холили, лелеяли, регулярно мыли и умащивали. Разврат и похоть. Христианство же проповедовало: тело лишь ничтожное одеяние души. Главным примером для подражания во времена основателей Хогвартса были монахи и отшельники, беспрестанно смирявшие плоть и культивировавшие аскетизм. Грязь была добродетелью. Считалось, что крещение должно отмыть христианина раз и навсегда. То же с образованием. Многие знания – многие печали. Все остальное от лукавого, особенно магия. И вот представь, попадает в Хогвартс такой пахучий субъект, убежденный в том, что для полного счастья достаточно без запинки оттарабанить Pater Noster. Сколько времени потребуется, чтобы банально привить ему правила гигиены? Чтобы просто отмыть, приучить к отхожему месту? А их еще нужно было обучить чтению и письму, ведь тогда абсолютное большинство было неграмотно. И после всех этих затраченных усилий никто не мог гарантировать, что завтра подобный маг-неофит не спалит замок со всеми его обитателями с помощью Адеско Файр.

– Зачем? – потрясенно спросил Боул.

– Чтобы спасти свою душу и очистить это дьявольское место. Так что, учитывая все это, можно определенно сказать, что Слизерин радел за безопасность школы и всеми способами старался ее обеспечить.

После того разговора через один сотрудничающий с маглами магазинчик в Хогсмиде Люциан заказал дополнительные книги и учебники по истории, а заодно и Библию. Читал он теперь каждую свободную минуту. А когда не читал, то писал. Вот и сейчас он сидел в гостиной Слизерина, уткнувшись в очередную книгу и обложившись письменными принадлежностями. Тем не менее, вопрос Мелиссы он услышал, понял и пообещал написать младшему Малфою письмо с просьбой промерить подиум.

Оказалось, в зале приемов в Малфой-мэноре имелась не слишком высокая, но довольно широкая платформа, на которой во время бала обретались музыканты, чтобы не мешать танцующим, а после ужина играли в волшебные фанты. Чтобы приглашенным было все видно.

– Кстати, – хмыкнул Боул, – давно хотел спросить: ты танцевать-то умеешь?

– Вальс. Ну и что-нибудь из классического балета изобразить смогу, все-таки гимнастка-художница. А вообще, я полагала, что дети в зрителях?

– Так-то оно так, – кивнул Люциан, а когда Мелисса облегченно выдохнула, ехидно добавил, – но к Малфоям это не относится. Они чередуют. Два взрослых танца, один детский. Лорд Малфой полагает, что это хорошая репетиция будущей светской жизни. В принципе, он прав.

– И что в программе?

– Стандартно(4): полонез(5), контрданс(6) или кадриль(7), пара вальсов, включая венский(8) и английский(9), и буланже(10). Что конкретно отдадут детям в этот раз, одному Мерлину ведомо.

Ненадолго задумавшись, Мелисса глубоко вздохнула и попросила:

– Мне бы пару уроков. Буду должна.

– Будешь, – согласился Люциан и обвел глазами гостиную Слизерина, – полагаю, здесь отплясывать не резон. Ищи место.

***

– Ра-аз-и-и, Le Pan-ta-lon! Ра-аз-и-и, два-а-и-и! Ра-аз-и-и, La Pas-tou-relle(11)! Лисса, грациознее! Миртл, ты перепутала ногу. Да и фигура не та! Какого Мордреда! – ведя Мелиссу по кругу вокруг стойки с умывальниками, сорвался Люциан на привидение, изображающее вторую пару и напевающее подходящий мотивчик, а заметив, что призрак демонстративно захлюпал носом, мигом перевел стрелки на свою партнершу. – Лисса, тебе не кажется, что это извращение – танцевать кадриль в туалете для девочек. Почему здесь?

– А где, Люц? Есть другие варианты? Два-а-и-и, – продолжила считать Мелисса, краем глаза скользнув по крану с выгравированной на нем змейкой. – И вообще, не ори на Миртл. Она нам очень помогает.

– Ра-аз-и-и, это точно! – нехотя согласился Боул. – У тебя очень приятный голос, Миртл. Два-а-и-и. Когда ты поешь, а не визжишь. Ра-аз-и-и и Fi-na-le(12).

Прогалопировав пару кругов вокруг умывальников, дети остановились и поклонились друг другу.

– Все, укатала, – выдохнул раскрасневшийся Люциан, открыл кран и поплескал себе водой в лицо. – Я пополз на факультет. Ты со мной?

– Задержусь, – ответила девочка, вновь коротко взглянув на умывальник.

Пожав плечами, мальчик вышел, но через секунду вернулся обратно, закрыл дверь и прислонился к косяку.

– Кстати, я придумал, как ты со мной рассчитаешься, – сообщил он девочке и, заметив в ее глазах вопрос, пояснил. – Я хочу свою газету. Хорошую. А не жвачку, вроде «Пророка», или «Ведьмополитан», или – не к ночи будет помянут! – «Придиры». Начнем с еженедельного листка, а к окончанию школы будет видно. С тебя свежие идеи. Полагаю, тебе виднее, что можно позаимствовать у маглов. Если покатит, тебе сорок процентов.

– Фифти-фифти, – мгновенно отреагировала девочка. – И не если, а когда.

Некоторое время Люциан, что-то прикидывал, а затем, очевидно, придя к выводу, что все идеи поначалу будут принадлежать именно Мелиссе, поэтому ее требования закономерны, согласно кивнул и ушел уже окончательно.

Выждав несколько минут, девочка взмахнула палочкой, запечатав вход Коллопортусом, и, бросив на него легкую сигналку, подошла к крану и еще раз внимательно его осмотрела.

Нет, положа руку на сердце, лезть туда не хотелось. Учитывая откровения Миртл и то, что Мелисса сейчас все-таки в туалете, а не в парфюмерной лавке, авантюра обещала быть опасной и – как бы это помягче выразиться? – весьма ароматной: вряд ли канализационные трубы пахнут розами. Но место для репетиций было необходимо. Кровь из носа. Времени оставалось всего ничего.

Кстати, Драко ответил Люциану и сообщил необходимые цифры. Сама Мелисса, получив их на руки, удивленно присвистнула: судя по всему, Малфои ни в чем себе не отказывали. Правда, уже через пару минут она выбросила из головы зажра… то есть шикующих аристократов и погрузилась в расчеты, а потом несколько дней подряд доставала Батшеду Бабблинг. На каждой перемене девочка выскакивала на ее пути, как чертик из табакерки, протягивала профессору очередной обрывок пергамента и задавала один-единственный вопрос: «Это сработает?»

Бабблинг, традиционно нагруженная пергаментными свитками с эссе или книгами, так же традиционно вздрагивала от неожиданности и роняла свой груз на пол. Тем не менее, рунные формулы она изучала, расхаживая по коридору взад-вперед, в задумчивости топча валяющиеся на полу эссе, так что некоторые студенты, изучающие древние руны, невольно оказались в курсе священной для большинства женщин тайны: тайны размера ноги профессора. Затем Бабблинг, повозмущавшись для порядка настырностью некоторых студенток, которые так уперлись в руны,

что продолжают кропать неподъемные формулы на пол-листа, вместо того, чтобы подождать пару-тройку лет и записать все то же самое, но красиво, изящно, пятью-шестью знаками, выносила вердикт.

В общем, на сегодняшний день все кусочки задумки были готовы и Мелиссе оставалось лишь собрать мозаику. А вот сделать-то это было и негде: не в Большом же зале перед Дамблдором выделываться.

– Вы хоть представляете себе, что там? – раздался за спиной тихий голос.

Обернувшись, девочка увидела Кровавого Барона, который, откинувшись назад и положив ногу на ногу, завис в воздухе с такой непринужденностью, словно сидел в мягком кресле перед камином. В тот же момент пискнувшая от неожиданности и испуга Миртл, не теряя времени даром, метнулась к ближайшей кабинке и с громким хлюпом нырнула в унитаз.

– Более или менее. Были варианты, но в финал вышли: в правом углу ринга, в синих трусах – ва-асили-иск! – торжественно провозгласила Мелисса. – Силен, быстр, коварен. В левом, в красных трусах – его, некоторым образом, кузен. Ко-окатри-ис(13)! Редкая – во всех смыслах! – гадина. Всего два описанных случая. Кстати, красное ему очень пойдет. Да и сидеть будет лучше, ведь у него в отличие от василиска две лапы. И да, учитывая лапы, полагаю, что там именно василиск. Кокатрису с его окорочками тут просто не протиснуться.

– Ну, и зачем миледи василиск?

– Полезная в хозяйстве скотина. Дает особо ценный яд. Хотя открою милорду тайну. В принципе, он мне пока вообще не нужен. Скажу больше, я не к нему. Просто, учитывая его габариты, предполагаю, что он обитает в достаточно просторном месте, в которое банально никто не сунется.

– Вы же понимаете, – вкрадчиво спросил призрак, – как законопослушное привидение, я должен доложить об этом директору? Миледи…

Не дав ему договорить, Мелисса резко выхватила из рукава запасную палочку и, описав ей легкий круг, окружила призрака белым переливающимся куполом. В следующее мгновение девочка чуть взмахнула палочкой вверх, и купол начал медленно сужаться. Поперхнувшись словами от неожиданности, призрак наклонился вперед, с интересом разглядывая структуру купола, а через секунду принял прежнюю позу и закончил начатое предложение:

– …несказанно повезло, что для меня закон не писан. И кстати, этим, – Барон с видимым разочарованием на лице кивнул

в сторону медленно сужающегося купола, – нельзя окончательно уничтожить привидение.

– Верно. Некроманты таким образом обеспечивали себе гарантированный кусок хлеба с маслом. Пришел по вызову какого-нибудь бедолажки, красиво взмахнул палочкой, привидение-то и рассыпалось. А что через несколько лет оно вновь появится, озлобленное, хотя и ослабленное, так в этом весь и смысл: бедолажка, роняя сабо, опять несется к некроманту, – девочка чуть придержала руку, прекрасно понимая, что для развоплощения призрака достаточно лишь быстрого взмаха рукой. – И почему же милорду закон не писан?

Барон в задумчивости постучал пальцами по губам и просто ответил:

– Я должен Слизерину. Нет, не факультету, миледи. Основателю. Большинство привидений, знаете ли, привязаны к месту смерти. Я не имею в виду искусственных, – заметив, что Мелисса собирается возразить, тут же поправился призрак, кивнув в сторону унитаза, куда несколькими минутами ранее солдатиком прыгнула Плакса Миртл. – Так вот мне не посчастливилось погибнуть в лесах далекой страны в центре Европы. Сейчас она, кажется, называется Албанией? Так бы я и торчал там по сей день в компании лесных обитателей, развлекаясь имитацией звуков живой природы, если бы не Салазар. Он нашел меня, а потом и способ перебросить поводок на Хогвартс.

– Вероятно, перезахоронил кости под замком, причем засыпал впитавшей вашу кровь землей, – чуть слышно, словно рассуждая сама с собой, проговорила девочка, а потом резко встряхнулась. – Что вы должны Слизерину?

– Сущую безделицу: всего лишь тысячу лет верной службы. Думаете, в противном случае я бы стал нянчиться с его назойливыми потомками? В общем, так, миледи, не лезьте пока к фамильяру вашего достойнейшего предка. Дождитесь хотя бы возраста частичной дееспособности! – прошипел призрак и, отмахнувшись от открывшей было рот девочки, раздраженно продолжил. – Да понял я, что вам нужно тайное место. Поэтому предлагаю выгодную сделку: я предоставляю вам такое убежище, а через семнадцать лет, когда закончится мое служение, вы вернетесь в Хогвартс и окончательно меня развоплотите. Я порядком тут подзадержался. По рукам?

***

Подходящим убежищем, по мнению Кровавого Барона, оказалась Выручай-комната – зачарованное помещение на восьмом этаже. Вернее, комнаты, как таковой, там не было. Была

лишь глухая стена, мимо которой нужно было пройти туда-сюда три раза, четко представляя себе, что именно ты хочешь получить. В случае успеха в стене появлялась дверь в комнату, обставленную сообразно необходимости. Комната предоставляла волшебнику буквально все, кроме еды и зелий.

– А если я хочу Запретную секцию? – невинно поинтересовалась Мелисса и, дождавшись подтверждающего кивка ухмыльнувшегося Барона, уточнила. – А можно книжкам приделать ножки?

– Нет, – покачал головой призрак. – Созданные комнатой предметы останутся в ней. Зато можно приносить с собой. Например, профессор Трелони прячет там свою заначку. Несколько бутылок хереса.

С комнатой Мелисса экспериментировала от души. Она поочередно пожелала чайную комнату, зимний сад, Хогвартскую библиотеку с Запретной секцией и зельеварню со всем оборудованием, правда, без ингредиентов. Затем, вспомнив о затее Люциана, – небольшую типографию, а потом, окончательно расшалившись, игровую комнату с дартс и бильярдным столом, магловский спортивный зал и даже бассейн.

Еле удержавшись от того, чтобы не нырнуть в прохладную воду, девочка заставила себя выйти за дверь и, загадав комнату со сценой определенных размеров, занялась более насущными проблемами: репетицией номера к вечеринке в Малфой-мэноре. Прозанимавшись часа два и приведя основные моменты к общему знаменателю, Мелисса уже хотела возвращаться к себе, как вспомнила слова Кровавого Барона о заначке профессора Трелони. Почему-то ей стало очень любопытно, что будет глушить главная ясновидящая, если не найдет любимого допинга в привычном месте.

Девочка три раза прошла мимо стены, всеми фибрами души желая увидеть то место, где Трелони прячет херес. В стене ожидаемо появилась маленькая, весьма неприметная дверь с медной ручкой. Мелисса потянула ее на себя, вошла внутрь и остолбенела.

Помещение, в котором она оказалась, напоминало готический собор с высокими окнами, в которые почему-то, несмотря на вечернее время, светило солнце. И весь этот собор был заполнен сложенными и сваленными предметами. Башни, горы, груды забытых, спрятанных, потерянных за тысячу лет существования Хогвартса вещей.

Тут была и сломанная и поврежденная, похоже, антикварная, мебель, и такая же посуда, и осколки бутылок с застывшими зельями, и метлы, и мантии, новые и старые, но одинаково

пыльные. И книги. Тысячи и тысячи книг. Девочка увидела несколько мечей и кинжалов различной степени ржавости и даже тяжелую секиру, всю в бурых пятнах, вероятно, засохшей крови.

– Клондайк. Эльдорадо, – прошептала Мелисса, неверящим взглядом окидывая комнату, примечая то драгоценный камень, то потемневшее от времени колье, то оброненную кем-то монету, а потом вытащила из рукава палочку и, набросив на себя защитное заклинание, сказала. – Акцио, деньги.

Через мгновение вокруг нее вихрем закружились разноцветные банкноты, а о щит негромко застучали монеты, с тихим звоном падая на пол.

***

Финбар Уилан дремал в тишине гостиной, сидя в инвалидном кресле лицом к окну, когда за его спиной раздалось негромкое металлическое бренчание и приглушенный отцовский вскрик:

– Я не верю собственным глазам! Вы что, ограбили хранилища Спинк(14)?!

– Нет, – с тихой усмешкой ответил незнакомый баритон. – Всего лишь делал ремонт в родительском доме и удачно вскрыл половицу. Мне говорили, дедушка увлекался нумизматикой. А что, есть ценные экземпляры?

– Еще бы! – такого энтузиазма в голосе отца Финбар не слышал уже давно. – Начальная ставка на эту монету времен Елизаветы I двадцать тысяч фунтов стерлингов. Думаю, ваша может уйти за все сорок(15). Состояние изумительное! Вот это, если не ошибаюсь, Двойной Леопард(16), двойной флорин времен Эдварда III. Монета номинальной стоимостью в шесть шиллингов на недавнем аукционе Спинк ушла за несколько миллионов. Так что вы, мистер…

– Смит.

– Смит… Потенциально богатый человек, – закончил фразу отец, снова чем-то побренчал, а потом потрясенно выдохнул. – О, боже! Но ведь… это доказывает, что монетный двор в Глостере существовал на протяжении всего правления Вильгельма Завоевателя(17)! Я… Мне надо проверить… С вашего позволения, я отойду в свой кабинет?

– Не торопитесь, – успокоил его тот же баритон. – Я с удовольствием подожду вас в этом замечательном кресле.

– Да-да, может быть, чай или кофе? – засуетился отец и вдруг добавил. – Девочка, ты же у меня уже была, знаешь, где кухня. Не похозяйничаешь? Мне просто не терпится все выяснить!

Девочка, очевидно, согласилась, потому что Финбар услышал шаркающие отцовские шаги, дверной стук, а потом… А потом

комнату словно окутала пелена тишины. Не было слышно ни единого постороннего звука, даже уличный гам куда-то испарился: ни автомобильного клаксона, ни чириканья воробьев. А еще через мгновение его кресло развернулось, и он увидел перед собой уже знакомую девчонку, приходившую к отцу недели две назад, которая приветливо ему улыбнулась и помахала рукой.

За ее спиной стоял незнакомый высокий молодой мужчина с резкими чертами лица, длинными черными спутанными волосами и пронзительными темными глазами. Одет он был также во все черное.

«Гробовщик», – пронеслось в голове у Финбара.

– Ха! Ха! – раздельно произнес незнакомец. – Очень смешно.

– А я говорила, что нужно разбавлять. Хотя бы белым. Это будет графично, – усмехнулась девочка, а Финбар на секунду опешил: они что, читают его мысли?

Нет, в прошлый раз, когда у него перед глазами пронесся тот самый роковой вечер, превративший его из человека в скрюченного гоблина, ему показалось, что эта девочка каким-то образом поняла, что с ним случилось. Но теперь его подозрения переросли в почти стопроцентную уверенность. Казалось, следовало быть напуганным, но вот страха-то он не ощущал. Скорее, радость от того, что может хоть с кем-то, хоть как-то общаться.

В этот момент незнакомец вытащил из рукава черную палочку, похожую на те, что Финбар видел в той подворотне. И вот тогда-то он испытал действительно животный ужас, а в следующий момент девочка погладила его ходящую ходуном скрюченную руку.

– Не бойтесь. Мы поможем. Честно-честно. Ведь, правда? – она посмотрела на своего спутника.

Хмыкнув, тот мученически закатил глаза, кивнул и взмахнул своей палочкой, пробормотав какую-то чушь, вроде:

– Разумеется, свидетели Мародеров должны помогать друг другу.

Ожидавший боли, Уилан ничего не почувствовал: просто человек, просто машет палкой, хотя и вглядывается при этом в Финбара так, словно на нем какие-то диковинные узоры. Минут через пять незнакомец остановился.

– Все грустно. Если бы его сразу сунули в манго, обошлись бы и без серой спины(18), – с абсолютно серьезной миной выдав девочке эту белиберду, он перевел взгляд на Финбара. – Максимум, что я могу сейчас сделать, – ослабить боль, частично снять тики и восстановить голосовые связки. Интересно?

«Да-а-а-а!» – мысленно закричал Уилан.

– И не надо так орать, – поморщился незнакомец, да и гримаса на лице девочке свидетельствовала о том, что Финбар был более чем услышан.

А в следующий момент его голову запрокинули, разжали губы и в рот полилась какая-то потрясающая гадость. Финбар, десять тысяч раз пожалевший, что не родился вообще без языка, попытался выплюнуть омерзительную субстанцию, но держали его крепко, поэтому большая часть все же попала внутрь. Какое-то время он сидел зажмурившись, ожидая, что вот-вот умрет, и чувствуя лишь, как девочка продолжает гладить его по руке. Однако смерть не торопилась, и, отдышавшись, Уилан решился открыть глаза. Первым, что он увидел, была ехидная физиономия незнакомца.

– Ско…ти…на… О…хре…нел? – проскрипел Финбар и тут же замолчал, пораженный тем, что горло его слушается.

– Всегда, пожалуйста. Я говорил, что люди в массе своей неблагодарные сволочи? – обратился незнакомец к девочке, которая так энергично закивала, что стало ясно: говорил не раз и не два, а все пятьсот. – Зря за него просила. На него можешь не рассчитывать: скорее, удавится, чем поможет. Ладно, идем.

Глаза девочки наполнились слезами, но она послушно встала и пошла за своим спутником. Когда они уже подошли к двери, Финбар опомнился, усилием воли совладал со своим не слишком послушным еще горлом и проскрипел:

– Стой…те…

Через полчаса Северус Снейп и Мелисса, а это были именно они, вышли из квартиры Уиланов и стали спускаться по лестнице: лифт опять не работал.

– Ты был прав, – констатировала девочка.

– Естественно, я был прав, – ответил Снейп, взмахом руки окружая их звуконепроницаемым пологом. – Девушка в беде(19) – классика, проверенная временем. А плакала ты шикарно. До мурашек. С такими способностями лет до тридцати пяти можешь спокойно эксплуатировать этот образ. А вот дальше строящая из себя невинность, льющая слезы пожухшая русалка смотрится комично.

– Главное, дожить. Но он так проникся…

– Это было ожидаемо. У мужчин, настоящих мужчин, на подсознательном уровне заложен инстинкт защитника, а у имеющих отношение к армии или силовым структурам он вообще возведен в куб. А тут вы еще и пострадали от одних и тех же людей. Да и твой возраст весьма весомый аргумент.

– А возраст-то тут причем?

– Хм… Ну, вот послушай. Мужчины обрекли на смерть

мужчину. Мужчины обрекли на смерть женщину. Мужчины обрекли на смерть ребенка. Мужчины обрекли на смерть девочку. Чувствуешь, как от фразы к фразе повышается градус омерзения? Поэтому я и настаивал на том, что раз уж ты собираешься реализовывать безумный прожект своего поверенного, то ко всем силовикам из списка ты должна прийти лично и до оборотней. Ну, хорошо-хорошо, – Снейп потрепал по плечу уже хотевшую возмутиться Мелиссу. – Не безумный. Трудноосуществимый. Тебе придется предоставить древним родам куда более весомое доказательство, что ты достойна возглавить ковен, чем звучная фамилия. Дебют у Малфоев может быть хорошим началом, но и только.

– А что станет хорошим продолжением?

– Ну, не знаю… Из того, что не запрещено законом, на ум приходит только снятие клейма «предателя крови». Грубо говоря, предатель крови приносит тебе вассальную клятву, а ты принимаешь на себя откат сломанной магической печати. Считается, что на такое способен лишь по-настоящему могучий волшебник. И это будет весьма убедительным доводом. Ведь, по сути, что такое верховный колдун ковена? Это волшебник, способный в случае опасности аккумулировать в себе магическую энергию ближнего круга ковена и оперировать ей. А самое главное, не окочуриться в процессе.

Какое-то время Мелисса лишь молча спускалась со ступеньки на ступеньку, а потом поинтересовалась:

– Силу отката можно уменьшить? Что?! – возмутилась она, заметив, что Снейп сердито сдвинул брови. – У меня толпа Уизли на выбор. В случае успеха убью двух зайцев одновременно: у меня будет железобетонный аргумент при вербовке сторонников и моим вассалом станет маг по фамилии Прюетт. Перси ведь сможет претендовать на род Прюетт, если избавится от клейма?

Северус остановился и задумчиво потер подбородок.

– Полагаю, да. И насколько я могу судить, он предпринимает поистине титанические усилия, чтобы ослабить действие клейма: все сезонные ритуалы выполняются им вплоть до запятой, а учитывая отношение его семьи к подобному виду магии, это подвиг. К материнской ночи(20) он явно готовится. Видел его недалеко от хижины Хагрида: ломал ветки остролиста(21). Если получится, то, пожалуй, только с ним. В любом случае, и тебе, и ему нужно магически подрасти. А это дело минимум нескольких лет. Ладно, – он вновь энергично зашагал вниз, – надо будет подумать. Кто у нас там следующий?

– Йен Браун, морской пехотинец. Тут недалеко, в двух кварталах.

***

Поместье Малфоев было действительно восхитительно. А сегодня оно просто сверкало. Родовые домовики превзошли сами себя: они натерли, вычистили, отмыли и протерли от пыли все, до чего можно было дотянуться и до чего нельзя. Казалось, захоти какой-нибудь гость рассмотреть мозаику на потолке и взлети он на трехметровую высоту, то даже в витиеватых узорах лепнины не отыскалось бы и соринки.

Под приемы в Малфой-мэноре было отведено целое крыло с трапезной, в которой легко и непринужденно могли разместиться около пятидесяти человек, бальным залом, зимним садом и музыкальной комнатой.

Аппарационную площадку перенесли сегодня прямо к главному входу в поместье, и гостям не нужно было прыгать пару сотен ярдов от ворот через лужи и невысокие сугробы, лишь подняться по красивой мраморной лестнице и войти в дверь. Там их встречал домовик в накрахмаленной наволочке с вышитым на ней гербом Малфоев и принимал верхнюю одежду. Затем приглашенные проходили по белоснежной ковровой дорожке мимо изумительно наряженной высокой ели к большим витражным дверям, украшенным падубом и плющом, за которыми слышался праздничный гул.

Люциус и Нарцисса Малфой, празднично и элегантно одетые, стояли в бальном зале и встречали гостей. Время от времени витражные двери сами собой распахивались и домовик представлял вошедших:

– Лорд и леди Крэбб с сыном!

К чете Малфой подошли полный приземистый маг лет тридцати пяти-сорока с нарядно одетой пышкой под руку и мальчиком.

– Добро пожаловать в Малфой-мэнор! – радушно произнес Люциус, а Нарцисса приветливо улыбнулась.

Когда вновь прибывшие прошли в зал, она склонилась к плечу мужа и пошептала, ни на секунду не переставая лучезарно улыбаться:

– Если бы ты знал, как мне надоели одни и те же лица. Я наизусть знаю, что каждый из них скажет и сделает в следующую минуту.

– Лорд и леди Гойл с сыном!

– Добро пожаловать в Малфой-мэнор! – повторил Люциус ритуальную фразу и прошептал. – Будет тебе новое лицо. Ты же знаешь, по настоятельной просьбе Боула и примкнувшим к нему Селвина и Роули я пригласил очаровательную юную леди.

– Ты же не сказал, кто она. Интересничал, – пожала плечами

Нарцисса.

– Маглокровая студентка. Сиротка.

– Очередная завитая и обвешанная разноцветными стекляшками мадемуазель в розовом платье с кринолином, обширным декольте и голыми плечами заставит плясать ананасы или, если у нее изощренная фантазия, яблоки, – констатировала леди Малфой и скучающим голосом поинтересовалась. – В чем новизна, дорогой?

– В факультетской принадлежности, Нарси. Она со Слизерина. А декольте… Было бы что декольтировать в одиннадцать-то лет.

– Тем более! Что может продемонстрировать в магическом плане маглокровка, полгода назад впервые взявшая в руки волшебную палочку? Как ты себе это представляешь?

– Честно? Как развлечение. А потом, кто знает, дорогая, может, она новая Моргана? – Нарцисса усмехнулась, услышав это забавное предположение, а Люциус добавил. – И она протеже Северуса.

– С каких пор он покровительствует студентам? – удивилась Нарцисса, и в этот момент домовик в очередной раз провозгласил:

– Профессор Снейп и мисс Эванс.

– Все понятно, милый, не отвечай. У него рефлекс на фамилию, – прошептала Нарцисса и повесила на лицо дежурную улыбку.

Чета Малфоев с интересом разглядывали то, что привел крестный их сына. И картинка бедной приблудной сиротки, заранее созданная их воображением, действительности явно не соответствовала.

Высокая для своих лет, красивая девочка в скромном, но явно не дешевом светло-голубом платье. Волосы, заплетенные от висков в две сложные косы, на затылке были собраны в тугой пучок. И полное отсутствие украшений. В руках она держала тяжелый на вид сверток, упакованный в глянцевую серебристую бумагу.

Сами Малфои произвели на Мелиссу сильное впечатление: оба красивые, стройные и светловолосые, они казались на редкость гармоничной парой. Заметив, что интерес на их лицах плавно сменяется недоуменным удивлением, а затем и тщательно скрываемым одобрением, девочка мысленно выдохнула: похоже, с внешним видом она попала в десятку.

Даже хотелось облегченно засмеяться, вспомнив беседу с магическими Дольче и Габбана. Она тогда так и сказала Твилфитту и Таттингу:

– Мне нужно платье. Красивое, скромное и элегантное. Однако необходимо учесть несколько моментов. Первое: мне одиннадцать, и я хочу выглядеть на свой возраст, а не как ребенок, надевший мамино платье. Второе: платье должно быть светлое. От белого до любого оттенка светло-голубого. Никаких других цветов. Третье: оно не должно быть пышным, в маленькую принцессу мы играть не будем. Силуэт средневековой дамы меня вполне устроит. И, последнее: ткань должна поддаваться трансфигурации. Подол платья в течение вечера необходимо будет укоротить примерно до голени, может, чуть повыше, а потом вернуть прежнюю длину. И не хотелось бы остаться после этого голой.

– Вы интересный клиент, – без тени иронии сказал тогда Твилфитт. – Обычно столь юные дамы, как Вы, стремятся максимально продемонстрировать свою взрослость. Знаете, яркие цвета, кринолины…

– Декольте, голые плечи, – подхватил Таттинг.

– Боюсь, сейчас мне особо похвастаться нечем. Поэтому декольте и голые плечи отложим лет на шесть-семь.

И теперь, подходя вместе с Северусом к Малфоям и наблюдая смену эмоций на их лицах, она подумала: «Судя по всему, они действительно ждали, что я нацеплю на себя что-то цвета взбесившейся Барби. Может, еще стоило завиться, как баран, и обвешаться самоварным золотом?»

– Профессор Снейп, добро пожаловать в Малфой-мэнор!

– Лорд Малфой! Леди Малфой! Позвольте представить мисс Мелиссу Эванс, самую талантливую студентку факультета Слизерин.

Мелисса, вежливо улыбаясь, сделала книксен.

– Мисс Эванс, – кивнули ей супруги Малфои.

– Лорд Малфой, леди Малфой, для меня честь быть в вашем доме. Позвольте преподнести этот скромный Рождественский подарок в знак моей благодарности, – Малфои слегка переглянулись, чуть заметно скривившись: что такого могла подарить маглокровка, а Мелисса тем временем продолжала. – Это книга о сером кардинале времен Вильгельма Завоевателя, Армане Малфоа. Автор, магловский историк, основывал свое исследование на летописях и записках современников. Надеюсь, книга будет вам интересна. Честно говоря, я была потрясена масштабом личности месье Малфоа.

Удивленный, Люциус коротко взглянул на Снейпа. Профессор пожал плечами, демонстрируя, что он тут абсолютно ни при чем.

Малфой вытащил палочку и проверил сверток. С тех пор, как из-за родового проклятия в их семье на протяжении вот уже

нескольких столетий рождался только один ребенок (хвала Мерлину, хоть мужского пола), это было более чем оправданно. Конечно, следовало позвать домовика, отдать ему сверток и заняться им позже, но Люциус был заинтригован: что вообще могли написать маглы об основателе их великого рода. К тому же он был абсолютно убежден: предок не халтурил и регулярно чистил память людей, с которыми вынужденно общался.

Заметив недоумение Мелиссы, наблюдающей за манипуляциями хозяина дома, Нарцисса великодушно пояснила:

– Это стандартная проверка для нашего рода, не принимайте на свой счет.

– Что вы, миледи! Я польщена тем, что меня принимают всерьез. Для моего юного возраста – это очень лестная оценка.

Снейп усмехнулся уголком рта, а Люциус, не найдя никаких чар, развернул оберточную бумагу.

В руках у него оказался весьма увесистый том, оформленный под средневековую рукопись: в переплете, имитирующем необработанную телячью кожу, с красочными иллюстрациями, стилизованными под средневековые гравюры. Пожалуй, подарок весьма неплох. Люциус уже заранее предвкушал, как он прочтет этот опус портрету своего предка. Это будет весьма забавный опыт, который наверняка обогатит его лексикон не одним сочным средневековым ругательством.

– Благодарим за столь неожиданный и интересный для нашей семьи подарок, мисс Эванс. Надо сказать, вы нас удивили. Возможно, во время игры в фанты будем поражены не только мы, – снисходительно сказала Нарцисса.

Мелисса слегка наклонила голову, будто бы говоря, кто знает, кто знает, после чего они с профессором зельеварения прошли дальше.

Зал был полон гостей, звучала легкая музыка. Между приглашенными сновали домовые эльфы в белоснежных полотенцах и наволочках. Над головами они держали подносы с шампанским и прохладительными напитками. Вдоль стен стояли удобные на вид диваны и кресла, где волшебники собирались группами по интересам. В центре гуляли пары, ожидая начала бала.

– Как ты до этого додумалась? – тихо спросил Снейп.

– Одна гоблинская птичка принесла на хвосте, что род для них главное. А потом, что еще можно подарить людям, у которых есть все? Разве что проездной билет на метро. И потом, это подарок с прицелом на будущее.

Пояснить свою идею она не успела: в этот момент к ним чуть ли не подлетел светловолосый мальчик. Он уже открыл рот для

того, чтобы что-то выпалить Снейпу, но тут заметил Мелиссу и ошарашенно уставился на нее. Правда, через несколько секунд он потряс головой, стряхивая оцепенение, и его лицо приобрело высокомерное выражение.

– Профессор Снейп, рад видеть вас в Малфой-мэноре. Вы не представите меня своей даме? – манерно произнес он.

– Мистер Драко Малфой, наследник рода Малфой. Мисс Мелисса Эванс, студентка факультета Слизерин. Драко, вы не развлечете мисс Эванс несколько минут, мне нужно перекинуться парой фраз со знакомыми? – не дожидаясь ответа, он подмигнул своему крестнику и отошел в сторону.

– Что ты тут делаешь? – прошипел девочке Драко.

– Меня пригласили твои родители, – просто ответила она и увидела, как мальчик побледнел. – Ты что?

– Так это ты? Так это над тобой… – заикаясь, начал было он, но договорить не успел: Мелисса почувствовала, как неожиданно активировались защитные руны на подкладке платья.

– О, – хмыкнула она. – Меня хотели перекрасить.

В следующие несколько минут ее защита не раз подвергалась испытаниям.

Мелисса только успевала шепотом перечислять Драко, какие именно заклинания в нее попадают. Тут были и перекрашивающие, и уменьшающие, и увеличивающие. Кто-то особо продвинутый даже наслал старящее заклятие: от него платье должно было превратиться в ветхую драную тряпку. Однако мастера рун, сотрудничающие с Твилфитт и Таттинг, дело свое знали туго и шансов идиотам не оставили. То бледнеющий, то краснеющий поначалу Драко успокоился и начал посмеиваться вместе с Мелиссой.

***

Под заунывную мелодию на сцене извивался рунослед(22). Мужчина в традиционной индийской одежде усиленно делал вид, что владеет магией музыки. А зрители усиленно делали вид, что ему верят. Вернее, они ему и верили, а вид делали только Снейп и Мелисса. В принципе, недавно и они были такими же, как большинство присутствующих. Темными, как антрацит. Если бы Халид, обсуждая с девочкой парселтанг, не просветил ее, что магических змей зачаровать нельзя. Только договориться.

В общем, из всего этого следовало, что индийский эмигрант Арнав Патил однозначно был змееустом.

Неизвестно, что конкретно его принесло несколько лет назад в Англию: ходили разные слухи, большинство из которых были достойны того, чтобы их в двух сериях экранизировал Болливуд. Северус же видел для себя одно-единственное объяснение,

укладывающееся в то, что им тогда рассказывал Халид: скорее всего, Патил был из одной из низших варн, вероятно, шудром(23). Если не вообще неприкасаемым(24). Вряд ли брамины(25) и кшаштрии(26), искренне полагавшие, что парселтанг является исключительной прерогативой высших варн, могли оценить подобный пердимонокль. Видимо, всю жизнь Арнав был вынужден скрывать свой дар, но тайное каким-то образом стало явным и ему пришлось хватать семью в охапку и делать ноги.

Быстро оглядев гостей Малфой-мэнора, Снейп облегченно выдохнул, заметив смуглую женщину в красивом сари и двух девочек-близняшек лет восьми рядом с ней. И никаких смуглых мальчиков или молодых людей. Значит, вероятность того, что через пару лет на его факультет поступят индусы, стремится к нулю. Женщины способность к парселтангу практически не наследовали, из известных случаев были только Гонты. Ну, и слава Богу! Ему только трений на национальной почве не хватало для полного счастья.

Северус перевел взгляд на Мелиссу и, чуть кивнув в сторону дергающейся под музыку змеи, вопросительно поднял бровь. Девочка еле слышно хмыкнула и качнула головой: не конкурент. Что ж, ему бы подобную уверенность: номера девочки он еще не видел. Мелисса категорически отказывалась его показывать, опасаясь, как она выразилась, дисквалификации. Мало ли, не захотят Малфои платить по счетам, мотивируя это тем, что все придумал и сделал сам Снейп. А так он даже магией сможет поклясться, мол, знать ничего не знал и ведать не ведал.

На самом деле уверенность девочки была, скорее, бравадой. Она порядком нервничала, как перед соревнованиями, прекрасно понимая, что ее задумка, по большому счету, на грани фола. Старые английские семьи чересчур консервативны: могут и не принять. Хотя ей самой очень нравилось то, что у нее получилось. Осталось лишь дождаться собственной очереди. Мелисса вновь окинула глазами зал.

В принципе, пока все шло более чем удачно. Ее не так уж и часто пробовали на зуб. После безуспешной осады платья была выпущена тяжелая кавалерия в виде Маркуса Флинта, который, когда зазвучала музыка, оттеснил направившегося было к Мелиссе Люциана Боула в сторону квадратной мощной девушки лет семнадцати и сам пригласил девочку на танец.

– Это Фиона, моя сестра. Боул, несомненно, женится на ней, Эванс, – со свойственной ему прямотой сообщил он девочке во время контрданса. – Как только ему исполнится четырнадцать, они заключат помолвку.

– Что мне следует делать с этой информацией, Флинт?

– Ты хочешь сказать, тебе это безразлично?

– Вовсе нет. Он мой друг. Если он будет счастлив, я буду за него рада.

– Если ты рассчитываешь, что он и ты…

– Флинт, – весело посмотрела на него Мелисса, – ни на кого из чистокровных волшебников в этом зале я не посягаю. Мне проблемы не нужны.

– Какие проблемы?

– В виде смертельных проклятий и сглазов от родителей собравшихся здесь молодых людей. Мне моя жизнь дорога.

– Приятно, что ты знаешь свое место, Эванс. Это основная проблема всех грязнокровок, – после этого слова он чуть помолчал и нехотя пояснил. – Грязнокровка – это термин.

– Несомненно, – подтвердила девочка подобную интерпретацию этого слова. – Дело не в том, Флинт, что я знаю свое место, как раз наоборот: мое место не определено. То, что я выросла в приюте, не означает, что я грязнокровка.

– Хочешь сказать, что считаешь себя чистокровной?

– Нет, я хочу сказать, что не считаю свою кровь грязной.

– То есть ты подразумеваешь, что словом «грязнокровка» не оскорбить?

– Нет, я не подразумеваю, я прямо говорю, что этим словом не оскорбить меня. Так что ты можешь думать обо мне все, что угодно. Это твое право. Но вот стоит ли спешить делиться своими мыслями? Вдруг через пару лет выяснится, что я прапраправнучка Мерлина? Будет, ой, как неловко.

– Никакая ты не прапраправнучка Мерлина.

– Ты абсолютно в этом уверен? – улыбнулась Мелисса, приседая в заключительном реверансе.

Следующий инцидент произошел за ужином. Стол был великолепно сервирован. Множество изысканных закусок, горячие блюда на любой вкус и разнообразные десерты. И никто практически ничего не ел. Все изображали пресыщенность. Мол, видели мы все это в огромных количествах и каждый день. Даже дети играли в утомление роскошью. А Мелиссе так вообще кусок в горло не лез. Складывалось ощущение, что любое ее движение рассматривают под микроскопом. Тем не менее, каждое блюдо необходимо было ковырнуть.

Произошла очередная смена: на тарелке появился весьма аппетитный кусок лосося. Девочка только взяла было в руки необходимые нож и вилку, как вдруг столовые приборы чуть вспыхнули в ее руках и превратились в… десертные.

«Уроды! Все-таки подловили!» – мысленно выругалась Мелисса, лихорадочно думая о том, как ей поступить, а потом

плюнула и сделала вид, что так и было задумано, а через секунду увидела, что Снейп, сидящий через несколько мест напротив, усмехнулся, тоже взял десертные столовые приборы и принялся с аппетитом есть рыбу. Некоторое время он задумчиво жевал, а затем весьма громко сообщил ошарашенным соседям по столу:

– Вы знаете, господа, а ведь маглы этот рыбный десерт готовят чуть интереснее.

Как потом Северус рассказал Мелиссе, его в свое время тоже подловили похожим образом. Он два года придумывал достойный ответ, а затем еще одиннадцать лет ждал, чтобы вставить его в нужном месте в нужное время.

В общем, скромное замечание Снейпа о гастрономических извращениях маглов как рубильник выключило зазвучавшие было смешки и негромкие комментарии.

Мелисса тряхнула головой, отгоняя ненужные мысли, и в этот же момент услышала негромкий голос Северуса:

– Готова? Пора.

Она недоуменно взглянула на профессора и увидела, что он показывает глазами в сторону сцены. Оказалось, практически усыпивший всех мистер Патил сгреб в охапку своего руноследа, убрал его в плотный плетеный короб и отошел с ним к стене.

Мелисса кивнула, двинулась к хозяевам дома и попросила их притушить верхний свет. Когда зал погрузился в темноту, освещаемую лишь парой канделябров по углам, девочка вытащила из потайного кармана музыкальную шкатулку. Зазвучала бессмертная «Зима» Вивальди.

***

Как только раздались первые ноты, Мелисса активировала руну на поясе платья, заставляя его светиться в темноте, и сделала несколько шагов вперед, стараясь попадать в акценты.

С каждым ее шагом платье чуть укорачивалось, позволяя двигаться более свободно и раскованно. Девочка неожиданно почувствовала тот же кураж, какой ощущала раньше на спортивных соревнованиях. Пришла абсолютная уверенность: все получится.

Вот. Сильный момент, и Мелисса, ступив на подиум точно по центру, тут же активировала первую рунную формулу. Сцена неожиданно покрылась серебристым, переливающимся снегом. Второй акцент, и Мелисса с силой выбросила вперед левую руку, словно нажимая на невидимую кнопку. Вторая формула, и слева на сцене появилась белоснежная ель. Через секунду такой же взмах правой, и с другой стороны появилась переливающаяся инеем пихта. Круг руками – и над импровизированной лесной поляной поднялась сияющая полная луна. А через мгновение

заплакала скрипка. Казалось, на поляне подул ветер, и, повинуясь этому ветру, Мелисса сделала красивый прыжок.

Никто не заметил, как в ее руках появилась волшебная палочка. Взмах, пируэт, и три минуты на сцене Малфой-мэнора царила зима. А Мелисса была ветром. Ветром, который следуя за скрипкой, гнал снег, то в одну, то в другую сторону, закручивая легкие буруны. Ветром, который был легок и непредсказуем. Ветром, который на заключительных тактах сдул сначала луну, потом деревья, а потом и сугробы. На темной сцене осталась только Мелисса в окружении четырех больших резных снежинок, повторяющих каждое ее движение: пируэты, прыжки, плие, антраша.

Последняя длинная нота. Девочка вновь взмахнула палочкой, и снежинки стремительно разлетелись в стороны, рассыпавшись на тысячи ослепительно белых искр.

Какое-то время царила оглушительная тишина, а потом раздались одинокие громкие хлопки. Это аплодировал Снейп. Через секунду к нему присоединился Люциан, потом Драко, а затем все гости Малфой-мэнора.

***

– Вы хотите что, мисс Эванс?!

У Люциуса Малфоя был настолько ошарашенный вид, что Мелисса с трудом сохраняла на лице восторженную улыбку, еле сдерживаясь, чтобы не засмеяться в голос.

– Нелепые фантазии, – поджал губы Снейп, в глубине души отплясывая джигу: все получилось так, как они и планировали. – Нет, чтобы пожелать что-нибудь более материальное. Все-таки, Эванс, мне кажется, с факультетом вы не угадали. Рейвенкло по вам плачет. Слезами плачет.

– Но профессор, поймите! Это такая героическая эпоха! Это такие потрясающие люди! А тут у меня есть пусть крохотный, но все же реальный шанс поговорить с очевидцем тех событий. Тем более таким! Я не могу упустить такую возможность! Ну, пожалуйста, милорд, – девочка перевела взгляд на Малфоя. – Я так об этом мечтала!

Люциус задумался. Девчонка с каждой секундой удивляла все больше.

Во-первых, она прилично выглядела. По словам Нарциссы, платье у нее было, похоже, от «Твилфитт и Таттинг». Что ж, это объясняло ее неуязвимость, когда дело дошло до стандартных розыгрышей: самые известные магические кутюрье сотрудничают с лучшими мастерами рун.

Во-вторых, она вела себя более чем достойно, не поддавшись ни на одну провокацию, будто приклеив к губам вежливую

улыбку. И даже прямой, как артиллерийский ствол Флинт, брошенный на амбразуру лордом Боулом и собственной сестрой, не смог вывести ее из состояния равновесия.

В-третьих, во время фантов она смогла показать то, что он, да и большинство его гостей, если не все, действительно никогда не видели. Соединив руны, чары и трансфигурационные преобразования, не самые, надо сказать, энергозатратные, девчонка получила – как же она это назвала? – музыкально-световое шоу с элементами хореографии.

«Я как Жан-Мишель Жарр(27). Только он не гимнаст, а я не композитор, – сказала она им после своего номера, а потом, немного подумав и чуть покраснев, добавила. – Ну, почти как Жан-Мишель Жарр. Честно говоря, мне до него как до звезд пешком. Но как гимнастка я однозначно дам ему фору».

А сейчас девчонка попросту поставила его в тупик этим своим желанием.

Люциус ждал чего-то другого. Просьбы написать ей рекомендательное письмо, возможно, не одно. Желания посетить французское поместье Малфой на лечебных водах. Требования вновь пригласить ее в мэнор или предоставить ей возможность посетить библиотеку или малое артефактное хранилище поместья (естественно, что без скромного презента она бы оттуда не ушла). Но, честно говоря, до этой самой минуты Малфой был уверен: Снейп настаивал на том, чтобы девчонка участвовала в фантах на общих основаниях только для того, чтобы он, Люциус, впоследствии обеспечил ей покровительство своего рода. Он был убежден: приятель, сильный и весьма искусный маг, принимал самое непосредственное участие в постановке этой феерии. И вот теперь все его теории рассыпались прахом.

На прямой вопрос Снейп улыбнулся так, как это умел делать только он, одной своей усмешкой продемонстрировав, что умственные способности собеседника оставляют желать лучшего, и даже не стал ничего доказывать, а просто поклялся магией, что представление своей студентки видел сегодня первый раз в жизни.

А сама девчонка, видите ли, прочитав книгу о предке Люциуса, настолько прониклась любовью к описываемой эпохе и уважением к Арману Малфоа, что просто жаждет с ним поболтать. Хотя бы полчаса. Юродивая какая-то!

Впрочем, почему бы и нет? Тем более что лично Люциусу Малфою это ничего не будет стоить. Да и в том, что беседа будет успешной, он тоже сомневался.

***

Мелисса с интересом разглядывала старинный

потрескавшийся портрет. Написан он был не на холсте, а на грубо сколоченных досках. Подогнаны доски были не слишком ровно, поэтому стык придавал лицу изображенного на картине мага сардоническое выражение. Впрочем, может, и не придавал, может, оно действительно было таким, учитывая, что нарисованный волшебник изнеженным тепличным цветком явно не был: хищный взгляд, волевой подбородок, широкие плечи и мощные кисти рук. Плоть от плоти дитя своей жестокой эпохи.

– Что ж, мисс Эванс. Я уже попросил моего почтенного предка ответить на несколько ваших вопросов. Он выполнит мою просьбу в том случае, если ваша беседа не будет касаться рода Малфой. У вас полчаса, – Люциус уже развернулся на каблуках, чтобы уйти, а потом вдруг остановился и с очаровательной улыбкой сообщил Мелиссе. – Ах да! Забыл предупредить. Английским языком месье Арман не владеет. Впрочем, как и современным французским. Развлекайтесь!

Сам Арман Малфоа хмуро смотрел вслед своему потомку, а когда тот исчез из вида, сплюнул и негромко пробормотал на латыни:

– Огнекраба мне в зад! Баба бабой! Патлы, кружева, – а потом перевел взгляд на девочку и спросил. – Ну, и о чем идет речь, дамуазель(28)? Вы меня вообще понимаете?

– Да, сударь, – Мелисса присела в легком реверансе. – И весьма неплохо. Если бы вы могли говорить чуть медленнее, было бы вообще замечательно. У меня было мало разговорной практики.

– Говорящая! – звучно восхитился Малфоа, а через секунду откашлялся и придворным тоном продолжил. – Хотя, где мои манеры? Итак, дамуазель, чем могу помочь?

Не тратя больше ни минуты на ритуальные расшаркивания, Мелисса протянула руку к своему медальону, вытащила из него пергамент с формулой рунного ритуала и показала ее Арману.

– Хотелось бы разобраться в этом, сударь.

Какое-то время он молча разглядывал лист, а потом, странно усмехнувшись, поднял глаза на девочку.

– Огнекраба мне в зад, – задумчиво проговорил он. – Хотя, если разобраться, пожалуй, все же вам, дамуазель.

_____

(1) Перефразированная цитата из пьесы У.Шекспира «Ричард III»: «Коня! Коня! Полцарства за коня!»

(2) Логарифмическая или счетная линейка – это аналоговое вычислительное устройство, идея которого возникла еще в XVII веке. Позволяет выполнять умножение, деление, возведение в степень и вычисление корней (чаще всего квадрат или куб, но

если разбить вычисление на три действия, то в любую действительную степень или корень любой действительной степени), а также вычисление тригонометрических и гиперболических функций, потенцирование. До появления калькуляторов служила незаменимым расчетным орудием инженера.

(3) Вертеть столы – проводить сеанс спиритизма, вызывать духов.

(4) Я не большой знаток бальных традиций XIX века, поэтому, исходя из того, что магическое общество отстает на столетие, как минимум, полистала энциклопедию, а также товарищей Остин, Диккенса, Теккерея и Бронте, в количестве трех штук. Если что, это не я. Это они.

(5) Полонез – торжественный танец-шествие в умеренном темпе. Исполнялся, как правило, в начале бала. В полонезе танцующие пары двигаются по установленным правилами геометрическим фигурам.

(6) В контрдансе пары танцуют одна напротив другой, а не друг за другом, как в круговых танцах. Вначале состоял из одной фигуры, затем из чередования пяти-шести различных танцевальных фигур.

(7) Кадриль – французский танец, разновидность контрданса. Исполняется двумя или четырьмя парами, расположенными по четырехугольнику друг против друга.

(8) В XIX веке упрощенный быстрый вальс в два па. Во Франции его называли русским.

(9) Медленный вальс.

(10) Один из наиболее популярных контрдансов, достаточно простой, обычно заканчивающий бал.

(11) Le Pantalon, La Pastourelle – фигуры кадрили.

(12) Finale – последняя фигура кадрили заканчивалась галопом в свободной форме (ad libitum).

(13) Кокатрис – тварь с головой и лапами петуха, змеиным хвостом и перепончатыми крыльями, появившаяся из безжелткового яйца, снесенного в навозной куче девятилетним петухом во время восхождения звезды Пса и высиженного змеей. Обладает ядовитым дыханием и взглядом, обращающим в камень. Умереть кокатрис мог, лишь взглянув в глаза самому себе или себе подобного. Легенда возникла потому, что в телах древних петухов иногда находили маленький шар в форме яйца, являющийся результатом разложения. В отличие от василиска, известного со времен античности, все записи о появлении кокатриса были сделаны христианами, как, например, предание о кокатрисе, появившемся в Риме во времена Папы Льва X.

Необычное существо объявили причиной чумы, свирепствовавшей в то время.

(14) Спинк – аукционный дом, основанный в 1666 в Лондоне и специализирующийся в основном на монетах, медалях, марках и автографах.

(15) Стоимость монеты времен Елизаветы I, датированной 1601-1602 гг. от 37 до 40 тысяч фунтов стерлингов.

(16) Очень редкая средневековая монета из золота. На аукционе Spink подобная монета была продана за 6,8 млн долларов США. Сама денежная единица имела хождение с 1343 по 1344 год. Кроме всего прочего, таких монет в мире сохранилось всего лишь три.

(17) Действительно, существовал. Подобная монета была найдена несколько лет назад. Датирована 1077-1080 гг.

(18) В английском языке название клиники «Мунго» и фрукта «манго» произносятся одинаково. Greyback – фамилия Фенрира дословно переводится, как серая спина.

(19) Damsel in distress (идиома) – тиражируемый в искусстве образ хорошенькой юной девушки, терзаемой ужасным монстром или злодеем и ожидающей героя, который ее спасет.

(20) В древности у англосаксонских племен Йоль начинался за ночь до зимнего солнцестояния (в зависимости от года – с 19 по 22 декабря). Эта ночь называлась «материнской» и была посвящена ритуалам.

(21) Остролист – падуб. На Йоль дом внутри и снаружи украшали падубом, чтобы пригласить духов природы принять участие в празднике вместе с людьми. Ветку падуба потом весь год хранили возле порога, чтобы духи не обделяли своими милостями хозяев дома.

(22) Магическая трехголовая змея.

(23) Шудры – низшая варна, варна слуг.

(24) Неприкасаемые – ряд каст, занимающих самое низкое место в кастовой иерархии в Индии. Не входят ни в одну из четырех варн. Считаются, что они способны осквернить членов более высоких каст.

(25) Брамины (брахманы) – высшая варна, варна жрецов.

(26) Кшаштрии (раджпут) – одна из высших варн, варна правителей и воинов.

(27) Жан-Мишель Жарр – французский композитор, мультиинструменталист, один из пионеров электронной музыки, автор и постановщик грандиозных музыкально-световых шоу.

(28) Дамуазель (старофр.) – дама. Отсюда «мадемуазель» – моя дама.

= = = = = = = = = = ЭПИЛОГ = = = = = = = = = =

Комментарий к ЭПИЛОГ

Логика и обоснуй потребовали изменить последнее предложение в главе 31.

Если кто-то помнит предыдущую версию - забудьте)

– Недоумки они, дамуазель, огнекраба мне в зад! – отрезал месье Малфоа, поднимая глаза на девочку.

– Кто? – удивилась Мелисса.

– Да родичи ваши, кто же еще. Вы последняя из рода. Он угасает, не так ли? – уточнил Арман и, дождавшись ее неуверенного кивка, продолжил. – Неудивительно, что они пытались обезопасить вас с помощью этого ритуала.

Мелисса непонимающе нахмурилась, а потом до нее дошло: очевидно, учитывая ее возраст, Малфоа и мысли не допускал, что в данном случае донором является именно она.

– Хреново пытались, огнекраба мне в зад! Для начала это кастрированная формула. Серпом, – портрету, судя во всему, понравилась собственная грубоватая шутка, и он зашелся в хрипловатом смехе.

– И что осталось?

– Огрызок. Фитюлька, годная только на помочиться, – несколько секунд Арман продолжал веселиться, а потом, очевидно, сообразив, что собеседник для подобной фривольной беседы у него не слишком подходящий, слегка посерьезнел. – Вас защитили лишь от магического воздействия вроде волшебных ядов, болезней или проклятий. Напоят ли вас Уидосоросом(1), подарят ли одеяло умершего от драконьей оспы или приголубят Круцио – не суть. А вот магл с легкостью оправит вас к праотцам. И не важно, что он использует: мышьяк, удавку или нож в сердце. То же произойдет, если вы просто подавитесь рыбьей костью и вас вовремя не похлопают по спине.

– То есть ритуал разового действия?

– Да, разумеется, нет, огнекраба мне в зад! Все зависит от магического потенциала защитника. Кстати, волшебник, активировавший внешний круг вашего рунескрипта, должен быть весьма силен. Судя по набору рун, истинный первенец.

На какое-то время портрет вновь углубился в изучение рунной формулы, а потом, словно очнувшись, продолжил:

– Так вот, ритуал создает кровные узы, а по сути, энергетический канал. В случае опасности через него вы, как вампир, присосетесь к источникам магической и жизненной силы защитника и заберете лишь необходимое вам для сохранения жизни. Но если, например, в вас запустят Авадой, он, несомненно, умрет, а вы один раз удивите мир, – явно наслаждаясь произведенным эффектом, месье Малфоа пару

минут молча наблюдал за реакцией девочки, переваривающей информацию, а потом звонко хлопнул себя по лбу и радостно сообщил. – Ах да, запамятовал! Вас хотят убить!

– И… как… – горло Мелиссы неожиданно пересохло, и договорить она не смогла, но портрет понял ее вопрос по-своему.

– Весьма изящным способом… – он восхищенно поцокал языком и, на секунду задумавшись, неожиданно принялся рассуждать. – Ну, или не конкретно вас. Возможно, у вашего рода есть кровник. Но это не меняет главного. За вашу жизнь я не дам и ломаного ната.

– Нет, – девочка откашлялась и, взяв себя в руки, закончила вопрос, – я имела в виду, как вы это поняли?

– Тоже мне доказательство Ансельма Кентерберийского(2)! Обратите внимание на четыре руны, крестообразно вплетенные в огамический круг, – портрет подождал, пока Мелисса развернет к себе пергамент и найдет нужные знаки, а затем продолжил. – Они формируют дополнительный энергетический канал, классическим рунескриптом не предусмотренный. Внести подобные изменения мог только маг, проводивший ритуал.

Девочка внимательно смотрела на руннную формулу: очевидно, Малфоа говорил о тех самых рунах, которые активировал своей кровью Дамблдор.

– Значит ли это, – поинтересовалась она, осторожно подбирая слова, – что, если, как вы выразились, меня приласкают Авадой, через этот канал ритуалист получит доступ не только к моим источникам силы, но и защитника?

– Именно, огнекраба мне в зад! А если нападающий будет кровным родственником вам или вашему защитнику, то и к магической и жизненной энергии убийцы. Правда, потрясающе? Обновление и оздоровление организма, увеличение срока жизни и магического потенциала в разы и всего лишь три трупа! Вы знаете, я искренне восхищаюсь этой неизвестной мне расчетливой сволочью! Так что, дамуазель, – осклабился месье Арман, – готовьтесь к покушениям. До совершеннолетия вы не доживете!

Мелисса на мгновение зажмурилась, закусив губу, несколько раз глубоко вздохнула, а потом, волевым усилием вернув на лицо прежнее невозмутимое выражение, как ни в чем ни бывало поинтересовалась:

– Ритуал обратим?

– Можете повеситься, – пожал плечами Малфоа. – На пару с вашим защитником.

– Не логичней вздернуть ритуалиста?

– А смысл? – фыркнул Арман, задумчиво потирая подбородок. – Он явно намерил себе две жизни, так что, полагаю,

постарался обезопасить себя со всех сторон. Уж якорь-то у него должен быть наверняка. Может быть, хоркрукс. Или не освобожденный ритуалом созданный фамильяр.

– И что бы вы сделали на моем месте?

– Ритуал был создан для защиты последнего в роду. Как только появляется наследник, его действие прекращается. Так что на вашем месте я бы до первой крови сидел на заднице ровно. В спрятанном под Фиделиусом доме. А после сразу же вышел бы замуж и постарался как можно скорее понести, – усмехнулся портрет.

Представив себе беременного Армана Малфоа и никогда не виденного ранее, но не менее беременного Гарри Поттера, девочка раздраженно хмыкнула. Да, природа в этом вопросе была явно не на стороне Мелиссы, а идея, как заставить братца до семнадцати лет жениться и тут же осчастливить юную супругу, в голову почему-то не приходила.

– А на месте защитника? – неожиданно для себя спросила она у портрета.

Арман надолго задумался, прохаживаясь по портрету и негромко бормоча себе под нос, словно рассуждая сам с собой, а потом резко развернувшись, он посмотрел девочке в глаза и кивнул на пергамент с формулой, который она продолжала сжимать в ладони:

– Я бы нашел идиота, согласного отдать за меня жизнь.

***

– И что это означает? Я не знаток европейских рун. Предпочитаю вязь. Вот где изящество и мощь!

Халид отложил протянутый ему лист пергамента, а потом посмотрел на Мелиссу, отмечая ее искусанные губы, бледное лицо и покрасневшие глаза, наполненные слезами. Создавалось впечатление, что она провела ночь рыдая, вместо того, чтобы спать, как все порядочные люди.

– Это означает, – девочка замялась, а потом резко подалась вперед, словно бросаясь с разбега в ледяную воду, – что вам нужно искать себе другого ученика, пока не поздно.

– С чего вдруг? – арабский маг откинулся на спинку дивана, на котором сидел, и бросил быстрый взгляд на профессора зельеварения.

Снейп с момента, как Халид появился в подземельях, и слова не сказал: он традиционно расположился за своим рабочим столом, традиционно уставившись в книгу. Вот только казалось, что текста перед собой он попросту не видит. Похоже, его куда больше интересовала прочность гусиного пера, которое он так крепко стиснул в руках, что костяшки пальцев побелели.

– Я умру, – закусила губу девочка.

«Однако», – подумал Халид, а вслух заметил нейтральным тоном:

– Все когда-нибудь умирают.

– Я умру скоро, – Мелисса вытерла скатившуюся со щеки слезу.

Раздался треск. Отшвырнув благополучно сломанное на несколько частей перо, Снейп подскочил к девочке, схватил за шиворот и тряхнул, как нашкодившего кутенка, а потом зашипел ей в лицо, не хуже разозленной кобры:

– Да черта лысого ты умрешь! Один раз уже справились!

– Ну, два справимся! Ну, три! Надо просто смириться! Ты же не можешь жизнь положить на то, чтобы меня за руки держать!

– Могу, представь себе!

– Ну, конечно! Без сна и отдыха!

– Надо будет, я тебя с того света и сидя на ночном горшке достану!

Они орали друг на друга, уже не сдерживаясь, а в следующий момент холодный вихрь раскидал их по противоположным креслам, а Халид, оставив в сторону посох, который неведомым образом оказался в его руках, улыбнулся:

– Брейк, драгоценные мои! Семейную сцену отыграете без меня. А сейчас, поскольку мы с вами в одной лодке, мне хотелось бы подробностей.

Выслушав рассказ Мелиссы и замечания Снейпа, он какое-то время сидел молча, внимательно разглядывая рунескрипт, а потом вновь откинулся на спинку, усаживаясь поудобнее.

– Что ж, теперь структура мне ясна, несмотря на незнакомые знаки. Ритуалы, подобные этому, есть в любой развитой магической культуре. Чаще всего применяются в условиях войны или когда существует вероятность, что род может пресечься. Правда, в роли донора обычно выступает патриарх или матриарх рода. Никак не ребенок, не достигший и четырнадцати лет. В любом случае, – улыбнулся Халид, – не вижу повода для паники.

Он встал с дивана, взял в руки посох и посмотрел на Снейпа.

– Значит так, друг мой. Будь добр, запиши тот заговор сидов, которым ты смог остановить действие ритуала. На основе него попытаемся разработать артефакт аналогичного действия. Сразу работоспособный экземпляр не обещаю, тем более, что тебе, мой неожиданно нервный цветок, – Халид перевел взгляд на шмыгающую носом девочку, – придется заниматься его созданием лично. Но при должном старании за несколько лет ты наверняка справишься. Кроме того, завтра я пришлю тебе четыре мощных накопителя энергии. На каждую руку и ногу. Как только сделаешь

привязку на кровь, они станут невидимы. Носить не снимая! Артефакт будет завязан на них. И последнее. На солнцестояние проведем защитный ритуал, аналогичный этому.

– Верно, – в монолог вклинился Снейп. – Как я не додумался! Донором…

– Буду я, – перебил его Халид, подмигивая вскочившей с места девочке, и направился к камину.

Уже протягивая руку к летучему пороху, он вдруг обернулся и как бы между прочим поинтересовался у Мелиссы.

– Уксус(3)?

Девочка замерла с открытым ртом, а потом резко его закрыла, хмыкнула и покачала головой, словно расписываясь в собственном поражении:

– Я же не враг себе. Тональник. Цвет – слоновая кость.

– Ах ты, моя умница! – искренне восхитился араб и уточнил. – А слезы? Лук или вода?

– Магловская химическая промышленность не стоит на месте. Ментоловый бальзам(4), – ответила девочка, плюхнулась в кресло и в сердцах стукнула кулаком по подлокотнику. – Это что, было настолько очевидно?!

– О, нет. Просто у меня нюх на манипуляции. Многовековой опыт. А так, ты была прекрасна и чрезвычайно убедительна. Он поверил, – Халид кивнул в сторону остолбеневшего профессора зельеварения, переводящего взгляд с одного на другую. – Не волнуйся, все договоренности в силе, клянусь вечностью. Позволь последний вопрос, моя звездочка. Что бы было, если бы я не остановил благородный порыв этого рыцаря черпака и мензурки? Ты приняла бы его жертву?

– Никогда, – не задумываясь ни на секунду, ответила девочка. – Ни его, ни других дорогих мне людей.

– Похвальная преданность. А мою, значит, принимаешь с легкостью?

– Ну, во-первых, вам выгодно мое физическое существование. А во-вторых… Вы забыли сцену в Годриковой Впадине? Разочарую, у меня превосходная память. И если уж откровенно, я вас в свою жизнь не звала. Вы в нее насильно ворвались, знатно натоптали, вольготно в ней расположились и уходить, похоже, не собираетесь. А раз так – приносите пользу, – Мелисса, задрав подбородок, посмотрела арабскому магу прямо в глаза и пожала плечами. – Мы квиты.

– Вот теперь я уверен: в нужный момент ты будешь готова! Звезды никогда не ошибаются! – торжествующе улыбнулся Халид и исчез в зеленоватом пламени камина.

———————

(1) Уидосорос – магический яд. Был в одной из бутылочек, когда Гермиона решала загадку Снейпа на 1 курсе.

(2) Ансельм Кентерберийский – католический богослов, средневековый философ, архиепископ Кентерберийский (с 1093 г.). Один из основоположников схоластики. В трактате «Proslogion» (1077-1078 гг.) сформулировал онтологическое доказательство бытия Божия.

(3) Раньше, чтобы добиться «интересной» аристократической бледности, барышни пили слабый раствор уксуса. Не делайте так! Никогда не делайте так! Это очень вредно и опасно для желудка и пищевода!

(4) Лук или ментоловый бальзам, нанесенный на нижние веки, вызывают слезы, а закапанная в глаза вода создает их имитацию

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

Книга вторая: https://ficbook.net/readfic/4105710